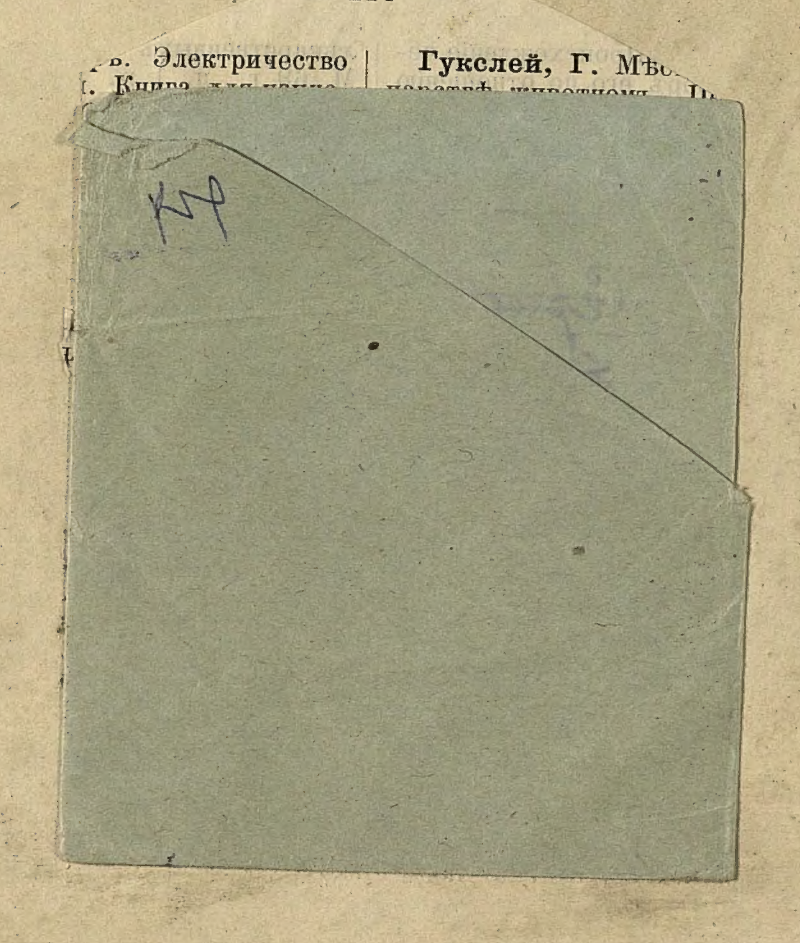
947
Е719
947
Е719
1867г

— 211 —

в. Электричество

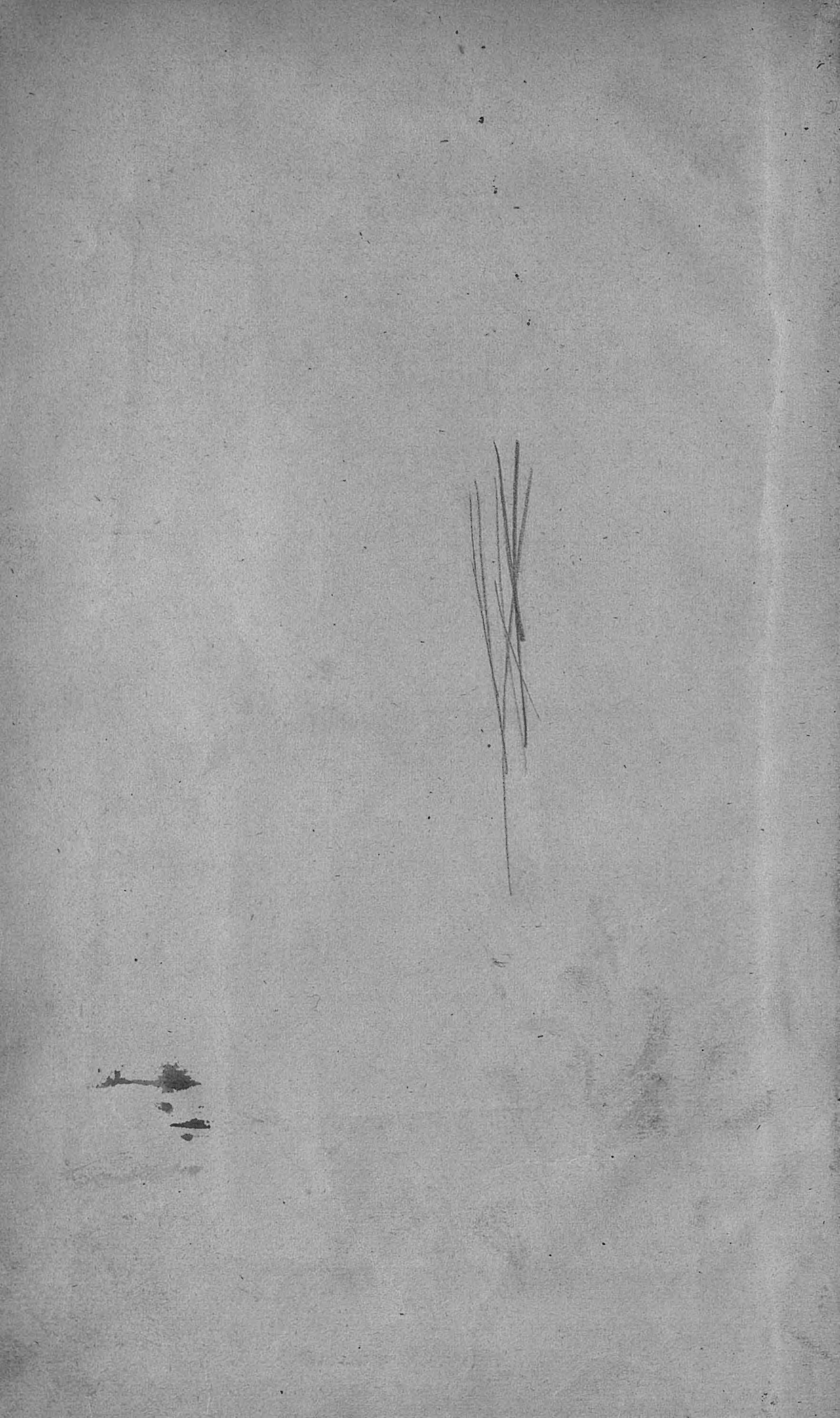
Гукслей, Г. Мѣс



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

24-29 | V 50

Колич. предыд. выдач



ИСТОРІЯ

О

ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ МОСКОВСКОМЪ,

КОТОРУЮ СОБРАЛЪ, ОПИСАЛЪ И ОБНАРОДОВАЛЪ

Петръ Петрей де Ерлезунда

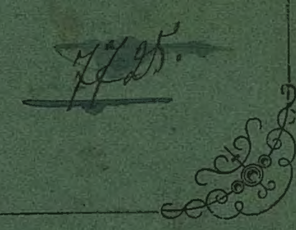
ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ 1620 ГОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

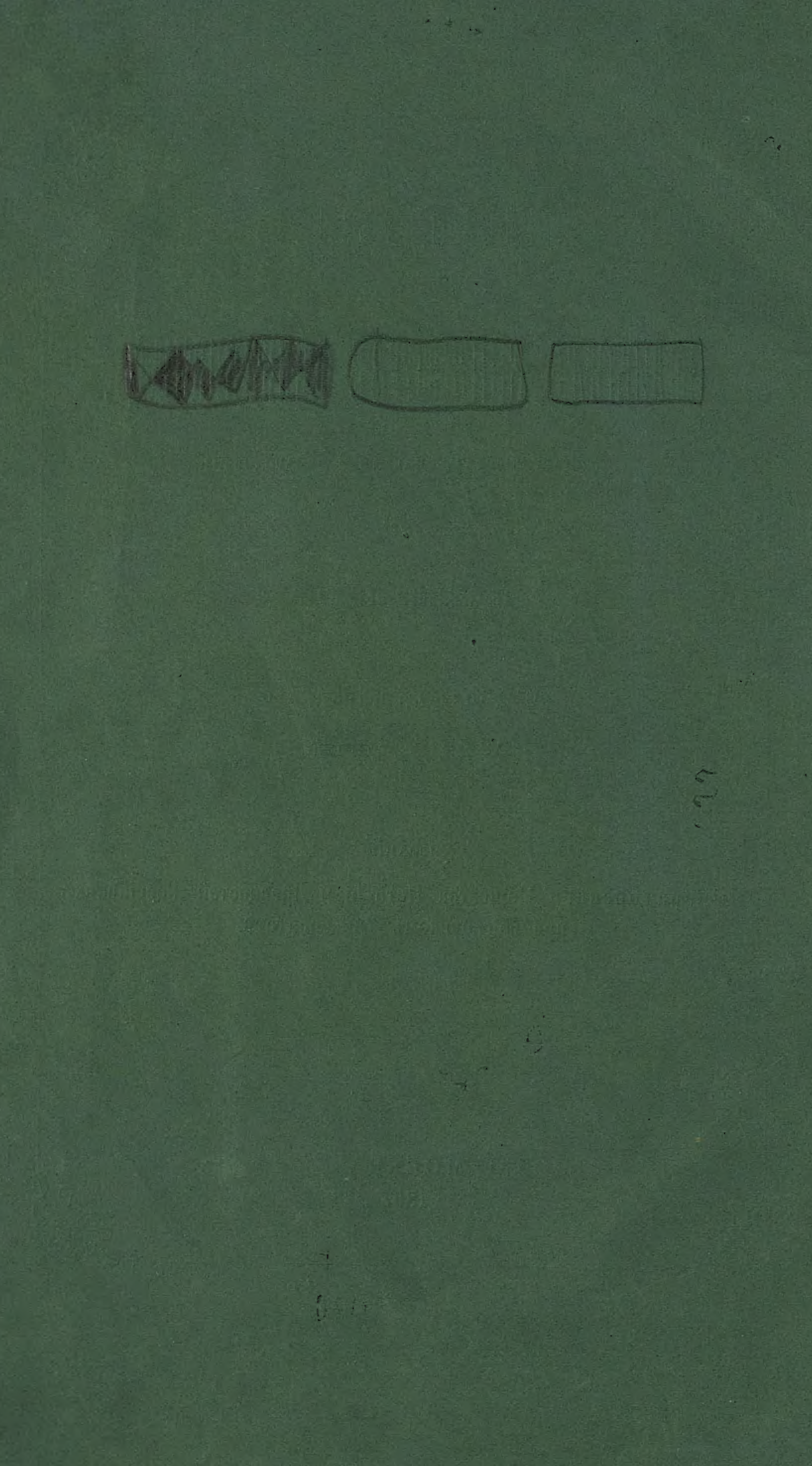
А. Н. Шемякина.

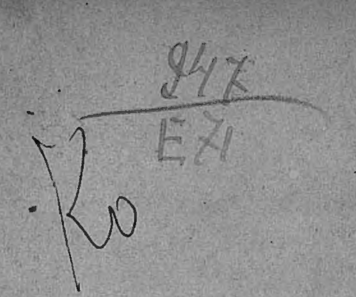
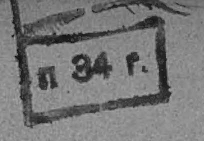
ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.



МОСКВА.
1867.



ИСТОРІЯ

О

ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ МОСКОВСКОМЪ,

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВЕЛИКИХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ,

НЕДАВНИХЪ СМУТАХЪ,

ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ТАМЪ ТРЕМЯ ЛЖЕДИМИТРІЯМИ,

И О МОСКОВСКИХЪ ЗАКОНАХЪ, НРАВАХЪ, ПРАВЛЕНІИ, ВѢРѢ И ОБРЯДАХЪ,

КОТОРУЮ СОБРАЛЪ, ОПИСАЛЪ И ОБНАРОДОВАЛЪ

Петръ Петрей де Ерлезунда

ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ 1620 ГОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Н. Шемякина.

Московская Областная Центральная Библиотека

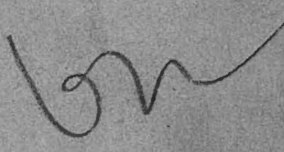
947
П30
Е719

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1867.



ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1865—67 г.

БИБЛIОТЕКА Е.К.ДЕРЯГИНОЙ БЫВШ. ВЯЗЬЕВЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Представляя вниманію публики сочиненіе Петрея, считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Первое, что, вѣроятно, удивитъ въ немъ читателей, это его безпрестанныя ошибки, какъ въ Русской исторіи, такъ и Географіи: просвѣщенные почитатели Русской старины, на которыхъ преимущественно разсчитывалъ переводчикъ, навѣрное, извинятъ автора иностранца и сами исправятъ его промахи; переводчикъ исправлялъ въ выноскахъ только самые рѣзкіе.

Далѣе встрѣтятъ въ немъ много знакомаго изъ Буссова, а особливо изъ Бера, на котораго иногда прямо ссылается и самъ Петрей. Писатели XVI-го столѣтія и раньше вовсе не чинились съ чужими произведеніями, и брали изъ нихъ полной рукой, ни мало не стѣсняясь нашими строгими понятіями о литературной собственности.

«Все наше, все себѣ беремъ» — было ихъ правиломъ.

Совсѣмъ тѣмъ переводчикъ позволяетъ себѣ надѣяться, что Петрей въ Русскомъ переводѣ напомнитъ любителямъ Русской старины многія, весьма любопытныя, вещи. Проживая въ Россіи въ разныя времена и имѣя много знакомыхъ между Русскими, Петрей слышалъ отъ нихъ, и потомъ передалъ бумагѣ, ихъ собственныя сказанія про Царя Ивана Васильевича IV-го, дѣла котораго описываетъ съ особенною подробностью. Такимъ образомъ онъ передаетъ намъ самое важное — взглядъ самихъ Русскихъ на

образъ дѣйствія ихъ грознаго Царя. Кромѣ того, его повѣствованіе едва ли не единственный источникъ для исторіи третьяго Самозванца, къ которому Петрей былъ посыланъ Карломъ IX.

Для подтвержденія, приведу мнѣніе о немъ покойнаго Аделунга: «Петрей, говоритъ онъ, по справедливости почитается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ по содержанію писателей касательно древнѣйшей исторіи и учрежденій Русскихъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ различное время многіе годы непрерывно провелъ въ Россіи, и здѣсь жилъ въ такомъ положеніи, которое доставляло ему въ собраніи наблюденій и извѣстій болѣе удобства, нежели другимъ. Особенно важны извѣстія, имъ сообщаемыя, относительно исторіи Великаго Князя Бориса и Лжедимитрія; тутъ онъ многое могъ говорить, какъ очевидецъ, а также объ образѣ жизни, нравахъ и привычкахъ Русскихъ того времени. Впрочемъ, не подвержено сомнѣнію и то, что онъ, именно при разсказѣ о событіяхъ вышеозначенной поры, не только пользовался рукописнымъ сочиненіемъ Конрада Буссова, своего современника и сослуживца, но и не въ одномъ мѣстѣ выписываетъ изъ этого сочиненія цѣлыя страницы, и, что особенно непріятно, ни разу не упоминаетъ объ источникѣ своихъ выписокъ. Въ отношеніи къ Сѣверной Исторіи и Географіи, особенно Сѣверныхъ областей Россіи, слѣдуетъ онъ главнымъ образомъ старику Герберштейну, и не только повторяетъ за нимъ на вѣру ошибки, очень простительныя у послѣдняго, но и нерѣдко умножаетъ ихъ число, въ слѣдствіе національныхъ предразсудковъ и недостаточнаго знанія Русскаго языка. Однако же, не смотря на все это, сочиненіе Петрея, какъ мы выше сказали, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ...» *

---

* Древнѣйшія путешествія иностранцевъ по Россіи, соч. Аделунга, перев. А. С. Клеванова, въ «Чтеніяхъ» 1863 года, кн. 3, стр. 145.

Въ предисловіи Петрей самъ сознается, что онъ не очень-то силенъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ. Это одно ужь указываетъ, какія затрудненія представлялись переводчику, особливо въ названіяхъ разныхъ предметовъ, принадлежащихъ Естественной Исторіи, промышленности, старинному Русскому быту. А на сколько онъ съумѣлъ одолѣть этѣ затрудненія, пусть рѣшатъ сами читатели.

Въ подлинникѣ заглавіе сочиненія, по обычаю того времени, очень длинно: переводчикъ извлекъ изъ него только существенное для своего перевода, а для желающихъ знать и оное, предлагаетъ сдѣсь его вполнѣ:

«Исторія и сказаніе

о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, съ его прекрасными плодоносными областями и Княжествами, крѣпостями, укрѣпленіями, городами, мѣстечками, изобильными рыбою водами, рѣками, рѣчками и озерами.

И о происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, ихъ княженіи, власти, великолѣпіи и славѣ, многоразличныхъ войнахъ, внутреннихъ междоусобіяхъ, до соединенія этой Русской страны въ одну Монархію.

О недавнихъ тамъ безпокойствахъ и смутахъ, произведенныхъ тремя ложными Димитріями, о заключеніи мирнаго договора между знаменитымъ Шведскимъ Королемъ и нынѣ владѣющимъ Великимъ Княземъ, о торжественныхъ при утвержденіи этого договора шествіяхъ Королевскихъ пословъ въ городѣ Москвѣ и Великокняжескихъ Русскихъ посланниковъ въ Королевскомъ городѣ Стокгольмѣ, также о Московскихъ законахъ, постановленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, жизни, управленіи, военномъ дѣлѣ, о свойствѣ Московской Вѣры и Богослужебныхъ обрядахъ, въ крат-

комъ и ясномъ повѣствованіи собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Эрлезунда.

Въ Лейпцигѣ, 1620 года.»

Наконецъ, переводчикомъ опущены разныя восхваленія на Латинскомъ языкѣ Петрея и его произведенія, числомъ 8-мъ, помѣщенныя между предисловіемъ и началомъ самаго сочиненія.

А. Шемякинъ.

8-го Ноября,
1865 года.
Владимиръ на Клязьмѣ.

СВѢТЛѢЙШЕМУ, ВЫСОКОРОДНОМУ,

КНЯЗЮ И ГОСУДАРЮ, ГОСПОДИНУ,

ІОАННУ ГЕОРГУ,

ГЕРЦОГУ САКСОНСКОМУ, ЮЛИХСКОМУ, КЛЕВСКОМУ И БЕРГСКОМУ, СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ АРХИМАРШАЛУ И КУРФИРСТУ, ЛАНДГРАФУ ТЮРИНГЕНСКОМУ, МАРКГРАФУ МИШЕНСКОМУ, БУРГГРАФУ МАГДЕБУРГСКОМУ, ГРАФУ МАРКСКОМУ И РИВЕНСБУРГСКОМУ, ГОСУДАРЮ РАВЕНШТЕЙНСКОМУ И ДРУГИХЪ,

СВѢТЛѢЙШЕМУ, ВЫСОКОПОЧТЕННѢЙШЕМУ, ВЫСОКОРОДНОМУ КНЯЗЮ И ГОСУДАРЮ, ГОСПОДИНУ

ХРИСТІЯНУ ВИЛЬГЕЛЬМУ,

ЧАСТНОМУ ПРАВИТЕЛЮ ПРИМАТСТВА И АРХІЕПИСКОПСТВА МАГДЕБУРГСКАГО, КОАДЪЮТОРУ ЕПИСКОПСТВА ГАЛБЕРШТАДТСКАГО, МАРКГРАФУ БРАНДЕНБУРГСКОМУ, ГЕРЦОГУ ШТЕТИНСКОМУ, ПОМОРСКОМУ, КАШУБСКОМУ И ВЕНДСКОМУ ВЪ ПРУССІИ, ГЕРЦОГУ КРОСНОВСКОМУ И ЕГЕРНДОРФСКОМУ ВЪ СИЛЕЗІИ, БУРГГРАФУ НИРЕНБЕРГСКОМУ, КНЯЗЮ РЮГЕНСКОМУ И ДРУГИХЪ,

также Свѣтлѣйшему, Высокородному, Князю и Государю, Господину

ВИЛЬГЕЛЬМУ,

ГЕРЦОГУ ЛИВОНСКОМУ, КУРОНСКОМУ И СЕМИГАЛЬСКОМУ,

моимъ всемилостивѣйшимъ и благосклоннымъ Государямъ.

Свѣтлѣйшіе, Высокородные Господа,

Милостивѣйшіе Государи!

Читаемъ въ 10-й главѣ книги Сираха, что «царство отъ языка въ языкъ преводится ради неправды и досажденія и имѣній льстивыхъ» (X, 8). Это согласно и съ Св. Пророкомъ Давидомъ, который говоритъ: «Да вѣдаютъ живущіе, что Всевышній имѣетъ власть надъ Царствами людей, даетъ ихъ, кому пожелаетъ, поставляетъ на нихъ и низшаго.» По справедливости, это дѣло Всевышняго не маловажно, если Онъ возстановляетъ и уничижаетъ, возвышаетъ и унижаетъ такія сильныя Царства, и въ одно мгновеніе караетъ и смиряетъ всякую неправедную власть, какъ бы ни возносилась она высоко.

Замѣчательный примѣръ тому въ недавнее время достаточно исполнился для насъ на Московскомъ Государствѣ, въ которомъ Государи и Великіе Князья согрѣшили своею гордостью, честолюбіемъ, междоусобіемъ, жестокостью и сладострастіемъ, и сколько ни считали себя непобѣдимыми, ихъ Царство было, однако жь, раздѣлено, ослабѣло, ввергнуто въ самое крайнее несчастіе и погибель ложными, самодѣльными Димитріями; нѣкоторыя его области, города и крѣпости достались иноземнымъ Государямъ, много невинныхъ душъ погибло при великомъ неустройствѣ, и все это не прежде успокоилось и прекратилось, пока не послѣдовало спасительнаго замиренія, о чемъ во всей полнотѣ и подробности можно узнать изъ этой лѣтописи.

Высоко ученые люди написали много томовъ и книгъ, большихъ и малыхъ разсужденій, о разныхъ земляхъ, Княжествахъ и Государствахъ міра, также объ ихъ правахъ, обычаяхъ, войнахъ, враждахъ, духовныхъ и свѣтскихъ обрядахъ: этѣ люди изъѣздили всѣ земли и мѣста, чтобы имѣть возможность передать о нихъ вѣрныя и полныя свѣ-

дѣнія. Но только немногіе изъ нихъ написали что ни будь о Великомъ Княжествѣ Московскомъ и его народахъ (не смотря на сильное желаніе и всевозможное усердіе къ этому дѣлу), кромѣ только кое-какихъ записокъ о томъ посланниковъ нѣкоторыхъ высокихъ особъ (описывавшихъ, однако жь, только то, что они видѣли и слышали въ провожавшихъ ихъ Русскихъ). Причиною же того, что Русская земля и ея области, съ ихъ правами, обычаями и исторіею, оставались неизвѣстными и какъ бы покрытыми мракомъ — тамошній законъ и обычай, по которому ни одному чужеземцу (кромѣ пословъ) не дозволяется ѣздить въ эту страну и путешествовать по ней, какъ водится въ другихъ краяхъ: попадавшій туда долженъ былъ оставаться навсегда въ тамошней службѣ; если же бы ему захотѣлось выѣхать изъ нея, его наказывали ужаснѣе убійцы, разбойника и преступника противъ Величества. Отъ того-то эта страна, большею частію, и неизвѣстна, что сами жители ея невѣжественный, грубый и варварскій народъ, иностраннымъ языкамъ не учатся, а только свой считаютъ первымъ и самымъ пріятнымъ въ свѣтѣ, и никого не допускаютъ любопытствовать о своихъ дѣлахъ и поступкахъ. Но я по какой-то судьбѣ попалъ въ ихъ области, не только 4 года выжилъ у нихъ и находился на службѣ Великаго Князя, но, кромѣ того, Свѣтлѣйшій и Державнѣйшій Король, блаженной памяти Карлъ IX и, сынъ Его Величества, Густавъ Адольфъ, нынѣ царствующій Король Шведскій, Готскій и Вендскій, Великій Князь Финляндскій, Герцогъ Эстляндскій и Карельскій, обладатель Ингерманландскій и мой всемилостивѣйшій Король и Государь, нѣсколько разъ посылали меня по весьма важнымъ дѣламъ къ Великому Князю, также и къ Шведскому Его Величества войску. Въ этомъ дальнемъ, не безъ смертельной опасности для меня, путешествіи я тщательно наблюдалъ и описывалъ ихъ вѣру и богослужебные обряды, правленіе, гражданское устройство, также всѣ ихъ правы, обычаи, занятія, ремесла и

торговлю, военные способы, равно изобиліе страны въ хлѣбѣ, скотѣ, дикихъ звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ, прекрасныя, текущія по ней, рѣки, ручьи и ключи, веселые лѣса и рощи, съ растущими въ нихъ разными деревьями, душистыми лугами и полями, населенные города и мѣстечки, сильныя крѣпости и укрѣпленія, недавно миновавшіяся войны и битвы между Шведами, Поляками и Русскими. Я положилъ себѣ вносить въ эту лѣтопись только то, что видѣлъ своими глазами, убѣдился въ его справедливости, узналъ по собственному опыту, а частію услышалъ и свѣдалъ отъ достойныхъ вѣроятія людей.

Сперва я написалъ и напечаталъ это сочиненіе на своемъ родномъ языкѣ для моихъ земляковъ и вовсе не имѣлъ мысли обнародовать его на другомъ языкѣ; однако жь, по неоднократнымъ просьбамъ и убѣжденіямъ иностранцевъ знатнаго и низшаго сословія, я принужденъ былъ, для общей пользы, напечатать это Московское произведеніе и по Нѣмецки, не въ видахъ большихъ похвалъ (по тому что я не слишкомъ силенъ въ Нѣмецкомъ языкѣ), а только съ тѣмъ, чтобы изъ вѣжливости исполнить многократныя просьбы и настоянія. По тому и надѣюсь, что лица высшаго и низшаго сословія, ученые и неученые, не станутъ негодовать на мой трудъ, о чемъ и обращаюсь къ нимъ съ моею покорною и усерднѣйшею просьбою, а напротивъ найдутъ его пріятнымъ для себя и угоднымъ. Вездѣ по всему свѣту носится молва, что Ваша Курфиршеская Милость и Ваши Княжескія Милости питаете большую привязанность и сочувствіе къ такимъ историческимъ извѣстіямъ и трудамъ.

По тому и желаю всеподданнѣйше посвятить, представить и поднести, мою лѣтопись, преимущественно предъ всѣми другими, Вамъ, моимъ милостивѣйшимъ Курфирсту Государямъ, во первыхъ, по тому, что мнѣ и моимъ землякамъ извѣстно и очевидно, что въ земляхъ, городахъ,

Курфиршествѣ и Княжествахъ Вашихъ Княжескихъ Милостей изучается, проповѣдуется и распространяется Слово Божіе въ чистомъ, ясномъ и неложномъ видѣ. Во вторыхъ, что Ваша Курфиршеская и Ваши Княжескія Милости всегда оказывали благосклонность къ моему народу разнообразными благодѣяніями, щедротами и благоволеніями, да и нынѣ изъявляете ее. Въ третьихъ, по тому, что Вы не только любители, Меценаты и покровители всякихъ доблестей, но и имѣете особенную привязанность, сочувствіе и вкусъ къ чтенію разныхъ повѣствованій и чужеземныхъ исторій. Въ четвертыхъ, по тому, что въ земляхъ Вашей Курфиршеской и Вашихъ Княжескихъ Милостей мнѣ не только благосклонно разрѣшено обнародовать эту исторію, но и безъ моего желанія и вѣдома всемилостивѣйше позволено напечатать ее. Наконецъ, я позволяю себѣ всеподданнѣйше заявить тѣмъ мое достодолжное уваженіе къ Вашей Курфиршеской и Вашимъ Княжескимъ Милостямъ, всепокорнѣйше и нижайше прося Вашу Курфиршескую и Ваши Княжескія Милости, чтобы Вы соблаговолили милостиво принять меня и мои Московскія извѣстія подъ Ваше покровительство и защиту и навсегда остались для меня милостивыми Курфирстомъ и Государями.

Поручаю себя высочайшему покровительству и защитѣ Вашей Курфиршеской и Вашихъ Княжескихъ Милостей, также Вашихъ любезныхъ Супругъ и юныхъ Принцевъ, при долголѣтнемъ Вашемъ и всѣхъ ихъ здоровьи и благополучномъ правленіи.

Вашей Курфиршеской и Вашихъ Княжескихъ Милостей
всенижайшій и всепокорнѣйшій

Петръ Петрей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ исторіи Московскаго Государства, изданной славнымъ мужемъ Петромъ Петреемъ.

До сихъ поръ не много нашлось людей, которые написали бы что ни будь достойное Исторической публики о Москвѣ, самой цвѣтущей части Европейской Сарматіи, изображаемой на географическихъ картахъ обширнѣйшимъ пространствомъ земли отъ Балтійскаго или Финскаго моря до Каспійскаго, а между тѣмъ Московскій народъ многочисленъ, велико его царство и славны веденныя имъ войны. По тому что существуютъ только кое-какіе отрывки подробнѣйшей Исторіи, написанной однимъ знаменитымъ Барономъ Герберштейномъ о Великихъ Князьяхъ и народѣ Московскомъ, его нравахъ, вѣрѣ, значительныхъ городахъ, качествѣ почвы и о другомъ, достойномъ знанія; — также Врачемъ Матвѣемъ Мѣховскимъ и Павломъ Іовіемъ (котораго есть прекрасная, очень ученая книжка объ опасностяхъ посольства къ Москвитянамъ) и нѣсколькими другими. Да и нельзя ожидать какой ни будь подробнѣйшей исторіи въ этомъ родѣ, такъ какъ всякія просвѣщенныя знанія изъ Московіи изгнаны, а пріѣзжимъ туда изъ чужихъ краевъ не дается ни власти, ни дозволенія свободно объѣзжать Московскія области, или наблюдать разные другіе предметы, необходимые для сочиненія вѣрной исторіи. При такомъ положеніи дѣлъ, знаменитый мужъ, мы по справедливости одобряемъ и дѣлаемъ извѣстнымъ твое необыкновенное трудолюбіе и стараніе, заявляемыя вышедшимъ нынѣ въ свѣтъ прекраснымъ твоимъ произведеніемъ о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, о лучшихъ его областяхъ, укрѣпленныхъ мѣстахъ, городахъ, крѣпостяхъ, рѣкахъ, болотахъ, очень пріятныхъ озерахъ, о Великихъ Русскихъ Князьяхъ, ихъ происхожденіи, могуществѣ, значеніи; далѣе о многихъ весьма жестокихъ войнахъ и о мирѣ, нынѣ

торжественно заключенномъ между сосѣдними, очень воинственными народами; потомъ о жизни, нравахъ, учрежденіяхъ, вѣрѣ Москвитянъ, и о прочемъ, принадлежащемъ по чему либо къ вѣрной исторіи многочисленнѣйшаго народа. Обширность самаго предмета и чрезвычайное разнообразіе описанныхъ происшествій уже достаточно показываютъ, сколько предстояло тебѣ труда и препятствій. Всего же болѣе благосклонное счастіе поблагопріятствовало твоему предпріятію, такъ какъ привелось тебѣ пожить въ томъ краю, свободно разъѣзжать по его обширнымъ областямъ, видѣть каждую изъ нихъ и сообщить свѣдѣнія о каждой отдѣльно, которыя и передашь потомству объ этомъ народѣ въ историческомъ видѣ, то есть, съ полною откровенностью.

По этой, или исключительно по этой одной, причинѣ, теперешнее твое произведеніе легко станетъ выше всякихъ другихъ сочиненій, написанныхъ о Москвитянахъ, по тому что многіе передавали бумагѣ не собственныя наблюденія и обозрѣнія, а слухи и разсказы. А какъ часто искажается истина при такомъ способѣ изложенія исторіи, тому можетъ служить примѣромъ уже одна исторія Плинія, большая часть которой, составленная на вѣру, заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ чрезвычайно хорошими вещами, иногда и странныя нелѣпости и явныя басни.

Но хоть ты сдѣлалъ славное дѣло, объяснилъ Московію, я, однако же, желалъ бы, чтобы ты имѣлъ возможность присоединить къ ней еще исторію другихъ сосѣднихъ народовъ, особливо по тому, что у тебя нѣтъ недостатка въ необходимыхъ средствахъ для такого труда. Убѣждаю тебя нашею дружбой принять на себя эту обязанность и трудъ для общей пользы, и отъ души желаю тебѣ здоровья и всякаго благополучія.

Прощай, и съ особеннымъ уваженіемъ поклонись отъ меня почтенному послу Свѣтлѣйшаго Короля, Г. Яну Рутгерсу, котораго превосходныя свѣдѣнія въ свободныхъ наукахъ и чрезвычайную привѣтливость недавно испытали мы за роскошнымъ столомъ.

Твой І. Фридрихъ,

Профессоръ языковъ и исторіи.

Лейпцигъ.
11-го Апрѣля, 1620 г.

ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ ЭРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА РОССІИ, ВЪ КОТОРОМЪ ЯСНО ОПИСЫВАЮТСЯ ГЛАВНѢЙШІЯ КНЯЖЕСТВА, ОБЛАСТИ, КРѢПОСТИ, ЗАМКИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ, ВОДЫ, ОЗЕРА, РѢКИ И РУЧЬИ, ТАКЖЕ, СЪ КАКИМИ РОССІЯ ГРАНИЧИТЪ ЗЕМЛЯМИ И ГОСУДАРСТВАМИ, И ОТКУДА ПОЛУЧИЛА СВОЕ НАЗВАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Слѣдуя по стопамъ древнихъ писателей, Трога Помпея, Аппіана Александрійскаго, Юлія Цезаря и другихъ, имъ подобныхъ, я намѣренъ, въ короткихъ словахъ, разсказать о землѣ Москвитянъ или Русскихъ, мѣстности ея и положеніи, о Государяхъ и Великихъ Князьяхъ, въ ней правившихъ, начиная съ трехъ Князей, Рюрика, Синеуса и Трувора, надобно полагать, родныхъ братьевъ, родомъ изъ Пруссіи, господствовавшихъ въ Россіи въ 752 году по Р. Х., до нынѣ царствующаго Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, избраннаго Москвичами въ 1613 году. Сначала опишу я землю Московскую, съ ея главнѣйшими городами, крѣпостями, областями, озерами, рѣками и рѣчками, а потомъ, такъ же коротко и въ строгой послѣдовательности, предложу объ ея Царяхъ и Великихъ Князьяхъ, сколько ихъ владѣло и правило ею, по извѣстіямъ подлиннымъ Русскихъ и другихъ иноземныхъ лѣтописей.

Россія къ сѣверу и востоку граничитъ съ Швеціею и Финляндіею, и есть Володимирія (Wolodimeria), встарину первое кня-

жество, бывшее въ титулѣ Великихъ Князей и лежащее въ 226-ти миляхъ отъ Выборга. Княжество, крѣпость и городъ называются такъ по имени Великаго Князя, Володимира, который основалъ его въ 928 году между двумя славными и далеко текущими рѣками, Волгою и Окою. Этотъ Князь прежде былъ Государемъ въ Новгородѣ, умертвилъ своихъ братьевъ и взялъ вооруженною рукою Кіевъ; городъ же Володимиръ былъ мѣстомъ жительства Русскихъ Великихъ Князей и средою главнаго управленія до временъ Даніила Михайловича, * перенесшаго оттуда столицу въ Москву.

Область Володимирская — очень красивая, плодоносная страна, изобилуетъ воскомъ, саломъ, скотомъ, пчелами, рыбой и хлѣбомъ, такъ что иногда отъ одной бочки сѣмянъ земля даетъ 12, 16, 18, а въ иную пору и 20 бочекъ зерна.

Москву сдѣлалъ Великокняжескимъ мѣстопребываніемъ и столицей Великій Князь Даніилъ Михайловичъ (Danilovv Michaelovvitz); она лежитъ почти въ самой срединѣ страны, во 190 миляхъ отъ Выборга; прежде была она не что иное, какъ деревня, принадлежавшая семейству Тахмаковыхъ (Tachmakow). Но какъ эта деревня лежала на рѣкѣ Москвѣ, то и городъ, и крѣпость, и страна получили отъ этой рѣки свое имя; а люди, жившіе въ окрестности, также и другіе, пришедшіе жить туда, стали называться Москвитянами. Это Княжество — вторая область въ титулѣ Великихъ Князей. На самомъ высокомъ мѣстѣ, посреди города, построена четвероугольная крѣпость изъ кирпичей и извести; у Русскихъ называется она иначе (Kremelina) и ограждена глубокимъ рвомъ и крѣпкою стѣною; возлѣ нея протекаетъ рѣчка Москва посреди города и въ шести миляхъ за Можайскомъ (Mosaiskovv) ** впадаетъ въ рѣку Оку. Съ четверть мили пути отъ города къ востоку течетъ другая рѣка, по имени Яуза (Jagusa) и протекаетъ городомъ отчасти къ сѣверу, отчасти къ востоку; на ней много водяныхъ мельницъ, сначала введенныхъ сюда и построенныхъ иностранцами; она впадаетъ въ рѣчку Москву. Съ сѣвера къ востоку течетъ въ Москву, возлѣ

---

* То есть, Ивана Даниловича Калиты, а Даніилъ — отецъ его, да и не Михайловичъ, а Александровичъ, сынъ Александра Невскаго, умершій въ 1303 году.

** Очевидное смѣшеніе города и разстоянія.

крѣпости, другая рѣчка, по имени Неглинная (Neglina), вытекающая изъ одного болота невдалекѣ отъ города; она проходитъ подлѣ крѣпостной стѣны, наполняетъ водою тамошній ровъ, а потомъ течетъ городомъ въ рѣку Москву. При устьѣ рѣки Неглинной тоже построена возлѣ крѣпости прекрасная мельница.

Къ югу отъ города вырытъ глубокій ровъ, въ которомъ Великій Князь обыкновенно держитъ львовъ, чтобы всякой, кому только угодно, могъ смотрѣть ихъ. У рва построена крѣпкая стѣна, въ 10 футовъ толщины, со множествотъ бойницъ и башенъ; между каждою башнею бастіонъ, тоже съ бойницами, да и вездѣ по стѣнѣ до самой земли внизу подѣланы отверстія, чтобы солдаты и военные люди могли стоять тамъ и обороняться длинными пиками, копьями, каменьями и другимъ оружіемъ, употребляемымъ при нападеніяхъ, приступахъ и покореніи городовъ. Ниже этой укрѣпленной стѣны построена еще другая, гдѣ находится множество большихъ пушекъ, тарановъ и разной величины мортиръ.

Посреди крѣпости дворецъ Великаго Князя, построенный изъ обожженныхъ кирпичей по Итальянскому образцу. Рядомъ съ этѣмъ дворцомъ живутъ Патріархъ, нѣкорые знатные люди и дворяне, толпы монаховъ, поповъ и звонарей. На ружейный выстрѣлъ отъ Великокняжескаго дворца, на большой и широкой площади, виситъ чрезвычайно большой колоколъ, вѣсомъ въ 336 центнеровъ, вылитый еще при жизни Бориса Годунова, по приказанію этого Государя; звонятъ въ него въ большіе праздники, также когда пріѣдутъ изъ чужихъ краевъ послы и будутъ допущены къ Великому Князю.

Въ крѣпости два значительныхъ монастыря: мужской и женскій, съ 5-ю церквами, построенными изъ обожженнаго кирпича: я видѣлъ ихъ своими глазами, самъ и считалъ. Самая главная — Святыя Троицы (Trinitatis), другая — Дѣвы Маріи (Mariae Virginis), третья Великокняжеская церковь, по тому что въ ней гробницы всѣхъ Великихъ Князей,* четвертая Михаила Архангела, пятая Св. Николая: всѣ онѣ выстроены красиво и искусно, обиты листовымъ желѣзомъ и позолочены хорошимъ золотомъ.

* И сдѣсь спутано.

Эта столица Москва раздѣляется на три части: первая называется на ихъ языкѣ Китай городъ (Kitaigorot) и обнесена толстою и крѣпкою стѣною. Въ этой части города находится чрезвычайно красивой постройки церковь, крытая свѣтлыми блестящи камнями и называемая Іерусалимомъ. Къ этой церкви ежегодно въ Вербное Воскресенье Великій Князь долженъ водить осла, на которомъ ѣдетъ изъ крѣпости Патріархъ, отъ церкви Дѣвы Маріи до церкви Іерусалима, стоящей передъ крѣпостью. * Тутъ же живутъ самыя знатныя княжескія, дворянскія и купеческія семейства. Тамъ же и главный рынокъ Москвитянъ и торговая площадь, выстроенная изъ кирпичей, въ видѣ четвероугольника, на каждой сторонѣ котораго 20 улицъ, гдѣ купцы имѣютъ свои лавки, погребки и лавочки.

На каждой улицѣ встрѣчаются особенные и разные товары, такъ что на одной изъ нихъ совсѣмъ не тѣ, какіе на другихъ. На одной можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какія только можно назвать; на третьей разнаго рода бархатъ, камка, атласъ и шелкъ; на четвертой серебряныя и золотыя вещи; на пятой жемчугъ, драгоцѣнныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; на шестой ихъ идолопоклонство,** кресты и образа; на седьмой узорчатые, шитые шелками, сапоги и башмаки; на осьмой драгоцѣнныя ткани, тесьма, рубашки, вышитыя золотомъ, серебромъ и шелкомъ, какъ женскія, такъ и мужскія; на девятой сабли, ружья, порохъ и дробь; на десятой разныя узды и всѣ принадлежности коннаго войска; на одиннадцатой разное готовое платье, суконное, полотняное и шелковое; на двѣнадцатой различные съѣстные припасы, начиная съ рыбы и мяса; также точно и дальше, такъ что на всякой улицѣ особенный товаръ.

Невдалекѣ отъ этой торговой площади, у Великаго Князя своя оружейная, въ которой можно видѣть разную военную утварь (munition), также большія и малыя пушки.

Другая часть этой столицы называется Большой городъ (Bolsoigorodt) или Скородомъ (Skorodom): она обнесена крѣпкими

---

* На оборотъ, отъ первой церкви къ послѣдней.

** Миръ праху твоему! — Мы не обижаемся.

каменными стѣнами въ 6 аршинъ толщины, съ укрѣпленіемъ наверху, четвероугольною башнею и раскатомъ (бастіономъ); на нихъ стоятъ пушки, употребляемыя при нападеніи непріятеля. Между каждою башнею 500 шаговъ. Тамъ же, при рѣкѣ Неглинной, протекающей городомъ, находится Великокняжеская литейная, гдѣ льютъ пушки и колокола. Вездѣ также встрѣчаются рынки лошадей, скота, зелени, хлѣбные магазины, мучныя и мясныя лавки. Тамъ живутъ также знать, купцы, попы, главные стрѣлки изъ Великокняжескихъ тѣлохранителей; ихъ больше 10 тысячъ, и все отборные, высокіе и сильные молодцы.

Третья часть или округъ этого города Москвы называется Стрѣлецкій городъ (Streletzagorodt) или Норбатъ (Norbat), съ сильнымъ деревяннымъ укрѣпленіемъ, три сажени въ объемѣ, наполненномъ каменьями, глиною, пескомъ и землею: оно круглое, съ высокими башнями, на которыя привозятъ пушки, когда приближается непріятель. Между каждою башнею 50 шаговъ, которыя измѣрялъ я своими ногами.

Здѣсь также живетъ до 10 тысячъ стрѣльцовъ изъ Великокняжескихъ тѣлохранителей, также разные ремесленники и простой народъ.

Нѣкоторые пишутъ, что Москва имѣетъ 9-ть Нѣмецкихъ миль въ окружности, а другіе пять, но это можетъ быть было прежде, пока еще не сожегъ ее Крымскій Татаринъ въ 1571 году; по словамъ и свѣдѣтельству самихъ Москвитянъ, городъ былъ гораздо больше. Но теперь онъ не болѣе 3-хъ миль въ окружности; въ этомъ могу я сослаться на многихъ правдивыхъ людей, изъ туземцевъ и иностранцевъ, бывавшихъ тамъ въ этѣ годы и видѣвшихъ городъ въ самомъ цвѣтущемъ его состояніи. Полагаютъ, и это слышалъ я также и отъ знатныхъ Русскихъ, что въ городѣ было до 416 тысячь дворовъ, хорошихъ и плохихъ. Церквей, монастырей и часовенъ внутри и внѣ города до 4500, однако жь ни одна не сравнится величиною съ самою меньшею изъ Нѣмецкихъ церквей, по тому что можно принять за правду, что въ иныхъ церквахъ едва помѣстится 5, или 6, человѣкъ; не встрѣчается также ни одной церкви, на которой не висѣло бы по крайней мѣрѣ 4-хъ, или 5-ти, колоколовъ, на другихъ даже 9, или

12, смотря по величинѣ церкви, такъ что, когда этѣ колокола зазвонятъ всѣ вмѣстѣ, поднимется такой звонъ, что никакъ нельзя разслышать другъ друга.

Въ городѣ встрѣчаются также большіе луга, порожнія мѣста, много деревьевъ и увеселительныхъ садовъ, занимающихъ довольно мѣста. Самъ Великій Князь имѣетъ три большихъ прекрасныхъ сада, съ разными деревьями и травами, и большой лугъ въ городѣ, возлѣ самаго дворца, дающій ему каждый годъ до 600 возовъ сѣна. Вездѣ большія и широкія улицы, такъ что могутъ ѣхать четыре телѣги рядомъ. Въ дождикъ всюду бываетъ такая слякоть и грязь, что никому нельзя выйти безъ сапоговъ, отъ того-то большая часть ихъ главныхъ улицъ имѣютъ деревянную мостовую.

Домы строятся у нихъ чрезвычайно высокіе, деревянные, въ двѣ, или три, комнаты одна на другой. Тотъ считается самымъ знатнымъ, пышнымъ и большимъ тузомъ въ городѣ, кто выстроитъ себѣ самыя высокія хоромы въ немъ съ крышкою надъ лѣстницею крыльца. Такіе домы особенно стараются строить богатые дворяне и купцы, хотя внутри этѣхъ домовъ и не много найдется такого, чѣмъ можно бы было похвастать. Кровли опускаютъ на обѣ стороны внизъ и кроютъ древесной корою, снятою съ березъ и сосенъ, также и другимъ плохимъ матеріяломъ, а доски приколачиваютъ желѣзными гвоздями.

У небогатыхъ и бѣдныхъ въ обыкновенномъ употребленіи курныя избы, точно также и у крестьянъ въ деревняхъ; когда топятся этѣ избы, никому нельзя оставаться въ нихъ отъ дыма, всѣ должны уходить оттуда до тѣхъ поръ, пока не прогоритъ огонь, а тогда входятъ опять въ избы, которыя теплы и жарки, точно баня. А знатные и богатые кладутъ у себя въ домахъ изразцовыя печи; строятъ также на своихъ дворахъ каменные домики и склепы, гдѣ сохраняется отъ пожара ихъ лучшее оружіе, домашняя рухлядь, платье и разные товары: этому научились они только нѣсколько лѣтъ назадъ у иностранцевъ, промышляющихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ ремеслами и торговлею. На дворахъ у нихъ строятся также и другіе покои, гдѣ живутъ и спятъ они въ жаркое лѣтнее время. У нѣкоторыхъ такіе большіе дворы, что на нихъ могутъ помѣститься 3, или 4, тысячи человѣкъ.

Нѣкоторые думаютъ и пишутъ, что въ Россіи не растутъ ни плодовитыя деревья, ни зелень: они грубо ошибаются и находятся въ заблужденіи, по тому что тамъ не только разводятся разныя деревья, но и сѣются всякія сѣмена, такъ что въ Россіи легче достать плодовъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, каковы, на примѣръ, яблоки, сливы, вишни, маленькія сливы, крыжовникъ, смородина, дыни, морковь, свекла, петрушка, хрѣнъ, рѣдька, редиска, тыква, огурцы, сѣрая и бѣлая капуста, лукъ чеснокъ, шалфей, ноготки, разныхъ цвѣтовъ фіялки, мирра, гвоздика, исопъ, маіоранъ, тимьянъ, базилика, перецъ и другіе подобные плоды, о которыхъ не считаю необходимымъ здѣсь разсказывать.

Близъ города Москвы лежитъ большая деревня, въ которой до 700 крестьянъ и ремесленниковъ: она называется Красное Село (Crasna cella); въ четверти мили пути отъ нея, на рѣкѣ Яузѣ, находится Нѣмецкая Слобода, гдѣ живутъ иностранцы, построившіе свою собственную деревянную церковь и отправляющіе въ ней свое богослуженіе; тамъ есть и Лютеранскіе проповѣдники, учители и глашатаи чистаго и неложнаго Слова Божія и совершающіе Таинства въ ихъ истинномъ значеніи. Въ этой же церкви покоится знаменитый и высокородный Князь, Герцогъ Іоаннъ, родной братъ Христіана IV, могущественнѣйшаго Короля Датскаго, къ великому сожалѣнію, принявшій блаженный покой во Христѣ въ 1603 году въ Москвѣ.

Въ 12-ти миляхъ отъ Москвы находится прекрасный и славный мужской монастырь, построенный изъ кирпича и называемый Троица (Trois): онъ имѣетъ большія богатства и доходы и можетъ ежегодно продовольствовать пищею и питьемъ 400 монаховъ съ ихъ прислугою и челядью. Два раза въ годъ ѣздитъ въ этотъ монастырь на богомолье Великій Князь со всѣми своими придворными: въ первый разъ на Воскресенье Св. Троицы, въ другой на Михайловъ день (Michaelis): подъѣхавъ на полмили къ монастырю, онъ выходитъ изъ коляски и идетъ со всею придворною челядью пѣшкомъ до монастыря, въ томъ мнѣніи, что творитъ тѣмъ большую службу святому человѣку, Сергію, чтобы онъ тѣмъ лучше и охотнѣе хранилъ его во всякой нуждѣ, соблюдалъ отъ всякой бѣды и напасти, помогалъ ему счастливо царствовать и даровалъ долгую жизнь.

Отъ этого Сергія монастырь получилъ и свое названіе, хотя онъ называется также и монастыремъ Св. Троицы, по тому что Великій Князь каждый годъ въ Троицыно Воскресенье долженъ ходить туда на богомолье, если не одержимъ болѣзнью и не занятъ войною, или другими нужными дѣлами.

Русскіе говорятъ объ этомъ Сергіѣ, что онъ былъ высокій и видный мужчина, велъ себя смѣло и богатырски на войнѣ, творилъ много чудесъ, знаменій и лежитъ еще свѣжій и нетлѣнный, какъ будто только вчера, или третьяго дня скончался, исцѣлялъ множество хромыхъ и слѣпыхъ, которые посѣщали его и прикасались къ его тѣлу. По тому-то и бываетъ тамъ большое стеченіе народа со всей земли, какъ бывало встарину въ Іерусалимѣ, да и нынѣ бываетъ у папистовъ. А я такъ думаю, что они получаютъ тамъ столько же помощи и утѣшенія, сколько получали тѣ, которые не призывали и не умоляли истиннаго помощника въ нуждахъ, строго повелѣвшаго чрезъ своего Св. Пророда Даніила призывать въ скорби Его одного, по тому что Онъ говоритъ: «Призови меня во время скорби, и Я спасу тебя, а ты прославишь Меня.*

Всякой разъ, какъ пріѣзжаетъ туда Великій Князь и во всю его бытность тамъ, монастырь долженъ снабжать его, со всѣми придворными, кушаньемъ и напитками, а лошадей кормить овсомъ и сѣномъ: монастырю легко это дѣлать, по тому что всѣ Великіе Князья, также знатнѣйшіе бояре и дворяне страны, жертвуютъ или завѣщаютъ, ему при своей кончинѣ много помѣстьевъ и крестьянъ, чтобы они оставались за нимъ на вѣчныя времена; по этому-то монахи могутъ имѣть изобильное содержаніе, но за то никогда не должны забывать молиться о душахъ завѣщателей и читать за нихъ «Отче нашъ». Всѣ проѣзжающіе мимо монастыря богатые ли они, или бѣдные, знатные, или простаго званія, горожане, или крестьяне, дворяне, или рабы, дѣлаютъ Святому подаяніе, каждый по своимъ средствамъ, чтобы не случилось съ ними какого несчастія въ дорогѣ.

---

* Это говоритъ Лютеранинъ.

Польскій полководецъ, Янъ Сапѣга (Sapia), осаждалъ этотъ монастырь съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, и ничего не могъ сдѣлать, а наконецъ былъ прогнанъ оттуда войскомъ Шведскаго Короля.

Изъ всего этого можно видѣть и понять обширность, крѣпость и населенность, также значеніе и важность, города Москвы, а по тому нельзя и не пожалѣть, что здѣсь будемъ описывать его внезапное паденіе и жалкій конецъ. Димитрій Второй, навязавшійся странѣ въ Великіе Князья и наслѣдные Государи, съ Польскою помощію и силами, держалъ Москву два года въ крѣпкой осадѣ: никто не могъ ни выйти изъ города, ни войти въ него. Послѣ того Москва освобождена была знаменитымъ и благороднымъ Господиномъ Яковомъ Де ла Гарди, Графомъ Лекскимъ, Барономъ Колькскимъ и Рунзскимъ, рыцаремъ вѣрнымъ, совѣтникомъ и главнымъ полководцемъ его Королевскаго Величества и Шведскаго Государства: онъ принудилъ вооруженною рукою Поляковъ снять осаду, бросить ее и отступить, чтобы безъ всякой опасности и препятствій ему можно было войти въ Москву со всѣмъ войскомъ; тамъ Великій Князь и его подданные высшаго и низшаго сословія сдѣлали ему отличный и пышный пріемъ, съ большими почестями и уваженіемъ, роскошно угощали его кушаньями и напитками и щедро одарили подарками, за его отважные рыцарскіе подвиги и освобожденіе Москвы отъ долговременной осады.

Пока этотъ Генералъ нѣсколько недѣль отдыхалъ въ Москвѣ съ подчиненнымъ ему войскомъ, Поляки опять оправились и, подкрѣпивъ себя нѣсколькими тысячами разнаго народа, пошли къ Москвѣ снова со всѣми своими силами и хорошо вооруженные. Узнавъ о томъ, Генералъ тотчасъ же смѣло выступилъ изъ Москвы и встрѣтилъ непріятеля у Клязьмы (Cleusma), въ шести миляхъ за городомъ Можайскомъ (Mosaiskovv): бились съ отвагой и мужествомъ, имѣли сильныя схватки, такъ что пало много храбрыхъ; когда же нѣкоторые конные и пѣшіе полки на Шведской сторонѣ замѣтили, что Москвитяне не хотятъ сражаться мужественно и ни сколько не подкрѣпляютъ Шведовъ, ихъ взяла досада: нѣсколько полковъ изъ Шотландцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ тотчасъ же, не подумавъ хорошенько, перебѣжали на Польскую сторону (о чемъ скажемъ дальше, во 2-й главѣ о Великомъ Князѣ); Русскіе пришли

отъ того въ ужасъ, трусливо обратились въ бѣгство, бросили Шведовъ и бѣжали въ Москву: это было на день Св. Іоанна Крестителя въ 1610 году.

Послѣ этой побѣды, одержанной Поляками, Де ла Гарди съ малымъ, оставшимся у него, отрядомъ, еще дорожившимъ своею присягою, честью и правдой, пошелъ къ городу Погрела (Pogrela), на Финской границѣ, подвергаясь на пути большимъ затрудненіямъ и смертельной опасности, а Станиславъ Жолкевскій (Solkousky), Польскій вождь, пошелъ подъ Москву, со всѣмъ войскомъ, которое опять получило подкрѣпленіе себѣ въ Русскихъ измѣнникахъ, Французахъ и Нѣмцахъ, и снова сильно осадило Москву съ одной стороны.

Кромѣ того, пришло еще извѣстіе изъ города Калуги, что Димитрій, не надѣясь, или не полагаясь, на помощь и подкрѣпленіе себя отъ знатныхъ Польскихъ пановъ, тоже выступилъ въ поле съ своими Русскими, Поляками, Татарами и Козаками, силою взялъ Пафнутьевскій монастырь, ограбилъ, перебилъ тамошнихъ поповъ и монаховъ, также и пятьсотъ стрѣльцовъ, посланныхъ туда изъ Москвы на выручку, и сожегъ монастырь. Москвитяне пришли въ великій ужасъ, что, едва только избавившись отъ долговременной осады, они опять будутъ осаждены двумя сильными непріятелями: тогда возстали и взбунтовались противъ Великаго Князя Шуйскаго три смѣльчака, по имени Захарій Ляпуновъ (Zacharias Lippenovv), Михаилъ Молчановъ (Michael Molzanek) и Иванъ Ржевскій (Iwan Resefski). Они тайно сговорились съ Польскими вождями и были теперь настоящіе Поляки въ душѣ, по тому нагло и смѣло вышли впередъ, громко кричали и вопили со слезами на глазахъ и жалобными движеніями о бѣдствіи и достойномъ сожалѣнія положеніи ихъ печальнаго отечества: «Оно точно овчарня, терзаемая и опустошаемая волками, бѣдные Христіяне гибнутъ и умерщвляются жалкою смертью, нѣтъ никого, кто бы вступился за нихъ, взялъ подъ свое управленіе, оборонилъ бы ихъ. Всѣмъ имъ хорошо извѣстно по опыту, что Великій Князь уже третій годъ какъ на царствѣ, и не имѣетъ ни счастья, ни благословенія, или побѣды, и все по тому, что тайными, хитрыми и плутовскими, продѣлками прокрался на царство. Сколько сотенъ тысячъ старыхъ и молодыхъ, дворянъ и недворянъ,

мущинъ и женщинъ, перешло изъ за него отъ жизни къ смерти! Кровопролитію и конца не будетъ, пока правленіе останется въ его рукахъ. Когда онъ или его братья вступали въ бой, или въ схватку, ихъ всегда побѣждали, а отъ того и страна приведена къ погибели, и подданные погибали. Военному положенію никогда и не кончиться, пока онъ будетъ на царствѣ. А чтобы ожидать постояннаго мира, всѣмъ быть единодушными и готовыми помогать и содѣйствовать общей пользѣ и благу отечества, для того надобно свести съ царства Великаго Князя съ его братьями, и всѣмъ сообща, съ согласія всѣхъ сословій, духовныхъ и свѣтскихъ, выбрать и поставить другаго Великаго Князя.»

Такая рѣчь не была не по мысли всѣмъ подданнымъ: они громко закричали, что совѣтъ хорошъ и надобно сейчасъ же его исполнить. Послѣ того выше названные дворяне велѣли рѣшительно всему народу бѣжать ко дворцу, вытребовать, или вызвать, оттуда бояръ и открыть имъ свое намѣреніе. Это тотчасъ же исполнено, и хотя не понравилось нѣкоторымъ высокимъ Князьямъ, боярамъ, попамъ и купцамъ, однако жь они не противились. Тогда народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячь, поспѣшно вбѣжалъ въ Великокняжескіе покои, захватилъ регаліи, спряталъ ихъ въ особенномъ мѣстѣ, перевелъ Великаго Князя изъ его пышной комнаты во дворцѣ на прежній его дворъ, выстригъ ему лысину, надѣлъ на него клобукъ и сдѣлалъ Князя отвратительнымъ монахомъ, противъ всякаго его желанія.

На другой день три главные мятежника назначили собраться за городомъ, съ неосажденной стороны, всѣмъ сословіямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, для совѣщанія о томъ, кто бы способенъ былъ въ Великіе Князья изъ большихъ бояръ и Князей страны. Межъ тѣмъ какъ они спорили о томъ между собою, нѣсколько человѣкъ вышли впередъ и сказали: «Въ высшемъ и сильномъ сословіи Князей страны, изъ котораго надобно выбирать Великаго Князя, нѣтъ никого, кто бы могъ похвалиться, что онъ способнѣе другихъ; всѣ они одного поля ягода, всѣ равны между собою саномъ, родомъ и мужествомъ; если выберемъ себѣ въ Великіе Князья кого ни будь изъ нихъ, его тотчасъ же не взлюбятъ другіе, станутъ ненавидѣть и тайно гнать. Никто не

станетъ слушаться своего ровни и быть у него въ подчиненіи, не то что уступать ему и сгибаться передъ нимъ.

А по тому и подумаемъ, не будетъ ли полезнѣе и благотворнѣе для всего отечества выбрать неизвѣстнаго намъ иноземнаго Государя, который, какъ высокородный Князь по отцу и по матери и не имѣетъ себѣ равнаго въ нашей землѣ, тому по праву мы всегда будемъ покорны.

Въ славной Римской Имперіи много храбрыхъ Князей и господъ, которые довольно способны на то, чтобы помочь намъ и нашему Царству; однако жь изо всѣхъ сосѣднихъ Государей нѣтъ пригоднѣе для насъ никого такого, кто бы лучше походилъ на насъ по языку, нравамъ, обычаямъ и платью, кромѣ сына Польскаго Короля, Князя Владислава, очень смѣлаго и чистыхъ нравовъ героя, Королевскаго сына по отцу и по матери. Если со всѣмъ смиреніемъ вручимъ ему наше Царство и землю, то будемъ имѣть миръ, согласіе и спокойствіе; если же выберемъ не его, а другаго, всегда будутъ у насъ безпокойства, несогласія и ссоры, и никогда не перестанетъ литься невинная Христіянская кровь.

А что касается Димитрія, Богу и всѣмъ извѣстно, что это плутъ, воръ, прельститель и обманщикъ, бывшій учителемъ въ Бѣлоруссіи: ему слѣдуетъ не вѣнецъ и скипетръ, а висѣлица да колесо. Если всѣ Государственныя сословія дадутъ на то свое согласіе и соизволеніе, мы хорошенько обдумаемъ, на какомъ уговорѣ или условіи давать ему (Владиславу) присягу, какъ нашему Великому Князю, а именно, чтобы онъ оставилъ насъ пользоваться всѣми обыкновенными нашими льготами, соблюдалъ и охранялъ всѣ обычаи и важность нашихъ уставовъ и обрядовъ, насъ и нашу Греческую вѣру, никого бы не приневоливалъ принимать другую, чужеземную, подданныхъ не обременялъ и не притѣснялъ новыми налогами и податями, а оставилъ бы все, какъ было при прежнихъ Великихъ Князьяхъ.

Что̀ бы здѣсь ни надумали и ни положили Господа Чины, мы надѣемся и желаемъ, что они сперва объяснятся съ нами объ этомъ.» Тогда всѣ закричали въ одинъ голосъ такъ, что раздалось по воздуху, что это мнѣніе хорошо и надо исполнить его, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Потомъ всѣ пошли въ городъ, въ пол-

номъ дружескомъ согласіи, тотчасъ же заключили перемиріе съ Поляками, осаждавшими съ одной стороны Москву, и отправили своихъ пословъ подъ Смоленскъ, къ Польскому Королю, Сигизмунду, съ покорнѣйшею просьбою, ради Бога вступиться за ихъ землю и пожаловать имъ въ Великіе Князья и Государи своего высокороднаго сына, Князя Владислава, на вышепомянутыхъ условіяхъ. Король далъ добрый отвѣтъ посламъ и отпустилъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ гонца къ стоявшему подъ Москвою полководцу, Жолкевскому, съ приказаніемъ и полномочіемъ вести по этому дѣлу переговоры съ Москвитянами, какъ онъ самъ найдетъ лучше и благоразумнѣе, и привести его къ концу: что онъ ни сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ, поклянется ли въ чемъ, дастъ обѣщаніе, или согласится на что, все это будетъ имѣть тотъ же вѣсъ и ту же силу, какъ бы сдѣлалъ и поклялся самъ Король, кромѣ только двухъ статей: во 1-хъ, чтобы Русскіе ни какъ не надѣялись, что его сынъ обратится и перейдетъ въ ихъ вѣру; во 2-хъ, онъ долженъ имѣть Польскій Дворъ и принимать въ службу, кого ему угодно, по тому что однимъ Русскимъ Король не хочетъ ввѣрить своего сына. Впрочемъ, Русскимъ останутся и будутъ сохраняемы ихъ вѣра, обыкновенные ихъ нравы, старинные обычаи и права; при сынѣ его они, можетъ быть, пріидутъ въ лучшее и цвѣтущее положеніе, нежели при своихъ прежнихъ Великихъ Князьяхъ.

Этѣ условія удовлетворили Москвитянъ: они были довольны. Обѣ стороны приняли присягу: Москвитяне обязались принять Князя Владислава, признать его своимъ законнымъ Государемъ и Великимъ Княземъ, быть ему вѣрными, преданными и покорными во всякомъ справедливомъ дѣлѣ, во исполненіе вышеозначенныхъ условій. Жолкевскій далъ клятву за Князя Владислава, что этѣ условія будутъ исполнены безъ всякой отмѣны и не смотря ни на какія препятствія, что Князь скоро явится къ нимъ въ Москву и приметъ Великое княженіе. Послѣ того Жолкевскаго съ сотнею человѣкъ ввели въ крѣпость: тамъ угощали его по Княжески и сдѣлали ему изъ казны пышные подарки. Въ ту же минуту Москвитяне вошли въ Польскій станъ, а Поляки въ городъ, покупали и продавали другъ другу, разговаривали и гуляли вмѣстѣ: великая радость, братство, дружба и согласіе были взаимныя.

А Димитрій, выступившій теперь изъ Калуги и взявшій Пафнутьевскій монастырь, получивъ этѣ вѣсти изъ Москвы, пошелъ туда и расположился у монастыря Колумницы (Columnitza); онъ узналъ о большомъ несогласіи между простымъ народомъ въ Москвѣ, и по этому случаю надѣялся лучше всего исполнить свои замыслы. Это было, однако жь, напрасно. Москвитяне каждый день дѣлали нападенія на его станъ и сражались храбро; онъ могъ видѣть, что теперь не время склонять и уговарить ихъ, чтобы они взяли его въ Великіе Князья себѣ, а по тому расположилъ такъ свое войско, чтобы, въ случаѣ нападенія Москвитянъ, его Козаки, Поляки, Нѣмцы и Татары сдѣлали на нихъ нападеніе со всѣхъ сторонъ. Такъ это и было. Онъ задалъ Москвитянамъ такого жестокаго страха и такъ побилъ ихъ, что они благодарили Бога, что вернулись опять въ городъ, и съ того дня не смѣли больше схватываться и сражаться одни съ нимъ, а получили для того нѣсколько сотенъ копейщиковъ отъ Польскаго полководца, Жолкевскаго. Этѣ всадники вступили изъ своего стана въ городъ, въ одни ворота вошли, а въ другія вышли, взявъ съ собой нѣсколько тысячъ Москвитянъ, и храбро всѣми силами подступили къ стану Димитрія. Замѣтивъ, что тутъ уже другое войско, вовсе не располагавшее шутить съ нимъ, онъ, съ оставшимися Козаками и Татарами, бѣжалъ съ большимъ срамомъ и посмѣяніемъ въ Калугу.

Благодаря этому случаю, Поляки съ каждымъ днемъ пробирались очень удобно въ городъ, до тѣхъ поръ, пока набралось ихъ до 6000 копейщиковъ и Нѣмецкихъ солдатъ.

Нѣмецкіе солдаты расположились въ крѣпости, имѣли въ своей власти порохъ, свинецъ, всѣ военные припасы и были въ числѣ 8000.

Поляки, которыхъ было 5000, расположились у самой крѣпости, въ Китай городѣ и Большомъ городѣ: это было досадно Москвитянамъ: они хотѣли бъ, чтобы Поляки были за городомъ, но ихъ ни какъ нельзя было выпроводить; видно, тамъ имъ было лучше и теплѣе, чѣмъ за городомъ, въ полѣ.

Димитрій, удалившись оттуда, былъ за городомъ Калугою убитъ Татарами на охотѣ (о чемъ упомянуто будетъ дальше, въ

другой книгѣ лѣтописи о Великихъ Князьяхъ). У Калужанъ не было теперь ни какого Государя: они отправили своихъ пословъ въ Москву, съ горькими сѣтованіями на свое великое несчастіе, обманы, неблагопріятныя обстоятельства и кровопролитіе, къ сожалѣнію, уже не перестающія нѣсколько лѣтъ, за ихъ великіе грѣхи, въ печальномъ ихъ отечествѣ, Россіи: всему тому причиною Димитріи, выдававшіе себя за природныхъ Князей и Государей страны; они-то ихъ, Калужанъ, все и вводили въ ссору и драку съ Москвитянами; теперь Калужане желаютъ помириться съ ними и заключить дружескій договоръ, только бы они выпроводили изъ города Польскихъ еретиковъ и нехристей, чтобы любезное отечество поуспокоилось и Христіянской крови не проливалось такъ много задаромъ. Это очень понравилось Москвитянамъ; они отвѣчали благодарностью и изъявленіемъ уваженія за то, что Калужане обратились, и при томъ убѣждали ихъ всегда быть постоянными, не отказываться и не затрудняться въ избраніи себѣ Государемъ и Великимъ Княземъ Владислава, для водворенія согласія и спокойствія въ ихъ жалкомъ отечествѣ.

Вмѣстѣ съ этѣмъ письмомъ они написали къ Калужанамъ другое тайное письмо такого содержанія, чтобы они ни сколько не опасались дать клятву и присягу Князю Владиславу, по тому что, благодаря этому средству, стихнутъ и устранены будутъ ссоры и смуты и соединятся всѣ области.

Но тѣмъ не менѣе они должны зорко смотрѣть за Поляками, имѣвшими помѣстья въ ихъ области и проживавшими у нихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, чтобы удобнѣе ихъ выжить и истребить, и разомъ очистить страну отъ невѣрныхъ еретиковъ. А Москвитяне найдутъ способы прибрать къ рукамъ всѣхъ Поляковъ въ Москвѣ, хоть они и одѣты въ кольчуги и шлемы, однако жь расплатятся и будутъ забиты до смерти кнутьями.

Послѣ этого объясненія Калужане обязались быть вѣрными молодому Польскому Принцу и думали своими клятвами обнадежить Поляковъ, чтобы они не слишкомъ осторожно держали себя, а отдали бы на волю судьбы, межъ тѣмъ какъ у нихъ, Русскихъ, былъ другой замыселъ, за что и поплатились они дорого. 26 Генваря, 1611-го года, Москвитяне собрались въ числѣ нѣ-

сколькихъ тысячъ и приступили къ Польскому полководцу, Жолкевскому, съ большими сѣтованіями и жалобами, что они каждый день терпятъ великія насилія и обиды отъ Польскихъ солдатъ: во время божественной службы эти смѣются и наругаются, позорятъ и безчестятъ ихъ Святыхъ, стрѣляютъ въ нихъ изъ пистолетовъ и ружей, бьютъ и тиранятъ ихъ братій, насилуютъ ихъ женъ и дочерей, и дѣлаютъ много другихъ безчинствъ въ ихъ домахъ; казна опустѣла; простолюдинъ голоденъ и голъ; каждый мѣсяцъ выходитъ большая сумма денегъ на 6000 солдатъ, поставленыхъ въ городѣ; Князь Владиславъ, котораго они взяли въ Великіе Князья, до сихъ поръ не приходитъ; они не въ силахъ выносить все это и намѣрены взять другія мѣры, по тому что на самомъ дѣлѣ узнали, что замыслы Польскаго Короля клонятся только къ тому, чтобы ихъ любезное отечество было разорено и опустошено, а не то, чтобы ему поправиться и прійти въ лучшее состояніе: это можно доказать тѣмъ, что онъ, по своему обѣщанію, не присылаетъ къ нимъ сына. Они безъ всякой боязни сказали полководцу Жолкевскому и его офицерамъ, чтобы они позаботились въ короткое время доставить къ нимъ Князя Владислава, а не то, пусть убираются изъ города по добру, по здорову; въ противномъ же случаѣ ихъ прогонятъ: они найдутъ и достанутъ жениха для такой дорогой невѣсты (Русской земли).

Жолкевскій, Королевско-Польскій полководецъ, далъ имъ ласковый отвѣтъ и усердно просилъ не затѣвать ничего злаго и не думуть о нихъ худо: у Короля теперь много дѣла въ его землѣ, и онъ самъ хочетъ провожать своего сына съ такою пышностью, чтобы Россіи и Польшѣ была отъ того честь и слава. Кромѣ того, онъ хочетъ сперва взять Смоленскъ, изстари принадлежавшій Польской Коронѣ, чтобы послѣ ему не спорить и не ссориться съ сыномъ изъ за этого города. Жолкевскій будетъ писать къ Его Величеству, чтобы сынъ его, по условію и обѣщанію, отправлялся сюда какъ можно скорѣе; а вмѣсто своего Государя, онъ будетъ править ими и защищать ихъ, не позволить своимъ солдатамъ нарушать правду, чтобы Москвитяне видѣли, что съ провинившимися въ чемъ ни будь бываетъ и расправа, по извѣстному ему мнѣнію Ксенофонта, который пишетъ: «Quod facilius sit cuivis, civitatis et Reipublicae statum mutare, quam tur-

batum et commotum in tranquillum restituere.» Тотчасъ же послѣ того Русскіе жаловались на одного Польскаго дворянина, который, въ пьяномъ видѣ, три раза выстрѣлилъ въ образъ Дѣвы Маріи, поставленный на городскихъ воротахъ. Просили строгаго наказанія ему, прибавля, что на этотъ разъ имъ довольно будетъ онаго и за всѣ другія обиды. Дворянинъ взятъ подъ стражу, на другой день осужденъ на смерть и приведенъ къ городскимъ воротамъ: обѣ руки его были положены на бревно, отрублены и прибиты гвоздями къ стѣнѣ подъ образомъ Божіей Матери, а потомъ въ тѣ же ворота вынесены и сожжены въ пепелъ на площади.

Когда это сдѣлано, Жолкевскій велѣлъ объявить чрезъ бирюча, что Принцъ вскорости прибудетъ въ Москву, такъ чтобы молились и просили за него Бога. Онъ строго приказалъ наблюдать правосудіе, оберагать и защищать Москвитянъ отъ насильственныхъ поступковъ и ни подъ какимъ видомъ не тревожить ихъ вѣры. Кто покусится на это, будетъ безпощадно наказанъ, какъ и было сдѣлано теперь предъ глазами всѣхъ: пусть возьмутъ это въ примѣръ себѣ своевольные Поляки, которые не хотятъ жить тихо и смирно. Это, по видимому, удовлетворило Москвитянъ.

Со всѣмъ тѣмъ Поляки были очень осторожны; они отчасти уже имѣли урокъ, что Русскимъ много вѣрить нельзя: у всѣхъ воротъ и на всѣхъ улицахъ содержали въ полномъ вооруженіи крѣпкіе караулы, днемъ и ночью, строго запретили всѣмъ Москвитянамъ носить какое ни будь оружіе, обыскивали всѣ сани и телѣги, въѣзжавшія въ городъ, не везутъ ли они ружей и сабель. Москвитяне очень дивились тому и спрашивали: «Къ чему это такой осмотръ?» Поляки отвѣчали, что дивиться тутъ нечего на нѣкоторую ихъ осторожность: они на чужой сторонѣ, да и, кромѣ того, ихъ небольшая кучка противъ такого множества сотенъ тысячъ: при этомъ у нихъ нѣтъ на сердцѣ ни какого зла, а Москвитяне днемъ и ночью думаютъ, какъ бы перебить и извести ихъ. Поляки не хотятъ заводить ни какой смуты и несчастья, да и начальники ихъ не приказывали имъ того; только бы сами Русскіе были смирны и не вчинали смятенія, а то Поляковъ имъ опасаться нечего.

4

56730
Центральн. библиотека

Это опечалило Москвитянъ: всего больнѣе для нихъ было, такъ что они чуть не лопнули отъ злости, что на сторонѣ Поляковъ были всѣ выгоды въ городѣ. Они повѣсили головы и говорили: «Это сбылось съ нами теперь; а что еще будетъ, когда понайдетъ къ намъ побольше плѣшивыхъ головъ? Они явно указываютъ намъ, какія имѣютъ на нашъ счетъ намѣренія, а именно, хотятъ владѣть и повелѣвать нами: надобно заранѣе отдѣлаться и предохранить себя отъ того. Мы выбрали Польскаго Государя, но не для того же, чтобы всякой паршивый Полякъ повелѣвалъ нами, а чтобы намъ, Русскимъ, каждому въ своемъ званіи, оставаться господами. Желаемъ всякаго благополучія Королю съ его сыномъ; если не хотѣлъ онъ тотчасъ прійти, такъ пусть посидитъ и за границей нашей земли: а мы больше не признаемъ его нашимъ Государемъ и Великимъ Княземъ; и если эти еретики вскорѣ не уберутся отсюда по добру, по здорову, то всѣ они околѣютъ, какъ псы; нужды нѣтъ, что всѣ выгоды на ихъ сторонѣ.

Нашихъ горожанъ, дворянъ и простаго народа 700 тысячъ: если они затѣютъ что ни будь не въ шутку, такъ понадѣлаютъ кое чего страшнаго.» Теперь Москвитяне стали смѣяться надъ Поляками, наругаться надъ ними, плевать имъ въ лицо; гдѣ бы они ни проходили, по городскимъ улицамъ, или на площади, Москвитяне плевали въ нихъ, злословили, проклинали ихъ, ругали псами и мошенниками, и говорили, что ихъ царствованью скоро настанетъ ущербъ и конецъ, если они добромъ не очистятъ города. Поляки должны были платить вдвое дороже Русскихъ за все, была ли это какая ни будь пустяшная вещь, или что изъ съѣстнаго, а не то — принуждены были уходить, не купивши: такъ злы и ожесточены были на нихъ Москвитяне.

Нѣкоторые разсудительные Поляки говорили имъ въ отвѣтъ: «Смѣйтесь и пересмѣхайте! Не умремъ отъ насмѣшекъ и плевковъ; мы довольно ужь переносимъ отъ васъ, и не затѣваемъ ни ссоры съ вами, ни кровопролитія, безъ важной причины; а если вы замышляете что ни будь безумное, смотрите, чтобы оно не пало на ваши жь головы, и вы не раскаялись бы въ томъ искренно!» Такъ и тѣ и другіе были не слишкомъ хорошаго мнѣнія другъ о другѣ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не произошло взрыва 13-го

Февраля, 1611. Въ этотъ день нѣкоторые Польскіе дворяне велѣли своимъ холопамъ купить для лошадей овса на хлѣбномъ рынкѣ (находящемся на Москвѣ рѣкѣ). Одинъ изъ этѣхъ холопей хорошо замѣтилъ, сколько денегъ платили Русскіе за мѣру овса. Онъ велѣлъ и себѣ отмѣрить нѣсколько мѣръ, и потомъ заплатилъ за каждую столько же, сколько и Русскіе; продавецъ не согласился на это и хотѣлъ взять вдвое противъ того. «Ахъ ты, блядинъ сынъ, сказалъ холопъ; развѣ не всѣ мы здѣсь въ городѣ люди одного Государя? За что же намъ платить тебѣ дороже Русскихъ?» Продавецъ не посмотрѣлъ на это, а только сказалъ: «Коли не хочешь заплатить за мѣру, сколько мнѣ надо, возьми свои деньги и оставь мой овесъ: ни одинъ Полякъ не купитъ у меня дешевле,» и поспѣшно пошелъ по улицѣ. Холопъ вынулъ саблю и хотѣлъ рубить его; въ это время подбѣжали другіе мучники съ большими и длинными кольями, заколотили до смерти трехъ Польскихъ холоповъ и подняли такой шумъ, что прибѣжалъ Польскій караулъ, стоявшій въ воротахъ и узналъ это происшествіе.

Когда Польскіе холопы увидали караульныхъ, они бѣгомъ побѣжали къ нимъ на встрѣчу, а за ними нѣсколько сотенъ Москвитянъ съ кольями и кнутьями въ рукахъ. Поляки кричали во все горло, что Русскіе уже троихъ изъ нихъ убили до смерти, не за что ни будь другое, а только за то, что они сказали, за чѣмъ Поляки должны платить за мѣру вдвое противъ Русскихъ. Тогда 12-ть солдатъ изъ караула прицѣлились въ такое множество Москвитянъ, застрѣлили ихъ 15 и разогнали весь народъ съ рынка.

Когда это стало извѣстно въ городѣ, пропасть народа сбѣжалось со всѣхъ улицъ, были очень недовольны, плевали въ Поляковъ за то, что они убили такъ много ихъ братьевъ; едва не поднялся страшный мятежъ въ этотъ же самый день, если бы полководецъ Жолкевскій не остановилъ и не отвратилъ его своею осторожностью и скромностью. Онъ вышелъ, искренно предостерегалъ ихъ отъ вреда и бѣды, и сказалъ: «Вы хвастаетесь, Москвитяне, что лучшіе Христіяне на свѣтѣ, а вовсе не боитесь Бога, по тому что всей душою ищете кровопролитія и не знаете ни стыда, ни совѣсти: только у васъ и думы, и заботы, какъ бы измѣнить клятвѣ, а того не подумаете, что Богъ накажетъ васъ когда ни будь. И правда, что это не пройдетъ вамъ такъ, вы увидите

на себѣ гнѣвъ Божій и почувствуете его крѣпкіе удары. Вы позорно убили столько собственныхъ своихъ Князей, добровольно выбрали себѣ въ Великіе Князья сына нашего Найяснѣйшаго Короля, присягнули и клялись ему. Ни какъ онъ не можетъ прибыть такъ скоро, какъ бы вы хотѣли; вы его и презираете, и смѣетесь надъ нимъ, зовете Государя отца его старымъ псомъ, а молодаго знаменитаго Принца-щенкомъ, тѣхъ, которыхъ Богъ на высочайшемъ небѣ поставилъ и назначилъ здѣсь на землѣ какъ бы боговъ и своихъ намѣстниковъ, вы презираете и позорите хуже и нахальнѣе вашихъ свиныхъ пастуховъ. Сверхъ того, вы ни во что ставите свою присягу, честь и правду, и больше не признаете ужь своимъ Великимъ Княземъ выше названнаго Государя, жалостно убиваете его людей, всячески наругаетесь надъ тѣмъ, которому вы добровольно присягнули, потомъ впустили насъ въ свою крѣпость, и мы спасли и защитили васъ отъ злѣйшаго вашего врага, Димитрія. Вы согрѣшили не передъ людьми и Великимъ Княземъ вашимъ, Владиславомъ, а передъ самимъ Богомъ, который не попуститъ смѣяться надъ собою. Вы надѣетесь и полагаетесь на свою силу и многолюдство, что васъ семь сотъ тысячъ, а насъ не болѣе шести. Но вспомните, что побѣда заключается не въ количествѣ или множествѣ людей, а только въ рукахъ Бога, который всегда помогаетъ правому дѣлу и даетъ побѣду точно также и малому ничтожному отряду, какъ и большому многолюдству, которое кичится своей великой силой и полагается на нее: это можно видѣть въ исторіи всѣхъ народовъ.

Подумайте, имѣете ли вы справедливую причину поднимать смятеніе и бунтовать: мы служимъ одному и тому же Государю, которому всѣ вы по наружности присягали, а заводите съ нами драку и войну: по дѣломъ вамъ достанется за это, и Богъ на небесахъ, во власти котораго все, накажетъ васъ и не поможетъ вашей строптивости. А навѣрное намъ пошлетъ Онъ на помощь своихъ святыхъ Ангеловъ и будетъ сражаться за малое наше войско, какъ и дѣлалъ Онъ часто.»

Русскіе дальше не могли слышать и выносить это, по тому что conscientia mille testes, перервали рѣчь полководца и съ гнѣвомъ сказали: «Вы для насъ не больше легкой закуски: намъ не нужно ни оружія, ни кнутьевъ, мы закидаемъ васъ до смерти на-

шими шапками.» — Милостивые Государи, отвѣчалъ Жолкевскій, и курицъ не закидать вамъ до смерти шапками, а не то что храбрыхъ, опытныхъ въ бою и хорошо вооруженныхъ солдатъ. Вы замучитесь, бросавши и въ 6000 курицъ; что же будетъ вамъ дѣлать съ 6000 вооруженныхъ и хорошо всѣмъ снабженныхъ всадниковъ и солдатъ? Прошу, предостерегаю и убѣждаю васъ, ради Христа, не затѣвайте кровопролитія! Начать его легко, трудно остановить и прекратить.»—«Да убирайтесь вы поскорѣе отсюда, сказали они въ одинъ голосъ, очистите намъ городъ нашъ и крѣпость!»—«Этого мы не можемъ сдѣлать по нашей присягѣ, сказалъ опять въ отвѣтъ Жолкевскій: не для того мы посланы сюда нашимъ Государемъ, чтобы бѣжать по своей, или вашей, волѣ; мы останемся здѣсь до его прихода.»—«Ну такъ, сказали они, изъ васъ въ короткое время никого не останется живаго.»—«Да будетъ милостивая воля Божія, отвѣчалъ Жолкевскій; все это въ Его власти, а не въ вашихъ рукахъ. Если вы затѣете что ни будь, да не приведете къ концу, такъ пусть Богъ помилуетъ васъ и вашихъ дѣтей! Я васъ довольно предостерегалъ, просилъ, уговаривалъ; мы примемъ всѣ мѣры предосторожности; если Богъ за насъ, такъ вы отъ насъ немного поживитесь.» Такъ они и разошлись: полководецъ поѣхалъ въ крѣпость, а Русскіе, съ ожесточеннымъ сердцемъ и упрямымъ духомъ, пошли домой.

Прошло послѣ того нѣсколько недѣль, а о пріѣздѣ Принца Владислава вовсе не было и слуховъ; толковали тайкомъ, что Король не хотѣлъ довѣрить сына вѣроломному и варварскому народу; отъ чего Москвитяне стали еще полоумнѣе и бѣшенѣе, особливо, когда Польскія власти потребовали у нихъ денегъ и провольствія: они не хотѣли ни давать, ни одолжать больше ничего, кромѣ пороху и свинцу. Пусть Поляки идутъ къ своему Государю и требуютъ съ него жалованья; позорными словами проклинали Московскихъ бояръ, которые особенно были на сторонѣ Поляковъ, какъ-то Михаила Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасова и нѣкоторыхъ другихъ; требовали выдачи ихъ, предателей Россіи, надѣлавшихъ своею великою ложью того, что Москвичи присягнули сыну Польскаго Короля.

Вдругъ забили барабаны, затрубили въ трубы, Поляки и Нѣмцы построились: это очень испугало Москвитянъ, и они тотчасъ

пустились вонъ изъ крѣпости. Но ихъ вбѣжало туда до 3000: они начинали уже шумѣть и заводить безпокойства, а солдаты собирались запереть ворота и дать залпъ по этѣмъ клятвопреступнымъ и вѣроломнымъ людямъ. Но этого не хотѣли имъ дозволить начальники: «На это будетъ еще время; когда Москвитяне первые начнутъ драку, тогда и они должны защищать себя и храбро биться; а отъ ругательствъ и проклятій никто еще не умиралъ; да если кто и повалится замертво отъ брани и проклятій, тотъ и отъ ослинаго п.....нья вскочитъ. Nam, nec crepitus asini, strepitus, nec obesse minarum possunt, qui moritur, sit miser ille, minis. Но если они захотятъ крови, кто ни будь изъ нихъ дотронется до нашего и будетъ бить его, тогда всѣ должны исполнять свой долгъ.» Такъ Русскіе и выбрались изъ крѣпости и не показывались больше въ тотъ день, изъ чего Поляки легко могли заключить, что они затѣваютъ что ни будь не доброе противъ нихъ. За то ни полководецъ, ни офицеры не хотѣли имъ позволить праздновать въ крѣпости наступавшее Вербное Воскресенье, как велось у нихъ изстари. Отъ того Русскіе еще больше разсердились и озлобились, обязались взаимною клятвою жить и умереть вмѣстѣ, если не позволятъ имъ праздновать въ крѣпости Вербное Воскресенье, какъ велось у нихъ всегда. Наконецъ имъ позволили это; однако жь Жолкевскій и подчиненные ему офицеры приняли всѣ предосторожности, чтобы этотъ день прошелъ безъ всякой смуты и ссоры, и Москвитяне ничего не могли бы затѣять, при всемъ ихъ стремленіи къ этому. Жолкевскій разъ разузналъ все, что намѣрены они были начать, именно вотъ что: когда нѣсколько тысячъ Москвитянъ впустятъ въ крѣпость для празднованія Вербнаго Воскресенья, они должны поднять шумъ и стрѣлять, по тому что подъ длинными платьями имъ можно будетъ спрятать ружья; тогда другіе Русскіе, находившіеся внѣ крѣпости и нарочно для того назначенные, завалятъ всѣ улицы и проулки большими бревнами, кольями, каменьями и дровами, чтобы помѣшать Полякамъ съ ихъ лошадьми поспѣть на помощь и выручку къ ихъ товарищамъ, бывшимъ въ крѣпости. Жолкевскій по тому и распорядился, чтобы ни одинъ военный человѣкъ не жилъ на краю города, а жили бы всѣ вмѣстѣ, возлѣ крѣпости, въ Китай городѣ, чтобы одни могли выручать другихъ, если услышатъ что ни будь неприличное о Москвитянахъ.

Когда Русскіе увидали и смекнули, что замыселъ ихъ открытъ, то пришли въ отчаяніе и ничего не затѣвали въ праздникъ. Но въ Понедѣльникъ, когда Поляки пировали и веселились въ крѣпости, Русскіе собрались ночью и совѣтовались, какъ бы получше имъ взяться за свое дѣло, чтобы сбѣжались не всѣ Польскіе солдаты, а только, которые жили близко другъ къ другу. Въ Середу утромъ они стали стрѣлять въ Поляковъ, ѣхавшихъ въ крѣпость, загородили всѣ улицы завалами и собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Узнавъ о томъ, Жолкевскій послалъ нѣсколько эскадроновъ конницы, чтобы остановить ихъ.

Но Русскіе не посмотрѣли на это, стрѣляли такъ смѣло, что валился и конь и всадникъ, и если бы въ тотъ день не было у Поляковъ 800 мушкетеровъ, изъ 5-ти тысячнаго ихъ войска осталось бы въ живыхъ не много. Москвитяне ободрились, увидавъ, сколько пало и побѣжало Поляковъ, кричали и вопили, такъ что раздавалось въ небѣ; къ тому же еще звонили въ такое множество колоколовъ: былъ ужасный гулъ, шумъ и гамъ. Тогда-то послано было изъ крѣпости 400 Нѣмецкихъ мушкетеровъ въ Большой городъ, на одну большую улицу, по имени Ruliski; она была съ полчетверти мили длиною и имѣла много переулковъ: въ ней укрѣпились до 7000 Русскихъ и наносили большой вредъ и уронъ Полякамъ.

Мушкетеры съ свѣжею храбростью напали на Русскихъ въ укрѣпленіи, и этѣ повалились, точно голуби и воробьи: на этомъ мѣстѣ съ цѣлый часъ слышны были ужасная свалка и стоны, военные крики Москвитянъ, звонъ такого множества колоколовъ, трескъ и грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ, свистъ и вой вѣтра: все это страшно было видѣть и слышать.

Солдаты не щадили ни молодыхъ, ни старыхъ, бѣгали точно лютые львы, или медвѣди, по улицѣ, одни вверхъ ея, другіе внизъ, кололи и рубили все, что ни попадалось имъ, точно собаки, отъ чего страшный крикъ Москвитянъ затихъ, они обратились въ бѣгство и спрятались, кто куда могъ. А когда совсѣмъ не стало слышно ружейныхъ выстрѣловъ, другіе Нѣмцы и Поляки, остававшіеся въ крѣпости, подумали, что всѣ мушкетеры побѣждены и убиты; они оробѣли, стали печальны. Но мушкетеры вернулись и смотрѣли свирѣпыми львами, или медвѣдями. Ихъ платье, руки и ору-

жіе всѣ были въ крови, много истребили они добрыхъ Русскихъ, а потеряли не больше 8-ми человѣкъ.

За рѣкою Неглинной опять поднялся чудовищный крикъ Русскихъ, которые укрѣпились тамъ и сильно били набатъ. Тѣ же солдаты напали и на нихъ: Богъ далъ счастье, что они и тамъ удержались и битыхъ два часа дрались съ Москвитянами, которымъ было больно и страшно.

Послѣ того и Русскіе собрались опять на другой большой улицѣ; но какъ мушкетерамъ пришлось наконецъ не подъ силу много бѣгать, носить тяжелыя ружья и столько часовъ къ ряду сражаться, стрѣлять, рубить и колоть, то Полковникъ и выслалъ нѣсколько ротъ копейщиковъ; но имъ неудобно было сражаться съ Русскими на лошадяхъ въ укрѣпленныхъ улицахъ, по тому они вездѣ и зажгли угольные, или крайніе, домы, отъ чего въ четверть часа цѣлая треть города была вся въ огнѣ. Чрезъ это Поляки получили ту выгоду, что Русскимъ почти невозможно стало защищаться отъ непріятеля: они должны были бѣжать, ушли изъ домовъ съ женами и дѣтьми, захвативъ съ собой что попалось второпяхъ, и спрятались, куда могли.

Китай городъ, часть Москвы, находившаяся возлѣ крѣпости, тоже сгорѣлъ въ этотъ день, со многими тысячами людей, погибшихъ то отъ меча, то застигнутыхъ пожаромъ. А по тому и всѣ площади и базаръ были устланы мертвыми, такъ что негдѣ было и ступить отъ множества труповъ; сверхъ того, Польскимъ солдатамъ досталась прекрасная добыча въ платьѣ, бархатѣ, шелкѣ, серебрѣ и золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ.

На слѣдующую ночь оставшіеся въ живыхъ Русскіе укрѣпились опять на другомъ мѣстѣ, близъ крѣпости, называемомъ Sartori и еще не сгорѣвшемъ въ прошедшій день. Другіе же Москвитяне, жившіе напротивъ крѣпости, по ту сторону рѣки Москвы, также построили укрѣпленіе и вынесли нѣсколько знаменъ, прогуливались другъ къ другу по льду съ одного берега на другой, съ своимъ лучшимъ оружіемъ, а нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ засѣли въ укрѣпленныхъ улицахъ, въ той надеждѣ, что Поляки сдѣлаютъ на нихъ нападеніе и приступъ издали, и направили, или навели, свои пушки на непріятеля. Лишь только замѣтилъ это

Подполковникъ Яковъ Маржеретъ (Maceret), онъ велѣлъ нѣсколькимъ мушкетерамъ выбѣжать изъ крѣпости рѣчными воротами по льду, такъ что они попали между двухъ непріятелей и могли подступить къ нимъ съ обѣихъ сторонъ, справа и слѣва. 12 ротъ конницы остановились на льду стеречь, не захотятъ ли какіе ни будь Русскіе перебраться съ лѣваго берега на выручку своихъ въ Sartori. Однако жь они оставались въ укрѣпленіи. А Маржеретъ все бѣжалъ къ укрѣпленію съ своими солдатами, до тѣхъ поръ, пока не вошелъ съ ними черезъ ворота, которыя Русскіе держали настежъ для своихъ товарищей, находившихся на другомъ берегу рѣки, а не для солдатъ; такъ они сами ввели себя въ обманъ, старались больше охранять укрѣпленіе, а ворота оставили безъ обороны. Отъ того-то Поляки напали теперь на всѣхъ рысяхъ, убивали всѣхъ, кто ни попадался имъ подъ руки и зажгли укрѣпленіе. Русскіе, бывшіе за рѣкою, упали духомъ: еще больше страха навело на нихъ то обстоятельство, что въ тотъ самый часъ, когда Поляки въѣзжали на берегъ и хотѣли разорять укрѣпленіе, прибылъ изъ города Можайска Панъ Струсь (Strossi), съ тысячью отборныхъ и хорошо вооруженныхъ всадниковъ, которые на всей своей волѣ разъѣзжали теперь по Москвѣ, жгли, грабили, убивали все, что имъ ни попадалось.

Нѣмецкіе солдаты тоже не тратили даромъ времени: прибѣжали изъ Sartori за рѣку Москву, зажгли укрѣпленіе и всѣ домы, къ которымъ могли подойти; теперь не помогли Русскимъ ни крики, ни вопли, ни набатъ: солдаты, порохъ и свинецъ, огонь и вѣтеръ, все было противъ нихъ, куда бы они ни побѣжали.

Оставшіеся спрятались въ монастыри и погреба; къ полудню не было уже ни какого сопротивленія, и не встрѣчалось ни одного Москвитянскаго ратника, который могъ бы обороняться. Ясно можно было видѣть, что Богъ наказалъ Москвитянъ за разные грѣхи и преступленія. Таковъ былъ страшный и грозный конецъ великаго и знаменитаго города Москвы: въ два дня все полегло прахомъ и пепломъ, кромѣ крѣпости и нѣсколькихъ монастырей, часовенъ и церквей, построенныхъ изъ камня, и городъ, съ 700-ми тысячъ жителей, которые могли употребить въ дѣло ружья и сабли, былъ разоренъ и разрушенъ до основанія малымъ отрядомъ изъ 800 Нѣмецкихъ солдатъ и 5000 Поляковъ.

Изъ сего легко увидѣть, какое огромное населеніе могъ вмѣщать въ себѣ этотъ городъ, по тому что такое множество вооруженныхъ жителей погибло отъ острія меча, не считая, сколько умерло и убито въ другіе годы, а этѣхъ послѣднихъ тоже было большое число; по сему и трудно согласиться съ извѣстіемъ Антонія Поссевина, что будто тамъ было не больше 30,000 народа.

Когда городъ сгорѣлъ, и Поляки не имѣли больше ни какой опасности отъ Москвитянъ, они только и дѣлали, что искали добычи, которую нашли въ большомъ количествѣ и очень богатую, такъ что не хотѣли и смотрѣть на ситецъ, полотно, олово, мѣдь, а только на деньги, серебро, золото, бархатъ, шелковыя матеріи, брильянты, золотыя вещи, жемчугъ, драгоцѣнные камни; многіе солдаты посдирали серебро и золото съ образовъ (Götter) въ церквахъ и монастыряхъ, и добывали того и другаго до 10-ти, 20 и 30 центнеровъ. Кто вышелъ въ разодранномъ и запачканномъ платьѣ, воротился назадъ въ крѣпость въ хорошемъ нарядѣ, въ дорогой шелковой одеждѣ разныхъ цвѣтовъ и красокъ. Такъ обыкновенно счастіе играетъ людьми: одного дѣлаетъ богатымъ, другаго бѣднякомъ, одного возвышаетъ, другаго унижаетъ, и справедливо можно сказать съ Менандромъ: «Fortuna, quam res vana, quam volibilis,» и съ Плавтомъ: «Actu fortuna solet mutarier, varia vita sit.» Никто не хотѣлъ пить пива, меда и водки, а одно Рейнское, Французское, Угорское, мальвазію и разныя цѣльныя вина, все безъ примѣси «(Lautertrank); въ погребахъ вдоволь найдено всякаго продовольствія: сала, масла, сыра, рыбы, муки, солоду, пшеницы, овса, хмелю, сельдей и другихъ подобныхъ вещей; солдаты въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ имѣли бы продовольствія, если бы, какъ слѣдуетъ, обходились съ этѣми припасами.

Начальники добыли въ крѣпости такое множество денегъ, что могли расплатиться съ войскомъ; многіе полагаютъ также, что Поляки между разными драгоцѣнными кубками, чашами, подносами, медалями и регаліями, цѣною въ нѣсколько боченковъ золота, получили семь Царскихъ вѣнцовъ и три скипетра съ однимъ жезломъ изъ цѣльнаго большаго единорога, чрезвычайно богато выложеннымъ и украшеннымъ прекрасными рубинами и алмазами. Солдаты изъ самохвальства заряжали ружья большими цѣнными

жемчужинами, величиною съ горошину, или бобъ, и стрѣляли на воздухъ, или въ цѣль. Вообще всего было много и вдоволь: Поляки кутили и бражничали, играли въ кости, распутничали постоянно: ни лаской, ни таской, нельзя было унять ихъ. Но Захарій Ляпуновъ (Lippenovv), одинъ изъ трехъ дворянъ, настоящій и главный виновникъ того, что Поляки вошли въ Москву, теперь, совсѣмъ напротивъ, долженъ былъ съ своими Козаками смирить надменность и своевольство этѣхъ Поляковъ. Спустя послѣ того 14 дней, онъ вошелъ въ Большой городъ съ нѣсколькими тысячами Русскихъ и осадилъ крѣпость; тогда Поляки съ большими опасностями должны были доставать себѣ съѣстное, по тому что въ крѣпости уже ни какихъ не было съѣстныхъ припасовъ, ни хлѣба, ни вина.

Каждый день бывали схватки между ними; въ крѣпости изъ 800 солдатъ наконецъ не осталось въ живыхъ и шестидесяти: голодъ едва не заставилъ ихъ очистить крѣпость, если бы одинъ разъ не снабдилъ ихъ съѣстнымъ и людьми Польскій Панъ, Янъ Сапѣга (Jan Sapia), въ день св. Іякова, а въ другой разъ Графъ Карлъ Хоткевичъ (Carolus Kotkovvitz), въ день св. Варѳоломея; это пособіе было, однако жь, не на долго: черезъ нѣсколько времени они принуждены были голодомъ сдать крѣпость и выбраться изъ нея.

Послѣ того, какъ Москвитяне опять овладѣли крѣпостью (кремлемъ), а Поляки изъ нея вышли, нѣкоторые города и области согласились между собою и выбрали себѣ другаго Великаго Князя. Проживавшая въ Калугѣ вдова Лжедимитрія, Марія Юрьевна (Maria Gorgona, Марина) была въ жестокой досадѣ, что не выбрали въ Великіе Князья сына ея отъ Самозванца, а по тому и взяла себѣ въ мужья одного Бѣлорусса, начальника надъ 2000-ми Козаковъ при Лжедимитріѣ, по имени Ивана Мартыновича Заруцкаго (Caruski), и сдѣлала его опекуномъ своего сына; онъ пріобрѣлъ большое значеніе у Калужанъ и Козаковъ и, благодаря своей расторопности, подчинилъ себѣ Казань, Астрахань, Рязанское Княжество, всѣ область въ Сибири, съ нѣкоторыми другими городами и владѣніями, довелъ ихъ до того, что они, ради Димитріева сына, присягнули ему въ вѣрности и покорности, клялись своею Христіянскою вѣрой не выбирать и не брать себѣ ни какого другаго Великаго Князя, обѣщались быть подданными и вѣрными слугами Заруцкаго, пока

молодой Государь не возмужаетъ. По тому-то Заруцкій, подкрѣпивъ себя нѣсколькими тысячами Козаковъ, разгуливалъ съ ними взадъ и впередъ по странѣ, въ тѣхъ мысляхъ, чтобы отъ имени сына Лжедимитрія покорить силою и привести подъ свою власть всю Русь, а другаго Великаго Князя, Михайла Ѳеодоровича, выбраннаго въ Москвѣ, выгнать, о чемъ и упомянемъ далѣе во 2-й книгѣ.

Мы говорили уже такъ много о пышности и великолѣпіи славной столицы Москвы, также и объ ея жалкомъ разореніи и погибели, что теперь можемъ уже перейти дальше, къ описанію другихъ городовъ и областей Россіи.

Нижній (Nisen) Новгородъ есть большое Княжество и область и лежитъ въ 100 миляхъ къ востоку отъ Москвы. Этотъ городъ тоже выстроенъ изъ дерева: крѣпость обнесена толстыми каменными стѣнами и лежитъ на высокомъ утесѣ: тутъ сливаются двѣ упомянутыя уже рѣки, Волга и Ока: одна протекаетъ съ одной стороны, другая съ другой, мимо крѣпости; городъ и крѣпость называются по имени страны. Это мѣсто, какъ и Володимирія, изобильно хлѣбомъ, скотомъ и медомъ, не такъ чтобы плохи и луга, только болѣе гористы и лѣсисты. Тамъ водятся дикія свиньи, всякая птица и разные звѣри.

Въ двухъ миляхъ отъ города находятся соляныя копи, недавно разоренныя Татарами. Но когда Москвитяне покорили Татаръ, соляныя копи опять приведены въ надлежащій видъ: на нихъ вываривается столько соли, что достаетъ ее на тамошнихъ жителей.

Въ 40-ка миляхъ къ востоку отъ Нижняго Новгорода лежитъ маленькая область, называемая Муромъ, имѣвшая прежде собственныхъ Князей и Гсударей, но нынѣ и городъ и крѣпость разорены и принадлежатъ къ Московскому управленію.

Въ 28 миляхъ къ западу отъ Нижняго Новгорода, гдѣ рѣка Сура отдѣляетъ Россію отъ Казанскихъ Татаръ, Великій Князь Василій выстроилъ, на берегу этой рѣки, при сліяніи ея съ Волгою, деревянный городъ съ крѣпостью, отъ нападеній и набѣговъ Казанскихъ Татаръ и другихъ народовъ, и назвалъ его Василь (Basiligorod).

Между этѣми городами живутъ два народа: одинъ называется верхняя Черемиса (Zeremisa superior), а другой Мордва, отдѣляетъ

же ихъ другъ отъ друга Волга, и они граничатъ съ Нижегородскимъ Княжествомъ.

Встарину они подвластны были Казанскимъ Татарамъ, но теперь платятъ дань Москвитянамъ разными мѣхами, какіе есть тамъ, на примѣръ, рысьими, куньими, волчьими, бѣличьими и горностаевыми, однако жь не больше, сколько надумаютъ сами, по доброй волѣ, по тому что Великій Князь не хочетъ притѣснять ихъ, чтобы они не сговорились съ другими Татарскими Князьями и не отпали отъ него, такъ какъ они сами могутъ выставить въ поле 20 тысячъ войска.

Въ этой странѣ не совсѣмъ-то хорошо растетъ хлѣбъ: жители мѣняютъ свои драгоцѣнные мѣха Русскимъ на хлѣбъ, водку, платье и сало. Въ лѣсахъ у нихъ водятся разные звѣри, птицы и въ изобиліи пчелы. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ домахъ, нѣкоторые въ полѣ, въ палаткахъ и хижинахъ и большею частію кормятся отъ своихъ стадъ. Женщины такъ искусны и ловки, что стрѣляютъ изъ луковъ, какъ мущины. Они пріучаютъ къ стрѣльбѣ и своихъ дѣтей сызмала, и не прежде даютъ имъ обѣдать, пока они не попадутъ въ поставленную для стрѣльбы цѣль или мету. Когда идутъ на непріятеля, вооружаются всѣ, и мужчины и женщины, которыя всегда встрѣчаютъ врага съ такою же храбростію и отвагой, какъ и мущины, стрѣляютъ назадъ и впередъ себя въ непріятеля, который и обращается въ бѣгство.

Въ религіи они слѣдуютъ Магометанскому ученію. Когда надо жениться ихъ дѣтямъ, у нихъ такой законъ или обычай: если кто хочетъ взять себѣ въ жены чью ни будь дочь, то отправляетъ за тѣмъ посла къ отцу ея, по ихъ закону, который гласитъ такъ: если въ три года или ранѣе онъ приживетъ съ чьей ни будь дочерью дѣтей, то беретъ ее въ жены, держитъ при себѣ до самой своей смерти, и не можетъ быть разведенъ съ ней, въ какую бы ни пришелъ крайность и нужду; когда же не приживетъ съ нею дѣтей въ три года, воленъ ее отпустить и прогнать отъ себя, и взять себѣ другую на ея мѣсто. Даже, если бы онъ и захотѣлъ оставить у себя такую, которая не родитъ дѣтей, этого не дозволятъ ему друзья: по ихъ закону, ему слѣдуетъ отпустить ее и выбрать другую. Женщинъ, покинутыхъ такимъ образомъ, ни-

кто не беретъ въ жены: ихъ презираютъ и считаютъ низкими женщинами.

Княжество Мордва тянется далеко на западъ, по рѣкѣ Волгѣ, и платитъ такую же дань Великому Князю, какъ и Черемиса. У нихъ одна вѣра и одинъ языкъ; они сходствуютъ и въ одеждѣ, въ нравахъ и ухваткахъ, только поля обработываютъ усерднѣе и живутъ въ лучшихъ домахъ, нежели Черемиса. Домашнее содержаніе и пищу получаютъ отъ скота, дикихъ звѣрей и птицъ, и продаютъ Москвитянамъ свои выдѣланные мѣха, также медъ, воскъ и сало, получая отъ нихъ за это все необходимое: муку, водку, сукно, соль и тому подобные товары. У нихъ свои собственные Государи и Князья, которые защищаютъ ихъ и правятъ ими; они платятъ имъ ежегодную дань, такъ же какъ и Великому Князю, разными красивыми мѣхами.

Когда понадобятся Великому Князю и онъ позоветъ ихъ, они приходятъ поспѣшно, въ числѣ столькихъ тысячъ, сколько онъ захочетъ.

Недалеко отъ Васильева города лежитъ Татарское Княжество Касимовъ (Cassinou); у жителей этой земли вѣра, языкъ, нравы, пріемы, постройка, подати и служба такіе же, какъ и у другихъ Татаръ, кромѣ того, что женщины у нихъ чернятъ на рукахъ ногти для украшенія, и ходятъ, не накрывая головы, съ распущенными волосами, какъ старыя, такъ и молодыя. У нихъ есть крѣпость и городъ, построенный изъ дерева, лежащій на рѣкѣ Мошкѣ (Moska) и называемый по имени земли Касимовымъ, а народъ называется Касимовскими Татарами.

На этомъ мы оставимъ области, лежащія отъ Москвы къ востоку, и будемъ описывать другія, находящіяся отъ нея къ западу, между которыми самая главная—Рязанское Княжество, лежащее между рѣками Окою и Дономъ и превосходящее всѣ другія плодородіемъ полей и изобиліемъ во всемъ нужномъ; въ немъ много мѣстъ для охоты и множество дичи. Жители никогда не удабриваютъ своихъ полей, сѣютъ, впрочемъ, ежегодно. Каждое высѣваемое зерно даетъ иногда два, иногда три, колоса; солома ростетъ такая густая и высокая, что когда лошади на силу продираются по ней, изъ нея вылетаютъ рябчики. Кромѣ того, много прекраснаго льну, меду, воска и сала. Городъ съ крѣпостью по-

строенъ изъ дерева и называется, по имени Княжества, Рязанью (Rezan); въ немъ живетъ и Епископъ, по богатству и изобилію въ деньгахъ и имуществѣ точно Московскій Князь. Тамъ лучшіе и храбрѣйшіе воины, жители самые ласковые и пріятные люди во всей странѣ. Охотно даютъ у себя ночлегъ странникамъ и чужеземцамъ. Встарину были у нихъ свои Князья, но нынѣ подвластны они Великому Князю.

Въ 1568 году эта область была огнемъ и мечемъ разорена до основанія злыми Татарами. Но Великій Князь тотчасъ же велѣлъ по всѣмъ мѣстамъ своей земли собрать и отправить туда великое множество народа, который долженъ былъ заново населить ее, по тому что она своимъ плодородіемъ беретъ преимущество надъ всѣми другими мѣстами, и Великій Князь ежегодно получаетъ съ нея большіе доходы.

Область Каширская (Cassier) лежитъ въ 28 миляхъ отъ Рязани и встарину была особеннымъ Княжествомъ, но теперь подвластна Великому Князю: городъ съ крѣпостью на берегу рѣки Оки, построенъ изъ дерева и по области называется Кашира (Cassir).

Серпуховъ (Czirpekovv) также городъ съ крѣпостью, построенный изъ дерева, и лежитъ къ югу, въ 18 миляхъ отъ Москвы, неподалеку отъ рѣки Оки.

Возлѣ Серпухова, въ 14-ти миляхъ на югъ отъ него, лежитъ сильная крѣпость, построенная изъ кирпичей, по имени Тула: Великій Князь Василій Ивановичъ построилъ ее каменную отъ Татаръ, на рѣкѣ Тулѣ, отъ которой и городъ и крѣпость получили свое имя.

Съ востока течетъ туда и другая рѣка, называемая Упа, и протекаетъ по срединѣ города. Этотъ городъ съ крѣпостью также имѣлъ своихъ собственныхъ Князей до временъ Ивана Васильевича, который привелъ его подъ власть Москвы. Въ 1607 году пришелъ изъ Путивля въ Тулу Князь Петръ Ѳедоровичъ, съ 1000 Козаковъ: онъ выдавалъ себя за побочнаго сына Великаго Князя Ѳедора Ивановича, и хотѣлъ помогать и идти на выручку къ дядѣ своему, Димитрію, противъ Великаго Князя, Василія Шуйскаго (Zuski), чтобы, если Димитрій возьметъ верхъ и опять станетъ цар-

ствовать, то далъ бы ему какое ни будь Княжество на содержаніе, по тому что Великій Князь Борисъ Годуновъ, во время малолѣтства Петра, тоже старался убить его, какъ и Димитрія, прогналъ его въ ссылку, и онъ долго влачилъ бѣдственную жизнь въ степи между Козаками. Но Великій Князь, Василій Ивановичъ Шуйскій, сморилъ его голодомъ въ крѣпости, и въ день Симона Іуды того же года взялъ ее, плѣнилъ Петра, отвелъ его въ Москву и велѣлъ тамъ повѣсить, какъ сказано будетъ дальше, во 2-й книгѣ. Во время самой сильной осады, когда никто не могъ ни выйти изъ города, ни войти въ него, Великій Князь Шуйскій въ полумилѣ отъ города задержалъ и запрудилъ рѣку Упу: весь городъ стоялъ въ водѣ, которая поднялась такъ высоко, что никто не могъ дойти къ другому, а надобно было плавать на челнокахъ и плотахъ. Между тѣмъ какъ голодъ и вода причиняли такое жестокое затрудненіе городу, пришелъ къ князю Петру одинъ старый монахъ и вызывался, если дадутъ ему 300 талеровъ, сдѣлать попытку къ спасенію и сорвать плотину, чтобы водѣ было свободно течь. Князь согласился заплатить ему. Онъ тотчасъ раздѣлся и прыгнулъ въ воду: съ этой минуты поднялся такой шумъ и гамъ въ водѣ, что всѣ дивились. Старикъ пробылъ съ полчаса подъ водою: думали, что ужь онъ провалился въ преисподнюю къ чорту. Однако жь онъ вышелъ опять: все лицо и все тѣло были у него исцарапаны и избиты до того, что не видать было живаго мѣста. «Не дивитесь, сказалъ онъ, что меня такъ долго не было: у меня было довольно работы: Шуйскій съ помощью 12,000 чертей насыпалъ эту плотину и запрудилъ рѣку. Мнѣ надобно было жестоко биться съ ними; это вы и видите на моемъ тѣлѣ. 6000 я одолѣлъ и привелъ ихъ на нашу сторону, но другіе такіе злые и яростные, держатъ плотину до смерти крѣпко и сильно, такъ что я и не могъ совладать съ ними.»

При концѣ рѣкъ Тулы и Упы лежитъ маленькій городокъ, построенный изъ дерева, по имени Одоевъ (Odoliovv), а въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него къ югу, находится другая деревянная крѣпость, по имени Мценскъ (Mscenech), на болотѣ: туда убѣгаютъ съ поля крестьяне, когда узнаютъ, что близко Крымскій Татаринъ.

На рѣкѣ Окѣ лежитъ Калуга, деревянный городъ, богато населенный простымъ народомъ и ремесленниками, и исправляетъ

свои повинности въ пользу монаховъ Троицкаго монастыря, въ 36 миляхъ отъ Москвы, гдѣ погребенъ Св. Сергій.

Въ этомъ городѣ имѣлъ свое пребываніе Димитрій Второй и бывалъ часто и напрасно осаждаемъ Великимъ Княземъ, Василіемъ Шуйскимъ; потомъ Иванъ Болотниковъ (Polutnich) такъ сильно укрѣпилъ это мѣсто тыномъ и рвами, что Шуйскій ничего не могъ сдѣлать.

Подъ этѣмъ же городомъ и убитъ Татарами Димитрій Второй и положенъ въ церкви въ крѣпости. Тамъ дѣлаются лучшія Русскія сѣдла и разная посуда, искусно выточенная изъ дерева и покрытая лакомъ.

Въ 12 миляхъ отъ Калуги лежитъ деревянный городокъ съ крѣпостью, по имени Козельскъ (Caselski), гдѣ дѣлаются прекраснѣйшія войлочныя накидки изъ шерсти разныхъ цвѣтовъ.

Воротынскъ (VVorotin) также область, и въ ней городъ съ крѣпостью на рѣкѣ Окѣ, въ трехъ миляхъ отъ Калуги. Родъ Воротынскихъ получилъ отъ нея свое названіе; имъ всегда бывала жалована эта область, чтобы они всегда были наготовѣ къ бою съ Крымскимъ Татариномъ, когда онъ сдѣлаетъ набѣгъ на страну.

Но когда, въ 1521 году, Иванъ Воротынскій потерялъ въ бою много людей, обращенъ въ бѣгство Татарами, взятъ въ плѣнъ и умеръ въ плѣну, тогда Княжество снова поступило подъ власть Великаго Князя.

Сѣверія большое и плодородное Княжество и всегда имѣло своихъ Князей и царствующихъ Государей. Но Великій Князь Василій Ивановичъ взялъ всѣхъ его Князей въ плѣнъ, а крѣпости покорилъ Москвѣ. Вдоль и въ ширину оно простирается отъ Днѣпра (Neper) до города Мценска (Mscenech), на 150 миль: въ немъ большіе густые лѣса и кустарники, наполненные дикими звѣрями, горностаями, куницами, зайцами, лисицами, медвѣдями и волками, но также и полезными дикими пчелами.

Тамъ богатые и сильные города и крѣпости, каковы: Рыльскъ (Rilski), Кромы (Krom), Орелъ (Arol), Брянскъ (Brantschavv), Осиповъ (Osippovv), Стародубъ (Stavvadub), Новгородъ (Novigorodt),

Путивль (Putivvol), Черниговъ (Czernigo), который не дальше 30 миль отъ Кіева. Въ городѣ Новгородѣ всегда жили Князья и правители.

Можайскъ (Mosaiskovv) встарину также былъ Княжескимъ мѣстопребываніемъ, когда въ Россіи правили многіе Князья и Государи, а теперь онъ красивый городъ съ крѣпостью, выстроенный изъ дерева на веселой и прекрасной мѣстности, въ 18-ти миляхъ пути отъ Москвы. Великій Князь обыкновенно тамъ проводитъ лѣтнее время, чтобы позабавиться охотою съ собаками и съ ружьемъ. Въ крѣпости находится образъ Св. Николая, который содержится въ большой чести и богато украшенъ драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ и золотомъ. Когда Великому Князю надо бываетъ воевать, онъ ходитъ туда въ Николинъ день и жертвуетъ Святому большіе дары и подаянія, чтобы онъ послалъ ему побѣду надъ врагами.

За Можайскомъ, въ 18-ти миляхъ отъ него, слѣдуетъ деревянный городъ Вязьма (Vvesmo) съ крѣпостью, а дальше, въ 18-ти миляхъ оттуда, городъ и крѣпость Дорогобужъ (Dorogabus). Въ полумилѣ отъ Вязьмы течетъ въ Дорогобужъ рѣчка Cizou и впадаетъ въ Днѣпръ у Смоленска. По этой рѣкѣ можно плавать на паромахъ и лодкахъ изъ Вязьмы въ Днѣпръ, туда и обратно, отъ чего бываетъ большая прибыль купцамъ.

Область Смоленскъ (Schmolenschovv) также прекрасное и знаменитое Княжество и прежде было пограничное между Литвою и Россіей; того же имени городъ и крѣпость укрѣплены толстою и твердою стѣною болѣе 10 аршинъ высоты, такъ что нельзя и взять его приступомъ. Въ окружности будетъ онъ съ добрую милю.

Посреди города, возлѣ крѣпости, течетъ рѣка Днѣпръ. Городъ очень населенъ купечествомъ и простымъ народомъ, лежитъ въ 80 миляхъ отъ Москвы и прежде принадлежалъ Польской и Литовской Коронѣ. Москвитяне осаждали его нѣсколько разъ, чтобы овладѣть имъ вооруженной силой, но всегда счастье не везло имъ, и они не могли взять его. Наконецъ, одинъ опытный въ военномъ дѣлѣ человѣкъ, по имени Михайло Глинскій, принужденный за какія-то продѣлки бѣжать изъ Литвы въ Москву, получилъ отъ Великаго Князя приказаніе осадить и взять Смоленскъ. Глинскій вооружился мужествомъ и осадилъ городъ, съ сильнымъ

огнестрѣльнымъ снарядомъ. Но увидавъ, что ничего не возьметъ своей сильной осадой, страшною артиллеріей и войскомъ, онъ затѣялъ лукавые происки и прибѣгнулъ къ денежной наукѣ: подкупилъ солдатъ гарнизона и, благодаря тому, легко взялъ этотъ богатый и храбрый городъ въ 1514 году, 30-го Іюля. До сей поры онъ находился подъ властію Москвитянъ, но Іюля 11, 1611 года, счастье повернулось. Тогда Король Польскій, Сигизмундъ III-й (Sigismundus tertius), нанесъ у этого города большой вредъ Москвитянамъ, на другой годъ осадилъ его съ 20-ти тысячнымъ войскомъ и взялъ, вмѣстѣ съ крѣпостью, только не приступомъ, а голодомъ и болѣзнью, по случаю недостатка въ хлѣбѣ, соли и уксусѣ: ратные люди умирали, какъ собаки: изъ 80,000 вооруженныхъ людей едва осталось 400 здоровыхъ и бывшихъ въ состояніи сражаться, а такой горсти людей нельзя было дольше удерживать и защищать этотъ большой и обширный городъ.

Теперь пойдетъ Княжество Бѣлой (Bielovv), лежащее къ западу, въ 60 миляхъ отъ Москвы. Городъ и крѣпость выстроены изъ дерева, на рѣкѣ Обшѣ (Oscha) и встарину имѣли собственныхъ Князей и владѣтелей. Но Князь Василій Бѣльскій (Vasili Bielski) убѣжалъ оттуда къ Великому Князю въ Москву и уступилъ ему свое Княжество, вмѣсто котораго этотъ далъ ему другое; такъ и остается оно до сихъ поръ въ рукахъ Москвитянъ, для пріумноженія Великокняжескаго титула.

Крѣпость и городъ Ржевь Володимирова (Rschora Demetrii) также прекрасное и плодородное Княжество, простирается въ длину и ширину къ западу, въ 136 миляхъ отъ Москвы, и встарину имѣло собственныхъ Князей и повелителей. Но теперь, подобно другимъ, оно подъ властію Москвы. Тамъ много пустырей, болотъ и большихъ лѣсовъ: такой большой лѣсъ Волконскій, въ которомъ находится глубокое озеро, а изъ него вытекаетъ много знаменитыхъ рѣкъ и водъ, каковы: Борисѳенъ, Волга, Двина (Duna) и Ловать (Lovvat).

Крѣпость и городъ Волокъ Ламскій, Волоколамскъ (Vvolokia), построенный изъ дерева, лежитъ къ югозападу, въ 24 миляхъ отъ Москвы. Въ окрестности вездѣ прекрасная и тучная земля, усѣянная красивыми веселыми березами и дубами, изъ которыхъ

никто, благородный ли онъ, или нѣтъ, не можетъ срубить, безъ позволенія Великаго Князя, ни одного дерева, подъ страхомъ величайшей опалы и смертной казни, хотя бы деревья расли и въ его помѣстьяхъ: причина та, что тамъ обыкновенно тѣшится и забавляется Великій Князь по временамъ охотою за зайцами и ловлею птицъ соколами.

Крѣпость и городъ Великія Луки (Welikiluki) лежитъ на Литовской границѣ, въ 140 миляхъ къ западу отъ Москвы. Между этѣмъ городомъ и Смоленскомъ находится другой городъ и крѣпость на Литовской границѣ, по имени Торопецъ (Torepetz).

Крѣпость и городъ Дмитровъ (Mitrovva), въ 12-ти миляхъ отъ Москвы къ сѣверу, на рѣчкѣ Яхромѣ (Jachorma), встарину отдавался друзьямъ и близкимъ роднымъ Великаго Князя на содержаніе. Но теперь самъ Великій Князь держитъ въ немъ свою кладовую для съѣстнаго. Въ 1610 году, Графъ Яковъ Де ла Гарди, полководецъ Его Королевскаго Шведскаго Величества, взялъ приступомъ этотъ укрѣпленный городъ и покорилъ страну Великому Князю, Василію Шуйскому. Въ этомъ городѣ жила недолго Марія (Марина) Юрьевна (Горгона), дочь Воеводы Сандомирскаго и жена Димитрія: узнавъ, что Шведскій вождь подвинулся поближе къ Дмитрову съ подчиненнымъ ему войскомъ, она смекнула дѣло: велѣла скроить и сшить себѣ мужское платье, надѣла его, привѣсила съ боку саблю, сѣла на коня, взяла съ собою 50 отборныхъ Козаковъ и, точно какой ни будь военный человѣкъ, ѣхала 48 миль отъ Дмитрова до Калуги, къ своему мошенническому государю, Димитрію, который убѣжалъ въ этотъ городъ.

Александровская слобода (Alexander Slaboda), также маленькій городъ и крѣпость, лежитъ въ 8-ми миляхъ отъ Москвы къ сѣверу. Этотъ городъ построилъ жестокій Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, и велѣлъ сдѣлать вокругъ него сильное укрѣпленіе, а внутри поставилъ пять прекрасныхъ кирпичныхъ церквей. Самая главная построена въ память Дѣвы Маріи: камни ея расписаны разными красками такъ, что одинъ черный, другой бѣлый и посеребренный, третій желтый и позолоченный; на каждомъ нарисованъ крестъ: все это представляетъ красивый видъ для проѣзжающихъ мимо дорожныхъ людей.

Въ этѣхъ церквахъ самъ Великій Князь три раза въ день исправлялъ божественную службу: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Когда ему пришла охота бросить дѣла и вести монастырскую жизнь, онъ велѣлъ сдѣлать себѣ монашеское платье, также должны были одѣться и всѣ его бояре и дворяне, послѣдовавшіе за нимъ въ слободу. Самъ онъ читалъ иногда нѣсколько главъ изъ Библіи, пѣлъ свои часы (horas) и жилъ со всѣмъ своимъ Дворомъ точно монахъ, или отшельникъ. Тамъ находилъ онъ свое лучшее развлеченіе и удовольствіе и бывалъ чаще, нежели въ Москвѣ.

Въ окрестности вездѣ прекрасныя и плодородныя мѣста, веселыя для охоты съ ружьемъ, собаками и соколами. Городъ имѣлъ такое устройство, что всякому сословію отведено было особенное мѣсто для жизни. Самые знатные бояре и придворная челядь, которые во всякое время должны были исправлять свою службу при Дворѣ, жили по близости дворца. За ними думные бояре и другіе чиновники. Напротивъ помѣщались тѣлохранители. Купцы имѣли тоже особенныя, отдѣльныя отъ прочихъ, мѣста. Въ полумилѣ отъ города Великій Князь велѣлъ поставить крѣпкій караулъ, чтобы, во всю его бытность тамъ, подъ страхомъ смертной казни, никто безъ его вѣдома не могъ ни выходить изъ города, ни входить въ него. Этотъ-то самый городъ графъ Яковъ Де ла Гарди привелъ въ покорность Великому Князю.

Крѣпость и городъ Переславъ (Pereslavy) лежитъ нѣсколько къ востокуи въ 24 миляхъ отъ Москвы, при глубокомъ озерѣ, въ которомъ изобиліе всякой рыбы. А при городѣ, съ одной стороны, протекаютъ три рѣчки, между ними самая важная Нерль (Nerla), впадающая въ Волгу за городомъ Угличемъ и выходящая изъ другаго озера, не въ дальнемъ оттуда разстояніи. И изъ этого города благородный Графъ Де ла Гарди выгналъ Поляковъ и разсѣялъ ихъ, а городъ опять покорилъ Москвѣ.

Княжество Ростовъ (Rostovv) встарину было однимъ изъ главныхъ и знаменитыхъ во всей странѣ, имѣло своихъ собственныхъ Князей и Государей и находилось подъ властію братьевъ и сыновей Великаго Князя. Но дѣдъ тирана (Ивана Васильевичь Грознаго) всѣхъ ихъ подчинихъ себѣ и завоевалъ Княжество.

Крѣпость и городъ деревянные и лежатъ на прекрасномъ, изобильномъ рыбою, озерѣ, изъ котораго течетъ рѣка Которосль (Catorea), впадающая въ Волгу, по ту сторону города Ярославля: тамъ живетъ и Митрополитъ, по званію и сану равный Митрополиту Великаго Новгорода.

Княжество Суздаль (Susdael) встарину тоже было знаменитое и имѣло собственныхъ Князей и Государей: столицею его былъ Володимиръ (Volodimeria). Когда же столица перенесена была оттуда въ Москву, Князей отрѣшили и отправили въ ссылку, а Княжеское достоинство перевели въ Москву; оно и до сихъ поръ остается за нею.

Въ городѣ Суздалѣ (Susdael) построенъ прекрасный женскій монастырь, въ который Великій Князь Василій, отецъ тирана, силою прогналъ Великую Княгиню, свою первую жену.

Угличъ (Uglitz) тоже порядочное Княжество, отъ котораго крѣпость и городъ получили свое названіе, и лежатъ въ 36-ти миляхъ отъ Москвы, на рѣкѣ Волгѣ; въ этомъ пекутся лучшіе и самые вкусные бѣлые хлѣбы во всей Россіи. Крѣпость построена изъ камня. Но она была разорена и разрушена, когда погибъ тамъ ужасною и жалкою смертію сынъ Великаго Князя, Ивана Васильевича, Димитрій, въ послѣдствіи ожившій и бывшій виною кровопролитнѣйшей войны въ странѣ. Великій Князь Борисъ Годуновъ уступилъ это Княжество на содержаніе Господину Густаву, сыну Эрика XIV, Короля Шведскаго.

Но мнимый, выдуманный, Димитрій отнялъ у него Угличъ и отослалъ его въ заточеніе въ Ярославль; Великій князь Василій Шуйскій перевелъ его оттуда въ другой городъ, Кашинъ (Cassin), гдѣ наконецъ онъ и умеръ въ великой бѣдности и покоится за городомъ въ прекрасной для гулянья березовой рощѣ.

Неподалеку оттуда лежитъ Холопій Городъ (Chlopigorodt), гдѣ впадаетъ въ Волгу красивая рѣка Молога. Встарину стояла тамъ сильная крѣпость, но теперь она разорена и разрушена. Въ городѣ нѣтъ ничего особеннаго, по тому что большая часть его пуста и безлюдна. Однако жь жители всей страны сбираются туда на большія ярмарки и ведутъ тамъ важную торговлю, покупаютъ и продаютъ свои товары (Commercien).

Этотъ укрѣпленный городъ получилъ свое названіе отъ челядинцевъ и рабовъ Новогородскихъ дворянъ и купцовъ.

Встарину одинъ Новородскій Князь отправился со всѣми своими боярами, дворянами и гражданами на войну съ Греками. Семь лѣтъ провели они за предѣлами своей родины и не присылали ни какой вѣсти о себѣ женамъ. Этѣ такъ ужь и положили, что мужья ихъ убиты и не воротятся къ нимъ, по тому пошли и отдались съ дочерьми въ связь своимъ крѣпостнымъ рабамъ и челядинцамъ.

Взявъ Корсунь, Новогородцы уже возвращались домой; жены ихъ услышали и провѣдали объ этомъ: онѣ не смѣли и не хотѣли дожидаться ихъ прихода и убѣжали со всѣмъ, что могли захватить второпяхъ, на то мѣсто, гдѣ стоитъ этотъ городъ, находящійся подъ судебною властью Москвы, оттуда онѣ послали гонца къ тамошнему Князю, съ самою униженною просьбой защитить ихъ отъ Новогородцевъ, говоря, что онѣ покоряются ему и останутся его подданными, будутъ платить ему оброки и подати, только бы онъ позволилъ имъ построить крѣпость отъ Новогородцевъ. Это чрезвычайно понравилось Московскому Князю: онъ не только разрѣшилъ имъ построить крѣпость, но и освободилъ ихъ, съ нѣсколькими тысячами рабовъ, отъ Новогородцевъ, за то, что онѣ отдались ему добровольно и такимъ образомъ способствовали приращенію и населенію его земли. Отъ того-то поспѣшно и выстроенъ городъ съ крѣпостью, находившійся подъ покровительствомъ Московскаго Князя: рабы спокойно проживали тамъ съ женами и дочерьми, которыхъ увезли изъ Новгорода, и назвали этотъ городъ съ крѣпостью, по своему имени, «Холопій Городъ» (Chlopigorodt), по тому что «холопъ» на ихъ языкѣ означаетъ раба, или кабальнаго, а «городъ» — то же, что Нѣмецкое Schloss или Stadt: это названіе и до сихъ поръ принадлежитъ городу.

Княжество Ярославское (Jaroslavv) — чрезвычайно красивая страна, изобильная хлѣбомъ, скотомъ, медомъ, воскомъ, свѣчнымъ саломъ, пенькою и разною рыбой и дичью. Прежде оно имѣло собственныхъ Князей и правителей, а теперь подъ властію Великаго Князя. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этѣхъ Князей остались еще въ живыхъ и называются Ярославскими Князьями, но едва

на столько богаты, чтобы держать 20 человѣкъ прислуги. Отъ этого Княжества городъ и крѣпость получили свое названіе и довольно обширны въ длину и ширину. Тамъ ведется значительная торговля разными товарами, по причинѣ большаго удобства въ плаваніи, на баркахъ, паромахъ и лодкахъ, въ Холмогоры (Colmogorodt) и къ пристани Св. Николая, куда пристаютъ Англійскіе, Голландскіе и Гамбургскіе корабли. Этотъ городъ лежитъ въ 50 миляхъ отъ Москвы, на берегу Волги: туда привозится множество товаровъ изъ всѣхъ мѣстъ Россіи; товары укладываются и грузятся на суда, плавающія по Волгѣ въ Архангельскъ, а оттуда вывозятся въ чужіе краи. Тамъ ткутся прекраснѣйшія во всей Россіи полотна.

Въ 20-ти миляхъ оттуда лежитъ городъ съ крѣпостью Кострома (Castroma), при рѣкѣ Костромѣ, впадающей потомъ въ Волгу; отъ нея получилъ свое названіе и городъ, въ которомъ варится лучшее во всей странѣ мыло.

Къ востоку отъ Костромы находится городокъ и крѣпостца Галичъ (Galitz), получившій свое названіе отъ озера, лежащаго неподалеку оттуда: тамъ поселилъ Великій Князь множество народа, который ежегодно вывариваетъ соль на рѣчкѣ, впадающей въ упомянутое озеро; этою солью пользуются для пищи близъ лежащіе города, крѣпости и области.

Городъ съ крѣпостью Вологда (Wologda) лежитъ во ста миляхъ къ сѣверу отъ Москвы: крѣпость въ старину была деревянная, но въ 1566 году она срыта и построена другая, каменная, на рѣчкѣ Сухонѣ (Suchana), протекающей посреди города Вологды, и обнесена толстою стѣною. Въ городѣ четыре церкви, при которыхъ живетъ Епископъ, совершающій богослуженіе въ церквахъ Дѣвы Маріи и Св. Николая.

Княжество Бѣлоозеро (Bielozer), которымъ владѣлъ Князь Синеусъ (Sinaus), пришедшій изъ Нѣмецъ, находится въ 90 миляхъ отъ Москвы между востокомъ и сѣверомъ, на озерѣ Бѣломъ (Bielozar); это озеро въ длину и ширину 13 миль; въ него впадаютъ 36 рѣкъ, а вытекаетъ одна Шексна (Sosna) въ Волгу. Посреди озера находится крѣпость, остававшаяся по сю пору неодолимою во многихъ жестокихъ войнахъ. Кругомъ болотистыя топи

и мхи, никогда не замерзающіе зимою, какъ бы ни было холодно. Отъ того-то Великіе Князья и сохраняли тамъ свои лучшія и главныя сокровища и драгоцѣнности, особливо, когда война и когда ихъ ужь очень стѣснятъ Татары. Великіе Князья уѣзжаютъ туда и сами, полагая, что тамъ они на свободѣ и въ безопасности. Въ крѣпость нѣтъ доступа ни зимою, ни лѣтомъ, кромѣ одного мѣста, на которомъ спущены и погружены въ озеро огромные ящики съ камнями, гдѣ оно всего уже, глубиною же въ иныхъ мѣстахъ до 30-ти саженъ; тутъ и опущены этѣ ящики, а сверху ихъ большой мостъ на длинныхъ, толстыхъ и крѣпкихъ, доскахъ и плахахъ. Подъ мостомъ устроены протоки для воды, величиною съ порядочную рѣку, а надъ ними положены большія, толстыя сырыя, бревна, вдѣланныя въ другія объемистыя балки, чтобы вода въ своемъ теченіи не встрѣчала препятствій и текла безо всякой помѣхи.

Когда близко непріятель, мостъ можно скоро снять, чтобы не было входа въ крѣпость. На мосту поставлено укрѣпленіе, откуда можно обстрѣливать мостъ изъ большихъ пушекъ: тамъ ежедневно стоитъ крѣпкій караулъ изъ конницы и пѣхоты, чтобы никто не могъ войти въ крѣпость безъ приглашенія.

Въ этомъ озерѣ не водится особенной рыбы, которую бы ловили тамъ: рыба, какая есть въ немъ, заходитъ туда большею частью изъ рѣки Волги, по тому что вода озера не очень быстра, но чрезвычайно глубока, и чѣмъ дольше рыба живетъ въ ней, тѣмъ тощѣе становится. Окрестные рыбаки очень хорошо знаютъ, сколько времени жила въ озерѣ забредшая въ него рыба изъ Волги: они узнаютъ это по ея худобѣ и жиру.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бѣлаозера находится другое озеро, въ которомъ есть сѣра, точно такъ же и въ рѣкѣ, вытекающей изъ него; но эта сѣра никуда негодна, по тому что не имѣетъ ни какой силы.

Холмогоры (Colmogorodt) довольно большой городъ съ крѣпостью, не такъ чтобы очень укрѣпленный, большею частію развалившійся, и находится въ 300 миляхъ отъ Москвы къ сѣверу. Немного выше города рѣка Двина впадаетъ въ большое море: это мѣсто называется пристанью Св. Николая. Тамъ пристаютъ Англійскіе,

Голландскіе, Гамбургскіе и другіе иностранные корабли, по тому что для нихъ тамъ хорошая прибыль и безопасное пребываніе.

Соловки (Solouski), островъ въ 20-ти миляхъ отъ твердой земли; на немъ построена церковь Св. Николая съ прекраснымъ мужскимъ монастыремъ. Всѣ монахи ведутъ такую набожную и святую жизнь, что считаютъ великимъ грѣхомъ пускать въ монастырь женскія личности. Русскіе вывариваютъ тамъ много соли, которой достаетъ на всѣхъ тамошнихъ жителей. Они полагаютъ, что отъ этого монастыря до Москвы должно быть около 310 миль, а до Варгуса въ Норвегіи восемьдесятъ. Лѣтомъ, когда солнце не движется, или какъ будто останавливается, ночь не долѣе двухъ часовъ, а зимой, когда солнце появляется очень рѣдко, такъ же коротокъ и день.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого мѣста находится Лапонія, принадлажащая Великому Князю. Тамъ живетъ очень грубый и невѣрный народъ, не крещеный въ Русскую вѣру; онъ очень боится иноземцевъ. Онъ ни пашетъ, ни сѣетъ, а кормится рыбой, птицами и дикими звѣрями. Одежду шьетъ себѣ изъ оленьихъ кожъ; иначе называются они Raugiferi. У нихъ совсѣмъ нѣтъ домовъ: живутъ въ шалашахъ, разсѣлинахъ горъ и древесныхъ дуплахъ; листья, траву и мохъ употребляютъ для своихъ постелей. Это люди каратышки, всѣ на одну стать, съ такими же широкими лицами, какъ обыкновенно рисуютъ у Езопа, а на своей музыкѣ, подобно всѣмъ Русскимъ, они играютъ такъ пріятно и мелодично, точно тѣ соловьи, что овецъ дерутъ.

Они платятъ Великому Князю дань разными мѣхами, однако жь очень небольшую, по тому что ему нельзя принуждать ихъ; если же бы рѣшился на это, они уйдутъ на высокія горы, куда другому трудно взобраться. Никто не любитъ и ѣздить къ нимъ, по тому что изъ людей, ѣдущихъ туда, возвращаются назадъ немногіе. Отъ того и Великій Князь довольствуется тою долей, которую они даютъ ему добровольно. Они не имѣютъ денегъ и не просятъ ихъ; но когда Русскіе торгуютъ съ ними, они мѣняютъ товаръ на товаръ, съ тѣмъ, однако жь, уговоромъ, чтобы не говорить другъ съ другомъ и не заводить ни какихъ бесѣдъ, какъ дѣлаютъ другіе; но самые главные и смѣлые изъ нихъ, въ числѣ

20, или 30, человѣкъ, приходятъ и кладутъ товары свои и своей собратіи на то мѣсто, гдѣ положили свои товары Русскіе, старательно осматриваютъ ихъ, чтобы не быть надутыми; если имъ покажется, что все какъ слѣдуетъ, и они достаточно получили за свои вещи, то берутъ товаръ Русскихъ, въ противномъ случаѣ уходятъ, взявши назадъ свои товары. Ихъ товары по большей части мѣха, куньи и лисьи, которые они мѣняютъ Русскимъ на гвозди, рукавицы, ножи, топоры и хлѣбъ.

Княжество Югорское (Jugorschi) лежитъ въ 350 миляхъ отъ Москвы къ сѣверу-востоку; въ немъ построенъ городъ съ крѣпостью, по имени Югра (Jugra), Русскіе думаютъ, что Угры вышли или ведутъ свое начало изъ этой области, а потомъ жили при Меотійскомъ озерѣ, послѣ же на рѣкѣ Дунаѣ (Danubium), гдѣ обитаютъ теперь настоящіе Угры. Русскіе очень хвалятся тѣмъ и говорятъ, что подъ властью ихъ были народы, которые ужасно опустошали и разоряли Италію, Францію и Германію и были гибельны для этѣхъ странъ.

Народъ, живущій теперь въ этой области, не имѣетъ ни пахатныхъ полей, ни луговъ, а живетъ въ пустыняхъ, какъ Лапонцы, и вмѣсто хлѣба употребляетъ мясо дикихъ птицъ и разныхъ дикихъ звѣрей. Они платятъ Великому Князю ежегодно дань мѣхами. Купцы, живущіе въ городѣ, торгуютъ съ Русскими, привозятъ жителямъ водку, хлѣбъ, сукно, полотно и другіе товары, какіе имъ нужны, берутъ за нихъ дорогихъ соболей, куницъ, черныхъ и красныхъ лисицъ, бобровъ, выдръ, горностаевъ и другіе мѣха, и получаютъ отъ того большую прибыль въ другихъ мѣстахъ. У нихъ почти такой же языкъ, какъ и у Угровъ.

Княжество Пермское (Premski) называется по городу и крѣпости Перми (Perum), лежащихъ на берегу рѣки Вишеры (Wischora). Страна очень низменная и болотистая, орошаемая множествомъ болотъ и озеръ: лѣтомъ никому нельзя и ѣздить туда, а можно только зимой, когда всѣ воды и рѣки замерзнутъ. Жители этой страны питаются мясомъ птицъ и дикихъ звѣрей. Собираясь въ путь, они надѣваютъ длинные деревянные башмаки, подпираются палкою, или коломъ, и такъ шибко мчатся по снѣгу непроходимыхъ и неудобныхъ дорогъ, что и лошади не поспѣть

за ними. Хлѣба у нихъ совсѣмъ нѣтъ, и кто располагаетъ ѣхать туда, долженъ привозить хлѣбъ съ собою, если захочетъ поѣсть тамъ. Они платятъ Великому Князю дань соболями и куницами. У нихъ особенный, отличный отъ Русскаго, языкъ; нѣкоторые недавно крестились и приняли Русскую вѣру, но много еще такихъ, которые покланяются идоламъ, солнцу, лунѣ, звѣздамъ и планетамъ, деревьямъ, камнямъ и тому подобнымъ предметамъ.

Княжество Вятка (Wiatka) большая страна, очень изобильная медомъ, дичью и рыбою; можно поставить ее на ряду съ самыми лучшими краями. Но тамъ не очень хлѣбородная земля, по тому что она мшиста и болотиста, орошается множествомъ рѣкъ и рѣчекъ и поросла густымъ кустарникомъ и лѣсомъ. Жители пограничны съ Черемисами, которые часто нападаютъ на нихъ съ огнемъ и мечемъ и приносятъ домой много добычи. Встарину владѣли ими Татары. Когда же Великій Князь Московскій покорилъ Казань, онъ также овладѣлъ и Черемисой. По этой области текутъ двѣ большія рѣки: одна называется Вятка, отъ которой страна и городъ получили свое имя; близъ этой же рѣки построены четыре другіе города: Хлыновъ (Chlinovv), Орловъ (Orlovv), Котельничъ (Cotelnitz) и Слобода (Slaboda). Другая рѣка называется Кама и граничитъ съ Сибирью. Жители области платятъ Великому Князю дань, большею частію мѣхами.

Княжество Сибирь (Siberien) прежде находилось подъ властію Казанскихъ Царей и не имѣло ни крѣпостей, ни городовъ. Когда же Великій Князь завоевалъ его и привелъ въ свое подданство, онъ велѣлъ построить тамъ семь городовъ и мѣстечекъ и населилъ ихъ Русскими. У жителей особенный языкъ. Къ сѣверу граничатъ они съ большою рѣкою, Обью (Obi). Одежда у нихъ изъ кожъ и мѣховъ, шерстью вверхъ. Хлѣба тамъ не родится, но, вмѣсто его, они кормятся жареной рыбой, мясомъ дикихъ птицъ и звѣрей. Изъ этой области приходитъ чрезвычайно много дорогихъ мѣховъ: соболей, куницъ, бѣлыхъ, черныхъ, голубыхъ и красныхъ лисицъ, бѣлыхъ медвѣдей, волковъ, рысей и самыхъ красныхъ бѣлокъ: ихъ вымѣниваютъ Русскіе на хлѣбъ, водку и тому подобныя, необходимыя для жителей, вещи, и наживаютъ при этомъ значительную прибыль. Въ этомъ краю водятся очень большія и сильныя собаки, которыхъ такъ пріучили жители, что

запрягаютъ ихъ парами въ сани и ѣздятъ на нихъ по своимъ дѣламъ черезъ горы и долины; не надо давать имъ слишкомъ скоро бѣжать, чтобы не остаться на дорогѣ.

Дань Великому Князю жители платятъ разными мѣхами. Въ этомъ краю такая стужа, что не вырастаетъ совсѣтъ ни трава, ни листъ на деревѣ, а тѣмъ менѣе хлѣбъ, или садовые плоды. Туда ссылаются всѣ, находящіеся въ немилости у Великаго Князя, и въ чемъ ни будь провинившіеся, или согрѣшившіе, передъ нимъ; они остаются тамъ и ведутъ бѣдственную жизнь до тѣхъ поръ, пока Великій Князь опять не приметъ ихъ въ милость къ себѣ и не позволитъ возвратиться оттуда.

Итакъ довольно мы уже поговорили о странахъ къ востоку и сѣверу отъ Москвы.

Теперь перейдемъ дальше къ другимъ областямъ крѣпостямъ и городамъ, лежащимъ къ западу отъ Москвы.

Княжество Тверь (Tvver), въ 36 миляхъ отъ Москвы къ сѣверо-западу, называется такъ отъ рѣки Тверцы, впадающей въ Волгу. И Волга протекаетъ городомъ, рѣка довольно большая и широкая. Крѣпость деревянная и лежитъ на рѣкѣ къ югу. Прежде эта страна и городъ имѣли собственныхъ Князей. Этотъ край очень плодоносный, изобильный разнымъ скотомъ и хлѣбомъ. Жители чеканили свою серебряную монету: на одной сторонѣ ея находилось имя Князя, правившаго страной, а на другой два слова изъ его титула. Въ этомъ городѣ много красивыхъ церквей, монастырей и часовенъ, каменныхъ и деревянныхъ; въ немъ живутъ Епископъ и чрезвычайно богатые граждане и купцы, лучшіе и искуснѣйшіе во всей землѣ кузнецы, которые куютъ желѣзо и мѣдь. Но теперь это самый разоренный городъ и совсѣмъ запустѣлый во время долговременныхъ войнъ и смятеній, бывшихъ въ этѣ годы. Графъ Яковъ Де ла Гарди занялъ его и крѣпость вооруженной силой, выбилъ оттуда Польскаго полковника Зборовскаго (Sborouski) съ 5000-ми конницы, перешелъ рѣку и такъ жестоко погналъ непріятеля, что принудилъ его со стыдомъ и позоромъ бѣжать въ большой Польскій станъ. Это было очень досадно плуту Лжедимитрію: онъ въ другой разъ отрядилъ Яна Сапѣгу съ 12,000 всадниковъ и стрѣльцовъ отвѣдать

счастія съ Графомъ Яковомъ и Шведами. Однако жь Поляки постыдно бѣжали, по тому что Графъ съ его войскомъ сдѣлали на нихъ храброе и сильное нападеніе: многія тысячи остались на мѣстѣ, прочихъ же такъ преслѣдовали Шведы, что они не прежде могли обернуться назадъ, или осмотрѣться, пока не примкнули къ большому войску подъ Троицей.

Городъ Торжокъ (Torsiock) лежитъ въ 10 миляхъ отъ Твери къ западу: половина его подъ властію Твери, другая принадлежитъ Новгороду. Каждая сторона имѣла собственнаго Намѣстника, пока обѣ не были покорены Великимъ Княземъ Московскимъ. Тамъ дѣлаются хорошія войлочныя накидки, также какъ и въ другихъ мѣстахъ этого края.

Великій Новгородъ (Newgarten) встарину былъ особеннымъ государствомъ и всегда имѣлъ своихъ Князей и правителей. Но теперь онъ данникъ Великаго Князя Московскаго, лежитъ въ 120 миляхъ отъ Москвы къ сѣверо-западу и въ 78 миляхъ отъ Выборга. Городъ укрѣпленъ валами и рвами. Крѣпость находится въ срединѣ города на берегу рѣки Волхова (Wolckaw) и съ одной стороны обнесена высокими и толстыми кирпичными стѣнами, съ другой же идетъ кругомъ валъ и ровъ. Это Новогородское Княжество въ ширину и въ длину, съ западной и сѣверной стороны, тянется къ Бѣлоозеру, Волгѣ, Холмогорамъ и другимъ областямъ, на нѣсколько сотъ миль, а потомъ къ Финской границѣ, Кареліи, Ингерманландіи, Водской пятинѣ (Wotzschi Pythin) и Соловецкому монастырю. Прежде Новгородъ чеканилъ хорошую серебряную монету, пока еще не сдѣлался данникомъ Москвитянъ: на одной сторонѣ монеты изображался Князь на конѣ, замахнувшійся саблей, съ другой написано было имя правящаго Князя и сколько ходила монета. Когда же городъ силою приведенъ былъ подъ власть Москвитянъ, стали чеканить такую монету, на которой съ одной стороны было имя Великаго Князя всея Россіи, а на другой былъ всадникъ, Св. Георгій, сидящій на конѣ, съ копьемъ въ рукѣ, остріе котораго поражаетъ въ шею дракона, лежащаго подъ конемъ. Святому Георгію молятся всѣ, когда идутъ на войну, и носятъ его образъ на своихъ знаменахъ и ротныхъ значкахъ.

Городъ Новгородъ почти съ малую милю въ окружности: встарину, когда у него были собственные Князья и правители,

пока еще лукавство и козни не привели его подъ Московское иго и власть, онъ былъ такъ силенъ и многолюденъ, что Князья его воевали со Шведами, Поляками, Литовцами и Ливонцами, и онъ ставилъ въ поле нѣсколько сотъ тысячъ солдатъ. Когда же въ 1477 году завоевалъ и смирилъ его Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdyn), онъ очень упалъ, по населенію и богатству. По тому что Великій Князь не только цѣлыя семь лѣтъ имѣлъ тамъ своихъ начальниковъ и правителей, которые каждый годъ выжимали у жителей большую сумму денегъ, но наконецъ и самъ отправился въ этотъ городъ, благодаря содѣйствію и старанію Митрополита, подъ тѣмъ предлогомъ, что Новогородцы хотѣли отступить отъ Русской вѣры, принять Римско-Католическое ученіе и жить въ этомъ исповѣданіи; онъ хотѣлъ удержать ихъ отъ того, чего въ самомъ дѣлѣ и не было. Для того онъ велѣлъ сперва взять подъ стражу самыхъ главныхъ гражданъ и богатѣйшихъ дворянъ, и отослалъ ихъ на житье въ Москву, а вмѣсто ихъ поселилъ разныхъ бѣдняковъ изъ другихъ городовъ; всѣ ихъ деньги, жемчугъ, серебро, золото, мѣдь красную и простую, олово, приказалъ положить на нѣсколько сотенъ телѣгъ и отвезти въ Москву въ свое казнохранилище; такъ и ограбилъ весь городъ, отъ чего Москвитяне разбогатѣли, а тѣ обѣднѣли. Въ то время Новгородъ былъ однимъ изъ четырехъ главнѣйшихъ промышленныхъ городовъ въ Европѣ, каковы: Бергенъ въ Норвегіи, Визби на Готландѣ и Антверпенъ въ Брабантѣ; въ этѣхъ городахъ имѣли свои складочныя мѣста и факторіи самые богатѣйшіе купцы изъ многихъ королевствъ, странъ и городовъ всей Европы, и вели тамъ большую торговлю.

По всему городу нѣсколько сотенъ церквей, монастырей и часовенъ, очень красиво построенныхъ изъ дерева и камня, по Русскому способу постройки. Колокольни большею частію обиты листовою, желтою и красною, мѣдью и позолочены яркимъ чистымъ золотомъ; на нихъ нѣсколько тысячъ колоколовъ, большихъ и малыхъ: самый большой принадлежитъ церкви Св. Софіи.

Въ крѣпости этого города имѣетъ свое пребываніе Митрополитъ, первый послѣ Патріарха, по его значенію и сану. Онъ имѣетъ въ Новгородѣ такую же распорядительную и разрѣшительную власть по церквамъ и монастырямъ, какъ и Патріархъ въ

Москвѣ. Безъ его согласія нельзя никого выбрать въ Патріархи, также и вѣнчать на царство Великаго Князя; при этомъ долженъ находиться Митрополитъ и дозволять вѣнчаніе со всѣми обрядами. Вообще этотъ городъ и область встарину были такъ богаты и изобильны всякимъ товаромъ, рыбою, разнымъ хлѣбомъ и всякими съѣстными припасами, такъ сильны населеніемъ и военнымъ снарядомъ, что туземцы и иностранцы боялись ихъ имени, отъ чего и ходила поговорка: «Кто можетъ воевать съ богами, да съ Великимъ Новгородомъ?» Однако жь это не остановило и не испугало славнаго, многоопытнаго Графа Якова Де ла Гарди, Королевско-Шведскаго полководца, не смотря на то, что въ городѣ было 100, 000 вооруженныхъ людей, не считая простаго народа: положившись, послѣ Бога, на свою отважную храбрость и неустрашимое сердце, онъ быстро окончилъ всѣ приготовленія, осадилъ городъ съ пятитысячнымъ войскомъ, 16-го Іюня, 1611 года, и съ большою славою покорилъ Шведской Коронѣ.

Встарину поклонялись тамъ идолу Перуну, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Перунскій монастырь (Perunski monasterium). Этотъ идолъ изображался въ видѣ человѣка, держащаго въ рукѣ камень, изъ котораго всегда во время грозы вылеталъ огонь. Въ честь идола жители разводили на дубовыхъ дровахъ огонь и зажигали передъ нимъ освѣщеніе, горѣвшее днемъ и ночью. При этомъ жрецы должны были смотрѣть, чтобы огонь горѣлъ и не потухалъ, если они, только для того и приставленные, не хотѣли подвергнуться смертной казни.

Когда же Новогородцы приняли Греческую вѣру, они взяли да и бросили въ рѣку своего идола, который тотчасъ же поплылъ противъ теченія и, немного не доплывъ до моста, поднялъ ужасный вой и стонъ и выкинулъ на мостъ большое бревно, сказавъ неслыханнымъ и страшнымъ голосомъ: «Возьмите это бревно въ память обо мнѣ!» Отъ того Новогородцы и говорятъ, что этотъ идолъ, Перунъ, каждый годъ въ извѣстное время кричитъ нѣсколько часовъ.

Услыхавъ этотъ крикъ, горожане и простой народъ сбѣгаются со всѣхъ концовъ города, бьются другъ съ другомъ кнутьями и палками, перебраниваются и поднимаютъ такой шумъ и гамъ, что Намѣстнику стоитъ большихъ трудовъ разнимать и разводить ихъ.

Старая Руса (Stara Russa), очень древній городъ въ 12-ти миляхъ отъ Новгорода, по ту сторону озера Ильменя: нѣкоторые думаютъ, что Россія получила свое названіе отъ этого города. Онъ довольно великъ, а тамошняя рѣка даетъ множество рыбы: на грошъ можно купишь ея столько, сколько не купить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Жители торгуютъ съ гражданами Полоцка и Новгорода. Богъ водъ, Нептунъ, послалъ жителямъ и соляную воду: они проводятъ ее трубами и каналами въ домы и вывариваютъ изъ нея соль, которой достаетъ не только для ихъ употребленія, но и на продажу сосѣдямъ. Впрочемъ, она не очень вкусна, и не сообщаетъ пріятнаго вкуса кушаньямъ, которыя съ ней варятся. Жителямъ надо брать для одного блюда втрое больше своей соли, тогда какъ нашей достаточно бы было и половины этого количества.

Княжество Полоцкое (Polotzkovv), лежащее у Литовской границы, прекрасная и плодородная страна. Городъ и крѣпость Полоцкъ (Polotzko) находится между двумя рѣками, Двиною и Полотою (Polotta), отъ которой онъ получилъ и названіе. Онъ деревянный и обнесенъ стѣною и рвомъ.

Этотъ городъ съ крѣпостью Москвитяне заняли и покорили въ 1563 году, когда ихъ всего меньше ожидали Литовцы и находились вмѣстѣ съ Поляками на сеймѣ въ Петриковѣ (Petrikovv), а Полоцкъ занимало не такъ что бы очень храброе войско. По тому что какъ скоро подступилъ къ городу съ большимъ воинскимъ снарядомъ Великій Князь, это войско оробѣло, пришло въ отчаяніе, не видя для себя ни какого спасенія, и сдало крѣпость Великому Князю: онъ тотчасъ же перемѣнилъ городское правленіе, отослалъ Поляковъ и Литовцевъ плѣнниками въ Москву съ прекрасной добычей, и поселилъ на ихъ мѣсто Москвитянъ, полагая вѣчно удержать за собой эту крѣпость; но это, однако жь, не удалось ему. Въ 1579 году опять выступилъ въ походъ Польскій Король, Стефанъ Баторій, и съ большимъ мужествомъ и храбростью сначала покорилъ городъ, а потомъ и крѣпость, Польской Коронѣ, которой принадлежитъ онъ и нынѣ. Въ той же области находятся четыре другихъ укрѣпленныхъ города, именно: Ушачъ (Usacza), Дисна, Дриса и Друя (Drulia), откуда можно плавать на судахъ и лодкахъ въ низъ по рѣкѣ Двинѣ, въ городъ Ригу.

Княжество Псковъ (Pleskovv) также одна изъ знатнѣйшихъ областей и городовъ въ Россіи, и прежде имѣло собственныхъ Князей и Государей, точно такъ же, какъ Новгородъ, свое судопроизводство и льготы. Въ то время Псковитяне (Pleschoviter) окружили городъ крѣпкою стѣною и раздѣлили его на четыре части, въ которыхъ жило много народа, дворянъ и недворянъ, по тому что тогда боялись Новогородцевъ, которые были сильнѣе ихъ численностью жителей. Но когда началъ царствовать надъ всею страною Великій Князь и покорилъ обманомъ и измѣною Новгородъ, Псковитяне, отчасти по случаю гражданскихъ смутъ, отчасти по коварнымъ проискамъ поповъ и монаховъ, покорились Великому Князю: точно такъ же онъ и Новогородцевъ силою разогналъ изъ за великаго ихъ богатства. Въ городѣ и за городомъ построено много прекрасныхъ монастырей и церквей изъ кирпича, съ высокими колокольнями и шпицами: они обиты листовою мѣдью, прекрасно позолочены, посеребрены и при солнцѣ придаютъ своимъ блескомъ, такой великолѣпный видъ городу какъ будто блещетъ золото и серебро.

Городъ и крѣпость большею частію построены и расположены на горѣ, изъ которой вытекаетъ рѣка, называемая Псковъ (Pskovv) отъ которой и городъ получилъ сове имя. Она течетъ посреди города и впадаетъ въ 6-ти миляхъ оттуда въ Пейпусъ (Peipis).

Въ одной милѣ отъ Пскова находится прекрасный монастырь Печерскій (Pezuer), который осаждалъ Юргенъ Фаренсбахъ, во время осады Пскова Стефаномъ, Королемъ Польскимъ, и всячески старался взять его приступомъ и занять. Но бывшіе тамъ монахи защищались такъ храбро, что Фаренсбахъ наконецъ долженъ былъ отступить съ своимъ войскомъ отъ Пскова, точно такъ же какъ и Король, не сдѣлавъ ничего: и городъ, и монастырь они оставили въ покоѣ.

Крѣпость Иваньгородъ (Ivvanogorodt) лежитъ на рѣкѣ Наровѣ (Narfwa), чрезвычайно сильна и раздѣлена на три части. Она получила названіе отъ Великаго Князя, по имени Ивана. Рѣка Нарова, на которой она построена, вытекаетъ изъ озера Пейпуса (Peipis), въ которое впадаютъ двѣ другія рѣки, Псковъ и Великая (Pskovv и Yvelikareka); изъ этого же озера вытекаетъ и рѣка Нарова, такъ что изъ городовъ Пскова и Дерпта (Dorft) можно бы

было плавать на судахъ Пейпусомъ и Нарвою въ Балтійское море, если бы не мѣшали тому какіе-то утесы и кустарники, находящіеся въ полумилѣ отъ крѣпости. Встарину эта рѣка была естественною границею между Княжествомъ Новгородскимъ и Ливоніей. Эту крѣпость и много другихъ такихъ же, на примѣръ, Ямы (Jama), Гдовъ (Augdow), Копорье (Coporia), и Потебургъ (Nötheborch), въ 1612 году, сильно обстрѣливалъ, завоевалъ и со славою привелъ подъ власть Шведской Короны храбрый витязь, Графъ Яковъ Де ла Гарди; отъ того и теперь еще славный Король Шведскій по справедливости употребляетъ въ своемъ титулѣ названіе Иваньгорода.

Ямы (Jamagorodt), небольшой городъ и лежитъ, въ 3-хъ миляхъ отъ Нарвы, на рѣкѣ Ямѣ, впадающей, при устьѣ рѣки Наровы, въ Балтійское море.

Гдовъ (Augdoff), въ 9-ти миляхъ оттуда, довольно крѣпкій городъ, имѣетъ очень плодоносную почву и изобилуетъ рыбой.

Копорье (Coporia), въ 15-ти миляхъ отъ Нарвы, сильная каменная крѣпость, имѣетъ прекрасныя, плодородныя поля и называется Ингерманландіей (Ingermanland).

Потебургъ (Nötheborch) очень сильная крѣпость, лежащая на островкѣ, окруженномъ быстрыми рѣками, не скоро замерзающими зимою: онѣ вытекаютъ изъ Ладожскаго озера (Ladga), подъ крѣпостью сливаются вмѣстѣ и составляютъ рѣку, называемую Нева, которая въ 10 миляхъ оттуда впадаетъ въ Балтійское море; не считаемъ множества другихъ рѣкъ и рѣчекъ, вливающихся въ нее, еще до впаденія ея въ большой заливъ. Въ полутора мили отъ своего устья рѣка Нева раздѣляется на три рукава, и всѣ они впадаютъ въ большое море. Эта крѣпость выстроена съ семью крѣпкими площадками: между каждой идетъ стѣна въ 10-ть аршинъ толщины. На всякой площадкѣ поставлена башня. Изнутри на стѣнѣ бастіонъ въ 3 аршина толщины, наполненный пескомъ, глиною и землею, такъ что нельзя пробить его ядрами, какихъ большихъ пушекъ ни навези туда. По тому что ни съ какой стороны нельзя поставить укрѣпленій ближе, какъ на 4 ружейныхъ выстрѣла, по причинѣ быстрой рѣки, протекающей мимо крѣпости. Если бы захотѣли стать на рѣкѣ на судахъ и галерахъ и лѣзть на стѣну,

осажденнымъ не нужно ни пороху, ни ядеръ, для обороны и прогнанія непріятеля: нужны только камни, бревна, копья и сѣкиры. Если ужъ необходимо овладѣть этой крѣпостью, то это можно сдѣлать только голодомъ, или съ помощію болѣзни, когда защищаютъ эту крѣпость храбрые и неустрашимые люди, а не пугливыя и молодушныя бабы. Когда Шведы осаждали Нотебургъ, Москвитянъ сначала было въ немъ 3000: каждый день они дѣлали вылазки и сражались со Шведами на галерахъ и лодкахъ; когда же дороги и проходы были затруднены и захвачены, а рѣки заняты войскомъ, такъ что осажденнымъ нельзя стало выходить изъ воротъ, всѣ они въ крѣпости занемогли, умирали отъ скорбута и голода, и въ живыхъ осталось не больше 30 человѣкъ, отъ того и должны были уступить и сдать крѣпость Фельдмаршалку Эберту Горну изъ Канкаса, посланному отъ полководца: это было въ 1612 году, 12-го Мая: отрада моя такіе солдаты, которые могутъ отважиться на что ни будь для своего Государя.

Внутренняя крѣпость тоже съ 3-мя площадками, такой же постройки, какъ и внѣшняя, и съ довольно глубокимъ рвомъ. Нѣкоторые думаютъ, что первый выстроилъ этотъ городъ Шведскій Король Магнусъ Ладулаусъ съ крѣпостью Ладогою (Laduga), въ 14 миляхъ отъ города на берегу Волхова (Wolckowa), впадающаго въ Ладожское озеро, отъ котораго крѣпость (Ладога) получила и свое имя. Но, по моему мнѣнію, этотъ Король построилъ только Нотебургъ, для убѣжища своихъ солдатъ отъ безпрестанныхъ нападеній Русскихъ, а этѣ послѣдніе могли укрываться въ Ладогѣ отъ напора Шведовъ, когда между ними была война и Король Магнусъ сильно тѣснилъ ихъ. Такимъ образомъ эта крѣпость и озеро Ладожское названы такъ по тому, что Магнусъ Ладулаусъ часто билъ, прогонялъ и истреблялъ Русскихъ на этомъ озерѣ, съ ихъ судами, галерами и лодками.

Въ крѣпости Нотебургѣ построены двѣ церкви: одна каменная, другая деревянная, и нѣсколько сотенъ черныхъ избъ, въ которыхъ живутъ солдаты. По тому что пока Русскіе владѣли крѣпостью, они не впускали въ нее ни одного иноземца, даже и никого изъ своего народа, безъ всякой надобности, кромѣ одного Намѣстника и войска, туда назначеннаго,

Въ 16-ти миляхъ оттуда къ югу лежитъ большой островъ, по имени Ретузари (Retuzari), на которомъ живетъ до 30 человѣкъ крестьянъ: половина его принадлежитъ Финляндіи, другая Ингерманландіи, такъ какъ рѣка Сестребекъ (Schwesterbaek), впадающая въ Балтійское море, отдѣляетъ Выборгскую область отъ Эйрепе и Нотебурга.

Крѣпость Кексгольмъ построена изъ камня и лежитъ по срединѣ довольно широкой рѣки Корелы (Koriela); вокругъ крѣпости большіе бастіоны. Эта область и Княжество получили свое названіе отъ рѣки и называются Кареліей. Страна изобильна хлѣбомъ, скотомъ, воскомъ и разною дворовою и дикою птицей. Корела течетъ очень быстро и сильно и весьма рѣдко замерзаетъ зимою. Въ ней чрезвычайно много ловится рыбы, особливо семги. Отъ того у Великаго Князя тамъ свои рыбаки, которые все ловятъ и солятъ семгу для употребленія Двора, по тому что нигдѣ во всей странѣ не ловится такой прекрасной и вкусной семги. Эта крѣпость находится въ 16 миляхъ отъ Выборга, въ 16-ти отъ Нотебурга, въ 30-ти отъ Ладоги, въ 50 отъ Новгорода. Изъ многихъ городовъ можно ѣздить туда водою на лодкахъ. И эту крѣпость взялъ вооруженною рукою Графъ Де ла Гарди въ 1611 году, и покорилъ Шведской Коронѣ.

Между областью Кексгольмомъ и Нотебургомъ лежитъ еще другая область, называемая Водская пятина (Woschi Pythin): она простирается къ сѣверо-востоку до Колы и Соловокъ и принадлежитъ къ Новогородскому Княжеству, а жители ея платятъ дань, смотря по ихъ бѣдности и зажиточности. Земля у нихъ изобилуетъ хлѣбомъ, плодами, скотомъ, домашней и дикой птицей и дикими звѣрями. Но лѣтомъ ни какъ нельзя ѣздить туда, по причинѣ множества рѣкъ, озеръ, мховъ и болотъ. Кто хочетъ отправиться туда за какой ни будь надобностью, долженъ ѣхать зимою, когда замерзнутъ глубокія болота и большія озера.

Теперь довольно этого краткаго описанія областей, городовъ, мѣстечекъ и крѣпостей, всего ближе лежащихъ къ Шведскому Королевству.

Далѣе слѣдуетъ сообщить сколько ни будь свѣдѣній о другихъ областяхъ, лежащихъ отъ Москвы къ сѣверу, а отъ пристани Св. Николая и Холмогоръ къ востоку.

Область Печора (Petzora) простирается отъ Москвы къ северо-востоку и получила свое названіе отъ рѣки Печоры, протекающей посреди страны: на берегу ея построена крѣпость, называемая Пустозерскъ (Pustoreo). Если кто поѣдетъ туда изъ Москвы, ему надобно провести полгода въ дорогѣ. Тамошніе жители глуповатый и негодный народъ, въ 1518 году принявшій Русскую вѣру.

На этой же рѣкѣ Печорѣ построенъ другой городъ съ крѣпостью, который называется Папиновгородъ (Papinovvgorodt), а народъ Папины (Papini). Встарину онъ имѣлъ собственныхъ владѣтелей и Князей, а теперь онъ въ подданствѣ у Великаго Князя. За этою землей, въ нѣсколькихъ сотняхъ миль къ сѣверу до Ледовитаго моря, находятся еще другія области и народы, которыхъ Русскіе называютъ Самоѣды (Samiedi). Это люди, пожирающіе самихъ себя. Въ этомъ краю водятся также разные звѣри: лучшіе соболи, прекраснѣйшія куницы, рыси, бѣлые волки, черныя лисицы, лучшія и отборныя бѣлки и бѣлые медвѣди, живущіе на водѣ. Въ рѣкахъ водятся также морскія свиньи, которыхъ на тамошнемъ языкѣ называютъ моржи (Maers): у нихъ длинные, бѣлые толстые зубы, длиною въ аршинъ, изъ которыхъ Русскіе дѣлаютъ черенки къ ножамъ. Турокъ покупаетъ этотъ зубъ на вѣсъ серебра. Изъ этой земли привозятся также бѣлые соколы, которые очень идутъ для охоты большихъ господъ. Тамошніе жители такъ пугливы и робки, что бѣгаютъ отъ Русскихъ, точно неразумные скоты или звѣри.

Въ 130-ти миляхъ отъ Пустозерска находится другой городъ съ крѣпостью на рѣкахъ Сибутѣ и Сосѣ (Sibut und Sossa), называемый Лопинъ (Lopin), а жители называются Вогуличи (Wogulitzi): эта земля тянется до рѣки Оби, вытекающей изъ озера, по имени Китайское (Kitaissko).

Рѣка Обь (Obi) такъ широка, что лѣтомъ, въ самые долгіе дни, едва можно переплывать ее въ лодкѣ. На берегу этой рѣки построена крѣпость, по имени Обеа (Obea), названная такъ по рѣкѣ; жителей зовутъ Угры (Ugroi), а Князей ихъ Угорскими (Igorski, которые подвластны Москвитянамъ. Отъ этого города или крѣпости надобно ѣхать 8 недѣль до городовъ Иртыша (Irtisch) и Тюменя (Tumen) на рѣкѣ Сосѣ (Sossa), а отъ нихъ еще 8 недѣль до

области и крѣпости Gyrustin, гдѣ живетъ черный народъ, торгующій жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; правителей его называютъ Grussinski, и они данники Москвитянъ.

За тѣмъ слѣдуетъ область Лукоморье (Lucomoria), пограничная съ землями Грусеновъ (Grusenir) и Серпоновцевъ (Serponowtzi), съ которыми она ведетъ торговлю, и вотъ какимъ образомъ: языкъ этѣхъ народовъ въ ней неизвѣстенъ, а природа у нихъ такая же, какъ у ласточекъ: 27 Ноября они всѣ умираютъ отъ сильной тамошней стужи, а 24 Апрѣля оживаютъ опять: все это больше похоже на сказку, чѣмъ на правду. Зная время, когда они должны умирать, Лукоморцы привозятъ свои товары, на примѣръ, жемчугъ и драгоцѣнные камни, и складываютъ ихъ на особенное мѣсто до тѣхъ поръ, покамѣстъ тѣ не оживутъ опять. Тогда они идутъ къ тому мѣсту и смотрятъ, унесены ли ихъ товары, и если довольны тѣми товарами, которые найдутъ вмѣсто своихъ, они берутъ ихъ и идутъ домой; если же недовольны, оставляютъ ихъ, требуютъ назадъ своихъ и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не достанутъ ихъ, если сосѣди не хотятъ воевать съ ними.

Область Обдорская (Obdoria) и Кондійская (Condoria) тоже принадлежатъ Великому Князю Московскому: они чтутъ за бога золотую старуху и называютъ ее золотая баба (Solata baba). На груди у ней ребенокъ, а возлѣ нея другой, котораго зовутъ они ея внукомъ. Такая же богиня, или идолъ, находится на берегу рѣки Оби; внутри онъ выдолбленный и пустой. Русскіе сказываютъ, будто этотъ идолъ издаетъ такіе звуки, точно кто играетъ на трубѣ, когда попы совершаютъ свое служеніе передъ своими богами.

Этой богинѣ приносятъ они въ жертву лучшихъ и отборныхъ во всемъ краю черныхъ соболей и куницъ, каждый по своему состоянію. Они также бьютъ на ея содержаніе разныхъ дикихъ звѣрей и птицъ: жрецы берутъ кровь ихъ и мажутъ ею ротъ, глаза и всѣ члены богини.

Жрецы спрашиваютъ ее о будущемъ, точно Дельфійскаго оракула, и на всѣ ихъ вопросы она даетъ рѣшеніе и отвѣтъ.

Но мясо этѣхъ звѣрей, убитыхъ для жертвы, жрецы должны ѣсть сырое и невареное.

Когда иноземцы пріѣдутъ по этой рѣкѣ и не пожертвуютъ богинѣ своихъ денегъ, серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней, или другаго чего ни будь, Русскіе говорятъ, что она не только собьетъ ихъ съ дороги, но и подниметъ сильную бурю и непогоду, такъ что имъ нельзя будетъ и уѣхать оттуда, пока не принесутъ жертвы.

На другихъ сторонахъ земли Лукоморской, на большой рѣкѣ Тахнимѣ (Tachnim), живутъ разные народы, чудные видомъ и лицомъ: одни кажутся точно обезьяны, другіе, какъ дикіе звѣри; у однихъ головы, какъ у волковъ и собакъ; у нѣкоторыхъ лица на груди; они безъ шеи, точно отрубки, а руки у нихъ длиннѣе, чѣмъ у другихъ людей.

Въ той же рѣкѣ ловится рыба, у которой голова, глаза, носъ, ротъ, руки, ноги и всѣ члены точно у настоящихъ людей; но эта рыба безъ голоса и слова, безъ разума и разсудка. Русскіе сказываютъ, что она сладка на вкусъ (тюлени).

Въ нѣсколькихъ сотняхъ миль пути оттуда далѣе къ сѣверу и нѣсколько къ востоку есть чрезвычайно высокія горы, на которыхъ не растетъ ни травы, ни деревьевъ, по тому что онѣ такой высоты, что милое солнце не можетъ тамъ дѣйствовать своимъ тепломъ: горы всегда покрыты льдомъ и снѣгомъ. Еще удивительнѣе, по словамъ Русскихъ, то, что если тамъ зажгутъ огонь, онъ горитъ ни такъ ясно и свѣтло, ни такъ сильно, чтобы можно было варить на немъ мясо, или рыбу, по случаю чрезвычайной стужи въ томъ краю. Этѣ горы будто бы простираются до Ледовитаго моря. Онѣ поднимаются такъ высоко, что зеленыхъ луговъ совсѣмъ не видать тамъ, по причинѣ тѣни и вышины горъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, этѣ самыя горы у писателей называются Гиперборейскими или Рифейскими (Montes Hyperborei oder Riphei). Великій Князь посылалъ нѣсколькихъ человѣкъ, для узнанія положенія этѣхъ горъ и собранія свѣдѣній, что за страна за ними, и какой народъ живетъ въ ней и занимаетъ ее. Но они не могли этого сдѣлать. Они пытались всходить на горы 17-ть дней къ ряду, и все же не могли добраться до ихъ вершины, но должны были вернуться назадъ. Тамъ нѣтъ птицъ и не бываетъ ни на кого охоты, по причинѣ стужи и великой высоты горъ, которыя

не могутъ доставить животнымъ ни какого корму. Однако жь, посланные узнали, что за горами живутъ народы, называемые Пигмеями и ростомъ не выше трехлѣтняго мальчика, даже и тогда, когда прійдутъ въ совершенный возрастъ, или доживутъ до него. По природѣ, они боязливы и робки и говорятъ особеннымъ языкомъ, котораго не понимаетъ никто.

Часть ихъ живетъ и на морѣ, на островѣ, который Русскіе называютъ Новой Землей (Nova Zembla). Это новооткрытая страна, гдѣ жители ведутъ войну съ журавлями и не употребляютъ ни какого оружія, кромѣ растущихъ въ морѣ тростей. Теперь мы довольно сказали объ этѣхъ земляхъ и народахъ. Перейдемъ дальше къ странамъ и народамъ, находящимся къ югу и западу отъ Москвы, которыхъ Великій Князь привелъ въ свое подданство.

Казанское Царство погранично и смежно съ Ногайскими Татарами и Сибирью и находится въ 170 миляхъ отъ Москвы къ югу. Справедливо, что страна, городъ и крѣпость получили названіе отъ рѣки, протекающей тамъ и называемой Казанка, которая впадаетъ, въ одной милѣ отъ города, въ знаменитую рѣку Волгу.

Казанскіе Цари и правители были въ старину такъ богаты и сильны народомъ, что могли ставить въ поле противъ Москвитянъ 60,000 ратныхъ людей и все конныхъ. Иногда они заставляли Москвитянъ давать себѣ дань, иногда же и Москвитяне брали надъ ними верхъ, до тѣхъ поръ, пока не разбилъ ихъ на голову Великій Князь, Василій Ивановичъ, и не принудилъ взять Царя и правителя, какого ему было угодно. Они должны были платить этому Царю подать и слушаться его во всемъ. Это было очень досадно Казанцамъ; а такъ какъ Великій Князь поставилъ царствовать надъ ними гнуснаго и неспособнаго Царя, по имени Шигалея (Scheale), у котораго были большія, длинныя и отвислыя, уши, точно у Британской собаки, большое черное лицо, толстое тѣло, короткія ноги, длинныя и безобразныя ступни; вообще это былъ безнравственный, грубый и скотоватый человѣкъ, при томъ больше преданный и расположенный къ Русскимъ, нежели къ нимъ Они послали тайное письмо къ Крымскимъ Татарамъ, въ которомъ горько жаловались на свое несчастье, что они хитростью и обманомъ изъ подъ власти собственныхъ Царей подпали подъ иго Великаго Князя, который оказывалъ больше благодѣяній и милостей Рус-

скимъ, нежели имъ; слезно просили Хана милостиво отпустить къ нимъ своего брата, Сапп-гирея (Sapgeri), чтобы онъ былъ Царемъ у нихъ, прійти къ нему на помощь съ войскомъ, избавить и освободить ихъ отъ Московскаго ига, по тому что они исповѣдаютъ одну съ нимъ вѣру. Они охотно будутъ повиноваться ему и оказывать всякую честь и покорность, какъ слѣдуетъ и надлежитъ вѣрнымъ подданнымъ. Крымскій Татаринъ, Менгли-гирей (Mendli-geri), очень былъ радъ тому: поспѣшно собралъ большое войско, пошелъ на Казань, осадилъ ее, завоевалъ и поставилъ въ ней брата, Сапп-гирея (Sap-geri). А Шиг-алей бѣжалъ съ женою и дѣтьми въ Москву, и жаловался на это Великому Князю.

Сдѣлавъ все это, Менгли-гирей съ своимъ войскомъ пошелъ домой и, подошедши къ рѣкѣ Танаису (Tanais), повстрѣчалъ много ратныхъ людей, выѣхавшихъ изъ его собственной земли. Съ этѣмъ народомъ повернулъ онъ назадъ и послалъ вѣсть къ своему брату, Сапп-гирею, увѣдомляя его, что онъ намѣренъ двинуться на Москву, по тому что подкрѣпилъ себя свѣжимъ войскомъ: пусть же и онъ приготовится, соберетъ всю Казанскую силу и идетъ къ нему на выручку подъ Москву. Сапп-гирей немедленно и сдѣлалъ это. А Менгли-гирей пошелъ прямо на рѣку Оку, въ Россію, къ Москвѣ, грабилъ, разорялъ и опустошалъ всю страну, города и деревни, и увелъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ Русскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, благородныхъ и неблагородныхъ. Узнавъ, что войско Крымскаго Татарина такое сильное, нежданное и негаданное, было близко, и надѣлало ему столько вреда, Великій Князь выставилъ свою армію, какую могъ набрать второпяхъ, и послалъ ее на встрѣчу Татарамъ къ рѣкѣ Окѣ. Когда оба они сошлись, то сразились такъ сильно, что съ обѣихъ сторонъ пало много народа: однако жь Русскіе проиграли сраженіе и бѣжали въ Москву. Но Татаринъ быстро погнался за ними и преслѣдовалъ ихъ мечемъ, грабежемъ и огнемъ до тѣхъ поръ, пока не дошелъ только трехъ съ половиною миль до Москвы. Тамъ расположился онъ станомъ: къ нему пришелъ туда и братъ его, Сапп-гирей, съ Казанскимъ ополченіемъ: онъ также надѣлалъ не мало вреда на проходѣ съ войскомъ и сталъ возлѣ брата. Это очень напугало Великаго Князя въ крѣпости: онъ оробѣлъ и совсѣмъ упалъ духомъ, сдалъ крѣпость сыну своей сестры, Князю Петру (Knes Peter), и

нѣсколькимъ другимъ своимъ совѣтникамъ, а самъ бѣжалъ въ великій Новгородъ. Послѣ того Татары взяли городъ и всякій день подступали къ крѣпости. Русскіе держались въ ней крѣпко и оборонялись луками и стрѣлами до тѣхъ поръ, покамѣстъ было можмо. Наконецъ перешли къ переговорамъ и выслали большіе подарки, которыми полагали склонить Татаръ на милость и кротость. Татаринъ, замѣтивъ, что осада шла нѣсколько медленно, вступилъ съ ними въ переговоры, взялъ подарки, съ тѣмъ уговоромъ, что Великій Князь обяжется своею грамотою и печатью быть на вѣчныя времена его подданнымъ и платить ему ежегодную дань, какъ дѣлали прежде нѣкоторые изъ его предковъ; тогда онъ уйдетъ и отпуститъ всѣхъ плѣнниковъ, которыхъ было безчисленное множество. Великій Князь сначала не соглашался, но наконецъ долженъ былъ сдаться на это, подтвердилъ вышепомянутое грамотою и печатью, обязался оставаться на вѣкъ его подданнымъ и ежегодно платить ему дань по три деньги, то есть, по три гроша съ человѣка.

Послѣ договора, Менгли-гирей тотчасъ же велѣлъ въ городѣ поставить свой портретъ, въ знакъ того, что онъ привелъ въ покорность себѣ Великаго Князя, а также и для того, чтобы, когда будетъ собираться съ земли подать и пришлются для того Татары, Великій Князь опускалъ голову къ землѣ и кланялся передъ этѣмъ портретомъ, сознавая тѣмъ себя подданнымъ Хана, и по тому оказывалъ бы ему всякую службу и покорность.

Съ этѣмъ рѣшеніемъ Татаринъ выступилъ изъ стана, а Саипгирей пошелъ въ Володимиръ и Казань. Менгли-гирей отправился съ войскомъ въ Рязань и сталъ тамъ станомъ. Въ это время въ войскѣ его былъ Полякъ, служившій ему съ нѣсколькими лошадьми. Этотъ подъѣхалъ къ городу со множествомъ награбленной добычи, съ намѣреніемъ продать ее и думалъ вымѣнить на нее Русскихъ изъ города, межъ тѣмъ какъ онъ самъ войдетъ въ него съ войскомъ и захватитъ его въ расплохъ.

Когда эта шутка не удалась, Татаринъ попробовалъ другое средство и послалъ въ городъ посла къ Намѣстнику, Ивану Ковару (Ivvan Kovvar), * и велѣлъ сказать ему, что Великій Князь

* Хабару Симскому.

сталъ его подданнымъ и долженъ платить ему ежегодную дань, а по тому и онъ обязанъ повиноваться ему, пустить его въ городъ, снабдить продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ его войско. Но Иванъ былъ старый, опытный воинъ, и далъ Хану такой отвѣтъ, что это дѣло ему плохо извѣстно, да онъ и не повѣритъ тому, пока не увидитъ другаго договора. Тогда Татаринъ тотчасъ же послалъ въ городъ грамоту Великаго Князя: Иванъ очень испугался ея и удержалъ у себя. Полякъ же подходилъ все ближе и ближе къ городу съ войскомъ, въ которомъ находился одинъ знатный Господинъ съ нѣсколькими Русскими, взятыми въ плѣнъ въ Москвѣ; этотъ Господинъ поспѣшно ускользнулъ отъ Татаръ и убѣжалъ въ городъ, а Полякъ долженъ былъ вернуться съ большимъ позоромъ, на что Татаринъ такъ разсердился, что чуть не треснулъ съ досады. Онъ такъ расположилъ свое войско, какъ будто оно сбиралось итти на приступъ и готово подвинуться къ городу, если Намѣстникъ не отдастъ имъ грамоты и не пришлетъ назадъ плѣнниковъ. Но Татаринъ не получилъ ни грамоты, ни плѣнныхъ. Намѣстникъ условился съ Итальянскимъ артиллеристомъ, по имени Іоанномъ Іорданомъ, и со всѣми Русскими, бывшими въ городѣ, чтобы ни какъ не сдавать его, а защищаться и держаться въ немъ до послѣдней возможности; по тому что они знали, что Татаринъ разорилъ ихъ край, много надѣлалъ ему вреда и не можетъ достать съѣстныхъ припасовъ: они стали изо всей силы стрѣлять въ Татаръ, многихъ ранили и убили, одинъ разъ попали ядромъ недалеко отъ самаго Хана; ядро разорвало на немъ кафтанъ и унесло большой кусокъ этого платья. Это напугало Татарина: онъ собрался и ушелъ оттуда. Намѣстникъ удержалъ городъ за собою и отослалъ къ Великому Князю грамоту его. Великій Князь былъ очень радъ и сдѣлалъ Хабару большой подарокъ, за его мужество и вѣрную службу.

Другіе же Русскіе были причиною пораженія Великокняжескаго войска на Окѣ и бѣжали отъ непріятеля, который отъ того такъ далеко и проникъ въ страну, а Великій Князь потерпѣлъ столько срама и посмѣянія: они были наказаны такъ, что это могло послужить урокомъ и для другихъ.

Послѣ того Великій Князь созвалъ свое войско со всей земли, до 25,000 человѣкъ, и послалъ къ Саип-гирею, Казанскому

Царю, гонца, съ объявленіемъ ему войны въ такихъ выраженіяхъ: «Въ прошломъ году пришелъ онъ въ его страну, съ своимъ братомъ, нежданно, негадано, точно воръ и предатель, и ни какъ не далъ знать о томъ ему, Великому Князю, чтобы онъ могъ встрѣтить его и честно биться съ нимъ въ открытомъ полѣ, какъ слѣдуетъ прямодушному воину. Теперь же онъ ясно объявляетъ ему открытую войну и вызываетъ его на бой: если онъ въ силахъ сопротивляться и защищаться, пускай попробуетъ своего счастья и удачи!» Саип-гирей далъ на это слѣдующій отвѣтъ: «Много дорогъ и тропъ открыто мнѣ для похода въ Москву: могу отправиться туда, когда захочу; никто и не остановитъ меня, если прійдетъ мнѣ такая охота. Не посмотрю ни мало на твою надменность, хвастливыя слова, угрозы, твое письмо и войско, но буду искать своей прибыли, гдѣ могу, и если посчастливится, приведу тебя, со всѣми твоими большими боярами и дворянами, связаннаго, въ Казань: въ этомъ ты и не сомнѣвайся, по тому что ты поступаешь, какъ вѣроломный и невѣрный подданный, противъ чести и совѣсти своей грамоты и печати.»

Такой отвѣтъ еще больше раздражилъ и прогнѣвалъ Великаго Князя: онъ поспѣшно отправилъ свое войско, велѣлъ ему осадить Казань, и нанесъ много вреда Татарамъ, хотя и самъ не получилъ отъ того ни какой прибыли. Потомъ они сильно схватывались между собою, теряли съ обѣихъ сторонъ много людей. Русскіе не могли долго дождаться конца осады; военные начальники Великаго Князя заключили перемиріе съ Татарами и воротились домой. Это очень не понравилось Великому Князю: онъ послалъ ихъ опять въ Нижній Новгородъ, для обороны этого города и чтобы отрѣзать подвозъ къ Казанцамъ всякихъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Этѣмъ онъ, однако жь, ничего не сдѣлалъ и до самой своей смерти не тревожилъ Татаръ; когда же онъ умеръ, сынъ его, Иванъ Васильевичъ, возобновилъ войну, пошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ подъ Казань и со всѣхъ сторонъ осадилъ ее. Однако жь Казанцы не посмотрѣли на это, были храбры и смѣлы, часто дѣлали вылазки, мужественно дрались съ Русскими; съ обѣихъ сторонъ оставалось на мѣстѣ много людей. Они удерживали за собою городъ и оборонялись храбро. Замѣтивъ это, Великій Князь велѣлъ построить передъ воротами города нѣсколь-

ко укрѣпленій, чтобы можно было сдѣлать приступъ, но и это не помогло ни сколько, по тому что жители мужественно отразили его отъ города. Великій Князь понесъ большой уронъ и огорченъ былъ жестоко.

Увидавъ, что дѣло тянется медленно и что, простоявъ восемь недѣль подъ Казанью, онъ не имѣлъ ни какого успѣха, Великій Князь опасался, чтобы и Крымскій Ханъ не сдѣлалъ на него нападенія, и для того отправилъ посла къ Намѣстнику и Главному Начальнику Казани, Мурзѣ Хамаасу (Mursa Chamaas), и велѣлъ имъ сказать, что видитъ очень неохотно, что льется такъ много крови: пусть смирятся они предъ нимъ, сдадутъ ему городъ и окажутъ покорность: всѣхъ ихъ онъ приметъ въ свою высокую милость, и будетъ защищать и охранять отъ всякаго насилія и притязанія. Но всѣ они сказали въ одинъ голосъ: нѣтъ, лучше они умрутъ за свою вѣру, если онъ одолѣетъ ихъ, нежели сдадутъ ему городъ, примутъ его вѣру и будутъ его подданными. Это не такъ-то пріятно отдалось въ ушахъ Великаго Князя. Онъ тотчасъ же велѣлъ, бывшимъ съ нимъ иностранцамъ, испытать свое счастье и искуство и подкопаться подъ крѣпость.

Тѣ послушались его приказанія, приготовили все въ одну ночь и положили въ подкопъ пороху. Великій Князь отдалъ строгій приказъ своему войску готовиться на приступъ, по тому что какъ скоро порохъ загорится, валъ и укрѣпленія рухнутъ, солдаты тотчасъ же пойдутъ на приступъ. Но сначала велѣлъ духовнымъ отслужить обѣдню, сказавъ, чтобы они прежде всего воздали должное Богу; самъ же онъ молился въ слѣдующихъ словахъ: «Господи, Іисусе Христе, умилосердись надъ рабами Твоими, даруй нынѣ, да настанетъ пора милости Твоей, и пошли Твоему войску силу и крѣпость противъ непріятеля!»

Когда взошло солнце, священники прочитали Евангеліе и произнесли эти слова: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь!» порохъ былъ зажженъ, стѣна, валъ и укрѣпленіе взорваны и взлетѣли высоко на воздухъ. Непріятели въ Казани пришли въ великій страхъ и ужасъ; много народа было ранено и погибло жалкою смертію. А Москвитяне вопили и кричали: «Съ нами Богъ!» и шли со всѣхъ сторонъ на приступъ. Татаринъ призывалъ на помощь

и заступленіе Магомета. Между обѣими сторонами завязался жестокій бой, и онѣ такъ схватились, что у тѣхъ и другихъ убито очень много народа. Но Русскіе наконецъ одолѣли, по тому что были отважны и храбры, влѣзли на валъ и прогнали непріятеля. Великій Князь прыгалъ отъ радости и все заставлялъ солдатъ подсоблять другъ другу. Когда вошли они въ городъ, на встрѣчу имъ попался главный начальникъ Магометанскихъ церквей, Кассельреффи (Kasselreffi) Мулла (Molna): бились съ нимъ цѣлый часъ, но Татары должны были отступить и бѣжали въ Царскій Дворецъ. Тамъ опять стали биться, и бились до тѣхъ поръ, пока Намѣстникъ и Полководецъ не остались на мѣстѣ. Татары увидали, что нѣтъ для нихъ ни какого средства, по тому что побѣда на сторонѣ Русскихъ: уцѣлѣвшіе изъ нихъ обратились въ бѣгство, отступили къ восточнымъ воротамъ, пробились и переправились черезъ рѣку Казанку; тамъ опять пробились чрезъ цѣлое войско и ушли лѣсами.

Русскіе говорятъ, что на мѣстѣ сраженія осталось столько людей съ обѣихъ сторонъ, что цѣлый день не видно было воды въ рѣкѣ, по причинѣ крови, стекавшей туда изъ мертвыхъ тѣлъ. Это происходило 9-го Іюля, 1552 года.

Овладѣвъ страною, городомъ и крѣпостью, Великій Князь велѣлъ снова выстроить, улучшить и поправить всѣ разрушенныя и поврежденныя зданія въ городѣ. Городъ приказалъ онъ съ трехъ сторонъ обвести крѣпкою и толстою стѣною и валомъ, а съ четвертой выстроить сильное укрѣпленіе и наполнить его пескомъ, камнемъ и глиной. Внутри города построена прекрасная кирпичная церковь въ честь Дѣвы Маріи. Въ ней служитъ Архіерей, живущій въ крѣпости съ двумя Русскими Намѣстниками и нѣсколькими сотнями солдатъ, назначенныхъ Великимъ Княземъ въ караулъ туда. Городъ открытъ и не очень крѣпокъ; въ немъ не позволено жить ни одному Татарину, а только Русскимъ, которымъ предписалъ Великій Князь явиться туда изо всѣхъ областей и владѣть тамъ помѣстьями. По тому что жителей онъ выгналъ изъ города, разсѣялъ и ограбилъ, чтобы никто изъ нихъ, или изъ ихъ потомковъ, тамъ не жилъ, а жили бы вдалекѣ оттуда, въ деревняхъ. Имъ позволено также выбирать себѣ правителей изъ своихъ родовъ и племенъ, однако жь, съ тѣмъ условіемъ, что-

бы они служили Великому Князю и были для того наготовѣ съ такимъ числомъ войска, какое онъ потребуетъ и укажетъ.

Еще до взятія и покоренія Казани, Великій Князь, Василій Васильевичъ, велѣлъ построить, въ 10-ти верстахъ отъ нея, городокъ съ крѣпостью, на берегу Волги; онъ называется Свіяжскъ (Suetzkovv) и населенъ Московскими людьми, которые и теперь тамъ живутъ и ведутъ большую торговлю съ Астраханью солью и разными дорогими шелковыми матеріями, привозимыми изъ Мидіи и Персіи; они очень зажиточны.

Земля Астрахань (Astrakan) въ старину была особенное Царство, а называется такъ по имени своего перваго Царя; городъ построенъ на островѣ, при поворотѣ къ морю рѣки Волги, впадающей въ 6-ти миляхъ оттуда въ Каспійское море. Отъ Москвы до нея считаютъ 200 миль, а отъ Казани 170.

Астраханскіе и всѣ окрестные Татары, вмѣстѣ съ тѣми, которые живутъ на островахъ Волги и на Каспійскомъ морѣ, имѣли прежде собственныхъ Гусударей и Царей, ведшихъ свое происхожденіе отъ Крымскаго Царя. Онъ помогалъ имъ и выручалъ ихъ, когда сосѣдніе и другіе Государи воевали съ ними. За то они платили дань ему, какъ своему верховному правителю, до тѣхъ поръ, пока Великій Князь ,Иванъ Васильевичъ, не овладѣлъ ими силою: онъ привелъ ихъ подъ свою власть, а городъ и крѣпость взялъ приступомъ въ 1554 году и счастливо покорилъ себѣ. Одержавъ надъ Астраханцами такую славную побѣду, онъ тотчасъ же велѣлъ обнесть городъ и крѣпость сильнымъ бастіономъ, удалилъ и прогналъ оттуда всѣхъ Татаръ, мущинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, раздалъ дома и всѣ мѣста въ городѣ своимъ Русскимъ, которыхъ выписалъ туда изъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, чтобы ни какого другаго народа не жило въ Астрахани. Татарамъ, выгнаннымъ изъ города, отвелъ онъ недалеко отъ него островъ для жительства. Дѣти ихъ и теперь еще живутъ тамъ и выстроили довольно большой городъ, однако жь не укрѣпленный, а открытый со всѣхъ сторонъ, да имъ и запрещено укрѣплять его подъ смертной казнію. Намѣстникъ, власти и всѣ знатные люди Москвитяне, живутъ всѣ вмѣстѣ въ крѣпости и преданы Великому Князю. У всякой переправы на Волгѣ между Казанью и

Астраханью, гдѣ обыкновенно вторгаются Казанскіе и Крымскіе Татары, грабятъ и уводятъ въ полонъ людей, Великій Князь поставилъ нѣсколько тысячъ стрѣлцовъ, обязанныхъ останавливать такіе грабежи и содержать рѣку въ безопастности для плавающихъ по ней, чтобы они могли ѣздить вездѣ съ своими пожитками и товарами и снабжать города хлѣбомъ и другими съѣстными припасами. Въ городѣ Астрахани ведутъ также большую торговлю иностранцы, пріѣзжающіе туда изъ Мидіи, Персіи, Арменіи, Татаріи, Турціи и Россіи, съ разными товарами, на примѣръ: съ шелкомъ, бархатомъ, свинцомъ, золотою монетой, некрученымъ шелкомъ, хлопчатой бумагой, дорогими коврами, жемчугомъ, драгоцѣнными каменьями, разными пряностями; со всего этого Великій Князь беретъ большія пошлины и превосходные доходы. Рыба, овцы, рогатой скотъ, дикія и дворовыя птицы тамъ очень дешевы. Татары, тамъ живущіе, отъ того такъ и зажиточны и богаты, что каждый день занимаются торговымъ дѣломъ, не ведутъ и не исправляютъ ни какого другаго ремесла, не пашутъ и полей, по тому-то и хлѣбъ тамъ очень дорогъ, а между тѣмъ нуженъ для нихъ: они покупаютъ его у Русскихъ. Сарачинское пшено дешево: бочку его можно купить иногда за два съ половиной талера, иногда же дороже и дешевле, смотря по случаю. Его привозятъ водою по Каспійскому морю изъ Мидіи, Персіи и Арменіи, въ Астрахани мелютъ его и потомъ пекутъ хлѣбы. Въ двухъ миляхъ отъ Астрахани, невдалекѣ отъ Волги, находятся двѣ прекрасныя соляныя горы, не такъ чтобы очень высокія: Татары зовутъ ихъ Бузанъ (Bussin); въ нихъ совсѣмъ нѣтъ песка и ни какой нечистоты, такъ что не найдешь ни одной песчинки. Если бы всему Христіянству и всей Татаріи привелось брать тамъ соль, ея стало бы вдоволь. По тому что когда каждый день 10, или 30,000 человѣкъ изо всей силы рубятъ и ломаютъ соль въ этой горѣ, то, при всей своей работѣ они ни разу еще не замѣчали, чтобы сколько ни будь было отрублено, или отломано, у горы. Этою солью кормится вся Мидія, Персія, Арменія, Татарія и большая часть Россіи, и всякой воленъ рубить и ломать ее, на сколько станетъ у него силы. Русскіе получаютъ отъ того большія выгоды, особливо же города, лежащіе на Волгѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Великій Князь привелъ подъ свою власть Казань и Астрахань и сдѣлалъ рѣку свободною и безопасной отъ разбойниковъ и убійцъ.

Русскіе купцы, на столько зажиточные, чтобы держать суда и лодки, и имѣющіе возможность ѣздить два раза въ годъ, наживаютъ большое богатство, по тому что имъ дана свобода рубить соль: они и не дѣлаютъ на это ни какихъ расходовъ, кромѣ того, что нужно на топоры, крючья, желѣзные шесты (ломы) для ломки соли, на необходимое содержаніе рабочихъ и на жалованье имъ. По тому что этѣ купцы приходятъ издалека, работа ихъ самая трудная: имъ надобно плавать противъ воды, прогонять и тащить большія лодки. Они должны также подвергаться большимъ опасностямъ отъ Крымскихъ Татаръ, такя какъ у этѣхъ обыкновенная привычка нападать нечаянно и врасплохъ; когда пловцы идутъ берегомъ и тащатъ суда противъ воды, Татары приходятъ и берутъ ихъ въ полонъ, сожигаютъ суда и уводятъ къ себѣ Русскихъ, если этѣ не примутъ ни какихъ предосторожностей.

Между Казанью и Астраханью живутъ также нѣкорые Татары, называемые Нагаями (Nagai); земля ихъ простирается до Каспійскаго моря и рѣки Яика, вытекающей изъ Сибири. Этѣ Татары часто не имѣли Царей, а только Князей, и раздѣляются на три различныя вида и орды. Первая — Кассунъ (Cassun) владѣетъ землею и ордою отъ рѣки Камы (Chama) до р. Яика. Другая, — Шихмамай (Schickmamai) имѣетъ орду въ области Сибирской. Третья называется Шидахъ (Schidach); главное мѣсто ея городъ Сарайчикъ, а орда ея между рѣками Волгою и Яикомъ до Каспійскаго моря. Она самая главная изъ нихъ: изъ этого племени Татары еще и нынѣ берутъ себѣ Государей, которыхъ поставляетъ и даетъ имъ Великій Князь. Онъ сдѣлался ихъ Царемъ покровителемъ съ тѣхъ поръ, какъ овладѣлъ Казанью и Астраханью, однако жь не на томъ уговорѣ, чтобы они платили ему дань, а на томъ, что если онъ пришлетъ къ нимъ гонца, ихъ начальнихъ долженъ быть готовъ явиться къ нему съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ и служить ему безъ жалованья, впрочемъ, получая въ свою пользу добычу и награбленное имущество, сколько добудетъ. Онъ всегда въ состояніи набрать 20,000 храбрыхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ воиновъ. Сосѣдъ этѣхъ Нагаевъ другой народъ, который у Москвитянъ называется Ургенцы (Jurgenzi): имъ управляетъ братъ Великаго Китайскаго Хана (Catai), а въ Китай надо ѣхать 10 дней.

Гдѣ оканчиваются Казанскіе и Нагайскіе Татары, тамъ начинаются Волжскіе (VVolgari), получившіе свое названіе отъ рѣки Волги, гдѣ они жили сперва, пока, для лучшаго себѣ пріюта, не порешли на югъ: они вошли и въ титулъ Великаго Князя. Прежде были у нихъ свои Князья и правители. Но имъ много вредилъ, ссорилъ и раздѣлялъ ихъ Крымскій Татаринъ, чтобы они не сдѣлались его противниками; они покинуты были Литовцами, не подавшими имъ, по ихъ просьбѣ, ни какой помощи; тогда покорилъ ихъ Великій Князь Русскій, по завоеваніи Казани и Астрахани.

Дальше за Яикомъ и Нагайскими Татарами есть еще другіе Татары, у которыхъ особенные Государи и правители; это Тюменцы, Шибанцы и Козаки (Cosatzki). А къ югу, за рѣкою Волгой, между озеромъ Меотійскимъ и Евксинскимъ заливомъ до р. Кубани (Cupa), впадающей въ Азовское море, и рѣкою Моткой (Motka), текущей въ Эвксинское море, находится много высокихъ горъ, между которыми встрѣчаются прекрасныя, плодоносныя страны, каковы: Черкасія (Circassia), гдѣ живутъ Черкаскіе или Пятигорскіе Татары, иначе Quinque Montani, окруженные и огороженные утесистыми горами, точно заставленные крѣпкою стѣной. Отъ того-то они и не подвластны ни какому Государю, не боятся и не опасаются ничего ни отъ Русскихъ, ни отъ Татаръ и Турокъ, по тому что земля ихъ велика и обширна, а входъ въ нее отъ природы тѣсенъ и укрѣпленъ, такъ что ни какому непріятелю не войти туда. У нихъ пять Князей и Государей, которые правятъ особенными землями и народами и не платятъ никому дани. Князья въ такомъ согласіи между собою, что всѣ тотчасъ же готовы помогать одинъ другому и выручать его, при нападеніи на него непріятеля. Это храбрый и отважный въ бояхъ народъ: всѣ на коняхъ, употребляютъ луки и стрѣлы, сабли и довольно длинныя пики и копья.

Русскіе сказываютъ также, что есть земля, въ которую не могъ войти Александръ Великій, по тому что дорога туда чрезвычайно тѣсна и трудно ходить по ней: съ одной стороны море, съ другой высокія горы, глубокія пропасти, лѣса и долины; нельзя и проѣхать по ней, такъ какъ она втѣснена между моремъ и горами и идетъ такимъ образомъ на нѣсколько миль. Отъ того Алек-

сандръ Великій велѣлъ построить укрѣпленіе въ этомъ проходѣ, для удержанія народа, живущаго по другую сторону. Тѣ изъ жителей, которые ближе всѣхъ къ Русскимъ, исповѣдаютъ во всѣхъ отношеніяхъ Русскую вѣру, а другіе, подобно Туркамъ, вѣруютъ въ Магомета.

Большая страна Крымъ или Перекопъ (Chrim или Praecop), у которой свой Царь и Государь, живущій въ городѣ Крымѣ или Перекопѣ, очень сильна по народонаселенію, и Царь ея можетъ выставить до 200,000 ратныхъ людей, съ коими онъ часто дѣлаетъ нежданные и негаданные набѣги на Россію, Польшу и Подолъ, страшно свирѣпствуетъ огнемъ и мечемъ, грабитъ и уноситъ большую добычу, состоящую въ скотѣ и людяхъ.

Этѣ Татары считаются самымъ отважнымъ и храбрымъ военнымъ народомъ изо всѣхъ другихъ, и не любятъ отдаваться въ полонъ, а сражаются до послѣдней крайности. Когда подъ кѣмъ ни будь изъ нихъ застрѣлятъ лошадь, и ему не чѣмъ защищаться другимъ, онъ кусаетъ зубами, дерется кулаками, даетъ пинки ногой, пока его не возьмутъ въ плѣнъ и не убьютъ. О нихъ мы не будемъ больше писать и разсказывать, также и о другихъ Татарахъ, подвластныхъ Туркамъ, Чагатаю и Китаю, а опишемъ только тѣхъ Татаръ, которые въ подданствѣ у Москвитянъ, и скажемъ еще что ни будь объ ихъ обычаяхъ, вѣрѣ, учрежденіяхъ, правахъ и обрядахъ.

Во первыхъ, надобно знать, что вся Татарія раздѣляется на четыре части. Татары имѣютъ въ своемъ владѣніи и подданствѣ почти половину Азіи, и занимали въ этой части свѣта мѣста, называвшіяся въ древности Скиѳіей, и триста лѣтъ назадъ были приведены туда Чингомъ (Chingi), котораго на своемъ языкѣ они называютъ Монголомъ (Mongal).

Къ первой и большой части принадлежатъ Крымскіе Татары и всѣ орды, подвластныя уже Москвитянамъ. Орда значитъ то же, что большая собравшаяся толпа народа; въ ней живутъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, другъ подлѣ друга, и имѣютъ одного правителя и начальника, которому они покорны во всемъ.

Другую часть занимаютъ Джагатайцы (Zagathainer) или Зеленыя Головы: изъ роду ихъ былъ Тамерланъ, взявшій въ плѣнъ Турецкаго Царя и имѣвшій свое пребываніе въ большомъ городѣ Самаркандѣ (Samarchanda).

Въ третьей части живутъ Катайцы, примыкающіе къ Царству Китайскому (China) и господствующіе надъ многими Государствами.

Въ 4-й части находятся земли: Белгіанъ (Belgian), Аргонъ (Argon), Арсаретъ (Arsaret) и Анія (Ania), о которыхъ мы не имѣемъ ни какихъ подробныхъ свѣдѣній.

Теперь пойдемъ дальше къ Татарамъ, подвластнымъ Великому Князю Московскому, которые, по мнѣнію Русскихъ, ведутъ свое начало отъ Моавитянъ, по тому что это сборный народъ изъ многихъ народовъ и отличающійся отъ всѣхъ одеждою, нравами, рѣчью, вѣрою и устройствомъ. Они не занимаются ни какимъ похвальнымъ искуствомъ, не учатся ни какому разумному ремеслу, не строятъ ни крѣпостей, ни замковъ, ни городовъ, ни деревень, домовъ, въ которыхъ могли бы жить, но ѣздятъ и кочуютъ изъ мѣста въ мѣсто, гдѣ только найдутъ хорошія пастбища для своихъ лошадей и рогатаго скота, грабятъ, крадутъ, хищничаютъ и дѣлаютъ всякое зло, отъ чего и называются Половцы (Bolowtzki): это значитъ то же, что и охотникъ, который и охотится то на этомъ, то на другомъ мѣстѣ, по тому что поле означаетъ равнину, а ловчій (Loutzki) значитъ охотникъ. Нѣкоторые также того мнѣнія, что они получили своихъ первыхъ Государей и начальниковъ отъ Гедеона (Gideon), который первый привелъ ихъ на житье въ Азію, въ большую степь супротивъ Россіи, простирающуюся къ юго-востоку отъ этой послѣдней страны. Безъ сомнѣнія, сначала они были бичемъ для многихъ странъ и областей и разоряли ихъ, по тому что это смѣлый и неустрашимый народъ.

Но какъ они были народъ грубый, дикій и варварскій, не хотѣвшій научиться ни какому благонравію или пристойнымъ обычаямъ, то ихъ и выжили другіе народы и загнали въ большую пустыню и степь, не обитаемую людьми, чтобы имѣть покой отъ нихъ. Они до того размножились и расплодились тутъ, что всѣ окрестные народы стали бояться и остерегаться ихъ могущества, раз-

дѣлились на многія толпы или орды, изъ которыхъ у каждой были свои царьки и правители, избиравшіеся для того, чтобы другъ послѣ друга принимать правленіе по наслѣдству и царствовать надъ нею.

У нихъ былъ такой обычай, что когда Князь умиралъ, они либо выбирали на его мѣсто другаго, по наслѣдственному праву (jure haereditario), либо главные люди между ними бились и сражались за Царскую власть, и кто одолѣетъ другихъ, низложитъ ихъ и подчинитъ себѣ свой народъ, того и считали они достойнымъ царствовать и княжить надъ ними.

У всѣхъ у нихъ одинъ языкъ, не много различный отъ Турецкаго, но всѣхъ хуже нарѣчіе и непріятный выговоръ у Нагаевъ, которые грубѣе и скотоватѣе всѣхъ ихъ.

Многіе годы они поклонялись солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, и планетамъ, кустамъ, камнямъ и другимъ подобнымъ предметамъ, что кому полюбится; но теперь нѣкоторые отказались отъ этой вѣры, приняли, вмѣсто ея, Турецкую, вѣруютъ въ Магомета и называются Burormanni (Бусурманы?). Нѣкоторые крестились и приняли Русскую вѣру.

Они не имѣютъ ни законовъ, ни уставовъ, по которымъ бы слѣдовало жить имъ: всякой дѣлаетъ, что ему угодно, и наноситъ другому столько вреда и позора, сколько достанетъ у него силы.

Если кто возьметъ что ни будь у другихъ тайкомъ, и ему скажутъ о томъ, онъ говоритъ: «Мнѣ было нужно это, отъ того я и взялъ; если же я причинилъ тебѣ какой ни будь убытокъ, сдѣлай и ты тоже!» Но буде тотъ недоволенъ и обвинитъ его предъ властями, вора не присуждаютъ ни къ чему другому, кромѣ того, что обокраденный долженъ заплатить ему тою же монетою, и взять у вора столько же, сколько онъ взялъ у него, послѣ того они все же остаются добрыми пріятелями. Но если выйдетъ у нихъ такая ссора и брань, что кто ни будь убьетъ другаго, а послѣ того убійцу поймаютъ и схватятъ на самомъ дѣлѣ, судья беретъ у него лошадь, платье и вооруженіе, даетъ ему, вмѣсто того, плохую лошаденку, велитъ уѣхать и говоритъ: «Убирайся прочь и хлопочи, какъ бы тебѣ опять нажить что ни будь!»

Хотя Татары по природѣ безпокойны и никогда не могутъ жить смирно и тихо, однако жь неохотно убиваютъ другъ друга, если только Князья и Государи ихъ не въ ссорѣ и не враждуютъ между собою. Но если кто провинится въ измѣнѣ своему законному Государю, или затѣетъ возмущеніе, пойманъ будетъ на самомъ дѣлѣ и не можетъ оправить и защитить себя, тотъ безпощадно подвергается смертной казни огнемъ, водою, желѣзомъ, или сажается на колъ, смотря по важности и знатности дѣла.

Вообще всѣ Татары сложены или вылиты по одному образцу: толсты, средняго роста, съ широкими лицами, не терпятъ на головѣ ни одного волоса, кромѣ однихъ начальниковъ, выпускающихъ за уши локонъ въ два пальца длиною и окрашиваютъ его, чтобы онъ былъ черный. По природѣ они крѣпки и расположены ко всякому сладострастію и неестественнымъ желаніямъ, въ чемъ походятъ на Русскихъ. Ѣдятъ они всякую пищу: собакъ, кошекъ, лошадей и разныхъ гадовъ, также скотъ, воловъ и овецъ, птицъ и звѣрей, кромѣ только свинаго мяса, по тому что они обрѣзанцы и придерживаются закона и устава Магометова. Въ случаѣ нужды они могутъ выносить голодъ два, или три, дня: ничего не ѣдятъ и даже не спятъ, а ѣздятъ, работаютъ и исправляютъ свои дѣла; но, доставъ опять съѣстнаго, они пожираютъ все, что ни попадется, безъ остатковъ, точно голодные псы и неразумныя животныя до того, что дѣлаются больны, лежатъ, стонутъ и валяются нѣсколько дней, пока не сварится въ желудкѣ пища. Когда они рѣшатся на дальній походъ, въ которомъ имъ нечего будетъ ѣсть, и мучитъ ихъ голодъ и жажда, они пускаютъ лошадямъ кровь и пьютъ ее, для утоленія голода. Они охотно ѣдятъ всякое молочное кушанье изъ кобыльяго и коровьяго молока, и считаютъ его самымъ лучшимъ и вкуснымъ блюдомъ. Даже возятъ молоко съ собой, засушенное въ куски, которые крошатъ въ воду, и оно идетъ имъ вмѣсто пищи и питья. Сухое молоко, которое возятъ въ походы, они приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: сначала вскипятятъ его и снимутъ жиръ, плавающій сверху, кладутъ этотъ жиръ въ другой сосудъ и дѣлаютъ изъ него масло, а до тѣхъ поръ, пока онъ есть въ молокѣ, оно не засохнетъ. Послѣ того ставятъ молоко на солнце, и такимъ образомъ оно сохнетъ. При отъѣздѣ, каждый изъ нихъ беретъ его нѣсколько кусковъ, смотря

по своей надобности, въ кожаную фляжку, сдѣланную въ видѣ мѣха, а потомъ наливаетъ въ нее воды, сколько для него нужно. На ѣздѣ молоко трясется въ фляжкѣ и дѣлается точно сокъ: тогда они и пьютъ его. Они возятъ также съ собою маленькій котелокъ для варенія мяса, когда у нихъ мирное время и есть хорошій выгонъ для лошадей.

Лѣтомъ, когда нельзя достать другой пищи, они ѣдятъ коренья, зелень и травы, точно какія ни будь безсловесныя животныя на поляхъ. Они часто не кладутъ соли въ кушанье, отъ того, по словамъ ихъ, и зрѣніе у нихъ острѣе, чѣмъ у другихъ людей. Когда выйдутъ въ походъ съ своимъ Княземъ и попадется имъ что ни будь изъ съѣстнаго, лошадь, или другое что, они мигомъ убиваютъ ее и дѣлятъ на сорокъ человѣкъ: низшіе берутъ и ѣдятъ мясо, а главныя лица и Князья берутъ внутренности, какъ самое вкусное лакомство, кладутъ ихъ на уголья, жарятъ и съѣдаютъ, вмѣстѣ съ угольями и каломъ, съ такою жадностью, что потомъ облизываютъ у себя пальцы и ножи, чтобы дочиста покончить свое лакомое и пріятное кушанье. Голову считаютъ самымъ лучшимъ кускомъ и оставляютъ ее для гостей, какъ самое вкусное блюдо. Столовъ не употребляютъ, а садятся въ кружокъ на землѣ, положивъ нога на ногу, безъ подушекъ и скатертей. Но Князья и начальники стелютъ прекрасные ковры подъ себя и свои кушанья.

Если кто ни будь спрашиваетъ, за чѣмъ сидятъ они на землѣ, Татары отвѣчаютъ, что вышли изъ земли и опять будутъ въ ней, а по тому и должны почитать ее.

Они берутъ многихъ женъ, смотря по своему достатку и богатству, по тому что чѣмъ больше у кого женъ, тѣмъ больше ему славы и почета между Татарами; они считаютъ лучшимъ удовольствіемъ и радостью на землѣ жизнь въ обществѣ многихъ женъ.

Одежда ихъ, мужская и женская, шьется почти одинаково; всѣ вообще носятъ длинные кафтаны, кромѣ только женщинъ простаго званія, которыя покрываютъ себѣ голову маленькимъ лоскуткомъ полотна, а самыя знатныя закрываютъ лицо и го-

лову прекрасною бѣлою Арабскою тканью, когда выходятъ изъ своихъ палатокъ гулять, или навѣстить подругъ.

А простой народъ ходитъ въ овчинныхъ шубахъ, охватывающихъ руки и ноги, не дѣлаетъ себѣ другаго платья, если прежнее еще годно, да и не можетъ носить ничего больше. Однако жь у нихъ есть и полотняные штаны и рубашки.

Они совсѣмъ не обработываютъ полей, не пашутъ, не сѣютъ, не кортомятъ пашенъ, а живутъ воровствомъ и разбоемъ. Что ни добудутъ на войнѣ, золото ли это, серебро, деньги, платье, скотъ, или люди, все продаютъ Туркамъ и другимъ народамъ и берутъ за то нужное для себя. Они также не ведутъ ни какой торговли, не учатся ни какимъ ремесламъ, какъ водится у насъ и въ другихъ мѣстахъ.

Они не строятъ домовъ, городовъ и крѣпостей, а употребляютъ большія телѣги, крытыя кожей, мѣхомъ, прутьями и войлокомъ, и живутъ въ своихъ палаткахъ и шалашахъ, которые строятся изъ травы и фашинника и такъ предохранены отъ дождя, что хоть бы лилъ онъ цѣлыя сутки, ихъ ни сколько не мочитъ въ такихъ палаткахъ. Они ѣздятъ изъ мѣста въ мѣсто, гдѣ поудобнѣе и можно найти хорошіе выгоны и воду для ихъ лошадей, рогатаго скота и овецъ; скотъ — ихъ лучшее богатство и сокровище: имъ они кормятся.

Они позволяютъ себѣ думать, что съ ними приключится большое несчастье, если долго останутся и промѣшкаютъ на одномъ мѣстѣ. Въ сердцахъ и въ досадѣ на дѣтей своихъ, или сосѣдей, они желаютъ имъ надолго оставаться на одномъ мѣстѣ, подобно птицѣ клесту (Ιoxia), которая все корпитъ на одномъ гнѣздѣ да разнюхиваетъ свой собственный калъ. Передвигаясь съ одного мѣста на другое, и наконецъ расположившись на стоянку, они не позволяютъ зажигать огонь въ станѣ, чтобы не провѣдалъ ихъ непріятель, до тѣхъ поръ, пока не найдутъ мѣсто, на которомъ думаютъ быть въ безопасности. Они не имѣютъ дорогъ для своего странствованья и скитанья, а направляютъ путь по теченію солнца и мѣсяца, а особливо по Сѣверной звѣздѣ.

Воюютъ всегда верхомъ на бойкихъ, легкихъ и быстрыхъ коняхъ съ толстыми хвостами. Сѣдла и стремена у нихъ всѣ

деревянныя, кромѣ только Князей и властей, которые получаютъ ихъ изъ Турціи и Россіи. Оружіе — луки, стрѣлы и кривыя сабли. Ѣздятъ на укороченной уздѣ, въ сѣдлахъ сидятъ избоченясь. Когда обратятся въ бѣгство, а непріятель погонится за ними, они бросаютъ все, что только есть съ ними, кромѣ сабель, которыми и рубятъ во всѣ стороны, сколько хватитъ силы.

Когда даютъ сраженіе непріятелю, распредѣляютъ своихъ людей по отрядамъ, помѣщая въ каждый отрядъ по 3-ри, или по 4, тысячи человѣкъ, послѣ того, какъ первый пуститъ свои стрѣлы, ѣдетъ другой и третій отряды; такъ и стрѣляютъ изъ луковъ поочередно, въ какомъ порядкѣ поставлены; когда же всѣ выстрѣлятъ, отступаютъ назадъ и потомъ вмѣстѣ нападаютъ на непріятеля, съ большимъ шумомъ и гамомъ, и криками: «Гола, гола, гола!» Разбитые и обращенные въ бѣгство, они защищаются также стрѣльбой изъ луковъ до послѣдней возможности; стрѣляютъ впередъ и назадъ, такъ живо и ловко, что и въ бѣгствѣ наносятъ такой же вредъ, какъ и въ сраженіи, и никогда не отдаются въ плѣнъ по доброй волѣ, пока еще смогутъ оборонятьcя. Замѣтивъ, что для нихъ одно спасеніе — бѣгство, они скорѣе позволятъ убить себя, нежели отдадутся въ плѣнъ. Они не употребляютъ ни пороха, ни дроби, не умѣютъ обращаться ни съ полевыми, ни съ большими, пушками, рѣдко осаждаютъ города и крѣпости; но если бы привелось захватить городъ, или крѣпость, врасплохъ, хитростью и обманомъ, они ужь не пропустятъ этого случая. Когда это удастся, они тотчасъ же жгутъ и разоряютъ взятый городъ до основанія, грабятъ и берутъ все, что могутъ увезти. Людей, скотъ, серебро и золото продаютъ окрестнымъ и сосѣднимъ съ ними народамъ; дѣвушекъ, служанокъ, молодыхъ людей и дѣтей оставляютъ у себя, для работы и прислуги.

Людей среднихъ лѣтъ продаютъ они Туркамъ, а очень дряхлыхъ и больныхъ, не способныхъ къ работѣ, которыхъ никто не купитъ, отдаютъ своимъ сыновьямъ, чтобы они стрѣляли въ нихъ, точно въ цѣль, или лишали ихъ жизни какъ ни будь иначе, веревкой, или желѣзомъ, огнемъ, или водой, въ видѣ упражненія. Привыкнувъ смолоду ко всѣмъ безчеловѣчнымъ и звѣрскимъ дѣламъ,

они становятся тѣмъ злѣе и свирѣпѣе въ старости, получаютъ совершенное сходство съ отцами и сравниваются съ ними.

Передъ выступленіемъ въ поле, на бой съ непріятелемъ, они сначала отыскиваютъ въ большой степи особенно удобныя и безопасныя мѣста, чтобы отвезти туда и спрятать тамъ своихъ женъ, дѣтей и все имущество, чтобы ни какой непріятель не нашелъ и не захватилъ все это, во время ихъ отлучки. Жены и дѣти съ пожитками остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ извѣстія отъ мужей, что сталось съ ними и какъ у нихъ идетъ война. Когда мужья одержатъ побѣду, онѣ идутъ къ нимъ на встрѣчу; когда же проиграютъ сраженіе и будутъ разбиты, онѣ убѣгаютъ еще дальше въ степь, чтобы быть еще безопаснѣе и непріятель не могъ бы отыскать ихъ.

Итакъ мы разсказали въ короткихъ словахъ объ областяхъ и Татарахъ, находящихся за рѣкою Сурой, которая — настоящая граница отъ Татаръ и принадлежитъ Великому Князю Московскому.

Теперь поговоримъ о главнѣйшихъ озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ, которыя вытекаютъ и впадаютъ въ Россіи, въ Татаріи и другихъ земляхъ, и начнемъ съ Каспійскаго гафа или моря; кругомъ его живутъ разные народы и находятся особенныя земли, каковы: Астрахань, Черкасія (Cirkassia), Наган, Туркменцы (Turchomensis), Юргенцы (Jurgense), Персія, Мидія, Гилянъ (Gilien) и Заволжскіе (Zawolgawische) Татары.

Каспійское море, имѣющее въ окружности 2800 миль, соленое и обрширное море, похожее на озеро, и лежитъ въ 6-ти миляхъ ниже Астрахани, гдѣ рѣка Волга раздѣляется на 72 рукава и впадаетъ въ это море. Волга течетъ въ него изъ Россіи не одна, но точно мать съ дѣтками; множество другихъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ впадаетъ въ него изъ другихъ странъ; ни одна изъ нихъ не минуетъ его, по тому что оно такъ низко, что принимаетъ въ себя всякія воды. Кругомъ его высокія горы, сухая почва, такъ что можно ѣхать туда и сухимъ путемъ. Отъ чего же въ немъ соленая вода, если оно озеро и въ такомъ дальнемъ разстояніи

отъ моря? По мнѣнію Русскихъ, причиною того знаменитая гора Бузанъ (Busin), въ шести миляхъ отъ моря, да и другія соленыя горы, вокругъ и возлѣ него лежатъ. При попутномъ вѣтрѣ можно переплывать его въ 5-ть дней въ самомъ широкомъ мѣстѣ.

Длина его считается отъ Волги ко востоку до Государства Ургенчей, куда можно приплыть въ 5-ть дней при довольно сильномъ вѣтрѣ. Половина моря не болѣе 4-хъ саженъ глубины. Въ ней бѣлый песокъ, отъ чего и вода на видъ чиста и прозрачна. Другая половина до того глубока, что не найдешь и дна, а вода черная, точно смола, или деготь. Посреди моря онѣ сливаются вмѣстѣ, подобно довольно большимъ рѣкамъ, и образуется великая бездна; это, впрочемъ, случается не всегда, но только въ извѣстное время въ году; теченіе бываетъ такъ сильно, что подошедшія къ нему суда, если нѣтъ сильнаго, погоняющаго ихъ, вѣтра, останавливаются тамъ, поворачиваютъ назадъ и не могутъ продолжать плаванія, пока не подуетъ довольно сильный вѣтеръ и не угонитъ ихъ оттуда. Но такъ какъ тамъ очень глубоко, то суда и не терпятъ ни какого вреда, пока не угонитъ ихъ вѣтромъ.

На морѣ много острововъ съ прекрасными городами и мѣстечками, населенными жителями; много и необитаемыхъ.

Ивановское озеро (Ivvanovv) одно изъ величайшихъ озеръ въ Россіи и изобилуетъ разною рыбой; кругомъ его много большихъ лѣсовъ и рощей: главный лѣсъ Русскіе называютъ Епифановымъ (Epiphanovv): онъ находится въ осьми миляхъ отъ города Тулы, въ Рязанскомъ Княжествѣ.

Изъ этого озера вытекаютъ двѣ прекрасныя рѣки: одна называется Шать (Schaet), направляетъ свое теченіе къ востоку, принимаетъ рѣку Упу, протекающую при городѣ Тулѣ, и потомъ быстро впадаетъ въ рѣку Оку. Другая рѣка называется Танаисъ (Tanais) и вытекаетъ изъ того же озера при деревнѣ, называемой Донхо (Doncho), отъ которой и рѣка получила свое имя и называется по Русски Донъ, а по Латыни Танаисъ; она течетъ въ Меотійское озеро, довольно большое и широкое, по причинѣ многихъ, впадающихъ въ него, рѣкъ и рѣчекъ, такъ что по немъ

можно плавать въ Кафу и еще другіе города въ Турціи. Весной и осенью, во время водополи, можно плавать рѣкою на большихъ судахъ и лодкахъ въ Азовъ, гдѣ ведется обширная торговля съ иноземцами, пріѣзжающими туда съ разнымъ товаромъ, по тому что не платятъ пошлинъ.

Рѣка Донъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи, нѣсколько миль беретъ направленіе къ востоку, проходитъ степью между Казанью и Астраханью и течетъ въ одномъ мѣстѣ семь миль близко Волги, но наконецъ уклоняется къ сѣверу и къ югу. Вскорѣ потомъ она впадаетъ въ Меотійское озеро, отъ котораго не больше 30-ти миль; до главнаго города Крыма (Chrim), или Перекопа (Praekop), гдѣ имѣетъ свое пребываніе Татарскій Царь.

Отъ начала этой рѣки до Меотійскаго озера сухимъ путемъ не больше 80 миль; но какъ она течетъ извилисто, то водою будетъ нѣсколько сотъ миль.

Превосходная земля по обѣимъ сторонамъ этой рѣки: на ней растутъ разныя плодовитыя деревья; во многихъ мѣстахъ прекрасные и благовонные луга, въ 5 и 6 миль ширины; въ лѣтнее время растущіе тамъ травы, цвѣты и злаки разливаютъ пріятный, ароматическій запахъ, точно въ самомъ лучшемъ саду.

На низкомъ берегу рѣки растутъ знаменитыя травы и превосходная лакрица (Lacrizia), за которую даютъ большія деньги въ аптекахъ. Тамъ же множество пчелъ и меду, изобиліе всякой птицы, звѣря и рыбы, по тому дорожный человѣкъ за даромъ можетъ имѣть вдоволь всего, если запасется хлѣбомъ и солью, возьметъ съ собой ружье, пороху и дроби для стрѣльбы, да еще удочку для уженья; не будь только тяжелъ и лѣнивъ ходить за тѣмъ, а то охотникъ и рыбакъ, не знакомый съ усталостью, онъ много найдетъ себѣ наслажденія.

Знаменитая рѣка Волга вытекаетъ въ Ржевъ-Дмитріевскомъ Княжествѣ (Rschovv Demetri), изъ глубокаго озера, по имени Фряново (Fronovv), находящагося въ Волконскомъ лѣсу.

Изъ этого озера вытекаетъ много и другихъ рѣкъ, и въ двухъ миляхъ отдуда сливаются вмѣстѣ въ одномъ озерѣ Волго (Volko), изъ котораго выходитъ сначала ручеекъ, получившій названіе Волги (Wolga), однако жь не долго остается такимъ, но все растетъ и увеличивается многими другими водами, въ него текущими.

Эта рѣка Волга протекаетъ много большихъ городовъ, каковы: Тверь, Кашинъ, Холопій Городъ (Chlopia), Угличъ, Ярославль, Кострома (Castrom), Галичъ, Муромъ (?) и много другихъ; потомъ течетъ въ Нижній Новгородъ, послѣ того поворачиваетъ къ югу, въ Васильевъ городъ, гдѣ Мордовскіе Татары отдѣляются отъ Крымскихъ, течетъ нѣсколько сотъ миль немного внизъ къ востоку въ рѣку Rescinda и отдѣляетъ Казанскихъ Татаръ отъ Нагайскихъ, Астраханскихъ отъ Крымскихъ, вскорѣ потомъ съ сильнымъ и быстрымъ теченіемъ идетъ на югъ мимо города Астрахани и впадаетъ въ Каспійское море; зимой она никогда не замерзаетъ, по тому что та страна лежитъ такъ далеко къ югу, подъ солнцемъ, что холодамъ ничего тамъ не сдѣлать.

Рѣка Волга, въ своемъ обширнѣйшемъ теченіи, принимаетъ много большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ, такъ что выше и ниже Астрахани отдѣляетъ отъ себя 72 рѣки (рукава), которыя впадаютъ всѣ въ Каспійское море. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между Казанью и Астраханью она такъ велика и широка, что на ней встрѣчаются большіе острова и островки въ нѣсколько миль длины: на нихъ растутъ разныя деревья, на примѣръ, дубы, самшиты, осины, березы, орѣшины, ольхи, буки и великое число многихъ другихъ.

На берегахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, прекрасныя рощи, веселые луга и превосходные выгоны для рогатаго скота и овецъ: тамъ растутъ прекрасныя душистыя травы и пряныя коренья, разливающіе превосходный запахъ.

На островахъ и Нагайской сторонѣ Волги растутъ солодковый корень (Lacrizia, Rhabarbarum) и другія прекрасныя растенія,

о которыхъ Татары не имѣютъ ни какого понятія и не знаютъ какъ употреблять ихъ.

Москвитяне сказываютъ также, что тамъ растетъ плодъ, приносящій круглыя сѣмена, не совсѣмъ похожій на дыню, только немного круглѣе, а величиною въ нѣсколько аршинъ. На ихъ языкѣ онъ называется Баранецъ (Boranetz), по сходству его съ барашкомъ: у него голова, глаза, уши и всѣ члены точно у молодаго барашка, а шерсть на немъ очень мелкая и нѣжная; женщины дѣлаютъ изъ нея головные платки. Русскіе разсказываютъ, что въ его вѣткахъ и стебляхъ есть нѣсколько крови и немного мяса, которое походитъ съ вида на раковое. У него есть и когти, и рога, не такіе, какъ у барашка, но волосатые, какъ шерсть, и растутъ точно также, какъ рога и когти. Корень въ срединѣ его куста‘ будто бы, требуетъ корму и живетъ до тѣхъ поръ только, пока кругомъ его есть трава. Когда она посохнетъ, или ея совсѣмъ нѣтъ, корень тоже пропадаетъ и гибнетъ безъ пищи. Онъ прекраснаго сладкаго вкуса, по тому-то и очень ищутъ его волки и другіе дикіе звѣри для пищи:* чудная и диковинная вещь, если она и въ правду такова, какъ сказываютъ Русскіе. Но для Бога нѣтъ ничего не возможнаго. Онъ творитъ все по своей Божественной волѣ и изволенію.

На той сторонѣ, гдѣ Волга тянется къ Крымскимъ Татарамъ, встрѣчаются длинные, мелкіе кусты и орѣшины, дающіе орѣхи гораздо больше тѣхъ, что растутъ у насъ и въ другихъ мѣстахъ. Тамъ есть также и другія рощи, въ четверть и въ полмили, въ 3 и 4 мили длины: всѣ онѣ наполнены маленькими, густыми вишенными деревцами, приносящими плоды два раза въ годъ: вишни очень хороши, сладки и ужь конечно идутъ въ пищу; однако же

---

* Подъ этѣмъ названіемъ: Баранецъ, или Зеленика, извѣстны ботаникамъ два растенія: Скиѳскій овенъ (Lycopodium Selago) и Татарскій овенъ или Зерликъ Баромецъ (Polypodium Barometz): корень послѣдняго покрытъ очень густо весьма мягкимъ, темножелтымъ пушкомъ: въ этомъ только и заключается его сходство съ барашкомъ. Остальное такая же басня, какъ и сказанія Альдровандуса и Жерара (Ботаника, 1636 года) о деревѣ, изъ почекъ котораго выходятъ утята, или о растеніяхъ, изъ цвѣтка которыхъ выпрыгиваютъ дѣвушки! — Пр. Перевод.

въ иныхъ мѣстахъ встрѣчается другая порода вишенъ гораздо кислѣе; они растутъ и спѣютъ очень скоро, по тому что эта страна лежитъ далеко на югѣ, и солнце дѣйствуетъ тамъ сильнѣе, чѣмъ у насъ.

Этѣ деревья такъ плодовиты, что не видать бываетъ и листьевъ, когда поспѣютъ плоды, по тому что сучья и вѣтки висятъ всѣ въ ягодахъ, заслоняютъ собою верхушки деревьевъ и клонятся къ землѣ, точно ржаные колосья отъ дождя, когда рожь поспѣетъ и придетъ пора жать ее.

Весь кустарникъ такой красный, будто кумачъ растянутъ по деревьямъ, на такое разстояніе, сколько можно окинуть взглядомъ.

На равной полянѣ, въ 3-хъ, или 4-хъ, миляхъ отъ рѣки, рѣдко встрѣчаются кусты, лѣса, а только возлѣ самой Волги и другихъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, въ нее текущихъ: близъ нихъ Татары обыкновенно пасутъ своихъ овецъ, по тому что тамъ хороша трава.

Эта рѣка изобилуетъ также всякой рыбой, особливо находятъ въ ней одну породу, называемую бѣлорыбицей: она почти походитъ на лещей, только вдвое больше и шире ихъ, и имѣетъ бѣлую чешую, блестящую, какъ жемчугъ, или серебро.

У этой рыбы такое свойство, что когда соберется ея много, она прыгаетъ и шмыгаетъ по водѣ, какъ стрѣла, на три, или четыре, ружейныхъ выстрѣла разстоянія, да еще такъ быстро, что ни какой птицѣ не пролетѣть скорѣе: ее видно тогда вездѣ въ рѣкѣ. Рыба очень жирная и пріятная въ кушаньѣ.

Тамъ же ловится рыба съ длиннымъ острымъ носомъ и маленькимъ круглымъ ртомъ: такова севрюга, осетрина (Cetrin), лосось, стерлядь (Stürlein), которая очень жирна и превосходнаго вкуса, если только свѣжа и хорошо приготовлена.

Въ Астрахани ловится также рыба, называемая Русскими сомъ (Soom). Она имѣетъ круглую голову, очень толста и велика,

около трехъ аршинъ длины, и такъ сильна и жадна, что можетъ глотать куски мяса въ два съ половиною пуда. Схвативъ человѣка за ногу, или за руку, она тащитъ его на дно и топитъ, потомъ высасываетъ кровь и пожираетъ все его мясо. Она жирна, какъ сало, а по тому и не годится въ пищу, кромѣ только маленькаго куска у хвоста. Ловятъ ее на свѣжее мясо, воткнутое на большіе щучьи зубы, вытаскиваютъ на нихъ изъ воды и вывариваютъ ворвань, по тому что, по причинѣ жира, въ ней нечего ѣсть.

Озеро Бѣлое (Bielozor), на которомъ построенъ укрѣпленный городъ, съ такимъ же названіемъ, имѣетъ въ длину 16 миль, а въ ширину 12. Это озеро очень глубоко, а по тому и нѣтъ въ немъ ни какой особенной рыбы; да если какая и ловится тамъ, то очень тоща и непріятнаго вкуса.

Въ это озеро впадаетъ 36 рѣкъ и рѣчекъ, а вытекаетъ изъ него только одна, по имени Шексна (Sosna), которая течетъ въ рѣку Мологу, а беретъ начало въ Новогородскомъ Княжествѣ и потомъ впадаетъ въ Волгу при Холопьемъ Городкѣ (Мологѣ).

Рѣка Вага (Waza) течетъ между Бѣлымъ озеромъ и Волгою, беретъ начало въ болотѣ, проходитъ возлѣ города Svvetzogorodt и впадаетъ въ рѣку Двину; направляющую свое теченіе въ городъ Холмогоры (Colmogorodt) и впадающую въ большое море у монастыря Св. Николая, куда пріѣзжаютъ корабли изъ Голландіи, Англіи и Гамбурга, по тому что тамъ хорошая пристань.

Рѣка Двина (Dvvina) весною дѣлается такъ велика и широка отъ другихъ рѣкъ и рѣчекъ, въ нее впадающихъ, также отъ множества тающаго льда и снѣга, что, подобно Египетскому Нилу, орошаетъ землю, которая становится отъ того очень тучна и плодородна и никогда не имѣетъ надобности въ удобреніи. Отъ того тамъ всегда изобильные урожаи прекраснаго хлѣба, поспѣвающаго съ такою быстротою, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ во всей странѣ.

Рѣка Сухона (Suchana) вытекаетъ въ десяти миляхъ выше города Вологды (VVologda) изъ одного ключа, и идетъ сперва глу-

бокимъ болотомъ у деревни Zuchana Drevvne, отъ которой рѣка получила свое имя, потомъ дѣлается все больше и больше отъ множества впадающихъ въ нее рѣчекъ и рѣкъ. Она протекаетъ городомъ Вологдой и потомъ сворачиваетъ на сѣверъ, проходитъ мимо города и крѣпости Тотьмы (Todtmar), къ городу Устюгу (Ustuga), которой во 100 миляхъ отъ Вологды.

Туда же приходитъ съ юга еще другая рѣка, по имени Югъ (Juga): обѣ онѣ сливаются подъ городомъ и утрачиваютъ прежнія названія и называются Двиною (Dvvina), а «Dvvie» значитъ по Русски два, по тому что изъ двухъ рѣкъ составилась одна рѣка, которая, какъ было сказано прежде, въ полномъ своемъ теченіи впадаетъ въ большое море у монастыря Св. Николая, гдѣ иностранцы пристаютъ съ своими товарами и могутъ оттуда на лодкахъ и судахъ плавать Двиною въ рѣку Сухону до города Вологды, и рѣкою Волгою въ городъ Ярославль, оттуда же товары ихъ привозятся сухимъ путемъ въ Москву.

Рѣка Москва (Mosqui) вытекаетъ въ 18-ти миляхъ отъ Москвы, не вдалекѣ отъ города Твери, течетъ городомъ Москвою мимо его Кремля и въ 6-ти миляхъ выше Москвы впадаетъ въ рѣку Оку.

Рѣка Яуза (Jagusa) беретъ начало изъ родниковъ одной четверти мили отъ Москвы, къ востоку, и быстро течетъ городомъ въ рѣчку Москву.

Ручей Неглинная (Neglina) выходитъ съ запада изъ болота, въ полумили отъ Москвы, направляетъ свое теченіе городомъ, мимо Кремля, и въ 24 миляхъ отъ Володимира впадаетъ въ р. Оку. *

Рѣка Угра, прекрасная и глубокая рѣка, берущая свое начало въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города Дорогобужа (Dorogabus), въ большой степи, между городомъ Воротыномъ (VVorotin) и Калугою (Coluga), и впадающая въ рѣку Оку. Прежде была она естественною границею между Россіей и Литвою.

Рѣка Ока (Осса) вытекаетъ изъ большаго болота въ Рязанскомъ Княжествѣ, въ 78 миляхъ отъ Москвы, протекаетъ мимо

---

* Петрей, конечно, хотѣлъ это сказать о рѣкѣ Москвѣ.

городовъ Рязани (Rezan), Воротына, Орла (Orlovv), Алексина (Alexi), Калуги, Серпухова (Cirpokovv), Каширы (Cassin), Коломны (Columen), Касимова (Cassinovv) Мурома, поворачиваетъ тутъ къ сѣверу и при Нижнемъ Новгородѣ впадаетъ въ Волгу.

Знаменитая рѣка Днѣпръ (Neper), по Латыни Boristhenes, беретъ начало въ Рязанскомъ Княжествѣ, изъ большаго болота или озера, при деревнѣ Днѣприщи (Dniepiersche), отъ которой получила и свое имя эта славная рѣка. Сначала она очень мала до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ къ ней съ запада другая рѣка, по имени Днѣпрецъ (Niepretz) и не впадетъ въ нее: отъ того Днѣпръ дѣлается больше, чѣмъ въ началѣ, течетъ, направляясь сперва къ югу, мимо города Вязьмы (Wiesmo), потомъ сворачиваетъ къ востоку и проходитъ городами Дорогобужемъ, Смоленскомъ (Schmolenskou), Оршей-Дубровной (Orsodubrovva). Наконецъ онъ течетъ опять къ югу, мимо славнаго города Кіева (Kiovv), оттуда большою степью Крымскихъ Татаръ, и на пути принимаетъ въ себя много рѣкъ и впадаетъ въ Евксинское море.

Рѣка Двина (Dvvina) выходитъ изъ болота, въ десяти миляхъ отъ рѣки Днѣпра, въ Рязанскомъ Княжествѣ, сначала направляется къ западу, принимаетъ въ себя другую рѣку, становится большою, и тогда изъ двухъ рѣкъ составляется одна, по имени Двина. Двадцать миль течетъ она къ городу, извѣстному подъ названіемъ Вильда (Vilda, Велижъ?), поворачиваетъ тамъ къ сѣверу, протекаетъ городами Витебскомъ (VVitepschovv), Полоцкомъ (Polozskovv), Ригою и впадаетъ при Динамюдѣ (Jynemüda) въ Балтійское море.

Рѣка Ловать, тоже не меньше Двины, вытекаетъ изъ болота не вдалекѣ отъ Волконскаго лѣса, гдѣ есть рѣка Ironow, течетъ 40 миль на западъ, къ городу Великіе Луки (VValikilucki), потомъ сворачиваетъ къ востоку и впадаетъ въ озеро Ильмень.

Озеро Ильмень находится въ полумили отъ Великаго Новгорода и имѣетъ 12 миль длины и 8 ширины; въ него впадаютъ еще двѣ рѣки, Ловать (Lovvat) и Шелонь (Scholona), а вытекаетъ одна, подъ названіемъ Волховъ (VVolkovva) съ востока, течетъ въ

Великомъ Новгородѣ и въ 32 миляхъ отъ него къ западу впадаетъ въ Ладожское озеро (See Laduga).

Ладожское озеро (Latuga) получило свое названіе отъ Шведскаго Короля, Magno Ladulas, изобилуетъ разною рыбою, не очень глубоко, отдѣляетъ Кареловъ отъ Россіи и имѣетъ 100 миль длины и 60 ширины. На немъ находится много прекрасныхъ, веселыхъ острововъ и островковъ, большихъ и малыхъ, на которыхъ крестьяне лѣтомъ пасутъ свой скотъ. Жителямъ удобно скрываться на нихъ и находить тамъ убѣжище во время войны, чтобы не быть застигнутыми непріятелемъ. Кругомъ озера встрѣчаются небольшія мѣстечки, деревни, монастыри, церкви и часовни, каменныя и деревянныя.

Итакъ я разсказалъ въ короткихъ словахъ о главныхъ водахъ, озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ, берущихъ начало и находящихся въ Россіи. Довольно же писать объ этомъ, хоть тамъ еще много другихъ, большихъ и малыхъ, рѣкъ. Но такъ какъ мнѣ въ точности неизвѣстны имена ихъ, а тѣмъ менѣе мѣста, гдѣ онѣ вытекаютъ, и направленіе ихъ теченія, то я и не берусь что либо сказать о нихъ; лучше оставить и пропустить какіе ни будь предметы, нежели разсказывать и выдавать въ свѣтъ невѣрныя и неосновательныя вещи. Но, описывая области и города, большая часть которыхъ извѣстны мнѣ по наблюденіямъ личнымъ моимъ и другихъ достовѣрныхъ людей, я разсказывалъ и излагалъ такъ, что относительно того не нужно объясненій подробнѣе. Теперь буду продолжать дальше и опишу, съ какими странами и Государствами граничитъ Россія, и отъ чего получила она свое имя.

Великій Князь Московскій, пишущій и называющій себя Государемъ, Обладателемъ (Obladatel), Царемъ или Императоромъ надъ всѣми вышеназванными Княжествами, землями и областями, имѣетъ слѣдующій титулъ:

Мы, Царь Димитрій, Василій, или Михаилъ, Обладатель и Великій Князь всея Россіи, Самодержецъ (Zamodertzes), Володимирскій, Московскій, Новогородскій, Царь Казанскій и Астраханскій, Государь Псковскій (von Pleskovv), Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій (Premski), Вятскій, Болгарскій и иныхъ

Государь и Великій Князь Нижняго Новгорода Низовскія земли (in Niederlande), Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій (Beylonesorschi), Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и Сибирскій и къ Сѣверу, могущественный Государь Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Государь Черкескихъ и Угорскихъ Князей (Igorsche) и другихъ многихъ Государствъ могущественный Государь и Побѣдитель. Этотъ Государь и Великій Князь граничитъ съ Шведскимъ Королемъ въ Лапоніи, Остроботніи, Кареліи, Ингерманландіи, Водской пятинѣ (Wodtzschipitin) и Ливоніи; съ Датскимъ Королемъ въ Норвегіи, при Вардусѣ и Лапоніи; съ Польскимъ Королемъ въ Ливоніи, Литвѣ и другихъ странахъ, которыя вошли въ составъ Литвы, называются Бѣлоруссіею и исповѣдаютъ Греческую и Римскую вѣру вмѣстѣ, каковы Русскій Лембургъ (Львовъ), Галичъ (Halicia), Бельзъ (Beltz), Холмъ, Перемышль (Premislia), Волынь (VVolhynien), Луцкъ (Lutzko), Володимирія, Кременецъ (Krzemenoch), Мстиславль (Mzislavia), Витебскъ (VVitebskovv), Полоцкъ (Polotzkovv), Кіевъ. Въ этѣхъ земляхъ много укрѣпленныхъ городовъ и замковъ, впрочемъ, большею частію деревянныхъ; у нихъ въ старину были свои правители и Князья, точно такъ же, какъ въ Областяхъ и Княжествахъ въ Польшѣ, гдѣ иногда княжилъ одинъ Князь, а иногда двѣнадцать, о чемъ можно читать въ ихъ лѣтописяхъ и хроникахъ; далѣе, граничитъ съ Крымскими или Перекопскими Татарами, которые обыкновенно часто нападаютъ на Русскихъ и бѣдственно опустошаютъ и разоряютъ ихъ землю огнемъ и мечемъ; съ Князьями, живущими въ Черкасіи и называющимися Пятигорскими (Quinque Montani), отъ 5-ти большихъ горъ въ ихъ землѣ, черезъ которыя можно переправиться въ восемь дней; наконецъ съ Турками, Мидянами и Персами на Каспійскомъ морѣ.

Какъ въ собственныхъ лѣтописяхъ Русскихъ, такъ и въ иностранныхъ исторіяхъ, встрѣчаются разныя мнѣнія о томъ, откуда происходитъ названіе Москвитянъ и Русскихъ, и откуда они ведутъ свое начало. Но прежде всего надобно знать, что Москвитяне и Русскіе одинъ и тотъ же народъ, и въ древности у Птоломея и Плинія назывались Роксоланами. Нѣкоторые говорятъ, что они называются такъ отъ Герцога, по имени Русса (Russus), должно быть, сына одного Польскаго Князя; такимъ образомъ Русскіе

называются по его имени. Другіе отвергаютъ это, по тому что Россія древнѣе Польскаго Королевства. Сами Русскіе говорятъ, что Россія прежде называлась «Rossejа», откуда произошло названіе земли «Россія», а народа — «Русскіе.» Это слово на ихъ собственнымъ языкѣ означаетъ такой народъ, который отличенъ отъ другихъ народовъ и странъ и составился изъ разныхъ націй и областей: у каждой былъ свой, княжившій надъ нею, Князь и Государь. Это можно достаточно доказать не только языкомъ ихъ, но и ихъ собственными Князьями и Государями, правившими ими, по тому что каждый имѣлъ особенное Княжество, княжилъ отдѣльно и очень отличался отъ прочихъ языкомъ, однако жь только такъ, что слова въ одномъ Княжествѣ произносились иначе, чѣмъ въ другомъ, но жители понимали другъ друга. Это всего согласнѣе съ правдой, по ихъ собственному толкованію.

Ни какого основанія не имѣютъ слова тѣхъ, кои утверждаютъ, что Русскіе называются Москвитянами отъ города Москвы, по тому что названіе Москвитянъ древнѣе построенія и основанія города Москвы, и Москвитянами назывались первые обитатели береговъ рѣки Москвы (Mosqui). Послѣ того отъ нихъ получили названіе городъ и крѣпость, построенные на этой рѣкѣ. Когда же Великій Князь перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Володимиріи въ Москву и привелъ подъ свою власть всѣхъ Князей и всѣ этѣ народы, тогда они и стали называться Москвитяне.

Находя, что народы, жившіе въ старину на рѣкѣ Москвѣ, были не такъ многочисленны и значительны, чтобы могли вести войну съ своими сосѣдними Князьями и Королями, а тѣмъ менѣе покорять земли, прежде нежели Великій Князь перенесъ туда свое мѣстопребываніе изъ Володимиріи, я считаю вполнѣ справедливымъ, что Москвитяне получили свое названіе частію отъ рѣчки Москвы, частію же отъ Мосоха, сына Іафетова, который жилъ сначала въ Азіятской Скиѳіи, на Евксинскомъ морѣ, у ключа Термодона (Thermodoon). Гнусный и жестокій нравами и привычками, также и своими грубыми и отвратительными дѣлами, онъ прогнанъ былъ оттуда Лидійскимъ Царемъ въ другія мѣста къ сѣверу, и во время своего бѣгства и изгнанія, поселился между рѣками Танаисомъ, Борисѳеномъ, Волгою и Москвою, гдѣ еще и нынѣ живутъ его

потомки и имѣетъ свое пребываніе теперешній Великій Князь: потомки стали сильны и велики, такъ что не только боятся ихъ сосѣднія страны, но и чужеземные народы. Это согласно съ названіемъ и съ дѣлами Москвитянъ. По тому что Мосохъ или Москвитянинъ означаетъ ни больше, ни меньше, какъ человѣка, который ведетъ страшную жизнь, напрягаетъ, протягиваетъ свой лукъ и хочетъ стрѣлять; то же дѣлаютъ и Москвитяне: они еще смолода учатся стрѣлять изъ луковъ и арбалетъ и обходиться съ ними, упражняются во всякихъ гнусныхъ и ужасныхъ дѣлахъ и поступкахъ, о чемъ ясно выражается пророкъ Давидъ, говоря: «Hei mihi. quod exulo in Meseck.» Если тутъ разумѣются не Русскіе и не Москвитяне, то я ужь и не знаю, какіе еще народы. По тому что они и прежде употребляли, и теперь еще употребляютъ, луки, лучки, арбалеты и стрѣлы, какъ на войнѣ, такъ и въ то время, когда стрѣляютъ дикихъ птицъ и звѣрей, и такъ ловки, проворны и опытны въ этомъ дѣлѣ, что рѣдко пускаютъ стрѣлу понапрасну. Луки у нихъ сдѣланы очень искусно, на разный образецъ, расписаны и изукрашены разными красками, такъ что въ другихъ земляхъ не найдешь имъ подобныхъ.

Ихъ жестокость, гнусная жизнь, варварская и немилосердая природа достаточно извѣстны многимъ, бывавшимъ въ землѣ ихъ, а особливо тѣмъ, которые приведены были туда плѣнниками изъ чужихъ краевъ и должны были выдержать муки и истязанія плѣна. По тому что Русскіе днемъ и ночью думаютъ и ломаютъ голову, какими бы новыми способами мучить людей: вѣшать, или варить, или же жарить ихъ? И ни одинъ народъ, ни Турокъ, ни Татаринъ, не сдѣлаютъ ничего страшнѣе и ужаснѣе. Даже если бы былъ у нихъ Бериллъ, подарившій тирану Фалариду мѣднаго быка, для муки и истязанія въ немъ людей, сказать по правдѣ, они не посадили бы его въ быка, а навѣрное сдѣлали бы ему большой подарокъ за то, что выдумалъ такую муку, что люди, посаженные въ вола, ревутъ точно быки.

Въ нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ они такъ отвратительны, грубы и невѣжественны, что не только оскверняютъ и пакостятъ себя всякими Содомскими грѣхами, но еще и хвастаютъ и похваляются тѣмъ, что они то-то сдѣлали и такъ-то поступили. Когда придутъ въ гости, или дома устроятъ обѣдъ, закуску, или попой-

ку, они до того грязны и безстыдны, что не только икаютъ, кашляютъ, харкаютъ и выводятъ разныя ноты, но позволяютъ себѣ еще дѣла постыднѣе и грубѣе, которыя природа велитъ исправлять въ другихъ мѣстахъ: примутся другъ за другомъ кое что выпускать изъ себя и дѣлаютъ потѣху изъ того, о чемъ и говорить-то невѣжливо для приличнаго слуха.

Думаю, что одно мѣсто въ этой странѣ называется Бѣлоруссіей по той причинѣ, что тамъ мужчины въ лѣтнее время носятъ на головахъ бѣлыя шапки, а женщины красятъ и поддѣлываютъ себѣ лица бѣлилами, точно такъ же, какъ Чагатайцы у Русскихъ называются «Зеленыя головы,» а Катайцы — «Черныя головы,» отъ разныхъ цвѣтовъ, которые носятъ они на головахъ у себя, и называютъ свои шапки тюрбанами.

Этого, кажется, достаточно будетъ о нихъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕТРА ПЕТЕЯ ДЕ ЭРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ПРАВИВШИХЪ ВЪ РОССІИ СЪ 752 ГОДА ДО ИЗБРАНІЯ НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ВЪ 1613 ГОДУ, ТАКЖЕ О ТРЕХЪ ЛОЖНЫХЪ ДИМИТРІЯХЪ, НАВЯЗАВШИХЪ СЕБЯ ВЪ ПРИРОДНЫЕ И НАСЛѢДСТВЕННЫЕ ГОСУДАРИ СТРАНѢ И ПРИЧИНИВШИХЪ МНОГО БЕЗПОКОЙСТВЪ И КРОВОПРОЛИТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Не нахожу, чтобы иноземные историки писали особенно много о томъ, какіе Государи и Великіе Князья были сначала у Русскихъ, откуда родомъ и происхожденіемъ, и какъ они царствовали. Русскіе и сами не знаютъ, какъ они, къ сожалѣнію, были такимъ грубымъ, необузданнымъ и варварскимъ народомъ, что даже не имѣли и буквъ для описанія дѣлъ и учрежденій своихъ Князей и Государей, и исторіи ихъ, въ пользу и назиданіе своимъ дѣтямъ, до тѣхъ поръ, пока Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ (?) не прислалъ изъ Константинополя Славянскія буквы въ 1262 году (!!), въ Болгарію, откуда получили ихъ наконецъ и Русскіе, научились писать ихъ, читать и понимать, а потомъ изложили и написали этѣми буквами все, случившееся прежде и еще бывшее у нихъ на памяти.

Получивъ сначала Славянскія буквы, они все еще употребляютъ Славянскій языкъ въ церквахъ при Богослуженіи, читаютъ, молятся и поютъ на немъ; всѣ ихъ книги, духовныя и свѣтскія, написаны и напечатаны тоже на Славянскомъ языкѣ, хотя для своего собственнаго языка имѣютъ другія буквы, которыя получили отъ Грековъ. Такъ какъ межъ ними и Греками были большія взаимныя сношенія, то они и умножили число своихъ буквъ и

прибавили къ нему еще 19, отъ чего у нихъ въ азбукѣ 43 буквы, тогда какъ у Грековъ ихъ только 24. Русскія буквы выговариваются такъ: азъ (Aas), буки (Buchi), вѣди (Wedi), глаголь (Glagol), добро (Dabro), есть (Iest), живѣте (Civvet), зѣло (Selo), земля (Zembla), иже (Ise), и (I), како (Kakoi), люди (Ludi), мыслѣте (Musliti), нашъ (Naas), онъ (On), покой (Pokoi), рцы (Ertzi), слово (Slavva), твердо(Zvverda), икъ (Iick), у (V), фертъ (Phert), хѣръ (Chir), отъ (Ath), цы (Zi), червь (Zerf), ша (Scha), ща (Schza), еръ (Iaer), еры (Iaehri, ерь (Ihe), ю (Ivv), ять (Iact), э (Aae), я (Ia), ѧ (iea), оу (Avv), кси (Xi), пси (Pzi), юсъ (Ius), ѳита (Vita). Отъ того и Русскія буквы имѣютъ большое сходство съ нѣкоторыми Греческими, а Славянскій языкъ въ большей части словъ сходенъ съ Русскимъ; такъ Москвитяне, или другой кто ни будь, вполнѣ изучившій Русскій языкъ, можетъ говорить съ Полякомъ, Литовцемъ (Бѣлорусомъ), Кашубомъ, Славонцемъ, Богемцемъ (Чехомъ), Вендомъ, Далматомъ, Болгаромъ, Хорватомъ, понимать ихъ и ѣхать, черезъ Татарію и Турцію, въ Константинополь: тамъ въ употребленіи тотъ же самый языкъ, даже и при Дворѣ говорятъ на немъ.

Въ Русскихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ упоминается народъ, называемый у нихъ Варягами (Waregi), съ коими вели они большую войну, и были принуждены платить имъ дань ежегодно по бѣлкѣ со всякаго дома. Но я нигдѣ не могъ отыскать, что за народъ были Варяги, и по тому долженъ думать и войти въ подробныя разысканія, что они пришли изъ Шведскаго Королевства, или изъ вошедшихъ въ составъ его земель, Финляндіи и Ливоніи. По тому что въ нашихъ лѣтописяхъ есть ясныя извѣстія, что Шведы съ Русскими вели сильныя войны, взяли страну ихъ и области вооруженною рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнемъ и мечемъ до самой рѣки Танаиса, и сдѣлали ее своею данницей. Къ тому же и Русскіе называютъ Варягами народы, сосѣдніе Балтійскому морю, на примѣръ, Шведовъ, Финовъ, Ливонцевъ, Куроновъ, Пруссовъ (Prydtzen), Кашубовъ, Поморянъ и Вендовъ, а Балтійское море зовутъ Варяжскимъ. Но какъ это названіе нельзя найти ни у насъ, ни въ другихъ мѣстахъ, то многіе стали держаться мнѣнія, что Варяги были родомъ изъ Энгерна (Engern),въ Саксоніи, или изъ Вагерланда (Wagernland), въ Голштиніи; но это не возможно и не имѣетъ ни какого основанія, по

тому что они не могли такъ далеко плавать на своихъ корабляхъ (Armada) по морю, да и не были такъ многочисленны, чтобы воевать съ Русскими. Да если бы и было такъ, и они воевали съ Русскими (что, однако жь, нельзя доказать, да и по справедливости лишено всякаго основанія), то не могли бы довести этой войны до того, чтобы обложить данью Русскихъ. Отъ того кажется ближе къ правдѣ, что Варяги вышли изъ Швеціи, или имѣли главнаго вождя, который, можетъ быть, родился въ области Вартофта (Wartoffta), въ Вестеръ-Готландіи, или въ области Верендѣ въ Смаландѣ, вѣроятно, назывался Вернеръ, и отъ того Варягъ (Waregus), а его дружина—Варяги, море же, по которому плавалъ, Варяжское (Woretskoi More), такъ какъ Русскіе обыкновенно называютъ Варяжскимъ то море, которое лежитъ между землею Копорье (Coporie) и Еврепе (Eurepe), островомъ Биркой (Bireko) и рѣкою Невою.

Межъ тѣмъ, какъ Варяги въ то время были очень сильны и часто воевали съ Русскими, у Русскихъ Князей и Государей происходили большія смятенія, ссоры и несогласія изъ за правленія и верховной власти, такъ что никто не хотѣлъ уступить другому: воевали между собою и грызлись точно собаки, по тому что каждому хотѣлось быть въ такомъ же величіи и почетѣ, въ какомъ былъ другой; почти все то же, что дѣлали они и нынѣ, въ недавнее время, по тому что когда одного выбрали на царство, то это стало обидно другому, который вооружился на него съ своими сторонниками и предъявлялъ, что онъ такого же высокаго и знатнаго рода и происхожденія, такъ же уменъ и разуменъ, какъ и другой. Чтобы разомъ покончить несогласія, безпрестанныя усобицы и раздоры, одинъ умный и мудрый человѣкъ, бывшій въ большомъ почетѣ у Новогородцевъ, по имени Гостомыслъ (Gostomisel), отъ всего сердца убѣждалъ и уговаривалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, и отправить пословъ къ Варягамъ, съ самою усердною и смиренною просьбою о томъ, чтобы прислали къ нимъ троихъ господъ высокаго Княжескаго рода, которые были бы благоразумны и могли учредить у нихъ добрый порядокъ и управленіе. Новогородцы же признаютъ ихъ своими природными и наслѣдственными Государями, станутъ почитать ихъ и нести для нихъ всякую усердную службу. Это понравилось всѣмъ Новогородцамъ,

такъ же какъ и Москвитянамъ въ Москвѣ, когда Захарій Ляпуновъ присовѣтовалъ имъ выбрать въ Великіе Князья сына Польскаго Короля, Князя Владислава. По совѣту Гостомысла, они тотчасъ же отправили пословъ къ Варягамъ, приказавъ имъ какъ можно покорнѣе просить у нихъ мудрыхъ правителей. Варяги немедленно согласились на ихъ настойчивую просьбу и отправили съ послами троихъ братьевъ изъ Княжескаго рода, по имени Рюрика (Rurich), Синеуса (Sinaus) и Трувора (Truvvor).

А свирѣпый Иванъ Васильевичъ, сдѣлавшій много жестокихъ дѣлъ въ Ливоніи въ 1577 году и сильною рукою правившій всею Россіей, говорилъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ брата славнаго Римскаго Императора Августа, по имени Прусса (Prussus), жившаго въ Придценѣ (Prydtzen), но это отвергаютъ всѣ историки, и Иванъ ни чѣмъ не могъ доказать того.

Отъ того-то изъ честолюбія, надменности и дерзости онъ и принялъ гербъ Римской Имперіи — двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, межъ тѣмъ какъ его предки и другіе Великіе Князья, бывшіе въ Москвѣ, не имѣли въ гербѣ ни чего другаго, кромѣ лошади, на которой сидѣлъ какой-то молодецъ, державшій на всемъ размахѣ саблю.

Въ гербѣ Псковскихъ Князей была бычачья голова въ вѣнцѣ. У Новгородскихъ — лошадь, на которой сидѣлъ человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ и кололъ въ шею дракона, лежавшаго подъ лошадью. Сколько ни приводилось мнѣ видѣть Шведскихъ Дворянскихъ гербовъ, межъ ними въ самомъ дѣлѣ есть нѣсколько сходныхъ съ выше названными гербами: изъ того вѣрно можно заключить, что этѣ трое братьевъ пришли изъ Шведскаго Государства. Нѣтъ также особенной разницы между именами первыхъ Князей и Шведскими. Русскіе не могутъ такъ правильно произносить иностранныя слова, какъ мы, но прибавляютъ къ нимъ лишнія буквы, особливо когда произносятъ собственныя имена; такъ Рурикъ могъ называться у Шведовъ — Эрикъ, Фридерикъ, Готфридъ, Зигфридъ, или Родригъ; Синеусъ — Сигге, Свенъ, Симонъ, или Самсонъ; Труворъ—Туре, Тротте, или Туфве. Но какъ бы то ни было, они означаютъ все то же; однако жь, нѣкоторые жестоко спорятъ и говорятъ, что этѣ три брата, Варяги, пришли изъ другихъ странъ, а не изъ Швеціи: я оставляю это во всей

его силѣ и не буду очень оспаривать; только они должны сознаться, что Шведы пособили Русскимъ въ этомъ дѣлѣ, по доброму сосѣдству, дружбѣ и сношеніямъ, и лучше хотѣли видѣть иноземныхъ Государей на царствѣ у Русскихъ, нежели ихъ собственныхъ правителей, по тому что Шведамъ довольно была извѣстна ихъ варварская, отвратительная и безстыдная жизнь и природа, по чему они и старались лучше имѣть своими сосѣдями чужеземныхъ Князей, нежели Русскихъ природныхъ Государей; по тому-то и оказали этѣмъ чужеземцамъ всякое пособіе, и проводили ихъ черезъ Швецію по Варяжскому морю, какъ упомянули мы выше.

По приходѣ этѣхъ трехъ братьевъ въ Россію (а это было въ 752 году (?!) по Р. Х., когда въ Римской Имперіи царствовалъ Константинъ Копронимъ, въ Швеціи Король Беро III, а въ Польшѣ Лешко (Lesko) I-й или Примиславъ, они, съ согласія Чиновъ, раздѣлили между собою Россію, и каждый получилъ въ управленіе большую область или Княжество: Рюрику досталось на долю Княжество Великій Новгородъ, и этотъ Князь имѣлъ свое мѣстопребываніе въ 30 миляхъ отъ Новгорода, гдѣ находится теперь городъ Ладога; Труворъ взялъ Княжество Псковское и проживалъ въ маленькомъ городкѣ, который назывался тогда Тверцогъ (Twertzog) (?), но, по случаю многихъ смятеній и войнъ, былъ разоренъ и опустошенъ до основанія; третьему брату, Синеусу, дано Бѣлозерское Княжество: онъ жилъ тамъ, гдѣ теперь построена крѣпость, въ которой Великіе Князья держатъ, подъ хорошею охраною, лучшія свои сокровища.

Послѣ того, какъ этѣ братья, на такомъ уговорѣ, правили овольно времени страною, Синеусъ и Труворъ умерли безъ налѣдниковъ. Рюрикъ подчинилъ себѣ ихъ земли, княжилъ счастливо и славно, пока былъ живъ, а по смерти оставилъ сына, по имени Игоря, наслѣдовавшаго отцу въ правленіи. Такъ какъ онъ былъ еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, то отецъ передъ смертію приказалъ воспитывать его одному своему родственнику, по имени Олегу; а пока сынъ его подростетъ, войдетъ въ годы и самъ будетъ въ силахъ царствовать, онъ долженъ честно и мудро управлять страною. Олегъ вѣрно исполнилъ и сдѣлалъ все это.

Будучи храбрымъ и опытнымъ воиномъ, Олегъ завоевалъ много земель и городовъ въ пользу Игоря; наконецъ пошелъ съ большимъ войскомъ въ Грецію и осадилъ Константинополь, но оттуда былъ прогнанъ Императоромъ, обращенъ въ бѣгство и на возвратномъ пути умеръ отъ уязвленія, сдѣланнаго ему въ бедро змѣею, когда онъ вышелъ однажды посмотрѣть на своего коня, котораго всегда любилъ и почиталъ, какъ бога: конь лежалъ на землѣ мертвый, а когда Олегъ притронулся ногою къ его головѣ, изъ нея выскочила змѣя, ужалила его, отъ чего онъ и умеръ и отправился въ адъ съ своимъ богомъ. Такъ-то бываетъ, и такая-то награда получается тогда, когда чтутъ и обожаютъ чорта, а не истиннаго Бога, по пословицѣ: «За грошовыя деньги, — грошовая и панихида.»

По смерти Олега, Игорь пошелъ въ Псковъ, взялъ себѣ жену изъ самаго знатнаго рода, какой только былъ въ этомъ городѣ, по имени Ольгу, и прижилъ съ ней сына, котораго звали Святославъ (Suetoslavv). Имѣя большое расположеніе къ войнѣ, Игорь сдѣлалъ смотръ своему войску и двинулся съ нимъ на Гераклею и Никомидію. Однако жь, все его войско было разбито и прогнано, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Печенѣжскую землю (Pitzingerland): тамъ его тотчасъ узнали, и Князь этой земли, Мальдитто (Malditto), отрубилъ ему голову на одномъ мѣстѣ, называвшемся Хоресто (Choresto), гдѣ и похоронилъ его.

Когда вѣсть эта пронеслась вездѣ по Россіи, Княжескую власть приняла жена Игоря, Ольга, чтобы править страною, до возраста ея сына, такъ какъ Печенѣги убили Князя Игоря, а она была жена и вдова его; они (?) отправили пословъ къ ней, какъ правительницѣ отъ имени ея сына и желали ее въ супруги Государыни для ихъ Князя. Только что пришли они, ихъ схватили и живыхъ закопали въ землю. Она поспѣшно послала гонца къ Печенѣгамъ и велѣла сказать имъ, если они хотятъ имѣть и признавать ее своею Государыней, то пусть отправятъ къ ней знатное посольство. Они тотчасъ же исполнили это и послали 60 сѣдыхъ стариковъ, которыхъ всѣхъ велѣла она сжечь въ банѣ. Потомъ отправила туда опять гонца съ просьбой и увѣреніемъ, чтобы Князь былъ въ надеждѣ на нее; она съ его послами уже въ дорогѣ, снизходитъ на его желаніе и согласна на то, межъ тѣмъ припасали бы и готовили

кушанья и питья, медъ, водку и другіе вкусные напитки, какіе идутъ для такого торжества и свадьбы, чтобы угостить гостей какъ можно лучше.

Прибывъ туда, она притворилась печальною и тоскующею по своемъ обезглавленномъ Государѣ, что онъ не послушался ея совѣта и не остался дома, но ушелъ отъ нея, стремясь проливать неповинную кровь; за то и сбылось съ нимъ по его дѣламъ: онъ получилъ достойное воздаяніе. Это очень порадовало Печенѣговъ, по тому что было имъ по сердцу. Межъ тѣмъ Княгиня велѣла изготовить пышный пиръ и угощеніе, и пригласила знатнѣйшихъ и главныхъ Печенѣжскихъ господъ, которые не заставили долго ждать себя, а сошлись туда очень охотно. Княгиня притворялась чрезвычайно ласковой къ нимъ, милостивой, услужливой, до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не опьянѣли, такъ что не могли пошевелить ни руками, ни ногами; тогда она напала на нихъ ночью, и велѣла погубить жалкою смертію до 5000 Печенѣговъ. И такъ короткое веселье и радость принесли большое горе и печаль. Она убѣжала въ Кіевъ, собрала большое войско, пошла опять противъ нихъ и дала имъ сраженіе, въ коемъ одержала побѣду, обратила ихъ въ бѣгство, и они безъ оглядки должны были бѣжать въ свою столицу, которую жестоко осаждала она цѣлый годъ. Они приведены были въ большую крайность и придумывали всякія средства, какъ бы повести переговоры о мирѣ. Но она совсѣмъ не хотѣла того, а заключила съ ними перемиріе на нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы они дали ей по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Они тотчасъ же сдѣлали это. Получивъ голубей и воробьевъ, она велѣла привязать къ ихъ хвостамъ такія вещества, чтобы домà въ городѣ, когда этѣ птицы опять прилетятъ туда, загорѣлись и были истреблены пожаромъ. Такъ это и сталось: какъ скоро голуби и воробьи были на свободѣ, они полетѣли на городскіе дома и сожгли городъ со множествомъ народа. Тѣхъ, которые ускользнули отъ огня и бѣжали, она велѣла, однихъ умертвить, другихъ продать въ иностранные города, пока не осталось тамъ никого.

Поступивъ съ ними на всей своей волѣ, насытивъ гнѣвъ и вдоволь отомстивъ за смерть своего любезнаго Государя, она возвратилась въ Кіевъ: это было въ 876 году, * когда царствовалъ

* Лѣтосчисленіе сильно страдаетъ у Петрея: Ольга скônч. въ 957 году; не

Римскій Императоръ Карлъ Лысый (Carolus Calvus), Шведской короною завѣдывалъ Біорнъ V-й, а Польскою — Пястъ Крушвицкій (Chrusphicensis).

Послѣ того Ольга отправилась въ Константинополь, крестилась тамъ по Греческому обряду и названа была Еленой. Императоръ былъ свѣдѣтелемъ при томъ, сдѣлалъ ей прекрасные подарки и велѣлъ съ пышностію проводить ее опять въ ея землю. Она первая Княгиня въ Россіи, принявшая крещеніе, и такъ была расположена къ Греческой Вѣрѣ, что склонила множество людей, мужескаго и женскаго пола, принять эту Вѣру и креститься, но отъ сына своего ни ласкою, ни бранью она не могла добиться, чтобы онъ принялъ новую Вѣру, если находитъ ее хорошей, и крестился: идолопоклонство, въ которомъ его воспитывали, взяло такую силу надъ его сердцемъ въ молодости, что онъ ни за что не хотѣлъ оставить и бросить его.

Выросши и вошедши въ годы, онъ каждый день упражнялся во всякихъ военныхъ дѣлахъ и хитростяхъ, не скучалъ и не тяготился ни какимъ дѣломъ, но всячески пріучалъ себя выдерживать и переносить все, что приводится храброму воину и солдату на войнѣ и въ походахъ, и, благодаря частому упражненію, такъ пріучилъ себя, что могъ выдерживать и выносить голодъ и жажду, жаръ и стужу, не ставилъ ни во что спанья и отдыха на мягкихъ постеляхъ, самъ снималъ съ лошади сѣдло и клалъ себѣ подъ голову, когда бывалъ съ войскомъ въ походахъ. Онъ побѣдилъ народъ Булгаръ, доходилъ съ сильнымъ войскомъ до рѣки Дуная и разорялъ все на походѣ. Городъ Переславъ сдѣлалъ своей столицей и княжескимъ пребываніемъ, и говорилъ своей матери и совѣтникамъ: «Въ этотъ мой княжескій стольный градъ привозятъ мнѣ изъ Греціи разныя вкусныя и ароматныя вина и напитки, драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, дорогіе камни, золотую монету, камку, бархатъ и шелковыя ткани; изъ Угріи золото, серебро и прекрасныхъ отборныхъ коней; изъ Россіи мои подданные доставляютъ разные отличные мѣха, медъ, воскъ, сало, ленъ, пеньку и все другое, для меня нужное.»—«Сынъ мой, отвѣчала мать: я уми-

---

меньше и названія народовъ, какъ сдѣсь Древляне приняты имъ за Печенѣговъ.

раю: прошу тебя честно похоронить меня, гдѣ покажется тебѣ лучше!» На третій день послѣ того она умерла, и съ большимъ торжествомъ была оплакана и погребена въ городѣ Переславѣ (?): она причислена къ Святымъ, и Русскіе еще нынѣ по всей землѣ празднуютъ день ея 11 Іюля.

Святославъ (Svvetoslav) правилъ довольно времени по смерти матери. У него родилось три сына: двое законныхъ и одинъ побочный. Передъ смертію онъ раздѣлилъ землю между дѣтьми: первородному сыну, Ярополку, отдалъ Кіевское Княжество, со всѣми его землями, городами и мѣстечками, къ нему принадлежавшими; другому сыну, Олегу, далъ Печенѣжскую землю; по желанію сословій и горожанъ Великаго Новгорода, онъ далъ имъ въ Князья своего незаконнаго сына, по имени Володимира. Все это сдѣлалось стараніемъ и происками его любимицы, дочери одного знатнаго Новгородца, по имени Малуши (Malischa), которую онъ сдѣлалъ беременною еще когда она была въ горничныхъ дѣвушкахъ его матери, и прижилъ съ ней этого Володимира.

Распорядившись, по своему желанію, правленіемъ, онъ собралъ ужасно большое войско и пошелъ на Грецію. Онъ былъ уже не далеко отъ Константинополя, когда встрѣтили его Греки со всею военною силой; обѣ стороны сразились въ жестокомъ бою, въ которомъ Святославъ былъ убитъ хитростью и ловкостью одного Греческаго* полководца. Nam occurrendum est hosti, tanquam lupo, sive via recta, sive obliqua. Онъ отрубилъ ему голову, велѣлъ сдѣлать изъ его черепа чашу и вырѣзать на ней позолоченными буквами этѣ слова: «Quaerendo aliena, propria amisit» (ища чужаго, потерялъ свое).

По убіеніи этого Святослава, одинъ изъ его совѣтниковъ и вождей, по имени Свѣнельдъ (Svvadolt), пришедши въ Кіевъ къ его старшему сыну, Ярополку, очень усердно внушалъ и совѣтовалъ ему согнать съ престола брата его, Олега, за то, что онъ убилъ сына у этого совѣтника, Люта.

Ярополка легко было уговорить на это, по тому онъ собралъ на брата большое войско. Олегъ тоже встрѣтилъ его съ

* Печенѣжскаго.

войскомъ и они бились жестоко. Ярополкъ одолѣлъ, одержалъ полную побѣду и прогналъ брата, который долженъ былъ бѣжать въ свой городъ.

Но военные люди, бывшіе въ городѣ и видѣвшіе это, заперли городскія ворота и столкнули его съ моста: такъ онъ и умеръ. Однако жь, они не пустили въ городъ и Ярополка. Онъ тотчасъ же велѣлъ сыскать братнинъ трупъ и пышно похоронилъ его, сказавъ своему полководцу: «Свѣнельде, вотъ смотри: чего ты желалъ и просилъ, исполнилось!»

Когда молва объ этомъ разнеслась по странѣ, услышалъ это извѣстіе и Володимиръ, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородѣ; и онъ до того упалъ духомъ и перепугался, что поскорѣе бѣжалъ къ Варягамъ и размышлялъ въ себѣ: если Ярополкъ не пощадилъ роднаго брата, отъ одного съ нимъ отца и одной матери, то тѣмъ меньше пощадитъ его, незаконнаго. Онъ набралъ у Варяговъ большое войско и пошелъ подъ Великій Новгородъ, взятый въ его отсутствіе Ярополкомъ, силою выгналъ оттуда войско и отнялъ городъ. Послѣ того онъ отправилъ пословъ къ Князю Рогволоду (RochvVolochdum) въ Псковъ за сватовствомъ къ его дочери, Рогнѣдѣ (Rochmida), но получилъ въ этомъ отказъ, по тому что былъ сынъ любви, и Псковскій * Князь полагалъ, что братъ его, Ярополкъ, рожденный отъ законнаго ложа, воротится, выгонитъ, удержитъ за собою Государство и женится на его дочери.

Это сильно было досадно Володимиру: онъ двинулся подъ Псковъ съ большимъ войскомъ, взялъ этотъ городъ, убилъ Князя съ двумя его сыновьями и силою взялъ Рогнѣду; оттуда поспѣшно пошелъ онъ съ войскомъ по Бѣлой Руси и осадилъ городъ Кіевъ, гдѣ проживалъ его братъ. Ярополкъ очень испугался его и пріунылъ до того, что не смѣлъ сойтись съ нимъ въ полѣ. А по тому сколько можно сильнѣе укрѣпилъ Кіевъ. Володимиръ не могъ взять силою этого города, и сталъ думать о другихъ средствахъ къ тому, именно, послалъ тайкомъ гонцовъ въ городъ къ самому главному совѣтнику и Воеводѣ, Блуду: льстилъ ему, назы-

* Не Псковскій, а Полоцкій.

валъ его своимъ отцомъ, просилъ у него совѣта, какъ бы всего удобнѣе и скорѣе убить Ярополка.

Такое дѣло очень понравилось этому невѣрному псу: онъ совѣтовалъ Володимиру, что если онъ со всѣмъ стараніемъ поведетъ осаду города, не мѣшкая и ничего не упуская, тогда овладѣетъ имъ; впрочемъ, онъ, Блудъ, сдѣлаетъ такъ, что осада скоро будетъ снята. Между тѣмъ внушилъ своему Государю выйти тайкомъ изъ города и отправиться въ другое мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить спокойно и безъ всякой опасности. Пріунывшій Государь послѣдовалъ его совѣту и вышелъ тайкомъ изъ города съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Блудомъ, въ другой городъ, по имени Роднu (Roden), лежавшій на рѣчкѣ Юрсѣ (Jursa). Все это узналъ Володимиръ отъ измѣнника Блуда, сей часъ же взялъ Кіевъ, потомъ отправился съ войскомъ къ городу Роднѣ, стѣснилъ его жестокою осадой до того, что воины въ этомъ городѣ съ голода измѣнили и стали бунтовать. Блудъ, которому всякія продѣлки были извѣстны, уговорилъ своего Государя сдать городъ брату, помириться и договориться съ нимъ, по тому что тотъ сильнѣе его войскомъ, при томъ же Ярополкъ терпитъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и укрыться ему некуда.

Ярополкъ послушался этого совѣта и договорился съ братомъ на томъ условіи, что будетъ доволенъ такимъ удѣломъ въ странѣ, какой пожалуетъ ему Володимиръ. Когда же онъ хотѣлъ войти къ брату, то, по совѣту и убѣжденію Блуда, его изрубили въ куски поставленные для того служители Володимира.

Послѣ этого дѣла онъ обеременилъ жену своего брата, родомъ Гречанку, бывшую прежде монахиней, которую Ярополкъ изнасиловалъ, а потомъ взялъ ее себѣ въ жены. Русскіе пишутъ, что у этого Володимира было до 800 наложницъ въ его городахъ и крѣпостяхъ и шесть законныхъ женъ. Первая была дочь Князя Псковскаго (Полоцкаго?), Рогнѣда (Rochmida), принесшая ему пятерыхъ дѣтей: троихъ сыновей, Изяслава, Ярослава и Всеволода, и двухъ дочерей; двѣ другія жены были родомъ изъ Чехъ, родившія ему трехъ сыновей: Заслава (Saslavv), Святослава и Станислава; одна изъ Греціи, вдова его брата; отъ нея былъ у него сынъ Святополкъ; одна изъ Болгаріи, которая ро-

дила ему Бориса, Глѣба, Мстислава (Mitislavv), Позвѣзда (Potzvvitz) и Судислава.

Онъ былъ развратный, нечестивый, безбожный человѣкъ и великій идолопоклонникъ; поставилъ много идоловъ въ городѣ Кіевѣ, чтилъ ихъ и молился имъ; главный былъ идолъ Перуна, сдѣланный изъ серебра, всѣ же другіе были деревянные и назывались Усладъ, Хорсъ (Corsa), Дажбогъ (Dasvva), Стрибогъ (Striba), Зимергла (Simergla), Мокошъ (Macosk).

Приведши себѣ въ зависимость всю Россію, онъ пріобрѣлъ уваженіе иностранныхъ Государствъ и сосѣднихъ съ нимъ Государей; они посѣщали его чрезъ своихъ посланниковъ и сильно хлопотали о томъ, чтобы онъ бросилъ свои разнообразные идолы и принялъ Христіянскую Вѣру.

По тому-то онъ и отправилъ своихъ пословъ во многіе дальніе края, чтобы они узнавали, какая въ тѣхъ краяхъ Вѣра и кого они исповѣдаютъ Богомъ. Они воротились и сообщили ему вѣрныя свѣдѣнія о Вѣрахъ иноземныхъ народовъ: лучше всѣхъ показалась имъ Греческая, которая и прежде начинала уже дѣлать успѣхи у нихъ, но потомъ опять было вывелась. Онъ тотчасъ же послалъ довѣренныхъ людей къ Константинопольскимъ Государямъ, Василію и Константину, съ самою усердною просьбою, чтобы они выдали за него сестру ихъ, Анну, по тому что онъ намѣренъ не только прогнать отъ себя женъ и наложницъ и разстаться съ ними, но бросить также и идолы, креститься во имя Распятаго Іисуса Христа и добровольно возвратить имъ городъ Корсунь, съ другими городами и областями, имъ завоеванными, недалеко отъ Чернаго моря.

Обѣ стороны примирились на этомъ условіи и имѣли свиданіе при городѣ Корсунѣ, который Володимиръ тутъ же уступилъ и сдалъ Константинопольскимъ Царямъ, вмѣстѣ съ другими городами и областями, крестился и названъ былъ Василіемъ, вмѣсто Володимира. Цари отдали за него сестру свою, Анну, и разстались съ нимъ въ большой дружбѣ.

Послѣ того онъ развелся со всѣми другими женами и наложницами, привязался къ одной младшей изъ нихъ, изъ Константинополя, и жилъ съ нею 23 года: это было въ 989 году (988) по Р.

Хр., когда царствовалъ Императоръ Оттонъ III, въ Швеціи Олай Сиденъ (Skot), а въ Польшѣ Мѣшко Первый (Miesco).

Послѣ того этотъ Володимиръ велѣлъ рубить, ломать и жечь всѣ идолы въ своей землѣ и побудилъ всѣхъ подданныхъ принять Греческую Вѣру, которой Русскіе твердо держатся еще и нынѣ, и исповѣдаютъ ее во всѣхъ статьяхъ и обрядахъ.

Предъ кончиною онъ раздѣлилъ землю между своими сыновьями и каждаго надѣлилъ особеннымъ Княжествомъ, чтобы, по его смерти, они не поднимали ссоръ и споровъ между собою, не отягощали войною своихъ подданныхъ, не приводили ихъ въ разореніе и нужду, и тѣмъ не губили и не опустошали плачевнымъ образомъ своей земли. Онъ хорошо зналъ, что междоусобія и раздоры, особливо когда городъ и царство станутъ воевать между собою, чрезвычайно гибельны, и что война — бездонная бочка. Точно такъ же, по словамъ Светонія, Императоръ Августъ говаривалъ, что тѣ, которые ведутъ войну для умноженія своихъ земель и власти, ловятъ рыбу золотой удочкой и сѣтью, а кто ловитъ ее такимъ образомъ, тотъ больше получаетъ убытка, нежели прибыли. Но когда въ царствѣ миръ и согласіе, тогда все дѣлается въ немъ лучше и больше: тамъ изобиліе и жизнь, тамъ счастье и успѣхъ неизмѣнны и вѣчны.

«Гдѣ миръ, говоритъ Лютеръ, тамъ половина царства небеснаго, тамъ сухой хлѣбъ и кислый квасъ пріятнѣе для вкуса всякихъ горячихъ и жареныхъ, пива, вина и мальвазіи.» Своему первородному сыну, Изяславу, Володимиръ далъ Великій Новгородъ, Заславу (Saslavv) Полоцкъ, Святополку Кіевъ, Ярославу Ростовъ, по смерти же Изяслава и Заслава онъ отдалъ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Глѣбу Муромъ, Всеволоду (Sevvold) Володимиръ, Мстиславу Кострому (Castrom), Святославу Смоленскъ, Судиславу Псковъ, Позвизду (Podvvitz) Тверь.

Когда страна была раздѣлена и каждый сынъ сталъ завѣдывать своимъ Княжествомъ, Володимиръ созвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, усердно и отъ всей души просилъ ихъ жить между собою, какъ слѣдуетъ братьямъ, въ мирѣ и согласіи, сохранять Греческую Вѣру и оказывать ей покровительство, любить и ува-

жать подданныхъ, не подавать ни какого повода къ смутамъ и возмущеніямъ: такъ онъ и разстался съ здѣшнимъ міромъ, спустя 4 года по смерти своей Княгини, въ городѣ Володимирѣ: * тамъ и похоронены они другъ возлѣ друга. Этотъ городъ самъ онъ и выстроилъ, въ память по себѣ, въ 928 году, назвалъ по своему имени и всегда имѣлъ тамъ княжеское пребываніе, какъ и разсказывали мы въ 1-й части.

Но сыновья, княжившіе по смерти отца, пренебрегли чистосердечнымъ отцовскимъ увѣщаніемъ, жили во взаимной ненависти, раздорѣ и несогласіи и вели между собою большія войны. Кто былъ всѣхъ сильнѣе, тотъ и одолѣвалъ: не довольствуясь отцовскимъ раздѣломъ, притѣснялъ, убивалъ другихъ, бралъ себѣ ихъ земли и Княжества.

Всеволодъ, получившій на свою долю Володимирское Княжество, былъ самый знатный изъ братьевъ, привелъ большую часть страны подъ свою власть, выгналъ своего брата, Святополка, изъ Кіева и овладѣлъ этѣмъ Княжествомъ. Это было сильно досадно Святополку: онъ вооружился на Всеволода, съ помощію и содѣйствіемъ нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, набралъ большое войско, опять осадилъ Кіевъ, выгналъ оттуда Всеволода и убилъ двухъ другихъ братьевъ, державшихъ сторону его противника. Но какъ они считались у своихъ подданныхъ кроткими, благочестивыми и богобоязненными Князьями, при томъ же были убиты невинно, а при жизни довольствовались удѣлами, назначенными для нихъ отцомъ, то ихъ и причислили къ Святымъ мученикамъ, а имена ихъ перемѣнили: Борисъ получилъ имя Давида, а Глѣбъ Романа; память ихъ празднуется ежегодно въ Россіи 24 числа Іюля.

Всеволодъ, владѣвшій большею частію страны, оставилъ сына, по имени Володимира, который и наслѣдовалъ послѣ него правленіе и, по примѣру отца, принудилъ всѣхъ Князей служить и повиноваться себѣ, по чему и названъ былъ Мономахомъ.

---

* Въ Никоновскомъ спискѣ, въ Степенной книгѣ и другихъ позднѣйшихъ построеніе Владимира на Клязьмѣ приписывается Владимиру Св., а Стрыйковскій называетъ уже и столицею этотъ городъ. Карамзина И. Г. Р. т. 11-й. Прим. перев.

Русскіе сказываютъ также, что у этого Володимира Мономаха былъ конь, * происходившій отъ лошади Александра Великаго, Букефала, Коровья Голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта, съ черными полосами по спинѣ и хвосту; когда было надѣнутъ на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ Князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ, однако жь соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво, повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый оселъ; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло и сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ Князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если Князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался, кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія, подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, лягался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ, на самомъ верхнемъ мѣстѣ, и тамъ позволялъ управляться съ собой, какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокоивался, пока не дадутъ ему этого мѣста.

Мономахъ велѣлъ сдѣлать, въ память по себѣ, драгоцѣнное платье и украшенія, чтобы Великіе Князья наряжались въ нихъ при вѣнчаніи, что они соблюдаютъ и дѣлаютъ даже понынѣ. Онъ умеръ въ 1146 году (въ 1125), когда Конрадъ III правилъ Римскою Имперіей, жестоко тѣснилъ Сарацынъ и возобновилъ города Нюренбергъ и Любекъ.

Въ Швеціи царствовалъ Гаконъ Рыжій (Haquinus Rufus), ведшій трудныя войны съ Датчанами и побѣдившій ихъ въ трехъ битвахъ.

Въ Польшѣ правилъ Болеславъ Кудрявый (Crispus), ведшій большія войны съ Пруссами и Римскими Императорами, Конрадомъ

* Прекрасное сказаніе о конѣ Мономаха показываетъ, въ какомъ свѣтѣ представляли себѣ этого Князя позднѣйшія поколѣнія. Примѣч. перев.

III и Фридрихомъ Барбаросой, который, въ 1181 году сдѣлалъ Герцогами Римской Имперіи обоихъ Поморскихъ Князей, Казимира Перваго и Богуслава Перваго, и въ память этого событія новые Герцоги дали городу Штетину прекрасный гербъ: мужчина съ длинными волосами и въ длинномъ платьѣ сидитъ на стулѣ въ большомъ дворцѣ; въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, а въ лѣвой скипетръ: онъ представлялъ Римскаго Императора. По обѣимъ сторонамъ два щита, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщается цѣлый грифъ, въ знакъ того, что оба Поморскіе Князя обратились теперь къ Императору и подчинились Римской Имперіи, потому что прежде были независимы и никого не признавали верховнымъ Государемъ.

По смерти Володимира Мономаха владѣли въ Россіи сынъ его и племянникъ; но какъ они не сдѣлали ничего особеннаго, то Русскіе сочли не стоящимъ замѣчать и записывать имена ихъ.

По смерти ихъ, въ 1237 году, принялъ правленіе Григорій (Георгій) Всеволодовичъ. Въ его время Татарскій Царь, Батый, страшно разорилъ и опустошилъ мечемъ и огнемъ Польшу и Силезію, сжегъ городъ Бреславль и довольно похозяйничалъ въ Римской Имперіи. Онъ не забылъ и Россіи, ужасно неистовствовалъ и свирѣпствовалъ въ ней, погромилъ страну безъ всякаго сопротивленія, жегъ города и деревни, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, перебилъ много тысячъ народа, велѣлъ втыкать головы убитыхъ на копья и для устрашенія носить по непріятельской землѣ, взялъ городъ Володимиръ, съ нѣсколькими другими городами и городками, убилъ Великаго Князя и заставилъ Русскихъ платить себѣ ежегодно дань, не выбирать Великаго Князя безъ его вѣдома и воли. Онъ привелъ ихъ подъ такое иго рабства, что когда Татары присылали къ нимъ своихъ пословъ, Великій Князь долженъ былъ встрѣчать ихъ за городомъ пѣшкомъ, съ ведромъ кобыльяго молока, и подносить имъ, вмѣсто ихъ Государя; когда же посланникъ, по неосторожности, проливалъ сколько ни будь этого напитка на гриву лошади, * Великій Князь долженъ былъ подлизать молоко языкомъ; онъ провожалъ посла въ городъ, сто-

* Такое же извѣстіе есть и въ нашихъ лѣтописяхъ, на пр., въ Ипатьевск. Пр. пер.

ялъ передъ нимъ съ непокрытою головою и слушалъ съ большимъ уваженіемъ, чего онъ потребуетъ. Эта неволя и рабство продолжались почти 260 лѣтъ.

Въ это время царствовалъ Римскій Императоръ, Фридрихъ Второй. Онъ былъ ученый и добродушный Царь, разъ до пяти подвергался Папскому проклятію, потомъ опять получалъ разрѣшеніе, и по проискамъ Папы и своего побочнаго сына, Манфреда, былъ умерщвленъ ядомъ.

Въ Швеціи царствовалъ Эрикъ Косноязычный (Blaesus). Съ помощію зятя своего, Ярга Биргера, онъ принудилъ принять Христіанскую вѣру Тавастовъ въ Финляндіи. Въ Польшѣ царствовалъ Болеславъ Стыдливый, тоже претерпѣвшій большое горе и опасности отъ Татарскаго Царя.

Послѣ жалкой погибели этого Георгія Всеволодовича принялъ правленіе братъ его, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій: онъ вооружилъ на Татаръ большое войско, имѣлъ съ ними жестокое сраженіе, но былъ разбитъ на голову.

Онъ оставилъ по себѣ трехъ сыновей, Ѳедора, Александра и Андрея. Они вели большую войну за правленіе, никто не хотѣлъ уступить другому; всякому хотѣлось захватить власть себѣ, и не унялись до тѣхъ поръ, пока всѣ не были убиты; Александръ оставилъ сына, который наконецъ получилъ княженіе съ помощію Татаръ.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Данило (Danilovy), который перенесъ Княжеское мѣстопребываніе изъ Володимира въ Москву, огородилъ крѣпость стѣной и писалъ себя первымъ изъ Великихъ Князей Володимирскихъ и Московскихъ. У него было два сына, Григорій (Георгій) и Иванъ.

По смерти Данила, вступилъ на княженіе сынъ его, Григорій Даниловичъ Калита. Онъ получилъ это прозваніе отъ кошеля, который всегда носилъ съ собою, собиралъ въ него милостыню и раздавалъ ее бѣднымъ.

Но другому Князю, по имени Димитрію Михайловичу, служившему при Дворѣ у Татаръ, очень хотѣлось Великокняжескаго

достоинства: онъ и собралъ большое войско, пошелъ въ Москву и умертвилъ собственною рукою Григорія: это сильно раздосадовало Татарскаго Царя, который не далъ ему долго поцарствовать, взялъ его въ плѣнъ и потомъ отрубилъ ему голову.

Послѣ него Татары поставили Великимъ Княземъ Ивана Калиту, который во всемъ поступалъ по ихъ волѣ и желанію и по смерти своей оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Семена и Андрея.

Сынъ его Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ Великимъ Княземъ по смерти отца, во всемъ слушался Татаръ и не прекословилъ имъ. Когда онъ умеръ, на Княженіе вступилъ сынъ его, Дмитрій Ивановичъ. Ему не хотѣлось платить ни какой дани Татарамъ и ни за что оставаться въ подданствѣ у нихъ. Онъ велъ тяжелую войну съ Татарскимъ Царемъ, Мамаемъ: на 3-й годъ они жестоко бились, съ обѣихъ сторонъ пало много народа, наконецъ Русскій одолѣлъ, одержалъ побѣду и истребилъ Татарина со всѣмъ его войскомъ.

Это было очень досадно Тохтамышу (Tachtanisk); онъ поднялъ всѣ свои силы, опять вторгнулся съ большимъ войскомъ въ Россію, прогналъ Димитрія, осадилъ и взялъ Москву, забралъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей, старыхъ и молодыхъ, большихъ и малыхъ; они хотѣли опять освободиться изъ этой неволи, и должны были выкупать себя большою суммою денегъ.

Князь Василій Дмитріевичъ вступилъ въ правленіе послѣ отца, въ 1337 году по Р. Х. Онъ возобновилъ войну съ Татарами, покорилъ Булгарію и выгналъ Татаръ изъ Россіи. У него былъ сынъ, по имени Василій Васильевичъ Темный, то есть, подобный мраку, получившій это прозваніе по тому, что у него были выколоты оба глаза.

Отецъ его, Василій, заподозрилъ жену свою, Анастасію, въ нарушеніи супружеской вѣрности и не хотѣлъ вѣрить, чтобы сынъ его родился отъ него, а не отъ другаго. Отъ того и рѣшился не допускать, чтобы онъ былъ Великимъ Княземъ по его смерти, а назначилъ брата Григорія (Георгія): это не понравилось подданнымъ, по тому что Григорій былъ строгій и не любившій шутить

господинъ; они и помогали сыну, стояли за него и провозгласили его Великимъ Княземъ страны; Григорій обидѣлся и не могъ вынести этого, пошелъ къ Татарину, просилъ его позвать его дядю къ себѣ, разсудить ихъ и рѣшить, ему ли, или Василію, быть Великимъ Княземъ и княжить въ странѣ.

Когда онъ явился, Татарскій Царь, благодаря ходатайству и заступничеству одного своего довѣреннаго совѣтника, сказалъ, чтобы Князь Григорій получилъ Княженіе, какъ завѣщано братомъ его, Василіемъ, въ присутствіи сына покойнаго, также Василія. Услыхавъ и узнавъ о томъ, Василій упалъ на колѣни передъ Татариномъ, прося у него позволенія говорить. Когда это было дозволено, онъ очень смиренно просилъ исполнить то, что прежде было обезпечено за нимъ письменнымъ актомъ, по тому что слово и обѣщаніе живаго человѣка сильнѣе, и надобно исполнять ихъ гораздо строже, нежели умершаго; дальше онъ говорилъ, что дядя его, Григорій, долженъ княжить только по грамотѣ его брата, уже умершаго, а у него, Василья, есть грамота Татарскаго Царя, который находится еще въ живыхъ, удостовѣренная позлащенною печатью: ее, по всѣмъ правамъ, слѣдуетъ считать дѣйствительнѣе и обязательнѣе грамоты его отца, уже умершаго.

Услыхавъ это, Татаринъ не долго раздумывалъ, но тотчасъ же отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и велѣлъ Василію княжить и управлять страною; Григорій былъ недоволенъ, собралъ большое войско, вытѣснилъ и выгналъ его изъ Москвы, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать въ Углицкое Княжество, данное ему для жизни отцомъ. Послѣ того Григорій княжилъ въ Московскомъ Княжествѣ до самой смерти.

Но потомъ правленіе перешло къ Князю Василію и его наслѣдникамъ, по тому что, по смерти Григорія, Василій опять вступилъ въ правленіе. Это очень досадно стало сыновьямъ Григорія, Андрею и Димитрію: они осадили Москву и прогнали Василія въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ укрылся и заперся, велѣлъ также поставить кругомъ себя крѣпкую стражу, чтобы враги не напали и не захватили его врасплохъ.

Братья, узнавъ о томъ, придумали другую уловку и хитрость: они послали въ монастырь нѣсколько сотъ телѣгъ съ сѣномъ, соломой и другимъ легкимъ товаромъ, подъ которымъ спрятаны были воины. Когда извощики рано по утру пріѣхали къ воротамъ, начальникъ стражи впустилъ ихъ, не подозрѣвая ничего худаго. Тогда тотчасъ же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли въ плѣнъ Великаго Князя Василія, выкололи ему оба глаза и отвезли съ женою и дѣтьми въ Угличъ.

Чины Государства озлобились за это на братьевъ и прогнали ихъ въ Великій Новгородъ, Василія же опять посадили на княженіе и привели его въ Москву, гдѣ онъ спокойно княжилъ до своей кончины.

Со времени княженія Владимира Мономаха до этого Василія, Русскіе всегда были данниками Татаръ и имѣли много Князей, по тому что каждый княжилъ въ своей особенной землѣ и Княжествѣ. Отъ того-то Татаринъ всегда и побѣждалъ ихъ, что между ними не было согласія.

Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdyn), сынъ слѣпаго Князя Василія, принялъ княженіе по смерти отца. Онъ имѣлъ много успѣховъ и побѣдъ на войнѣ, и взялъ себѣ въ жены Марію, дочь Князя Михаила Тверскаго, отъ коей имѣлъ сына, по имени Ивана. Послѣ свадьбы онъ выгналъ тестя и взялъ его Княжество, покорилъ также Великій Новгородъ и много другихъ Княжествъ, привелъ въ покорность и подданство себѣ всѣхъ Князей страны и именовалъ себя Государемъ и Повелителемъ всѣхъ Русскихъ и Великимъ Княземъ Володимирскимъ, Московскимъ и Новогородскимъ.

По смерти своей первой жены, Маріи, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Константинопольскаго Императора, Еммануила, Софіей, и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей: Гавріила, Димитрія, Григорія, Семена и Андрея.

Предъ смертію онъ раздѣлилъ между ними землю: сыну отъ первой жены, Ивану, онъ далъ Великое Княжество Московское, Гавріилу оставилъ Великій Новгородъ, другимъ также каждому далъ по особенному Княжеству. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ по себѣ сына, по имени Димитрія. Ве-

ликій Князь назначилъ его наслѣдникомъ въ княженіи послѣ свой смерти.

Но Великая Княгиня, Софія, была догадливая, умная и хитрая женщина, отъ того и Великій Князь всегда слушался ея совѣтовъ и замысловъ; льстивыми словами да ласковымъ обхожденіемъ она склонила своего Государя не признавать своимъ наслѣдникомъ внука, и посадить его въ тюрьму, и выхлопотала, чтобы по смерти отца былъ Великимъ Княземъ сынъ ея, Гавріилъ. Когда же Великій Князь сдѣлался боленъ, и уже умиралъ, его взяло раскаяніе въ такомъ поступкѣ: онъ позвалъ къ себѣ Димитрія и сказалъ: «Сынъ мой, я согрѣшилъ передъ тобой и Богомъ въ томъ, что обманулъ тебя и отнялъ у тебя наслѣдство, слѣдующее тебѣ по всѣмъ правамъ отъ твоего отца: извини меня въ этомъ, прощай и владѣй своимъ правомъ!»

Когда же Великій Князь умеръ, сводный братъ Димитрія, Гавріилъ, по совѣту и कозням матери, опять скoварничалъ надъ нимъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ умеръ отъ голода и холода, или задохся въ чаду и дымѣ. При этомъ можно припомнить одинъ стихъ поэта:

«Rara avis est natis clemens et justa noverca,
Hanc opus est magno vincier obsequio.»

Гавріилъ силою захватилъ правленіе и назывался правителемъ и блюстителемъ Государства, при жизни своего двоюроднаго брата, по смерти же его онъ взялъ себѣ другой титулъ, велѣлъ короновать себя и назывался ужь не Гавріиломъ, а Василіемъ.

Выше названный Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, имѣлъ отъ жены дочь, по имени Елену. Она была выдана за мужъ за Литовскаго Князя, Александра, бывшаго Польскимъ Королемъ по смерти своего брата, Альберта. Благодаря тому, установился крѣпкій союзъ между обѣими сторонами, заключенъ былъ дружескій миръ; согласіе и тишина водворились между ними: только это продолжалось не долго, по тому что, вмѣсто дружбы, вышла и началась изъ этого большая и кровопролитная война, ненависть и зависть, какихъ прежде никогда не бывало. На свадьбѣ

было обѣщано построить въ городѣ Вильнѣ (VVilda) церковь для Княгини, ея комнатныхъ дѣвушекъ и служителей, преданныхъ Греческой Вѣрѣ, чтобы они могли тамъ совершать свое богослуженіе по всѣмъ Русскимъ обрядамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а постройка церкви шла что-то медленно. Отецъ Елены, Иванъ Грозный, счелъ это предлогомъ, началъ сильную войну съ мужемъ своей дочери, Александромъ, и пошелъ на него съ тремя большими, хорошо вооруженными, войсками: одно послалъ въ Княжество Сѣверское, другое въ Торопецъ и Бѣлой, третье въ Дорогобужъ и Смоленскъ.

Узнавъ о томъ, Александръ собралъ свое войско, и у нихъ было сильное сраженіе при рѣкѣ Ведрошѣ (VVedrask). Москвитяне одержали верхъ и побѣдили, Поляки побѣждены и должны были уносить ноги оттуда. Литовцы, бывшіе въ городахъ, упали духомъ, очень перепугались и стали добровольно сдавать города, каковы: Дорогобужъ Торопецъ, Бѣлой, Брянскъ, Стародубъ и многіе другіе въ Сѣверскомъ Княжествѣ.

Великій Князь, хоть былъ и сильный Государь и храбрый воинъ, жестокостью и хитростью покорилъ много Князей, городовъ, крѣпостей и земель, однако жь все таки платилъ дань Татарамъ и былъ у нихъ въ зависимости, по тому что когда Татаринъ присылалъ къ нему пословъ, онъ лично долженъ былъ встрѣчать ихъ далеко за городомъ, слѣзать съ коня, тогда какъ они сидѣли на лошадяхъ, и принимать ихъ съ большимъ почетомъ. Это было очень досадно Княгинѣ: она всегда говорила ему, что не хочетъ быть крѣпостною рабой и купленною невольницей Татаръ: было бы честно и справедливо, если бы онъ постарался употребить всю свою силу и могущество, для освобожденія себя отъ этого рабскаго ига.

Въ это самое время Татарскіе Цари построили въ Московскомъ Кремлѣ нѣсколько домовъ и дворовъ, въ которыхъ жили Татары, бывшіе въ Москвѣ, за тѣмъ только, чтобы смотрѣть, замѣчать и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь, и какіе у него замыслы. Когда замѣчали, что Русскіе сговариваются на измѣну и не хотятъ больше покоряться Татарамъ, они заблаговременно давали

знать о томъ. Великая Княгиня не желала дольше сносить это: она отправила своихъ пословъ съ большими подарками къ Татарской Царицѣ, дружески прося ее склонить своего Государя, чтобы домы и помѣщенія въ крѣпости, принадлежавшіе Татарамъ, онъ приказалъ перенести на другое мѣсто, по тому что Богъ строго убѣждалъ ее въ сновидѣніи построить на мѣстѣ ихъ церковь, во славу Его и Святыхъ, и нѣсколько часовень.

Великой Княгини послушались, срыли домы, опорожнили мѣсто, на которомъ потомъ была построена церковь. Благодаря тому, Татары выпровожены изъ Кремля, и по тому больше ужь не могли узнавать о замыслахъ Великаго Князя, какъ бывало прежде, и убрались домой; съ тѣхъ поръ имъ никогда не дозволялось строить дома свои въ Москвѣ, или жить тамъ.

Такимъ образомъ Москвитяне освободились отъ Татаръ ловкостью своихъ женъ, точно также какъ домъ съумасброднаго и пьянаго Навала спасенъ мудрою и разумною рѣчью его жены, Авигеи, чтобы не наложилъ на него руки разгнѣванный Царь Давидъ, по тому что «женскій умъ лучше всякихъ думъ», спасаетъ отъ бѣды и напасти.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, умеръ въ Москвѣ, 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, въ 1492 году (?), прокняживъ 42 года и 7 мѣсяцевъ.

Въ его время славно царствовалъ Римскій Императоръ Максимиліанъ, очень расположенный къ Доктору Лютеру, за то что этотъ возсталъ на Папство и обнаружилъ его идолопоклонство и заблужденія. Въ Швеціи царствовалъ славный Государь Стено Стуре младшій, ведшій трудныя войны съ Датскимъ, Королемъ Гансомъ, и Великимъ Княземъ Московскимъ.

По смерти Ивана Васильевича Грознаго вступилъ на княженіе, по проискамъ своей матери, Софіи, сынъ его, Гавріилъ или Василій. Во многихъ дѣлахъ онъ слѣдовалъ правиламъ отца, не только оборонялъ съ большимъ стараніемъ и силою земли, покоренныя его отцомъ, но распространялъ свои предѣлы все дальше, не храбростью и доблестью, а хитростью, изворотливостью,

измѣною, и точно такъ же, какъ отецъ его взялъ Новгородъ, онъ покорилъ Псковъ и Смоленскъ.

Въ Литвѣ и Польшѣ царствовалъ тогда Король Сигизмундъ 1-й, съ которымъ Великій Князь Василій по справедливости не долженъ бы былъ вести ни какой войны, по тому что это былъ кроткій, благочестивый и образованный Государь, находившій больше отрады въ мирѣ и согласіи, нежели въ войнѣ, ссорахъ и кровопролитіи. Онъ не подавалъ ни какого повода къ раздору и войнѣ, однако жь Василій напалъ на него, говоря, что онъ нарушилъ мирный договоръ въ томъ, что сестра Василіева, по смерти Короля Александра, содержалась не совсѣмъ по ея званію и сану. Къ тому же онъ наущалъ Татарина напасть на землю Василія и жалостно разорять ее огнемъ и мечемъ. Отъ того и онъ имѣетъ достаточную причину посѣтить и потревожить его также мечемъ и огнемъ, и осадилъ поспѣшно Смоленскъ, отъ котораго, впрочемъ, принужденъ былъ на этотъ разъ отступить съ позоромъ.

Между тѣмъ одинъ знатный Литовскій Господинъ, по имени Михаилъ Глинскій, по случаю сдѣланнаго имъ убійства, долженъ былъ бѣжать изъ Литвы и искать убѣжища у Великаго Князя Московскаго. По своей способности, онъ тотчасъ же сдѣлался совѣтникомъ и высшимъ лицомъ у Великаго Князя. Находясь тогда въ большой враждѣ и ненависти съ своими земляками, онъ усердно совѣтовалъ Великому Князю не прекращать Польской войны, а продолжать ее и опять осадить всѣми силами Смоленскъ, прибавивъ, что ему извѣстно средство покорить городъ для Великаго Князя.

Великій Князь былъ очень радъ тому и далъ честное слово Глинскому, что лишь только онъ овладѣетъ городомъ, то получитъ отъ него Княжество для себя и своихъ наслѣдниковъ, подъ защитою и покровительствомъ Великаго Князя, и за то будетъ служить ему, по его требованію, съ такимъ числомъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, сколько позволятъ его доходы.

Съ этою надеждой Глинскій вооружилъ большое войско, очень важно пошелъ къ Смоленску съ разнымъ оружіемъ, велѣлъ поскорѣе выставить большія пушки и началъ такъ обстрѣливать

стѣны, что никто изъ военныхъ вождей въ Россіи прежде никогда и не думалъ и не слыхалъ о такой стрѣльбѣ. Потомъ, когда разрушилъ стѣны и укрѣпленія, а многихъ непріятелей убилъ изъ пушекъ, онъ велѣлъ идти въ трехъ мѣстахъ на приступъ: съ обѣихъ сторонъ сражались храбро и жестоко, однако жъ Глинскій былъ отраженъ. Тогда онъ придумалъ другое средство, т. е., прибѣгнулъ къ хитрости и обману: подкупилъ вождей и главные военные чины въ гарнизонѣ, обѣщалъ имъ помилованіе и пощаду отъ Великаго Князя, да такъ и взялъ городъ, сверхъ своего ожиданія, безъ всякаго сопротивленія и кровопролитія

Тѣхъ горожанъ и воиновъ, которые хотѣли слѣдовать за нимъ по доброй волѣ, онъ взялъ съ собой, и пошелъ съ большою славою и торжествомъ въ Москву; другихъ, которые хотѣли идти въ Литву и Польшу, онъ съ миромъ отпустилъ и занялъ Москвитянами городъ: это было въ 1514 году по Р. Х.

Эта побѣда, одержанная Глинскимъ подъ Смоленскомъ, сдѣлала Великаго Князя до того смѣлымъ, гордымъ и надменнымъ, что онъ опять собралъ со всей своей земли большое войско и отправилъ его въ Литву, разорять эту страну, жечь деревни, города и мѣстечки, истреблять на поляхъ плоды, уводить скотъ, убивать малыхъ и большихъ людей. Узнавъ о томъ, Польскій Король послалъ сильное войско на встрѣчу Москвитянамъ, съ храбрымъ полководцемъ, Константиномъ Острожскимъ (Ostrofski): прибывъ къ городу Оршѣ (Orso), лежащему на берегу Борисѳена, оно повстрѣчалось съ Москвитянами, въ числѣ 80,000 конныхъ и пѣшихъ. Но такъ какъ между ними протекала рѣка, то Польскій полководецъ, имѣвшій не больше 35,000 войска, велѣлъ навести мостъ черезъ рѣку, по которому можно бы было перейти пѣхотѣ и перевезти пушки, а всадники пустили лошадей вплавь, и такимъ образомъ переправились за рѣку безъ урона. Лишь только Русскіе это замѣтили, тотчасъ увѣдомили о томъ своего полководца, Ивана Челядина (Челяднина), и тутъ же хотѣли напасть на Поляковъ, однако жъ полководецъ не позволилъ имъ и сказалъ: «Если вы нападете и перебьете тѣхъ, которые ужь переправились черезъ рѣку, тогда ускользнутъ другіе, стоящіе еще за рѣкой, и начнутъ съ нами новую битву: пусть переправятся всѣ, и тогда всѣ они падутъ отъ нашей руки, по тому что мы вдвое сильнѣе, а послѣ того займемъ

всю Литву безъ всякаго сопротивленія и опасности.» Но Литовцы, перебравшіеся за рѣку, построились въ боевой порядокъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей въ Москвитянъ, дали залпъ изъ нѣсколькихъ полевыхъ пушекъ; это, однако жь, не испугало Москвитянъ: они велѣли трубить въ трубы и быстро напали на Поляковъ съ большимъ крикомъ и шумомъ, думая привести непріятеля въ ужасъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Замѣтивъ это и увидѣвъ мужество и неустрашимость враговъ, Поляки подались немного назадъ, гдѣ стояли пушки и была выстроена пѣхота, и по томъ выстрѣлили въ Москвитянъ изо всѣхъ пушекъ большихъ и малыхъ, такъ что нѣсколько сотъ непріятелей повалилось съ лошадей замертво. Остальные до того оробѣли и пришли въ ужасъ, что пустились бѣжать къ городу Доброве (Дубровнѣ), въ 4-хъ миляхъ оттуда: подъ городомъ протекаетъ рѣка, по имени Крапивна, такая глубокая, что если кто упадетъ въ нее, тому плохо будетъ, по тому что рѣчной берегъ очень высокъ. Тамъ-то и осталась большая часть разбитыхъ и раненыхъ Москвитянъ, другіе бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее и спастись, и потонули, а которые уцѣлѣли, взяты были въ плѣнъ, какъ знатные, такъ и простые воины, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и были отведены по городамъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Когда вѣсть о томъ разнеслась по всей странѣ, Великій Князь, находившійся въ Смоленскѣ, такъ упалъ духомъ отъ этого пораженія, что поскорѣй отправился въ Москву, велѣлъ сжечь городъ Дорогобужъ, чтобы не достался Полякамъ, и занялъ хорошо вооруженнымъ войскомъ Смоленскъ, для обороны этого города отъ нападеній непріятеля. Великій Князь догадывался, что Поляки, послѣ одержанной побѣды, попытаютъ своего счастія и осадятъ крѣпость: они и сдѣлали это, однако жь безъ всякаго успѣха, по тому что ихъ войско устало и утомилось, при томъ же была уже зима.

Отдохнувъ нѣсколько, Великій Князь здумалъ выместить свой уронъ на Полякахъ, и опять выслалъ большое войско въ Литву: опустошилъ ее мечомъ и огнемъ, намѣревался было сдѣлать нападеніе на Полоцкъ и взять его. Однако жь по прежнему былъ побѣжденъ Поляками и прогнатъ назадъ въ Россію. Нѣсколько

разъ покушался онъ силою и храбростью взять Казань и Астрахань, велъ съ ними большія войны, и тоже не получилъ никакой прибыли: вернулся домой съ однимъ позоромъ и посмѣяніемъ, ранеными и убитыми, однако жь не хотѣлъ отстать до тѣхъ поръ, пока не поднялся на него Казанскій Татаринъ, съ помощью Крымскихъ Татаръ, и не осадилъ его въ Москвѣ. Князь очень упалъ духомъ, даже до того перетрусилъ, что убѣжалъ тайкомъ въ Новгородъ, нѣсколько дней прятался въ возу съ сѣномъ, и клятвенно обѣщался Татарину, не отступавшему безъ того, быть у него въ подданствѣ и платить ему ежегодную дань, въ чемъ и далъ свою грамоту: она была возвращена ему изъ Рязани, благодаря угодливости и расторопности его Воеводы, о чемъ разсказывали мы выше.

Татаринъ осердился и озлобился на это: безпрестанно, не встрѣчая сопротивленія, онъ разорялъ землю Великаго Князя, жегъ деревни и города, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, убивалъ много народа, уводилъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ съ собой въ Татарію, и продавалъ ихъ, точно скотъ, Туркамъ и другимъ врагамъ Христіянъ.

И такъ этотъ Великій Князь, Василій, больше всего озабоченный тѣмъ, какъ бы сдѣлать еще обширнѣе свою землю, привелъ въ крайне опасное положеніе и ее и свой народъ: одинъ тиранъ сильно мучилъ и безпокоилъ другаго, такъ что Москвитянинъ едва не распростился со всѣмъ своимъ величіемъ и былъ сведенъ съ его высокаго и знатнаго мѣста. На свѣтѣ это не рѣдкость и не диковина: бываетъ зачастую, что Князья и Государи, искатели чужихъ земель и народовъ, сами впадаютъ въ большое несчастье и нужду, и часто лишаются всего своего благосостоянія.

Когда же везло счастье на войнѣ Великому Князю, онъ былъ очень жестокъ къ непріятелямъ, точно такъ же и къ своимъ роднымъ братьямъ, родственникамъ и подданнымъ: это испытали на себѣ сначала его дядя, Димитрій, а потомъ его братья, Григорій и Андрей, которыхъ онъ велѣлъ посадить въ тюрьму, подъ тѣмъ предлогомъ, что они посягали на власть его и подущали жителей заставить его раздѣлить съ ними правленіе.

Самыхъ первыхъ и большихъ Бояръ по всей Москвѣ, сильныхъ происхожденіемъ и богатствомъ, онъ накрывалъ и ловилъ врасплохъ, отчасти открытой силой, отчасти тайнымъ коварствомъ, и либо убивалъ, либо сажалъ въ тюрьму и лишалъ всего имѣнія, движимаго и недвижимаго.

Точно такъ же, какъ Великій Князь бывалъ страшно жестокъ съ своими друзьями и родными (мы уже разсказывали о его жестокости), онъ употреблялъ свои хитрыя и коварныя продѣлки съ сосѣдними Королями и Государями: съ ними онъ никогда не держалъ своего честнаго слова, часто заключалъ миръ и скрѣплялъ его клятвою, но потомъ, обнадеживъ ихъ такъ, что они уже расчитывали на постоянный миръ и спокойствіе, нападалъ на ихъ землю, и безъ всякой причины и честнаго предупрежденія раздражалъ ихъ и вводилъ въ большіе расходы.

Это былъ гордый, заносчивый человѣкъ, чрезвычайно лукавый и коварный, изъ пустаго тщеславія принялъ титулъ гораздо пышнѣе, нежели когда ни будь носили его предки, и называлъ себя по именамъ всѣхъ земель и княжествъ, надъ которыми княжилъ.

Проживъ довольно времени въ большомъ распутствѣ и сладострастіи съ развратными женщинами и потаскушками, и не желая допустить, чтобы братъ его съ дѣтьми, по его смерти, имѣлъ доступъ къ верховной Великокняжеской власти, онъ рѣшился взять себѣ жену, и собралъ для того всю Боярскую Думу, чтобы Бояре хорошенько обдумали и обсудили всѣ обстоятельства и наконецъ рѣшили, полезнѣе ли и выгоднѣе для страны жениться ему на туземной, или на иностранной, Княжнѣ.

Они много и долго совѣтовались и наконецъ рѣшили въ Думѣ, чтобы онъ женился на туземкѣ, оставилъ въ покоѣ иностранокъ и не слишкомъ много заботился о родствѣ съ иноземными Государями: такъ какъ они вѣроломны, горды и надменны, а по тому не отдадутъ и не пошлютъ своихъ дочерей ни въ какую варварскую землю, тѣмъ менѣе къ Московскому Князю; кромѣ того иностранная невѣста и новая Княгиня приводитъ обыкновенно съ собою новые, чужіе, нравы, много чужаго народа и иностранный покрой платья, а это будетъ стоить невѣроятныхъ издержекъ. У

нихъ же и другая Вѣра, которой Русскіе не могутъ терпѣть, даже слышать объ ней, а это поведетъ къ чрезвычайнымъ перемѣнамъ и разногласію въ Государствѣ.

Такое мнѣніе и предложеніе внушилъ другимъ Думнымъ Боярамъ и придворнымъ одинъ знатный человѣкъ, Греческій уроженецъ, по имени Георгій Микрусъ (Micrus), бывшій въ большой милости и почетѣ у Великаго Князя; къ нему расположены были и всѣ, знатные и незнатные, за его благочестіе и скромность. Онъ говорилъ, что въ Москвѣ найдутся дѣвицы, которыя ни сколько не уступятъ Европейскимъ въ красотѣ, добродѣтели и знатности: изъ нихъ-то Великій Князь и можетъ выбрать себѣ одну, которая покажется ему всѣхъ лучше; отъ нея будетъ больше пользы и прибыли странѣ, чѣмъ отъ иностранки. Въ самомъ же дѣлѣ онъ думалъ, что такъ какъ находится теперь въ большомъ почетѣ у Великаго Князя, то этотъ женится на его дочери, которая превосходила всѣхъ другихъ дѣвущекъ красивой наружностью, нравственностью и добродѣтелью.

Узнавъ, что у всѣхъ его совѣтниковъ, офицеровъ и придворныхъ одно желаніе и мнѣніе, чтобы Великій Князь женился на туземкѣ, Василій велѣлъ созвать со всей земли полторы тысячи боярышень и дѣвущекъ изъ самыхъ первыхъ и знатныхъ семействъ. Больше всѣхъ понравилась ему Саломея, дочь Ивана Сабурова, великая красавица, чего ни какъ не ожидалъ Думный Бояринъ Георгій Микрусъ, который охотно желалъ доставить своей дочери Царское ложе и высокія почести.

Тотчасъ же сыграли свадьбу. Двадцать одинъ годъ прожилъ Великій Князь въ супружествѣ съ Саломеею (Соломоніей), и она ему наскучила, по тому что онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: онъ удалилъ ее въ Суздальскій монастырь на всю жизнь, велѣлъ Митрополиту снять съ нея всѣ Царскія украшенія и одежды и обстричь у ней волосы. Это было для нея горько, и она заливалась слезами; эта красивая и увлекательная женщина взяла обстриженные свои волосы, бросила ихъ подъ ноги себѣ, топтала ихъ, клялась и божилась, что не заслуживаетъ нанесеннаго ей позора. Это раздосадовало служителя Великаго Князя, Ивана Шигону, который долженъ былъ отвезти ее въ монастырь: онъ уда-

рилъ ее кнутомъ за такія рѣчи про ея Государя. Она спросила его, кто приказалъ ему бить и поднимать на смѣхъ коронованную и помазанную Государыню всей Россіи? «Великій Князь», отвѣчалъ онъ. Тогда, при всѣхъ окружающихъ ее, она начала бранить своего Государя, проклинала его неприличную жизнь, вѣроломные поступки и великую жестокость, призывала въ свѣдѣтели всѣхъ Боговъ и Святыхъ, которымъ хорошо было извѣстно, что она сохраняла честь свою въ чистотѣ и цѣломудріи и невинно терпитъ такое поруганіе и униженіе. Они не оставятъ безъ отмщенія и возмездія ея невинности и великаго безчестія.

Между тѣмъ Великій Князь искалъ себѣ другой невѣсты. Михаилъ Глинскій, бѣжавшій изъ Литвы изъ за убійства Литовскаго Маршалка, Ивана Заберезенскаго (Zabrecinio), велъ себя такъ храбро на войнѣ, что Великій Князь, благодаря его ловкости, покорилъ Смоленскъ и считалъ его самымъ храбрымъ и счастливымъ полководцемъ во всей Россіи. Онъ женилъ Великаго Князя на дочери своего брата, Василія, Еленѣ, отъ которой Князь имѣлъ двоихъ сыновей, Григорія и Ивана.

За то, что прежде Великій Князь объявилъ этого Глинскаго самымъ храбрымъ и даровитымъ воиномъ, его тайно ненавидѣли самые первые Бояре и роды въ странѣ, подыскивались подъ него и наконецъ обнесли и оболгали его у Великаго Князя въ измѣнѣ, что будто онъ нечестно и невѣрно поступилъ съ своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ. Этотъ, безъ всякаго доказательства и суда, посадилъ его подъ стражу и лишилъ всякой власти, почестей и достоинствъ.

Но какъ Великій Князь женатъ былъ на дочери его брата, то онъ и выпутался изъ сѣтей, и не только получилъ опять прежнюю должность, почести и достоинства, по своей знатности, мудрости и разуму, но и былъ назначенъ, по кончинѣ Великаго Князя, правителемъ всей земли и опекуномъ дѣтей его.

Между тѣмъ изъ Суздаля по всей Россіи разошлась молва, что Саломея, жившая въ монастырѣ, беременна: это дошло и до Великаго Князя. Онъ тотчасъ же послалъ туда своихъ довѣренныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, узнать всю правду относительно положенія Саломеи, также наблюдать и видѣть новые ея роды.

По приходѣ ихъ въ монастырь, Саломея пошла въ церковь, ухватилась за алтарь, прикоснулась къ Св. Тайнамъ, божилась, осуждая себя въ преисподнюю ада, что сохраняла себя чистою въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Василіемъ, и что Богъ далъ ей сына отъ него, а не отъ другаго кого ни будь, за понесенное ею великое поруганіе и презрѣніе; она молилась о томъ днемъ и ночью: ни она, ни Великій Князь не увидятъ свѣтлаго лица и милыхъ глазокъ младенца; но придетъ день, когда онъ, въ свое время, неустрашимо явится предъ очи своихъ подданныхъ, дастъ видѣть имъ свои свѣтлые глазки и не оставитъ безъ отмщенія ея позора, поруганія и уничиженія.

Съ этѣмъ отвѣтомъ и возвратились посланные и разсказали Великому Князю о положеніи Саломеи и происшествіи съ нею, также и обо всемъ, что видѣли и слышали. Это извѣстіе взбѣсило Великаго Князя: онъ рѣшился было взять Саломею изъ монастыря и прогнать ее въ болѣе суровое мѣсто; однако жь это отсовѣтовали и не дали ему сдѣлать нѣкоторые изъ Думныхъ Бояръ.

Многіе изъ Русскихъ разсказываютъ за вѣрное, что Саломея родила сынка и велѣла назвать его Григоріемъ, а потомъ, вступивъ на Великое Княженіе, онъ назвалъ себя Иваномъ и сдѣлалъ много безчеловѣчныхъ жестокостей въ Россіи и Ливоніи. Но нѣкоторые оспариваютъ это и думаютъ, что Иванъ — младшій сынъ Василія отъ Елены, дочери Василія Глинскаго, родившійся 1528 (1530) года по Р. Х., 26 (25) Августа, за 4 года до смерти Великаго Князя.

Предъ кончиною Великій Князь поручилъ правленіе своему шурину, Михаилу Глинскому, и сдѣлалъ его опекуномъ своей Княгини и дѣтей.

Но какъ бы то ни было, все равно и не составляетъ большой важности, отъ какой бы Княгини ни родился Иванъ, по тому что обѣ женщины были одинаковой добродѣтели и честности. Одна прижила въ монастырѣ ребенка съ монахомъ, другая же, по кончинѣ Великаго Князя, все ходила въ распутный домъ, очень ужь много развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ Дворяниномъ, по имени Иваномъ Ozami (Овчиною-Оболенскимъ), и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякой

крестьянинъ. Это стало обидно дядѣ ея, Михаилу Глинскому, въ рукахъ котораго находилось главное управленіе Государствомъ: онъ часто посылалъ къ ней, и лично просилъ ее бросить свое распутство и беззаконную жизнь, не позорить своего званія, пола и дѣтей, и не класть на нихъ пятна безчестія. Но она не обращала ни какого вниманія на его слова, ставила ихъ ни во что, дала почувствовать дядѣ свой гнѣвъ и немилость, обнесла его передъ большими Боярами и простыми людьми въ томъ, будто онъ ведетъ такія козни, чтобы отослать молодыхъ Государей въ Польшу, сдѣлаться Великимъ Княземъ и подчинить себѣ все Московское Государство, представила ложныхъ судей и свѣдѣтелей, которыхъ подкупила для того большими деньгами: они засвѣдѣтельствовали и присягнули, что такое обвиненіе справедливо. Это заставило Думныхъ Бояръ и простыхъ людей лишить, съ поруганіемъ, Михаила Глинскаго всѣхъ должностей, какъ измѣнника и заводчика большой новизны и переворота въ Государствѣ: его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ жалостно свою жизнь и получилъ заслуженное воздаяніе за свои злыя дѣла — за то, что убилъ Маршалка въ Литвѣ, городъ и крѣпость Смоленскъ безчестнымъ образомъ привелъ, изъ подъ власти своего отечества, подъ власть Москвы и былъ причиною убійства и истребленія множества невинныхъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ.

Послѣ того Великая Княгиня продолжала вести прежнюю жизнь въ беззаконіи и распутствѣ, такъ что ее открыто по всему городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли. Больщіе Бояре не могли долѣе терпѣть и переносить это и отравили ее. А любовника ея, Qzami (Овчину-Оболенскаго), велѣли живаго посадить на колъ и сжечь съ соломою и дровами.

Отъ этой, презрѣнной и распутной, женщины родился безчеловѣчный тиранъ, Иванъ Васильевичъ, принявшій, на 12 году возраста, Великокняжескій вѣнецъ и скипетръ, по тому что старшій его братъ, Григорій (Георгій), былъ кривой и неспособный къ правленію. Иванъ не совѣстился хвастать, что родъ его происходитъ отъ брата Римскаго Императора, Августа, а это такъ же далеко отъ правды, какъ востокъ отъ запада; отъ того-то онъ и внесъ въ свой гербъ двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, какъ сказали мы выше.

Не считая равнымъ себѣ ни одного Короля и Государя на свѣтѣ, онъ и точно былъ выше всѣхъ Королей и Государей въ Христіянствѣ, по своимъ мерзкимъ дѣламъ, распутству и жестокостямъ, которыя безчеловѣчно совершалъ, какъ надъ тузамцами, такъ и иностранцами. Это былъ гнусный варваръ, кровопійца и тиранъ, великій скряга, безбожникъ, распутникъ, бѣшеный, гордый, неправосудный и злой человѣкъ, насилователь женщинъ, взбалмошенъ, непривѣтливъ, прихотливъ и безпокоенъ, охотникъ до пошлыхъ дураковъ и мошенниковъ; онъ былъ зачинщикомъ и виновникомъ опасныхъ войнъ для сосѣднихъ Государей и вооружалъ ихъ противъ себя.

Онъ воевалъ то съ Татарами, то съ Поляками, Ливонцами и Шведами, однако жъ въ войнѣ съ послѣдними не много получилъ себѣ славы. Шведы взяли у него много крѣпостей и городовъ въ Россіи и Ливоніи; отъ Поляковъ тоже добылъ не много, по тому что они совсѣмъ выгнали его изъ Ливоніи, покорили много областей и городовъ въ Россіи, и причинили ему много вреда огнемъ и мечемъ; въ Ливоніи онъ очень былъ счастливъ, по тому что завоевалъ почти всѣ ея крѣпости и города, и поступалъ тамъ съ неслыханною жестокостью, которою наполнены всѣ лѣтописи; впрочемъ, не многіе только города онъ взялъ мужествомъ и храбрыми дѣлами: все дѣлалъ хитростью, обманомъ, коварными происками, особливо подъ руководствомъ двоихъ Ливонскихъ Дворянъ, давшихъ ему слѣдующую присягу:

«Пресвѣтлѣйшій, непобѣдимѣйшій, Державнѣйшій Государь и Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и другихъ областей, Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Обдорскій (Obdonsski), Угорскій (Udcrschi), Кандійскій и всѣхъ Сибирскихъ земель и Сѣверныхъ странъ повелитель, наслѣдный Государь Ливонскій и многихъ другихъ земель на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, наслѣдственный, древній и потомственный, и проч. Мы, Іоганнъ Таубе и Эйлертъ Краузе, обѣщаемся и клянемся Вашему Царскому Величеству, Царевичамъ и Царству, служить на водѣ и на сушѣ, вѣрно, праведно и нелице-

17

мѣрно, по милости и жалованью Вашего Царскаго Величества, клянемся и обѣщаемся такъ же истинно, какъ вѣрна для нашего тѣла и души помощь Божія въ здѣшней временной и въ будущей вѣчной жизни, и будемъ продолжать эту службу Вашему Царскому Величеству и потомкамъ Вашего Царскаго Величества во всемъ, клонящемся къ ихъ величію и благоденствію, а противное для нихъ, по нашимъ силамъ, будемъ отвращать, останавливать и предупреждать; если же въ этомъ, или въ чемъ либо другомъ, мы поступимъ не такъ и замыслимъ что ни будь опасное, то да придутъ на насъ и огонь, и вода, и мечъ, и всѣ душевныя и тѣлесныя муки. Отъ этой клятвы ничто не должно разрѣшать насъ, ни наше собственное раскаяніе и сознаніе, ни Христіанско-церковный или духовный санъ, если только мы искренно желаемъ себѣ, для души и тѣла, помощи Бога и Его Святаго Евангелія.»

Царства Казанское и Астраханское онъ взялъ вооруженною рукою, выгналъ изъ нихъ Татаръ и занялъ города Русскими, однако жь сперва потерпѣлъ пораженіе и потерялъ много людей: нѣсколько разъ бывалъ прогоняемъ Татарами и снималъ осаду съ большимъ для себя позоромъ. Впрочемъ, онъ не падалъ духомъ, но, вооружившись мужествомъ, пошелъ подъ Казань съ большимъ войскомъ и осадилъ ее со всѣхъ сторонъ: разрушилъ пушками валъ и стѣны и до тѣхъ поръ ломился въ городъ съ своимъ войскомъ, пока не взялъ его приступомъ и не умножилъ имъ своего титула: это было въ 1561 (1552) году.

Наслѣдовавъ отъ своихъ родителей и предковъ земли и Государства, Великій Князь точно также наслѣдовалъ и усвоилъ себѣ пороки, коварство и хитрость въ словахъ и поступкахъ: когда онъ бывалъ къ кому ни будь милостивъ, ласковъ и благодѣтеленъ, тому навѣрное должно было ожидать себѣ немилости и гоненія; напротивъ когда онъ грозилъ кому, бранилъ и проклиналъ его, тому оказывалъ милость и дѣлалъ для него всякое добро. Онъ всегда нарушалъ союзные и мирные договоры, обязательства и обѣщанія: всѣ сосѣдніе ему Князья и Государи довольно испытали это на себѣ. Онъ часто нападалъ на нихъ неожиданно съ огнёмъ и мечемъ, вопреки своей клятвѣ, въ мирное время, когда они считали себя въ безопасности и не подозрѣвали ничего враждебнаго, бралъ города и крѣпости и причинялъ странѣ много вреда.

Кромѣ такихъ ожесточенно злыхъ его дѣлъ, онъ дѣлалъ и больше: изъ чрезвычайной надменности, вопреки всякому народному праву, онъ поднималъ руку на посланниковъ могущественныхъ Государей, посыланныхъ къ нему по особеннымъ дѣламъ; это можно видѣть на знатныхъ послахъ Польскаго Короля, Сигизмунда II, Іоганнѣ Кротисинѣ (Crotissin), и Николаѣ Тальвоизо (Talvoiso): онъ не только съ презрѣніемъ обходился съ ними, но и нагло обидѣлъ одного Польскаго Дворянина, пожелавъ посмотрѣть у него какія-то драгоцѣнныя вещи, и потомъ безсовѣстно удержавъ ихъ у себя. У купцовъ, бывшихъ при посланникахъ, велѣлъ онъ отнять отборные и лучшіе товары, стоившіе большихъ денегъ, изрубить ихъ лошадей, въ присутствіи пословъ, и дѣлалъ разныя дѣла къ уничтоженію и убытку Короля.

Такаго же поруганія и срама надѣлалъ онъ посламъ славнаго Короля Шведскаго, Іоанна III, именно Абовскому Епископу, Павлу Юстену, и потомственному Дворянину изъ Дюстерби, Тонніесъ Ольсену. Въ 1569 году они присланы были къ нему для переговоровъ о мирѣ и союзѣ между двумя Государствами. Изъ одной только наглости, вопреки клятвѣ, обѣщанію, честному слову и вѣрности, онъ причинилъ имъ много жестокостей; велѣлъ не только отнять у нихъ лучшее платье, жемчугъ, драгоцѣнныя вещи, серебро, золото и деньги, но еще и бить ихъ, высѣчь кнутомъ, бросить въ гадкую темницу, каждый день считать и осматривать ихъ, точно безсловесныхъ животныхъ, ругалъ ихъ псами и блудными дѣтьми, поносилъ и другими жесткими словами, за то, что не хотѣли преступить Королевскаго повелѣнія и наказа передать свое дѣло и порученіе Новгородскому Намѣстнику, тогда какъ имъ надобно было вести о томъ переговоры съ самимъ Княземъ. По своему варварскому обычаю, онъ считалъ себя гораздо выше и могущественнѣе благочестиваго и милосердаго Шведскаго Короля, Намѣстника же Новогородскаго наравнѣ съ Королемъ по званію, власти и сану, не смотря что тутъ недоставало ремешка, котораго не выкроишь и изъ тысячи воловьихъ кожъ: по тому-то послы и должны были переговариваться о мирѣ съ нимъ, а не съ Великимъ Княземъ. Они ни какъ не соглашались сдѣлать это и держались даннаго имъ наказа.

Узнавъ о томъ, Великій Князь послалъ къ нимъ нѣсколькихъ своихъ Совѣтниковъ и Секретарей, которые приступили къ нимъ

съ наглыми и ругательными словами, замахиваясь саблями, будто хотѣли изрубить ихъ въ куски: прибили ихъ, точно какихъ злодѣевъ, связали имъ веревками руки за спину, водили ихъ изъ одной темницы въ другую въ однѣхъ рубашкахъ, нѣкоторыхъ посадили на лошадей, другіе, съ связанными за спину руками, должны были бѣжать рядомъ съ лошадьми на веревкѣ, пустили лошадей во всю прыть на цѣлую полумилю, сколько силы станетъ, грозились непристойными словами заколоть и зарубить пословъ, сжечь и утопить, говоря, что въ поруганіи, срамѣ и пренебреженіи, которыя переносятъ послы, должны обвинять они не Великаго Князя, а своего собственнаго Короля, давшаго имъ такое полномочіе и наказъ. Пусть узнаютъ они, что Великій Князь такой Государь, что если кто хоть не много досадитъ ему, то онъ отплатитъ ему за то вдесятеро, а кто смирится передъ нимъ и дастъ ему грошъ, того онъ возвеличиваетъ и даетъ ему сто грошей: на свѣтѣ нѣтъ ему подобнаго по благочестію, добротѣ и честности, если кто повинуется его волѣ; а кто разсердитъ и раздражитъ его, на того онъ такъ озлобится и ожесточится, что и въ водѣ отъ него не спрячется.

После того, какъ послы приняли все, чѣмъ ихъ ни награждали, Русскіе дали имъ не много платья, чтобы не замерзнуть, и заставили просидѣть ихъ три дня безъ пищи и питья; на четвертый послали имъ хлѣба и воды, говоря, что Великій Князь ихъ пожаловалъ этѣмъ, чтобы они не умерли съ голода, потомъ отправили ихъ въ Москву, гдѣ прожили они 17 недѣль, а оттуда еще дальше, въ Муромъ, гдѣ находились они полтора года, до возвращенія въ Швецію; ихъ не снабжали ни какой другой пищей и питьемъ, кромѣ мяса, хлѣба, воды и квасу (Covent: собственно жидкое пиво въ Католическихъ монастыряхъ), отъ чего многіе изъ нихъ умерли въ заключеніи; тридцать изъ нихъ съ большимъ трудомъ вернулись домой въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ видѣ; двухъ младшихъ, выучившихся Русскому языку, Великій Князь удерживалъ у себя 6 лѣтъ, до ихъ освобожденія, полагая, что они теперь обязаны служить ему, а не Королю, по тому что выучились его языку.

Но что ужь много говорить о посланникахъ чужеземныхъ Государей, о пріемѣ и обхожденіи его съ ними: онъ такъ же

безстыдно поступилъ и съ Герцогомъ Голштинскимъ, Магнусомъ, братомъ Датскаго Короля, Фридриха II, пріѣхавшимъ къ нему въ 1569 году, съ той мыслью, чтобы служить ему до самой смерти. Онъ сперва сдѣлалъ ему очень пышный и блестящій пріемъ, великолѣпно угощалъ кушаньями и напитками, далъ большіе подарки, много денегъ, выдалъ за него дочь своего брата, Григорія, называлъ Королемъ Ливонскимъ, и съ клятвою обѣщалъ уступить и отдать ему эту землю.

Теперь, когда все это было сдѣлано, Великій Князь отправилъ новаго Короля съ большимъ войскомъ въ Ливонію, для осады прекраснаго укрѣпленнаго города Ревеля. Но Магнусъ не имѣлъ тутъ ни какого успѣха и долженъ былъ отступить, не сдѣлавъ ничего, однако жь нѣкоторые другіе города и крѣпости сдались ему.

Послѣ, когда Герцогъ Магнусъ, съ Русскимъ войскомъ, надѣлалъ вездѣ въ Ливоніи пропасть неистовыхъ дѣлъ, на походѣ понесъ большой уронъ отъ Шведовъ и Поляковъ, и не во всемъ имѣлъ такую удачу, какъ хотѣлось бы Великому Князю, этотъ послѣдній до того озлобился и прогнѣвался, что подъ городомъ Венденомъ велѣлъ изрубить въ куски всю свою придворную челядь, Герцога Магнуса билъ кулаками и кнутомъ: для спасенія жизни, Магнусъ долженъ былъ съ трепетомъ проползти нѣсколько тысячъ шаговъ до палатки Великаго Князя и просить у него, со слезами, помилованія.

«Ты, бѣднякъ, сказалъ Великій Князь, увидавъ его, смѣлъ надѣяться, что получишь Ливонію и будешь въ ней Королемъ: когда бросивъ отечество, ты скитался несчастнымъ бѣглецомъ изъ мѣста въ мѣсто, я одѣлъ тебя нагаго и голаго, принялъ къ себѣ въ родство, далъ тебѣ въ жену дочь своего брата, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, надавалъ тебѣ денегъ, людей и платья, доставилъ большой почетъ, и ты теперь оказываешься измѣнникомъ своему благодѣтелю! Развѣ ты не хотѣлъ измѣнить твоему Государю, которому присягалъ? Что ты скажешь на это? Развѣ не за долго до этого не обвиняли тебя три раза въ томъ, что ты домогался моей власти и, такимъ образомъ, въ своей заносчивости, ты ставилъ ни во что меня, твоего Государя и добраго

друга. Не хотѣлъ ли ты привести въ свое подданство Ливонію, которую ты обманулъ хитростью и лестью? Но око Божіе бодрствовало надо мною, предало тебя въ мои руки и уничтожило всѣ твои замыслы и пронырства. За то, что ты подыскивался подъ мое княженіе и благоденствіе, честно и правосудно съ моей стороны отнять у тебя все, что я ни далъ тебѣ, по особенной моей милости и добросердечію.» Онъ велѣлъ тутъ же снять съ Магнуса Княжеское платье, намѣреваясь сдѣлать ему такое наказаніе, чтобы онъ послѣ того не могъ и подняться, держалъ его нѣсколько недѣль у себя плѣнникомъ, хотѣлъ, чтобы онъ заплатилъ ему 40 тысячъ Угорскихъ золотыхъ, однако жь напослѣдокъ освободилъ его и позволилъ ему ѣхать въ городъ Кархгаусъ (Karchaus) къ женѣ, полагая, что всегда можетъ имѣть его опять въ своихъ рукахъ, если захочетъ. Но это не удалось ему: Магнусъ видѣлъ и зналъ великую опасность своего положенія, также и то, что особенное счастье въ Ливоніи начинало измѣнять Великому Князю: вмѣстѣ съ женою онъ поскорѣе убѣжалъ изъ Кархгауса къ Польскому Королю и передался ему со всѣми своими людьми; тѣмъ онъ вошелъ въ его милость, получилъ отъ него въ содержаніе, по смерть свою, нѣсколько городовъ въ Курляндіи, и наконецъ умеръ въ городѣ Пильтенѣ 1583, Марта 18 дня. А жена его воротилась въ Россію и получила Тихвинскій монастырь, въ которомъ, вѣроятно, живетъ и теперь.

Ни одинъ человѣкъ не выскажетъ вполнѣ страшнаго, не Христіянскаго и варварскаго образа дѣйствій этого тирана въ Ливоніи съ попавшими въ его руки бѣдняками, и этой, сильно замѣтной въ немъ, ненасытной жадности до Христіянской крови, также и другихъ дѣлъ его произвола. По тому что не бывало и не раждалось еще на свѣтѣ ни одного ужаснаго и гнуснаго кровопійцы, котораго бы можно было сравнить съ этѣмъ лютымъ звѣремъ. Все, что ни писали о другихъ тиранахъ, царствовавшихъ въ мірѣ, пустяки въ сравненіи съ этѣмъ. Его лучшая отрада и удовольствіе состояли въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ казнятъ людей позорною казнью, рубятъ ихъ, вѣшаютъ, варятъ, жарятъ, тиранятъ и подвергаютъ другимъ страшнымъ мукамъ. Между разными жестокими дѣлами этого Князя въ Ливоніи не изъ послѣднихъ и тѣ, которыя онъ совершилъ надъ 500 благородныхъ и

добродѣтельныхъ женщинъ и дѣвушекъ при взятіи города Ашерота. Онъ отдалъ ихъ страшнымъ Татарамъ, чтобы они опозорили ихъ на его глазахъ, и потомъ велѣлъ жалостнымъ образомъ умертвить ихъ и изрубить въ куски.

Объ этомъ узнали и жители Вендена; носился слухъ, что онъ никого не хочетъ щадить въ Венденѣ, хоть бы тамъ были Царскія и Княжескія дѣти (по тому что для него было все равно, что Дворяне, что крестьяне, что высшее, что низшее званіе); у него водилось точно такъ же, какъ одинъ бѣдный крестьянинъ отвѣчалъ въ Москвѣ какому-то Дворянину, роптавшему, что темница не прилична для его Дворянскаго званія, и что для него должна быть не такая же гадкая, какъ для другихъ. «Любезный Баринъ, сказалъ на это бѣдный человѣкъ: здѣсь, вмѣстѣ съ нами, вамъ не слѣдуетъ быть взыскательнымъ ни въ чемъ: здѣсь все идетъ точно такъ же, какъ въ царствѣ небесномъ, гдѣ совсѣмъ не смотрятъ на лица: «ultimus et primus sunt in honore pares.» Великій Князь теперь осадилъ и очень стѣснилъ Венденъ; жители не могли дольше защищать города, и должны были сдавать его: всѣ, сколько ихъ ни было тамъ, мужчины, женщины, старики и молодые, Дворяне и не дворяне, положили между собою скорѣе умереть, нежели потерпѣть такой позоръ и лишиться чести: собрались въ церкви, помолились Богу, пріобщились Св. Таинъ, и когда Русскіе собирались итти на приступъ, они подожгли спрятанный въ церкви порохъ, и вся она разсыпалалась въ прахъ, со всѣми женщинами и дѣвицами, мужьями, женами, дѣтьми и грудными младенцами: они взлетѣли на воздухъ и принесли свою жизнь въ жертву милосердому и человѣколюбивому Богу. Въ то самое время, когда они единодушно давали обѣтъ умереть, соединиться съ Богомъ и принять Св. Дары, а не доставаться Русскимъ, и когда нѣсколько сотъ ихъ приготовлялись уже къ такому дѣлу, у нихъ недостало вина: это опечалило ихъ еще сильнѣе, и проповѣдникъ довольно употребилъ времени на ихъ утѣшеніе слѣдующими словами Св. Августина: «Crede, et manducasti.» Съ ними же тутъ находился и Католическій Священникъ, который довольно трунилъ надъ ними и говорилъ, что съ удовольствіемъ посмотритъ теперь, какъ-то Лютеране покончатъ съ пріобщеніемъ Св. Таинъ, по тому что у нихъ нѣтъ вина, и должны будутъ, любо ли, не любо, пріобщаться подъ однимъ видомъ, какъ принято у Папистовъ.

Межъ тѣмъ какъ они переговаривали между собою о томъ, Всесильный Богъ устроилъ такъ, что служитель Герцога Магнуса, собираясь выворачивать и укладывать его платье, нашелъ боченокъ Рейнскаго вина, и представилъ его Пастору; это выручило бѣдныя, жаждущія души: они вкусили отраду въ Тѣлѣ и Крови Господа Іисуса, подъ видомъ хлѣба и вина, поручили себя милосердому Богу и отошли изъ міра съ радостію, а Езуитъ долженъ былъ признать въ этомъ случаѣ великое Божіе чудо, что Богъ слышитъ призывающихъ Его изъ глубины сердца, и что ложно мнѣніе Папистовъ, будто бѣдняковъ надобно пріобщать только подъ видомъ хлѣба, а не подъ видомъ вина и хлѣба.

Въ 1578 году въ Москвѣ происходила страшная сцена между 378-ю плѣнниками изъ Ливоніи и Литвы: когда Великому Князю захотѣлось повеселиться и позабавиться, онъ распорядился, чтобы всѣ этѣ плѣнники явились къ нему при большомъ стеченіи народа, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, сколько ихъ было, какого они пола, и каково положеніе каждаго. Между другими плѣнниками стояли вокругъ также нѣсколько женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и чрезвычайно смиренно, со слезами на глазахъ, просили пощады и милосердія. Страшный тиранъ притворился, что хочетъ помиловать и возвратить имъ свободу, и велѣлъ спросить каждаго плѣнника по одиначкѣ, очень ли радъ онъ будетъ воротиться опять на родину? Это было пріятно печальнымъ плѣнникамъ; однако жь они сказали, что желаютъ не прежде отправиться туда, пока не получатъ у Великаго Князя прощенія и пощады, въ томъ мнѣніи, что такой отвѣтъ поправитъ все дѣло, и положились на предложеніе Великаго Князя, по тому что всякому хотѣлось на родину.

Но этотъ отвѣтъ стоилъ имъ жизни: Великій Князь принялъ это за униженіе для себя, точно они смѣялись надъ его страною и пренебрегали ею. За это бѣдняки тотчасъ же были приговорены къ смертной казни. Тогда вдовы и сироты, старые и молодые, женщины и дѣвушки, начали горько рыдать и плакать, но были выведены за городъ и, вопреки всякой справедливости, были немилосердно, жалостно и постыдно задушены и убиты.

Когда привели ихъ на мѣсто казни, они нашли себѣ утѣшеніе въ словѣ Божіемъ, пѣли нѣкоторые псалмы слезливымъ и

жалобнымъ голосомъ, безпрестанно призывали Бога, чтобы Онъ простилъ ихъ грѣхи и даровалъ блаженную кончину. Великій Князь и Москвитяне смѣялись надъ ними, взяли дѣвушекъ и опозорили ихъ: этѣ не могли спасти себя ни слезами, ни просьбами, ни мольбами, по тому что безчеловѣчный тиранъ находилъ въ томъ забаву себѣ, съ обоими сыновьями, Иваномъ и Өедоромъ, стоялъ и смотрѣлъ весь день, какъ мучили плѣнниковъ; однако жь младшій сынъ, съ нѣсколькими знатными Боярами, не могъ дольше смотрѣть на такія неправедныя и страшныя дѣла: можетъ быть, имъ жалко стало несчастныхъ, плачущихъ и стонающихъ, и они вернулись въ городъ. Въ рѣкѣ Неглинной были вбиты сваи и на нихъ построены мосты: тамъ стояли гнусные палачи и рабы Великаго Князя и ломали у одного за другимъ изъ плѣнниковъ колѣнки желѣзными ломами, чтобы они скорѣе валились въ рѣку и тонули.

Теперь надобно было казнить нѣкоторыхъ очень красивыхъ дѣвушекъ изъ Дворянскаго званія, и хотя нѣсколько знатныхъ Бояръ предлагали внести за нихъ большую сумму денегъ, плѣнницы, однако жь, не были освобождены, не смотря на большую жадность тирана къ деньгамъ. Дѣвушки обнаруживали нетерпѣніе, проклинали Великаго Князя, укоряли его въ жестокихъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ и обхожденіи съ ними, плѣнными, вопреки всякому военному праву, равно какъ и во всѣхъ плутовскихъ его дѣлахъ, какія только случаются на свѣтѣ, потомъ призывали Небеснаго Бога, чтобы Онъ, по Своему правосудію, отмстилъ причиненную имъ неправду и постыдное злодѣйство.

Это взбѣсило Великаго Князя: онъ велѣлъ употребить другія, ужаснѣйшія муки и истязанія: однѣ были брошены въ воду, другихъ терзали мучительными орудіями. Но въ дѣвушкахъ дѣйствовалъ Святой Духъ, высшій утѣшитель во всякой скорби, и показалъ Свою силу въ ихъ немощи: онѣ переносили все съ терпѣніемъ и уговаривали другъ друга стойко сносить и выдерживать страданія и смерть, ради Господа Іисуса. Потомъ палачи взяли печальныхъ дѣвицъ и сжали имъ руки и ноги между двумя, связанными вмѣстѣ веревкою, досками и брусьями, били ихъ кнутьями, вырѣзывали у нихъ лядвеи, чтобы болѣе продолжить муки. Въ такихъ мученіяхъ бѣдныя дѣвушки все призывали имя Господа

Іисуса, утоляли тѣмъ свои жестокія страданія и благодарили Его за то, что могли перенести ихъ съ такимъ великимъ терпѣніемъ, не только не ужасались этѣхъ мукъ, но еще смиренно молили Бога простить имъ грѣхи, и не переставали постоянно укорять тирана за его ожесточенную злобу, гнусное лицо, жестокій нравъ, страшный голосъ и суровое правленіе и поступки. А онъ дивился такой твердости дѣвицъ и думалъ, какъ бы еще сильнѣе помучить ихъ, по тому что ему было очень досадно, что онѣ такъ терпѣливы и тверды среди великихъ мукъ и истязаній: чѣмъ терпѣливѣе онѣ сносили, тѣмъ больше онъ велѣлъ ихъ мучить.

Услыхавъ, что они прославляли и призывали въ мученіяхъ Господа Іисуса, порочили и поносили Великаго Князя, онъ велѣлъ отрѣзать имъ языки. Но дѣвушки тѣмъ болѣе призывали своего Бога сердцемъ и душою и, будучи не въ состояніи говорить, давали, однако жь, понять глазами и видомъ, что безбожный тиранъ причиняетъ имъ насиліе и несправедливость, и за то получитъ свое воздаяніе.

Еще несытый ихъ мученіями, Великій Князь велѣлъ воткнуть мертвыя тѣла на раскаленныя вертела, потомъ побросать ихъ на большіе костры и, разведя огонь, сжечь, а пепелъ кинуть въ рѣку. Онъ приказалъ умертвить и всѣхъ другихъ плѣнниковъ и покидать ихъ съ мостовъ въ воду.

Съ такимъ же отважнымъ, безстрашнымъ и бодрымъ духомъ были нѣкоторыя женщины и дѣвицы въ городѣ Вейсенштейнѣ, когда Великій Князь взялъ это мѣсто и велѣлъ погубить ихъ жалкою смертію. На это написаны слѣдующіе стихи:

Двѣ женщины, еще одна дѣвица,
Взяты были тираномъ неповинно,
Мужчины раздѣляли ихъ неволю,
Онъ приказалъ подвергнуть плѣнныхъ мукамъ,
И для того разжечь костры большіе,
Чтобы на нихъ онѣ до тла сгорѣли.
Когда же подошла къ костру дѣвица,
Безстрашная, сказала смѣло Князю:
«Жестокій, ты стоишь, и съ наслажденьемъ,
Любуешься страданьями несчастныхъ.

Не предавай же словъ моихъ забвенью:
Какъ явится на Страшный судъ Сынъ Божій,
И скажетъ приговоръ Свой правосудный,
И станешь ты на лютыя мученья,
Я, вмѣстѣ съ этѣми дѣтьми Живаго Бога,
Тебя въ рукахъ мучителей увижу,
И весело мнѣ будетъ любоваться,
На казнь твою и вѣчное страданье.»
Окончивъ рѣчь, невинная дѣвица,
Пошла на казнь съ смиреніемъ высокимъ,
И умерла потомъ — для вѣчной жизни,
Какъ исповѣдница Святой и правой вѣры.

Этѣхъ твердыхъ и богобоязливыхъ женщинъ и дѣвицъ, съ полною справедливостью, можно уподобить святымъ и непоколебимымъ дѣвамъ мученицамъ: Бландинѣ, Доротеѣ и той женщинѣ въ книгахъ Маккавейскихъ, которая утѣшала и услаждала словомъ Божіимъ своихъ семерыхъ сыновей, жалостно, но невинно, замученныхъ тираномъ Антіохомъ.

Одержавъ большую побѣду въ Ливоніи, завоевавъ въ этой странѣ много крѣпостей и городовъ, и взявъ Полоцкъ, Казань, Астрахань и многія другія области, Великій Князь хотѣлъ попытать счастья и со Шведами: собралъ большое войско, отправилъ его въ Финляндію и осадилъ Выборгъ; но знаменитый Государь, Король Густавъ Первый, заставилъ его бѣжать оттуда, сломя голову, такъ что онъ принужденъ былъ бросить большую часть своего войска и заключилъ потомъ миръ съ большою для себя невыгодою. Однако жь, по смерти Короля онъ опять попыталъ счастья съ сыномъ его, высокопочтеннымъ Королемъ Іоанномъ, но получилъ столько же прибыли отъ сына, сколько и отъ отца, и потерялъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Россіи и Ливоніи, которыми завладѣлъ было прежде.

Когда тиранъ не велъ ни какой войны съ сосѣдними Королями и, при всемъ своемъ желаніи, не могъ дѣлать жестокостей надъ ихъ подданными, онъ измѣнялъ образъ дѣйствій: начиналъ войну съ своими собственными подданными, терзалъ ихъ разными истязаніями и муками, успокоивался и стихалъ не прежде, пока не лишалъ ихъ жизни, всякаго счастія, женъ, дѣтей и всего со-

стоянія. Ему очень досадны были толки про него, что онъ не остался вѣренъ стариннымъ правамъ и хорошимъ обычаямъ своего отца и отечества.

За такія рѣчи велѣлъ онъ погубить жалкою смертію одного изъ своихъ знатныхъ совѣтниковъ, Димитрія Occinium, разсудительнаго и благочестиваго Боярина, который не могъ терпѣть великаго распуства, безстыдныхъ и нечестивыхъ тонкостей тирана, до того сладострастнаго и развратнаго, что даже не прочь былъ отъ сластолюбія эротическихъ утѣхъ и противъ самой природы, какъ говоритъ слѣдующій стихъ:

«Et Venus in vinis ignis in igne furit.»

За это Бояринъ сдѣлалъ выговоръ одному мальчику Дворянскаго званія, съ которымъ Великій Князь удовлетворялъ свою неестественную похоть: это стало очень досадно мальчику, и онъ пожаловался Великому Князю. Но этотъ, названный нами Occinius, былъ въ большомъ уваженіи у простаго народа: Великій Князь не смѣлъ наложить на него рукъ такъ явно, какъ бы ему хотѣлось, а по тому и не подавалъ ни какого вида Боярину до удобнаго времени. Въ одинъ большой праздникъ Князь, пригласивъ его въ гости, съ нѣсколькими другими своими совѣтниками и офицерами, угощалъ ихъ виномъ и медомъ. Когда всѣ они подпили, онъ велѣлъ поднести тому Боярину большой кубокъ съ виномъ и выпить его разомъ, за здоровье Великаго Князя, какъ обыкновенно водилось у нихъ. Этотъ не могъ выпить кубка вдругъ; тогда Князь придрался къ тому, укорялъ его въ измѣнѣ и пренебреженіи къ его Великокняжеской власти. «Такъ то ты дорожишь моимъ здоровьемъ, говорилъ онъ: такъ то желаешь мнѣ добра! Вижу въ этомъ твою преданность ко мнѣ. Но за то, что ты здѣсь не хочешь выпить этого кубка за мое здоровье, ступай въ мой погребъ, и пей тамъ разные напитки, сколько душѣ угодно!» Когда онъ пришелъ туда, его въ ту же минуту жалостнымъ образомъ закололи убійцы.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, Великій Князь послалъ къ женѣ убитаго и велѣлъ сказать, чтобы мужъ ея явился къ нему, будто ничего не знаетъ объ его смерти. Она отвѣчала,

что не видала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ послѣдній разъ со двора, да ей и не привелось больше увидать его!

Такимъ образомъ онъ велѣлъ умертвить и сбыть съ рукъ многихъ знатныхъ Бояръ и Дворянъ, и никто не смѣлъ что ни будь сказать объ этомъ: боялись, что и съ ними будетъ ни чѣмъ не лучше, если станутъ что либо говорить о такихъ дѣлахъ; наконецъ Патріярхъ условился съ Митрополитомъ, Архіереями и монахами; всѣ они собрались съ духомъ и пошли къ нему: они и самые знатные Бояре и Князья просили и умоляли его со всѣмъ смиреніемъ прекратить такія ужасныя жестокости и не губить безвинно такою жалкою смертію своихъ вѣрныхъ слугъ, которые заслуживали всего хорошаго, за ихъ усердную службу.

Благодаря этой просьбѣ и увѣщанію, онъ нѣсколько смягчился, опасаясь, чтобы не поднять возмущенія противъ себя; однако жь все таки придумывалъ, какъ бы поудобнѣе отплатить и воздать Боярамъ и Князьямъ за взятые ими на себя труды и старанія, и окружилъ себя сильною стражей изъ нѣсколькихъ тысячъ драбантовъ, которые всегда должны были оберегать его. Они походили на него жестокостью и свирѣпствомъ, по тому что какое бы злодѣйство онъ ни приказывалъ имъ, они исполняли это вдвое свирѣпѣе и злобнѣе: каковъ былъ попъ, таковъ и приходъ; Qualis Rex, talis grex; qualis servus, talis dominus.»

Чтобы все было неожиданно, онъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ Бояръ, совѣтниковъ и офицеровъ, и сказалъ имъ, что ослабѣлъ, усталъ и не можетъ дольше заниматься трудными дѣлами правленія, хочетъ итти въ монастырь и постричься въ монахи; наконецъ передалъ правленіе главнымъ Боярамъ и своимъ двоимъ сыновьямъ, усердно упрашивая ихъ взять на себя попеченіе и заботы о счастіи отечества, и наблюдать, чтобы не причинялось ни какого вреда общему благу, подъ страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ и передъ нимъ. Когда случатся очень важныя и трудныя дѣла, они должны увѣдомлять его о томъ, а онъ будетъ давать свои совѣты. Послѣ того удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу (Alexander Slaboda), въ 18-ти миляхъ оттуда.

Этотъ новый поступокъ очень опечалилъ Бояръ и простой народъ: они имѣли совѣщаніе, и положили отправить къ Великому

Князю главныхъ Бояръ, со всеподданнѣйшею просьбою, чтобы онъ опять взялъ на себя Великокняжеское правленіе и не покидалъ отечества и своихъ подданныхъ.

Пришедши туда, они не добились другаго отвѣта, кромѣ того, что онъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ правленія, намѣренъ выѣхать изъ страны совсѣмъ, или на самые крайніе предѣлы своего Великаго Княжества, и никогда не будетъ видѣть измѣнниковъ; при этомъ приказалъ снять съ нихъ все платье и нагишомъ отослалъ ихъ назадъ въ Москву. Но Москвитянъ привелъ онъ въ большое смущеніе: они не удовольствовались тѣмъ, отправили къ нему другихъ пословъ духовнаго и свѣтскаго званія, которые со всѣмъ смиреніемъ должны были уговаривать и упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ, а принялъ опять, правленіе.

Когда же они прибыли туда и допущены къ нему, онъ заговорилъ съ ними горячо, ругалъ ихъ измѣнниками и вѣроломными людьми, но наконецъ далъ согласіе и склонился на ихъ великія просьбы и сильныя настоянія опять взять землю подъ свою руку, только съ уговоромъ, чтобы жители во всей странѣ снова присягнули ему и поклялись ни какъ не ослушаться его приказаній. Послы обѣщали, за всѣ сословія и всѣхъ подданныхъ, что будутъ оказывать ему покорность и слушаться его во всемъ.

Послѣ того Великій Князь опять отправился въ Москву съ своей большою стражей; но въ головѣ у него было не то, какъ бы содѣйствовать общему благу и нажить себѣ отъ того честь и славу, а какъ бы лишить жизни большую часть своихъ подданныхъ, духовнаго и свѣтскаго, высшаго и низшаго, званія, лишить ихъ имѣнія, движимаго и недвижимаго, и всякаго счастія. Онъ сталъ опять неистовствовать и свирѣпствовать въ странѣ жестокимъ и ужаснымъ образомъ, и это началъ съ Князя Ростовскаго: велѣлъ схватить его въ церкви, связать веревками и сковать, а потомъ отрубить ему голову, трупъ бросить въ воду, а голову принести къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, взялъ въ руки и сказалъ: «Когда онъ былъ въ живыхъ, голова эта очень жадна была до крови, а когда умеръ, ее надобно вдоволь напоить водой», бросилъ ее на землю, топталъ ногами и велѣлъ кинуть въ рѣку. Послѣ

того онъ взялъ до сотни служителей невиннаго человѣка, велѣлъ ихъ жалостнымъ образомъ умертвить и также бросить въ рѣку къ ихъ барину.

Въ 1568 году, предпринявъ войну съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ Августомъ, и находясь съ войскомъ въ Великихъ Лукахъ, онъ поручилъ начальство въ Москвѣ одному знатному Боярину, по имени Ивану Петровичу. Но его управленіе не понравилось всѣмъ: изъ зависти и ненависти нѣкоторые напрасно обнесли и оклеветали его Великому Князю, будто бы онъ хотѣлъ выгнать его и силою овладѣть правленіемъ. Воротившись изъ похода въ Москву, Великій Князь велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, за чѣмъ онъ замышлялъ такое дѣло? Тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ и хотѣлъ оправдываться, однако жь это ни сколько не помогло: все, что ни скажетъ Великій Князь, должно было считаться правдой; онъ велѣлъ ему снять съ себя платье, надѣть на него Царскую багряницу, дать въ одну руку скипетръ, а на голову положить Царскій вѣнецъ: дрожа и вздыхая, онъ долженъ былъ сидѣть на высокомъ стулѣ и вспомнилъ пословицу: «Сладкія слова недруга — копья, мечи и пагуба.» Обернувшись къ нему, Великій Князь сказалъ: «Не робѣй, непобѣдимый Всероссійскій Царь; вотъ я пожаловалъ тебя Царскимъ величіемъ, котораго ты долго искалъ, только царствовать-то тебѣ не долго.» Не сказавъ больше ни слова, онъ прокололъ нѣсколько разъ сердце его длиннымъ ножомъ; окружающіе Дворяне и стрѣльцы взяли убитаго Боярина и также вонзили въ него свои длинные ножи, такъ что его сердце, кишки и всѣ внутренности вывалились на полъ, потомъ потащили его на площадь и жалостно изрубили тамъ въ куски; они не оставили въ живыхъ ни одного человѣка и изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. Три тысячи его служителей, съ ихъ друзьями и родными, всѣ погибли горькою смертію; все имѣніе его, люди, рогатый скотъ и лошади были расхищены, домы сожжены, крестьяне, съ женами и дѣтьми, перебиты, разсѣяны и разогнаны. Его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски.

Точно такъ же поступилъ онъ съ своимъ Канцлеромъ, Казариномъ Дубровскимъ (Dobrouski), обвиненнымъ въ большомъ небреженіи и недѣятельности, по тому что во время войны съ Ливоніей,

онъ слишкомъ поздно поставилъ на мѣсто большую пушку: за это онъ осужденъ заочно на смерть съ двумя его сыновьями; но какъ легко могъ оправдаться, то находился у себя дома. Великій Князь приказалъ привести его къ себѣ, съ двумя сыновьями, изъ дому, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ: его тотчасъ же изрубили въ мелкіе куски и бросили въ колодязь на дворѣ его дома. Третій сынъ Канцлера былъ гдѣ-то въ гостяхъ въ городѣ. Узнавъ, что случилось съ его отцомъ и братьями, онъ не смѣлъ воротиться домой, или показаться въ люди, но тайно скрылся и цѣлый годъ тапался, гдѣ могъ; объ этомъ донесли Великому Князю, и Княжескіе разсыльные отыскали его и привели къ Государю, а этотъ отдалъ его въ руки палача, который привязалъ его къ 4-мъ колесамъ и разстерзалъ на 4 части.

Великій Князь самъ выдумалъ эту казнь, которая совершалась такимъ образомъ: новыми пеньковыми веревками, длиною въ 15-ть аршинъ, привязывали руку человѣка въ кисти и въ плечѣ къ колесу, другую къ другому; одну ногу, въ пяткѣ и выше колѣна, къ третьему, другую къ четвертому. Каждую веревку должны были тащить 15 сильныхъ молодцовъ изо всей силы, такъ что раздирали человѣка на 4 части. При этомъ зрѣлищѣ бывалъ самъ Великій Князь, давалъ наставленія палачамъ, какъ надобно дѣлать, хвалилъ ихъ труды и старанія, смѣяся отъ души. То же дѣлали и всѣ окружающіе, въ угодность Великому Князю, и не обнаруживали ничего другого, кромѣ того, что такое его дѣло похвально, честно и справедливо. Если же окажется кто нибудь, который вздохнетъ, заплачетъ, выскажетъ себя тѣлодвиженіемъ, или душевнымъ волненіемъ, тотъ подвергался такой же опасности и бѣдѣ.

У него были свои соглядатаи и вѣстовщики, тщательно развѣдывавшіе между женщинами, что говорятъ онѣ про Великаго Князя: если же откроютъ и поймаютъ такую, у которой очень длиненъ языкъ и изъявлявшую неудовольствіе на злодѣйства Великаго Князя, ее тотчасъ же связывали, выводили на дворъ и безъ пощады и сожалѣнія либо вѣшали, либо рубили въ куски. Замужнія женщины, въ чемъ ни будь согрѣшившія и провинившіяся передъ нимъ, вѣшались надъ столами, за которыми обѣдали ихъ мужья: этѣ послѣдніе не должны были обѣдать нигдѣ въ дру-

гомъ мѣстѣ, пока висятъ надъ столами ихъ жены, нарушители того наказывались самою позорною смертію. Женщины должны были тамъ висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья не вымолятъ у Государя великими просьбами и ходатайствомъ позволенія похоронить смердящія тѣла.

Когда во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, попадались ему на дорогѣ женщины и дѣвицы, онъ приказывалъ раздѣвать ихъ до нага: такъ и должны были онѣ стоять совсѣмъ нагія въ снѣгу на дорогѣ, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ, со всею своею челядью, по тому что у него было въ обычаѣ потѣшать и забавлять такою картиной зрѣніе его придворныхъ, межъ тѣмъ какъ другіе честные люди совѣстятся смотрѣть на то, чего не велитъ показывать природа.

Случилось однажды, что Великій Князь положилъ большую опалу на одного знатнаго Бояриna, по имени Семена Wesesly, за то, что у него была очень красивая жена, которая очень полюбилась Князю. Онъ велѣлъ ее, вмѣстѣ съ служанкою, насильно привести во дворецъ, имѣлъ съ ней блудъ и держалъ у себя три недѣли. Досыта натѣшившись этою женщиной, со всѣмъ своимъ сладострастіемъ, онъ наскучилъ ею, не могъ даже терпѣть ее: велѣлъ съ служанною отвести домой и повѣсить въ воротахъ. Мужъ ея и вся домашняя челядь должны были 14-ть дней входить и выходить въ этѣ ворота, пока, благодаря сильному ходатайству, ее не сняли и не похоронили въ землѣ.

Этѣ гнусные поступки и безбожныя жестокости заставили знатнѣйшихъ Князей, Бояръ и Дворянъ страны умолять Великаго Князя, чтобы онъ милостиво прекратилъ такой гнусный и жестокій образъ дѣйствій, показалъ милость и сострадaніе къ своимъ вѣрноподданнымъ и пощадилъ жизнь невинныхъ, всегда исправлявшихъ для него трудную и вѣрную службу и покорныхъ ему, но пусть казнитъ и истребляетъ, точно негодную траву, виноватыхъ и своихъ противниковъ, также сдѣлавшихъ грубыя злодѣйства. Этѣ ихъ просьбы и смиренныя мольбы принесли имъ такую же прибыль, какъ собакѣ трава: всѣхъ ихъ, одного за другимъ, онъ велѣлъ тайно умертвить и удавить.

Въ другихъ исторіяхъ читаемъ про другихъ тирановъ, что когда имъ сильно хотѣлось человѣческой крови, они упражнялись въ жестокости надъ врагами, а не надъ вѣрными подданными. Но этотъ Великій Князь дѣлалъ то и другое, и находилъ особенное удовольствіе и забаву, когда могъ свирѣпствовать противъ собственныхъ подданныхъ. Разскажемъ не много, какъ жалко и ужасно поступилъ онъ съ жителями Новагорода, Пскова, Твери и Москвы, и съ какимъ утонченнымъ лукавствомъ и ловкостью расправился съ ними.

На Новгородцевъ напалъ онъ прежде, чѣмъ они узнали объ этомъ, по тому что всѣ дороги и тропинки велѣлъ объѣзжать своимъ воинамъ, рубить и грабить всѣхъ горожанъ и простолюдиновъ, какіе ни попадутся имъ изъ города, такъ что ни одна живая душа не могла принести извѣстія объ его приходѣ, и его войска имѣли возможность ворваться съ всею силою въ городъ. Граждане пришли въ великій трепетъ и ужасъ, до того, что совсѣмъ не могли обороняться, отъ робости и малодушія сдались и просили пощады.

Но когда пощады и милосердія не было видно, бѣдные, трепещущіе люди спрятались въ церквахъ, монастыряхъ и погребахъ, гдѣ только нашли возможность. Малюта Скуратовъ, наглый тиранъ и начальникъ княжескихъ тѣлохранителей, напалъ на нихъ съ своею братіей и Татарами и вывелъ ихъ на Божій свѣтъ для бойни; не было ни жалости, ни пощады. Они не щадили ни высшаго, ни низшаго званія, ни мущинъ, ни женщинъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, рубили людей и животныхъ, позорили служанокъ и благородныхъ дѣвицъ, дѣтей и грудныхъ младенцевъ сажали на длинныя копья и сѣкиры, и не прежде прекратили свои неистовства, пока не погубили 2770 человѣкъ. Лучшіе граждане города заперлись въ Думѣ: оттуда брали ихъ по одиначкѣ, рубили въ куски и бросали въ рѣку.

Монахи и священники бѣжали въ церкви и монастыри, однако жь, это не помогло: они также должны были итти къ раздѣлкѣ, по тому что ни просьбы, ни вѣра, ни духовный санъ не могли удержать жестокихъ палачей и негодяевъ отъ задуманнаго убійства: всѣмъ надо было плясать по ихъ дудкѣ. Одинъ Митро-

политъ былъ пощаженъ и оставленъ въ живыхъ: чтобы изъявить свою благодарность и сколько ни будь отплатить Великому Князю за его милость, онъ пригласилъ его въ гости къ себѣ. Пришедши къ нему, Великій Князь велѣлъ своимъ злымъ палачамъ, чтобы они, во время его обѣда, убили остальныхъ монаховъ и поповъ, сколько ихъ ни было въ городѣ, взяли все, что ни найдутъ въ церквахъ и монастыряхъ, деньги, серебро, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни, и спрятали въ его казначействѣ. Малюта тотчасъ же собрался съ тѣлохранителями, весело и поспѣшно схватилъ оружіе: они стали убивать съ великой злобой, такъ что жалко было смотрѣть.

Когда обѣдъ кончился и все, что приказалъ онъ сдѣлать до обѣда, было исполнено, онъ отнялъ у Митрополита его платье, деньги, золото, жемчугъ, серебро и всѣ запасы, велѣлъ палачамъ отвести его въ застѣнокъ и мучить тамъ плачевнымъ образомъ, чтобы онъ признался и сказалъ, куда онъ и монахи спрятали лучшія свои драгоцѣнности и пожитки? Когда это было исполнено, онъ велѣлъ привести его опять къ себѣ и сказалъ ему: «Тебѣ ужь будетъ исправлять духовную должность и жить въ цѣломудріи безъ жены. Теперь я сдѣлаю тебя міряниномъ, и дамъ тебѣ жену.» Онъ тотчасъ же велѣлъ привести бѣлую кобылу и сказалъ: «Господинъ Митрополитъ, возьми ее и пользуйся ею вмѣсто жены!» потомъ приказалъ посадить его на кобылу, въ старомъ, изорванномъ платьѣ, провести съ палачомъ по городу, въ знакъ особеннаго поруганія и позора, а послѣ того отправить на той же кобылѣ въ Москву и бросить въ самую плохую темницу, гдѣ онъ и умеръ въ бѣдственномъ положеніи.

Послѣ этого происшествія привели къ Великому Князю одного богатаго горожанина и купца, по имени Ѳедора Семенова, который забился въ потаенный уголъ отъ его жестокости. Онъ велѣлъ связать его новой пеньковой веревкой, нѣсколько часовъ опускать въ воду и опять вынимать изъ нея. Великій Князь спросилъ его, что видѣлъ онъ въ водѣ въ такое долгое время? «Всемилостивѣйшій Великій Князь, сказалъ купецъ: я видѣлъ, что въ этой рѣкѣ, Волховѣ, собрались всѣ черти, сколько ихъ ни было въ озерахъ Ильменѣ, Ладогѣ и въ Балтійскомъ морѣ, и замышляли взять у тебя душу и отвести ее въ

преисподнюю.» Ты сказалъ правду, отвѣчалъ Князь, я помилую тебя за это видѣніе», и тотчасъ же приказалъ его вывесть вонъ, опустить въ кипятокъ его руки и ноги и варить до тѣхъ поръ, пока не скажетъ, куда спряталъ свои деньги и запасы, по тому что это былъ богатый человѣкъ, построившій на свой счетъ два монастыря. Отъ того, что его мучили такъ ужасно и безъ всякой пощады варили и кипятили, онъ признался, что въ особенномъ мѣстѣ было у него спрятано и зарыто 30 тысячъ талеровъ монетою. Великій Князь былъ доволенъ этѣмъ и не велѣлъ его больше мучить, а вмѣстѣ съ братомъ его, Алексѣемъ, изрубить въ куски и бросить въ рѣку.

Поступивъ съ Новгородомъ на всей своей волѣ и хотѣніи, Великій Князь отправился оттуда и повелъ свое войско въ Псковъ (Plesskovv), съ намѣреніемъ точно также поступить и съ Псковитянами.

Весь городъ стономъ стоналъ отъ плача рыданій объ этомъ плачевномъ и постыдномъ убійствѣ въ Новгородѣ: жители не могли уняться отъ слезъ и рыданій.

Когда Великій Князь прибылъ туда, всѣ они, малые и большіе, мужчины и женщины, вышли къ нему на встрѣчу, припали лицомъ къ землѣ, просили о милосердіи, поставили на всѣхъ улицахъ передъ домами хлѣбъ и соль и привѣтствовали его: «Они принадлежатъ ему съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ; у нихъ нѣтъ ничего своего, а все его; пусть онъ приметъ это въ угоду себѣ; они его слуги, рабы, подданные, готовы пожертвовать для него жизнью и всѣмъ, что имѣютъ; пусть дѣлаетъ съ ними, что ему угодно: они не скажутъ противъ того ни слова.»

Гнѣвъ его нѣсколько стихъ при такомъ смиреніи, великихъ мольбахъ и покорности; тамъ онъ ужь не неистовствовалъ такъ страшно, какъ въ Новгородѣ; однако жь велѣлъ ограбить нѣсколькихъ богатѣйшихъ горожанъ, монаховъ и поповъ, потомъ изрубить ихъ въ куски и бросить въ рѣку.

Послѣ того пошелъ въ Тверь, и производилъ тамъ тѣ же жестокости, какъ и въ Новгородѣ: знатнѣйшихъ людей въ городѣ велѣлъ сажать въ темницу, позорить ихъ женъ и дѣвицъ; богатѣй-

шихъ горожанъ либо изгонялъ изъ города, либо приказывалъ убивать и отнималъ у нихъ имущество; нѣкоторыхъ женщинъ тоже убивалъ, а другихъ велѣлъ мучить, чтобы онѣ указали сокровища своихъ мужей. Весь городъ былъ въ уныніи и горько плакалъ. Напослѣдокъ велѣлъ безъ всякаго милосердія, умертвить 19 Татарскихъ Мурзъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ и содержавшихся тамъ въ заключеніи. Но этѣ Татары взялись сначала за свои длинные ножи, которые тайно носили при себѣ, и закололи многихъ палачей съ ихъ набольшимъ, Малютой Скуратовымъ: это былъ убійца множества людей, и теперь долженъ былъ умереть отъ Татаръ. Съ нимъ случилось то же, что онъ дѣлалъ другимъ, и получилъ тою же мѣрой, какою мѣрялъ самъ. Однако жь это не помогло Татарамъ; ихъ одолѣли превосходствомъ числа и изрубили въ куски, которые потомъ покидали въ рѣку.

Наконецъ онъ велѣлъ высѣчь розгами и кнутьями своего придворнаго Секретаря, Аѳанасія Вяземскаго (VVesomski), котораго совѣтами часто пользовался въ очень важныхъ дѣлахъ и прежде многіе годы благоволилъ къ нему; велѣлъ выломать ему руки и ноги, и напослѣдокъ посадить на колъ, пока не умретъ: все это было ему за то только, что одинъ изъ придворныхъ, врагъ его, наговорилъ Великому Князю, будто бы онъ предостерегалъ жителей города, чтобы они убирались изъ него до прихода Великаго Князя, если только не хотятъ умирать.

Его жена, сыновья и дочери, рабы и служанки и вся его челядь, въ числѣ 60-ти человѣкъ, тоже были казнены, чтобы изъ этого проклятаго рода не оставалось никого, который бы могъ сдѣлать такую измѣну.

Послѣ того онъ отправился въ Москву, ѣхалъ все съ жестокими замыслами, и велѣлъ на площади города поставить 18 висѣлицъ. Потомъ принесли туда разныя орудія, выдуманныя для мученія и истязанія людей, развели огонь, поставили на него котлы и сковороды, кипятили воду, такъ что ужасно было смотрѣть.

Весь городъ трепеталъ: многіе граждане убѣжали и спрятались, гдѣ могли. Когда все было приготовлено, прибылъ на площадь изъ крѣпости Великій Князь съ своими тѣлохранителями,

палачами и убійцами, и занялъ вооруженными людьми всѣ улицы и переулки, чтобы ему былъ просторъ и ничто не мѣшало бы смертоубійствамъ.

Онъ выбралъ одинъ праздникъ для такого жестокаго дѣла, и велѣлъ приготовить обѣдъ въ нѣкоторыхъ домахъ для простаго народа, а въ Думѣ для Князей и думныхъ Бояръ, располагая отравить напитки и такимъ образомъ тайно казнить гостей, чтобы никто не узналъ того, а ему тѣмъ удобнѣе было ограбить и опустошить городъ. Но какъ никто не приходилъ, онъ самъ поѣхалъ верхомъ взадъ и впередъ по городу, и уговаривалъ граждапъ не падать духомъ и не бояться, думая выманить ихъ ласковыми словами. Однако жь никто не хотѣлъ ему вѣрить: всѣ притихли и оставались въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Они все еще помнили убитыхъ и изрубленныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Твери, также и то, что лютой его тиранніи не было ни конца, ни предѣловъ.

Наконецъ они посовѣтовались между собою и отправили къ нему нѣсколькихъ дряхлыхъ стариковъ испытать его милосердіе. Когда этѣ послы воротились назадъ и принесли добрую вѣсть, что Великій Князь оказался совершенно милостивымъ, простой народъ началъ исподоволь выходить, такъ что стеченіе его становилось часъ отъ часу больше: на площади уже не находили мѣста и влѣзали на кровли.

Тогда Великій Князь вышелъ къ народу и сказалъ: «Любезные подданные! Этотъ день насталъ нынѣ для васъ къ радости и счастію; по тому что хотя всѣ вы вмѣстѣ и осуждены на смерть, однако жь я рѣшился въ этотъ часъ оказать вамъ всю милость и благоволеніе и даровать жизнь. Но я велю, впрочемъ, привести сюда измѣнниковъ мнѣ и странѣ, наказать ихъ и сдѣлать имъ заслуженную награду.» Этою рѣчью хотѣлъ онъ провести простой народъ и убѣдить его, чтобъ онъ не думалъ худо объ его зломъ замыслѣ, но одобрилъ бы его предпріятіе. Для того и выпустилъ 200 плѣнныхъ, и велѣлъ имъ итти, кому куда угодно.

Послѣ того онъ принялся за преднамѣренныя убійства и велѣлъ своему Секретарю прочитать имена тѣхъ, которые внесены были у него въ списокъ и должны были умереть теперь: въ чи-

слѣ ихъ былъ и его Канцлеръ, Иванъ Михайловичъ Висковатый, сдѣлавшій много добра странѣ и вѣрно служившій ему.

Этотъ Канцлеръ былъ первый приведенъ на это позорище: его обвиняли въ измѣнѣ, что будто онъ сговаривался съ Королемъ Польскимъ, съ Турками и Татарами, писалъ къ нимъ тайныя письма, призывалъ ихъ въ свою землю брать крѣпости, убивать народъ, разорять и губить Государство мечемъ и огнемъ: теперь ему слѣдовало понести наказаніе.

Однако жь Канцлеръ, невинный во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, отвѣчалъ свободно и неустрашимо и укорялъ Великаго Князя, какое множество Бояръ обвинилъ онъ несправедливо въ томъ, будто они искали его верховной власти, и тайно казнилъ ихъ безъ всякой вины, сколько погубилъ невинныхъ подданныхъ, опозорилъ и истребилъ женщинъ и дѣвицъ.

Великій Князь, сильно озлобившись и осердясь на это, велѣлъ его тотчасъ же казнить и каждому изъ своей придворной челяди отрѣзать у него кусокъ тѣла. Всѣ подбѣжали къ наказанному: одинъ отрѣзалъ у него правое ухо, другой лѣвое, третій губы, четвертый палецъ, и такимъ образомъ всѣ его члены: онъ терпѣлъ большія страданія и муки.

Наконецъ подбѣжалъ къ нему одинъ Писарь и отрѣзалъ у него причинное мѣсто, отъ чего онъ сей часъ же и умеръ. Великій Князь обратился къ этому Писарю и сказалъ: «Ты тоже зналъ о заговорѣ противъ меня, по тому что сдѣлалъ великую милость измѣннику, чтобы ему поранѣе отдѣлаться отъ мукъ и поскорѣе умереть: за это ты или съѣшь, что отрѣзалъ, или такъ же умри, какъ и онъ!» Видя передъ глазами смерть и не находя другаго средства, Писарь перепугался, съѣлъ дѣтородныя части Канцлера, и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Послѣ того Великій Князь приказалъ отсѣчь голову Канцлеру и изрубить все его тѣло. У жены его онъ отнялъ все имущество и сослалъ ее въ монастырь, сына отправилъ въ ссылку; всѣ служанки его были опозорены.

Въ то же самое время велѣлъ онъ привести на площадь своего Казначея и Конюшаго: ихъ привязали къ двумъ столбамъ и

обливали, одного за другимъ, то горячей, то холодной, водой, такъ что у обоихъ слѣзли волосы и кожа: такой невыразимой мукой замучили ихъ до смерти.

Тотчасъ послѣ того привели его главнаго повара, отрѣзали у него дѣтородныя части, и изрубили его въ мелкіе куски.

Потомъ казнили нѣсколькихъ думныхъ Бояръ, привели изъ тюрьмы 200 Дворянъ на площадь, и жалкимъ образомъ изрубили невинныхъ. Вдоволь насытившись въ этотъ день кровью, Великій Князь поѣхалъ опять въ Кремль, и по дорогѣ туда посѣтилъ жену казненнаго Казначея, находившуюся въ горькомъ уныніи и отчаяніи. Онъ велѣлъ взять ее, связать тонкою веревкою изъ крѣпкихъ волосъ, укрѣпленною между двумя стѣнами, и до тѣхъ поръ таскать ее и дергать палачамъ изъ стороны въ сторону, пока не пошла кровь, не отвалилось мясо, даже видны стали голыя кости, и она выказала все, что у ней было. Этѣ мученія оплакивала дочь ея, жалобно рыдая и дрожа; это надоѣло Великому Князю: онъ тотчасъ же велѣлъ казнить и ее, какъ мать. Но дѣвушка была красива и статна, да и не старѣе 15-ти лѣтъ: сынъ Великаго Князя, Иванъ, просилъ отца подарить ему ее, отецъ исполнилъ это, и она была освобождена, благодаря только этому средству.

На третій день послѣ того, онъ велѣлъ вынести изъ города всѣ трупы, и бросить ихъ въ ручей. Но этого было еще не довольно ему: онъ приказалъ также взять 80 женъ убитыхъ мужей, бить ихъ по головамъ и кинуть въ воду.

При всеобщемъ ужасѣ къ такому тиранническому правленію и гнуснымъ убійствамъ, 150 Дворянъ задумали бѣжать въ Польшу; однако жь, имъ измѣнили, застигли на дорогѣ, связали, бросили ихъ въ глубокую грязную лужу, положивъ другъ возлѣ друга, въ видѣ моста, черезъ нее. Великій Князь велѣлъ своимъ палачамъ ѣздить и скакать по нихъ на лошадяхъ: такъ они и умерли, растоптанные въ куски. Жены ихъ, дѣти и служители были умерщвлены жалкой смертью, безъ всякаго милосердія, хоть и вовсе не знали про замыслы своихъ мужей и господъ.

Такимъ же образомъ Великій Князь обратилъ свою безчеловѣчную жестокость на своего роднаго брата, Григорія: это былъ господинъ благочестивый, прямой и честный, и ежедневно замѣчая, что тиранъ ищетъ придирки и случая лишить его жизни и всего имущества, онъ остерегался, сколько было можно: это, однако жь, не принесло ему пользы, по тому что тиранъ тайно подъучилъ своихъ бойкихъ, рѣшительныхъ на все мошенниковъ и предателей, обвинившихъ Григорія, будто онъ искалъ власти Великаго Князя, своего брата, нагло ругалъ и поносилъ его и уговаривалъ къ возмущенію его подданныхъ.

По этому мнимому и выдуманному обвиненію и коварству, Великій Князь послалъ нѣсколькихъ отъявленныхъ плутовъ съ Казаками привести въ Москву Григорія.

Этотъ, увидавъ у себя на дворѣ убійцъ, убѣжалъ со страха въ комнату своей жены: они догнали его, схватили, били; нисколько не помогло, что жена его бросилась между ними, горько плакала и кричала, рвала на себѣ платье и волосы, сильно жаловалась на свою великую бѣду и говорила, чтобы взяли и ее съ собою, по тому что она дала вѣрную клятву мужу переносить съ нимъ хорошее и дурное. Однако жь она ничего не успѣла сдѣлать и принуждена была остаться дома въ большомъ горѣ и уныніи. Когда привели его къ тирану брату, вошли палачи, заковали его въ цѣпи, вывели вонъ и стали мучить и истязать, думая, что въ пыткѣ и мученіи онъ сознается, въ томъ, чего и на умѣ у него не было, а выдумано самимъ Великимъ Княземъ, чтобы простой народъ подумалъ, что у него есть законная причина противъ брата. Не смотря на жестокія муки, онъ просилъ позволить ему сказать послѣднія слова: всѣ отвѣчали, чтобы онъ говорилъ, что хочетъ. Настала совершенная тишина, ему пооcлабили оковы, и онъ, поднявъ руки съ веревкою, которой онѣ были связаны, показалъ ихъ народу и сказалъ: «Храбрые воины, посмотрите на нарядъ и пышное украшеніе вашего Князя: такого не надѣвалъ на меня непріятель, и это для меня почетъ и слава. Вы сдѣлали меня, вашего природнаго и наслѣднаго Князя, пойманнымъ холопомъ и рабомъ: я не заслужилъ отъ васъ этого, я заслуживалъ всего хорошаго.

Но отпускаю вамъ все это; прошу только объ одномъ: если приказано Великимъ Княземъ умереть мнѣ, если хочется моей крови, покончите со мной сейчасъ же, убейте меня, чтобы мнѣ не терпѣть столько времени великихъ мученій, или, если вы не хотите наложить на меня руки, дайте мнѣ саблю, дайте мнѣ самому сдѣлать надъ собой то, что поклялись же вы исполнить, по приказанію Великаго Князя.»

Ничего не добившись, онъ обратилъ свои мольбы въ проклятія и говорилъ: «Такъ хорошо же! Желаю, чтобы Богъ за это наказалъ васъ, беззаконниковъ, и послалъ вамъ такую же кончину, какую вы сами готовили до сихъ поръ такому множеству невинныхъ людей: вы ужь и прежде вдоволь пятнали себя кровью гражданъ и страшно убивали лучшихъ Бояръ страны. Я, послѣдній агнецъ на закланіе для жертвы, желаю вамъ вѣчнаго огня въ аду, гдѣ безпрестанный плачъ и рыданіе, и всякихъ несчастій въ здѣшнемъ мірѣ, желаю вамъ проволочить все время вашей жизни въ презрѣніи и поруганіи, въ горѣ и несчастіи, погибнуть отъ собственнаго вашего меча, окропиться своимъ жиромъ, быть истребленными лучше внутреннимъ мятежемъ, нежели непріятелемъ!» Послѣ того онъ обратился къ палачамъ и мучителямъ съ просьбою, чтобы они продолжали его тиранить и терзать, сколько можно мучительнѣе. Они тотчасъ же подошли и изрубили его: онъ не испугался, не содрогнулся при этомъ, но съ готовностью отдалъ душу Богу, какъ храбрый герой.

Узнавъ о томъ, жена его собрала все свое наличное имущество въ деньгахъ, золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и бѣжала съ нимъ. Но она не далеко ушла. Тиранъ велѣлъ отыскать ее, таскать взадъ и впередъ по улицамъ, на всеобщее посмѣяніе и позоръ, наконецъ бросить въ воду и отнять у нея все имущество.

Сдѣлавъ такое множество убійствъ, онъ отправился въ Александровскую слободу, и исправлялъ тамъ божественную службу съ такимъ благовѣніемъ и набожностію, точно самый благочестивый Попъ, какіе только бывали на свѣтѣ. Тамъ былъ съ нимъ также одинъ знатный думный Бояринъ, по имени Телятовскій (Telatouski): сидя дома со множествомъ гостей, онъ захотѣлъ узнать, что

тогда дѣлалъ Великій Князь, и послалъ ко двору служителя развѣдать объ этомъ. Великій Князь замѣтилъ служителя, спросилъ его, за какимъ онъ дѣломъ и кого поджидаетъ? Тотъ объяснилъ, что его послалъ Господинъ его, Телятовскій, чтобы дать ему знать, что дѣлаетъ Великій Князь, и время ли явиться теперь ко Двору, по тому что его Господину очень хотѣлось послужить Великому Князю. Великій Князь тотчасъ же велѣлъ привести къ себѣ этого думнаго Боярина, со всѣми его гостями, и безъ всякихъ оправданій жалостно мучить его въ застѣнкѣ, онъ спрашивалъ его: «За чѣмъ посылалъ слугу развѣдывать, что дѣлаетъ Государь, что у него за пиръ, и за чѣмъ они вмѣстѣ сговаривались и клялись на его смерть и погибель? Но милосердый Богъ бодрствовалъ надо мною: Онъ обратитъ это предательство на вашу голову.» Телятовскій оправдывался длинною рѣчью, но вовсе напрасно. Всѣ они были выведены изъ застѣнка и брошены въ глубокую, мрачную и смрадную темницу, а, спустся послѣ того нѣсколько дней, умерли жалкою смертію. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался больше посылать ко Двору и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь.

Однажды онъ потребовалъ къ себѣ Старицкаго Намѣстника, Бориса Татищева. Когда этотъ вошелъ, Великій Князь сидѣлъ за столомъ, опершись щекой на руку. Татищевъ поклонился ему, отдалъ ему свое подданическое почтеніе со всѣмъ усердіемъ и смиреніемъ, желалъ здоровья, счастія и долгой жизни.

Великій Князь поблагодаривъ его, сказалъ: «Сынъ мой, Борисъ! Ты всегда вѣрно служилъ мнѣ и усердно угождалъ, а по тому ты стоишь отъ меня подарка: подойди ко мнѣ ближе!» Когда тотъ подошелъ и ударилъ ему челомъ въ землю, Великій Князь взялъ ножикъ и отрѣзалъ ему правое ухо, сказавъ, что въ свое время пожалуетъ его подаркомъ получше, а теперь пусть будетъ онъ доволенъ и этѣмъ! Татищевъ благодарилъ, что Великій Князь пожаловалъ его, т. е., сдѣлалъ такое дѣло своей рукой, и пошелъ съ подаркомъ домой.

Случилось однажды, что Великій Князь заподозрилъ и обвинялъ какихъ-то большихъ Бояръ страны въ измѣнѣ, будто они въ заговорѣ противъ него съ Польскимъ Королемъ; онъ послалъ

двоихъ братьевъ, съ отрядомъ войска и сильнымъ полномочіемъ, чтобы убить и совершенно истребить этѣхъ Бояръ, со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ, а домы ихъ сжечь. По этому приказу Великаго Князя, они и принялись все истреблять и разорять: убивали безъ всякой пощады всѣхъ, кто бы имъ ни встрѣтился, и наконецъ попали въ одинъ домъ, въ которомъ лежалъ въ колыбели прекрасный грудной младенецъ: онъ улыбался имъ такъ мило и привѣтливо, что у нихъ не достало духа поднять на него руку и умертвить его, какъ было имъ приказано. Оба брата посовѣтовались и согласились между собою оставить въ живыхъ младенца и подъ великой тайной отдать его на сохраненіе и воспитаніе одной пріятельницѣ.

Но потомъ, когда посланные, исполнивъ убійственный и жестокій приказъ, воротились въ Москву, для донесенія о томъ Великому Князю, братья стали бояться и тосковать: они опасались, чтобы исторія съ младенцемъ какъ ни будь не открылась и имъ бы не погибнуть изъ за того, а по тому и приняли на себя смѣлость разсказать все происшествіе Великому Князю, и просить у него помилованія себѣ и пощады.

Великій Князь, точно старая лиса (Reinicke Fuchs), прикинулся сострадательнымъ, какъ будто они сдѣлали хорошее для него дѣло, и пожелалъ, какъ Иродъ, видѣть и поклониться младенцу. Какъ скоро это исполнили и принесли къ нему дитя, онъ взялъ его на руки, ласкалъ, цѣловалъ; братья радовались отъ всей души и полагали не иначе, что поступили хорошо, сохранивъ жизнь младенцу, по тому что у всѣхъ Москвитянъ такое ужь общее свойство: когда они прикидываются ласковыми и любезными на письмѣ, словахъ, въ пріемахъ, или въ угожденіяхъ, то за тѣмъ на вѣрное послѣдуетъ что ни будь дурное и опасное. На оборотъ, когда они кричатъ, стучатъ и угрожаютъ, тогда меньше всего опасности и бѣды. Это точно также у нихъ, какъ водится между барсами и обезьянами: когда обезьяны убѣгаютъ отъ барсовъ и ищутъ убѣжища на высокихъ деревьяхъ, барсы ложатся подъ ними, протягиваются всей четверней, притаиваютъ дыханіе и притворяются мертвыми; увидавъ это, обезьяны слѣзаютъ съ деревьевъ, въ радости и въ торжествѣ, что непріятель

ихъ умеръ, и такимъ образомъ бываютъ схвачены и растерзаны. То же самое и съ замѣтнымъ для себя вредомъ испытываютъ отъ Москвитянъ сосѣднія Государства, даже во время искренняго между ними мира и тишины.

Точно также: оба брата не успѣли оглядѣться, какъ Великій Князь непримѣтно досталъ ножикъ и прокололъ младенца три раза въ сердце, отъ чего этотъ тотчасъ же отдалъ Богу свою милую душу; потомъ выбросилъ его за окно на растерзаніе и пищу псамъ и медвѣдямъ, а братьевъ велѣлъ рубить саблями до смерти.

Послѣ такого множеста убійствъ, между своими подданными и непріятелями, Великій Князь захотѣлъ обратиться и молить Бога о прощеніи своихъ грѣховъ: ходилъ по церквамъ, оставался тамъ по нѣскольку часовъ, самъ служилъ обѣдню, точно какой Попъ, со всѣми обыкновенными обрядами, казался по наружности очень набожнымъ и благочестивымъ, но внутри имѣлъ сердце, полное Фарисейской закваски, и обращалъ свои желанія и помыслы болѣе къ человѣческой крови, нежели къ духовной любви; по тому что нѣсколько дней спустя онъ опять принялся за свою обыкновенную бойню и страшныя жестокости: сначала онъ совершилъ ихъ надъ своимъ храбрымъ Воеводой, Petro Sermeta. (Шереметевъ?), который храбро велъ себя во всѣхъ походахъ и былъ ложно обнесенъ ему. Онъ велѣлъ взять его и изрубить въ куски на своихъ глазахъ, а ноги и руки его завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ его женѣ.

Не много также милостивѣе оказался онъ къ Петру Быховцу (Bichvvichi), Польскому Дворянину: онъ захватилъ его въ плѣнъ и велѣлъ отрубить ему голову, взялъ ее за обѣдомъ [въ руку и показывалъ надъ нею свою спесь и скоморошество, точно ставилъ себѣ въ большую честь голову плѣнника, котораго приказалъ казнить вопреки всѣмъ правамъ войны, и запятналъ себя кровью его.

Вдоволь можно подивиться, съ какой жестокостью и тиранствомъ поступилъ онъ съ однимъ Силезцемъ, Альбертомъ Бессо (Alberto Besso): когда привели его изъ страшной темницы, Великій Князь не прежде могъ насытиться, пока не выкололи у него глазъ, не поломали члены, а за тѣмъ не отрубили головы

отъ туловища. Вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь велѣлъ казнить нѣсколько сотъ плѣнныхъ: по приказу его, они были связаны по двое крѣпкими веревками и должны были пара съ парой сражаться. Онъ не удовлетворился до тѣхъ поръ, пока всѣ они не истребили другъ друга: это было ужасное зрѣлище, такъ что и палачей пронялъ страхъ, и они не могли видѣть такого безчеловѣчія, отъ чего и бѣжали, но вскорѣ были догнаны и убиты особеннымъ образомъ. Такая работа приноситъ такую же и награду: какъ сами они дѣлали и поступали, такъ точно случилось и съ ними, т. е., какою мѣрой сами мѣрили, такою же и имъ отмѣрено было.

Когда Великій Князь строилъ съ башнями и раскатами городъ Орелъ, лежавшій на Литовской границѣ, онъ до того изморилъ голодомъ рабочихъ и крестьянъ, что они принуждены были убить самаго жирнаго между ними, и такъ спаслись отъ голода. Другіе же, которые не могли ѣсть человѣчьяго мяса, принуждены были съ голода заколоть теленка. Узнавъ о томъ, Великій Князь велѣлъ ѣвшихъ телятину сжечь живьемъ и пепелъ бросить въ рѣку, а ѣвшіе человѣчье мясо прощены и избавлены отъ наказанія. Это по тому, что Москвитяне питаютъ отвращеніе къ телятинѣ, и ѣсть ее для нихъ гораздо грѣшнѣе, нежели человѣчье мясо.

Вскорѣ послѣ того случилось, что одинъ крестьянинъ подарилъ большую щуку Писарю, написавшему ему письмо. Это видѣлъ монахъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Писаремъ: онъ тотчасъ же побѣжалъ къ Великому Князю и сказалъ, что Писарь живетъ лучше и чище его, имѣетъ за обѣдомъ рыбу больше и вкуснѣе, чѣмъ онъ, достаетъ ее изъ Княжескихъ прудовъ и рѣкъ, и задаетъ себѣ и своей братьѣ пышные пиры. Писарь тотчасъ же приведенъ былъ къ Великому Князю, долго оправдывался и хотѣлъ доказать, что дѣло было совсѣмъ не такъ; это, однако жь, не помогло: его увели и бросили въ рѣку, при чемъ Великій Князь сказалъ: «Ступай туда, лови большихъ рыбъ и рыбокъ, и корми себя досыта лакомымъ кускомъ!»

Такъ какъ Великій Князь не имѣлъ ни какого страха ни къ Богу, ни къ людямъ, губя и убивая невинныхъ людей безъ суда и приговора, то онъ не пощадилъ и своего тестя, благочестиваго

старика, Тверскаго Князя. Онъ часто приглашалъ его въ гости къ себѣ, а потомъ, когда гость напьется пьянъ, приказывалъ сѣчь его плетьми; часто раздѣвалъ его донага, и въ такомъ видѣ отпускалъ домой, въ большой снѣгъ и морозъ, или вѣтеръ; часто и мучилъ его, чтобы признался, гдѣ прячетъ свою казну и богатство. Когда же тесть его бывалъ и дома, онъ и тогда не имѣлъ безопасности, по тому что принужденъ былъ сидѣть тамъ точно въ темницѣ и терпѣть голодъ и жажду: Великій Князь приказывалъ привязывать у дверей его дома четырехъ сильныхъ медвѣдей, которые отгоняли и терзали всѣхъ, приносившихъ ему кушанье. Этѣхъ же медвѣдей онъ велѣлъ спускать и натравливать на людей вездѣ тамъ, гдѣ стояли самыя густыя толпы, въ крѣпости или въ замкѣ, либо когда народъ шелъ въ церковь. Когда они терзали и заѣдали до смерти кого ни будь, онъ смѣялся и говорилъ, что ему съ сыновьями большое веселье при такомъ зрѣлищѣ; когда же бѣдные люди жаловались, что отъ того дѣти лишаются родителей, а родители дѣтей, онъ давалъ имъ сколько ни будь денегъ и говорилъ, что тѣхъ должно считать святыми, которыхъ умертвили Великокняжескіе медвѣди, по тому что ему съ сыновьями была отъ того большая забава и веселье. Эту медвѣжью травлю онъ часто заводилъ и зимой, когда бывалъ въ Москвѣ и могъ смотрѣть на ледъ изъ своей комнаты: тутъ приказывалъ выводить множество плѣнныхъ, заставлялъ ихъ бороться и драться съ медвѣдями, которые жалостно убивали и терзали ихъ.

Разъ велѣлъ онъ зашить въ большую медвѣжью шкуру одного знатнаго Дворянина и привести его на ледъ. На него натравили большихъ Княжескихъ и меделянскихъ собакъ, которые, считая его настоящимъ медвѣдемъ, изорвали въ мелкіе клочки: это такъ забавляло Великаго Князя, что онъ не зналъ, на какую ногу и стать.

Отъ этого прежестокаго человѣка никто не былъ въ безопасности, если даже вовсе молчалъ и не говорилъ про него ни добра, ни худа; никто также не былъ и угоденъ ему, хотя бы говорилъ объ немъ все хорошее: какъ скоро захотѣлъ Великому Князю, всякой, кого пожелалъ онъ имѣть въ рукахъ, долженъ былъ итти на раздѣлку. Часто сбывалось и то, что видѣлось кому во снѣ.

Одинъ знатный Бояринъ за ложный доносъ посаженъ былъ въ смрадную темницу: уже нѣсколько лѣтъ влачилъ онъ тамъ жалкую жизнь, и, желая освободиться изъ заключенія, придумалъ избавиться отъ нея хитростью. Онъ говорилъ, что имѣетъ важное донесеніе къ Великому Князю. Его допустили къ нему. «Что такое?» спросилъ его Великій Князь. — «Всемилостивѣйшій Великій Князь, отвѣчалъ узникъ: въ то время, какъ я лежалъ и спалъ, мнѣ снилось, будто я брожу въ безлюдныхъ пустыняхъ и неизвѣстныхъ краяхъ; тамъ встрѣтился со мною Польскій Король, и на вопросъ мой, за чѣмъ это онъ плутаетъ тутъ такой печальный? онъ отвѣчалъ: мнѣ предстоитъ жалостная погибель: до самаго своего конца я долженъ скитаться и скрываться, по тому что Великій Князь напослѣдокъ поймаетъ меня, возьметъ мое Царство, и будетъ въ немъ властвовать. Полагаю, непобѣдимый Царь, что этотъ сонъ возвѣщаетъ тебѣ новую славу и верховную власть въ Польскомъ Королевствѣ.»

Выслушавъ его рѣчь, Великій Князь отдалъ его на мученіе палачамъ, чтобы пыткой добиться правды въ этомъ дѣлѣ: «Скажи, плутъ, говорилъ онъ: за чѣмъ ты выдумалъ такую ложь? Какой Богъ открылъ тебѣ это во снѣ? Намъ извѣстно, что ни какой Богъ не удостоивалъ разговоромъ бѣдныхъ людей.» Они мучили его такъ жестоко, что онъ не могъ дольше выдерживать этѣхъ мученій, и признался, что выдумалъ сонъ, думая тѣмъ освободиться изъ долговременнаго заключенія. «Ну хорошо, сказалъ Великій Князь, пусть это будетъ такъ: съ тебя довольно наказанія за выдуманный сонъ; воротись же въ свой прежній пріютъ и оставайся тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбудется твой сонъ, а тогда ты сдѣлаешься моимъ главнымъ совѣтникомъ; за понесенные муки заплатится тебѣ вдвое, такъ что будетъ тебѣ за что благодарить и хвалить меня.»

Когда онъ не приказывалъ убивать людей и не дѣлалъ ни какихъ жестокостей, тогда принимался за своихъ сказочниковъ и дураковъ, дѣлалъ разныя шутки надъ ними, а они надъ нимъ также: разъ за обѣдомъ одинъ изъ этѣхъ шутовъ пошутилъ черезъ чуръ ужь грубо и неприлично съ Великимъ Княземъ, такъ что этотъ жестоко разсердился на дурака, велѣлъ его крѣпче держать, схватилъ блюдо съ горячей, какъ кипятокъ, жижей и вылилъ

ему за шею, между рубашкою и тѣломъ: жижа содрала у шута кожу на затылкѣ и онъ повалился на полъ. Великій Князь былъ еще не доволенъ этой шуткой, прокололъ его ножемъ и велѣлъ ему, раненому, убираться вонъ. Однако жь сей же часъ раскаялся и приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его, чтобы онъ опять могъ выздоровѣть.

Пришедши туда, лѣкаря посмотрѣли и узнали, что ему не поможетъ ни какое лѣкарство; они донесли о томъ Великому Князю и сказали: «Всемилостивѣйшій Государь и Великій Князь, да сохранитъ тебя Богъ въ здравіи и долгоденствіи! Шутъ уже умеръ. Всемогущій Богъ да ты, непобѣдимый Царь, имѣете власть лишать жизни людей, а мы неможемъ возвращать ее.» — Великій Князь разсмѣялся на это и сказалъ: «Ну, такъ счастливый путь собакѣ, коли самъ не захотѣлъ жить!»

Великій Князь нѣсколько времени доставлялъ вдоволь упражненія своей безчеловѣчной и гнусной жестокости надъ подданными и непріятелями, какъ вдругъ военное счастіе отвернулось отъ него и попятилось назадъ. На него въ одно время напали знаменитый Король Шведскій, Іоаннъ Третій, и Польскій, Стефанъ Баторій, и выгнали его вооруженною рукою со всѣмъ изъ Ливоніи, съ большимъ урономъ, а въ Россіи лишили его многихъ городовъ и крѣпостей; никто съ своей стороны не упускалъ причинять вредъ и дѣлать всякое зло ему и его народу. Безъ вреда и препятствія они ходили взадъ и впередъ по его странѣ съ войсками, каждый въ своемъ мѣстѣ, гдѣ ему было угодно, грабили, разоряли страну огнемъ и мечемъ. Москвитяне находились въ большой опасности и затрудненіи, не знали мѣры и конца своему горю и бѣдствію, и помнили при томъ, сколько убито и взято въ плѣнъ ихъ братьевъ, умерщвлено дѣтей, опозорено женщинъ и дѣвицъ; множество крѣпостей, деревень и городовъ досталось непріятелямъ, не считая сожженныхъ; не довѣряли другъ другу, имѣли взаимныя подозрѣнія, что донесутъ на нихъ въ измѣнѣ Великому Князю; не знали, чѣмъ помочь такой бѣдѣ и не могли надивиться, что Великій Князь остается спокойнымъ при всѣхъ такихъ вещахъ.

Наконецъ они вооружились мужествомъ, и нѣкоторые Бояре, Дворяне, Полковники и военные люди, собравшись въ Володимирѣ,

объявили свою готовность умереть за Государя и Отечество, пожертвовать за нихъ жизнью и имѣніемъ, стоять за нихъ и дѣйствовать, какъ слѣдуетъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ; такъ говорили они Великому Князю:

«Уже нѣсколько лѣтъ, непобѣдимый Царь, Всемилостивѣйшій Великій Князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, мы видимъ великое несчастіе и погибель нашего любезнаго Отечества, а между тѣмъ врагъ попираетъ нашу землю, нашу вѣру и льготы, тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ, уводитъ въ плѣнъ нашихъ старыхъ воиновъ, убиваетъ молодыхъ людей, позоритъ женъ и дочерей нашихъ, жжетъ города и деревни, точно мы позабыли нашу прежнюю доблесть и мужество, стали считать честнѣе отступленіе отъ непріятеля, нежели стоять противъ него всѣмъ вмѣстѣ другъ за друга, спасать отъ него нашихъ братій, сопротивляться ему храбро и умирать съ честію за Отечество. Наши враги хорошо понимаютъ, что легко побѣдить лѣнивый и нерадивый народъ, отъ того и смѣются надъ нами, къ несчастію нашему и гибели, и преслѣдуютъ насъ тѣмъ веселѣе и отважнѣе. Но если бы мы выступили на нихъ соединенными силами, то могли бы смирить и одолѣть этотъ нечестивый и надменный народъ. Къ такому дѣлу призываетъ насъ наше Богослуженіе, этого требуетъ и желаетъ отъ насъ любезное Отечество, къ тому же побуждаютъ и понуждаютъ насъ законы нашей страны, наши жены и дѣти, друзья и родные.

«Но намъ нуженъ глава для этого великаго и необходимаго дѣла: по тому-то и просимъ тебя, Пресвѣтлѣйшій Великій Князь, какъ своего помазаннаго и вѣнчаннаго наслѣднаго Государя, чтобъ Ты благоволилъ отпустить съ нами своего старшаго сына на эту крайне нужную войну: пусть онъ идетъ передъ глазами у насъ, и мы припомнимъ себѣ нашу прежнюю отвагу и храбрость, опять удвоимъ ихъ себѣ и пожертвуемъ всѣмъ за Отечество.» Великій Князь у его подданныхъ въ такомъ высокомъ почетѣ, что они считаютъ его не только могущественнымъ Царемъ и Государемъ, но и божественнымъ человѣкомъ, который всегда имѣетъ обхожденіе съ богами, и можетъ смирять и одолѣвать своихъ непріятелей, если захочетъ: а теперь онъ не двигается съ мѣста и упускаетъ свое счастье.

Когда же вышеназванные его подданные, прося его защиты, какъ будто давали понять, что Великій Князь нерадивъ и медлителенъ къ своему долгу, онъ разсердился и жаловался, что одни разставляютъ ему тайные ковы и хотятъ измѣнить, а другіе смотрятъ недоброжелательно на его великое счастье и побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ, и за свои труды, заботы и подвиги онъ не получаетъ ничего, кромѣ неблагодарности и злословія. Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, надѣлъ Царскую порфиру и корону на голову, вышелъ опять, подошелъ къ простому народу и сказалъ:

«Отдайте этотъ Царскій нарядъ другому, который лучше меня можетъ управлять вами!» при чемъ говорилъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ для подданныхъ, какъ онъ покорялъ Ливонію, разбивалъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, не только сохранялъ Великокняжеское значеніе и величіе, но еще и пріумножилъ его. Сдѣлавъ и совершивъ все это, онъ хочетъ при томъ и остаться и проститься съ правленіемъ, по тому что имъ желательно сыскать такого Царя, которому они стали бы приказывать. Это очень перепугало народъ: всѣ повалились ему въ ноги и просили его со слезами не покидать Царства, остаться на немъ и управлять по прежнему. Но онъ очень отказывался, до тѣхъ поръ, пока зачинщики смятенія не были ему выданы и наказаны.

Потомъ, обратившись къ старшему сыну, сказалъ: «Какъ смѣешь ты показываться, болванъ, на глаза отцу, задумавъ такую измѣну противъ меня? И ты отважился съ радостью и удовольствіемъ подстрекать народъ къ возмущенію противъ меня? Не могъ ты выбрать другаго способа итти на войну, какъ только сдѣлавшись гонителемъ своего отца? Развѣ ты не выдавалъ себя, съ помощію народа, за Великаго Князя, замышляя тѣмъ лишить верховной власти и величія не только своего отца, но Государя и Великаго Князя? Чего же другаго искалъ ты въ этомъ замыслѣ и заговорѣ?

За то, что ты не хочешь признавать своего отца Великимъ Княземъ всея Русіи, и я являюсь для тебя не отцомъ, а Великимъ Княземъ, и покажу на тебѣ примѣръ, чтобы другіе взяли

его урокомъ себѣ и не осмѣливались больше дѣлать заговоры противъ меня, презирать родителей и наругаться надъ ними въ бѣдѣ и невзгодѣ.»

Строгая рѣчь отца сильно напугала сына: потупившись, онъ думалъ, какъ ему будетъ оправдываться, очень смиренно и почтительно просилъ отца выслушать его оправданіе, и началъ говорить съ большею робостію, но отецъ не позволилъ того и подалъ ему знакъ молчанія палкой въ високъ.

Молодой Князь отъ страха не почувствовалъ удара и началъ говорить опять, но кровь побѣжала у него по всему тѣлу, и полумертвый упалъ онъ на землю передъ глазами отца. Увидавъ это, отецъ ужаснулся и опечалился, поднялъ руки къ небу, горько рыдалъ, жаловался, цѣловалъ сына, утѣшалъ его, лежащаго на землѣ, сѣтовалъ о великой бѣдѣ и общемъ несчастіи, обвинялъ Святыхъ, что они привели въ это положеніе такого рѣдкаго юношу.

Услыхавъ отцовскія жалобы, плачь и вопли, сынъ сказалъ, что одно только утѣшаетъ его въ этомъ несчастіи, что онъ не виноватъ, въ чемъ обвиняетъ отецъ, и что жизнь взята у него тѣмъ, отъ кого онъ и получилъ ее. Но Богъ свидѣтель, что онъ не учавствовалъ ни въ какихъ заговорахъ противъ отца. Искренно желалъ Великому Князю завоевать весь свѣтъ и обнажать оружіе гораздо счастливѣе и славнѣе на непріятеля, нежели на своего сына, а ему не надобно ничего больше, кромѣ честнаго погребенія.

Межъ тѣмъ въ народѣ было смятеніе и ужасъ: всѣ болѣе оплакивали несчастіе съ молодымъ Государемъ, нежели свои собственныя бѣды.

Самъ Великій Князь сидѣлъ на землѣ безъ памяти и чувства, не принималъ ни пищи, ни питья, одѣлся въ печальное платье и горько плакалъ не только въ тѣ пять дней, когда живъ еще былъ Царевичъ, но и послѣ смерти и похоронъ его. Долгое время Великій Князь только и дѣлалъ, что плакалъ и рыдалъ, велъ чрезвычайно жалкую и несчастную жизнь, тревожился и боялся, чтобы Богъ не отплатилъ за это беззаконіе, пославъ въ особенныхъ страданіяхъ и казняхъ пагубу на его народъ, отправилъ 77 ты-

сячъ золотыхъ Патріархамъ Константинопольскому и Александрій-скому и монахамъ, охранявшимъ Гробъ Господень, чтобы они молились, приносили жертву о душѣ молодаго Государя и спасли ее изъ всѣхъ преисподнихъ, чтобы злые духи не имѣли надъ нею ни какой власти, а Святые Ангелы отнесли ее въ рай; писалъ къ Польскому Королю о позволеніи проѣхать Польшею его посламъ, чтобы отвезти его подаяніе въ Грецію.

Послѣ этого несчастія и смерти его сына, все пошло еще хуже въ странѣ: всѣ предпріятія Великаго Князя не удавались; его сильно затрудняли и тѣснили со всѣхъ сторонъ. Войско его было разбито и разсѣяно, города срыты, земля разорена, отъ страха и нужды онъ долженъ былъ помириться, заключить договоръ съ Польскимъ Королемъ и уступить ему всѣ города и мѣстечки, занятые имъ въ Ливоніи; при этомъ онъ принужденъ передать ему на вѣчныя времена и не требовать обратно города и мѣстечки, принадлежащіе къ Полоцку, каковы Усвятъ и др., со всѣми запасами и военными снарядами. За то Поляки должны были возвратить ему Великіе Луки и другіе города. Все это устроилъ Папскій Легатъ, Антоній Поссевинъ, уполномоченный при этѣхъ переговорахъ: онъ склонилъ обѣ стороны заключить и установить 10-тилѣтнее перемиріе; это было въ 1582 году, 12-го Генваря.

Такъ Великій Князь съ большимъ урономъ и несчастіемъ велъ свои войны съ Шведами и Поляками и потерялъ много крѣпостей, городовъ, народа и военныхъ снарядовъ; земля его была пустынна и безлюдна; подданные стали тайкомъ насмѣхаться надъ нимъ; онъ утратилъ всю военную славу, добытую прежде. Съ великой тоски и горя онъ такъ захворалъ, что жилъ послѣ того не болѣе 2-хъ дней; однако жь нѣсколько мѣсяцевъ до смерти все еще дѣлалъ страшныя жестокости надъ своими и велѣлъ жалкимъ образомъ казнить 2,300 невинныхъ людей.

Онъ имѣлъ также мысль перебить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ изъ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи, Польши и Литвы, которые были у него въ заключеніи, если бы Богъ не спасъ ихъ и не коснулся Великаго Князя сильной болѣзнью, отъ которой не могли помочь ему ни лѣкаря, ни снадобья: онъ велъ жалкую жизнь, лежалъ въ безпамятствѣ, не ѣлъ и не пилъ, нѣсколько

дней даже не говорилъ ни одного слова, точно нѣмой; когда же приходилъ не много въ себя и болѣзненные дни не надолго перемежались, онъ чувствовалъ небольшое облегченіе и хотѣлъ говорить: въ это время жалобнымъ голосомъ онъ звалъ къ себѣ убитаго имъ сына, Ивана.

Почувствовавъ себя не много лучше, послѣ этой тяжелой и сильной болѣзни, онъ пошелъ прогуляться къ женѣ своего сына, Иринѣ (Irene Udovia): ему пришла охота изнасиловать ее и сдѣлать съ нею прелюбодѣяніе; ничѣмъ другимъ она не могла спастись отъ него, какъ только крикомъ и воплемъ: на крикъ сбѣжалось много людей изъ домашней прислуги, мущинъ и женщинъ, что пристыдило его, и онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова. А чтобы эта проказа осталась въ тайнѣ, онъ велѣлъ казнить всѣхъ, прибѣжавшихъ на помощь къ этой женщинѣ. У него было также намѣреніе либо выгнать изъ страны эту жену своего сына, либо велѣть убить ее, за то что она не отдалась его неестественной похоти, уговаривалъ сына оставить ее и взять себѣ другую жену.

Но въ сынѣ было больше чести и справедливости, чѣмъ у отца, и онъ не согласился на это. Великій Князь дружески разговаривалъ съ своими думными Боярами и офицерами, называлъ ихъ лучшими друзьями, милыми братьями, родными, товарищами во всѣхъ, перенесенныхъ имъ, опасностяхъ, своимъ оплотомъ и отрадой. Они одни пособили ему занять и покорить Ливонію: это сдѣлалось, благодаря только ихъ храбрости и богатырскимъ подвигамъ; они усердствовали всячески для его отца и дѣда, они сдѣлали его и Великимъ Княземъ; съ ихъ вѣрною помощью и участіемъ онъ разбилъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, пріобрѣлъ вѣчную славу.

Чувствуя себя со дня на день все слабѣе и безсильнѣе и не забывая, что люди смертны, онъ посылалъ платье, деньги, пищу и питье плѣнникамъ изо всѣхъ народовъ, съ просьбою молиться за него Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровье и долгую жизнь. Если они будутъ дѣлать это съ усердіемъ, то онъ возвратитъ имъ свободу и позволитъ воротиться на родину.

Но и изъ всѣхъ ихъ не было никого, кто бы желалъ добра жестокому человѣку, за его неслыханныя страшныя дѣла: духовные и міряне, туземцы и иностранцы, всѣ глубоко ненавидѣли и не могли терпѣть его, по тому что въ немъ не было ничего человѣческаго, кромѣ наружности: живыхъ людей приказывалъ онъ рубить пополамъ и заставлялъ родителей ѣсть тѣла дѣтей ихъ. За то, когда плѣннымъ надо было молиться о долгоденствіи Великаго Князя, они дѣлали со всѣмъ друг ое: радовалисъ и веселились втайнѣ, изъ глубины сердца молились всемогущему Богу, чтобы Онъ, ради заслугъ Своего милосердаго Сына, Іисуса Христа, Его великихъ страданій и жестокой смерти, взялъ и уничтожилъ это ужасное чудовище, адскаго дракона и неистоваго тирана: это была ихъ усердная молитва, и этого страстно желали всѣ, старые и молодые. Богъ услышалъ ихъ молитву, по тому что

«Noctes atque dies patet atri janua ditis,
Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,
Hoc opus, hic labor est,»

говоритъ Виргилій. Болѣзнь развилась въ немъ такъ быстро и сильно, что внутренности, легкія и печень начали гнить, дѣтородныя части пожирались червями, и отъ него былъ ужасный запахъ; за нѣсколько дней до смерти три раза онъ былъ въ такомъ обморокѣ, что ничего не слыхалъ, не видѣлъ, лежалъ и днемъ и ночью точно мертвый, какъ будто Богъ на это время отсрочилъ наказаніе за его безчеловѣчныя дѣла. Пришедши въ себя, онъ съ печальнымъ лицомъ просилъ своего сына, Ѳедора, освободить нѣсколькихъ заключенныхъ, заслуживавшихъ смертную казнь за свои злодѣйства, признался откровенно, что потерпѣлъ за нихъ страшныя муки и истязанія въ одномъ мрачномъ и ужасномъ мѣстѣ.

Это страшное признаніе заставило сына отворить всѣ темницы и заключенія и освободить содержимыхъ въ нихъ, онъ приказалъ, чтобы по цѣлому городу было всеобщее молебствіе, чтобы Богъ даровалъ блаженный конецъ отцу его, котораго всѣ ненавидѣли и не могли терпѣть за его алчную скупость и жестокость; велѣлъ всѣмъ заключеннымъ раздавать подарки, кормить и поить ихъ, и обѣщалъ отпустить ихъ на родину, если только вымолятъ у Бога

хотя небольшое облегченіе отъ ужасной болѣзни, въ которой находился его отецъ. Но это было напрасно: правый Божій гнѣвъ и раздраженіе сильнѣе всѣхъ людскихъ молитвъ, особливо, когда онѣ не очень искренни и не отъ смиреннаго и сокрушеннаго сердца.

Въ то время, какъ они отправляли свое наружное моленіе, стрѣлы смерти коснулись въ другой разъ тирана: онъ отвратительно пахнулъ, и въ другой разъ передъ смертью впалъ въ безпамятство, такъ что всѣ дивились; въ городѣ была глубокая тишина; терпѣливо ждали конца, по тому что никто не жалѣлъ Великаго Князя, всѣ желали ему смерти, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Старики радовались, что они теперь будутъ свободны, дѣти утѣшали плѣнныхъ родителей, что ихъ выпустятъ изъ долговременнаго заключенія: всѣ ожидали лучшаго. Видимъ, какъ справедливо изреченіе Цицерона въ «Целіи»: Tyranni nec diligunt, nec diliguntur (тираны никого не любятъ, за то и ихъ не любитъ никто); и Энній говоритъ:

«Quem metuunt, oderunt,
Quem odit quisque, periisse expetit.»

Когда Великій Князь очнулся опять, точно выбрался изъ ада, онъ обратился къ сыну и сказалъ: «Отмѣни большіе налоги, подати, пошлины и сборы, которые я безпрестанно умножалъ и налагалъ на подданныхъ, для приращенія своихъ доходовъ, вознагради изъ Государственной казны людей, у которыхъ я силой отобралъ имущество и богатство, и возврати свободу всѣмъ безъ исключенія плѣннымъ!» Но это раскаяніе и доброе предзнаменованіе слишкомъ запоздало, по тому что «Sero sapiunt Phryges.» Такъ долго проживъ въ своемъ безуміи и жестокосердіи, онъ просилъ, однако жь, усердно сына исполнить его послѣднее моленіе и продолжалъ: «Теперь я умираю и молю Бога, Св. Николая и Св. Георгія, чтобы они сдѣлали тебя Государемъ всего свѣта.»

Сказавъ это, онъ въ третій разъ пришелъ въ безпамятство, и съ великими вздохами и жалкимъ воемъ испустилъ духъ. Волдыри, шишки и нарывы прорвались, гной и мокрота обдали всю комнату страшно отвратительнымъ запахомъ; отъ этого яда служители должны были покинуть Великаго Князя и убраться отту-

да: это случилось въ 1584 году, 28 Марта, на 56-мъ, съ семью мѣсяцами, году его жизни. Нѣкоторые думаютъ, что его похоронили съ большою пышностью въ церкви Св. Михаила, возлѣ его предковъ. Въ самомъ же дѣлѣ было не такъ; въ тотъ самый день, когда онъ скончался, тѣло его пропало и никто съ тѣхъ поръ не видалъ и не находилъ его. Сейчасъ же послѣ того освободили всѣхъ плѣнныхъ, и одарили ихъ подарками, тщательно поручивъ имъ молиться съ усердіемъ и отъ всего сердца Богу объ избавленіи Великаго Князя отъ такой необыкновенной погибели и объ отысканіи его тѣла, и какъ скоро оно отыщется, всѣхъ ихъ подарятъ опять, съ тѣмъ еще утѣшеніемъ, что имъ свободно будетъ ѣхать на родину, или куда они пожелаютъ.

По какъ этѣ жестокія мученія и страшная кончина назначены были Великому Князю, по гнѣву и опредѣленію Божію, то люди не получили его тѣла за свои суетныя молитвы: что съ воза упало, то пропало; его нигдѣ не отыскалось и не оказывалось, по тому что за тяжкіе грѣхи и нехристіянскія дѣла слѣдуютъ суровыя и жестокія казни и удары.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, дороденъ и толстъ, поворачивалъ глазами изъ стороны въ сторону, точно соколъ, былъ гордъ и надмененъ, съ крѣпкою грудью, отваженъ и дерзокъ, хитеръ и лукавъ, имѣлъ маленькіе сверкающіе глаза, кривой, какъ у ястреба, носъ, красноватое лицо и страшную наружность, какъ у сердитаго воина; онъ смѣялся только во время опасности и великаго бѣдствія, по тому что какъ только надо было казнить жалкою смертію большое множество народа, онъ смѣялся и находилъ веселье и удовольствіе въ томъ. Отъ природы получилъ онъ смѣтливую и умную голову и хорошую память, такъ что могъ назвать по имени всѣхъ плѣнныхъ изо всякихъ народовъ.

Случилось разъ, что онъ освободилъ нѣсколько плѣнныхъ и обѣщалъ отпустить ихъ въ ихъ землю. Когда же хватился одного изъ нихъ, а Писарь не могъ сообщить ему объ этомъ ни какихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ же велѣлъ жестоко казнить его.

Дѣлая кому ни будь милость и благодѣянія, онъ поступалъ при этомъ такъ ужь щедро и безъ всякой мѣры, что милости и

добротѣ его не было ни конца, ни предѣловъ; напротивъ, когда онъ ненавидѣлъ и гналъ кого ни будь, дѣлалъ это самымъ жестокимъ образомъ. Онъ самъ принималъ просьбы и прочитывалъ ихъ, самый послѣдній подданный свободно могъ подавать ему просьбу и жаловаться на свою нужду. Если правители и начальники дѣлали какую ни будь несправедливость и насиліе, ихъ тотчасъ же отыскивали его слуги и отводили въ судъ; когда же оказывалось и было вѣрно, что они дѣлали бѣднымъ людямъ обиды, Великій Князь не только лишалъ ихъ всего имѣнія, но и жизни, по тому что онъ такимъ образомъ старался умножать свои богатства и доходы, и не считалъ благоразумнымъ опредѣлять жадныхъ людей къ правительственнымъ и другимъ должностямъ, и такихъ еще, которые больше искали собственной выгоды, нежели старались помогать и покровительствовать простолюдину. Онъ любилъ распространять предѣлы своего Царства, и до Шведской и Польской войны такъ возвысился и усился, что не онъ боялся непріятелей, а непріятели его боялись. Онъ былъ честолюбивъ и искалъ дружбы съ иностранными Державами, которыя находились въ большомъ отдаленіи отъ него, на примѣръ, съ Римскимъ Императоромъ, Царемъ Персидскимъ, Королемъ Англійскимъ и Папою Римскимъ, для того, чтобы пріобрѣсти и достать себѣ славное имя. Когда на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ везло ему счастье, онъ былъ надменъ, гордъ и напыщенъ, превозносился тѣмъ, и до того любилъ славу, что часто начиналъ безъ причины большія и трудныя войны, все изъ за одной славы, и думалъ днемъ и ночью, какъ бы превзойти славными дѣлами Александра Македонскаго. Для того рѣшился онъ пріучить слона, присланнаго ему въ подарокъ Царемъ Персидскимъ, чтобы онъ становился на колѣни, когда Великій Князь проходилъ мимо его съ своими Боярами и придворными. Съ этою цѣлью онъ много мѣсяцевъ соблюдалъ такое обыкновеніе: велѣлъ приводить къ себѣ слона рано утромъ и колоть его въ лобъ острымъ желѣзомъ, въ томъ мнѣніи, что слонъ, благодаря такому множеству уколовъ до крови, пріучится кланяться ему. Много и долго бился онъ надъ этѣмъ глупымъ дѣломъ и напрасно искалъ разсудка въ неразумномъ звѣрѣ: слонъ не научился преклонять колѣнъ и не хотѣлъ показывать себя почтительнымъ. Великій Князь прогнѣвался на него и велѣлъ изрубить въ куски.

Въ мирную пору, когда войны у него не было и онъ велъ очень спокойную и сластолюбивую жизнь, его время проходило въ охотѣ, игрѣ, пляскѣ, распутствѣ и ужасныхъ зрѣлищахъ. На травлѣ и охотѣ онъ пользовался совсѣмъ не тѣмъ способомъ, какъ другіе Князья и Государи: этѣ держатъ для того великое множество охотниковъ, лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ, веревки, силки, сѣти и другія подобныя вещи, чтобы охотою доставить движеніе тѣлу, разогнать уныніе и черныя мысли, получить разное удовольствіе и разсѣяніе, истреблять разныхъ вредныхъ звѣрей; они ловятъ кабановъ, волковъ, медвѣдей, оленей, козулей, лосей, ланей, сернъ, лисицъ и всякую дичь, либо на одежду и пищу, либо для жилища и покоя человѣка. А Великій Князь бросалъ бѣдныхъ плѣнниковъ на травлю самымъ злымъ медвѣдямъ, и когда они нѣкоторыхъ терзали въ куски, онъ смотрѣлъ на это съ удовольствіемъ и жадностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, для развлеченія въ своей трудной, душевной и тѣлесной, болѣзни, онъ велѣлъ взять изъ заключенія множество плѣнныхъ для боя съ медвѣдями, и глядѣлъ изъ окошка въ поле, какъ они сражались, и какъ народъ разбѣгался въ разныя страны. Между плѣнными былъ также одинъ сильный Полякъ, который на ходу схватилъ камень, не очень большой, и когда напалъ на него огромный и страшный медвѣдь, онъ сунулъ ему этотъ камень въ горло, ухватилъ его за языкъ и держалъ такъ крѣпко, что медвѣдь скоро задохся. Увидавъ это, Великій Князь освободилъ Поляка, и сдѣлалъ ему еще подарокъ.

Великій Князь съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ шашки и карты; если кто игралъ въ эту игру искуснѣе и находчивѣе его, онъ приказывалъ того казнить, либо отрубать у него всѣ члены, отрѣзывать уши, носъ и губы. Для избѣжанія такой награды, нѣкоторые охотно давали ему выигрывать: тогда онъ приказывалъ бить и сѣчь ихъ кнутомъ, какъ лѣнивыхъ и неловкихъ людей. Такъ же, которые не хотѣли играть съ нимъ, онъ велѣлъ убивать, подъ предлогомъ, что у нихъ опасные замыслы противъ него.

Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи онъ перещеголялъ всѣхъ. По своему обыкновенію, часто насиловалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и ро

дителямъ. Когда же онѣ сколько ни будь давали замѣтить, что дѣлали это и блудничали съ нимъ неохотно, онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; этѣ не могли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ нигдѣ, если не хотѣли распрощаться съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. А трупы должны были висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усильному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія снять ихъ и похоронить. Онъ всегда мѣнялся любовницами съ своимъ сыномъ, Иваномъ. Случилось разъ, что сынъ его досталъ себѣ любовницу чрезвычайно красивую и гордую; когда же другія женщины и дѣвицы стали подтрунивать и смѣяться надъ нею, что она прогуляла свой дѣвическій вѣнокъ и повѣсилась на шею молодому Князю, она разобидѣлась, съ плачемъ и горькими жалобами сказала объ этомъ Князю и просила отмстить за этѣ насмѣшки и поношенія, а то женщины всѣ будутъ насмѣхаться и ломаться надъ ней. Онъ обѣщался отплатить за это поруганіе и безчестье и при случаѣ разсказалъ о томъ отцу: Великій Князь такъ разсердился и такъ горячо принялъ это, что думалъ было перебить всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Но Совѣтники, Князья и Бояре упросили его бросить это; однако жь онъ страшно раздѣлался съ женщинами и зло наругался надъ ними: велѣлъ привести нѣсколько сотъ ихъ въ Кремль и раздѣть до нага, въ присутствіи своихъ сыновей, совѣтниковъ и всей придворной челяди: такъ онѣ и должны были разгуливать тамъ, въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Потомъ онъ обратился къ любовницѣ сына и сказалъ: «Теперь и ты въ свою очередь потѣшь себя этѣмъ зрѣлищемъ и посмѣйся надъ тѣми, которыя насмѣялись надъ тобою!» Нѣкоторыхъ велѣлъ онъ до смерти засѣчь розгами, и тѣла ихъ бросить медвѣдямъ.

Сперва онъ очень любилъ иностранцевъ, особливо Нѣмцевъ, и ввѣрялъ имъ свои замки и крѣпости: это очень огорчило Русскихъ, и они жаловались ему. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ, что это справедливо и должно такъ быть, по тому что Нѣмцы храбры и неустрашимы, рыцарски сражаются съ непріятелемъ, не падаютъ духомъ и не такіе свиные пастухи, какъ Московскіе ратные люди. Но Ливонскіе Бароны, Иванъ Таубе и Элертъ Крауссе, не

сдержали данной ему клятвы и не исполнили обѣщаній относительно Ливоніи, сколько ни желали, для чего и вели интриги въ Куроніи и Ливоніи, однако жь бѣжали отъ Великаго Князя: съ тѣхъ поръ Нѣмцы сдѣлались для него подозрительны и уже не были въ прежнемъ высокомъ почетѣ. Хотя онъ и не такъ ужь много вѣрилъ имъ, но все же поступалъ хорошо и честно съ тѣми Нѣмцами, которые жили въ Москвѣ и служили ему, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе: тѣмъ они и жили и не терпѣли ни какой нужды. Такимъ образомъ они получили и позволеніе построить, въ четверти мили отъ города, малую деревянную церковь, въ которой ихъ собственные проповѣдники учили чистой Лютеранской Вѣрѣ и проповѣдывали ее.

Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако жь не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за Вѣру ни кого, кромѣ Жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сожигалъ живыхъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. По тому что обыкновенно говорилъ, что ни какой Царь, Князь, или Король, не долженъ довѣрять этѣмъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра.

Изъ этого ясно можно усмотрѣть, замѣтить и узнать, что въ то самое время Великій Князь позволилъ иностранцамъ въ Москвѣ проповѣдывать Лютеранское ученіе, и что они выстроили церковь и имѣли собственныхъ проповѣдниковъ, которые провозглашали въ ней спасительное слово Божіе въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ, во всѣхъ членахъ Аугсбургскаго исповѣданія: все это согласно и съ вышедшими сочиненіями высокоученыхъ людей, на примѣръ, Сигизмунда Герберштейна, Давида Хитрея, Павла Одоборнія; объ этомъ довольно также свѣдѣтельствуетъ безчисленное множество другихъ, бывавшихъ въ Москвѣ. По тому и не могутъ быть справедливы слова одного лица, написавшаго въ своемъ надгробномъ словѣ, будто Каспаръ Фидлеръ первый выхлопоталъ у Великаго Князя, чтобы проповѣдуема была Лютеранская Вѣра, въ первый разъ при этомъ Государѣ въ Россіи, и что Фидлеръ же былъ и строителемъ и покровителемъ этой церкви. Какъ до него, такъ и послѣ того времени, у Нѣмцевъ были собственные проповѣдники не только въ Москвѣ, но въ Тулѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что, по

случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ, Король Густавъ, сынъ Эрика XIV, только послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у Великаго Князя, Бориса Годунова, позволенія сломать старую церковь и на мѣсто ея построить новую больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому дѣлу и жертвовали деньгами, по средствамъ и состоянію каждаго, а именно: выше названный Государь Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ Докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе, Дворяне и не Дворяне, смотря по своему жалованью отъ Великаго Князя и по расположенію къ слову Божію. Тогда у Великаго Князя было 5-ть Докторовъ Медицины: Христофоръ Ритингъ, Венгерецъ, по своему искуству и опытности архіатеръ и главный изъ нихъ, потомъ другіе, именно: Каспаръ Фидлеръ изъ Пруссіи, Іоаннъ Гилькенъ изъ Ливоніи, Давидъ Фасманъ и Генрихъ Шрёдеръ изъ Любека, все превосходные и ученые люди.

Вышепомянутый Великій Князь Иванъ Васильевичъ при своей жизни не только считался у подданныхъ земнымъ богомъ, но и Великимъ Княземъ, Царемъ и Верховнымъ Священникомъ или Папой: когда случались трудныя и важныя дѣла, а его совѣтники, судьи и Бояре не въ силахъ были рѣшить и исправить ихъ, они говорили точно также, какъ и нынѣ говорятъ Русскіе: «Богъ и Великій Князь, которые могутъ обсудить и рѣшить всякое дѣло, обсудятъ и обдумаютъ и это и дадутъ правое рѣшеніе.» Отъ того-то худо ли, хорошо ли скажетъ Великій Князь, они приписывали это Божественному Провидѣнію, по тому что онъ давалъ знать простому варварскому народу, что въ сновидѣніи бесѣдуетъ съ Святыми, и чрезъ это пріобрѣталъ себѣ больше значенія у подданныхъ: они тѣмъ болѣе уважали и боялись его. Онъ обыкновенно самъ служилъ обѣдню и такъ прекрасно и благоговѣйно исправлялъ всѣ церковные обряды, что лучше его не исправить ни какому Священнику, или монаху.

У него было семь женъ: съ первой прижилъ онъ двухъ сыновей, Ивана и Ѳедора: Ивана убилъ онъ самъ своей палкой; Ѳедоръ же наслѣдовалъ ему въ правленіи; съ послѣднею прижилъ также сына, по имени Димитрія, умерщвленнаго Борисомъ Годуновымъ въ городѣ Угличѣ, отъ чего произошло великое возмущеніе и страшное кровопролитіе, о чемъ послѣдуетъ дальше. Этого и достаточно будетъ сказать о жизни Великаго Князя, дѣлахъ его и страшной

жестокости. Желающій знать болѣе объ ужасныхъ его злодѣйствахъ, пусть читаетъ Павла Одоборнія и посовѣтуется съ нимъ, чтобы получить свѣдѣнія о томъ полнѣе и подробнѣе.

По смерти этого безчеловѣчнаго тирана, въ странѣ происходило что-то необыкновенное: Богданъ Бѣльскій, сдѣланный покойнымъ Княземъ опекуномъ дѣтей его, былъ сильный Бояринъ, съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ; онъ охотно хотѣлъ устранить этѣхъ дѣтей и самъ сдѣлаться Великимъ Княземъ; для чего привлекъ къ себѣ многихъ приверженцевъ, набралъ много народа и укрѣпился въ Кремлѣ; но это сильно раздосадовало Князей страны и весь народъ, которые очень были недовольны, что опять подвергнутся игу и службѣ ужаснаго тирана, отъ котораго только что освободились: жестокость и великая надменность Бѣльскаго были довольно извѣстны Москвитянамъ.

Для того всѣ они, высшаго и низшаго званія, собравшись вмѣстѣ, выбрали единодушно своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Өедора Ивановича, осадили Кремль, поставили передъ нимъ нѣсколько большихъ пушекъ, и такъ сильно обстрѣливали его во многихъ мѣстахъ, что въ немъ было много убитыхъ; ратные люди Бѣльскаго въ ужасѣ оставили крѣпость и покинули своего повелителя; отъ того онъ и долженъ былъ заключить договоръ съ непріятелемъ, сдать Кремль и противъ воли согласиться на все, что сдѣлали въ это время другіе.

По тому-то Өедоръ Ивановичъ и принялъ по смерти отца Великокняжескій вѣнецъ, на 22 году возраста, въ Москвѣ, въ церкви Св. Маріи, 31-го Іюня (?), 1584 года. Это былъ Государь средняго роста, бѣлый лицемъ, благочестиво воспитанный. Супруга его была родная сестра Бориса Өедоровича Годунова, Ирина (Udovia, Годунова?); онъ имѣлъ отъ нея много сыновей и дочерей, умиравшихъ при самомъ рожденіи (?). Тотчасъ же послѣ того, какъ принялъ вѣнецъ и правленіе, онъ далъ свободу всѣмъ плѣннымъ и избавилъ подданныхъ отъ большихъ тягостей, повинностей и податей, какъ приказалъ ему на смертномъ одрѣ отецъ.

Все пошло какъ-то странно и мудрено въ странѣ: между подданными смуты и возмущеніе; война съ Шведскимъ Королемъ; съ Польшею надо было снова потверждать перемиріе; приходилось

вести переговоры и начинать многія важныя дѣла съ другими Государствами, а новоизбранный и вѣнчанный Великій Князь не такъ чтобы очень годился и былъ способенъ къ такимъ знятіямъ: отъ природы простоватый и тупоумный, онъ не имѣлъ большой охоты заниматься Государственными дѣлами и приводить въ лучшій порядокъ управленіе, но находилъ свою отраду въ образахъ и духовныхъ дѣлахъ, иногда бѣгалъ самъ по церквамъ, благовѣстилъ и звонилъ въ колокола, когда народу надобно собираться къ богослуженію и слушать обѣдню: отецъ часто упрекалъ его въ томъ, говоря, что онъ больше походитъ на Понамарскаго, чѣмъ на Великокняжескаго, сына.

Когда онъ совѣтовался съ своими знатнѣйшими Боярами и Думцами, какъ лучше приняться за управленіе и устроить его, всѣ единогласно рѣшили, что шуринъ его, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Gudenovv), бывшій тогда Государственнымъ Конюшимъ, долженъ управлять вмѣстѣ съ нимъ, по тому что это былъ смѣтливый, благоразумный и осторожный Бояринъ, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть, настоящій Русскій, и виновникъ паденія и гибели Русскихъ. Великій Князь и думные Бояре тотчасъ же позвали его въ залу; Государь всталъ, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь и сказалъ: «Шуринъ Борисъ! Этою цѣпью я, Ѳедоръ Ивановичъ, Царь и Великій Князь всея Руси, беру тебя въ должность къ себѣ и дѣлаю наряду съ собою правителемъ Царства, съ тѣмъ уговоромъ и условіемъ, чтобы ты взялъ съ моей шеи на свою трудное и великое бремя правленія, рѣшалъ всѣ малыя тяжебныя дѣла въ моей землѣ, по своему крайнему разумѣнію и благоразумію, а большія и важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, предлагалъ и подносилъ мнѣ, а безъ воли и вѣдома моего не дѣлалъ и не рѣшалъ ничего, по тому что я вѣнчанный и помазанный Царь и Великій Князь.»

Такъ Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлался правителемъ, правилъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, и несъ свою должность съ такимъ усердіемъ и благоразуміемъ, что многіе дивились тому и говорили, что не было ему равнаго во всей странѣ по смышлености, разуму и совѣту, и прибавляли еще, что, буде Великій Князь умретъ безъ наслѣдниковъ, а сводный братъ его, молодой Димитрій, также оставитъ здѣшнюю жизнь, никого изъ Бояръ и Князей въ странѣ не

будетъ способнѣе и пригоднѣе въ Великіе Князья, кромѣ этого Бориса Ѳедоровича. Когда такія рѣчи стали вездѣ ходить по Москвѣ и, благодаря наушникамъ и лазутчикамъ Бориса, сдѣлались извѣстны ему, онъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію: опираясь на это средство, сталъ онъ придумывать и ухищряться, какъ бы ему всего удобнѣе погубить и искоренить Великокняжескій родъ и семейство, и самому, съ друзьями и потомками, возвыситься до Великокняжескихъ почестей верховной власти и величія.

Теперь на него не было ни какихъ подозрѣній, никто и не замѣчалъ его происковъ, какъ ни сильно старался онъ, къ какимъ ни прибѣгалъ хитростямъ и пронырствамъ, чтобы присвоить себѣ правленіе и добиться скипетра и короны. Его сестра, Великая Княгиня, была безплодна и совсѣмъ не родила дѣтей, а у Русскихъ былъ такой обычай и законъ, что когда у Великаго Князя, или какого ни будь простаго Боярина, гражданина, или Дворянина, жена безплодна и не могла раждать дѣтей, онъ имѣлъ право развестись съ нею, съ вѣдома Патріярха, Епископовъ и монаховъ, отослать ее, въ качествѣ монахини, въ монастырь и взять себѣ другую.

По тому-то Московскія власти и простой народъ и приняли намѣреніе отправить въ монастырь Великую Княгиню, выбрали, вмѣсто ея, сестру Князя Флора Ивановича Zizlphouschis, * родственницу Великаго Князя, самаго знатнаго рода въ странѣ, и хотѣли ее выдать за него замужъ. Но Борисъ думалъ совсѣмъ другое: онъ хитро предупредилъ это, и втайнѣ съ Патріярхомъ, имѣвшимъ главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, устроилъ такъ, чтобы онъ не разрѣшалъ развода и новаго брака. Въ числѣ другихъ причинъ привелъ и ту, что если Великій Князь приживетъ съ другой женой наслѣдника, а молодой Димитрій, который еще живъ и здоровъ, придетъ въ возрастъ, отъ того произойдутъ великое возмущеніе, война и кровопролитіе. Патріярхъ убѣдился этѣмъ, сговорился съ Борисомъ, и оба они устроили такъ, что вышеназванная невѣста была тайно увезена изъ дома: ей обстригли волосы, сдѣлали ее монахиней и сослали въ монастырь, откуда она

* Мстиславскаго; см. Карамзина Ист. Гос. Росс.

никогда не могла выйти, пока была въ живыхъ. Противъ этого никто не смѣлъ и пикнуть, надо было держать себя смирно, по тому что такъ рѣшили Патріархъ и Борисъ, въ рукахъ которыхъ находилось главное управленіе.

Когда же этотъ замыселъ имѣлъ счастливый успѣхъ, Борисъ приказалъ тщательно развѣдать, чѣмъ занимается въ Угличѣ Князь Димитрій, къ чему имѣетъ природное расположеніе, какъ держитъ себя на словахъ и въ поступкахъ, въ нравахъ и пріемахъ.

Но по словамъ и дѣтскимъ играмъ Димитрія было замѣтно, что въ немъ крылась жестокая натура, вліяніе отца, особливо когда онъ чѣмъ ни будь занимался и игралъ съ своими мальчиками. Однажды, забавляясь въ зимнюю пору на льду съ Дворянскими дѣтьми, онъ велѣлъ надѣлать изъ снѣга и льда нѣсколько человѣческихъ статуй, потомъ каждой фигурѣ далъ имя какого ни будь Московскаго Князя и большаго Боярина и сказалъ: «Вотъ это Князь, это Намѣстникъ, это думный Бояринъ, это Канцлеръ, это Казначей, это Борисъ,» и такъ дальше до 20-ти человѣкъ. Послѣ того велѣлъ принести саблю и молвилъ: «Когда буду Великимъ Княземъ, тогда вотъ что сдѣлаю съ большими Боярами», и сперва срубилъ голову у фигуры, представлявшей Бориса Годунова, потомъ у другой руку, у третьей бедро, четвертую закололъ, и такъ далѣе, одну за другою, пока ни одной не осталось. Онъ обнаружилъ въ этой забавѣ свою природную склонность, по тому что

«Urit mature quod vult urtica manere.»

Годъ поживетъ — рогъ наживетъ, два поживетъ — два наживетъ, а три проживетъ — и хозяина сбодетъ (буквально: что хочетъ быть крючкомъ, то скоро закривляется). Отъ того-то Борисъ, сильно желавшій Царскаго вѣнца, и сталъ придумывать, какъ бы заблаговременно сбыть съ рукъ молодаго Князя; по тому что не онъ одинъ, а и многіе другіе Бояре боялись, что Димитрій будетъ весь въ отца по тираніи и жестокости, и всѣ желали, чтобы онъ во время еще отправился въ могилу. Борисъ склонилъ и уговорилъ четырехъ Дворянскихъ дѣтей, придворныхъ Димитрія, ежедневно прислуживавшихъ молодому Князю, подкупилъ ихъ деньгами и, кромѣ того, наобѣщалъ имъ большихъ помѣстьевъ съ крестьянами, если они, какъ Іуда, измѣнятъ своему Господину и

убьютъ его. Они сдѣлали это вотъ какимъ образомъ: однажды ночью подожгли дворецъ, когда же онъ началъ горѣть, и всѣ были въ испугѣ и смятеніи, измѣнники бѣгомъ побѣжали ко дворцу, разбудили Димитрія, зная его привычку вставать съ постели и смотрѣть, какъ горѣло и какъ народъ тушилъ огонь.

Когда онъ всталъ съ постели и сошелъ изъ дворца по лѣстницѣ, четыре вѣроломные Дворянина напали на него, закололи его длинными, отравленными, ножами и побѣжали въ Москву къ Борису, думая получить отъ него большіе милости и подарки за свою вѣрную службу.

Но Борисъ опасался, чтобы не огласилось это коварное дѣло: онъ велѣлъ умертвить этѣхъ убійцъ такимъ же четверымъ злодѣямъ, подкупленнымъ для того деньгами и обѣщаніями, и тайкомъ поджечь во многихъ мѣстахъ Москву, чтобы сгорѣло до сотни дворовъ, и жители не слишкомъ много были бы озабочены смертью убитаго Государя, а больше бы тужили и жалѣли о своемъ собственномъ несчастьи и убыткѣ. Когда пожаръ въ Угличѣ былъ потушенъ, и граждане узнали, что Князь Димитрій зарѣзанъ, они побѣжали во дворецъ и, въ раздраженіи и гнѣвѣ, перебили всю прислугу убитаго, опасаясь, что всѣмъ имъ придется раздѣлываться за молодаго Князя.

Но Борисъ, завѣдывавшій правленіемъ, не удовольствовался тѣмъ: онъ принялъ очень печальный и озабоченный видъ по случаю этого убійства, прикинулся сильно разгнѣваннымъ, чтобы не могли быть замѣчены его происки, наказалъ утопленіемъ, мечемъ и темницей Углицкихъ гражданъ и купцовъ (которыхъ пожаръ и то уже лишилъ домовъ, дворовъ и всего состоянія), и множество ихъ отправилъ въ ссылку въ Сибирь. Онъ притворился, что смерть молодаго Князя глубоко трогаетъ его, плакалъ и рыдалъ передъ народомъ, а сердце прыгало у него отъ радости и удовольствія. Чтобы всѣ въ странѣ знали о смерти Князя, вмѣстѣ съ своими служителями и молодыми Дворянами, онъ отправилъ одного очень знатнаго Князя и Думцу, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), бывшаго послѣ Великимъ Княземъ, и велѣлъ ему тщательно осмотрѣть, истинный ли это Димитрій, или нѣтъ; если окажется истиннымъ, они должны съ почестью и покняжески по-

хоронить его, какъ водится, а дворецъ, какъ мѣсто убійства, сломать. Такъ погубленъ и убитъ былъ истинный Димитрій, родной сынъ Ивана Васильевича, отъ Маріи Өедоровны Нагой (Uagai), на 9-мъ году возраста: это было причиною великихъ убійствъ и кровопролитія, какъ увидимъ далѣе.

Послѣ того, какъ Димитрій былъ устраненъ, и Борису нечего было опасаться, что онъ будетъ ему помѣхою въ его замыслѣ, правитель обратилъ всѣ свои соображенія и усердныя старанія къ тому, чтобы установить миръ и согласіе между Россіею и Швеціею, и чрезъ то получить еще болшее значеніе въ странѣ и внушить простому народу больше покорности и добраго расположенія къ себѣ; по тому что, когда всѣ въ странѣ будутъ смирны и согласны, всякой станетъ жить въ мирѣ и спокойствіи, ни какихъ непріятелей, ни внутреннихъ, ни иноземныхъ, не будетъ, тогда удобнѣе и лучше можетъ онъ вести далѣе и исполнить свой замыслъ. По заключенію мирнаго договора съ Швеціею при Тирѣ (Тявзинѣ), въ 1594 году, Великій Князь, Өедоръ Ивановичъ, жилъ не долго. Послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, онъ умеръ въ 1597 году, и нѣкоторые думаютъ, что Борисъ далъ ему яду.

Когда онъ лежалъ больной и боролся съ смертію, вошла къ нему Государственная Дума и спрашивала: кому, по кончинѣ его, быть Великимъ Княземъ, по тому что Димитрій убитъ и больше никого нѣтъ наслѣдниковъ? Онъ отвѣчалъ, что Государемъ будетъ тотъ, кому, при своей кончинѣ, отдастъ онъ скипетръ. Межъ тѣмъ Великая Княгиня, сестра Бориса, уговаривала Өедора вручить скипетръ брату ея, до сихъ поръ хорошо и усердно правившему страною. Но Великій Князь, чувствуя свой близкій конецъ, и надѣвъ, по Русской Вѣрѣ, монашескій клобукъ, отдалъ скипетръ своему близкому другу, Өедору Никитичу Романову; этотъ, однако жъ, не взялъ его, и подвинулъ, вмѣсто себя, другаго своего брата, Александра, этотъ третьяго, Ивана, тотъ четвертаго, Михаила, послѣдній опять какого-то знатнаго Князя; ни кому не хотѣлось предупреждать другаго; это досадно стало Великому Князю: онъ бросилъ скипетръ и сказалъ: «Пусть же беретъ его, кто хочетъ и можетъ!» Тогда Борисъ, не званый и не прошеный, взялъ его себѣ. Великій Князь послѣ того скончался, и на другой день былъ

похороненъ въ церкви Св. Михаила, возлѣ своихъ предковъ, другихъ Великихъ Князей.

Когда Ѳедоръ Ивановичъ былъ похороненъ, а Борисъ взялъ себѣ скипетръ, другіе большіе Бояре и Русскіе Князья сильно досадовали на правителя, порочили его въ народѣ, говорили съ укоризною объ его низкомъ происхожденіи, о томъ, что не ему слѣдуетъ носить вѣнецъ и скипетръ и царствовать, а другому, изъ древняго Великокняжескаго рода. Но это ни сколько не помогло имъ: вдова Великаго Князя, сестра Бориса, Ирина Ѳедоровна, была очень хитра и ловка въ своихъ происках и затѣяхъ; она хорошо помнила, что куда подается большинство, туда потянутся за нимъ и всѣ, и что всегда одинъ слѣдуетъ за другимъ, гораздо его умнѣе, точно животное за идущимъ впереди стадомъ, болѣе по привычкѣ, нежели по догадкѣ и съ разсчетомъ. Большими обѣщаніями и подарками она тайно склонила Полковниковъ и Капитановъ, чтобы они уговорили подчиненныхъ себѣ воиновъ подавать голоса въ пользу ея брата, преимущественно предъ всѣми другими, когда позовутъ ихъ на избраніе Великаго Князя, такъ какъ братъ ея всегда заботился о пользѣ и благѣ подданныхъ, да въ томъ же духѣ и правилъ страною; подобнаго ему не сдѣлалъ прежде ни одинъ Великій Князь. Этого онъ никогда не забудетъ и предоставитъ пользоваться тѣмъ, если только они окажутъ ему надлежащую помощь въ его дѣлѣ.

Точно такъ же она вела тайные происки со многими знатными монахами и попами по всей странѣ, даже со вдовами и сиротами, которымъ Борисъ, во время своего управленія, пособилъ выиграть и привести къ концу долговременныя ихъ тяжбы, со многими Боярами, Дворянами и купцами, которые, благодаря большимъ обѣщаніямъ и подаркамъ, должны были уговаривать своихъ подчиненныхъ, чтобы выбирали въ Великіе Князья ея брата. Это имѣло счастливый успѣхъ. Какъ скоро шесть недѣль печали прошли, всѣ сословія, высшія и низшія, духовныя и гражданскія, собрались въ Москву, для единодушнаго избранія Великаго Князя. Борисъ Ѳедоровичъ вошелъ въ собраніе Государственныхъ сословій, положилъ скипетръ, сложилъ правленіе и притворился, что не имѣетъ ни желанія, ни охоты управлять дольше, или быть Ве-

ликимъ Княземъ: Князья и большіе Бояре дивились, не зная, что кроется тутъ.

Съ тѣмъ Борисъ Өедоровичъ и ушелъ, а Князья и Бояре стали разсуждать между собою, кто всѣхъ достойнѣе и способнѣе быть Великимъ Княземъ: одинъ указывалъ на другаго, третій на четвертаго. Когда они предложили кого-то и хотѣли подавать голоса, для чего позвали и Дворянъ, вышелъ одинъ старикъ, хорошо знавшій, къ чему клонится дѣло, и сказалъ, отъ имени всѣхъ другихъ: «Господа Князья и думные Бояре! Дѣло, которое теперь рѣшается, принадлежитъ не одному сословію, а всѣмъ вообще, духовнымъ и свѣтскимъ, высшимъ и низшимъ въ странѣ: что всѣ они единодушно положатъ и найдутъ лучшимъ, на то и мы дадимъ свое согласіе и голосъ.» По тому всѣ сословія и собрались вмѣстѣ, духовныя и свѣтскія: они шумѣли и кричали въ одинъ голосъ, такъ что раздавалось въ воздухѣ, говоря: «Много знатныхъ Князей и Бояръ въ странѣ, а мудраго и разсудительнаго Великаго Князя нѣтъ между ними. Борисъ Өедоровичъ будетъ добродѣтельнымъ и благоразумнымъ Государемъ: онъ долго и вѣрно служилъ Отечеству и правилъ имъ такъ, что всякому оказывалась справедливость, богатому и бѣдному, всѣмъ управлялъ, распоряжался, велъ такъ умно переговоры, чего до него никто не дѣлалъ, сколько ни существуетъ Русское Царство. А по тому они всѣ и придумали выбрать и имѣть Великимъ Княземъ только его, и никого другаго.» Этотъ крикъ не со всѣмъ-то пріятно отозвался въ ушахъ многихъ Князей и Бояръ, но надо было по неволѣ слушать и сдерживать себя. Послали за Борисомъ, но онъ отказался пріити, не хотѣлъ соглашаться на ихъ выборъ и быть Великимъ Княземъ, мастерски съумѣлъ притвориться, удалился въ монастырь, къ сестрѣ, вдовѣ Великаго Князя, за малую полумилю отъ Москвы, желая посовѣтоваться съ ней, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ? Не сдѣлаться ли ужь ему монахомъ, не постричься ли въ монастырѣ, чтобы никто не подумалъ, что онъ искалъ Царскаго вѣнца? Со всѣмъ тѣмъ, еще до отъѣзда изъ Москвы, онъ наказалъ своимъ лучшимъ друзьямъ и клевретамъ, чтобы они не щадили трудовъ для подъущенія черни, чтобы она не зѣвала въ этомъ дѣлѣ и не мѣшкала долго, но поскорѣе приводила бы его къ концу, прежде чѣмъ Борисъ успѣетъ выстричь

себѣ плѣшину. По томъ уже будетъ поздно, и по всей Руси нельзя будетъ найти Государя, подобнаго ему по добродѣтели, мужеству и способностямъ.

Отъ этого-то великій шумъ и гамъ поднялся между простымъ народомъ; Бояре принуждены окончить совѣщаніе, пойти, вмѣстѣ съ чернью, къ монастырю и поступить, какъ будетъ нужно и полезно для этого дѣла.

Когда сословія собрались и единодушно положили, что не хотятъ имѣть Великимъ Княземъ никого другаго, кромѣ вышепомянутаго Бориса, отправились къ монастырю самые старые сѣдобородые старики изъ монаховъ и Священниковъ, Князей и Дворянъ, Боярскихъ дѣтей и воиновъ, гражданъ и купцовъ, и желали говорить съ Борисомъ. Но онъ не пустилъ ихъ къ себѣ, а велѣлъ имъ сказать, чтобы они не просили его въ Великіе Князья: они ничего не возьмутъ своими просьбами; онъ довольно послужилъ уже міру, наскучилъ и утомился труднымъ правленіемъ, и хочетъ теперь покоя и тишины. Но тутъ народъ сталъ кричать такъ громко, что раздавалось въ небѣ:

«Окажи намъ милость, Государь, Борисъ Ѳедоровичь, смилуйся надъ нами, разсѣянными и безгосударными, не потяготись быть нашимъ Великимъ Княземъ!» Они не переставали кричать до тѣхъ поръ, пока онъ не показался: благодарилъ ихъ за предложенную честь и указывалъ на знатныхъ Князей и большихъ Бояръ, знаменитѣе его родомъ, умнѣе и разсудительнѣе его. Но они не хотѣли слушать ни какихъ убѣжденій, упрямо стояли на своемъ, пали лицемъ на земь, по временамъ поднимаясь и вопили: «Смилуйся надъ нами, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, послушайся насъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ!» Онъ притворился, будто не слышитъ, и ушелъ опять въ монастырь. Безнадежные, пошли они въ городъ, и послали нѣсколько тысячь малютокъ, которые на другой день подошли къ монастырю, начали жалобно причитать и горько рыдать, чтобы онъ склонился: «Смилуйся, надъ нами, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, смилуйся и выслушай насъ милостиво: если не хочешь оказать милости нашимъ родителямъ, окажи милость намъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ! Отцы наши, можетъ быть, сдѣлали тебѣ какое ни будь зло и провини-

лись передъ тобою, по тому что ты не хочешь слушать ихъ просьбы; но мы не виноваты и не сдѣлали тебѣ ни какого худа: будь же Государемъ и Великимъ Княземъ надъ этѣмъ большимъ народомъ: земля наполнена заблудшими овцами, не имѣющими пастыря. Ради Бога, будь нашимъ пастыремъ! Богъ наградитъ тебя за то.»

Послѣ такихъ жалостныхъ причитаній, Борисъ явился къ нимъ въ другой разъ съ сестрою, вдовою Θедора Ивановича, и отказался быть Великимъ Княземъ. Тогда дѣти обратили свои мольбы и вопли къ его сестрѣ: пусть она сжалится надъ заблудшими овцами, упроситъ, уговоритъ брата не отвергать ихъ, а принять въ свою милость и быть у нихъ Великимъ Княземъ. Она упрашивала его склониться на просьбы и дать добрый отвѣтъ опечаленному народу; тогда онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: «Видя и зная, что множество народа изъ всѣхъ сословій утруждаетъ здѣсь себя безпрестанными мольбами и просьбами, узнаю изъ того волю Божію на то, чтобы быть мнѣ Государемъ на Руси.

Но чтобы еще лучше узнать и убѣдиться въ изволеніи Божіемъ, прошу отложить это дѣло на нѣсколько недѣль: пусть военныя власти, Капитаны и всѣ урядники, съ подчиненными имъ войсками, и Боярскіе дѣти всей земли явятся по доброй волѣ въ слѣдующемъ Іюнѣ, въ Серпуховъ (Zirpokovv), противъ Татарина, который сбирается вторгнуться въ страну съ большими силами: это покажетъ ясно, что всѣ сословія въ самомъ дѣлѣ желаютъ выбрать его своимъ Государемъ.

Когда, по его приказанію, Боярскіе дѣти, Дворянство и всѣ войска, до 200 тысячь человѣкъ, явились въ срокъ у Серпухова, прибыли туда же посланники изъ Персіи и отъ Татаръ: ихъ тотчасъ же выслушали, поспѣшно условились о мирѣ съ Татарами, посулили имъ ежегодную дань, дали подарки и велѣли имъ возвращаться домой. Персидскаго посланника также съ большими подарками проводили за границу.

По отправленіи пословъ, Борисъ не только роздалъ годовое жалованье войску, но и подарки въ золотыхъ монетахъ, шелковыхъ тканяхъ и бархатѣ; пригласилъ ихъ на пиръ, въ открытомъ

полѣ, угощалъ отличнымъ образомъ кушаньями и напитками, разными медами и водкой, въ благодарность имъ наговорилъ ласковыхъ словъ и большихъ обѣщаній и обнадежилъ, что будетъ такъ заботиться о нихъ и подданныхъ въ странѣ, что они станутъ жить припѣваючи.

Такими пышными обѣщаніями, отличнымъ угощеніемъ, необыкновенными суммами денегъ и подарками Борисъ расположилъ и привязалъ къ себѣ все низшее Дворянство и войско: на зло большимъ Боярамъ они полюбили его за кротость, добродѣтель и ласковое обращеніе, подъ открытымъ небомъ объявили и провозгласили его Царемъ и Великимъ Княземъ, присягнули ему и клялись всѣмъ для него пожертвовать; такимъ-то образомъ и сбылась одна старинная поговорка: «Pecuniae obaediunt omnia. In pretio pretium est. Dat census honores. Qui habet dare, habet regnare.

Теперь Борисъ отправился съ войскомъ въ Москву; никто не смѣлъ и пикнуть противъ него; при входѣ его народъ на улицахъ кричалъ: «Дай Богъ здоровья и долгоденствія нашему Великому Князю!» Граждане убрали и украсили домы березками и цвѣтами; всѣ были веселы и довольны, и повели его въ церковь Св. Маріи, гдѣ Патріархъ вѣнчалъ его Царскимъ вѣнцомъ, облачилъ въ Великокняжескія одежды и украшенія, не смотря на ропотъ большихъ Бояръ. 1-го Сентября, 1597 года. Послѣ вѣнчанія онъ тотчасъ же велѣлъ взять подъ стражу нѣсколькихъ Князей и большихъ Бояръ, которые не желали ему Царскаго величія, а сами бы охотно сдѣлались Великими Князьями, и безъ всякаго милосердія отнялъ у нихъ все имущество: теперь онъ царствовалъ въ полной безопасности, безъ всякаго сопротивленія.

Послѣ всѣхъ этѣхъ происшествій, онъ подтвердилъ и возобновилъ прежніе мирные договоры съ сосѣдними Королями и Государями и дѣлалъ все, что могло служить къ общей пользѣ и благоденствію страны; землевладѣльцы въ короткое время очень разбогатѣли и находились въ хорошемъ положеніи. При вѣнчаніи онъ далъ обѣтъ не проливать, въ продолженіи 5-ти лѣтъ, ни чьей крови, а наказывать за всѣ преступленія изгнаніемъ, или ссылкою, въ Сибирь и другія очень отдаленныя мѣста; въ свое царствованіе онъ давалъ замѣтить, что хочетъ изъ Германіи, Англіи и

Франціи выписать свѣдущихъ и ученыхъ людей, которые должны будутъ учить и наставлять его юношество во всѣхъ языкахъ, добрыхъ нравахъ и свободныхъ искуствахъ. Но духовныя лица ни какъ не хотѣли согласиться и дозволить того: они представляли, что земля ихъ велика и обширна, согласна въ Вѣрѣ, нравахъ и языкѣ; если же Москвитяне научатся другимъ языкамъ, отъ того выйдутъ большіе раздоры и несогласія между ними: тогда отпадутъ они отъ своей древней Греческой Вѣры, и за тѣмъ послѣдуетъ погибель странѣ.

Такъ это и осталось; однако жь онъ все же послалъ 18-ть молоденькихъ мальчиковъ изъ низшаго Дворянства учиться иностраннымъ языкамъ и искуствамъ; трое изъ нихъ пріѣхали потомъ въ Швецію, служили при Дворѣ Короля Карла IX, блаженной памяти, и получали значительное жалованье.

Онъ позволилъ свободно ѣздить въ его землю и выѣзжать изъ нея для торговли плѣннымъ Ливонскимъ купцамъ, и для того велѣлъ дать имъ изъ казначейства, однимъ по 300, другимъ по 400 червонцевъ: они могли пользоваться этѣми деньгами, не платя ни какихъ процентовъ, пока онъ не потребуетъ ихъ назадъ, чего, однако жь, не было, да никогда и не будетъ, по тому что и купцы и Великій Князь умерли.

Въ 1599 году, онъ отправилъ двоихъ пословъ: одного въ Торунь, въ Пруссіи, а другаго въ Ригу, въ Ливоніи, съ большими подарками къ сыну Короля Шведскаго, Эрика XIV, Густаву; послы должны были уговаривать, убѣждать и склонять Принца, чтобъ онъ долѣе не бродилъ по свѣту изъ мѣста въ мѣсто и не терпѣлъ великой бѣдности и изгнанія, а отправился бы къ Борису въ Россію, который дастъ ему Княжеское содержаніе, не какъ Великій Князь и Государь, но какъ отецъ, на все время его жизни, или пока будетъ угодно Принцу; а если не будетъ угодно, въ его волѣ останется уѣхать, куда пожелаетъ, со всѣми служителями и имуществомъ. Борисъ послалъ къ нему потомъ и опасную грамоту, которую Густавъ, уѣзжая въ Россію, отдалъ на сохраненіе одному знатному гражданину въ Ригѣ.

Получивъ такое обѣщаніе и опасную грамоту, Густавъ отправился въ Россію. Тамъ сперва сдѣлали ему великолѣпный и тор-

жественный пріемъ, проводили въ Москву, въ дорогѣ превосходно угощали кушаньями и напитками, какъ слѣдуетъ Королевскому сыну. Борисъ надарилъ ему и бывшимъ съ нимъ служителямъ нѣсколько сотенъ червонцевъ, разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій, бархату, атласу, камки, золотыхъ вещей, превосходнаго сукна и тафты на платье, разныхъ прекрасныхъ мѣховъ, собольихъ, куньихъ, рысьихъ и лисьихъ; сверхъ того подарилъ ему лошадей, сѣдла и поводья, и наконецъ весь Княжескій столовой приборъ, тарелки, блюда, штофы, подносы, чтобы у него ни въ чемъ не было недостатка для Княжескаго стола и содержанія. Эта Великокняжеская щедрость продолжалась два года, пока Великій Князь не велѣлъ предложить ему, что если онъ откажется отъ своей Вѣры, перекрестится и приметъ Русскую, Борисъ не только будетъ ему вмѣсто отца и выдастъ за него свою дочь, но и поможетъ ему сдѣлаться Королемъ въ Швеціи. Знаменитый Господинъ ни какъ не хотѣлъ изъявить на это согласіе Великому Князю и говорилъ, что если ему нельзя будетъ достать жену другимъ образомъ, а не отреченіемъ отъ Вѣры и разореніемъ его любезнаго отечества, то онъ лучше весь свой вѣкъ останется холостымъ и умретъ самою страшною смертью. Принцъ тотчасъ же потребовалъ себѣ отпуска и позволенія выѣхать изъ страны; но такъ какъ очень ужь дерзко ссылался на опасную грамоту и обѣщанія Великаго Князя, ему не стали оказывать такого высокаго уваженія, какъ прежде, и со дня на день убавляли его содержаніе. Великій Князь подговорилъ одного изъ служителей Принца, Кенигсбергскаго уроженца, по имени Якова Шульта, чтобъ онъ укралъ у него печать и написалъ отъ имени его письмо къ Рижскому гражданину, съ просьбою, безъ отговорокъ выслать ему опасную грамоту. Тотъ такъ и сдѣлалъ, полагая, что такова воля Принца, по тому что видѣлъ его письмо и печать.

Доставъ грамоту, Великій Князь полагалъ, что Густавъ навѣрное уступитъ его желанію, приметъ Русскую Вѣру и будетъ сообразжаться съ его приказаніями. Это, однако жь, не помогло. Густавъ сказалъ, что Королю и Князю должно имѣть, какъ пишетъ Baldus, Cons. 327, «unum calamum et unam linguam. Quia scriptum est, quae processerunt de labiis meis, non faciam irrita.» То есть: «онъ не долженъ обращать въ ничто слова, которыя

когда ни будь сказали его уста»; къ тому же Королю и Государю слѣдуетъ наблюдать то, что имѣетъ Царь Давидъ въ Псалмѣ 62: «Semel loquutus est Deus,» т. е., «Единою глагола Богъ» (Псал. 61, 12). Тѣмъ онъ хочетъ дать знать, что Царь и Король долженъ вѣрно держать обѣщаніе и данное слово, и не противорѣчить себѣ въ томъ, что разъ посулилъ и обѣщалъ. Но это не можетъ имѣть какое ни будь значеніе у варварскихъ Государей; отъ того Государь Густавъ очень унывалъ и тужилъ, проводилъ время въ прилежномъ ученіи и въ занятіяхъ Алхиміею, отъ чего и повредился въ умѣ: не бралъ въ ротъ ни куска, высказывалъ прямо (особливо, когда пируетъ и напьется крѣпкаго вина), иногда въ шутку, иногда въ самомъ дѣлѣ, что у него на душѣ; а одинъ разъ, межъ шутокъ съ Великокняжескимъ лѣкаремъ, сказалъ:

«Если Великій Князь не позволитъ ему выѣхать изъ страны, по своему обѣщанію и клятвѣ, онъ подожжетъ городъ и сейчасъ же убѣжитъ.» Что же вышло? Лѣкарь на другой день далъ знать объ этомъ одному изъ думныхъ Бояръ Великаго Князя, по имени Семену Никитичу (Michitivvitz), а этотъ немедленно Великому Князю, на что послѣдній такъ разсердился и озлобился, что далъ рѣшительный приказъ одному большому Боярину, Степану Васильевичу, взять назадъ у Принца всѣ его серебряныя украшенія, платья, сбрую и утварь, содержать его подъ крѣпкою стражей и нѣсколько дней не давать ему ни ѣсть, ни пить.

Однако жь, спустя нѣсколько дней, смягчился, далъ ему на житье и содержаніе Углицкое Княжество, съ условіемъ, впрочемъ, чтобы этою областью управляли Русскіе Бояре, данные ему въ услуженіе, собирали съ нея доходы и давали ему изъ собраннаго, сколько нужно на содержаніе его и служителей: тамъ онъ и жилъ до кончины Великаго Князя. Когда же правленіе принялъ Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeia), первый Лжедимитрій, Принца отправили въ городъ Ярославль, гдѣ содержали его не лучше плѣнника, за то только, что онъ больше расположенъ былъ къ Шведскому Королю, Карлу IX, нежели къ Польскому, Сигизмунду III.

По смерти Гришки, по приказанію Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), перевели его оттуда въ городъ Кашинъ (Casin), гдѣ снабжали его пищей, напитками и другими удобствами, не много лучше, чѣмъ при Гришкѣ. Онъ оставался тамъ до

самой своей смерти, въ 1607 году, и былъ похороненъ за городомъ въ прекрасной, часто посѣщаемой для гулянья, березовой рощѣ, которую видѣлъ собственными глазами, не только я, но и Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ нѣкоторыми другими лицами, и можемъ это засвѣдѣтельствовать. Отъ того-то и нельзя считать вѣрнымъ извѣстіе Мартина Бера, что Густавъ похороненъ въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (Mitroſzolonski), по тому что Русскіе, по своему обычаю, ни какъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ освященномъ мѣстѣ, въ церкви, или въ монастарѣ.

Не склонивъ ни какими средствами Густава къ войнѣ съ его отечествомъ, Великій Князь Борисъ Годуновъ сговорился съ нѣсколькими иностранцами, въ числѣ которыхъ главнымъ коноводомъ былъ Кондратъ Буссъ, чтобы хитростью и обманомъ привести городъ Нарву изъ подъ власти Шведской Короны во власть Москвы. Но это имѣло не лучшій успѣхъ, такъ какъ нѣкоторые были при этомъ захвачены, лишились головы и были колесованы: они получили заслуженную награду, и ни кого не должны благодарить за нее, кромѣ своего вѣроломнаго предводителя.

Такъ какъ замыслы Великаго Князя, не имѣли ни какого успѣха у Шведскаго Короля, то онъ обратился къ Датскому, заключилъ тѣсный союзъ и дружбу съ Свѣтлѣйшимъ Королемъ, Христіяномъ IV, и такъ повелъ дѣло, что родной братъ Короля, Герцогъ Гансъ, пріѣхалъ наконецъ къ нему съ значительною дружиной — жениться на его дочери, Аксиньѣ Борисовнѣ (Axinia Borissovva), которая сначала назначалась въ жены Густаву. Но это такъ и осталось, по тому что Герцогъ былъ въ живыхъ въ Москвѣ не больше 6-ти недѣль и похороненъ Датскими Совѣтниками и нѣсколькими Русскими Боярами въ Слободѣ, въ четверти мили отъ города, въ Нѣмецкой деревянной церкви.

Но выше названный Герцогъ имѣлъ пріемъ гораздо пышнѣе и торжественнѣе своего двоюроднаго брата, Герцога Магнуса, а по тому я и разскажу о томъ въ короткихъ словахъ. Высокородный Князь, Герцогъ Гансъ, прибылъ въ Москву 19 Сентября, 1602 года; въ одной мили отъ города, на красивой и ровной полянѣ, находилось нѣсколько тысячъ верховыхъ, очень нарядно

одѣтыхъ, знатнѣйшіе Бояре въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, лошади богато убраны въ серебряную и позолоченную сбрую; тамъ были вмѣстѣ Русскіе, Татары, Нѣмцы и Поляки, и всѣ они находились въ придворной и военной службѣ у Великаго Князя. Когда Герцогъ приблизился съ провожавшими его, къ нему подъѣхали Русскіе Князья и Бояре и тотчасъ же сошли съ коней. Въ ту же минуту сошелъ съ коня и Герцогъ, Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге, Христіянъ Голькъ, Гейнрихъ Вульфъ, Герлоффъ Неттельгорстъ, Гарлоффъ Дуа, Отте Браръ, Матѳій Кунтсенъ, Д. Леонардъ Метцнеръ, Д. Іоргенъ Веберъ, Д. Іоганнъ Мюле и нѣсколько другихъ знатныхъ вельможъ; Москвитяне подошли къ Герцогу очень смиренно и почтительно, приклонивъ голову къ землѣ, и приняли его со всѣмъ почетомъ.

Послѣ сдѣланнаго пріема и произнесенной рѣчи, Герцогу подарена была отъ Великаго Князя прекрасная, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, въ сѣдлѣ изъ позолоченнаго серебра, попонѣ изъ золотой парчи, нашейникѣ, тоже изъ золоченнаго серебра, съ двойными уздечками для красоты, по Русскому обычаю, похожими на постромки. Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге и Христіянъ Голькъ также получили въ подарокъ прекрасныхъ лошадей съ нарядными сѣдлами, уздами, серебрянными нашейниками и въ сбруѣ, обитой серебрянными и позолоченными наугольниками и пряжками; Гоффъ-Юнкеры и Офицеры получили тоже красивыхъ лошадей въ нарядной сбруѣ, также и всѣ большіе и малые люди при Герцогѣ.

Всѣ они сѣли опять на коней и поѣхали въ порядкѣ; а въ городѣ Герцога со всѣмъ, находившимся при немъ народомъ, провожали очень торжественно и ввели на большой дворъ возлѣ Кремля; Великій Князь велѣлъ звонить въ большой Кремлевскій колоколъ, издававшій сильный звонъ: это былъ радостный звонъ для входа Принца.

20 Сентября Великій Князь прислалъ въ пребываніе Принца 100 кушаньевъ на блюдахъ изъ чистаго и яркаго золота, очень большихъ и толстыхъ; ихъ было до 200, по тому что на всякомъ кушаньѣ было еще блюдо для покрышки; прислалъ также и разныхъ напитковъ: пива, меду, вина и водки, въ золотыхъ и по-

золоченныхъ кубкахъ и широкихъ чашахъ, которыхъ тоже было очень много.

28 Сентября Герцогъ, со всѣми его людьми, былъ приглашенъ Великимъ Княземъ въ гости и позванъ въ Кремль. Всѣ они самымъ вѣжливымъ образомъ были угощаемы прислугою Великаго Князя; самъ же онъ обдарилъ ихъ верховыми лошадьми. Сначала пришелъ Канцлеръ Аѳанасій Frassi Ивановичъ, съ большою толпою Русскихъ Дворянъ, очень нарядно одѣтыхъ, и сдѣлалъ приглашеніе Герцогу. Когда этотъ былъ готовъ, Русскіе въ порядкѣ поѣхали впередъ, а Герцогъ, съ бывшими при немъ людьми, за ними, то же въ порядкѣ; нѣсколько тысячъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ стрѣльцовъ стояли по обѣимъ сторонамъ, отъ жилища Принца до залы, гдѣ находился Великій Князь.

За людьми Князя слѣдовало великое множество Русскихъ до Кремля, ко дворцу Великаго Князя; передъ дворцомъ стояли иностранцы Великаго Князя, Нѣмцы и Поляки, въ ихъ лучшемъ платьѣ, одѣтые по Польски и по Нѣмецки. Вошедши во дворецъ, Герцогъ со всѣми его людьми былъ проведенъ одною хорошо расписанной и позолоченной комнатой въ другую, въ которой стѣны сплошь были увѣшаны Турецкими и Персидскими коврами.

Когда Герцовъ вошелъ въ Великокняжескій покой, тамъ стоялъ Великій Князь съ его сыномъ, прекрасно одѣтые въ длинные бархатные кармазиннаго цвѣта кафтаны, и съ головы до ногъ облитые драгоцѣнными каменьями, особливо на головѣ и на груди такъ, что сіяли, какъ звѣзды.

Подошедши къ Великому Князю съ большимъ почтеніемъ, онъ былъ принятъ имъ и его сыномъ очень ласково и привѣтливо и тотчасъ былъ выслушанъ. По обѣимъ сторонамъ Великокняжеской комнаты стояло множество Русскихъ Бояръ, Князей и Совѣтниковъ: всѣ они одѣты были въ золотую парчу, выложенную жемчугомъ и золотомъ.

По окончаніи пріема, когда наступило время обѣда, Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ пошелъ къ столу, въ большую залу со сводомъ, прекрасно расписанную и убранную.

Кресло Великаго Князя было золотое, столъ серебряный, съ позолоченными ступенями, вокругъ стола лежалъ тканый съ золотомъ коверъ. Съ потолка залы спускался превосходной работы вѣнецъ, въ которомъ находились золотые часы. По срединѣ возвышался большой четвероугольный столбъ, на которомъ, сверху до низу, стояло столько золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, большихъ чашъ, стклянццъ и бокаловъ, что просто диво!

Въ передней же залѣ кругомъ находилось такое множество золотыхъ и серебряныхъ чашъ и блюдъ, съ разною другою большою посудой, въ видѣ разныхъ большихъ звѣрей, что и не повѣрятъ, если сказать

Какъ только Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ сѣли за столъ, Русскіе Князья и Бояре размѣстились за однимъ столомъ, а люди, пришедшіе съ Герцогомъ, за другимъ, каждый по своему званію. Потомъ за другіе столы сѣли низшіе Русскіе Бояре, Нѣмцы, Поляки и Татары, каждый народъ особо, и Русскіе Гоффъ-Юнкеры (Камеръ-Юнкеры) должны были смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ говорить съ иностранцами, подъ страхомъ лишенія Великокняжеской милости. Какъ только всѣ усѣлись, Великій Князь, осмотрѣвъ за своимъ столомъ, одно послѣ другаго, всѣ кушанья, которыхъ было 200, велѣлъ своимъ Стольникамъ подавать ихъ въ золотыхъ блюдахъ на другіе столы, приговаривая, что Великій Князь жалуетъ тѣмъ гостей. То же было и съ напитками, которые разносились въ большихъ золотыхъ чашахъ, кубкахъ и другой посудѣ.

Послѣ обѣда Великій Князь и его сынъ подарили Герцогу по превосходной золотой цѣпи, которыя сняли съ себя и надѣли ему на шею. Цѣпи были богато украшены драгоцѣнными каменьями высокой цѣны. Великій Князь подарилъ еще Герцогу много серебряной посуды, много дорогой одежды, золотой парчи, карандашей (Bliant), бархата, камки, атласу разныхъ цвѣтовъ, нѣсколько сороковъ дорогихъ соболей, куницъ, рысей, черныхъ лисицъ и разныя другія вещи.

Но довольно о пріѣздѣ Принца и о томъ, что случилось съ нимъ въ этой странѣ. Теперь обратимся далѣе, къ другимъ предметамъ.

Вскорѣ, по смерти Герцога, прибылъ къ этому Великому Князю вѣстникъ или гонецъ отъ Турецкаго Султана, съ большими подарками, для заключенія съ нимъ союза и дружбы. Но Борисъ отказалъ въ томъ, не хотѣлъ и принимать его подарковъ, а отослалъ ихъ назадъ съ кафтаномъ изъ свиной кожи, кошелькомъ, обложеннымъ серебряной парчей, salvo honore — набитымъ свинымъ каломъ и зашитымъ, и сказалъ, что такъ какъ Турокъ величайшій и заклятый врагъ всего Христіянства и ведетъ жестокую войну съ его братомъ, Римскимъ Императоромъ, то онъ не можетъ быть другомъ его, а непріятелемъ на всю жизнь, и будетъ его противникомъ во всемъ, на сколько у него достанетъ силы.

Знаменитый Цесарскій вольный Имперскій городъ Любекъ и нѣкоторые другіе знатные Ганзейскіе города также прислали туда своихъ знатныхъ пословъ, съ большими позолоченными кубками и бокалами, числомъ до 20, и между ними прекрасный золоченый корабль, очень замысловато и искусно сдѣланный, со всѣми принадлежностями, и двуглавый орелъ, наполненный кораблениками и Угорскими червонцами, за что получили они свои старыя права на всякую торговлю въ Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ, такъ что могли разъѣзжать по странѣ безпрепятственно, какъ и когда бы ни захотѣли.

Такія же преимущества получили тоже Голландцы и Англичане: имъ дозволялось вести торговлю въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ они постоянно круглый годъ имѣли своихъ прикащиковъ.

Вообще этотъ Великій Князь старался своимъ правленіемъ пріобрѣсти себѣ великую славу и имя у иноземныхъ народовъ и заботился о пользѣ и благосостояніи подданныхъ. Онъ поправилъ и построилъ не только много зданій и домовъ въ Москвѣ и Смоленскѣ, но и толстыя крѣпкія стѣны. На границѣ съ Крымскими Татарами, для защиты отъ ихъ набѣговъ, онъ велѣлъ построить двѣ деревянныя крѣпости: одну изъ нихъ назвалъ по своему имени Борисгородъ, другую по имени всѣхъ Царей и Великихъ Князей — Царьгородъ, и искренно расположенъ былъ ко всей странѣ.

Хотя онъ и былъ искренно привязанъ къ странѣ и ея жителямъ, но много тамъ было большихъ Князей и Бояръ духовнаго и свѣтскаго званія, которые питали къ нему тайную злобу и ненависть и очень завидовали ему въ томъ, что онъ достигъ верховной власти. Однако жь не нашлось никого, кто захотѣлъ бы затронуть лисицу, или сколько ни будь дать замѣтить свое нерасположеніе, по тому что тѣ, которые сдѣлали это первые, два Богдана, Бѣльскій и Микитьевичъ (?), не получили отъ того ни какой прибыли, но были посажены за то въ темницу, подверглись пыткѣ и лишились всего состоянія.

Отъ того-то Борисъ и продолжалъ все царствовать до тѣхъ поръ, пока не явился одинъ отчаянный монахъ, выдавшій себя за Димитрія, не свергнулъ его съ царства и не поступилъ съ нимъ, его родными и друзьями, точно такъ же, какъ самъ онъ поступилъ прежде съ законнымъ Великокняжескимъ родомъ. Этотъ монахъ, по настоящему своему имени, назывался Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia) и происходилъ изъ мелкаго дворянскаго рода въ Ярославскомъ Княжествѣ. Такъ какъ въ молодости былъ онъ необыкновенно даровитъ на всякія продѣлки и мошенничество, «omnium bipedum nequissimus», то родители и отдали его въ монастырь Trinouka, чтобы тамъ обуздать его своевольный нравъ, подъ строгимъ монашескимъ уставомъ, и пріучить его къ благочестивой, богобоязненной жизни. Но Гришка или Григорій совсѣмъ не имѣлъ охоты къ монастырской жизни: монашеская плоть была не по немъ; при своемъ хитромъ, остромъ, превосходномъ умѣ, онъ свелъ еще короткое знакомство съ однимъ лукавымъ монахомъ, тоже не очень преданнымъ Великому Князю. Замѣтивъ, что таилось въ Гришкѣ, монахъ познакомилъ его съ Русскими лѣтописями и происшествіями и научилъ многимъ мошенническимъ продѣлкамъ, по тому что онъ былъ чернокнижникъ, ловкій и способный на всякія дѣла, а Гришка имѣлъ большое понятіе и расположеніе ко всему подобному. Монахъ думалъ, что изъ него выйдетъ что ни будь необыкновенное, особливо по тому, что у него на правой рукѣ и на носу былъ такой же знакъ, какъ и у Димитрія, убитаго сына Ивана Васильевича; онъ имѣлъ такое же маленькое лицо, жесткіе, черные волосы, былъ низкаго роста и коренастаго сложенія. Монахъ и Гришка ушли изъ мона-

стыря, а тамъ и совсѣмъ изъ страны, пришли въ Кіевское Княжество; монахъ научилъ его всѣмъ Государственнымъ дѣламъ, разсказалъ ему въ наученіе все, что было нужно для его предпріятія: какъ расположены къ Борису большіе Бояре въ Москвѣ, какъ ему надо будетъ поступить въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому (VVesnevvetzki) и, если представится случай, разсказать ему про свое несчастіе и горе: со слезами на глазахъ и жалостными тѣлодвиженіями; что Великій Князь, Борисъ Годуновъ, старался убить его въ молодыхъ его лѣтахъ, и что Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ его и избавилъ отъ смерти. Гришка во всемъ долженъ держать себя такъ, какъ училъ и настраивалъ его монахъ, и потомъ со временемъ сдѣлается Великимъ Княземъ и царствующимъ Государемъ всея Россіи.

Совѣтъ очень понравился Гришкѣ и былъ то же, что фаршированное жаркое для его рта, по тому что за чѣмъ пошелъ онъ, то и нашелъ: рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалека; чортъ не выдумывалъ еще ничего такого гнуснаго и злаго, чего не съумѣли бы привести въ дѣло безбожные монахи, * по свѣдѣтельству поэта:

«Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
Atsi juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebunt Erebi depopulare domum.»

Научивъ Гришку всему, монахъ простился съ нимъ и вернулся опять въ Русь, въ широкую степь къ Козакамъ, распустилъ между ними такую молву, что ему извѣстно доподлинно, что законный наслѣдственный Государь всѣхъ Русскихъ, Дмитрій Ивановичъ, котораго нынѣ царствующій въ Москвѣ Великій Князь хотѣлъ въ Угличѣ умертвить, на самомъ дѣлѣ живъ и пользуется большимъ значеніемъ и почетомъ въ Литвѣ, у Князя Адама Вишневецкаго; Козаки должны поступить къ нему на службу: онъ

---

* Въ обидныхъ отзывахъ о монахахъ слышимъ Лютеранина, да еще XVI вѣка. Шерръ, въ своей «Kultur-Geschichte,» и Менцель въ «Geschichte der Deutschen,» приводятъ много примѣровъ тогдашняго презрѣнія Лютеранъ къ монахамъ.

наградитъ ихъ лучше и дастъ имъ жалованье большее, чѣмъ Борисъ. Монахъ прожилъ довольно времени въ степяхъ у Козаковъ, пока не привелъ въ исполненіе того, что началъ, какъ мы и скажемъ потомъ.

Между тѣмъ тотъ плутъ, который назвался Димитріемъ, поступилъ въ службу къ Адаму Вишневецкому, и находился у него довольно времени въ качествѣ комнатнаго служителя, упражнялся во всякихъ рыцарскихъ играхъ, въ фехтованьи, борьбѣ, въ умѣньи владѣть копьемъ и примѣрныхъ сраженіяхъ. Разъ случилось, что когда Князь былъ въ банѣ, Гришка позабылъ захватить съ собой что-то нужное для барина; Князь сгоряча далъ ему пощечину и назвалъ его блядинымъ сыномъ. Это сильно разобидѣло Гришку: онъ горько заплакалъ и сказалъ съ жалостнымъ выраженіемъ: «Милостивый Князь Адамъ! Если бы ты зналъ, кто я, ты не ругалъ бы меня такъ, тѣмъ менѣе ударилъ бы изъ за пустяковъ по шеѣ; но такъ какъ я твой слуга, и ты меня совсѣмъ не знаешь, то я и долженъ переносить все это терпѣливо.»

«Что же ты такое?» отвѣчалъ Князь. Какъ звать тебя? Откуда пришелъ ты?» Вышколенный монашескій ученикъ выдалъ себя за сына Московскаго Великаго Князя, Ивана Васильевича, разсказалъ все по порядку, какъ проходило его дѣтство, какъ нынѣ царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ, выгналъ его изъ его царства, искалъ его жизни, какъ избѣжалъ онъ того и кто его спасъ, какъ, вмѣсто его, убитъ былъ въ Угличѣ одинъ поповичъ, похожій на него по одеждѣ, возрасту и наружности; сколько времени прожилъ онъ въ монастырѣ съ монахами и въ Литвѣ, пока еще не отправился ко двору Адама; показалъ ему дорогой золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, который будто бы далъ ему при крещеніи крестный отецъ, упалъ Князю въ ноги и говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Отдаюсь въ твою власть: дѣлай со мною, что угодно; не хочу дольше жить въ такомъ несчастіи, уничиженіи и горѣ! Но если пособишь мнѣ выручить мое отцовское наслѣдіе, законно слѣдующее мнѣ отъ Бога и людей, за это будетъ богатая расплата и награда, когда Богъ мнѣ поможетъ.»

Этѣ слова поиспугали Князя Адама: онъ не зналъ, что и сказать ему вдругъ на это; но такъ какъ Гришка былъ уменъ и остороженъ въ словахъ и благоразумно распоряжался своими тѣлодвиженіями, Князь повѣрилъ ему и подумалъ, что все это такъ и было, просилъ его не обижаться пощечиной, подождать въ банѣ и не выходить изъ нея до тѣхъ поръ, пока онъ не пришлетъ къ нему посла, потомъ пошелъ къ женѣ, разсказалъ ей объ этомъ происшествіи и велѣлъ въ поварняхъ, погребахъ и комнатахъ дѣлать такія приготовленія, какъ будто хотѣлъ угощать вечеромъ Великаго Князя Московскаго: на его дворѣ было странною и чрезвычайною новостью, что Великій Князь пріѣдетъ изъ Москвы такъ скоро.

Князь Адамъ велѣлъ снарядить шесть красивыхъ коней съ дорогими сѣдлами, уздечками, пистолетами и всѣми принадлежностями, и при каждомъ поставилъ служителя, одѣтаго въ лучшее платье, велѣлъ также приготовить и Великокняжескую коляску и запречь въ нее шесть лошадей, а комнаты убрать лучшимъ образомъ богатыми Персидскими коврами, такъ что всѣ слуги дивились, для кого бы это такія приготовленія? Послѣ того, какъ все было покончено, Князь Адамъ взялъ съ собою двѣнадцать слугъ, съ дорогими платьями изъ золотой парчи и бархата, пошелъ въ баню, подарилъ этѣ платья своему бывшему слугѣ Гришкѣ или Димитрію, воздалъ ему великія почести, самъ вывелъ его изъ бани и отдалъ ему шесть верховыхъ лошадей съ коляскою и шесть упряжныхъ со всѣмъ приборомъ, съ прислугой и прочимъ, и просилъ его милостиво принять этѣ ничтожные подарки: на будущее время онъ не пожалѣетъ ни какихъ стараній, только бы пособить ему въ его дѣлѣ. Димитрій принялъ подарки съ большою вѣжливостію и уваженіемъ, обѣщался заплатить за это во сто разъ больше, ежели Богъ поможетъ ему возвратить царство и величіе.

Когда слухъ объ этомъ разнесся и распространился вездѣ въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи и въ широкой степи у Козаковъ, узналъ напослѣдокъ о томъ и царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ Годуновъ, приказавшій умертвить въ дѣтствѣ юнаго законнаго и наслѣдственнаго молодаго Государя, Димитрія. Вѣсть эта очень удивила и напугала его: думая, что у него и его при-

верженцевъ выйдетъ изъ за того съ Поляками очень опасная война и кровопролитіе, онъ послалъ по этому гонца въ Кіевъ къ Князю Вишневецкому, предлагалъ ему въ подарокъ нѣсколько пограничныхъ городовъ и крѣпостей и большое количество денегъ, если только онъ выдастъ ему бродягу и соблазнителя, выдававшаго и называвшаго себя Великимъ Княземъ Русскимъ. Благодаря этому предложенію, Вишневецкій удостовѣрился еще больше и полагалъ теперь за вѣрное, что Гришка истинный родной сынъ Ивана Васильевича, по тому что царствующій Великій Князь преслѣдуетъ его и вдалекѣ и предлагаетъ за него такъ много. Но Великій Князь не сдѣлалъ этѣмъ ничего, и его посланный воротился безъ отвѣта; а какъ у Бориса было много войска въ пограничныхъ городахъ, и между народомъ ходили разныя странныя рѣчи, то Вишневецкій, не полагаясь на мирное время, велѣлъ снарядить нѣсколько всадниковъ, запречь свою коляску и съ самозваннымъ Димитріемъ уѣхалъ на нѣсколько миль далѣе отъ границы, въ одинъ изъ своихъ городовъ, Вишневецъ (Witznavvesch), и далъ Димитрію прочитать письма Великаго Князя. Только что прочиталъ ихъ тотъ, заплакалъ, бросился въ ноги Князю и сказалъ: «Все въ рукахъ Божіихъ и твоихъ: дѣлай со мною, что тебѣ угодно; я въ твоей волѣ, вся моя надежда, отрада и упованіе — Богъ и ты.» Вишневецкій утѣшалъ его, просилъ быть спокойнымъ: онъ не будетъ его предателемъ; что для того только и уѣхалъ въ этотъ городъ изъ своего пограничнаго замка, чтобъ онъ не попалъ какъ ни будь въ руки своего врага (Великаго Князя). Пусть Димитрій останется тутъ съ его служителями и получаетъ Княжеское содержаніе, а самъ онъ вернется назадъ, и если узнаетъ еще что ни будь о Борисѣ, поскорѣе дастъ ему знать о томъ.

Послѣ того Борисъ послалъ къ Вишневецкому еще другого гонца съ предложеніями гораздо побольше прежнихъ, рѣшившись, если Вишневецкій не пришлетъ къ нему самодѣльнаго Димитрія, подговорить Козаковъ застрѣлить самозванца. Это заставило Вишневецкаго отправить Димитрія, для большей безопасности, къ Сандомирскому Воеводѣ, гдѣ его тотчасъ же приняли и содержали въ большомъ почетѣ, точно онъ истинный родной сынъ Ивана Васильевича. Съ согласія и позволенія Езуитовъ, Сан-

домирскій Воевода сейчасъ же началъ съ нимъ переговоры и разсужденія о томъ, что если онъ отмѣнитъ древнюю Греческую Вѣру въ Россіи, Воевода станетъ хлопотать за него у Польскаго Короля, Римскаго Папы и другихъ Великихъ Государей и державъ, которые деньгами, продовольствіемъ, конными и пѣшими воинами, дробью и порохомъ, помогутъ ему взять Россію, его отцовское наслѣдіе, и выгнать его врага, Бориса Годунова. Тотъ не только обѣщалъ сдѣлать все это, но если получитъ правленіе и сядетъ на отцовскомъ престолѣ въ Москвѣ, хотѣлъ не только уничтожить и искоренить въ конецъ Греческую Вѣру, принять Папскую и распространить ее въ странѣ, но и взять за себя дочь Сандомирскаго Воеводы. Езуиты обнаружили при этомъ искреннюю радость и удовольствіе, тотчасъ же назначили къ нему двухъ учителей, которые со всѣмъ усердіемъ назидали его въ Папской Вѣрѣ, и онъ въ короткое время сдѣлался хорошимъ Католикомъ. Потомъ Воевода возилъ его къ Польскому Королю, гдѣ былъ ему пышный пріемъ и дано позволеніе набирать въ Польшѣ пѣшее и конное войско. Нѣкоторые большіе Господа въ странѣ, также и оба Воеводы, ссужали его всѣмъ, чѣмъ могли, и заложили всѣ свои помѣстья и замки на вооруженіе для него; да и сами они пошли съ нимъ.

Когда дѣла въ Польшѣ находились въ такомъ положеніи, и Димитрій собирался овладѣть Россіей, въ Москвѣ, въ 1601, 1602 и 1603 годахъ, была такая великая дороговизна, голодъ и нищета, что въ такомъ размѣрѣ и не случалось еще этого на памяти людей; едва ли можно найти и въ Исторіи, чтобы въ военное, или мирное, время бывало что ни будь подобное у Христіянъ, Жидовъ и Язычниковъ: тамъ умирали съ голода многія тысячи людей, валялись въ городахъ по улицамъ, а въ полѣ по дорогамъ, во рту у нихъ было сѣно, либо солома, которыми они думали утолить голодъ и отъ того умирали; многіе ѣли лошадиное мясо, собакъ, кошекъ и крысъ, древесную кору, траву, коренья, пометъ, человѣческій калъ и другія негодныя для пищи вещи. Нѣкоторые лежали на землѣ и сосали кровь, вытекшую изъ убитаго скота, свиней и овецъ, нѣкоторые поѣдали другъ друга. Въ городахъ, гдѣ много было народа, убивали самыхъ жирныхъ и дородныхъ людей, многіе родители ѣли своихъ дѣтей, дѣти

родителей, родители продавали дѣтей, а нѣкоторые продавались сами за ничтожную цѣну. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ одна бѣдная изнуренная женщина шла по улицѣ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ, схватила его на ходу кулаками и отъ сильнаго голода, со злобой откусила два куска отъ руки младенца и ѣла ихъ, сидя на улицѣ. Такъ бы она и умертвила ребенка, если бы другіе не отняли его у нея силой и не спасли его жизнь. Ни кто не смѣлъ открыто носить на рынкѣ хлѣбъ и продавать его, по тому что нищіе и бѣдняки отнимали его силой, а иногда и убивали до смерти разнощиковъ и продавцевъ хлѣба. Бочка ржи стоила 19 талеровъ, тогда какъ прежде не стоила больше 12 грошей.

Такъ какъ это бѣдственное и неслыханное положеніе и страданіе съ каждымъ днемъ еще усиливалось, ни кто не могъ безопасно ѣздить въ странѣ, по случаю жестокой дороговизны и голода, и многія тысячи народа найдены были мертвыми на Московскихъ улицахъ, то Великій Князь, Борисъ Годуновъ, велѣлъ на нѣкоторыхъ большихъ площадяхъ собирать народъ каждое утро кличемъ и раздавать ему милостыню: каждому доставалось на долю по три гроша. Когда молва объ этомъ разошлась по странѣ, бѣдные поселяне убѣгали изъ домовъ и дворовъ, бросали все, приходили съ женами и дѣтьми въ Москву и получали милостыню: такимъ образомъ каждый день раздавалось бѣднымъ людямъ изъ казны до 30,000 талеровъ, пока не уменьшилась дороговизна. Также, по приказанію Великаго Князя, ежедневно подбирали на улицахъ нѣсколько сотенъ умершихъ, клали на телѣги и тачки и вывозили изъ города; люди, назначенные для того, обмывали ихъ до чиста, на каждаго надѣвали бѣлую рубашку и пару красныхъ сапогъ, а потомъ по нѣскольку сотъ ихъ бросали въ одинъ гробъ и зарывали. На такую благотворительность, обѣды для бѣдныхъ, состраданіе къ умершимъ и одежду для нихъ, потрачены были большія денеги. Разсказываютъ открыто, что въ большую дороговизну умерло въ Москвѣ съ голоду до 500,000 человѣкъ, кромѣ погибшихъ въ другихъ городахъ и деревняхъ, а всѣхъ ихъ Великій Князь приказывалъ кормить, по смерти же одѣвать въ бѣлыя рубашки и красные сапоги и хоронить. Сколько же сотенъ тысячъ талеровъ вышло на это въ три года при жизни этѣхъ людей и на одежду для нихъ по смерти?

За этою бѣдой послѣдовала вскорѣ другая, чума, которая свирѣпствовала и пожирала людей не менѣе дороговизны: этѣ два наказанія были непосредственно отъ Бога, а по тому и сноснѣе и отраднѣе третьяго, внутренней и внѣшней войны и ужаснаго кровопролитія, какъ будетъ сказано о томъ далѣе.

Въ продолженіе такой большой дороговизны и голода въ странѣ, Великій Князь былъ такъ слѣпъ и упрямъ, что не дозволялъ подданнымъ покупать муку для утоленія голода у чужеземцевъ, нѣсколько кораблей которыхъ приходило въ Нарву и Холмогоры, чтобы иноземцы не узнали, что въ его землѣ такая дороговизна и онъ не въ силахъ кормить и содержать своихъ подданныхъ, но принужденъ выписывать и доставать хлѣбъ изъ чужихъ краевъ: отъ того-то иноземцы и должны были уѣхать, не продавъ муки. Онъ далъ строгой приказъ, чтобы всѣ Архіереи и монахи изъ своихъ монастырей, а всѣ Князья, Бояре и Дворяне изъ своихъ житницъ, продали ему за полцѣны весь хлѣбъ, въ которомъ сами не имѣли надобности, и потомъ раздавалъ его бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, чтобъ чужеземцы замѣтили и знали, что въ землѣ его нѣтъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ распространяли въ чужихъ земляхъ.

Во время такого великаго голода и бѣдствія въ странѣ, 4-го Іюля, 1604 года, прибылъ въ Москву посланникъ Римскаго Императора Рудольфа, Господинъ Генрихъ Лойко (Laugko), съ придворными драбантами и лакеями, всѣ очень нарядно и пышно одѣтые въ шелкъ и бархатъ и увѣшанные большими золотыми цѣпочками. Такъ какъ пришелъ онъ съ такою пышностью, то Великому Князю захотѣлось показать и свое великолѣпіе и пышность: онъ велѣлъ принять его и ввести въ городъ еще пышнѣе, и не только Русскимъ, но и всѣмъ иностранцамъ, служившимъ ему въ то время, каждому по обычаю его земли, одѣться въ шелкъ, бархатъ и золотую парчу. Это очень удивило посланника. Великій Князь далъ также строгое приказаніе, чтобы на улицахъ не было ни одного нищого и ни кто бы не жаловался на голодъ и нужду, а всѣ были довольны и сыты, всѣ улицы и рынки, гдѣ проходилъ посланникъ, были до того заставлены разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и продовольствіемъ, что чужеземцамъ ни какъ не могла прійти въ голову мысль о дороговизнѣ, или недостаткѣ въ хлѣбѣ и другой край-

ности въ странѣ. Запрещалось подъ смертною казнію, чтобы ни кто не давалъ замѣтить послу, или людямъ его, что въ странѣ была, или еще продолжается, такая дороговизна, напротивъ у нихъ все было дешево, каждый расхаживалъ по улицѣ такой нарядный, что подумаешь, онъ богаче Креза, не смотря на то, что онъ бѣднѣе и несчастнѣе Ира и около 8-ми дней не видалъ у себя въ домѣ хлѣба. Во время дороговизны видали много знаменій и чудесъ на небѣ, съ разными страшными лучами, и точно войска сражались другъ съ другомъ, темная ночь часто дѣлалась такъ ясна и свѣтла, что считали ее за день. Иногда видны были три мѣсяца, иногда три солнца; по временамъ слышны были такіе ужасные вихри, что сносили башни съ воротъ, стѣны въ 20 и 30 саженъ, и кресты съ церквей, пропали рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дикіе звѣри въ лѣсахъ, все, что ни подавалось на столъ, вареное, или жареное, не имѣло природнаго вкуса, какъ бы ни было хорошо и вкусно приготовлено, собаки пожирали другихъ собакъ, волки волковъ. Часто попадались только ихъ ноги и головы. На Литовской и Кіевской границѣ нѣсколько ночей слышенъ былъ такой вой волковъ, что люди приходили въ ужасъ; волки собирались нѣсколькими сотнями, по чему люди не могли и ѣздить по дорогамъ, если не были ихъ сильнѣе, чтобы имѣть возможность оборониться отъ ихъ нападенія. Въ стѣнахъ и въ окрестности города Москвы поймали въ бѣлый день нѣсколько черно-красныхъ лисицъ, и въ числѣ ихъ одну дорогую, стоившую 300 талеровъ. Видна была и комета въ воздухѣ, очень яркая и свѣтлая, in ipso firmamento, super omnes planetas, in igneo coelesti signo Sagittario: это, безъ сомнѣнія, означало бѣдственную погибель многихъ Великихъ Князей, опустошеніе и разореніе земель, городовъ и деревень, и великое невыразимое кровопролитіе, что вскорѣ и послѣдовало. По тому что, въ томъ же году, монахъ, ушедшій съ Гришкою изъ Россіи въ Литву, убѣдилъ потомъ и уговорилъ въ широкой степи 6000 Козаковъ, что родной сынъ Ивана Васильевича, Димитрій, еще въ живыхъ и въ большомъ почетѣ въ Польшѣ, что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ козней Бориса Годунова, чтобы этотъ ни какъ не могъ сдѣлать ему вреда; онъ такъ повелъ свои дѣла, что Польскій Король и другіе большіе господа вступились за него больше изъ сожалѣнія, считая его дѣло правымъ, и дали ему около тысячи человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, для изгнанія

и погубленія Великаго Князя Бориса и овладѣнія его отцовскимъ наслѣдіемъ. Козаки пусть приготовятся, пойдутъ теперь съ нимъ и подадутъ ему хорошую помощь, а онъ милостиво одаритъ ихъ не только деньгами и платьемъ, но также и ленами и наслѣдственными помѣстьями. Это былъ лакомый кусочекъ для Козаковъ, за который не взяли бы они и жаренаго павлина безъ удовольствія пограбить, и охотно бы побили Бориса за то, что онъ наказалъ нѣкоторыхъ изъ ихъ братьи за большія своевольства и жестокости.

Они тотчасъ же поклялись монаху, вмѣсто Димитрія, присягнули ему и писали, чтобъ онъ не мѣшкалъ долго, а примкнулъ бы къ нимъ на границѣ съ своими людьми, тогда они съ усердіемъ примутся за дѣло и попытаютъ счастія съ Борисомъ. Димитрій тотчасъ же выступилъ, на границѣ они соединились, и теперь у него было до 8000 войска, за тѣмъ двинулись къ городу Чернигову; Козаки уговорили Намѣстника, Ивана Тахмакова, бывшаго тайнымъ врагомъ Бориса, чтобы онъ сдалъ городъ Димитрію и поклялся ему въ постоянной вѣрности и преданности. Въ этомъ городѣ Димитрій сейчасъ же поставилъ Польскихъ начальниковъ, скоро ушелъ оттуда и взялъ еще другіе пять городовъ, не обнажая меча. Послѣ того пошелъ онъ въ Путивль; этотъ городъ занимали Волжскіе Козаки, которыхъ, съ ихъ начальникомъ, Михайломъ Михайловичемъ Солтыковымъ, уговорилъ онъ сдаться жалобными словами, что Борисъ гонитъ и преслѣдуетъ его, законнаго наслѣдника земли.

Борисъ Годуновъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ эту вѣсть и молву о воскресшемъ Димитріѣ на границахъ, и о томъ, что онъ завоевалъ и занялъ столько городовъ, безъ всякаго сопротивленія и не обнажая меча. Борисъ дивился, жаловался на невѣрность и предательство большихъ Бояръ, поскорѣе собралъ всѣхъ ратныхъ людей въ Москву, въ день Симона и Іуды, и послалъ до 209 тысячъ человѣкъ на непріятеля, съ полководцемъ Өедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Этотъ далъ первое сраженіе, 21-го Декабря, 1604 года, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. На выручку этого города Великій Князь послалъ храбраго воина, по имени Петра Өедоровича Басманова (Bosmanno). Вошедши въ городъ, былъ онъ жестоко осаждаемъ Димитріемъ и сильно стрѣлялъ въ

него изъ своихъ пушекъ, пока не подошелъ Генералъ Князь Мстиславскій и принудилъ Димитрія отступить отъ города. За неимѣніемъ другаго средства, Димитрій напалъ, какъ отчаянный, на Москвитянъ и причинилъ великій уронъ въ людяхъ, такъ что самъ вождь получилъ отъ того 15 ранъ. 2000 Москвитянъ осталось на мѣстѣ; безъ сомнѣнія, они потерпѣли бы большее пораженіе, если бы одинъ Шведскій Капитанъ, по имени Лоренцъ Бьюгге (Biugge), съ 600-ми иностранцевъ, не показалъ своей храбрости и не пришелъ на подмогу Намѣстнику въ городѣ, Басманову: онъ зажегъ станъ Димитрія, который по тому и долженъ былъ оставить Русскихъ для защиты онаго. Но какъ Басмановъ былъ не довольно силенъ войскомъ и Русскіе, кромѣ только иностранцевъ, съ своей стороны не хотѣли предпринимать ничего особеннаго, по тому что вождь ихъ былъ раненъ и полумертвый унесенъ съ поля, то и Шведъ воротился опять въ городъ, а Москвитяне отступили на милю оттуда, расположились тамъ станомъ и стояли спокойно 14 дней, до выздоровленія вождя.

Межъ тѣмъ Великій Князь Борисъ послалъ въ станъ одного большаго Боярина, Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80-ю тысячами талеровъ въ подарокъ войску, чтобы оно было вѣрно; но Бояринъ не нашелъ туда дороги, а зашелъ съ деньгами въ станъ Димитрія, гдѣ принятъ былъ съ большимъ уваженіемъ. съ крестомъ и знаменами, съ игрою на трубахъ и барабаннымъ боемъ, и остался Маршалкомъ у Лжедимитрія. Деньги, принесенныя имъ, Димитрій роздалъ своимъ Козакамъ и ничего не далъ Полякамъ, отъ чего этѣ хотѣли выйти изъ службы, не желая продолжать ее безъ денегъ, по чему оба Воеводы, Сандомирскій и Кіевскій, бывшіе съ Димитріемъ, должны были ѣхать въ Польшу доставать денегъ и набирать людей, и взяли съ собой 2000 Поляковъ. Отъ этого-то перекрещенецъ Гришка и отступилъ на нѣсколько миль къ другимъ городамъ, захваченнымъ прежде, а Москвитяне понемногу все подвигались за нимъ, пока не были въ 3-хъ миляхъ отъ города Добрыничъ, и не зная, въ какомъ числѣ онъ и въ какомъ положеніи его станъ, они не смѣли двигаться дальше, а расположились въ большомъ лѣсу. Но какъ въ этомъ мѣстѣ можно было найти много хлѣба, овса и корма, скота, овецъ и продовольствія, то 7000 ихъ, изъ простаго народа, и вышли поворовать и

пограбить. Отошедши отъ стана съ милю, они повстрѣчали роту Поляковъ, которые приняли ихъ очень храбро: четыре тысячи Москвитянъ остались на мѣстѣ, а уцѣлѣвшіе въ большомъ страхѣ прибѣжали въ станъ и привели войско въ ужасъ и отчаяніе, такъ что на другой день оно огородило себя высокимъ тыномъ и рогатками. На третій день пособрались съ духомъ, выбрали 12-ть тысячъ самыхъ лучшихъ и храбрыхъ воиновъ и послали ихъ для развѣданія о намѣреніяхъ непріятеля и мѣстѣ его стана. Когда они открыли его, а онъ тоже замѣтилъ Русскихъ, встрѣтилъ ихъ смѣло и началъ бой съ ними. Но такъ какъ приближалась ночь, они разошлись по своимъ станамъ. Поляки убили въ схваткѣ 200 Русскихъ и взяли сотню плѣнныхъ, Русскіе же захватили одного плѣнника, пошли съ нимъ въ станъ, были довольны и веселы, прыгали и плясали, точно получили великую славу и одержали значительную побѣду, захвативъ одного бѣднаго воина.

Пришедши съ плѣнникомъ въ станъ, они повели его для допроса къ Полковнику, но плѣнный былъ пьянъ, просилъ у нихъ вина и пива, обѣщая тогда сообщить кое какія свѣдѣнія, а иначе не скажетъ. Начальникъ разсердился на это и велѣлъ его пытать и мучить до того, что тотъ умеръ. Не имѣя теперь возможности получить отъ него какія ни будь свѣдѣнія, они раздѣли его до нага и повѣсили посреди стана на одной большой соснѣ.

Начальники были очень озабочены, не знали, что имъ дѣлать, итти ли впередъ, или отступать, по тому что ничего вѣрнаго не узнали отъ плѣннаго.

Но наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, они ободрились, строго приказали войску вооружиться храбростью для сраженія на другой день съ непріятелемъ, и рано утромъ вышли со всѣми силами изъ лѣсу въ открытое поле, въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ. Гришка или Димитрій не мѣшкалъ долго, пошелъ къ нимъ съ своими людьми на встрѣчу, быстро напалъ и обратилъ ихъ въ бѣгство; но иностранцы, также бывшіе въ полѣ, съ свѣжимъ мужествомъ сдѣлали нападеніе на людей Димитрія, поставленныхъ при пушкахъ, перебили ихъ и взяли орудія. Когда Русскіе увидали это, то, не имѣя уже возможности воротиться въ свой станъ и укрыться тамъ, присоединились къ иностранцамъ, вмѣстѣ съ ними опять напали на непріятеля, били и гнали его на разстоя-

нін трехъ миль съ такимъ раздраженіемъ и злобой, что не многіе изъ Поляковъ ушли не раненые. Верховая лошадь Димитрія тоже была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда. Тогда и самъ онъ могъ бы быть убитымъ, или попасть въ плѣнъ, если бы Русскіе оставались вѣрными Великому Князю и сами не помѣшали тому, по тому что вожди посылали къ нимъ гонца за гонцомъ, чтобы они отстали и вернулись назадъ, что довольно пролито невинной крови и главный молодчикъ уже въ рукахъ у нихъ. Такимъ образомъ Русскіе должны были прекратить нападеніе и вернулись опять въ станъ; это сраженіе было при мѣстечкѣ Добрыничахъ 20 Генваря, 1605 года. Гришка потерялъ тамъ 8000 человѣкъ, свои военные литавры и пушки, а Великій Князь 500 человѣкъ Русскихъ и 25 иностранцевъ.

Послѣ того, какъ войско Великаго Князя одержало эту побѣду, Петръ Басмановъ, Намѣстникъ Новгорода Сѣверскаго, пошелъ въ Москву и донесъ Великому Князю, что его Русскіе одержали побѣду, разбили и прогнали Лжедимитрія.

Въ награду за добрыя вѣсти и за его храбрый и богатырскій образъ дѣйствій, Великій Князь подарилъ ему большую чашу изъ чистаго золота, наполненную Угорскими червонцами, много серебряной посуды и бокаловъ, и сдѣлалъ его большимъ Бояриномъ въ странѣ и самымъ вѣрнымъ своимъ совѣтникомъ.

Послѣ того за храбрость, оказанную иностранцами, Велекій Князь прислалъ имъ денегъ, разнаго продовольствія и золотыхъ денегъ, въ ознаменованіе и память ихъ вѣрной службы подъ Добрыничами, усердно просилъ ихъ служить и впередъ также вѣрно, какъ прежде, каждому изъ нихъ хотѣлъ прибавить жалованья, подарить помѣстья, отдать имъ даже рубашку, если у него ничего не останется, кромѣ ея.

Потерпѣвъ пораженіе подъ Добрыничами, Гришка съ небольшимъ войскомъ пошелъ въ большомъ горѣ и уныніи въ Путивль, и писалъ опять въ Польшу о пособіи и выручкѣ. Великій Князь приказывалъ своимъ вождямъ, чтобы они истребили непріятеля, или выгнали его изъ страны и возвратили всѣ города, подпавшіе его власти. Вожди и двинулись съ войскомъ къ городу Рыльску;

но какъ у Русскихъ не было ни какого усердія, то они и отступили отъ города, не сдѣлавъ ничего.

Между ними было несогласіе и великая измѣна: одинъ хотѣлъ того, другой другого, тому хотѣлось итти вправо, другому влѣво, ни кому не было охоты сражаться, по тому что имъ очень бы любо было новое Правительство. Великій Князь Борисъ такъ былъ раздраженъ и гнѣвенъ на это, что послалъ строгое приказаніе въ станъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не думалъ итти домой, пока не выгонятъ непріятеля и не приведутъ опять во власть Бориса всѣхъ городовъ. Все войско теперь двинулось къ деревянному городу Кромамъ, въ которомъ начальникомъ былъ Корела (Corela), большой волшебникъ, съ 600 Донскихъ Козаковъ, и принесъ своими чарами много пользы Лжедимитрію.

Русскіе мѣсяца два стояли подъ этѣмъ городомъ, каждый день имѣли жестокія схватки и причиняли другъ другу много вреда, такъ что не проходило ни одного дня безъ кровопролитія; иностранцы работали усердно, подожгли городъ, хотѣли взять его приступомъ, но вожди остановили это. Они удержали иностранцевъ, говоря, что было приказаніе Великаго Князя тѣснить голодомъ этотъ городъ, а не брать приступомъ и не проливать невинной крови.

Межъ тѣмъ какъ дѣла шли такимъ образомъ, Великій Князь отправилъ пословъ къ Римскому Императору и Датскому Королю: онъ сильно жаловался имъ на происки Поляковъ съ ихъ Лжедимитріемъ, и на невѣрность своихъ подданныхъ, дружески прося при этомъ прислать ему на выручку иноземнаго войска, о чемъ уже гласно толковали въ станѣ.

Когда посланники были за границей и ни какого иноземнаго войска нельзя было ожидать, Козаки въ городѣ выкопали кругомъ его глубокій ровъ, высоко насыпали земли изо рвовъ, и подъ этѣмъ валомъ подѣлали множество большихъ дыръ, въ которыя бы имъ можно было входить и выходить, когда угодно, и ни какое оружіе не могло вредить имъ, по тому что всѣ они жили въ землѣ. Отъ большой траншеи къ Московскимъ укрѣпленіямъ они сдѣлали еще малую, чтобы Москвитяне не осмѣлива-

лись сдѣлать на нихъ нападенія, такъ какъ Козаки выползали изъ своихъ норъ и защищались храбро. Если бы Русскіе овладѣли траншеей, они поспѣшно ушли бы въ свои норы и ждали прихода ихъ, но этѣ оставались передъ траншеей, даромъ истрѣляли безчисленное множество пороха и свинца и ничего не выиграли. По тому что невѣрности, притворства, несогласія и предательства было что дальше, то больше между Русскими, и въ бѣлый Божій день прошла чрезъ Московскій станъ тысяча вооруженныхъ Козаковъ въ городъ, посланныхъ Гришкою на выручку къ Путивльскимъ Козакамъ, съ развернутыми знаменами и нѣсколькими сотнями телѣгъ съ продовольствіемъ, порохомъ и свинцомъ.

Вожди дали знать Великому Князю въ Москву объ этой великой невѣрности и измѣнѣ, что они находятся въ большой опасности, силы ихъ съ каждымъ днемъ убываютъ, а у Лжедимитрія увеличиливаются военными измѣнниками которые перебѣгаютъ къ нему. Городомъ овладѣть невозможно, по тому что онъ снова снабженъ свѣжимъ войскомъ, продовольствіемъ и военными снарядами.

Это привело Бориса въ ужасъ, уныніе и отчаяніе: 13-го Апрѣля, 1605 года, съ ранняго утра до полуденъ свѣжій и здоровый, въ сумерки онъ скоропостижно умеръ и на другой день былъ похороненъ въ Кремлѣ, возлѣ другихъ Великихъ Князей, съ большимъ рыданіемъ и плачемъ всѣхъ его друзей, послѣ достойнаго 8-ми лѣтняго царствованія, съ пользою для простаго народа и ко благу всей страны. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ въ такомъ сомнѣніи и неудовольствіи самъ принялъ ядъ, или отравленъ былъ другими.

По смерти Великаго Князя Бориса, Москвитяне клялись и присягнули его сыну, Ѳедору Борисовичу, послали выше названнаго, храбраго думнаго Боярина, Петра Басманова, въ станъ подъ Кромы къ войску, чтобы оно присягнуло молодому Великому Князю, и убѣждали его быть вѣрнымъ и покорнымъ новому Государю. Но какъ старый полководецъ, Мстиславскій, былъ отозванъ въ Москву, для управленія Государствомъ, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ Великимъ Княземъ, то, вмѣсто его, остался Басмановъ. Это стало очень досадно другимъ вождямъ: между ними вышло несогласіе изъ за главнаго начальства, именно изъ того, что одинъ хо-

тѣлъ сражаться, другой хотѣлъ домой, а тѣмъ самымъ одинъ надѣялся тутъ, другой тамъ, добиться главнаго начальства, богатства, даже верховной власти, какъ обыкновенно случается въ такихъ неожиданныхъ случаяхъ; отъ того между простыми воинами произошло большое безпокойство и возмущеніе: они раздѣлились и составили двѣ толпы.

Преданные Годуновымъ и молодому Принцу клялись, присягнули ему и расположились съ одной стороны крѣпости при артиллеріи; другіе, не хотѣвшіе присягать, собрались на другой сторонѣ, ночью послали къ Козакамъ въ крѣпость, уговаривали ихъ держаться стойко, пошли къ нимъ на помощь съ порохомъ и свинцомъ, и вмѣстѣ назначили время, когда Козакамъ нападать изъ крѣпости на Годуновское войско, въ рукахъ котораго была артиллерія, а сами хотѣли сдѣлать на него нападеніе съ другой стороны. Такъ это и сдѣлалось, и измѣнники, вмѣстѣ съ Козаками, были въ числѣ 150 тысячъ; они провозгласили Димитрія и напали на Годуновскихъ, провозгласившихъ Ѳеодора, выбили ихъ изъ стана, оттѣснили отъ артиллеріи, нѣкоторыхъ убили, другихъ ранили и взяли въ плѣнъ; между послѣдними были двое знатныхъ вождей, Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Михаилъ Глѣбовичъ Солтыковъ; тѣ же, которые не хотѣли сдаваться, побѣжали и поѣхали въ Москву и извѣстили молодаго Принца о случившемся въ станѣ. Въ Москвѣ перепугались и снова вооружились, однако жь не вышли въ поле, и наконецъ всѣ передались Лжедимитрію, какъ и скажемъ послѣ.

Когда могущество Гришки или Лжедимитрія выше сказаннымъ образомъ такъ замѣтно увеличилось, измѣнники послали къ Лжедимитрію, проживавшему въ Путивлѣ, одного знатнаго Боярина и вождя, по имени Ивана Голицына: просили у него прощенія, извинялись, что не были лучше вразумлены, что Борисъ соблазнилъ ихъ, хотѣли ему, своему наслѣдственному Государю, оказывать всякую подданническую преданность, любовь и покорность, желали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ, и тогда они пожертвуютъ для него всѣмъ своимъ животомъ и имѣніемъ и помогутъ возвратить отцовское Царство.

Получивъ эту пріятную вѣсть, Лжедимитрій не долго медлилъ, собрался съ своимъ войскомъ, пошелъ сперва подъ Кромы къ Ко-

закамъ, потомъ дальше къ городу Орлу (Arol), гдѣ были измѣнники и ждали съ радостью его прихода, а послѣ того еще дальше въ страну, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Онъ былъ въ полной радости, въ отличномъ расположеніи духа и никого не боялся: куда ни приходилъ, все дѣлалось по его волѣ; въ крѣпости Тулѣ, въ тридцати миляхъ отъ Москвы, провелъ онъ нѣсколько дней, развѣдывалъ о намѣреніяхъ молодаго Принца и Годуновыхъ, и писалъ къ простому народу въ Москвѣ, извѣщая ихъ, чтобы они одумались заблаговременно, что онъ, законный наслѣдственный Государь страны, живъ еще и желаетъ, чтобы они его приняли и оказывали ему ту же преданность и покорность, какъ и отцу его, Ивану Васильевичу, смирили и искоренили его злѣйшихъ враговъ, Годуновыхъ, которые, безъ всякаго права, силою проложили себѣ путь на царство, и устранили отъ царства его, невинное дѣтя, законнаго наслѣдника страны, старались умертвить его, чего, однако жъ, милостиво не попустилъ Всемогущій Богъ, по своему божественному промыслу. Тогда и онъ, Димитрій, окажетъ имъ всякую благосклонность и милость, и придетъ къ нимъ не какъ суровый воинъ, но какъ милосердый и сострадательный отецъ къ своимъ милымъ дѣтямъ. Если же не сдѣлаютъ того, въ скоромъ времени они испытаютъ что ни будь другое, которое будетъ для нихъ чувствительно, онъ погубитъ и разоритъ ихъ мечемъ и огнемъ, не пощадитъ и дѣтей въ колыбели.

Но Годуновы имѣли бдительный надзоръ, велѣли схватить и посадить въ темницы гонцовъ, отобрали у нихъ письма, замучили ихъ, чтобы простой народъ не имѣлъ ни какихъ вѣстей о Димитріѣ. Это очень удивляло его: онъ послалъ наконецъ одного знатнаго Дворянина къ Москвитянамъ, который прибылъ сначала въ большую деревню, Красное Село (Crasna Cella), въ получетверти мили отъ Москвы, гдѣ жили богатые и первостатейные купцы и ремесленники, и растолковалъ имъ, что законный наслѣдникъ страны живъ, и сколько ни посылалъ онъ гонцовъ въ Москву съ письмами, ни одинъ не возвратился, но не извѣстно, простой ли народъ виной тому, или это тайное дѣло Годуновыхъ.

По тому онъ и отправилъ, въ прибавокъ къ прежнимъ, еще его, чтобы замѣтить и разузнать расположеніе къ нему простаго

народа, и если ему не дадутъ добраго отвѣта, колыбельныя дѣти поплатятся за это; а если получитъ добрую и желанную вѣсть Димитрій, онъ приметъ ихъ всѣхъ въ свою милость и никогда не подумаетъ дѣлать имъ какое ни будь зло.

Жители Краснаго Села приняли этого гонца съ большимъ благоговѣніемъ и честію, великой толпой пошли съ нимъ въ городъ на площадь, окружили его тамъ и созвали Московскую чернь. Посолъ прочиталъ имъ письмо Димитрія, передалъ имъ приказанія его и всѣ подробности. Простолюдины стали между собою совѣтоваться, пошли къ Князю Василію Ивановичу Шуйскому, просили его не скрывать отъ нихъ правды, подлинно ли онъ велѣлъ похоронить молодаго Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, убитаго въ Угличѣ. Тогда тотъ отвѣчалъ имъ и далъ знать, что Димитрій избѣжалъ козней Бориса Годунова, а вмѣсто его убитъ и похороненъ по Княжески сынъ одного Священника. Теперь же истинный Димитрій находится съ своимъ войскомъ въ Тулѣ.

Услыхавъ это, народъ сказалъ, что если вся земля, Князья и Дворяне съ войскомъ пристали къ Димитрію и Василій Шуйскій такъ засвѣдѣтельствовалъ о немъ, то онъ долженъ быть настоящій наслѣдникъ страны; если же онъ со всѣмъ своимъ войскомъ уже въ походѣ, то имъ надо подумать, что дѣлать, а въ городѣ совсѣмъ нѣтъ войска. Одни Годуновы, захватившіе силой правленіе, не защитятъ и не уберегутъ ихъ, и простому народу будетъ отъ того погибель. Пора уже со всѣмъ смиреніемъ просить и умолять Димитрія о помилованіи и снять головы съ кровожадныхъ обманщиковъ, Годуновыхъ, выгнавшихъ молодаго законнаго Государя въ его дѣтствѣ.

Межъ тѣмъ какъ чернь такимъ образомъ совѣщалась между собою, пришла изъ Кремля толпа стрѣльцовъ съ нѣсколькими Дворянами, все еще преданными Годуновымъ, и хотѣли было взять силой подателя письма. Но простой народъ не позволилъ того, хотѣлъ знать, гдѣ прежніе посланники Димитрія, стали перебраниваться, кричать, громко желали благополучія и здоровья подходящему Димитрію, говоря: «Далъ бы Богъ, чтобы истинное солнце просіяло въ Россіи: до сихъ поръ мы и при свѣтѣ сидѣли во тьмѣ, а теперь всходитъ наша утренняя звѣзда,» хвалили и величали Ди-

митрія, смѣялись надъ Годуновыми, злословили ихъ, называли блудными дѣтьми, мошенниками и измѣнниками; нѣсколько тысячъ народа съ великимъ буйствомъ и крикомъ вбѣжали въ Кремль, поносили и проклинали умершаго Бориса и всѣхъ его друзей и семейство. Хуже и наглѣе того они ничего не могли сдѣлать, — и въ такомъ множествѣ тысячъ людей не нашлось ни одного, который бы хоть не много вспомнилъ, сколько добра сдѣлано было Борисомъ странѣ, какъ правилъ онъ ею, благодаря своему высокому уму, умножилъ ее зданіями, кормилъ ее въ дороговизну и установилъ миръ и согласіе съ сосѣдственными Королями и Государями. Теперь все это забыто и презрѣно, какъ будто онъ не сдѣлалъ ничего хорошаго. Они захватили его сына, новоизбраннаго Великаго Князя, которому не за долго прежде клялись и присягали, вмѣстѣ съ сестрою его и матерью, и стерегли ихъ подъ крѣпкой стражей, до дальнѣйшихъ приказаній Димитрія. Они захватили всѣхъ Годуновыхъ и друзей ихъ, разграбили ихъ дворы, раздѣли ихъ до нага и съ женами и дѣтьми отвезли на навозныхъ телѣгахъ въ темницы другихъ городовъ, за нѣсколько миль отъ Москвы: нѣкоторые изъ нихъ умерли жалкою смертію въ дорогѣ, другіе въ заключеніи отъ голода, или были убиты, такъ что никого не осталось въ ихъ родѣ.

Послѣ такого дѣла, Москвитяне писали изъ города Димитрію, просили у него прощенія и помилованія, хотѣли отдаться ему добровольно, только бы приходилъ къ нимъ скорѣе; они будутъ вѣрны, покорны, и послушны ему во всемъ; они истребили всѣхъ его недруговъ, кромѣ юнаго Ѳедора, матери его и сестры, которые живы и хорошо охраняются, чтобы онъ не боялся ихъ, они въ его власти и когда потребуетъ, тотчасъ же будутъ у него въ рукахъ.

Отсюда видно, что съ Борисомъ и его родомъ сбылось точно такъ же, какъ прежде самъ онъ поступилъ съ семействомъ умершаго Великаго Князя, по тому что Богъ не оставляетъ ни какаго зла безъ наказанія, и тогда на дѣлѣ исполняются поговорки древнихъ, получившія свое начало изъ опыта. На примѣръ, Юлія Поллукса: «Paxilli paxillos excutiunt.» Лукіяна: «Clavus clavo pellitur; improbitas improbitate vincitur; Scelus in scelere, malum in malo supplicium est.» Радамантъ тоже говоритъ справедливо: «Si

quis quae facit, patitur, justissima poena est.» Также и Гезіодъ: «Qualia vir patrat, talis manet exitus illum.»

Теперь когда, этотъ разстриженный монахъ, Гришка привелъ подъ свою власть всѣ города и крѣпости, вся страна повиновалась ему, противника ему не было ни кого, только молодой Принцъ Θедоръ обѣщалъ мудраго и разсудительнаго Государя; Гришка опасался его и думалъ, что если онъ останется въ живыхъ, то ему не легко будетъ выполнить свои предательскіе замыслы, которые были у него на умѣ, что онъ будетъ помѣхою и безпокойствомъ для него на царствѣ, либо совсѣмъ сгонитъ его съ онаго.

Для того онъ уговорился съ однимъ писцомъ, Иваномъ Богдановымъ, чтобы этотъ пошелъ въ Москву, тайно убилъ молодаго Принца и мать его, и разсказалъ въ народѣ, что они умертвили себя ядомъ, а дочку бы тщательно сохранилъ до прихода его въ Москву. Писецъ сдѣлалъ это со всѣмъ усердіемъ, и вѣрно исполнилъ приказъ своего Государя: только что пришелъ онъ въ Москву, сейчасъ велѣлъ предательски удавить мать и сына въ ихъ комнатѣ, и потомъ разгласить въ народѣ, что они сами умертвили себя ядомъ, чего они совсѣмъ не дѣлали, а кончили жизнь такъ, какъ кончаютъ и тѣ, которымъ хотѣлось бы еще пожить: это достаточно показываютъ знаки веревки, которою удавили ихъ. Я и многія сотни людей видѣли этѣ знаки своими глазами.

Когда это было исполнено, Богдановъ велѣлъ вырыть изъ земли гробъ Великаго Князя, Бориса Годунова, лежавшаго столько недѣль между другими Великими Князьями, и велѣлъ похоронить его, съ сыномъ и матерью, Маріею Валутиной (Малютиной), каждаго въ особенномъ гробѣ, за городомъ, на запустѣломъ кладбищѣ, безъ пѣнія, звона и всякихъ обрядовъ. По смерти отца, Θедоръ Борисовичъ царствовалъ только два мѣсяца; его только выбрали въ Великіе Князья и присягнули ему, но не вѣнчали на царство. Это было въ томъ же 1605 году, 10-го Іюня.

16-го Іюня Димитрій или Гришка двинулся со всѣмъ войскомъ къ Москвѣ, расположился на большомъ лугу, въ малой милѣ отъ города, и хотѣлъ тамъ испытать расположеніе къ нему Москвитянъ. Онъ замѣтилъ, что они не только покорны и рабо-

лѣпны ему во всемъ, почтительны и рады его приходу, но даже вышли къ нему изъ города, каждое званіе особо, со множествомъ богатыхъ подарковъ въ золотѣ, деньгахъ, дорогихъ каменьяхъ, жемчугѣ, алмазахъ и разныхъ вкусныхъ напиткахъ, также и съ хлѣбомъ и солью, какъ водится у Русскихъ и считается у нихъ высшимъ долгомъ и особеннымъ почтеніемъ. Тогда онъ повѣрилъ и имъ сказалъ, что забудетъ все, что ни сдѣлали они противъ него, никогда и не вспомнитъ того, будетъ не Государемъ и Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда съумѣетъ порадѣть о пользѣ своихъ подданныхъ.

Самые главные и знатные Князья и Бояре тоже пришли къ нему и принесли изъ казнохранилищъ богатыя и дорогія Великокняжескія платья изъ золотой парчи, бархата и шелка, тканыя съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и униженно просили его пожаловать въ городъ, взять свое отцовское наслѣдіе, которое чудеснымъ образомъ Богъ помогъ возвратить ему и принять правленіе: все уже устроено и приготовлено; ему нечего подозрѣвать ни какого зла, нѣтъ и причинъ печалиться, а надо радоваться и веселиться: тѣ, которые хотѣли убить его, всѣ уже истреблены теперь и ни кому не могли вредить и причинять зло.

Когда все было приготовлено для входа въ городъ, онъ назначилъ, кому изъ высшихъ и знатныхъ совѣтниковъ ѣхать по правую и лѣвую сторону возлѣ себя, впереди и назади, всего до 60 человѣкъ, въ великолѣпной одеждѣ и збруѣ на лошадяхъ; а свою одноколку отправилъ съ Русскими впередъ съ барабанами и литаврами, для осмотра и развѣданія, все ли въ порядкѣ и нѣтъ ли какой тайной измѣны. Гонцы должны были ѣздить безпрестанно одинъ за другимъ.

Передъ самымъ Лжедимитріемъ ѣхало нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ флейтами и барабанами, за нимъ и думными Боярами слѣдовали тоже нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ такомъ же вооруженіи и порядкѣ, какъ и прежніе. За тѣмъ ѣхали иностранцы, Козаки и стрѣльцы, другъ за другомъ, въ томъ же порядкѣ, пока толпа эта не окончилась и не послѣдовало вступленіе въ городъ.

Въ Кремлѣ и въ городѣ звонили во всѣ колокола, большіе и малые: свѣтлы были радость и веселье, необыкновенны великолѣпіе и пытность. Большія широкія улицы, даже кровли на церквахъ и на домахъ, до того были полны народа, что издали казался онъ не лучше нѣсколькихъ роевъ пчелъ: такъ безчисленны были зрители. По всѣмъ улицамъ, гдѣ проходилъ Лжедимитрій, Москвитяне припадали лицами къ землѣ и громко кричали: «Дай, Боже, счастія, здоровья и долгоденствія этому Великому Князю всея Россіи! Богъ, такъ чудесно сохранившій и спасшій тебя въ этомъ свѣтѣ, и впередъ защититъ и управитъ тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ и путяхъ! Ты настоящее солнце, свѣтозарная утренняя звѣздочка, проглянувшая на Руси.» — «Дай Боже, отвѣчалъ Лжедимитрій, здоровья вамъ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ: встаньте и молитесь за меня Богу!»

Когда онъ въѣхалъ на висячій мостъ, положенный на бочкахъ черезъ рѣку Москву, и выѣзжалъ рѣчными воротами на площадь, поднялся такой сильный вихорь, что въ одну минуту ронялъ и коня и всадника; онъ погналъ на народъ такую пыль и песокъ, что нельзя было открыть глазъ; Русскіе пришли въ ужасъ, крестились по своему обычаю и говорили: «Сохрани насъ, Боже, отъ всякаго зла! Этотъ входъ предвѣщаетъ какое ни будь несчастіе.»

Когда входъ кончился, Гришка находился въ Дворцѣ и ушелъ въ свою комнату, знатнѣйшіе Князья и Бояре страны вышли изъ Кремля на площадь: изъ нихъ Богданъ Бѣльскій выступилъ впередъ, уговаривалъ народъ благодарить Бога за этого Государя, и говорилъ, чтобы они были ему вѣрны и любили его, онъ родной и законный сынъ Ивана Васильевича; потомъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ образомъ Св. Николая, поцѣловалъ его и побожился, что онъ истинный Димитрій, и что Св. Николай до этого дня хранилъ его на своей груди, а теперь возвратилъ его имъ, чтобы они старались почитать и любить его и служить ему со всею преданностью. Вся чернь отвѣчала три раза: «Сохрани, Боже, нашего Великаго Князя! Дай, Боже, ему здоровья и долгоденствія, накажи всѣхъ его враговъ, и такихъ, которые не вѣрны и не расположены къ нему!»

Спустя 14 дней послѣ этого въѣзда, въ церкви Дѣвы Маріи, 29-го Іюля, былъ онъ вѣнчанъ Патріархомъ на Царство со всѣми обыкновенными обрядами.

Принявъ вѣнецъ по единодушному совѣту всѣхъ, онъ показалъ свое первое мужество и доблесть на дочери бывшаго Великаго Князя, Бориса Годунова, Аксиньѣ: велѣлъ ее привести къ себѣ, блудничалъ съ нею нѣсколько дней и, вдоволь натѣшившись ею, приказалъ остричь у ней волосы и прогнать ее въ монастырь, гдѣ она и должна была оставаться до смерти.

Послѣ этого поступка онъ послалъ за своею матерью, проживавшей въ одномъ монастырѣ, за 100 миль отъ Москвы, куда посадилъ ее покойный Великій Князь, Борисъ. Когда она находилась уже въ двухъ миляхъ отъ города, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ нѣсколькими тысячами человѣкъ знатныхъ Бояръ, Совѣтниковъ и Дворянъ, и принялъ ее съ большимъ смиреніемъ и уваженіемъ. Не доѣзжая четверти мили отъ города, онъ съ знатнѣйшими Боярами сошелъ съ коня, принялъ ее со всею кротостію, и провожая городомъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, чтобы зрители это видѣли и не подумали ничего другого, кромѣ того, что онъ безъ всякаго обмана и хитрости, подлинно и явно былъ ея законный сынъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича. Мать, знавшая кое-что не со всѣмъ такъ въ этомъ дѣлѣ, притворялась веселою и довольною, что опять нашла своего роднаго сына, хоть сердце ея было и далеко отъ него, по тому что, благодаря этому ложному сыну, принятому ею, она опять получала Царское величіе и власть. Это явленіе вызвало слезы у зрителей: «Какъ чудесно, говорили они, Богъ поступаетъ съ людьми на этомъ свѣтѣ! Разлучаетъ дѣтей съ родителями, и опять соединяетъ ихъ, какъ очевидно это случилось теперь.»

Онъ привелъ ее въ монастырь въ Кремлѣ, выстроенный имъ заново, съ прекрасными деревянными комнатами и дворцами. Тамъ навѣщалъ ее каждый день и дѣлалъ для нея Царскій обѣдъ, чтобы нельзя было замѣтить между ними ни какой разницы въ кушаньяхъ и напиткахъ, чрезвычайно любилъ и уважалъ ее, такъ что тысяча человѣкъ побожились бы, что онъ ея истинный родной сынъ.

Ежедневно ходилъ онъ къ своимъ Совѣтникамъ въ комнату Совѣта и разсуждалъ съ ними о Государственныхъ дѣлахъ; когда Совѣтники оказывались медленны и ненаходчивы въ своихъ рѣ-

шеніямъ, также и недовольно дѣлали дѣла, онъ говорилъ имъ шутливо и смѣясь: «Милостивые Государи! Столько дней и часовъ вы совѣщаетесь объ этомъ дѣлѣ, и все еще не нашли, что нужно: это вотъ какъ должно быть,» и очень скоро могъ находить лучшее средство, чему они очень дивились. Онъ часто укорялъ ихъ въ грубости и неразуміи и въ томъ, что они неспособные и ничего не видавшіе люди; хотѣлъ разрѣшить ихъ дѣтямъ получать воспитаніе въ чужихъ краяхъ, учиться разнымъ языкамъ, добрымъ нравамъ, добродѣтели и честности и упражняться на турнирахъ, въ разныхъ воинскихъ играхъ, чтобы они могли сдѣлаться способными и привычными управлять землею и жителями и служить Королямъ и Государямъ.

За обѣдомъ приказывалъ онъ играть и показывать свое искуство музыкантамъ, какъ водится въ другихъ странахъ, у высокихъ лицъ. Онъ отмѣнилъ много обрядовъ, принятыхъ Москвитянами, на примѣръ, креститься, кланяться и нагибаться передъ образомъ, послѣ обѣда обмываться. Это глубоко огорчало Москвитянъ; у нихъ родились разныя дурныя мысли и подозрѣнія на своего новаго Великаго Князя; они повѣсили головы, точно ослы, когда заведутся у нихъ вши въ ушахъ.

Послѣ обѣда онъ не ложился спать, какъ водилось у прежнихъ Великихъ Князей и всѣхъ Русскихъ, а прохаживался въ казначейство, аптеки, лавки серебренниковъ; смотрѣлъ, что они работали и чѣмъ торговали; часто имѣлъ при себѣ не больше одного, или двоихъ молодыхъ Дворянъ, не рѣдко также отсылалъ отъ себя Камеръ-Юнкеровъ и Боярскихъ Дѣтей, и они иногда не знали, куда онъ дѣвался, должны были бѣгать и искать его по всѣмъ угламъ во дворцѣ, точно какія гончія собаки, пока не отыщутъ его. Этого никогда не бывало съ прежними Великими Князьями, по тому что, по Москвитянской ихъ величавости и знатности, имъ нельзя было прохаживаться изъ одной комнаты въ другую, развѣ только съ палкой въ рукѣ, да заставивъ водить себя подъ руку знатныхъ Бояръ. При выѣздахъ на богомолье по церквамъ и монастырямъ, онъ не садился въ большую колымагу, или коляску, но приказывалъ подводить себѣ самую горячую лошадь, которая лютѣе всѣхъ была ѣздить, бралъ въ руку поводья и, быстро бросившись въ сѣдло, гналъ ее точно ловкій рыцарь;

а терпѣть не могъ, если конюхи выносили ему стулъ, чтобы ставить на него ногу, когда хотѣлъ ѣхать верхомъ, какъ обыкновенно дѣлали прежніе Великіе Князья. Каждый день онъ находилъ удовольствіе въ прогулкѣ, скачкѣ верхомъ и охотѣ съ соколами и собаками. Онъ велѣлъ вылить порядочное количество мортиръ и полевыхъ пушекъ и отвезти ихъ въ Галичъ и на Татарскую границу. Наконецъ онъ припомнилъ и обѣщаніе, данное имъ въ Польшѣ, что какъ скоро овладѣетъ Царствомъ, возложитъ на себя Великокняжескій вѣнецъ и будетъ имѣть всю власть въ рукахъ, то до послѣднихъ силъ станетъ покровительствовать Папистской Вѣрѣ и распространять ее, да и возьметъ замужъ Марію Горгону (Юрьевну?), дочь Воеводы Сандомирскаго; для того вскорѣ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пріѣхавшимъ съ нимъ Езуитамъ отведенъ былъ большой дворъ въ городѣ Москвѣ, гдѣ бы они могли отправлять свое богослуженіе.

Для лучшаго успѣха и распространенія Римской Вѣры, Папскій Легатъ, Антоній Лонгинъ (Antonius Longinus), проживавшій при Дворѣ Польскаго Короля, прислалъ въ Москву своего племянника, съ четырьмя другими Езуитами, для умноженія шайки, потому что Езуитамъ было очень по сердцу найти себѣ такого добраго и благосклоннаго покровителя и доброхота, который любилъ Папскую Вѣру, усердно старался дѣлать все угодное Римскому Папѣ и предписанное Католическою Церковью, слѣдовательно, хлопоталъ о распространеніи и усиленіи ея ложной Вѣры.

Послѣ того отправилъ онъ въ Польшу также своего Канцлера, Аѳанасія Власьева (Flassi), съ большимъ сокровищемъ въ алмазахъ, уборахъ, золотыхъ цѣпочкахъ, браслетахъ, кольцахъ, кубкахъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, цѣною въ двѣ бочки золота, въ подарокъ дочери Воеводы Сандомирскаго, чтобы она и отецъ ея нарядились сколько можно пышнѣе и ѣхали въ Москву. Это глубоко огорчило Москвитянъ и внушило имъ большое недовѣріе; они и то уже по всему замѣчали, что ихъ поднимали на смѣхъ и дурачили, да къ тому же еще позорили и пренебрегали ими, такъ какъ Великому Князю больше понравилась чужеземная дѣвушка, не одной еще Вѣры съ ними, нежели ихъ землячка. Отъ того-то нѣкоторые знатные Бояре, особливо три брата Шуйскихъ (Zuski), начали составлять тайный заговоръ съ знатнѣйшими мо-

нахами и попами, говорили, что онъ совсѣмъ не сынъ Ивана Васильевича, и завели странные происки такъ явно и въ такихъ размѣрахъ, что онъ могъ замѣтить: по тому и не хотѣлъ больше довѣрять своимъ Совѣтникамъ, Боярамъ и Дворянамъ, и назначилъ при себѣ новую стражу изъ иностранцевъ. Онъ поставилъ надъ нею трехъ начальниковъ или Капитановъ: первый былъ Французъ, по имени Яковъ Маржеретъ (Margeret), другой назывался Матвѣй Кнутценъ (Knutzen), Курляндецъ, третьяго, Шотландца, звали Альбертъ Вандемонъ (Vandemon); у каждаго подъ начальствомъ была сотня тѣлохранителей; всѣ они исправно получали жалованье. Первые носили позолоченные бердыши, съ обитыми краснымъ бархатомъ древками и съ шелковыми и золотыми кистями, и одѣвались въ красное бархатное платье и плащи, отороченные золотымъ позументомъ. У другихъ были сѣкиры, въ видѣ полумѣсяца, и богатыя темнофіолетовыя платья съ красными бархатными прошвами и красными атласными рукавами. У третьихъ также были сѣкиры, но они различались тѣмъ, что платья у нихъ обшиты были зеленымъ бархатомъ, съ зелеными атласными рукавами.

Этѣ тѣлохранители должны были поочередно днемъ и ночью оберегать его особу. Это было очень досадно большимъ Боярамъ страны, и они говорили промежъ собою: «Уже этѣми тѣлохранителями онъ даетъ намъ знать, что у него на умѣ. Онъ ни во что насъ не ставитъ больше. Что же сдѣлаетъ онъ тогда, когда Княгиня придетъ въ страну, съ такимъ множествомъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Козаковъ? Намъ достанется тогда!» По тому старшій братъ изъ Князей Шуйскихъ думалъ, quod sit melius praevenire, quam praeveniri, и хотѣлъ предупредить это заблаговременно, пока Димитрій не подкрѣпилъ себя множествомъ иноземцевъ и дерево не выросло до такой вышины, что его ни достать, ни срубить нельзя будетъ. Онъ завелъ козни съ нѣкоторыми простыми гражданами, попами и воинами, какъ бы ему спровадить новаго Великаго Князя; но въ то время, какъ они всего больше вели свои козни, это стало извѣстно: нѣкоторые злоумышленники были схвачены и отведены на пытку; они тотчасъ же сознались въ своемъ замыслѣ и что затѣялъ и внушилъ его имъ вышеупомянутый Василій Шуйскій, говоря, что Великій Князь—нарушитель спокойствія, обманщикъ Государства, а не истинный родной сынъ Ивана

Васильевича, и что имъ надо помогать и содѣйствовать предпріятію на погибель его. По тому-то Великій Князь тотчасъ же задержалъ и другихъ военныхъ и велѣлъ не учавствовавшимъ воинамъ убить, какою хотятъ смертію, своихъ виновныхъ товарищей, и кто первый наложитъ руку на измѣнниковъ, того онъ не будетъ считать участниковъ въ заговорѣ. Всѣ воины съ великою злобой напали на виновныхъ и скоро заколотили ихъ до смерти палками, въ доказательство своей невинности.

Зачинщика и заводчика этого дѣла, Князя Василія Шуйскаго, Лжедимитрій велѣлъ пытать и славно отдѣлать розгами, послѣ чего онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти: привели его на площадь, прочитали приговоръ за его вину; уже голова его положена, какъ слѣдуетъ, на плаху, и палачъ долженъ былъ сдѣлать ударъ сѣкирой, вдругъ кто-то бѣжитъ во всю прыть изъ Кремля отъ Димитрія, машетъ рукой, кричитъ, что есть мочи, чтобы палачъ остановился; прибѣжавши, сказалъ, что Царь и Великій Князь всея Россіи даруетъ жизнь этому Шуйскому и милуетъ его, ради высокаго его происхожденія, и для того еще, чтобы онъ исправился и не повторялъ больше такихъ затѣй.

Гришка или Димитрій полагалъ, что сдѣлалъ довольно, рѣшившись на такую строгость съ Шуйскимъ, чтобы другіе Князья и Бояре страны взяли это себѣ въ урокъ и не думали больше заводить мятежи и крамолы; послѣ того онъ предался безпечности и нѣгѣ, въ томъ мнѣніи, что больше нечего бояться ни какихъ опасностей.

Князья и Бояре нѣсколько времени вели себя смирно и сдержанно, были благоговѣйны и почтительны, какъ будто не имѣли на сердцѣ ничего злаго, чтобы Царь былъ еще безпечнѣе и ничего не боялся. Они ѣздили съ нимъ гулять, вмѣстѣ охотились, забавлялись на турнирахъ и каруселяхъ, чтобы онъ ни какъ не могъ опасаться измѣны и предательства. По тому онъ и сталъ казаться веселѣе и безпечнѣе прежняго, и однажды уѣхалъ даже за шесть миль отъ Москвы, въ монастырь Вязому (VVezoma), съ своими думными Боярами и всею придворною челядью: съ нимъ было 300 тѣлохранителей и три роты Польскихъ всадниковъ; онъ хотѣлъ тамъ учить и упражнять своихъ Москвитянъ и посмотрѣть, на

что они годны; велѣлъ на одномъ мѣстѣ сдѣлать укрѣпленіе изъ снѣгу, въ которомъ, для обороны его, посадилъ Москвитянъ, поставилъ начальника, который бы распоряжался ими и защищался отъ непріятеля, чтобы этотъ не могъ взять крѣпости, или овладѣть ею приступомъ. Непріятелемъ ихъ былъ Димитрій и съ нимъ 300 тѣлохранителей: онъ долженъ былъ подступать къ укрѣпленію, всѣми силами стараться съ своими тѣлохранителями взять его и выгнать оттуда Москвитянъ, а этѣ защищать оное и отражать его. Когда все было устроено и сдѣлано для обѣихъ сторонъ столько комьевъ изъ снѣгу, что, по видимому, было достаточно, Димитрій съ своими людьми пошелъ на приступъ къ укрѣпленію, прогналъ Москвитянъ и овладѣлъ этой снѣжной крѣпостью, по тому что его воины прибавили въ снѣжки песку, льду и другихъ вещей, отъ чего Русскіе и получили себѣ множество синяковъ, были взяты въ плѣнъ и связаны. Димитрія очень радовало и забавляло, что онъ протурилъ таки своихъ Москвитянъ: онъ велѣлъ подать имъ разныхъ напитковъ, пива, меду и водки, и въ другой разъ готовиться къ такой же потѣхѣ. Но Русскимъ не такъ-то хотѣлось того: они сердились и злобились, что достали себѣ такіе ужасные синяки, и надумали другимъ образомъ принять Димитрія, съ его тѣлохранителями, чего бы то ни стоило. Одинъ изъ Русскихъ тотчасъ же открылъ это Димитрію, просилъ его бросить эту забаву, по тому что Русскіе сердятся на Нѣмцевъ за синяки, хотятъ отплатить имъ за это, во что бы то ни стало: пусть же онъ подумаетъ, что между ними много измѣнниковъ, а доброжелателей ему не много. Каждый Бояринъ и Дворянинъ носитъ подъ кафтаномъ длинный и острый ножъ, а онъ и его тѣлохранители, снявъ съ себя верхнее и нижнее вооруженіе, пойдутъ на приступъ съ одпѣми снѣжками: тогда, пожалуй, случится большая бѣда. Великій Князь одумался и оставилъ это, воротился въ Москву и вскорѣ потомъ узналъ, что если бы онъ въ другой разъ напалъ съ своими тѣохранителями на Русскихъ, они и въ правду сдѣлали бы этотъ приступъ послѣднимъ и перерѣзали бы ему горло.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1606 года, Великій Князь получилъ изъ Польши радостную вѣсть, что невѣста его уже на пути въ Россію: онъ послалъ ей на содержаніе 15 тысячъ рублей, и писалъ своимъ Дворянамъ, жившимъ въ Княжествахъ Смо-

ленскомъ, Дорогобужскомъ (Dorogabus) и Вяземскомъ (VVeesmo), чтобы всѣ они одѣлись какъ можно богаче и нарядиѣе для встрѣчи на границѣ невѣсты съ бывшей при ней дружиной, приняли ее съ великимъ уваженіемъ и почетомъ, оказывали ей всякія почести и услуги, какъ бы ему самому, и проводили ее въ городъ Можайскъ (Mosaisskovv), куда прибудутъ Тверскія, Рязанскія (Retzansche) и другія власти, для сопровожденія ея въ Москву.

Къ этѣмъ лицамъ посланъ былъ изъ Москвы большой Бояринъ, по имени Василій Мосальскій (Mozalskovv); онъ говорилъ рѣчь и привезъ невѣстѣ трои прекрасныя сани: первыя были порядочной величины, точно небольшая комната съ дверями и окошками изъ Московской слюды, снаружи крытыя краснымъ сукномъ и сплошь, сверху до низу, обитыя серебромъ, а внутри прекраснѣйшими соболями: въ нихъ и сидѣла невѣста, впереди шли 12-ть красивыхъ бѣлыхъ лошадей въ красной бархатной збруѣ съ серебрянымъ наборомъ; на нихъ сидѣли трое вершниковъ, всѣ одѣтые въ золотую парчу. Другія сани были не такъ велики, какъ первыя, впрочемъ то же крытыя краснымъ сукномъ, только безъ серебра, съ дверями и окнами, внутри обитыя сурками и лисицами: въ нихъ сидѣло нѣсколько Польскихъ знатныхъ госпожъ, впереди шли десять бѣлыхъ лошадей. Третьи сани были тоже обиты прекрасными куницами, передъ коими шли восемь бѣлыхъ лошадей. Такъ и ѣхали до Москвы.

Но такъ какъ приближалась Пасха, то праздникъ пробыли въ Можайскѣ и отдыхали; тайно ночью пріѣхалъ туда изъ Москвы и Великій Князь съ немногими лицами и засталъ врасплохъ своихъ новыхъ дорогихъ гостей, прежде нежели они провѣдали объ немъ; онъ провелъ тамъ два дня, потомъ воротился домой и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для въѣзда.

Проведя Пасху въ большомъ весельѣ, прибылъ въ Москву съ своими людьми отецъ Великокняжеской невѣсты, Воевода Сандомирскій: его съ нѣсколькими тысячами человѣкъ приняли прилично за городомъ и помѣстили въ Кремлѣ, на дворѣ прежняго умершаго Великаго Князя. Нѣсколько дней потомъ, 1-го Мая, за нимъ послѣдовала и невѣста, съ своимъ братомъ и шуриномъ, со всѣми женщинами и 4-мя тысячами мущинъ; невѣста съ своими

женщинами ѣхала въ колясках, привезенныхъ изъ Польши, по тому что санкаго пути не было и весь снѣгъ сошелъ.

Въ полумилѣ отъ города была разбита прекрасная палатка: тамъ находилось все Московское Дворянство, со всѣми иностранцами Великаго Князя, Нѣмцами и Поляками, всадниками и пѣшими воинами, всего до 100 тысячъ человѣкъ, всѣ одѣтые въ свои лучшія платья и въ самомъ дорогомъ убранствѣ. Великій Князь, переодѣвшись, ѣздилъ вездѣ самъ-третей, распоряжался всѣмъ лично, какъ хотѣлось ему, и потомъ воротился въ городъ.

Когда все было въ порядкѣ, вышелъ знатнѣйшій Князь и Бояринъ страны, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій (Fedro Ivvanovvitz Mstislouski), съ 200-ми другихъ знатныхъ Князей и Бояръ, всѣ въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой парчи, и принялъ, вмѣсто Великаго Князя, его невѣсту, ея брата и шурина, съ бывшими при ней людьми; онъ подарилъ ей 12 дорогихъ бѣлыхъ верховыхъ лошадей въ красивыхъ попонахъ подъ сѣдлами; въ поводьяхъ были серебряные прутики, сѣдла всѣ вызолочены и вышиты богато шелкомъ и жемчугомъ, удила серебряныя и тоже вызолочены; на каждомъ сѣдлѣ лежала рысья, или леопардовая, шкура, при всякомъ конѣ былъ нарочно одѣтый Московскій конный воинъ, который долженъ былъ править лошадью и водить ее. Еще подарилъ онъ невѣстѣ прекрасную большую Московскую коляску, съ высокимъ балдахиномъ, снаружи обитую краснымъ сукномъ, а внутри краснымъ бархатомъ. Подушки были изъ золотой парчи и вышиты жемчугомъ. Коляску везли другія 12-ть лошадей, бѣлыя въ черныхъ крапинахъ, и на нихъ три кучера въ платьяхъ изъ золотой парчи. Впереди коляски вели 12 верховыхъ лошадей. Послѣ рѣчи, Бояринъ очень почтительно просилъ Великокняжескую невѣсту, чтобы она благоволила принять дары отъ Великаго Князя и сѣсть въ коляску. Она тотчасъ же согласилась; знатнѣйшіе Князья и Бояре отвели ее изъ палатки въ коляску и повезли въ городъ, по обѣимъ сторонамъ возлѣ нея шло 300 тѣлохранителей. Впереди верховыхъ лошадей, которыхъ вели передъ коляской, ѣхали 200 Поляковъ съ копьями.

За коляскою слѣдовалъ братъ и деверь невѣсты съ Князьями и Боярами по обѣ стороны, а за ними Нѣмецкіе тѣлохранители.

Потомъ вели невѣстиныхъ лошадей, приведенныхъ съ нею изъ Польши, каждую съ двумя проводниками, послѣ того ѣхала Польская коляска невѣсты, очень пышно убранная, въ восемь лошадей, сѣрыхъ въ яблокахъ, съ красными выкрашенными гривами и хвостами. За тѣмъ слѣдовала Гофмейстерина и нѣкоторыя знатныя Польскія госпожи, а далѣе всѣ горничныя женщины въ 13-ти колясках, каждая въ 6-ть лошадей въ богатомъ уборѣ. За ними ѣхали всѣ Польскіе всадники, прибывшіе съ невѣстой изъ Польши, въ полномъ вооруженіи, съ ихъ трубами, литаврами и флейтами, потомъ Московская конница съ ея тѣлохранителями и трубами, а позади телѣги, съ Польскимъ оружіемъ и вооруженіемъ, и вся поклажа. По всѣмъ воротамъ въ городѣ, Кремлѣ и на мостахъ стояли Московскіе музыканты съ флейтами и барабанами, игравшіе безпрестанно. Когда невѣста въѣхала на площадь, поднялся сильный и страшный вихорь, какъ при входѣ Димитрія, о чемъ разсказывали мы прежде: многіе сочли это предвѣстіемъ большаго несчастія. Невѣста отведена была въ монастырь, къ своей мнимой матери.

Въ этотъ день Москвитяне были очень пасмурны и печальны, что нажили себѣ такое множество иноземныхъ гостей, дивились на всадниковъ въ латахъ и въ оружіи, спрашивали иностранцевъ, долго служившихъ и проживавшихъ у нихъ, нѣтъ ли обычая у нихъ на родинѣ пріѣзжать на свадьбу вооруженными; предавались страннымъ мыслямъ, особливо, когда увидали, что Поляки достали изъ своихъ телѣгъ съ оружіемъ нѣсколько сотъ привезенныхъ съ собою пистолетовъ и ружей.

Такъ какъ Князь Василій Шуйскій, съ нѣсколькими другими знатными Боярами, давно уже распускалъ молву, что этотъ Великій Князь незаконный наслѣдникъ, какимъ показывалъ себя, то простолюдины начали вѣрить тому, тѣмъ болѣе, что онъ сосваталъ себѣ Великую Княгиню изъ Польши, не той Вѣры, какая была въ его странѣ, пренебрегалъ своимъ собственнымъ народомъ (между которымъ онъ всегда бы нашелъ такую же знатную родомъ и красивую, какъ и та), любилъ и уважалъ иностранцевъ и предпочиталъ Поляковъ Москвитянамъ.

Тужили, что перемѣна въ Правительствѣ удалась имъ такъ плохо; вспоминали, какого прежде имѣли Государя, который былъ

не Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда старался о пользѣ и благосостояніи подданныхъ; думали и о томъ, какъ шли дѣла при этомъ Правительствѣ, и что теперешній Великій Князь, пожалуй, погубитъ Русскихъ въ конецъ съ Поляками и иностранцами и истребитъ ихъ.

Этѣ сѣтованія и жалобы Русскихъ дошли до Князя Василія Шуйскаго, котораго еще прежде хотѣлъ Димитрій казнить за его правдивыя слова, что Великій Князь не родной сынъ Ивана Васильевича, а теперь опять возвратилъ ему свою милость.

Этотъ Шуйскій велѣлъ тайкомъ позвать къ себѣ на дворъ Капитановъ и Капраловъ съ нѣкоторыми Дворянами и богатѣйшими гражданами, которые были самые искренніе его друзья. Онъ объяснилъ имъ, что вся Россія каждый часъ и каждую минуту находится въ великой опасности отъ новаго Великаго Князя и иностранцевъ, которыхъ набралось сюда такое множество: чего давно боялись Русскіе, теперь сбылось, какъ они сами узнаютъ на дѣлѣ. Желая прежде всѣхъ на что ни будь рѣшиться для этого дѣла, онъ едва было не потерялъ своей дорогой головы, и во всей Москвѣ не нашлось бы никого, кто бы сдѣлалъ что ни будь для того, или отважился на что, для себя и Государства. Но теперь они ясно видятъ, что изъ того выходитъ, а именно: погибель и конецъ всѣмъ Русскимъ; они будутъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ, подвергнутся ихъ игу и службѣ, по тому что этотъ Великій Князь, выдающій себя за истиннаго Димитрія, ни во вѣки вѣковъ не родной сынъ Ивана Васильевича, а Разстрига Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeja); если же они взяли и выбрали его въ Великіе Князья себѣ, это сдѣлано для того, что имъ не хотѣлось дольше жить подъ властію и правленіемъ Бориса Годунова. Они не знали ни какого другаго средства низложить его, кромѣ какъ чрезъ этого Гришку, и надѣялись, что онъ, называющій себя Димитріемъ, окажется совсѣмъ не такимъ къ Богу и Вѣрѣ, также и къ Москвитянамъ, какъ узнали они теперь на самомъ дѣлѣ.

По тому что онъ любитъ иностранцевъ, ненавидитъ и гонитъ своихъ собственныхъ земляковъ, поноситъ Святыхъ, оскверняетъ церкви, преслѣдуетъ духовныя лица, выгоняетъ ихъ изъ

домовъ и дворовъ и отводитъ тамъ жилище чужеземцамъ. Когда онъ ходитъ въ церкви, къ Дѣвѣ ли Маріи, или къ Св. Николаю и другимъ Святымъ, за нимъ тащатся и Поляки съ своими собаками и оскверняютъ святыню; онъ не пускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, высокаго, или низкаго, званія, безъ воли и согласія Поляковъ, которые скоро заберутъ себѣ все, что ни есть въ казнѣ, и она вскорѣ совсѣмъ опустѣетъ. Изъ того всякому смышленому человѣку легко заключить и видѣть, что онъ навѣрное замышляетъ отмѣнить древнюю Греческую Вѣру, а вмѣсто ея установить и распространить Католическую.

Чтобы все это исправить и привести въ дѣйствіе, онъ соединился особливо съ Королемъ Сигизмундомъ, оказавшимъ ему большое содѣйствіе и пособіе при овладѣніи верховною властію въ Москвѣ; за это онъ далъ ему обѣщаніе и клятву не ставить ни во что миръ и дружественный союзъ, торжественно заключенный между Шведскимъ Государствомъ и Россіею въ 1595 годѣ при Тявзинѣ (Tiesa). Это ясно можно видѣть изъ его письма къ Свѣтлѣйшему и Высокопочтенному Королю, блаженной памяти, Карлу IX; во исполненіе своего обѣщанія, онъ велѣлъ также привезти и нѣсколько тысячъ бревенъ въ Ивангородъ, намѣреваясь строить тамъ мостъ черезъ рѣку, для переправы по немъ войска и пушекъ.

Изъ того очевидно, что онъ затѣваетъ страшное кровопролитіе между обоими народами. Да у него есть еще и такое намѣреніе, чтобы душить, вѣшать, убивать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, высшаго и низшаго сословія, если только они не согласятся на его злой и дьявольскій замыселъ, не станутъ вѣрно помогать ему искоренить древнюю Греческую Вѣру и вмѣсто ея не примутъ и не будутъ распространять ложную и идолопоклонническую Папскую Вѣру. Всякой легко смекнетъ, что его настоящее и подлинное намѣреніе и замыселъ подчинить Россію Папскому игу и подданству и сдѣлать Русскихъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ. Кромѣ всего того, къ величайшему сраму для Русскаго народа, онъ беретъ себѣ въ жену еретичку, къ жестокому позору и пренебреженію всѣхъ Московскихъ дѣвицъ, которыя не только не уступятъ въ красотѣ, добродѣтели и происхожденіи, но еще будутъ и почище ея. Если же Русскіе не предупредятъ того заблаговременно, дѣло кончится очень худо. По

тому пусть же на голову Самозванца падетъ тотъ камень, который думаетъ онъ свалить на другихъ, и всегда лучше потушить искру, нежели большой, разгорѣвшійся, пожаръ.

Для того если Русскіе единодушнаго образа мыслей и благо родины близко ихъ сердцу, то онъ найдетъ средства и способы пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ за Христіанскую Греческую Вѣру и благоденствіе любезнаго Отечества; если хотятъ они вѣрно и храбро помогать въ этомъ дѣлѣ, то, во первыхъ, тайкомъ, со всѣмъ тщаніемъ и усердіемъ, должны увѣщевать и уговаривать другъ друга, а особливо Начальники и Капитаны обязаны какъ можно старательнѣй внушать подчиненнымъ имъ войскамъ, что онъ совсѣмъ не истинный Димитрій; съ Поляками и иностранцами замышляетъ и выдумываетъ всякое зло на Москвитянъ, какъ бы ему и лаской и таской сбыть съ рукъ знатнѣйшихъ людей въ странѣ, а на мѣсто ихъ поставить Поляковъ и другихъ иностранцевъ, преданныхъ Католическому суевѣрію. Они и будутъ править и начальствовать Христіанскимъ народомъ, дѣлать надъ нимъ великія насилія и жестокости, что и теперь уже очевидно: уже начинаютъ грабить, воровать, рубить, позорить, насиловать; Москвитянамъ надобно смотрѣть въ оба за ихъ поступками, сосѣдъ съ сосѣдомъ долженъ совѣтоваться какъ можно откровеннѣе, какъ бы сбыть съ рукъ, отвратить такую бѣду и срубить дерево, пока оно не доросло до неба, чтобы Московское Царство не пришло въ крайнюю нужду и не погибло, чтобы дѣти въ колыбели не стали горько плакать, рыдать и вопіять на родителей къ Царю Небесному, что они во время не остановили и не отвратили такого ужаснаго и неодолимаго несчастія, прежде нежели оно такъ въѣлось въ страну и разлилось по ней. Московскій народъ теперь въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, а Димитрій, съ его Поляками и иностранцами, не больше какъ въ пяти тысячахъ, да и живутъ они отдѣльно другъ отъ друга, одна толпа вдалекѣ отъ другой, и если бъ Москвитянамъ въ одинъ день всѣмъ собраться, то всѣхъ ихъ можно бы было захватить рано утромъ врасплохъ, среди сладкаго сна, и перебить, прежде нежели они достанутъ оружіе и смогутъ противиться. Nam accidit in puncto, quod non speratur in anno.

Какія намѣренія у Москвитянъ и что они хотятъ дѣлать, пусть дѣлаютъ это заблаговременно и тайно дадутъ ему знать о

томъ. Простой народъ не долго раздумывалъ надъ этѣмъ замысломъ: сговорились, единодушно поклялись жить и умирать вмѣстѣ, хотѣли вѣрно помогать вышеназванному Шуйскому и его сообщникамъ, и очистить отъ невѣрныхъ и безбожныхъ еретиковъ Христіянскій городъ и Кремль Московскій; сейчасъ же желали знать, въ какой день приниматься за это дѣло, а то они готовы совсѣмъ. Имъ дали условный знакъ, по которому надобно было подниматься, а именно: когда утромъ ударятъ въ набатъ, каждый долженъ бѣжать изъ дому къ Кремлю и кричать, что Поляки въ полномъ вооруженіи, хотятъ убить Великаго Князя и Думныхъ Бояръ, и овладѣть всею Москвой. Шумя и крича такъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, они должны будутъ всей силой вломиться къ Лжедимитрію, какъ будто желая спасти его и пособить ему отъ Поляковъ, и подъ этѣмъ предлогомъ убить его, а за тѣмъ и всѣхъ Польскихъ гостей, которыхъ домы и помѣщенія ночью замѣчены будутъ буквами.

Когда рѣшалось это на счетъ Великаго Князя и Поляковъ, они жили въ безпечности и въ полномъ довольствѣ, наѣдались и напивались, играли и плясали, веселились и забавлялись, не обращая ни какого вниманія на тайные, умные совѣты и предостереженія нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ слугъ, что они по секрету слышали о Московскомъ заговорѣ и коварномъ замыслѣ. Полякамъ все это было трынъ-трава: они думали, что въ силахъ справиться съ грубыми людьми, если они поднимутъ тревогу и возмущеніе; имъ совсѣмъ не приходило на умъ, что жили далеко отъ Кремля и разбросаны тамъ и сямъ, а по тому и не могутъ выручать другъ друга во время мятежа и опасности. И Лжедимитрій, и Поляки узнали это лишь въ день возстанія, къ великому для себя вреду и гибели.

Спустя восемь дней послѣ въѣзда невѣсты въ городъ, 7-го Мая, ее проводили изъ монастыря, въ который она привезена была сначала, въ ея комнаты, съ 200-ми восковыхъ свѣчъ.

8-го Мая происходило бракосочетаніе и вѣнчаніе въ Кремлѣ, въ церкви Дѣвы Маріи. Передъ свадьбою вышелъ большой споръ у Димитрія съ Князьями и Думными Боярами изъ за платья невѣсты. Великій Князь и Поляки хотѣли, чтобы дѣвушка вѣнча-

лась и короновалась въ Польскомъ нарядѣ, къ которому привыкла она съ дѣтства, при томъ же онъ и лучше шелъ къ ней, нежели иноземный. Но Русскіе Бояре не хотѣли допустить того: она должна одѣться по Московски, какъ заведено было въ землѣ, по тому что ее будутъ вѣнчать въ Русскія Великія Княгини и сочетаютъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ. Наконецъ рѣшено, чтобы быть тому по желанію Русскихъ, и Димитрій пошелъ съ тѣмъ къ невѣстѣ; онъ уговорилъ ее, что если она хочетъ сдѣлать угодное Князьямъ и Боярамъ страны, переодѣлась бы на одинъ день и вѣнчалась въ Московскомъ нарядѣ, чтобы они не имѣли причины роптать, что онъ надѣлалъ много перемѣнъ въ странѣ: она одѣнется такъ лишь на одинъ день. Невѣста наконецъ согласилась, сняла Польское платье и надѣла дорогое и пышное Московское, въ которомъ и была отведена въ церковь, коронована и обвѣнчана. Вся дорога, по которой она шла изъ Княжескихъ комнатъ въ церковь къ вѣнчанію, устлана была поперемѣнно краснымъ сукномъ и двумя золотыми парчами. По обѣ стороны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стояли Москвитяне въ длинныхъ парчевыхъ кафтанахъ, очень плотно другъ къ другу, Камеръ-Юнкеры, Гофъ-Юнкеры и другіе Дворяне были одѣты тоже въ золотую парчу, съ золотыми цѣпочками, повѣшенными крестъ на крестъ, и шли впереди въ высокихъ шапкахъ изъ черныхъ лисицъ.

За ними слѣдовали трое Бояръ: первый несъ для Великаго Князя золотой скипетръ, другой золотую державу, а третій обнаженную саблю. За ними шелъ Великій Князь въ вѣнцѣ и въ своемъ нарядѣ: его велъ Воевода Сандомирскій, отецъ невѣсты. Возлѣ Великаго Князя шли четверо Бояръ, по двое на каждой сторонѣ, также въ золотой парчѣ, высокихъ черныхъ шапкахъ и въ золотыхъ цѣпочкахъ, повѣшенныхъ крестообразно, и несли на плечахъ серебряные бердыши.

За тѣмъ слѣдовала Великая Княгиня, одѣтая по Московски, которую вела одна Московская госпожа; за нею шли Польскія комнатныя дѣвушки вмѣстѣ съ Московскими, и такимъ образомъ всѣ эти лица, въ огромномъ числѣ, вошли въ церковь. Послѣ вѣнчанія и коронованія, молодая посажена на стулъ изъ чистаго золота, сплошь выложенный драгоцѣнными каменьями, 600-ми алмазовъ, 600-ми рубиновъ, 600-ми сапфировъ, 600-ми смараг-

довъ и 600-ми бирюзовыхъ камней. Всѣ этѣ камни были не малы, а очень даже велики, особливо нѣсколько бирюзъ, которыя были въ половину голубинаго яйца. Этотъ стулъ или кресла прислалъ, какъ самый высшій почетный подарокъ, Царь Персидскій тирану Ивану Васильевичу.

Когда вели ее съ вѣнчанія изъ церкви, брошено было по обѣ стороны въ народъ нѣсколько тысячъ грошей, въ два Угорскіе червонца каждый, другіе и поменьше, съ двуглавыми орлами по обѣимъ сторонамъ, какъ ихъ чеканили тогда. Такъ и проводили Княгиню опять въ ея комнаты.

Свадьба происходила съ большимъ торжествомъ и пышностію. Въ Кремлѣ выстроенъ былъ деревянный помостъ, на которомъ стояли 32 трубача, 34 барабанщика и литаврщика, одѣтые по Московски: они безпрестанно трубили и били въ литавры, пока не кончилась свадьба.

На другой день, послѣ коронованія и брака, Димитрій просилъ свою Великую Княгиню снять Московское платье, опять надѣть Польское и носить его въ честь ему: вчера она носила Московскій нарядъ въ честь и въ угожденіе его Думнымъ Боярамъ, Князьямъ и всей странѣ; сегодня же и всѣ другіе дни должны быть его. Онъ будетъ теперь царствовать и дѣлать, что ему угодно, а не то, чего хотѣли его думные Бояре и Москвитяне.

Такъ Великая Княгиня съ этого дня и ходила все въ Польскомъ нарядѣ. Свадебные дни проводили въ большой радости и торжествѣ, въ ѣдѣ, въ питьѣ, въ пляскахъ и скачкахъ, въ играхъ и многихъ другихъ придворныхъ забавахъ. Поляки напивались до безчувствія, такъ что не могли и владѣть собою; на обратномъ пути въ свои квартиры принимались за разныя наглости и дерзости на улицахъ, рубили, били, силою брали женъ и дочерей у Дворянъ изъ колясокъ, насиловали ихъ, дѣлали много порочныхъ и срамныхъ дѣлъ. Русскіе были очень недовольны, однако жь молчали и замѣчали все тщательно. 11-го Мая Великій Князь велѣлъ готовить въ поварняхъ всѣ кушанья на Польскій ладъ, жарить и варить телятину; у Русскихъ поваровъ было омерзѣніе къ ней, и они разнесли объ этомъ молву между Дворянами, граж-

дапами и простымъ народомъ. Русскіе очень презирали за это Великаго Князя, злословили его и говорили между собою: «Да, онъ и въ правду жестокій еретикъ!» однако жь вели себя смирно и выжидали случая.

12-го Мая простой народъ говорилъ въ голосъ, что новый Великій Князь еретикъ, хуже Турки, а не истинный сынъ Ивана Васильевича, не такъ прилежно ходитъ въ церковь, какъ прежде, держится иноземныхъ обычаевъ и обрядовъ, ѣстъ телятину и всякія поганыя кушанья, въ церковь ходитъ не мывшись, и не творитъ поклоновъ передъ Святымъ Николою и другими Святыми. Баня топится каждое утро, съ перваго дня свадьбы до нынѣшняго, а онъ не моется съ своей еретичкой, Великой Княгиней, однако жь въ церковь ходитъ, и при томъ съ Поляками, которые водятъ съ собою стаи собакъ и оскверняютъ святыню. Откуда разошлась молва, что онъ не истинный Димитрій, они не знали, но громко говорили объ этомъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ что многіе изъ нихъ дивились тому. Тѣлохранители схватили было одного такого болтуна, отвели его въ Кремль и передали Великому Князю его рѣчи, также и слухъ, что есть какая-то измѣна. Великій Князь сейчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ тѣлохранителей и приказалъ имъ зорко смотрѣть днемъ и ночью, а схваченнаго пытать, по тому что онъ вѣроятно знаетъ, какая это измѣна. Но Думные Бояре посмотрѣли на это сквозь пальцы, объяснили Великому Князю, что это человѣкъ хмѣльной, и ничего не умѣетъ разсказать, впрочемъ и трезвый-то онъ не больно смышленъ и разуменъ; просили Великаго Князя успокоиться, не тревожить себя такими злыми, но пустыми, вѣстями, и не давать вѣры всякому наушнику: онъ довольно силенъ и могуществененъ, чтобы покарать своихъ враговъ и измѣнниковъ, если только есть такіе люди, которые хотѣли бы затѣять что ни будь вредное. Онъ такъ и бросилъ это, продолжалъ утопать въ великомъ сладострастіи и безпечности съ своей женой и не думалъ ни о какомъ возмущеніи и измѣнѣ, о чемъ, однако жь, могъ бы узнать довольно.

Когда объ этомъ стали ходить толки, и явные, и тайные, 17 Мая, раннимъ утромъ, около 3-хъ часовъ дня, когда Великій Князь и власти находились въ самомъ сладкомъ снѣ и не помы-

шляли ни о чемъ вредномъ, Москвитяне поднялись и, по словамъ Виргилія,

«Invadunt urbem vino somnoque sepultam.»

Ихъ пробудилъ отъ сна звонъ нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, которые били набатъ: народъ безъ памяти бѣжалъ изо всѣхъ домовъ и угловъ къ Кремлю, кто съ плетью, кто съ ружьемъ и длинною винтовкой, кто съ обнаженной саблей, кто съ копьемъ и коломъ, кто что схватилъ второпяхъ, и всѣ они кричали: «Кто хочетъ убить нашего Великаго Князя?»—«Поляки!» отвѣчали Бояре и Дворяне. Проснулся и Великій Князь, перепугался, послалъ своего вѣрнаго Камергера, Петра Басманова (Pieter Bosmanno), узнать, что такое происходитъ? Когда онъ вышелъ и спросилъ, что значитъ этотъ набатъ? нѣкоторые собравшіеся Бояре отвѣчали, что не знаютъ и что гдѣ ни будь пожаръ въ городѣ. Съ тѣмъ и ушелъ онъ и донесъ о томъ Великому Князю.

Но какъ шумъ и тревога становились что далѣе, то больше, Великій Князь послалъ Басманова въ другой разъ хорошенько развѣдать, что такое происходитъ и гдѣ горитъ въ городѣ, а самъ всталъ и одѣлся. Басмановъ посмотрѣлъ въ окно и увидалъ, что весь народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стоитъ съ копьями и пиками, ружьями и саблями. Онъ очень испугался и спросилъ, что имъ надо и что значитъ этотъ набатъ? Ему отвѣчали краснымъ словцомъ и требовали, чтобы онъ выдалъ имъ своего негожаго и воровскаго Великаго Князя: съ нимъ они будутъ толковать и дѣлать дѣло.

Басмановъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло, рвалъ на себѣ волосы, велѣлъ тѣлохранителямъ принять всѣ предосторожности и не впускать ни одного человѣка, вошелъ къ Великому Князю и сказалъ: «Бѣда, Всемилостивѣйшій Великій Князь и Государь! Ты самъ виноватъ; великая измѣна: сословія и народъ вызываютъ тебя. Ахъ, ты не хотѣлъ вѣрить, что говорили тебѣ вѣрные твои слуги!» Въ то время, какъ онъ говорилъ такъ съ Великимъ Княземъ, какой-то Дворянинъ продрался за тѣлохранителями въ комнату и сказалъ ему: «Негожій Великій Князь! Что не выходишь и не даешь отвѣта народу?» Басмановъ, услыхавъ это, въ горячности и гнѣвѣ,

схватилъ саблю, висѣвшую на стѣнѣ, и отнесъ ему голову отъ туловища.

Великій Князь прыгнулъ въ переднюю, взялъ у одного тѣлохранителя бердышъ, показалъ его простому народу и сказалъ: «Не думайте, что я Борисъ Годуновъ!» и заколоъ нѣкоторыхъ; другіе выстрѣлили по немъ и вскорѣ до того прижали его, что онъ опять долженъ былъ ускользнуть въ комнату. Басмановъ вышелъ опять къ знатнымъ Боярамъ и Совѣтникамъ, умолялъ ихъ Богомъ и ради Бога бросить свою злую затѣю, и дѣлать только то, что можно похвалить. Тогда одинъ изъ знатныхъ Бояръ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ (Tatissov) отвѣчалъ ему: «Выблядышъ, что ты говоришь? Цѣлуй свою мать и своего Великаго Князя!» * выхватилъ длинный ножъ и проколоъ его прямо въ сердце, такъ что онъ тутъ же повалился и умеръ. Другіе Бояре взяли его и сбросили съ лѣстницы, чтобы простой народъ видѣлъ, что нѣтъ уже того отважнаго Боярина, котораго мужества, доблести и осторожности боялись всѣ. Увидавъ его мертвымъ, всѣ они ободрились, безъ страха вбѣжали большой толпой въ переднюю къ тѣлохранителямъ и хотѣли схватить Димитрія. Онъ вышелъ съ своимъ палашемъ, рубилъ во всѣ стороны, сколько было у него силы, однако жъ ничто не помогало противъ такого множества народа: Москвитяне вырубили топорами доски въ передней, силою ворвались къ тѣлохранителямъ, отняли у нихъ ружья, и Димитрій только съ 15-ю тѣлохранителями ушелъ въ самую переднюю комнату: заперли двери, въ которой стали за ними съ ружьями и оборонялись, пока могли. Димитрій бросилъ свой палашъ, рвалъ на себѣ волосы и, не сказавъ ни слова, выпрыгнулъ въ окно на то мѣсто, гдѣ стояли на стражѣ стрѣльцы, надѣясь найти у нихъ защиту и помощь, или же спастись бѣгствомъ.

Но какъ окно было 15 аршинъ вышины отъ земли, то онъ выпрыгнувъ, повихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ сойти съ мѣста и оставался въ лежачемъ положеніи. Русскіе все ходили изъ одной комнаты въ другую, взяли въ плѣнъ тѣлохранителей, сколько ихъ ни было во дворцѣ, и приставили къ нимъ такъ много сторожей,

* Переиначено Петреемъ, вмѣсто извѣстнаго краснаго словца.

что ни одному нельзя было уйти. Бывшіе въ передней комнатѣ спрашивали, гдѣ Великій Князь, грабили Княжескія комнаты и тащили все, что ни попадало имъ въ руки: золото, серебро, драцѣнные камни, кубки, жемчугъ, платья, ковры и другіе дорогіе товары, стоившіе большихъ денегъ. Знатные Бояре и другіе Дворяне бросились въ женскія комнаты: всѣ женщины, отъ сильнаго страха, отчаянія и ужаса, лежали полумертвыя на полу, въ слезахъ и трепетѣ. Великая Княгиня спряталась подъ юбку Гофмейстерины. Не нашедши ни ея, ни Великаго Князя, Бояре спрашивали у Гофмейстерины и дѣвицъ, гдѣ Великій Князь и Княгиня? «Объ этомъ вамъ лучше знать, отвѣчали женщины, куда вы дѣвали Великаго Князя; мы не приставлены ему прислуживать.» — «Скверныя вы блудницы, сказали тогда Русскіе въ одинъ голосъ. «Гдѣ Польская блудница, Великая Княгиня?» Гофмейстерина спросила, чего хотятъ они? Тѣ отвѣчали, какъ безстыжіе люди, не знавшіе ни чести, ни приличія, ни скромности, и сказали во всеуслышаніе женщинамъ: «Nos congrediemur cum ipsis, unus a tergo, alter a fronte. Scimus enim Polonicas meretrices non satiari unius amplexu, sed plurium concubitu delectari. His dictis, membra virilia coram toto Gynecaeo palam ostendebant, narrantes: «En, meretriculae, nonne nos vestris? Polonis sumus perfectiores: venite in nostrum amplexum et facite nobiscum periculum!» Съ этѣми словами они захватили всѣхъ женщинъ: одинъ Князь и Бояринъ взялъ одну дѣвушку, другой Бояринъ и Дворянинъ другую, отослали ихъ съ слугами къ себѣ домой и заставили ихъ силою исполнить свои желанія. Гофмейстерина, престарѣлая женщина, осталась въ комнатѣ съ Великою Княгинею. Они выругали ее матерью всѣхъ блудницъ, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ Великая Княгиня? Та отвѣчала, что сегодня, съ восходомъ солнца, когда началось смятеніе, она ушла къ своему отцу, Сандомирскому Воеводѣ, тамъ она и теперь, и еще не возвращалась сюда. Въ то время, какъ Бояре занимались этѣмъ, стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ внизу Дворца, замѣтили Великаго Князя тамъ, гдѣ лежалъ и стоналъ онъ, и находился въ чрезвычайно плохомъ положеніи; они подошли къ нему, подняли его и хотѣли опять отнести въ его комнаты. Простой народъ, увидавъ это, оставилъ Гофмейстерину съ Великою Княгинею, спрятанной у нея подъ юбкой, и быстро побѣжалъ съ лѣстницы, чтобы убить Димитрія. Этотъ надавалъ большихъ обѣща-

ній стрѣльцамъ, если они спасутъ ему жизнь, и стрѣльцы сначала было защищали его и застрѣлили нѣсколькихъ Дворянъ, но скоро одолѣло множество Дворянъ, граждапъ и черни: стрѣльцы оставили своего Великаго Князя и выдали его простому народу, а этотъ опять понесъ его въ комнату къ нему, имѣвшую очень жалкій видъ. Пока несли его, онъ видѣлъ, что все расхищено и растащено, видѣлъ, какими бѣдняками стояли его тѣлохранители, безъ всякаго оружія, окруженные стражей; онъ вздыхалъ, плакалъ, не говорилъ ни слова, только на душѣ у него не много могло быть пріятнаго: «Nam latet anguis in herba.» Одинъ изъ тѣлохранителей, по имени Вильгельмъ Фюрстенбергъ, продрался въ его комнату и хотѣлъ узнать, что они замышляли тамъ сдѣлать съ нимъ; Русскіе увидали это, закололи его бердышемъ у ногъ Великаго Князя и, говоря: «Посмотрите, пожалуйста, какія вѣрныя собаки иностранцы! Они не могутъ еще оставить своего плутовскаго Великаго Князя: надо перебить ихъ всѣхъ;» однако жь знатнѣйшіе Князья и Бояре отсовѣтовали имъ и не допустили до того.

Снявъ съ Димитрія Великокняжеское платье и надѣвъ на него другое, ветхое и разодранное, не такъ чтобы очень дорогое, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: «Смотрика! Какой Великій-то Князь всея Россіи!» другой отвѣчалъ: «Эдакой-то Великій Князь есть дома у меня, въ конюшнѣ!» третій указывалъ на него пальцемъ и дралъ его за уши; четвертый далъ ему пощечину, промолвивъ: «Блядской сынъ! сказывай, кто ты? Какъ зовутъ твоего отца и тебя? Къ какому дому принадлежишь ты?» — «Вы знаете, отвѣчалъ онъ, что я вашъ вѣнчанный Великій Князь и родной сынъ Ивана Васильевича. Если не хотите давать мнѣ ни какой вѣры, ступайте въ монастырь, къ моей матери, и спросите ее, такъ ли это?» Туда тотчасъ же и пошелъ главный зачинщикъ мятежа, Василій Ивановичъ Шуйскій, и спросилъ его мать, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Она рѣшительно отреклась и клялась торжественно, что не имѣла другаго сына, кромѣ одного Димитрія, убитаго за нѣсколько лѣтъ до того въ дѣтскихъ лѣтахъ въ Угличѣ. Когда Шуйскій вернулся съ этѣмъ отвѣтомъ, тотчасъ же подбѣжалъ одинъ богатый купецъ съ пистолетомъ въ рукѣ и вскричалъ: «Нечего долго толковать и ламаться съ еретикомъ: я покончу съ этѣмъ измѣнникомъ и соблазнителемъ народа!» — и

всадилъ ему пулю въ сердце, такъ что онъ тутъ же и протянулся; тутъ всѣ подбѣжали къ нему, и кричали: «Crucifige, crucifige! «Не оставляй его живаго!» одинъ рубилъ его по головѣ, другой по рукѣ, третій кололъ его ножомъ, пятый по спинѣ. Другіе потащили его за ноги изъ комнаты на площадь, гдѣ лежалъ самый вѣрный его слуга и камергеръ, Басмановъ, говоря: «За жизни вы были добрыми друзьями и собесѣдниками, будьте же вмѣстѣ и по смерти!» Это было на девятый день послѣ свадьбы Лжедимитрія, 17-го Мая, 1606 года, послѣ 11-тимѣсячнаго его царствованія.

Такъ обратилась великая радость въ горе, ликованье въ печаль, забава въ неудовольствіе; отъ того-то никому не должно слишкомъ полагаться на свое счастіе, тѣмъ менѣе гордиться имъ и ликовать. Шаръ счастія круглый, вертится очень скоро, и бѣда является прежде, чѣмъ думаютъ и гадаютъ.

Умертвивъ Гришку или Димитрія, Басманова и нѣкоторыхъ другихъ, Москвитяне побѣжали и перебили всѣхъ его потѣшниковъ и музыкантовъ, всего до 100 человѣкъ, которымъ отведено было помѣщеніе у поповъ и монаховъ.

Передъ воротами Сандомирскаго Воеводы Москвитяне поставили нѣсколько пушекъ и расположили кругомъ двора нѣсколько тысячъ воиновъ, для охраненія его, чтобы нельзя было оттуда выйти и собакѣ, не то что человѣку, покамѣсть продолжался мятежъ. А другіе Поляки, проживавшіе въ городѣ и помѣщавшіеся въ гостинницахъ, въ числѣ 11-ти, или 12, человѣкъ въ каждой, были безпощадно и жалостно убиты.

Москвитяне убили бы и брата Великой Княгини, жившаго тоже въ городѣ, если бъ онъ не былъ такъ силенъ въ людяхъ, не имѣлъ крѣпкаго бастіона около себя и не оборонялся съ такою храбростью, что пало много Москвитянъ. Также защищался и деверь Великой Княгини и Королевско-Польскій посланникъ, Александръ Гонсѣвскій (Conseuski), имѣвшіе у себя 700 человѣкъ: они грозились стрѣлять въ городъ, зажечь дома и защищаться до послѣдняго человѣка, пока Русскіе не поклянутся оставить ихъ въ живыхъ.

Такаго же мнѣнія были и старые Польскіе кавалеристы, прибывшіе въ страну съ Гришкою или Димитріемъ: они приготовились сопротивляться Русскимъ, если этѣ сдѣлаютъ нападеніе на ихъ дворы; но Русскіе ни мало не посмотрѣли на это, притащили къ дворамъ большія и толстыя бревна, поставили передъ воротами пушки, грозились совсѣмъ истребить ихъ, буде добромъ не сдадутся, два раза выстрѣлили во дворъ и такъ ужасно кричали передъ нимъ, что Полякамъ стало страшно: они стали договариваться съ ними о мирѣ на томъ условіи, чтобы знатнѣйшіе Князья и Бояре поклялись и цѣловали крестъ, что ни кому изъ Поляковъ не сдѣлаютъ ни какого вреда. Къ нимъ пошелъ Князь Василій Шуйскій съ нѣсколькими другими Сенаторами, и всѣ цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ имъ ни какого зла; нѣсколько дней имъ надо провести въ тишинѣ и держать себя на дворахъ смирно, не выходить и не бродить между народомъ, очень озлобленнымъ на Поляковъ за насилія и нахальства его женамъ и дѣтямъ; такая же милость оказана была и другимъ Полякамъ, соединившимся вмѣстѣ въ достаточныхъ силахъ и имѣвшимъ возможность храбро защищаться отъ нечаяннаго нападенія Русскихъ.

Другіе же Поляки, жившіе на квартирѣ въ числѣ 6-ти, 7-ми, или 10 человѣкъ, всѣ были исреблены, какъ собаки, и между ними много прямыхъ и честныхъ людей, Поляковъ и Нѣмцевъ, пріѣхавшихъ съ разными драгоцѣнностями и нарядами на свадьбу.

Нѣкоторые заблаговременно уѣхали верхомъ и искали убѣжища въ предмѣстьѣ, гдѣ жили старые Нѣмцы. Однако жь всѣ они были захвачены, перебиты и брошены въ рѣчку Яузу (Jagysa); во время мятежа, который продолжался до 8-ми часовъ, осталось на мѣстѣ 1702 человѣка, погибшіе жалкою смертію, раздѣтые до нага, брошенные на улицѣ, точно падаль какая. Они лежали подъ открытымъ небомъ, и собаки кормились ихъ трупами, пока не похоронили ихъ, и то на третій только день послѣ мятежа: тогда вывезли ихъ изъ города и бросили въ яму, другъ на друга, точно посолили нѣсколько кусковъ сала, и засыпали потомъ землею.

По окончаніи этого мятежа и жалостнаго избіенія, къ вечеру Русскіе раздѣли до нага своего убитаго Димитрія, вмѣстѣ съ вѣрнымъ его Камергеромъ, Петромъ Басмановымъ, привязали шнур-

комъ ногу Басманова къ дѣтороднымъ частямъ Димитрія, вытащили ихъ изъ воротъ Кремля на площадь, принесли туда столъ и скамейку: Димитрія положили на столъ, а его вѣрнаго совѣтника на скамейку, поперекъ къ столу, такъ что ноги Димитрія лежали на груди Басманова, чтобы всѣ видѣли и знали, что шатунъ монахъ, обманщикъ страны и осквернитель дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ спроваженъ отъ жизни къ смерти.

Когда Гришка лежалъ въ такомъ видѣ на столѣ, пріѣхалъ изъ Кремля верхомъ одинъ Дворянинъ, привезъ съ собой волынку и маскарадное платье, бросилъ къ нему на животъ, въ ротъ ему сунулъ дудку, а волынку положилъ на грудь и сказалъ: «Ты, блядской сынъ и обманщикъ страны, вдоволь прежде поигралъ на дудкѣ, поиграй-ка теперь для насъ!» Нѣкоторые другіе Дворяне, граждане и купцы, стоявшіе тутъ и глазѣвшіе, сѣкли трупъ розгами, приговаривая: «Ахъ ты отпѣтый монахъ и сынъ бляда, сколько зла-то надѣлалъ ты въ нашей странѣ! сколько великаго вреда намъ нанесъ! Какъ это ты растратилъ до чиста всю казну и надѣлалъ такихъ большихъ бѣдъ?» Туда пробрались также и Московскія женщины, и тоже очень зло наругались надъ нимъ, сколько могли. Но какъ Басмановъ былъ знатной фамиліи и рода, и сводный братъ его находился еще въ живыхъ, то этотъ послѣдній и выхлопоталъ у знатнѣйшихъ Князей и Бояръ позволеніе унести брата съ площади и похоронить его.

Гришка или Димитрій три дня и три ночи долженъ былъ оставаться въ показанномъ мѣстѣ, ради позора и великаго униженія за огромный вредъ и великія бѣды, сдѣланныя имъ Русскимъ. По тому что онъ такъ былъ гордъ, честолюбивъ и надмененъ, что, подобно Александру Великому, требовалъ себѣ уваженія отъ своихъ служителей и подданныхъ, приличнаго не Императору, Королю и Государю, а Богу, и величалъ себя не такъ, какъ дѣлали его предшественники и прежніе Великіе Князья, а назывался Царемъ всѣхъ Царей. Когда онъ, или жена его, переходили изъ одной комнаты въ другую, тѣлохранители и его служители должны были изъявлять имъ свое почтеніе и усердіе не такъ, какъ водилось у другихъ великихъ свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ поклономъ, приклякиваніемъ; нѣтъ, они должны были становиться на колѣни. Это прилично одному лишь Богу, а изъ лю-

дей на землѣ никому; за то они и праведно наказаны отъ Бога, что не отдавали ему чести. По тому что Ему одному слѣдуетъ и принадлежитъ, чтобы, по слову псалма, преклонялись всѣ колѣна на небѣ и на землѣ, когда произносится имя Іисуса, нашего Искупителя, а не тогда, когда называютъ суевѣрнаго человѣка и властителя.

Послѣ того какъ Гришка или Димитрій получилъ такой жалкій конецъ, нѣкоторые Русскіе распустили слухъ, что много чудесныхъ знаменій бываетъ у его тѣла; я разскажу ихъ нѣсколько, хоть самъ и не видалъ ихъ, а слышалъ отъ другихъ и не много сомнѣваюсь въ истинѣ, по тому что Русскіе охотно занимаются такими лжами, баснями и сказками. Они говорятъ, что на третью ночь, когда мнимый Великій Князь лежалъ не похороненный на площади, вышли изъ земли нѣсколько свѣчъ по обѣимъ сторонамъ стола и горѣли; когда же пришли сторожа и уставились смотрѣть на это — онѣ пропали, но по уходѣ сторожей показались опять. Въ ужасѣ Русскіе дали знать о томъ Думнымъ Боярамъ Государства и знатнѣйшимъ лицамъ. Тотчасъ же сдѣлано приказаніе унести оттуда трупъ и бросить въ ровъ, гдѣ нищіе и неимущіе люди имѣли свое кладбище.

Въ то время, какъ переносили его, поднялся по всему городу неслыханно страшный вихрь, сорвавшій кровли съ нѣсколькихъ церквей и башни съ городскихъ стѣнъ: всѣ только дивились тому. Когда похоронили Гришку и народъ разошелся, на другой день трупъ опять очутился на мѣстѣ у рва, а на немъ сидятъ два живые голубя: когда подходилъ кто ни будь, голуби улетали, а когда уходилъ, прилетали снова. По тому и велѣли Сенаторы бросить его опять въ яму, навалить въ нее земли и закопать ее. Тамъ и лежалъ онъ семь дней. Когда прошли этѣ дни, трупъ былъ найденъ опять въ получетверти мили отъ кладбища. Весь народъ въ Москвѣ испугался, что такія странныя диковинки происходятъ съ трупомъ: «Это диво дивное, говорили, что тѣло не хочетъ оставаться въ землѣ.» Одинъ говорилъ, что самъ дьяволъ дурачится и потѣшается такъ надъ людьми, отступившими отъ Христіянской Вѣры; другой утверждалъ, что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искуству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился тоже этому дьяволь

скому искуству, отъ того и надобно бросить его въ огонь и сжечь до тла. Такъ и сдѣлали: сложили большую груду дровъ, сѣры и соломы, положили на нее трупъ и сожгли его въ прахъ, а пепелъ разсѣяли по воздуху: пусть онъ умчитъ его со всѣмъ ядомъ, который впиталъ въ себя Гришка и принесъ съ собою въ страну, чтобы въ вѣкъ никогда не было о немъ ни слуху, ни духу. Такъ исполнилось надъ нимъ изреченіе Іисуса Христа: «Всякъ возносяйся, смирится» (Qui se exaltat, humiliabitur); также и правда пословицы: «Quod cito fit, cito perit.» Скоро не бываетъ споро.

Этого и довольно сказать о такомъ зрѣлищѣ, да и много, если все это было такъ въ самомъ дѣлѣ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, по тому что Русскіе много занимаются такими баснями и вздорами и врутъ такъ грубо, что дѣлается даже стыдно слушать; но я оставляю всякого при своемъ мнѣніи, пусть думаетъ каждый, что ему хочется. Въ томъ только нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Гришка убитъ, похороненъ, опять вынутъ былъ изъ могилы и сожженъ, и никогда уже не возвращался въ здѣшнюю жизнь, хотя Поляки послѣ возмущенія очень распространяли слухъ, будьто онъ не убитъ, а бѣжалъ въ Польшу, убитъ же вмѣсто его другой. Нѣкоторые распускали это для того, чтобы надѣлать Русскимъ еще больше смятеній и безпокойствъ, за то что они такъ ужасно и немилосердно поступили съ ними. Это, однако жь, не такъ: ни убитый и сожженный въ Москвѣ Димитрій, ни зарѣзанный въ Угличѣ не приходили опять, хотя Поляки желали надѣлать сотню Димитріевъ и навязать ихъ Москвитянамъ

Это 17-е Мая было плачевнымъ и несчастнымъ днемъ для Димитрія, Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ. Битыхъ восемь часовъ не было тогда слышно ничего другого, кромѣ набата, выстрѣловъ, ударовъ, скачки, бѣготни, страшнаго вопля и крика Русскихъ: «Руби, руби Польскихъ выблядковъ!» не было ни какого милосердія, не помогали ни просьбы, ни мольбы, ни обѣщанія, ни посулы, ни деньги, ни другіе подарки.

Одинъ Польскій Дворянинъ вскочилъ съ постели въ одной сорочкѣ, когда начался мятежъ, и спрятался было въ погребъ, захвативъ съ собой кошелекъ съ сотней червонцевъ. Отыскивая, неспрятано ли, или не закопали ль что ни будь Поляки, Русскіе

нашли его въ погребѣ. Онъ тотчасъ же отдалъ имъ сто червонцевъ, которые съ нимъ были, очень смиренно и со слезами на глазахъ просилъ пощадить ему жизнь и сдѣлать его плѣнникомъ: онъ никого не обижалъ, никому не дѣлалъ зла, а сколько съѣлъ у нихъ, за это онъ заплатитъ, по тому что имѣетъ на столько состоянія въ Польшѣ. Пусть они отведутъ его въ Кремль къ Князьямъ и Боярамъ страны: тамъ онъ совсѣмъ оправдается. Наконецъ они согласились, по тому что онъ былъ такъ печаленъ, смотрѣлъ такимъ жалкимъ и такъ глубоко вздыхалъ.

Когда же они повели его, вышедши изъ воротъ, на улицу, онъ увидалъ своихъ служителей, которые лежали мертвые, обнаженные, изрубленные, всѣ въ крови: онъ вздохнулъ еще тяжеле. Къ нему подошла другая толпа Русскихъ, и они, точно бѣшеные, закричали: «Руби до смерти блядскаго сына!» Онъ кланялся имъ въ землю, жалобно просилъ пощадить его; когда это не помогло, онъ просилъ именемъ всѣхъ Святыхъ, Дѣвы Маріи и Николая. Но это тоже не помогло: они рубили его саблями. Онъ вырвался, отскочилъ отъ нихъ, сталъ на колѣни, плакалъ, просилъ: «Вы зовете себя Христіянами, Москвитяне: гдѣ же ваше Христіянское состраданіе и милосердіе? Пощадите же меня, невиннаго, ради Вашей Христіянской Вѣры, ради моей жены и дѣтей, которые у меня въ Польшѣ!» Но онъ просилъ вовсе напрасно и попусту: они сдѣлали ему саблями рубецъ на щекѣ, и кровь текла по немъ и спереди, и сзади. Онъ побѣжалъ, отскочилъ отъ нихъ дальше, все хотѣлъ спасти себѣ жизнь и думалъ склонить ихъ на милость. Но отъ варваровъ нечего было ждать ни какого милосердія: нѣкоторые другіе Москвитяне выбѣжали изъ своихъ домовъ и такъ поздоровались съ Полякомъ, что онъ упалъ на землю и жалкимъ образомъ отдалъ душу Богу.

Сколько этотъ день былъ печаленъ и несчастливъ для Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ, столько же былъ онъ желаннымъ и счастливымъ днемъ для Русскихъ. По тому что кто былъ бѣденъ, нагъ и убогъ, annis pannisque obsitus, сталъ тогда богатъ и добылъ много воровскаго имѣнія и добычи въ платьяхъ, бархатѣ, шелкѣ, ружьяхъ и броняхъ, въ лисьихъ, куньихъ и собольихъ мѣхахъ, въ цѣпочкахъ, кольцахъ, кубкахъ, коврахъ, лошадяхъ, золотѣ и деньгахъ; Русскіе гордились и превоз-

носились, что они такіе храбрые и отважные воины: «Нашъ Московскій народъ, говорили они, великій и сильный, всему свѣту не одолѣть его. Кто сосчитаетъ нашъ народъ? Всѣ должны молчать передъ нами, кланяться и валяться въ ногахъ у насъ.» Да, когда ихъ сто на пятерыхъ, тогда они безстрашные и храбрые воины; если въ рукахъ у нихъ сабли и копья, а у другихъ нѣтъ того, тогда они дѣлаютъ великіе и храбрые подвиги и пожинаютъ большую честь, въ противномъ же случаѣ остаются очень смирными и сидятъ за печкой въ теплыхъ избахъ.

Когда это ужасное убійство, жестокости и возмущеніе были укрощены и утишены, собрались въ Кремль знатнѣйшіе Князья и Бояре, послали къ Великой Княгинѣ, женѣ Гришки или Димитрія, и велѣли сказать ей, что имъ хорошо извѣстно, что она дочь одного вельможи Польскаго только не знали они, кто или что такое былъ этотъ убитый измѣнникъ и обманщикъ страны, выдававшій себя за Димитрія: это извѣстно ей, по тому что она взяла его въ мужья себѣ и знала его въ Польшѣ.

Если она хочетъ быть свободною и итти къ своему отцу, то должна все отдать и расплатиться за все, что ни украдено вѣроломнымъ плутомъ изъ казны и что послано въ Польшу, да и возвратить всѣ его подарки ей. Она тотчасъ же отдала не только платья, Царскія принадлежности, украшенія, жемчугъ, драгоцѣнные камни, цѣпочки, браслеты и кольца, но сняла даже платье съ себя, отдала его и не оставила у себя ни чего, кромѣ шлафрока, говоря, чтобы они взяли все и позволили ей безопасно итти къ отцу: она заплатитъ также и за все свое содержаніе ея съ людьми. Они ни чего не говорили о содержаніи: только ей надобно заплатить 55,000 рублей и отдать разныя драгоцѣнныя украшенія, посланныя воромъ въ Польшу: тогда и отпустятъ ее къ отцу. — «Все это и еще столько же своего она издержала въ дорогѣ, къ чести ихъ Государя и всѣхъ Москвитянъ; у нея ни чего не осталось изъ того, все отдано.» Вмѣстѣ съ тѣмъ она отъ всего сердца проситъ, чтобы допустили къ ней кого ни будь изъ служителей ея отца: какъ только повидается она съ отцомъ, оба они доставятъ все, что будетъ по ихъ средствамъ, остальное же пришлютъ изъ Польши, если только будутъ освобождены и уѣдутъ туда.

Одному служителю ея отца дозволили ходить къ ней и отъ нея и вести между ними сношенія. Узнавъ, чего просятъ и требуютъ Русскіе, отецъ просилъ, чтобы пришли къ нему нѣкоторые изъ Московскихъ Бояръ. Они сейчасъ же исполнили это и пришли. «Вы, Господа, началъ онъ говорить имъ, не хотите позволить моей дочери прійти ко мнѣ: пусть уплатитъ сначала 55,000 рублей, присланныхъ въ Польшу Димитріемъ, на пышный нарядъ для нея, къ чести Великаго Князя и Царства; но на это вышли не только 55,000, а и гораздо больше. Всѣ наряды она возвратила, люди ея перебиты, а вы все еще требуете съ насъ денегъ. Со мною здѣсь, говорилъ онъ, деньги на мое содержаніе: ихъ 60,000 рейхсталеровъ, да еще 20,000 Польскихъ гульденовъ въ сверткахъ. Если доставите ко мнѣ дочку и всѣхъ Поляковъ, которые еще въ живыхъ и не убиты, и отпустите ихъ со мною въ Польшу, я отдамъ вамъ всѣ этѣ деньги, остальныя вышлю.» — «Еще рано, отвѣчали они, отпускать тебя съ твоими земляками; но коли хочешь имѣть при себѣ дочку, отдай въ нашу казну 80,000 талеровъ, дочка и прійдетъ къ тебѣ, а не отдашь—не прійдетъ.»— «Что же мнѣ дѣлать?» сказалъ отецъ. Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ дочерью. Пусть будетъ надо мною воля Божія! Вотъ деньги: приведите сюда мою дочь, съ Гофмейстериной и всей женской прислугой, я заплачу вамъ деньги!» Такъ и привели Марину къ отцу, со всѣми ея женщинами. Русскіе взяли деньги. Тогда Воевода сказалъ, со слезами на глазахъ.

«Князья и Бояре Государства! Вы поступили съ нами не какъ честные люди. Вы говорите, что убитый Димитрій не истинный и родной сынъ Ивана Васильевича и, однако жь, цѣлый годъ позволяли ему царствовать и править вами, приняли его, признали его своимъ Великимъ Княземъ, когда съ горстью людей ворвался онъ изъ Польши въ вашу землю. Съ нѣсколькими тысячами человѣкъ вы отложились отъ своего Великаго Князя, Бориса Годунова, и измѣнили ему, потомъ пристали къ Димитрію, какъ къ своему законному и природному, наслѣдственному Государю: это и обмануло насъ въ Польшѣ; мы не могли подумать ни чего другаго, кромѣ того только, что онъ, безъ всякихъ сомнѣній и обмановъ, истинный Князь, какимъ выдавалъ себя. Вы убили Бориса Годунова съ женой и дѣтьми, истребили весь родъ его, приняли Димитрія,

какъ своего законнаго Государя, вѣнчали его Великимъ Княземъ, клялись ему, присягали; черезъ своихъ посланниковъ велѣли благодарить насъ въ Польшѣ за то, что держали его въ такомъ почетѣ и пышности, воспитали его во всѣхъ добродѣтеляхъ (!) и рыцарскихъ упражненіяхъ и поставили его на ноги. Ваша грамота и печать показываютъ и свѣдѣтельствуютъ, что онъ истинный, природный и наслѣдственный Государь. Вы дружески заискивали и просили насъ дать ему въ жены нашу любезную дочь: никогда въ вѣкъ вы не отопретесь отъ того. Мы не предлагали и не сватали ему нашей дочери. Онъ сваталъ ее черезъ васъ. Мы не хотѣли соглашаться на это: дѣло сдѣлалось съ согласія всѣхъ сословій, и мы слышали, что онъ законный наслѣдственный Государь страны. Вы сдѣлали для насъ извѣстнымъ это: доказательство тому — ваши письма, находящіяся подъ вѣрнымъ сохраненіемъ, у Польскаго Короля. Присланные вами послы то же засвѣдѣтельствовали предъ Королемъ. Какимъ же языкомъ вы смѣете говорить теперь, что онъ не истинный наслѣдный Государь? Съ какою совѣстью можете сказать и жалуетесь на насъ въ Польшѣ, что мы обманули васъ?

«Мы, Поляки, повѣрили вашимъ словамъ, письмамъ, печати и крестному цѣлованію. Вы обманули насъ, а не мы васъ. Мы пришли къ вамъ, какъ друзья и братья, а вы поступили съ нами, какъ съ злѣйшими врагами, алчными до крови и убійства тиранами. Мы обходились съ вами безъ притворства и хитрости: это докажемъ тѣмъ, что мы не жались въ кучку, живя у васъ, а размѣстились въ Москвѣ тамъ и сямъ, по разнымъ улицамъ; мы этого не сдѣлали бы, если бы имѣли на умѣ какое ни будь зло и коварство. А вы тайкомъ, точно вѣроломные предатели, подстерегали насъ, въ устахъ у васъ былъ медъ, а въ сердцѣ горькая желчь; устами вы привѣтствовали насъ, а въ сердцѣ замышляли задушить, какъ и очевидно теперь. Да помилуетъ Богъ за то, сколько сотенъ печальныхъ вдовъ и сиротъ сдѣлали вы въ Польшѣ этѣмъ убійствомъ! Когда онѣ узнаютъ о томъ, и днемъ, и ночью безпрестанно будутъ изъ глубины сердца вопіять и вздыхать къ Богу, чтобы Онъ отомстилъ за такое неслыханное убійство. Какой дадите вы отвѣтъ Всемогущему Богу? Какую славу припишутъ вамъ иноземные народы? Если Димитрій, по тепере-

шнимъ вашимъ словамъ, былъ не истинный Димитрій и наслѣдный Государь, что сдѣлали и въ чемъ провинились предъ вами невинные музыканты, ювелиры, купцы и другіе, убитые такъ жалостно и безпощадно? Они ничего не взяли у васъ, они привезли къ вамъ богатые и дорогіе товары, которые теперь попали въ ваши руки. Въ чемъ провинились противъ васъ другіе невинные люди, женщины и дѣвицы, съ которыми вы плохо распорядились, опозорили ихъ, изнасильничали? Если бы у насъ была непріязнь къ вамъ, мы не пришли бы сюда съ пятью тысячами человѣкъ, по тому что хорошо знали, что народа у васъ нѣсколько сотъ тысячъ. Мы тоже привели бы съ собою войско.

«Мы пришли къ вамъ на свадьбу со всею дружбой, а наши люди погублены смертью, отдали свою душу, ограблены и лишены всего, что было привезено съ ними. Не уже ли вы думаете, что Богъ на небесахъ, праведный ревнитель о всѣхъ Своихъ дѣлахъ, не отомститъ и не накажетъ въ свое время васъ и вашихъ дѣтей за такое страшное и злодѣйское дѣло?

«Горькія вдовы и сироты не перестанутъ плакать и глубоко вздыхать къ Богу, пока Онъ не отплатитъ за это. Если хотите, можете поглотить насъ, пожрать, истребить, можете сдѣлать это: наше дѣло правое, Богъ будетъ судьей между вами и нами. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что совѣсть наша чиста передъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ, и у насъ не было никогда на умѣ сдѣлать вамъ какое ни будь зло.»

«Ты, Воевода, сказали въ отвѣтъ Русскіе Бояре, невиноватъ, а тѣмъ менѣе мы; виноваты гордые и надменные Поляки, которые насиловали и позорили женъ и дочерей нашихъ братій, дѣлали явно на улицахъ большія насильства, дрались, рубились, насмѣхались, злословили, ругали, грозили, колобродили, и тѣмъ раздражили и возстановили противъ себя народъ; сердце его такъ озлобилось, что потомъ, когда онъ расходился, едва можно было остановить и удержать столько сотенъ тысячъ людей, по пословицѣ: «Canis rabiosus, a somno excitatus, furit.»

«Убитый мужъ твоей дочери самъ подалъ много поводовъ къ своей погибели: презиралъ наши образа, нравы, обычаи, обряды,

и насъ самихъ, хотѣлъ отмѣнить нашу древнюю Греческую Вѣру и ввести идолопоклонническую, Папскую, предпочиталъ намъ всякаго иностранца, опустошилъ до чиста нашу казну и всю ее промоталъ на чужеземцевъ, не допускалъ къ себѣ никого изъ нашихъ, развѣ только по желанію и съ согласія Поляковъ, заключилъ союзъ съ Польскимъ Королемъ, помогавшимъ ему деньгами, людьми и всѣмъ необходимымъ овладѣть Русскимъ Царствомъ и нашимъ отечествомъ, обѣщался ему нарушить вѣчный миръ между Швеціей и Россіею, что и сталъ уже приводить въ исполненіе, и для того велѣлъ отвезти въ Иваньгородъ тысячу бревенъ, изъ чего ясно можно видѣть, какое страшное кровопролитіе хотѣлъ онъ поднять между Шведами, Чудью и Ливонцами, и все это противно данной имъ клятвѣ и обѣщаніямъ. Россія—собственная наша земля и не принадлежитъ никому другому: мы ввѣрили ему нашу страну, и онъ бы долженъ былъ благодарить и помнить, на какую высокую степень величія и почестей мы его поставили. Держись онъ больше нашего народа, нежели иностранцевъ, люби и уважай насъ больше Поляковъ, онъ остался бы для всего свѣта Димитріемъ, хоть и не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. Онъ самъ хорошо зналъ, что не сынъ Ивана Васильевича, за котораго выдавалъ себя. Если мы его приняли и признали Великимъ Княземъ, все это вышло изъ за правленія Бориса Годунова, который, точно лисица какая, прокрался на Царство лукавствомъ да ловкостью. Мы думали было поправить свою долю черезъ Димитрія, и зажить припѣваючи: намъ это не удалось, насъ ставили ни во что, унижали; онъ старался лишить насъ жизни и всякаго счастія, жралъ телятину, велъ варварскую жизнь, скоро принудилъ бы и насъ жить такъ же и заставилъ бы дѣлать что ни будь другое, еще того лучше, чтобы послѣ не полюбилось намъ, да и послужило бы къ нашему вреду и нагубѣ.

«Мы и убили его, чтобы предупредить заранѣе эту опасность и кровожадность и сохранить нашу Христіянскую Греческую Вѣру: если бы онъ не умеръ, мы все же бы уходили его. Мы съ неудовольствіемъ видѣли, что въ бунтѣ погибло много невинныхъ людей: лучше бы хотѣлось намъ, чтобы они остались въ живыхъ. Однако жь, мы не отвѣчаемъ за это, по тому что это сдѣлано во время возмущенія освирѣпѣвшимъ и мстительнымъ народомъ, страш-

наго своевольства котораго никому нельзя было и укротить, не то что остановить совсѣмъ.

«Что касается женщинъ и дѣвушекъ, онѣ всѣ живы и всѣ на лицо: съ нашими женами и дочерьми имъ теперь лучше, нежели твоей дочери; коли хочешь, чтобъ онѣ были у тебя, онѣ прійдутъ; только сначала ты поклянися намъ и присягни, что ни ты, ни кто другой изъ твоего рода, не станете мстить за этѣ обиды ни огнемъ, ни мечемъ, ни намъ, ни нашимъ братьямъ и землѣ. Такъ какъ много людей твоего Короля погибло въ мятежѣ, то мы хотимъ, чтобы ты употребилъ всевозможные труды и старанія о томъ, какъ бы намъ помириться и договориться съ Королемъ. На счетъ же остальныхъ 55,000 рублей и всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ твоимъ зятемъ твоей дочери въ клейнодахъ, украшеніяхъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыхъ недостаетъ въ нашей казнѣ, мы хотимъ, чтобы все это ты намъ уплатилъ и возвратилъ. Какъ скоро это сдѣлается, ты получишь свободу со всѣми твоими земляками и поѣдешь, куда тебѣ угодно; а не сдѣлаешь того, всѣ вы будете нашими плѣнниками, хоть бы васъ было вдвое столько же, и останетесь въ темницахъ подъ стражей. Ваше дѣло будетъ рѣшить это.»

«Что касается подарковъ, сказалъ Воевода, которые вашъ убитый Великій Князь прислалъ нашей дочери, какъ своей любезной невѣстѣ, всѣ ихъ она опять привезла съ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подарили мы ей, невѣстѣ, въ приданое и на наряды; она все отдала вамъ: вы сами знаете и видѣли, что ее привели къ намъ въ одномъ спальномъ капотѣ. А что пропало во время бунта, отъ того, что вы увели у ней комнатныхъ ея женщинъ, вамъ лучше знать, куда оно дѣвалось, нежели намъ. Не мало удивляетъ насъ ваша неприличная и нехристіянская затѣя, что вы сначала ограбили насъ, да потомъ и требуете украденнаго съ насъ же, ограбленныхъ и голыхъ, у которыхъ едва есть рубашки на тѣлѣ.

«Восемьдесятъ тысячъ талеровъ, которыя мы доставили вамъ въ минуты крайней нашей бѣды, горя и гоненія, это — собственныя наши деньги, въ нихъ нѣтъ ни одной полушки вашей, и мы ни чего не дадимъ вамъ больше.

«Мы поклянемся и сдержимъ клятву, что не будемъ мстить за нехристіянскую и жестокую обиду отъ васъ намъ и нашимъ товарищамъ, не позволимъ отмщать за нее и нашимъ друзьямъ и роднымъ, а предоставимъ это милосердому и праведному Богу, который говоритъ: «Mihi est vindicta, ego retribuam.» Пусть же Онъ судитъ, осуждаетъ и воздаетъ за это дѣло.

«Но что касается Польскаго Короля, моего Всемилостивѣйшаго Государя, я не могу клясться и обѣщать, а тѣмъ меньше сдержать обѣщаніе и обнадеживать васъ, по тому что большая часть убитыхъ его подданные и слуги, смерть ихъ огорчитъ и опечалитъ его, когда онъ узнаетъ, какъ жестоко и безчеловѣчно вы поступили съ ними. Онъ не ровня мнѣ, онъ мой Король и Государь: могу ли же мирить и соглашать васъ съ нимъ? Нечего и просить у меня того, чего нельзя сдѣлать и исполнить.»

«Если не хочешь, отвѣчали Москвитяне, и не можешь сдѣлать того, такъ оставайся нашимъ плѣнникомъ со всѣми твоими Поляками, пока не узнаемъ, на какихъ условіяхъ намъ можно будетъ помириться съ Королемъ, и пока ты не возвратишь взятаго въ нашей казнѣ, и не заплатишь за пропавшее въ этомъ побоищѣ.»

«Что Богу угодно, отвѣчалъ Воевода, то пусть и будетъ: Онъ посылаетъ мнѣ всѣ мои страданія и незвгоды, предаюсь въ Его волю и буду все сносить терпѣливо: есть же предѣлъ, до котораго вы можете вредить мнѣ; дѣлайте все, что попускаетъ вамъ Богъ; больше вы ни чего не можете сдѣлать ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ.»

31 Мая всѣ Поляки, какъ женщины и дѣвицы, такъ и мущины, были отвезены изъ Москвы, кромѣ Королевскаго Посланника, Александра Гонсѣвскаго, и посажены въ темницы по городамъ. Воевода съ его дочерью, сыномъ и зятемъ, также и со всѣми женщинами, отвезены въ Ярославль и охранялись крѣпкою стражей на большомъ дворѣ, а служители и другіе Поляки посажены въ заключеніе; нѣкоторые изъ нихъ посланы и помѣщены въ Костромѣ, Галичѣ, Вологдѣ и Казани; имъ не давали ни чего другаго, кромѣ хлѣба и воды. Всѣ же, бывшіе тамъ, Польскіе Дворяне должны были продать за половинную цѣну свое платье,

галантерейныя и всякія другія вещи, сохранившіяся у нихъ во время бунта, на свое содержаніе и на покупку съѣстнаго, и влачили очень жалкую жизнь въ большой нищетѣ и горѣ, до самаго своего чудеснаго освобожденія, что и объяснимъ послѣ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что законный сынъ жестокаго Великаго Князя Ивана Васильевича, Димитрій, дѣйствительно убитъ былъ въ Угличѣ, за свои злыя наклонности, по кознямъ Годунова, который искалъ Царства и сдѣлался Великимъ Княземъ всея Россіи, и что Гришка Отрепьевъ, мелкій дворянинъ и монахъ, бѣжавшій изъ монастыря и Россіи, выдалъ себя за убитаго Димитрія, и, благодаря силѣ и способности Поляковъ, завладѣлъ Россіей и былъ убитъ въ Москвѣ. Однако жь, многіе изъ Русскихъ толкуютъ не то и говорятъ, что настоящій Димитрій не былъ убитъ, а чудеснымъ образомъ избѣжалъ смерти, и что Димитрій, убитый въ Угличѣ, также и въ Москвѣ, одно и то же лицо, все же воскресшее и опять начавшее вести другія войны, съ большими смутами и кровопролитіемъ.

Что Димитріевъ было много, такъ что не было и конца имъ, и не смотря, что ихъ душили, убивали и жгли, все таки новый Димитрій выползалъ въ слѣдъ за прежними, все избѣгалъ смерти и все насильно дѣлался первымъ Димитріемъ, истиннымъ сыномъ Ивана Васильевича. Но что бы всѣ знали сущую правду объ этомъ, я объясню и растолкую въ немногихъ словахъ, въ чемъ тутъ дѣло, по тому что былъ не одинъ Димитрій, какъ разнесли Поляки, Езуиты и нѣкоторые крамольные и вѣроломные Москвитяне, но ихъ было много, и они, какъ мы разсказывали, были убиваемы другъ за другомъ, и что Гришка Отрепьевъ, или другіе его послѣдователи, не только не истинные Димитріи, но плуты и обманщики, и присвоивали себѣ имя обманомъ; по тому что, во первыхъ, неосновательно, чтобы этотъ Гришка, завоевавшій страну мечомъ и дѣйствительно убитый въ Москвѣ, былъ истинный Димитрій и наслѣдственный Государь страны; если бы онъ былъ таковъ, то имѣлъ бы не больше 22-хъ лѣтъ отъ роду, тогда какъ ему было болѣе 30-ти лѣтъ.

Во вторыхъ, вскорѣ послѣ его вѣнчанія пришелъ монахъ изъ того же монастыря, изъ котораго убѣжалъ тайкомъ Гришка. Онъ открыто разсказывалъ, что онъ знаетъ новаго, коронованнаго Ве-

ликаго Князя, и что онъ не истинный Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, бѣглецъ, обманщикъ и измѣнникъ, по тому что это тотъ самый, который выучилъ его читать и писать, и ему хорошо извѣстно, откуда онъ родомъ, кто его родители, за что друзья упрятали его въ монастырь, сколько времени онъ оставался тамъ и когда ушелъ оттуда.

Слышавшій это народъ схватилъ монаха и отвелъ его въ комнату Великаго Князя. Монахъ не потерялъ духа, стоялъ на своемъ словѣ, сказалъ ему въ глаза, что онъ плутъ и обманщикъ, за что и долженъ былъ умереть жалкою смертію безъ всякаго суда: «Nam veritas odium parit,» правда глаза колетъ.

Въ третьихъ, и дядя этого Гришки, Елеазаръ Отрепьевъ, то же говорилъ не только большимъ Боярамъ въ Москвѣ, Королю Сигизмунду и всему Польскому Сенату въ Польшѣ, но и Королю Шведскому, Карлу IX-му, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя, а сынъ его брата, и отданъ былъ въ монастырь за кой-какія шалости и мошенничества, чтобы монахи держали его тамъ въ строгости, а онъ сталъ бы благочестивѣе и бросилъ свои злыя наклонности и негодныя страсти. Но такъ какъ суровая жизнь была ему не по вкусу, онъ и убѣжалъ изъ монастыря тайкомъ въ Польшу, занимался тамъ разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ и примѣрныхъ сраженіяхъ, потомъ убрался оттуда и съ помощію какихъ-то злыхъ людей, особливо по умыслу, совѣту и настроенію одного монаха, которые всѣ не желали добра Борису Годунову, выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича. Такими коварными происками онъ и получилъ всю власть надъ Москвой.

Въ четвертыхъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій потомъ Великимъ Княземъ, то же свѣдѣтельствовалъ, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя. По тому что Шуйскій зналъ настоящаго Димитрія, когда онъ былъ живъ, видѣлъ его мертваго послѣ убійства, узналъ и похоронилъ его. По этой-то причинѣ Гришка и велѣлъ взять подъ стражу Шуйскаго, отвести его на площадь, и положить голову его на плаху, располагая казнить его, если онъ не откажется отъ распущенныхъ имъ слуховъ. Какъ человѣку, жизнь была ему милѣе смер-

ти: онъ показалъ, что языкъ у него мельница, отперся отъ своихъ словъ, и такимъ образомъ ложь и жизнь счелъ выше и благороднѣе правды и чести, по тому что зналъ, что у Русскихъ въ одной цѣнѣ и честь и безчестье. За то и освободили его и возстановили его прежнюю добрую славу.

Въ пятыхъ, въ Углицкомъ Княжествѣ одинъ Дворянинъ, 105-ти лѣтъ, разсказывалъ многимъ лицамъ, что находился въ услуженіи у убитаго Димитрія, и что Гришка совсѣмъ не тотъ Димитрій, по тому что того онъ видѣлъ мертваго на землѣ и хорошо зналъ, что это истинный, а не подмѣненный, какъ разнесли какіе-то сплетники.

Въ шестыхъ, одинъ старый Голландскій аптекарь, по имени Арендъ Клаузендъ, 40 лѣтъ служившій въ Великокняжеской аптекѣ, признавался, что зналъ истиннаго Димитрія въ его дѣтствѣ, и говорилъ, что настоящій Димитрій былъ смуглолицъ, какъ и мать его, Марья Ѳедоровна Нагая (Maria Fedrova Nagai), а этотъ, выдающій себя за Димитрія, совсѣмъ не смуглъ.

Въ седьмыхъ, одна Ливонская Дворянка, Тизенгузенъ, жившая всегда въ комнатныхъ дѣвушкахъ у матери истиннаго Димитрія, гласно разсказывала и признавалась, что это совсѣмъ не истинный Димитрій, а другой, по тому что истиннаго убили и похоронили въ бытность ея въ Угличѣ.

Въ осьмыхъ, когда уже вездѣ разнесся слухъ, что Гришка не истинный Димитрій, Самозванецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ жила Великая Княгиня, Марья (Марѳа) Ѳедоровна, и сказалъ ей, что намѣренъ вырыть поповича, убитаго и похороненнаго вмѣсто его, и положить въ другомъ мѣстѣ. Великая Княгиня не дозволила того, хорошо зная, что это ея родной сынъ убитъ и похороненъ въ Угличѣ. Достаточно можно видѣть изъ этого, что если бы Гришка былъ въ правду родной сынъ ея, она бы согласилась на его предложеніе, чтобы тѣмъ тверже поставить его на царствѣ, вывести народъ изъ думы и заставить его вѣрить безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, что Великій Князь не подложный Димитрій. Если же она покривила душой и назвала его своимъ сыномъ, то поступила такъ изъ того только, чтобы получить прежнюю власть и лучшее содержаніе; при томъ же съ удовольствіемъ видѣла, что

Борисъ, со всѣми его друзьями, низложенъ и уничтоженъ за то, что велѣлъ убить ея сына.

Въ девятыхъ, Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и камергеръ Гришки, пожертвовавшій за него жизнью, разсказывалъ за тайну многимъ лицамъ, что онъ не истинный Димитрій, какъ называлъ себя, а другой; но какъ онъ справедливый Государь и они присягнули ему и вѣнчали его, то и должны быть довольны имъ и молиться за него Всемогущему Богу, чтобы Онъ милостиво утвердилъ его на престолѣ и сохранилъ его здоровымъ и счастливымъ во время его царствованія: во всей Россіи не найти имъ Государя лучше и разумнѣе.

Въ десятыхъ, Янъ Сапѣга (Jan Sapiesa), знатный Польскій Дворянинъ, позволялъ себѣ разглашать, будто бы Лжедимитрій— побочный сынъ Стефана Баторія: это, однако жь, неправда, и онъ истинный Гришка Отрепьевъ; Поляки пособили ему совѣтомъ и дѣломъ, войскомъ и военными снарядами, помогли ему занять вооруженною рукой Москву, такъ онъ и сталъ благодарный Русскимъ Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, который сначала убитъ былъ въ Угличѣ, а потомъ въ Москвѣ, теперь же опять ожилъ и долженъ былъ снова приводить Москвитянъ въ покорность себѣ. Русскіе совсѣмъ одурѣли и помѣшались на этомъ: только что одного убьютъ, какъ захотятъ имѣть другого, и это до тѣхъ поръ продолжалось, пока Москвитяне не одолѣли ихъ и не подчинили своей волѣ.

Всякому разсудительному человѣку легко понять изъ того, что Димитрія, истиннаго сына Ивана Васильевича, не было въ живыхъ, не былъ также живъ и Гришка Отрепьевъ, ложно выдававшій себя за Димитрія: оба они были убиты; однако жь, точно такъ же выдумали другихъ Димитріевъ, отъ чего вышло много зла и много пролито крови. Поляки и Казаки играли большую пошлую шутку и комедію съ Русскими по тому, что какъ скоро Димитрій умиралъ, тотчасъ же на его мѣсто являлся другой, такъ что и конца не было Димитріямъ.

Когда убили и сожгли Лжедимитрія Гришку Отрепьева, Москвитяне выбрали и вѣнчали Великимъ Княземъ Василія Ивановича Шуйскаго, 1-го Іюня, 1606 года, и присягнули ему всей землею,

какъ духовные, такъ и міряне, Дворяне и простые люди, кромѣ Казаковъ и нѣкоторыхъ сословій, которые жили на Польской границѣ и были преданы Лжедимитрію, получивъ отъ него большія преимущества и льготы. Они услыхали теперь, будто бы онъ самъ третей ушелъ въ Польшу и скрывался въ комнатѣ Воеводы Сандомирскаго, и не хотѣли присягать Шуйскому, пока не получатъ вѣрнѣе извѣстій изъ Польши.

Послѣ вѣнчанія, Великій Князь Шуйскій отправилъ пословъ въ Польшу къ Королю Сигизмунду съ просьбою, чтобы онъ вѣрно и правдиво соблюдалъ во всѣхъ статьяхъ прежніе мирные договоры между обоими Государствами и ни какимъ образомъ не дозволялъ Полякамъ дѣлать нападенія по границамъ, а сохранялъ бы съ нимъ доброе сосѣдство и сношеніе. Шуйскій послалъ ему большіе подарки, съ извиненіемъ въ Московскомъ убійствѣ Поляковъ: они убиты за большія своевольства, которыя тамъ дѣлали, грабя и понося простой народъ, насильничая женщинъ и дѣвицъ, и за другія, такія же злыя, дѣла: это возмутило и озлобило народъ, такъ что послѣ нельзя было укротить и успокоить его, пока онъ не истребилъ нѣсколько сотъ Поляковъ съ измѣнникомъ и обманщикомъ страны, Гришкой Отрепьевымъ, который выдалъ себя за сына Ивана Васильевича и былъ причиною этого плачевнаго кровопролитія. Шуйскій взялъ подъ свою защиту Королевскаго Посла, чтобы не сдѣлали какого вреда ему, или его имуществу, и въ самомъ скоромъ времени отпуститъ его поздорову. Король отвѣчалъ на это и писалъ, что касается до него, онъ желаетъ сохранять доброе сосѣдство съ Василіемъ, отослалъ за подарки къ нему свои подарки, требовалъ своего посла и говорилъ дальше, что Поляки, убитые въ Москвѣ, и всѣ другія лица, подданныя Короля, люди вольные, могли итти, куда имъ угодно: они пришли на свадьбу въ слѣдъ за Воеводой Сандомирскимъ, а если надѣлали чего ни будь, пусть сами и отвѣчаютъ за это; изъ за нихъ ему нечего имѣть дѣло съ Шуйскимъ. Но ему нельзя ни запрещать, ни останавливать друзей и родныхъ убитыхъ, если бы они стали что ни будь дѣлать: они господа въ Польшѣ и народъ вольный; захотятъ отомщать Русскимъ, онъ долженъ имъ дозволить это. Получивъ этотъ отвѣтъ, Шуйскій тотчасъ же велѣлъ Польскому Послу ѣхать въ Польшу.

Въ то время, какъ они вели сношенія объ этѣхъ дѣлахъ, становилось все слышнѣе и слышнѣе, что Димитрій убѣжалъ, скрывался въ Польшѣ, собиралъ войско и хотѣлъ опять завладѣть страною. Эта странная вѣсть привела въ удивленіе и смутила Москвитянъ: они не знали, чему имъ вѣрить. Великій Князь Шуйскій вскорѣ послалъ нѣкоторыхъ своихъ довѣренныхъ служителей въ Угличъ, велѣлъ Димитрія, уже 17-ть лѣтъ назадъ убитаго и похороненнаго, вырыть изъ земли, перевезти въ Москву и похоронить въ той церкви, гдѣ погребаются другіе Московскіе Великіе Князья, чтобы народъ не соблазнялся и не давалъ вводить себя въ заблужденіе этѣмъ толкамъ и болтовнѣ, не измѣнялъ ему, а увидалъ и узналъ на самомъ дѣлѣ, что былъ обманутъ соблазнителемъ, выдававшимъ себя за истиннаго Димитрія, и убилъ его, а теперь онъ опять ушелъ будто бы отъ смерти и собираетъ въ Польшѣ войско. Это великая ложь, выдуманная басня: тѣхъ Димитріевъ нѣтъ ужь больше: одного они видѣли, что онъ доподлинно убитъ и сожженъ, а другаго, истиннаго Димитрія, убитаго въ Угличѣ, Великій Князь велѣлъ теперь перенести въ Москву. А чтобы еще больше утвердить въ этомъ мнѣніи Москвитянъ, онъ велѣлъ тайно убить въ Угличѣ одного 10-тилѣтняго поповича, надѣть на него чистый богатый саванъ, положить въ новый гробъ и отвезти въ Москву. Самъ онъ вышелъ на встрѣчу тѣлу Князя со всѣмъ своимъ Дворомъ, съ монахами и попами, съ крестами и знаменами, съ большою свитой и процессіей: такъ и отнесли его въ церковь. Въ народѣ же Шуйскій велѣлъ разгласить, что Св. Князь Димитрій, убитый на 9-мъ году жизни въ Угличѣ, лежалъ 17-ть лѣтъ въ землѣ, а тѣло его такъ свѣжо и нетлѣнно, * точно онъ вчера умеръ.

Сорочка и платье на немъ не сгнили и не истлѣли. Гробъ, въ которомъ лежалъ, не обветшалъ и не развалился, а остался совершенно новымъ: кто желаетъ видѣть это, пусть идетъ въ церковь, она будетъ отворена. Великій Князь нанялъ также тайкомъ нѣсколькихъ здоровыхъ людей, которые прикинулись больными и

---

* Г. Устряловъ, издавшій Бера, у котораго много поживился Петрей, блестящимъ образомъ опровергнулъ эту нелѣпую сказку объ убіеніи поповича. Но для насъ, Русскихъ, опроверженіе излишне, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ: лучшее опроверженіе тому наше, полное вѣры, сердце.

приползли въ церковь на четверенькахъ къ Св. Димитрію. Нѣкоторые притворились слѣпыми и дали вести себя другимъ, которые не были слѣпы и имѣли здоровые глаза, просили себѣ у Димитрія зрѣнія и здоровья. Притворявшіеся хромыми встали и пошли, слѣпые получили зрѣніе, и всѣ говорили въ одинъ голосъ, что помогъ имъ Святой Димитрій. Грубые, невѣжественные люди повѣрили, что все это такъ и было. Страшное, неслыханное идолопоклонство совершалось у тѣла. Богъ на Небесахъ прогнѣвался на это: тѣхъ, которые, притворяясь слѣпыми и хромыми, велѣли носить и водить себя въ церковь и просили помощи у Св. Димитрія, Онъ такъ наказалъ, что одинъ ослѣпъ совсѣмъ, а другой скоропостижно умеръ въ церкви, по тому что Богъ не терпитъ такого обезьянства и не позволяетъ шутить съ Собою. Люди то же стали замѣчать, что это пустой обманъ и обморочиванье и не ходили больше въ церковь молиться Св. Димитрію. Великій Князь по тому и велѣлъ запереть церковь, никогда не пускать туда и сказать священникамъ, чтобы они объявили народу, что такое стеченіе богомольцевъ прогнѣвило и утомило Св. Димитрія, дали бы ему нѣсколько времени отдохнуть и не тревожили его, пока онъ не развеселится и не будетъ въ хорошемъ расположеніи духа: тогга пусть и приходятъ опять.*

Во время мятежа, когда убитъ былъ Димитрій или Гришка, одинъ изъ Русскихъ Князей, по имени Григорій Шаховской (Schacopski), укралъ у него изъ комнаты Государственную печать, бѣжалъ съ нею на границу въ Путивль и увезъ съ собой двухъ Поляковъ въ Русскомъ платьѣ; пріѣхавши въ городъ Серпуховъ (Zirpekow), въ 18 миляхъ отъ Москвы, онъ и Поляки остановились на ночлегъ у одной иностранки, проживавшей въ городѣ, ужинали тамъ, а при отъѣздѣ дали ей пригоршню денегъ и сказали: «Возьми это, пожалуйста, на обратномъ пути дадимъ тебѣ еще больше: распорядись только, чтобы у тебя были медъ и водка!» — «Что вы за люди?» спросила женщина.» Я, отвѣчалъ Шаховской, Князь, и даю тебѣ знать, что у тебя ѣлъ и пилъ Великій Князь, котораго замышляли Москвитяне убить, но онъ убѣжалъ, и они убили другаго вмѣсто его.» Потомъ они уѣхали отъ нея, переправились черезъ рѣку Оку, и на переправѣ Шаховской далъ пере-

* Это говоритъ Протестантъ.

вощику 6-ть талеровъ на водку и спросилъ его: «Знаешь ли, кто мы?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ перевощикъ: я никого изъ васъ не знаю.»—«Молчи же, мужичокъ, продолжалъ Князь Шаховской: ты перевезъ Великаго Князя, Димитрія: вотъ тотъ молодой богатырь, котораго хотѣли убить Москвитяне, однако жь онъ ускользнулъ отъ нихъ, Богъ сохранилъ его, и когда онъ воротится со множествомъ войска, сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.» Потомъ продолжали путь въ Путивль, и такія же слова говорили они вездѣ по дорогѣ, гдѣ останавливались на ночлегъ. По всей странѣ пошла молва, что Великій Князь Димитрій убѣжалъ; она донеслась наконецъ и до Москвы и навела на Москвитянъ странныя думы. По пріѣздѣ Князя Шаховскаго съ двумя Поляками въ Путивль, они разстались. Поляки прибыли за границу въ Сандомиръ, принесли женѣ Сандомирскаго Воеводы извѣстіе, какія дѣла надѣлались въ Москвѣ, какъ Князь Шаховской пособилъ имъ уйти изъ Москвы, какъ обѣщалъ отомстить за смерть Великаго Князя, такъ, чтобы Москвитяне помнили это, пока свѣтъ стоитъ: онъ будетъ писать сюда въ Польшу къ своему Государю, Димитрію, какъ будто бы этотъ былъ здѣсь и скрывался, а они отпишутъ ему отъ имени Великаго Князя, Димитрія, что онъ скоро придетъ съ хорошимъ и отборнымъ войскомъ, опять завладѣетъ страною и накажетъ своихъ вѣроломныхъ измѣнниковъ. Послѣ того, какъ два Поляка разстались съ Княземъ Шаховскимъ, онъ вошелъ въ городъ (Путивль), собралъ гражданъ и весь народъ и разсказалъ, какъ Москвитяне поступили съ ихъ Государемъ, какъ онъ, съ Божіей помощію, ушелъ, а Поляки, бывшіе съ нимъ, перебиты, онъ удалился къ матери своей жены, Воеводшѣ Сандомирской, хочетъ собрать войско и отомстить невѣрнымъ крамольникамъ, что увидятъ они изъ его письма: обѣщаетъ жителямъ особенную благосклонность и милость, прося при томъ усердно, чтобы они остались вѣрными, сдержали клятву, которою клялись, и вѣрно пособили ему смирить и наказать Москвитянъ за ихъ измѣну и нанесенный ему великій позоръ; онъ пожалуетъ ихъ всѣми милостями и постарается заслужить имъ за это. Поразсудивъ о томъ, Путивльцы поспѣшно послали гонца на широкую поляну въ Татарскую степь, привели оттуда нѣсколько тысячъ Казаковъ, собрали всѣхъ Дворянъ и воиновъ изъ своей области, выбрали вождя, по имени Истому Башку (Basco), который и пошелъ съ войскомъ въ походъ отъ имени

Димитрія, и въ 4-ре недѣли принудилъ присягнуть 14 городовъ, въ томъ, что они опять обѣщаются воевать за Димитрія, накажутъ Москвитянъ и принудятъ ихъ къ повиновенію. Великій Князь Шуйскій и Москвитяне, бывшіе за него, испугались: онъ поскорѣе собралъ большое войско, объявивъ, что Крымскій Татаринъ ворвался въ страну со многими тысячами Татаръ, убилъ и взялъ въ плѣнъ многія тысячи Христіянъ, хотѣлъ итти и дальше въ страну, грабить, убивать, и причинять всякій вредъ, а по тому бы, не мѣшкая, собирались для предупрежденія намѣреній Татарина. Такъ и сдѣлали: скоро собралось все войско, конное и пѣшее, и пошло въ походъ; но, прошедши нѣсколько миль за Москву, замѣтили, что ни какихъ Татаръ нѣтъ, а только ихъ собственные земляки, Казаки, Князья и Дворяне; все подвигались впередъ, до тѣхъ поръ, пока не столкнулись другъ съ другомъ, стали сражаться, и тогда Москвитяне, стоявшіе за Шуйскаго, были порядкомъ побиты, ограблены, прогнаны и взяты въ плѣнъ, такъ что должны были бѣжать назадъ въ Москву. Плѣнные посажены въ темницы, угощены розгами и плетьми, обруганы позорными и насмѣшливыми словами, нѣкорые изъ нихъ посланы въ Москву разсказать Великому Князю Шуйскому и его приверженцамъ все, что видѣли и слышали, какъ вкусно ихъ отпотчивали и накормили, и что Димитрій скоро явится со всѣмъ войскомъ наказывать безбожныхъ и крамольныхъ Москвитянъ и истреблять ихъ за великій, нанесенный ему, позоръ и поруганіе отъ нихъ и за неслыханное не Христіянское убійство его людей.

Получивъ эту вѣсть, Великій Князь Шуйскій велѣлъ объявить народу, что вся ихъ земля находится въ великой опасности, и вотъ сколько несчастья, горя и зла надѣлали Поляки Русскимъ съ своимъ самодѣльнымъ Димитріемъ: казна растрачена, пролита кровь множества тысячъ людей, превосходный и благоразумный Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, погибъ изъ за нихъ съ женой, съ сыномъ и всѣмъ родомъ; теперь Поляки и нѣкоторые негодные измѣнники и разорители страны разносятъ, что воръ и блядинъ сынъ ушелъ, а не убитъ, а это, какъ всѣмъ извѣстно, не было на самомъ дѣлѣ; да хотя бы и было такъ, онъ все же не истинный Димитрій, а плутъ, обманщикъ и соблазнитель. Пусть Русскіе не принимаютъ его ни подъ какимъ видомъ, чтобы онъ

не заставилъ насъ исповѣдывать идольскую Папскую Вѣру. Чтобы еще лучше расположить народъ къ Христіанскому состраданію, Шуйскій велѣлъ вырыть тѣла Великаго Князя Бориса, его жены и сына, уже три года лежавшія въ землѣ, перенести ихъ въ Троицкій монастырь (Trois) и похоронить по Княжески, съ большою пышностью; каждое тѣло должны были нести 12-ть миль отъ Москвы до Троицы 20 монаховъ. Великій Князь, думные Бояре, Дворяне и весь народъ слѣдовали за ними, также и Патріархъ, Епископы, монахи и священники. Дочь Бориса, Аксинья (Axinia Borisis), ѣхала возлѣ тѣлъ въ закрытыхъ саняхъ, рыдала и причитала: «Горе мнѣ бѣдной, горькой, покинутой сиротѣ! Наглый воръ, плутъ и измѣнникъ, назвавшійся Димитріемъ, истинный обманщикъ и соблазнитель, погубилъ моего отца, мать, брата и всѣхъ друзей. Теперь онъ и самъ погибъ, за свое безчинство и безбожную жизнь, а при жизни, да и по смерти, надѣлалъ этой странѣ много великаго, лютаго горя. Покарай его, Боже, осуди его въ здѣшней, временной, и въ той, вѣчной, жизни!»

Видимъ и слышимъ здѣсь лживость и непостоянство Русскихъ; такъ горько, такъ жалобно они оплакивали и жалѣли Великаго Князя Бориса, желали, чтобы онъ живъ былъ и царствовалъ, Бориса, котораго прежде, по ненависти и великой дерзости, погубили чрезъ Лжедимитрія, не обративъ ни какого вниманія на пословицу, которая говоритъ, что не прежде покидай и презирай добрыхъ старыхъ друзей, пока еще не увидалъ и не испыталъ, на что годны и полезны новые. (Старый другъ лучше новыхъ двухъ.)

Межъ тѣмъ Путивльскій вождь, Истома Башковъ (Bascopff), усиливался все больше и больше, подвинулся ближе къ Москвѣ даже до Коломны, не встрѣчая сопротивленія, принудилъ всѣ города опять присягнуть Самозванцу, расположился въ милѣ отъ Москвы и требовалъ отъ имени Димитрія, чтобы этотъ городъ выдалъ ему мятежника, Великаго Князя, съ двумя его братьями. Въ Москвѣ многіе испугались, тайкомъ уѣхали изъ города въ свои помѣстья, и укрылись, кому гдѣ было лучше и безопаснѣе.

Когда этотъ вождь, Истома, находился подъ Москвою, прибылъ къ нему на выручку изъ Польши, черезъ Комарницкую во-

лость, другой опытный воинъ, Иванъ Исаевичъ Болотниковъ (Polutnich), и всю страну, которою проходилъ, привелъ къ присягѣ въ томъ, что жители будутъ оказывать повиновеніе и пособіе убѣжавшему Димитрію. Этотъ Болотниковъ былъ родомъ Москвитянинъ, въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ Татарами въ широкой степи у Казаковъ, проданъ въ Турцію, и наконецъ освобожденъ и отвезенъ Венеціянами въ Венецію, оттуда пошелъ онъ въ Польшу, гдѣ и узналъ чудную перемѣну Правительства на своей родинѣ, и что законный наслѣдственный Государь, Димитрій, убѣжалъ, находится въ живыхъ и скрывается въ Сандомирѣ. Болотниковъ и отправился къ нему, разсказалъ о своемъ родѣ, положеніи и обстоятельствахъ, въ которыхъ находился прежде; человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, узнавъ, что онъ храбрый и отважный воинъ, спросилъ его, хочетъ ли онъ опять служить ему противъ его крамольныхъ земляковъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что готовъ сражаться за своего природнаго и законнаго Государя. «Я теперь не могу много дать тебѣ, сказалъ Димитрій, однако жь возьми вотъ коня, саблю, пистолеты, 30 червонцевъ и это письмо къ Намѣстнику въ Путивлѣ, Григорію Шаховскому: онъ выдастъ изъ казны, сколько тебѣ нужно, и пошлетъ тебя съ отрядомъ войска: скажи и ему и другимъ, что ты видѣлъ меня въ Польшѣ и говорилъ со мною въ томъ видѣ, въ какомъ находишь меня здѣсь передъ твоими глазами!»

Съ этѣмъ отвѣтомъ Болотниковъ пошелъ изъ Польши въ Путивль: его извѣстіе было очень пріятно тамъ, и если прежде много дали вѣры въ этомъ дѣлѣ Шаховскому, то теперь повѣрили въ тысячу разъ больше, что Димитрій въ самомъ дѣлѣ ушелъ, жертвовали имѣніемъ, жизнью, всѣмъ, чѣмъ могли, не смотря на то, что онъ былъ не истинный Димитрій.

По изустному и письменному приказанію, Болотниковъ сдѣланъ начальникомъ надъ 12-ю тысячами Казаковъ и пошелъ, черезъ Комарницкую волость (Camarische), къ Москвѣ, гдѣ стоялъ станомъ другой вождь, Истома. Оба вождя, очень властолюбивые, не хотѣли ни въ чемъ уступить другъ другу и поссорились: Болотниковъ говорилъ, что его послалъ самъ Великій Князь, а Истому только Шаховской, по тому и хотѣлъ имѣть высшее мѣсто и

больше уваженія, ради Великаго Князя, согналъ съ мѣста Истому съ его войскомъ и самъ занялъ его. Истомѣ очень было досадно, что его такъ опозорили и поругали; онъ тотчасъ же завелъ сношенія съ Великимъ Княземъ Шуйскимъ, чтобы этотъ не только оказалъ ему обѣщанную благосклонность и милость, да и прислалъ бы еще большіе подарки, и до того довелъ дѣло, что съ 9-ю тысячами вооруженныхъ ратныхъ людей передался Великому Князю Шуйскому, вошелъ съ ними въ Москву и извѣстилъ, что ни одинъ человѣкъ не видалъ въ Путивлѣ Димитрія. Объ этомъ разнесъ одинъ Шаховской, также и о томъ, будто онъ ушелъ въ Польшу, и велѣлъ ему опять привести къ присягѣ Путивльцевъ: но такъ ли это было и ушелъ ли Димитрій, Истома не можетъ сказать.

Простой народъ въ Москвѣ отправилъ пословъ къ Болотникову, желая, чтобы онъ показалъ своего Государя, Димитрія: тогда они поклонятся въ ноги этому Князю и поклянутся ему въ вѣрности и преданности. Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Польшѣ и скоро будетъ сюда; что онъ, Болотниковъ, былъ у него, видѣлъ его ясныя очи и лично получилъ отъ него это приказаніе. Москвитяне говорили, что «это будетъ другой Димитрій: мы убили того, который выдавалъ себя за Димитрія,» просили Болотникова, чтобы пересталъ проливать невинную кровь и передался Великому Князю Шуйскому, который сдѣлаетъ его большимъ Бояриномъ. «Я поклялся моему Государю, отвѣчалъ Болотниковъ, подвергать за него свою жизнь опасности, сдержу это, и не буду крамольнымъ плутомъ и измѣнникомъ, какъ Истома: вы радѣйте своему, а я буду усердствовать моему Государю, и скоро навѣщу васъ.»

Болотниковъ тотчасъ же послалъ гонца въ Путивль и велѣлъ просить Шаховскаго, чтобы «онъ не медля послалъ въ Польшу» и вызвалъ Димитрія. Онъ такъ повелъ дѣла съ Москвитянами, что они хотятъ упасть въ ноги Князю и просить помилованія, если увидятъ его лично живаго. Ему не для чего набирать войско, приходилъ бы одинъ, дѣла скоро поправятся. Увидавъ его, народъ сейчасъ же схватитъ за горло его измѣнниковъ и выдастъ ихъ ему.» Но Самозванецъ уговаривалъ Шаховскаго, чтобы самъ онъ выдалъ себя за Димитрія, и ушелъ отъ него въ Польшу, не хо-

тѣлъ вѣрить этѣмъ кознямъ и являться Димитріемъ, остался Польскимъ Дворяниномъ, какъ былъ, и не пошелъ: пускай, де, выдаетъ себя за Димитрія и дерется за Россію тотъ, кому припадетъ охота!

Такъ какъ Димитрій не приходилъ изъ Польши, Москвитяне ободрились, стали смѣлѣе и дали жестокое сраженіе Болотникову. Великій Князь самъ выступилъ изъ Москвы съ 100 тысячами войска, напалъ на него въ станѣ, перебилъ нѣсколько тысячъ и обратилъ его въ бѣгство. Болотниковъ принужденъ бѣжать въ Серпуховъ съ уцѣлѣвшими изъ отряда, а Великій Князь вошелъ съ торжествомъ въ городъ. Пришедши въ Серпуховъ, Болотниковъ созвалъ народъ и граждaнъ и спросилъ ихъ: «Не могутъ ли они долгое время снабжать продовольствіемъ его съ подчиненнымъ ему войскомъ? Коли могутъ, онъ останется въ городѣ, а не то — оставитъ ихъ и уйдетъ.»

Они отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на столько состоянія и запасовъ, чтобы и себя-то содержать долго, а не то, что его съ войскомъ. Отъ того онъ и ушелъ оттуда въ крѣпость Калугу, гдѣ приняли его ласково, ради Димитрія, и обѣщали долгое время снабжать продовольствіемъ его съ войскомъ. Онъ велѣлъ сдѣлать частоколъ кругомъ города, впереди его вырыть глубокій ровъ, позади его также, чтобы ни одна пушка не могла причинить вреда городу.

Уже долгое время ни какой Димитрій не хотѣлъ приходить изъ Польши и подверать жизнь опасности за Русскую корону. Тогда Князь Григорій Шаховской придумалъ въ Путивлѣ другую хитрость и продѣлку, чтобы помучить своихъ земляковъ: онъ и прежде еще слыхалъ отъ степныхъ Казаковъ, что у Великаго Князя, Ѳедора Ивановича, вмѣсто котораго завѣдывалъ Великокняжескимъ правленіемъ Борисъ Годуновъ, былъ незаконный сынъ, по имени Петръ Ѳедоровичъ, и проживалъ нѣсколько лѣтъ у Казаковъ, по тому что Борисъ имѣлъ покушеніе и на его жизнь, такъ онъ и не могъ отправиться въ Россію при жизни Бориса, однако жь намѣренъ былъ итти къ своему дядѣ, Димитрію, и просить у него Княжескаго содержанія, если бы того не убили.

Къ этому-то Петру Ѳедоровичу написалъ Шаховской письмо отъ имени Димитрія, и запечаталъ его Государственною печатью, которую укралъ во время возмущенія, какъ сказали мы выше. «Пусть Петръ наберетъ столько Казаковъ, сколько будетъ для него можно, идетъ въ Путивль и поможетъ ему занять и оборонить его отечество, пока Димитрій не придетъ самъ изъ Польши съ большимъ войскомъ, не смиритъ и не одолѣетъ своихъ недруговъ, а послѣ того дастъ ему прекрасное Княжество, чтобы и онъ былъ доволенъ.»

Получивъ эту вѣсть, Петръ Ѳедоровичъ очень обрадовался, собрался съ 10-ю тысячами Казаковъ и прибылъ въ Путивль, на помощь своему дядѣ, Димитрію. Шаховской самъ пошелъ съ нимъ къ крѣпости Тулѣ, въ томъ мнѣніи, что, если счастье ему повезетъ, онъ одолѣетъ Москвитянъ и одержитъ побѣду надъ ними, а изъ Польши ни какого Димитрія не явится, для овладѣнія страною, то Петръ Ѳедоровичъ будетъ выбранъ и коронованъ въ Великіе Князья; между тѣмъ Шаховской дѣлалъ все отъ имени Димитрія, хоть этотъ на самомъ дѣлѣ и умеръ. Такъ какъ Болотниковъ держался крѣпко въ Калугѣ, Великій Князь Шуйскій велѣлъ осадить этотъ городъ; но Калужане защищались храбро, нанесли много вреда его войску, и оно, не сдѣлавъ дѣла, принуждено отступить съ безчестьемъ.

Въ войскѣ Великаго Князя находился одинъ легкомысленный Господинъ, по имени Фридрихъ Фидлеръ. Онъ объявилъ Великому Князю, что, для блага его и всей страны, онъ отправится къ его врагу, Ивану Болотникову, и отравитъ его ядомъ, только Великій Князь долженъ пожаловать ему помѣстье и сто рублей денегъ.

Великій Князь обѣщалъ, велѣлъ тотчасъ же дать ему дорогую лошадь и 100 талеровъ деньгами, чтобы онъ ѣхалъ къ непріятелю и сдержалъ свое обѣщаніе. Когда воротится и вѣрно сдѣлаетъ дѣло, ему подарено будетъ помѣстье во 100 душъ и дастся 300 талеровъ ежегоднаго жалованья. Но какъ вышеназванный Фидлеръ былъ продувной мошенникъ, Великій Князь и не вѣрилъ ему: пока еще не дали ему денегъ, онъ долженъ былъ поклясться, что вѣрно и безъ всякаго хитраго обмана исполнитъ свое обѣщаніе. Тогда онъ далъ такую клятву, что всѣ благоче-

стивые и богобоязливые люди приходили въ трепетъ, читая, или слушая, ее. Потомъ взялъ деньги, пошелъ къ непріятелю, подалъ ему при всѣхъ ядъ въ руки и сказалъ, что «Великій Князь Шуйскій послалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ Болотникова выдалъ, но онъ не хочетъ того сдѣлать;» тутъ онъ вручилъ ему ядъ, чтобы тотъ дѣлалъ съ нимъ, что хочетъ. Болотниковъ благодарилъ его и сдѣлалъ ему большіе подарки, такъ онъ и остался у него въ Калугѣ; а послѣ онъ взятъ былъ въ плѣнъ воинами Великаго Князя и сосланъ въ Сибирь. Клятва, которую онъ далъ, слово въ слово слѣдующаго содержанія, какъ записалъ ее Священникъ Мартинъ Беръ: «Святою и во всѣ времена славимою Троицею, Богомъ, вѣчнымъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, я, Фридрихъ Фидлеръ, клянусь извести ядомъ недруга Царя Василія Ивановича и всей Россіи, Ивана Болотникова; если же не сдѣлаю того, а обману моего милостивѣйшаго Государя Шуйскаго изъ за денегъ, то пусть лишусь навѣчно моего участія въ небесномъ блаженствѣ, и Богъ, вѣчный Отецъ, никогда въ вѣкъ не окажетъ мнѣ Своего милосердія, пусть будутъ для меня напрасными драгоцѣнныя заслуги Нашего Искупителя, Іисуса Христа, Сына Божія, и Духъ Святый отступится отъ меня съ своею силою и дѣйствіемъ и никогда не соприсутствуетъ мнѣ съ какимъ ни будь утѣшеніемъ. Пусть не исправляютъ своего долга надо мною служебные Святые Духи, приставленные ко мнѣ и всѣмъ людямъ, обратятся во вредъ мнѣ, земля поглотитъ меня живаго въ свою пропасть, всѣ земныя растенія и яства послужатъ мнѣ не пищею, а ядомъ; пусть буду я принадлежатъ дьяволу душою и тѣломъ, мучиться и казниться весь вѣкъ. Если же я, надумавъ, или захотѣвъ, обмануть моего Государя изъ за денегъ, не сдѣлаю того, въ чемъ клялся, пойду къ духовному отцу и попрошу разрѣшить себя отъ такого грѣха, пусть разрѣшеніе всякаго служителя Божія во всемъ свѣтѣ не будетъ сильно освободить меня отъ этого грѣха, если не исполню того, что на меня возложено. Но я исполню это безъ всякой хитрости, обмана и плутовства, и изведу этѣмъ ядомъ Ивана Болотникова, также истинно, какъ истинна для меня помощь Божія и Его, ведущаго къ спасенію Евангелія!»

Такъ какъ Великій Князь Шуйскій держалъ въ жестокой осадѣ и сильно тѣснилъ Калугу, Петръ Ѳедоровичъ выслалъ изъ

Тулы нѣсколько тысячъ человѣкъ на выручку Болотникову. Москвитяне тоже послали войско имъ на встрѣчу изъ своего стана; тѣ и другіе встрѣтились, и Москвитяне были отбиты и принуждены бѣжать съ ужасомъ въ станъ. Узнавъ о томъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку изъ города на другое войско, пришедшее изъ Тулы, со всѣми силами напалъ на станъ Москвитянъ и всѣхъ разогналъ ихъ. Въ большомъ страхѣ они бѣжали въ Москву, бросивъ дробь, порохъ, пушки, продовольствіе, платье и все, что у нихъ было. Болотниковъ опять запасъ всѣмъ этѣмъ Калугу, а самъ пошелъ въ Тулу, къ Петру Ѳедоровичу.

Но Великій Князь не обратилъ на это вниманіе: ободрившись, онъ послалъ войско подъ Серпуховъ, занялъ его и потомъ отправился въ походъ самъ, съ намѣреніемъ осадить Тулу, по тому что тамъ были зачинщики и коноводы этой смуты и бунта, какъ, на пр., Григорій Шаховской, Петръ Ѳедоровичъ, Иванъ Болотниковъ и Намѣстникъ Телятевскій (Telatouski). Но прежде нежели Великій Князь подошелъ къ городу и могъ осадить его, всѣ они двинулись на встрѣчу ему, жестоко схватились съ нимъ и скоро побили бы Москвитянъ, если бы одинъ изъ ихъ Полковниковъ не передался Великому Князю съ 4000-ми человѣкъ: на всѣхъ другихъ напалъ такой страхъ, что они оставили поле сраженія, вернулись опять въ Тулу и укрѣпили ее. Но Великій Князь жестоко осадилъ и стѣснилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣмъ своимъ войскомъ: ни кому не было ни входа, ни выхода; но все же онъ не могъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ города: они оборонялись храбро. Шуйскій ничего не могъ сдѣлать ни пальбой, ни приступами, ни голодомъ. Они ѣли собакъ, кошекъ, падаль на улицахъ, лошадей, свои мокроты, воловьи кожи: гиспель соли стоилъ полталера, виспель ржи 100 гульденовъ; о пивѣ никто не смѣлъ и думать, много приняли муки и перенесли голода; чернь была очень недовольна и бунтовала противъ вождей, Шаховскаго и Болотникова: говорили, что они лгутъ, хотѣли уже схватить ихъ и выдать Великому Князю, по тому что видѣли, что ни какой Димитрій не являлся къ нимъ на выручку освободить ихъ отъ непріятеля. Болотниковъ вышелъ къ народу и говорилъ: «Когда возвращался я изъ Италіи, въ Польшѣ велѣлъ позвать меня къ себѣ одинъ молодой человѣкъ, около 28 лѣтъ отъ роду, и сказалъ, что онъ истинный Димитрій,

убѣжавшій во время Московскаго возмущенія. Онъ взялъ съ меня присягу на вѣрную службу ему: я и буду служить ему, пока живъ. Истинный ли онъ, нѣтъ ли, это не могу знать; по тому что онъ незнакомъ мнѣ, и я не видалъ всѣхъ его подробностей. Однако жъ пошлю еще гонца, чтобы онъ постарательнѣе развѣдалъ, что сдѣлалось съ тѣмъ Господиномъ, который видѣлся со мною въ Польшѣ и взялъ съ меня присягу, прійдетъ ли онъ, или нѣтъ?»

Народъ остался доволенъ этѣмъ отвѣтомъ. Но посланный дошелъ не дальше города Стародуба, не осмѣлился заходить далеко и ждалъ, чѣмъ кончатся этѣ дѣла.

Такъ какъ этотъ гонецъ долго не возвращался и не приносилъ ни какого отвѣта, то жители подумали, что на него напали и убили его непріятели: они посовѣтовались между собою и отправили другаго гонца. Этотъ переплылъ рѣку, прибылъ въ Польшу и тамъ разливался въ сѣтованіяхъ о крайней нуждѣ и опасномъ положеніи Туляковъ; ему былъ данъ приказъ отъ Полководца, что если не найдется ни какого Димитрія и никто изъ друзей и родныхъ Князя Сандомирскаго не отважится ни на что для ихъ выручки, то онъ, посолъ, долженъ послѣ того передать Королю всѣ города и крѣпости, занятые ими на имя Димитрія, только бы не доставались они Москвитянамъ.

Когда гонецъ этотъ прибылъ въ Польшу, друзья и родные Сандомирскаго Князя начали хлопотать, какъ бы достать и поставить на ноги новаго Димитрія. Сначала было очень трудно и опасно отыскать такого, который захотѣлъ бы такъ попроказничать. Наконецъ, въ Бѣлоруссіи, въ городѣ Соколѣ (Socola) отыскали хитраго, продувнаго плута, который нѣсколько времени былъ учителемъ и могъ бойко говорить и читать по Русски. Его назвали Димитріемъ и разсказали ему всѣ предшествовавшія происшествія, случившіяся съ этѣми Димитріями въ Россіи. Онъ тотчасъ ихъ выразумѣлъ, принялъ титулъ и имя, и пошелъ въ Путивль съ однимъ Польскимъ Полковникомъ, Мѣховецкимъ (Mechavetzki). Его признали тамъ за Димитрія и приняли съ большою радостью.

Оттуда онъ отправился въ Сѣверское Княжество (Sivverski) и прибылъ самъ — третей въ Стародубъ, но не выдавалъ себя Ди-

митріемъ, убитымъ въ Москвѣ Великимъ Княземъ, а назвался Нагимъ (Nagai), однимъ изъ друзей его, и говорилъ, что Димитрій недалеко: онъ ѣдетъ съ Господиномъ Мѣховецкимъ и нѣсколькими тысячами конниковъ и воиновъ; пусть же они будутъ рады ему, а въ немъ найдутъ очень милостиваго Государя, который пожалуетъ ихъ прекрасными льготами, за то что вели себя такъ честно и вѣрно.

Но какъ Полковникъ Мѣховецкій замедлилъ нѣсколькими днями долѣе, нежели полагали жители, имъ стало досадно, что этотъ Нагой дурачитъ ихъ и смѣется надъ ними, схватили его съ товарищами, повели всѣхъ поочередно на пытку, положили одного, по имени Алексѣя, на пытальную лавку, и начали славно хлестать его по спинѣ розгами до крови; они не хотѣли перестать, пока не скажетъ, гдѣ Великій Князь Димитрій, въ живыхъ ли онъ и гдѣ находится? Онъ кричалъ и просилъ, чтобы перестали, что онъ скажетъ, гдѣ Димитрій, и началъ такъ: «Ахъ вы, дурачье! Смѣете ли вы меня такъ мучить и пытать изъ за вашего Государя Великаго Князя, развѣ не узнаете его? Вотъ онъ стоитъ: посмотрите, какъ вы его отдѣлали! Тотъ-то и есть Великій Князь Димитрій, что выдавалъ себя за Нагаго. Онъ въ вашихъ рукахъ: если хотите его погубить вмѣстѣ съ нами, то можете сдѣлать это. Онъ не объявлялъ себя по тому, что хотѣлъ сначала узнать; обрадуетесь ли его приходу.»

Услыхавъ это, всѣ они поклонились Нагому въ землю, цѣловали его ноги и сказали: «Милостивѣйшій Государь! Виноваты, мы дурно обошлись съ тобой; прости насъ, Государь, отпусти намъ этотъ жестокій грѣхъ: будемъ жить и умремъ за тебя.» Они повели его съ большимъ почетомъ и уваженіемъ въ прекрасную комнату, и такимъ образомъ въ Стародубѣ признали его въ другой разъ за убитаго въ Москвѣ Димитрія.

Лишь только что узналъ о томъ посланный изъ Тулы, проживавшій въ этомъ городѣ, онъ запрыгалъ и чрезвычайно обрадовался его приходу, пошелъ къ нему, подалъ письма на его имя изъ Тулы, однако жь тотчасъ же замѣтилъ, что это не прежній, котораго убили въ Москвѣ, а другой.

Но какъ этотъ посолъ былъ Полякъ, то и засвѣдѣтельствовалъ ему особенное почтеніе при всемъ народѣ, будто коротко знаетъ его, какъ прежняго своего Господина, хоть и не видалъ его во всю жизнь ни разу. Увидавъ это, народъ еще больше утвердился въ своемъ мнѣніи, что онъ настоящій и подлинный Димитрій. Въ этотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими ротами всадниковъ. Лжедимитрій велѣлъ ему идти въ городъ Козельскъ (Cazeltzki), и освободить его: онъ самъ скоро пойдетъ за нимъ на выручку Тулы и Калуги.

Этотъ вновь принятый Димитрій, по числу Третій, прежде чѣмъ ему отправиться дальше въ страну, еще лучше хотѣлъ испытать Русскихъ въ Стародубѣ и велѣлъ одному Поляку, по имени Ивану Заруцкому (Zaruski), выѣхать за городскія ворота съ копьемъ, а самъ онъ тоже выѣдетъ въ слѣдъ за Полякомъ, для примѣрнаго сраженія съ нимъ. Когда же народъ соберется толпою и будетъ смотрѣть, Заруцкій долженъ броситься на него съ копьемъ и не много дотронуться до него: онъ свалится, какъ будто сбитый съ лошади, а Полякъ поѣдетъ къ себѣ на квартиру и спрячется тамъ. Если народъ затѣетъ что ни будь недоброе съ нимъ, то Лжедимитрій увидитъ, что онъ вѣренъ и преданъ ему, а Поляку не будетъ ни какого вреда.

Уговорившись такъ, они выѣхали на мѣсто и сразились. Заруцкій бросился на Димитрія, этотъ свалился съ лошади и прикинулся полумертвымъ. Народъ закричалъ въ одинъ голосъ, что надобно схватить измѣнника: взяли его, славно отдѣлали плетьми, стащили съ лошади, привели связаннаго къ своему Государю, Димитрію, и спрашивали, какъ имъ казнить его? Услыхавъ, что Заруцкому досталось порядкомъ, Димитрій засмѣялся и сказалъ: «Спасибо всѣмъ вамъ, вѣрнымъ моимъ подданнымъ, за то, что я въ другой разъ узналъ ваше прямодушіе со мною, за то, что вы мнѣ преданы и вѣрны: я совершенно невредимъ, хотѣлъ только испытать васъ, и самъ велѣлъ такъ поступить Заруцкому.» Они дивились его находчивости и благоразумію, а Заруцкій принялъ побои себѣ на здоровье.

Выручивъ приверженцевъ Лжедимитрія въ Козельскѣ, отбивъ и прогнавъ отъ него Москвитянъ, Мѣховецкій поджидалъ прихода

Самозванца съ войскомъ; этотъ уже выступилъ и хотѣлъ выручать Тулу и Калугу, но Мѣховецкій узналъ, что три города, Болховъ, Бѣлый и Лихвинъ (Lieffina), передались Великому Князю и скоро взяли бы головою этого мнимаго Димитрія, если бы онъ не отступилъ и не остался на зиму въ Стародубѣ. Благодаря случаю этого отпаденія городовъ, начальствующіе въ Тулѣ были покинуты совсѣмъ: Великій Князь велѣлъ запрудить текущую городомъ рѣку Упу, отъ чего вода разлилась такъ сильно, что жители должны были ѣздить другъ къ другу на челнокахъ и лодкахъ; отъ голода и отъ воды они принуждены сдаться и договариваться о пощадѣ съ Великимъ Княземъ на томъ условіи, чтобы онъ пощадилъ ихъ жизнь и помиловалъ ихъ, а не то всѣ они будутъ держаться до тѣхъ поръ, пока имъ нечего будетъ ѣсть, кромѣ крысъ и мышей, и пока не поѣдятъ другъ друга. Великій Князь очень дивился тому и сказалъ: «Хотя я и поклялся не давать ни какой пощады нѣкоторымъ лицамъ въ Тулѣ, однако жь мнѣ, видно, надо оставить гнѣвъ и немилость, помиловать ихъ и даровать имъ жизнь, за честную ихъ стойкость и храбрость, потому что они такъ вѣрны были присягѣ Димитрію, вору и измѣннику: если бы они захотѣли такъ же вѣрно служить и мнѣ, какъ служили ему.» Онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы помиловать всѣхъ ихъ: это было въ день Симона и Іуды, въ 1607 году.

Когда такимъ образомъ уговорились и условились, выѣхалъ изъ города Болотниковъ, вошелъ въ палатку Великаго Князя, сталъ на колѣни, припалъ лицомъ къ землѣ и сказалъ: «Я вѣрно сдержалъ клятву, которую далъ въ Польшѣ одному Господину, называвшему себя Димитріемъ, роднымъ сыномъ Ивана Васильевича. Подлинно ли онъ такой, или нѣтъ, не могу знать, я не видалъ его никогда въ прежней моей жизни, однако жь онъ бросилъ меня, и теперь я въ твоихъ рукахъ: коли хочешь, убей меня, со мною для того и сабля! А если пощадишь мою жизнь и помилуешь меня, я буду такъ же вѣрно служить тебѣ, какъ служилъ ему.»

Великій Князь велѣлъ ему встать и сказалъ, что сдержитъ все, что обѣщалъ и въ чемъ поклялся. Но онъ сдержалъ клятву, какъ собака держитъ постъ, какъ водится у всѣхъ Москвитянъ. Только что пріѣхавъ въ Москву, онъ велѣлъ Петра Ѳедоровича повѣсить, а Болотникова посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ

жалкою голодною смертію, а 52 иностранца, служившіе въ Тулѣ, сосланы были въ Сибирь.

Взявъ городъ Тулу, Великій Князь распустилъ по домамъ свое войско, кромѣ того, которое стояло подъ Калугой. Къ нему отправилъ онъ одного знатнаго Боярина, бывшаго также и при осадѣ Тулы. Ему было приказано вести переговоры съ Калужанами о сдачѣ города: если сдадутся добромъ, Великій Князь даруетъ всѣмъ имъ жизнь, и окажетъ такое же благоволеніе и милость, какъ и жителямъ Тулы. Но они отвѣчали, что совсѣмъ не намѣрены сдаваться: хотя Государь ихъ и удалился отъ нихъ изъ за крамолы и мятежа, однако онъ не станетъ мѣшкать и вернется довольно скоро. Съ этѣмъ Государемъ они и напали на станъ Великаго Князя и причинили много вреда его людямъ. Это привело въ сильную досаду Великаго Князя: онъ послалъ въ станъ на выручку нѣсколько тысячъ свѣжаго войска, въ которомъ было 4000 Казаковъ, прежде служившихъ у Болотникова, и потомъ взятыхъ въ плѣнъ. Когда освободили ихъ, они клялись служить Великому Князю, а онъ далъ имъ денегъ, платье, ружья и брони.

Когда Казаки прибыли съ Москвитянами въ Калужскій станъ, между ними вышло несогласіе. Казаки начали бунтовать, Москвитяне очень испугались того, убѣжали почью въ Москву и бросили все, что было у нихъ въ станѣ. Узнавъ о томъ, Казаки утромъ двинулись къ городу, хотѣли, чтобы ихъ впустили туда, по тому что они люди одного съ жителями Государя, разсказывали, какъ почью прогнали Москвитянъ, которые всѣ бѣжали, оставивъ послѣ себя много продовольствія, пушекъ и нѣсколько бочекъ пороху: пусть жители возьмутъ все это и унесутъ въ городъ.

Но Намѣстникъ сначала не хотѣлъ имъ вѣрить и не велѣлъ никого пускать въ городъ. Казаки перешли рѣку Оку и говорили, что пойдутъ искать своего Государя. Увидавъ это, Калужане послали въ станъ людей, которые нашли все такъ, какъ разсказывали Казаки, догнали этѣхъ, приказывали имъ вернуться къ городу, однако жь Казаки не слушались, за чѣмъ имъ прежде запрещали и отказывали, послали только съ сотню изъ своихъ въ городъ, чтобы они закупили тамъ, что нужно, и потомъ ѣхали

за товарищами. Все, что ни нашли въ станѣ, Калужане стащили въ городъ, и снова поклялись жить для Димитрія и умереть за него.

Послѣ того, какъ Великому Князю не повезло подъ Калугой, онъ опять собрался съ силами на истребленіе и изгнаніе ложнаго и самодѣльнаго Димитрія. Самозванецъ, по порядку ихъ Третій, послалъ набирать войско въ Польшу. Оттуда пришелъ Воевода Кіевскій, Адамъ Вишневецкій, съ 2000 конницы, и Романъ Рожинскій (Rusnitzki) съ 4000; подъ городомъ Орломъ (Arol) они соединились съ Мѣховецкимъ и Димитріемъ; по согласію всего войска, Рожинскаго сдѣлали главнымъ вождемъ и пошли вооруженною силой подъ городъ Брянскъ (Brandskovv). Начальникомъ тамъ былъ Ливонецъ, по имени Гансъ Бергъ; онъ тотчасъ же передался Димитрію и сдалъ ему городъ безъ всякаго приступа и сопротивленія.

Около этого времени высокопочтенный Шведскій Король, блаженной памяти Карлъ Девятый, узналъ, какіе хитрые замыслы были у Поляковъ и Папистовъ съ ихъ вымышленнымъ Димитріемъ, и что они собираютъ сильное войско на гибель и покореніе Россіи. Въ 1608 году, онъ отправилъ въ Москву къ Великому Князю, Василію Шуйскому, меня, Петра Петрея, съ приказаніемъ предостеречь его, какъ слѣдуетъ вѣрному сосѣду, и дать ему знать, что Королю извѣстно, что Папа со всею лигою и Поляками поднимаетъ на помощь себѣ разные народы, чтобы заводить всякія смуты и войны, завоевать всю Москву (т. е., Россію) и привести ее въ покорность и подданство себѣ, что уже взято нѣсколько городовъ на имя Лжедимитрія и причинено много вреда грабежомъ, мечомъ и огнемъ. Это было очень прискорбно его Величеству: чтобы остановить и предупредить это заранѣе, пока непріятели не ворвались еще дальше въ страну, Его Королевское Величество, какъ добросердечный и вѣрный сосѣдъ Великаго Князя и всего Русскаго Великаго Княжества, желаетъ прійти къ нему на помощь съ нѣсколькими тысячами своей и иноземной пѣхоты и конницы.

Великій Князь и его Бояре не обратили ни какого вниманія на это предложеніе и дружеское предостереженіе Короля, пренебрегли имъ, думали, что у нихъ достанетъ силъ справиться съ Поляками, и что отпавшіе Русскіе и даже преданные Полякамъ города отложатся отъ нихъ, по примѣру трехъ выше названныхъ

городовъ, особливо послѣ того, какъ Великій Князь завоевалъ городъ Тулу. Однако жь онъ обманывался въ томъ и испыталъ со всѣмъ другое, съ потерею земли, людей и своего собственнаго счастья, о чемъ мы разскажемъ послѣ: по тому что Поляки подавались все дальше въ страну съ своимъ Лжедимитріемъ и брали городъ за городомъ.

Теперь по всей Россіи разнеслась молва, что Поляки вторгнулись въ эту страну въ числѣ многихъ тысячъ: это навело великій страхъ на Москвитянъ, и многіе заключили изъ того, что Самозванецъ должно быть настоящій Димитрій, убитый и сожженный въ Москвѣ. Отъ того же передалось ему много Русскихъ Дворянъ и иностранцевъ, которыхъ онъ тотчасъ одарилъ крестьянами и деревнями, гораздо лучше ихъ прежнихъ помѣстьевъ, чтобы они не имѣли причинъ бѣжать отъ него, хотя бы видѣли и знали, что онъ не истинный Димитрій, а другой.

Этотъ Димитрій III-й велѣлъ по всѣмъ городамъ разглашать, чтобы, гдѣ есть Бояре и Дворяне у Великаго Князя, владѣвшіе помѣстьями, холопы и слуги ихъ, приходили бы къ нему и присягали на вѣрную службу, за что онъ наградитъ ихъ помѣстьями; если же у Дворянъ въ деревняхъ были жены и дочери, рабы могли ихъ взять за себя замужъ, владѣть деревнями и служить ему. Благодаря тому, онъ набралъ себѣ много людей, разбѣгавшихся отъ Господъ во всей странѣ, и такимъ образомъ крѣпостные холопы стали Боярами и Дворянами, сильными и богатыми, а Дворяне сдѣлались бѣдняками и нищими и должны были помирать въ Москвѣ съ голода.

Во время такого счастья и успѣховъ Димитрія, Великій Князь послалъ къ нему на встрѣчу многочисленное войско, чтобы не дать ему проникнуть еще дальше въ страну. На половинѣ дороги Димитрій съ своими людьми встрѣтилъ его, и бились жестоко другъ съ другомъ. Поляки всегда брали верхъ и все побивали людей Великаго Князя: отъ того Русскіе и оробѣли. Въ войскѣ Русскомъ одинъ молодой Ротмистръ изъ Курляндіи, по имени Бертилъ Ламбсдорфъ, тайно условился съ своими начальниками, и всѣ они послали тайкомъ посла къ Димитрію, съ предложеніемъ своихъ вѣрноподданическихъ услугъ: пусть онъ идетъ впередъ,

они передадутся ему съ развернутыми знаменами при первомъ его наступленіи.

Приблизившись другъ къ другу, оба войска начали бой. Димитрій положился на тайный уговоръ съ нимъ Ламбсдорфа и велѣлъ щадить Нѣмцевъ и нападать на однихъ Москвитянъ. Русскій Полководецъ замѣтилъ это и велѣлъ Ламбсдорфу ударить на непріятеля. Конные воины не знали о замыслѣ своего Ротмистра, а Ротмистръ въ хмѣлю не вспомнилъ о томъ, и Нѣмцы, напавъ на Поляковъ, убили у нихъ 400 человѣкъ. Это жестоко раздосадовало Димитрія и его Полководцевъ: они до того разсердились и разозлились, что навѣрное повѣсили бы Нѣмецкихъ пословъ отъ Ламбсдорфа, если бы тѣ не ушли. Димитрій приказалъ всему своему войску не щадить больше Нѣмцевъ, если они попадутся: тогда Поляки и Казаки съ такимъ остервененіемъ напали на Москвитянъ и Нѣмцевъ, что первые должны были обратиться въ бѣгство. Ламбсдорфъ теперь только вспомнилъ свой тайный уговоръ, отвелъ своихъ конниковъ въ сторону и хотѣлъ передаться Димитрію съ распущеными знаменами. Но это было слишкомъ поздно. Поляки окружили ихъ, убили 300 человѣкъ, изъ числа тѣхъ, которые остановились и не бѣжали вмѣстѣ съ Москвитянами. Москвитяне же сочли за честныхъ людей этѣхъ Нѣмцевъ, какъ будто они сражались храбро и порыцарски на ихъ сторонѣ и положили животъ свой за Великаго Князя, а между тѣмъ они были ихъ злѣйшіе враги и имѣли на умѣ всякое зло противъ своего законнаго Государя, которому присягали.

Когда Москвитяне, полумертвые и дрожащіе отъ страха, прибѣжали въ Москву и стали говорить о понесенномъ пораженіи, что столько-то тысячъ ихъ убито и обращено въ бѣгство, весь городъ пришелъ въ ужасъ; нѣсколько дней не знали, что начать, и въ самомъ дѣлѣ передались бы Димитрію, если бы онъ подвинулся ближе съ своимъ войскомъ.

Народъ сталъ уже поговаривать и совѣтоваться между собою, толковали, что если бы онъ былъ не истинный Димитрій, то Дворяне, которые отправились къ нему съ повинною, вернулись бы назадъ, особливо большіе Бояре и Дворяне, бывшіе виновниками совершенныхъ въ Москвѣ убійствъ. Они подбили бы на-

родъ къ мятежу и измѣнѣ, умертвили бы людей Самозванца, выгнали бы его самаго. Ни чего такого народъ не слыхалъ. Одинъ изъ Москвитянъ заговорилъ такъ: будто бы онъ слышалъ, что Димитрій такой умный и прозорливый, что съ перваго взгляда узнаетъ, кто виноватъ и кто нѣтъ. Какой-то мясникъ перепугался и сказалъ: «Бѣда моя! Я не посмѣю явиться предъ его ясные очи, по тому что вотъ этѣмъ ножомъ я зарѣзалъ пятерыхъ его слугъ.» Тогда всѣ стали отчаяваться и бояться за него.

Послѣ этого бѣгства Москвитянъ изъ подъ Калуги, Димитрій со всѣмъ войскомъ подвинулся ближе къ Москвѣ и высматривалъ, гдѣ бы удобнѣе начать осаду. Въ то же время на помощь ему пришелъ одинъ знатный Литовскій Бояринъ, по имени Іоаннъ Сапѣга (Sapetha), съ 7000 конниковъ. Великій Князь послалъ войско съ однимъ знатнымъ Бояриномъ изъ своихъ друзей, по имени Михайломъ Скопинымъ: онъ поставилъ своихъ воиновъ въ обозѣ, и пока они находились подъ этѣмъ прикрытіемъ, Полякамъ нечего было взять у нихъ, хотя имъ и хотѣлось подраться съ Москвитянами, однако жь не удавалось до самой ночи на Св. Іоанна: тогда Поляки нечаянно нагрянули на нихъ, разбудили ихъ, и многіе изъ Москвитянъ остались лежать, но уже не вставали.

Великій Князь велѣлъ привезти на стѣны всѣ пушки, въ ожиданіи нападенія Поляковъ, и если бы въ то время они отважились на это, то, безъ сомнѣнія, овладѣли бы городомъ. Но Димитрій не дозволялъ того, все думая, что городъ сдастся, не хотѣлъ разорять, или сожигать, его; сколько разъ Поляки ни принимались за это, онъ все удерживалъ ихъ ласковыми словами и говорилъ, что если разоритъ столицу и сожжетъ всѣ ея богатства, чѣмъ будетъ заплатить войску? Поляки и остановились. Однако жь для него лучше бы было разорить и разрушить одинъ городъ, нежели жечь и опустошать всю страну, по тому что страна скоро бы выстроила такой городъ, а Москва одна не могла построить другихъ городовъ, крѣпостей и деревень, разрушенныхъ и разоренныхъ со всею страною.

29 Іюня, 1608 года, Дититрій расположился въ милѣ отъ города Москвы на рѣкѣ того же имени, и оставался тамъ до 29 Декабря, 1609 года. У нихъ бывали частыя схватки и съ обѣихъ

сторонъ пало много храбрыхъ людей. Межъ тѣмъ Великій Князь велѣлъ привезти въ Москву плѣнныхъ Поляковъ, Воеводу Сандомирскаго, дочь его, Марину Юрьевну (Maria Gorgona), и племянника ихъ, Стадницкаго (Stadniski), со всѣми другими Поляками, содержавшимися въ Ростовѣ и Ярославлѣ, чтобы Поляки не дѣлали больше вторженій въ страну, къ ея разоренію и для освобожденія своихъ земляковъ.

Но какъ Димитрій съ такимъ множествомъ народа держалъ Москву въ суровой осадѣ и жестоко стѣснялъ ее, заградилъ всѣ дороги и добивался освобожденія плѣнныхъ Поляковъ и Великой Княгини, Великій Князь согласился съ своимъ Совѣтомъ, отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ въ Польскій станъ, полагая, что Поляки отступятъ съ ними и снимутъ осаду; этого, однако жь, не случилось: они продолжали осаду еще усерднѣе и суровѣе прежняго.

Когда прибыли въ станъ плѣнные Поляки, все войско, а особливо Димитрій, были очень довольны и веселы; велѣно палить изо всѣхъ пушекъ; поставлено нѣсколько палатокъ, такъ чтобы можно было ходить изъ нихъ другъ къ другу; напослѣдокъ покончили дѣло на томъ, чтобы Воевода отправился въ Польшу, а дочь его осталась въ станѣ у Димитрія, ея мнимаго мужа, съ условіемъ, чтобы онъ не касался ея до тѣхъ поръ, пока не завоюетъ всей страны и не сядетъ на Москвскомъ престолѣ.

Когда порѣшили все это, Лжедимитрій встрѣтилъ на одномъ мѣстѣ Великую Княгиню, въ виду всего стана; со слезами живѣйшей радости они поздоровались. Эта веселая и забавная сцена ослѣпила много зоркихъ глазъ: Марина передъ всѣмъ народомъ оказала ему всѣ приличныя почести и уваженіе, какъ своему любезному Государю и мужу, цѣловала, ласкала его; онъ ее также; по всей землѣ пошла молва, всѣ толковали и судили, что онъ истинный Димитрій, и по этому случаю много Дворянъ изо всѣхъ мѣстъ перешло къ нему въ станъ.

Какъ скоро узналъ о томъ Великій Князь и увидалъ, что ему нѣтъ счастья въ его народѣ, онъ забылъ своего Бога, по пословицѣ тѣхъ безбожныхъ людей, которые говорятъ такъ: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo,» и собралъ со

всей земли колдуновъ и колдуньевъ, чтобы, чего не могъ сдѣлать одинъ колдунъ, умѣлъ сдѣлать другой; для употребленія этѣхъ чортовыхъ дѣтей при ихъ чарахъ и ворожбѣ, онъ велѣлъ разрѣзать многихъ брюхатыхъ женщинъ и достать плодъ изъ ихъ тѣла, застрѣлить нѣсколькихъ здоровыхъ и рѣзвыхъ коней и вынуть у нихъ сердце: колдуны добились того, что когда клали и закапывали этѣ снадобья, получалъ поверхность Великій Князь, а когда не было того, одолѣвали Поляки.

Многіе большіе Бояре бѣжали изъ Москвы къ Димитрію и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій (Mosaiskovv), который еще прежде съ 25,000 рублей перешелъ отъ Великаго Князя Бориса Годунова къ Лжедимитрію Первому и остался его Маршалкомъ, а по убіеніи Самозванца Великій Князь Шуйскій поставилъ его Намѣстникомъ въ крѣпости Кексгольмѣ; тамъ пробылъ онъ не больше года, до перевода своего въ Москву. Отъ того-то онъ опять и перебѣжалъ отъ Шуйскаго къ Лжедимитрію Второму и провелъ у него нѣсколько дней. Но увидавъ и узнавъ на самомъ дѣлѣ, что это не тотъ Димитрій, котораго полагали, а новый воръ, обманщикъ и измѣнникъ, Мосальскій опять бѣжалъ къ Великому Князю съ нѣсколькими Русскими Боярами и Дворянами, созвалъ народъ и говорилъ гласно, что это не Димитрій, котораго они убили, а другой. Тогда Москвитяне въ первый разъ стали всѣ какъ одинъ человѣкъ, и оборонялись отъ новаго Лжедимитрія и Поляковъ до послѣдней возможности.

Великій Князь былъ въ большомъ безпокойствѣ съ своими приверженцами, будучи сильно тѣснимъ Лжедимитріемъ Вторымъ и Поляками и ни откуда не надѣясь для себя помощи: они держали между собою совѣтъ, какъ бы избавиться отъ осады? Великій Князь отправилъ изъ Москвы своего родственника, племянника Михаила Скопина, собирать войско въ Новгородѣ, сверхъ того Посланника къ Пресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Высокородному Князю и Государю, блаженной и достославной памяти, Карлу Девятому, Королю Шведскому, Готскому, Вендскому и Вейландскому, напомнить ему о старинномъ союзѣ, заключенномъ между Россіею и Швеціею въ Тявзинѣ въ 1595 году, и чтобы онъ благоволилъ прислать Шуйскому нѣсколько пѣшаго и коннаго войска

противъ его непріятелей, Поляковъ и Литовцевъ, по тому что Великій Князь въ Москвѣ жестоко осажденъ и стѣсненъ мнимымъ Димитріемъ и Поляками, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаетъ для себя прибѣжища и пособія.

Его Королевское Величество могъ бы и отказать ему, за то что прежде, когда доведенъ былъ до крайности, онъ не принялъ Королевской помощи, да и при такомъ случаѣ, когда Польскій Король обратилъ свои главныя силы на Россію, Его Королевское Величество велъ съ замѣтнымъ успѣхомъ войну съ Поляками въ Ливоніи и вполнѣ могъ надѣяться обезпечить за собою всю эту область. Но какъ великодушный и вмѣстѣ добродѣтельный и сострадательный Государь, Его Королевское Величество рѣшился, не смотря ни на что, не покидать Великаго Князя и Русскій народъ въ такой крайней нуждѣ, по тому что они со всѣмъ смиреніемъ искали у него помощи и защиты. Посланники обоихъ Государей отправились въ Выборгъ, въ Финляндію, для переговоровъ о дѣлахъ обѣихъ Державъ. Они договорились между собою на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы вышепомянутый Король Шведскій, Карлъ Девятый, благоволилъ помочь Великому Князю 5-ю тысячами коннаго и пѣшаго войска, на жалованьѣ Великаго Князя; за то Великокняжескіе Посланники отъ имени своего Государя обѣщались правильно платить вспомогательному войску Короля Шведскаго и на его содержаніе выдавать Шведскому Полководцу сполна по 32,000 рублей или по 10,000 талеровъ въ мѣсяцъ. Въ томъ же случаѣ, когда Великій Князь окажется неисправнымъ въ уплатѣ, онъ обязывается выдать двойную сумму за каждый не оплаченный мѣсяцъ, по приходѣ Шведскаго войска въ Москву.

Потомъ, въ признательность и благодарность за оказанную помощь, Великій Князь долженъ уступить Шведской Коронѣ крѣпость Кексгольмъ, съ принадлежащею къ нею областью или страною, въ вѣчное наслѣдственное владѣніе, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ прибытія Шведскаго войска на Русскую границу. Все это ясно можно видѣть въ Договорѣ, заключенномъ и постановленномъ въ Выборгѣ между уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Коммисарами въ 1609 году. Послѣ разскажемъ, которая сторона всего вѣрнѣе сохранила, или нарушила, заключенный Договоръ.

После этого постановленія и Выборгскаго Договора, Шведскій Король отправилъ въ Россію, на помощь и выручку Великому Князю, благороднаго и знатнаго Графа Г. Якова Де ла Гарди, Графа Лекко, Барона Экгольмскаго, владѣльца Киды и Рунсы, Государственнаго Совѣтника и Рыцаря, въ званіи Главнокомандующаго, съ войскомъ изъ 5,000 хорошо обученныхъ и обмундированныхъ, Шведскихъ, Финскихъ и иностранныхъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ. Это было въ то самое время, когда почти вся Россія передалась Лжедимитрію, отчасти по принужденію, отчасти добровольно. Самозванецъ, съ Польскимъ и Литовскимъ войскомъ изъ Русскихъ, Литовцевъ и Поляковъ, привелъ Великаго Князя въ такое крайнее и трудное положеніе, что онъ едва въ силахъ былъ съ нуждою защищаться и удерживать городъ Москву.

Всякой разумный человѣкъ легко разсудитъ, какихъ безчисленныхъ расходовъ стоило Шведскому Королю набрать такое войско и содержать его до выступленія его въ Россію, и значительный убытокъ для Королевской земли, по которой оно должно было проходить до 100 миль. Не говоримъ уже не только о явныхъ выгодахъ, которыя, какъ замѣтили мы выше, были чрезъ это утрачены для Короля, но и о потерѣ крѣпости Парнова (Пернова), съ значительнымъ числомъ находившихся тамъ пушекъ и разныхъ военныхъ снарядовъ, а это, большею частію, произошло отъ того, что Король долженъ былъ помогать Русскимъ и вывелъ свои войска изъ Ливоніи.

Только что Королевское войско выступило въ походъ, какъ уже, благодаря однимъ слухамъ о немъ и страху его оружія, сдались Великому Князю крѣпости Кексгольмъ и Нотебургъ, до этого времени державшія сторону Лжедимитрія. Безъ сомнѣнія, и крѣпости Копорье (Coporia), Ямъ (Jama), Гдовъ (Augdovv) и другія принуждены бы были передаться Великому Князю, если бы племянникъ его, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, не счелъ неудобнымъ тратить на это время, но настоятельно просилъ и убѣждалъ спѣшить на выручку Великаго Князя и освободить его отъ осады.

Когда Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, прибылъ съ Шведскимъ войскомъ въ Новгородскую область, и городъ Порховъ (Porckovv) тоже послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Нотебурга и

сдался Великому Князю. Поляки, подъ начальствомъ Корнезетцкаго (Cornezetski), * стоявшіе, въ числѣ 2,000, въ Старой Русп, узнавъ о приходѣ Шведскаго войска, пришли въ такой страхъ и отчаяніе, что поспѣшно очистили городъ и ушли оттуда. Графъ Де ла Гарди послалъ слѣдомъ за ними Фельдмаршалка Эберта Горна изъ Канкаса, съ сотней воиновъ; этотъ очень усердно преслѣдовалъ Поляковъ днемъ и ночью, наконецъ настигъ ихъ въ Каменскѣ (Cameneck), съ Божіею помощію совершенно разбилъ, и самъ начальникъ ихъ едва избѣжалъ смерти. Такъ городъ Старая Руса и весь его округъ приведены были въ покорность Великому Князю.

Послѣ того Полководецъ послалъ Эберта Горна, съ нѣкоторымъ числомъ войска, въ Торжокъ (Torsiock), гдѣ находился Польскій Полковникъ Зборовскій съ 3,000 человѣкъ; хотя Горнъ не имѣлъ ни какихъ другихъ приказаній отъ Полководца, кромѣ того, чтобы развѣдать о позиціи и силахъ непріятеля, пока не подойдетъ самъ Де ла Гарди со всѣмъ войскомъ, однако жь онъ, заставъ непріятеля на полѣ близко Торжка, храбро напалъ на него, разбилъ и обратилъ его въ бѣгство. Зборовскій долженъ былъ съ великимъ позоромъ бѣжать въ большой станъ. Такъ и Торжокъ освобожденъ отъ осады. За это Лжедимитрій былъ очень недоволенъ Нѣмцами, началъ смѣяться надъ ними и бранить ихъ, за то что Поляки попались въ такой просакъ и были застигнуты врасплохъ Шведами.

Димитрій видѣлъ, что Шведскій Полководецъ близко, войско его потерпѣло большое пораженіе, а Москвитяне ободрились, видя, что ему нечего взять у нихъ, и не хотѣли сдаваться; онъ послалъ Яна Сапѣгу осаждать Троицкій монастырь и не давать ни чего привозить въ Москву изъ прочихъ мѣстъ. Сапѣга столько же сдѣлалъ подъ монастыремъ, сколько Лжедимитрій подъ Москвою. Но какъ онъ причинялъ вездѣ много вреда странѣ, занялъ и загородилъ всѣ дороги и проходы, то Великій Князь послалъ изъ Москвы 30,000 воиновъ, все конниковъ, и далъ имъ въ начальники своего брата, Ивана Ивановича Шуйскаго, который долженъ былъ задать Полякамъ пиръ подъ Троицей. Въ двухъ миляхъ отъ монастыря встрѣтился имъ Сапѣга съ войскомъ: они бились храбро, Поляки начинали уже трусить, и два раза обращались въ бѣгство.

* У Нѣмцевича II, 342, Kiernosiecki.

Наконецъ Сапѣга собрался съ духомъ и сказалъ своему подчиненному войску: «Любезные братья и земляки! Если мы будемъ все бѣжать, насъ перебьютъ и никто не избѣгнетъ смерти. Польша такъ далеко отсюда, станемъ же лучше сражаться по рыцарски, чѣмъ бѣжать и давать себя бить, какъ трусливыхъ непотребныхъ женщинъ: пусть каждый постарается, сколько силъ хватитъ, а я буду первымъ и передовымъ вашимъ въ любви къ славѣ, доблести и чести. Слѣдуйте за мною! Богъ навѣрное отдастъ непріятеля въ наши руки.» Они напали съ такою силой и бѣшенствомъ на Москвитянъ, что перебили ихъ нѣсколько тысячъ, другихъ же прогнали въ Москву. Такой уронъ въ людяхъ до того лишилъ бодрости и обезсилилъ Великаго Князя, что онъ ужь больше не осмѣливался выходить въ поле безъ Шведскаго войска, оставилъ въ покоѣ и Сапѣгу, до тѣхъ поръ, пока не прибылъ Шведскій Полководецъ и не прогналъ отъ монастыря Поляка.

Находясь теперь въ мирномъ и спокойномъ положеніи подъ монастыремъ, Сапѣга послалъ нѣсколько ротъ Поляковъ и Казаковъ, для развѣдыванія, нельзя ли привести какихъ ни будь городовъ къ присягѣ Лжедимитрію? Это и посчастливилось ему: два города, Переславъ (Perislavv) и Ростовъ присягнули въ вѣрности и преданности Самозванцу. Однако жь Ростовъ хотѣлъ было потомъ измѣнить, но ему плохо пришлось за это: весь городъ былъ вырѣзанъ и сожженъ. Поляки получили превосходную добычу въ его монастыряхъ и церквахъ въ золотѣ и серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ и жемчугѣ, поснимали съ иконъ всѣ ихъ серебряныя ризы (Röcke), а со Св. Леонтія, лежащаго въ серебряной ракѣ, золотую въ 300 фунтовъ вѣсомъ, изрубили этѣ ризы топорами въ куски и раздѣлили между собою. Митрополита отвели плѣнникомъ подъ Москву къ Димитрію, который принялъ его милостиво и сдѣлалъ своимъ Патріархомъ. Говорили, что въ посохѣ Митрополита былъ рубинъ, стоившій 20,000 гульденовъ и подаренный имъ Димитрію. Съ этого города взялъ себѣ примѣръ богатый, торговый и промышленный городъ Ярославль и сдался Димитрію на такихъ условіяхъ, чтобы гражданамъ было оставлено ихъ судопроизводство, Поляки не тревожили бы ихъ и не позорили ихъ женъ и дѣтей. Они будутъ вѣрны и преданы Лжедимитрію и сдѣлаютъ для него все возможное; послали въ станъ

къ нему 30,000 рублей золотомъ и желали себѣ начальника, который управлялъ бы ими и оборонялъ ихъ отъ Поляковъ. Димитрій далъ имъ въ начальники Лоренца Бюгге (Biugge), Шведа, родомъ изъ области Гельзингеланда, который больше 30-ти лѣтъ жилъ въ Россіи и приведенъ былъ въ Москву плѣнникомъ изъ Ливоніи при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ. Этотъ Капитанъ пришелъ въ Ярославль съ 1000 конныхъ воиновъ: граждане долгое время снабжали ихъ съ лошадьми пищею и питьемъ, сѣномъ, овсомъ и всѣмъ нужнымъ.

Города Кострома (Castron), Галичъ, Вологда тоже присягнули въ вѣрности Лжедимитрію и долго бы оставались вѣрны присягѣ, если бы не подбилъ и не взбунтовалъ ихъ одинъ перекрещенецъ, по имени Даніилъ Эйловъ (Eylovv), тамошній житель, имѣвшій на откупу соляную торговлю. Онъ говорилъ имъ, что они не обязаны хранить присягу, по тому что онъ доподлинно узналъ, что этотъ воръ и обманщикъ, выдающій себя за истиннаго Димитрія, совсѣмъ не тотъ, что вѣнчанъ на царство въ Москвѣ, а другой; говорилъ также, что собралъ въ своихъ помѣстьяхъ 200 человѣкъ, съ копьями и луками, чтобы заставить Поляковъ поскорѣе убраться отъ нихъ. Это длилось, однако жь, не долго: Поляки провѣдали о томъ, навѣстили Эйлова, перебили его 200 человѣкъ, а самаго съ дѣтьми взяли въ плѣнъ, и онъ долженъ былъ выкупать себя 600 талеровъ. Тогда же явился туда и одинъ Польскій Ротмистръ, Александръ Лисовскій (Likouski), съ 5-ю тысячами Казаковъ и 600 конныхъ воиновъ, перебилъ нѣсколько тысячъ Русскихъ, разъѣзжалъ по всѣмъ сторонамъ въ области, куда только ему было угодно, до чиста разорялъ и опустошалъ все, и не переставалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добрался до городовъ Галича и Костромы, сжегъ ихъ и отступилъ съ огромной и богатой добычей.

При такомъ весьма бѣдственномъ состояніи всей страны, двинулся изъ Литвы и Польскій Король, Сигизмундъ, съ 20,000 войска къ Смоленску, и требовалъ себѣ этотъ городъ, какъ старинную собственность Польской Короны. Но жители не знали, что дать ему, кромѣ пороха и свинца. Онъ стоялъ подъ Смоленскомъ два съ половиною года, пока совсѣмъ не овладѣлъ имъ: на приступахъ и въ стычкахъ потерялъ много храбрыхъ воиновъ, которыхъ

въ одномъ полномъ полку едва осталось и ушло оттуда только 400; впрочемъ, если бы въ городѣ не открылось опасной болѣзни, жители оборонялись бы гораздо дольше. Но что было дѣлать 3-мъ, или 4-мъ, сотнямъ больныхъ воиновъ въ такомъ обширномъ городѣ, противъ такого множества людей за его стѣнами? Жители должны были уступить и отдать себя на рѣзню, подобно овцамъ; смерти избѣжалъ одинъ Намѣстникъ съ сыномъ, которыхъ взяли въ плѣнъ и увели въ Польшу.

Въ то время, какъ Польскій Король держалъ въ такой крѣпкой осадѣ Смоленскъ, Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ къ нему изъ Москвы гонца, съ такимъ письмомъ, что уступитъ ему всю Россію, только бы онъ пришелъ и пособилъ ему отбить и прогнать вора и измѣнника, выдававшаго себя за Димитрія. Король смолчалъ на это, не далъ ни какого отвѣта, удержалъ гонца у себя. Въ досадѣ на то, Великій Князь отправилъ другаго гонца къ Начальнику Смоленска, но этотъ гонецъ былъ схваченъ Польскимъ сторожевымъ отрядомъ: у него найдены письма отъ Великаго Князя къ Начальнику Смоленска, убѣждавшія его «держаться и защищаться отъ Короля смѣло и храбро; что Великій Князь склонилъ ласковыми словами Короля Сигизмунда помочь ему смирить и одолѣть Димитрія; а когда это исполнится, онъ то сдѣлаетъ съ Королемъ и его плѣшивыми головами, что не много ихъ уйдетъ изъ Россіи.» Когда донесли о томъ Королю, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что это плутовство и коварство, дивился лукавству и обманчивости Русскихъ, а обоихъ пословъ, какъ присланнаго къ нему, такъ и другаго, къ Начальнику Смоленска, велѣлъ бросить въ рѣку и утопить, сказавъ при этомъ: «Нельзя вѣрить ни одному Москвитянину. Если будетъ на то воля Божія, и я найду время и случай, достанется же отъ меня плутоватому Великому Князю, я не останусь у него въ дуракахъ.»

Предъявлявшій права свои, Димитрій, узналъ объ этомъ происшествіи съ Великокняжескими послами подъ Смоленскомъ. Поляки привели въ покорность ему нѣсколько городовъ и вошли въ станъ съ большою добычей, отъ чего подешевѣли всѣ съѣстные припасы и напитки. Димитрій слышалъ также, что между Русскими и Шведскимъ войскомъ вышли ссора и несогласіе: думая, что Шведы вернутся назадъ и не двинутся дальше въ страну, а отъ того

и война его пойдетъ лучше, онъ сталъ доволенъ и веселъ, полагалъ, что все теперь выиграно и бѣда прошла, велѣлъ тайкомъ обвѣнчать себя въ станѣ съ Мариной Юрьевной (Maria Gorgona), женою убитаго Лжедимитрія Перваго или Гришки, хоть и далъ клятву ея отцу, Сандомирскому Воеводѣ, не дѣлать свадьбы, пока не завоюетъ Москвы и не сядетъ на престолѣ. Женившись на коронованной Великой Княгинѣ, сдѣлался очень гордъ и надутъ, называлъ себя единственнымъ Христіянскимъ Императоромъ подъ солнцемъ, какъ видно изъ слѣдующаго его титула такого содержанія:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, Императоръ Всероссійскій, Повелитель и Самодержецъ Московской Державы, Царь всего Великаго Княжества Русскаго, Государь Богодарованный, Богоизбранный, Богохранимый, Богомъ помазанный и вознесенный надъ всѣми другими Государями, подобно другому Израилю руководимый и осѣняемый Силою Божіей, Христіянскій Императоръ отъ солнечнаго восхода и запада, и многихъ областей Государь и Повелитель.»

Въ то время, когда Димитрій такъ веселился, пировалъ и ликовалъ въ станѣ подъ Москвою, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ Русскимъ вождемъ, Михаиломъ Скопинымъ, подошелъ къ городу Твери; у нихъ было большое сраженіе съ Поляками, и побѣда опять осталась за Шведами, которые одолѣли и обратили Поляковъ въ бѣгство. По окончаніи битвы, Русскій Полководецъ Скопинъ бросился на шею къ Графу Де ла Гарди, сослезами на глазахъ благодарилъ и сказалъ, что дядя его, Великій Князь, и все Русское Государство, никогда не будутъ въ силахъ достойно отблагодарить его и Королевское войско, а тѣмъ менѣе заплатить за эту важную услугу.

Если бы поступили по мнѣнію и желанію Русскаго вождя Скопина, Москва и Великій Князь сдались бы непріятелю прежде, чѣмъ подоспѣлъ къ нимъ кто ни будь на выручку, по тому что когда на первый день побѣда изъ за проливнаго дождя осталась не рѣшенною на обѣихъ сторонахъ, Скопинъ хотѣлъ отступить въ удобное и безопасное мѣсто, пока они не получатъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Но Шведскій Полководецъ вразумилъ его, что не храбрость непріятеля, а только непредвидѣнный случай, дождикъ,

помѣшалъ полной побѣдѣ надъ нимъ въ прошлый день, и что крайнее положеніе Великаго Князя и города Москвы не дозволяетъ такой долгой отсрочки. Противъ воли и согласія Русскаго Вождя, на третій день послѣ того, онъ храбро напалъ на непріятеля и побѣдилъ его. Надобно удивляться, что Шведскій Полководецъ и его войско были такъ добродушны, что рисковали жизнью для блага такихъ людей, которые не только постыдно оставили ихъ въ бою въ прежній разъ и обратили тылъ непріятелю, но еще во время жаркаго боя похитили ихъ вещи и поклажу: у нѣкоторыхъ изъ главныхъ Шведскихъ Офицеровъ изо всего ихъ значительнаго гардероба не осталось ни какого платья, кромѣ того, что было на нихъ; они сражались за своихъ грабителей, для которыхъ не было бы печали, если бы Шведы лишились съ имѣніемъ и жизни, и свободы; они стали разсуждать о несправедливости къ нимъ Русскихъ, а большая часть ихъ до того обидѣлась, что противъ воли Полководца вернулись въ Ливонію.

Не смотря на то, Полководецъ, съ оставшимся у него войскомъ, отправился въ Коломну (Columniza), а потомъ въ Александровскую Слободу, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ къ нему на помощь Королевскій Коммисаръ и Адмиралъ, Генрихъ Тённисенъ, съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Какъ скоро узнали о томъ Поляки, Зборовскій и Сапѣга вышли изъ стана съ 18 тысячами человѣкъ, хотѣли попытать счастія, нельзя ли имъ овладѣть городомъ и выгнать изъ него Шведовъ, чтобы они не подошли ближе къ Москвѣ и не освободили отъ осады Великаго Князя. Благодаря, однако жь, осторожности и храбрости Шведскаго Полководца, они были отражены, разбиты и прогнаны.

Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ всегда были счастливы съ непріятелемъ и все побѣждали Поляковъ, что разнеслось по всей странѣ: многіе города и крѣпости, присягнувшіе Димитрію, отложились отъ него, каковы: Вологда, Галичъ, Романовъ, Молога, Рыбинскъ (Ribna), Суздаль, Ярославль, Угличъ, Кашинъ и многіе другіе, граждане и поселяне собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и вездѣ нападали врасплохъ на Поляковъ и измѣнниковъ Русскихъ, которые стояли за Лжедимитрія, высылались

на грабежъ и жалостно притѣсняли бѣдныхъ жителей; не только отнимали у нихъ все, что найдутъ, но еще мучили ихъ, чтобы сказали, гдѣ спрятаны и зарыты у нихъ пожитки, серебро и золото, насиловали и позорили ихъ женъ и дочерей, такъ что жалко было видѣть все это. За то, когда граждане и крестьяне одолѣвали ихъ, они должны были расплачиваться тѣмъ же: ихъ убивали до смерти, раздѣвали до нага, а нѣкоторыхъ толкали подъ ледъ живыхъ, приговаривая: «Негодные плуты и измѣнники, вы въ короткое время до чиста разорили и разграбили это мѣсто, сожрали всѣхъ овецъ, быковъ, коровъ и телятъ: ступайте же теперь подъ ледъ и ѣшьте рыбу въ Волгѣ и въ другихъ рѣкахъ!»

Чтобы положить конецъ такимъ продѣлкамъ жителей, посланъ изъ стана Ротмистръ Лисовскій (Lizouski) съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, по тому что вездѣ, гдѣ ни стояли, они огораживали себя крѣпкимъ частоколомъ, и Поляки должны были оставить ихъ въ покоѣ. Но одинъ изъ Нѣмцевъ, Іохимъ Шмидтъ, сынъ цырюльника, во время Шведской войны убѣжавшаго въ Россію, былъ до того отваженъ, что поѣхалъ въ городъ Ярославль, по тому что очень знакомъ былъ съ тамошними горожанами и имѣлъ жену Ярославку: онъ намѣревался убѣдить ихъ, чтобы они сдались Лжедимитрію и не заводили кровопролитія. Замѣтивъ его изъ города, граждане высыпали толпою къ городскимъ воротамъ и хотѣли знать, что ему надо? Онъ сказалъ, что сдѣлано распоряженіе по ихъ жалобамъ. Димитрій пришлетъ къ нимъ одного знатнаго Польскаго Господина, который будетъ останавливать Поляковъ и такъ накажетъ злодѣевъ, причинявшихъ насилія и отягощенія жителямъ, что они будутъ помнить. Что же сдѣлали Ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе къ себѣ, схватили подъ уздцы его лошадь, свели его съ нея, притащили въ городъ, поставили на огонь большой пивоварный котелъ, налили до краевъ медомъ и бросили туда Шмидта, совсѣмъ нагаго: варили, кипятили его, такъ что мясо стало отваливаться отъ костей, потомъ вынули изъ котла и бросили кости и мясо за валъ на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Узнавъ о томъ, Лисовскій пошелъ туда и сжегъ городскія предмѣстья, также другія мѣстечки и деревни, изрубилъ

всѣхъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, и удалился оттуда съ большой добычей.

Между тѣмъ Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, тоже не оставались безъ дѣла, послали нѣсколько взводовъ конницы въ Переславль, чтобы не только отрѣзать Лисовскому отступленіе въ станъ, но и занять этотъ городъ. Это и удалось имъ: они взяли городъ приступомъ, побили всѣхъ Поляковъ, которые тамъ были, принудили Русскихъ опять присягнуть Великому Князю и потомъ отдыхали нѣсколько недѣль.

Получивъ порядочное подкрѣпленіе изъ Швеціи въ конницѣ и пѣхотѣ, и находя себя, вмѣстѣ съ Русскими, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, привелъ многіе города, монастыри и крѣпости въ покорность Великому Князю, потомъ пошелъ, черезъ Калязинъ, Угличъ и Кашинъ, въ Александровскую Слободу и храбро отбилъ Поляковъ, хотѣвшихъ осадить его тамъ. Послѣ всего того онъ отправился наконецъ съ Скопинымъ въ походъ на Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь: они хотѣли покушать и раздѣлить съ нимъ Мартынова гуся, * хоть Сапѣга и не звалъ ихъ. Это было очень досадно Полякамъ, и они убѣжали оттуда, бросивъ гуся не ощипаннаго и не жаренаго, по случаю нечаяннаго прихода Русскихъ и Шедовъ, отступили къ городу Дмитрову (Mitroffvva), укрѣпили его и держались, но не долго; по тому что тамъ стали станомъ Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, чрезъ что сдѣлались открыты всѣ дороги къ Москвѣ, уже довольно времени занимаемыя Поляками, какъ между Новгородомъ и Москвою, такъ и Холмогорами (Colmogorodi), Ярославлемъ и Москвою; теперь стало свободно и безопасно ѣздить по нимъ туда и обратно и возить разные съѣстные припасы въ Москву и въ станъ.

Около этого же времени Польскій Король Сигизмундъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ Смоленскомъ, и отправилъ Пословъ въ большой Польскій станъ подъ Москвой, съ увѣщаніемъ,

---

* Извѣстный осенній праздникъ въ Германіи, день Св. Мартина, когда жареный гусь такая же необходимая вещь за обѣдомъ, какъ блины на Масляной у насъ.

чтобы Поляки припомнили, чего надѣлали въ Польшѣ прежнимъ своимъ возмущеніемъ и лишились изъ за того и жизни, и имущества, движимаго и недвижимаго. Все это онъ проститъ имъ и велитъ возвратить всѣ взятыя въ казну имѣнія, если только они схватятъ и приведутъ къ нему подъ Смоленскъ того обманщика и измѣнника, которому служатъ они и который позволилъ себѣ назваться Димитріемъ, сыномъ Ивана Васильевича. Пріѣхавши въ станъ, Послы тайно передали свое порученіе Полководцу Рожинскому (Rusniski); Димитрій думалъ каждый день, что Посланники будутъ просить у него пріема, но какъ этого не случилось, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Полководца и спросилъ, какъ ему понимать это, что Королевскіе Послы не стараются передать ему свое порученіе, по тому что уже нѣсколько дней живутъ въ станѣ и каждый день ведутъ разговоры съ нимъ.

Рожинскій, уже обсудившій съ главными Офицерами и Ротмистрами, какъ имъ приняться за это дѣло и возвратить Королевское расположеніе къ себѣ, отвѣчалъ ему съ пренебреженіемъ, погрозилъ своимъ начальническимъ жезломъ, бывшимъ у него въ рукѣ, и сказалъ: «Ахъ ты блядинъ сынъ! Что тебѣ за надобность знать, какія дѣла у меня съ Послами? Чортъ знаетъ, кто ты, гдѣ родился и какого происхожденія. Долго мы проливали нашу кровь за тебя и не получали еще жалованья.»

Димитрій ускользнулъ отъ него, пошелъ къ своей женѣ, упалъ ей въ ноги, со слезами на глазахъ простился съ нею и сказалъ: «Польскій Король ведетъ измѣнническое дѣло съ моимъ Полководцемъ, который такъ отдѣлалъ и озадачилъ меня, что я не стою видѣть твои ясныя очи; я этого не потерплю: или онъ умретъ, или я погибну; у него съ Поляками ничего на умѣ нѣтъ добраго. Да сохранитъ меня Богъ въ дорогѣ, по тому что думаю ѣхать! Да соблюдетъ Онъ и тебя, мою любезную жену, когда ты здѣсь останешься безъ меня!»

Онъ переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ въ розвальни и уѣхалъ изъ стана въ Калугу. Никто не зналъ, куда онъ поѣхалъ и гдѣ находится, живъ, или умеръ; большая часть полагали такъ, что онъ убитъ и тайно брошенъ въ рѣку.

Немного не доѣзжая до Калуги, онъ не сейчасъ поѣхалъ туда, а остановился въ одномъ монастырѣ, возлѣ самаго города, послалъ нѣсколькихъ монаховъ къ гражданамъ города и велѣлъ предложить имъ, что еретикъ, Польскій Король, нѣсколько разъ писалъ къ нему о добровольной уступкѣ Смоленскаго Княжества и всей Сѣверской страны, принадлежавшихъ встарину Польской Коронѣ, но онъ отказалъ ему въ томъ, чтобы въ этой Христіянской землѣ не укоренилась Папская суемудрая Вѣра. За это Король сговорился съ Полководцемъ, Димитріемъ Рожинскимъ и Поляками, долго служившими ему, чтобы схватить его и отвезти къ Королю подъ Смоленскъ. Но что узнавъ о томъ, онъ тайкомъ собрался и убѣжалъ оттуда. Потомъ велѣлъ монахамъ спросить Христіянскій народъ, что намѣрены они сдѣлать для него? Если хотятъ быть вѣрными и преданными ему, по присягѣ, и не щадить за него жизни, онъ остановится у нихъ на житье и, съ помощью Св. Николая и съ ихъ пособіемъ, не только отплатитъ Василію Шуйскому, но и Королю Сигизмунду и своимъ вѣроломнымъ и крамольнымъ Полякамъ, такъ что они это будутъ помнить. За Православную Христіянскую Вѣру онъ готовъ умереть съ ними и отдать все, что можетъ, а Польскому Королю не уступитъ ни одной деревни, даже ни одного дерева, а не то что крѣпости, города, или Княжества.

Это объявленіе понравилось гражданамъ и всему народу: они пошли въ монастырь, поднесли ему хлѣбъ и соль, отвели его въ городскую крѣпость, надавали ему денегъ, платья, лошадей и всякихъ припасовъ для пищи и питья. Отдохнувши нѣсколько дней въ Калугѣ, этотъ мнимый предъявитель Великокняжескихъ правъ, писалъ къ вождю Григорью Шаховскому, собравшему нѣсколько тысячъ Казаковъ и стоявшему станомъ недалеко отъ города Вязьмы (VVesma), чтобы онъ вернулся съ своими Казаками въ Калугу и не ходилъ въ станъ: тотъ такъ и сдѣлалъ, и Димитрій остался въ Калугѣ и учредилъ тамъ новый Княжескій Дворъ.

Потомъ писалъ онъ ко всѣмъ Офицерамъ и покорнымъ ему городамъ, чтобы убивали всѣхъ Поляковъ, жившихъ въ городахъ и деревняхъ, воины ли они, или купцы, а имѣніе и пожитки ихъ привозили бы въ Калугу, забирали бы все и никого не щадили. Казаки и другіе его посланные вѣрно исполняли это и перебили

нѣсколько тысячъ невинныхъ людей, какъ воиновъ конныхъ и пѣшихъ, проживавшихъ въ городахъ и деревняхъ, такъ и разныхъ торговцевъ, собиравшихся ѣхать въ станъ съ весьма дорогими товарами, шелковыми матеріями и бархатомъ, пистолетами, саблями, ружьями, виномъ и пряными кореньями, чтобы у Димитрія всего было вдоволь для содержанія его придворной челяди и новаго вооруженія.

На другой день послѣ того, какъ Лжедимитрій Второй убѣжалъ изъ стана, Поляки держали совѣтъ съ бывшими тамъ Русскими. на что имъ рѣшиться, по тому что Государь ихъ, Димитрій, не отыскивался: они поклялись жить мирно между собою, не уходить ни къ Польскому Королю, ни къ Великому Князю, и если бы кто пришелъ и сталъ выдавать себя за Димитрія, не вѣрить ни ему, ни другому, а тѣмъ менѣе принимать его; стали смѣяться и наругаться надъ Великой Княгиней Марьей (Мариной) Юрьевной, которая и не могла дольше жить въ станѣ, тайкомъ удалилась оттуда и отправилась въ городъ Дмитровъ, гдѣ находился Янъ Сапѣга.

Приведя свои дѣла въ порядокъ въ Калугѣ, Лжедимитрій послалъ въ подмосковный станъ одного довѣреннаго Дворянина тихонько развѣдать, что говорятъ объ немъ простые Поляки: хотятъ ли, чтобы онъ опять былъ съ ними, или нѣтъ? Если узнаетъ, что они охотно желаютъ его, долженъ сказать, что Великій Князь Димитрій обѣщается прійти къ нимъ съ новымъ войскомъ, принести съ собой денегъ и исправно заплатитъ имъ за всѣ мѣсяцы ихъ службы, только бы они доставили въ Калугу его бывшаго Полководца, Рожинскаго, живаго, или мертваго. Но какъ Поляки, вскорѣ послѣ побѣга Димитрія, положили остаться вмѣстѣ, вѣрно стоять другъ за друга и никогда не служить ему, то посолъ его ни въ чемъ и не успѣлъ у нихъ и, ничего не сдѣлавъ, вернулся въ Калугу. Димитрій не удовольствовался тѣмъ: онъ послалъ другаго, изъ своихъ Капитановъ, по имени Казимира, природнаго Поляка; и этотъ долженъ былъ сдѣлать ту же попытку, какъ и прежній посолъ, и употребить разные происки, чтобы встревожить, взволновать Поляковъ и поселить межъ ними несогласіе. Такъ это и сдѣлалось: онъ повелъ дѣло такъ ловко, что нѣкоторые изъ Казаковъ ушли въ широкую степь, другіе къ Королю подъ Смоленскъ, а третьи въ Калугу, къ прежнему Государю, Димитрію.

Межъ тѣмъ какъ въ Польскомъ станѣ была такая смута, Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ, совѣтовался съ Великокняжескимъ вождемъ, Михаиломъ Скопинымъ, какъ бы отнять имъ у Поляковъ городъ Дмитровъ. Какъ скоро узналъ о томъ Польскій вождь, Сапѣга, онъ началъ уговаривать находившуюся при немъ жену Димитрія, что, если она не намѣрена ѣхать къ отцу и матери въ Польшу, пусть отправляется тайкомъ къ своему Государю, Димитрію. Она отвѣчала, что, чѣмъ ѣхать ей, коронованной Великой Княгинѣ всея Россіи, въ такомъ позорѣ и уничиженіи къ друзьямъ, лучше она останется въ Россіи и раздѣлитъ съ своимъ Государствомъ все, что ни пошлетъ имъ правосудный Богъ. Она велѣла сдѣлать себѣ Польское мужское платье изъ краснаго бархата, купила сапоги и шпоры, саблю, пистолеты, сѣла на коня и, точно вооруженный кавалеристъ, ѣхала до Калуги 48 миль, съ 50-ю Казаками. Подъѣхавъ ночью къ городскимъ воротамъ, она постучалась, сказала, что пріѣхалъ Камеръ-Юнкеръ Димитрія, не хотѣла говорить ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ самаго Князя, и требовала, чтобы ее впустили. Стража тотчасъ же дала о томъ знать Димитрію. Онъ въ минуту смекнулъ, что это такое, велѣлъ отворить ворота; Камеръ-Юнкеръ подъѣхалъ къ его комнатамъ, былъ немедленно впущенъ, и они встрѣтили другъ друга съ великою радостью и горемъ.

По отъѣздѣ Марины Юрьевны изъ Дмитрова, Сапѣга занялъ этотъ городъ нѣсколькими сотнями Казаковъ, а самъ пошелъ въ монастырь Іосифовъ (Osippou), занялъ также и его нѣсколькими сотнями Казаковъ и отправился подъ Смоленскъ, къ Королю Сигизмунду. Прочія войска расположилъ онъ, въ видѣ гарнизона, по деревнямъ, на рѣкѣ Угрѣ (Vgra), въ очень плодородномъ краю, въ которомъ не было еще ни какихъ войскъ.

Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ, и Русскій, Михаилъ Скопинъ, послали нѣсколько эскадроновъ и пѣхотныхъ ротъ въ Дмитровъ; они били петардами въ ворота, которыя тотчасъ же растворились; въ сильномъ азартѣ вломились въ городъ, перебили всѣхъ тамъ бывшихъ, кромѣ только женщинъ и дѣтей, заняли городъ новымъ войскомъ и воротились опять въ станъ, съ веселымъ духомъ и великой славой. Узнавъ о томъ, Польскій полководецъ,

Рожинскій, не осмѣлился долѣе оставаться въ подмосковномъ станѣ, ушелъ оттуда какъ можно скорѣе и отправилъ пословъ къ своему Королю, съ предложеніемъ своей службы противъ Великаго Князя и Москвитянъ, если только Король уплатитъ его войску за два года жалованье, остающееся у нихъ въ долгу на Димитріи. Король ни какъ не хотѣлъ согласиться на это: онъ обѣщался платить имъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начнутъ служить ему. Поляки были тѣмъ недовольны, начали ругать своего вождя и укорять въ томъ, что онъ прогналъ ихъ Государя, Димитрія, которому они присягали и служили такъ долго; они положили между собою, чтобы Рожинскій съ нѣкоторыми изъ главныхъ Ротмистровъ и Офицеровъ отправился къ Королю, а другіе съ простыми воинами пошли на Угру, гдѣ расположился Сапѣга, желая дождаться возвращенія послѣдняго, не привезетъ ли онъ отъ Короля какого ни будь особеннаго отвѣта объ уплатѣ имъ жалованья. Они будутъ соображаться съ этѣмъ отвѣтомъ; между тѣмъ грабили, дѣлали набѣги во всемъ этомъ краю и оставляли все голо и пусто, куда ни приходили.

По взятіи города Дмитрова, Шведскій полководецъ съ Русскимъ вождемъ пошелъ очень спокойно въ Москву, къ Великому Князю; въ одинъ годъ они покорили и привели въ повиновеніе Шуйскому всѣ мѣстечки и города, лежавшіе между Финляндіею, Москвою и пристанью Св. Николая, освободили самого Шуйскаго и городъ Москву отъ долговременной осады. Теперь не видать стало ни одного человѣка изъ 100 тысячъ Поляковъ, или Казаковъ, которые стояли между Москвою и Троицкимъ монастыремъ, два года сильно своевольничали по всей странѣ и распоряжались всѣмъ, какъ имъ было угодно. Великій Князь былъ очень доволенъ и радъ; онъ не только велѣлъ принять въ городѣ Графа и подчиненное ему войско съ большою пышностью и торжествомъ, но и снабдилъ ихъ кушаньемъ и напитками, чтобы никому нельзя было жаловаться на недостатокъ въ чемъ либо нужномъ.

Точно также онъ подарилъ и всѣмъ Офицерамъ, по чину каждаго, за вѣрную службу нѣсколько лошадей, платья и другихъ вещей. Полководецъ отдыхалъ тамъ нѣсколько недѣль съ своимъ войскомъ.

Между тѣмъ какъ онъ жилъ нѣсколько времени въ Москвѣ у Великаго Князя, Русскій вождь, Михаилъ Скопинъ, умеръ, а Янъ Сапѣга, ѣздившій къ Польскому Королю подъ Смоленскъ, возвратился на Угру къ войску съ такимъ отвѣтомъ послѣдняго, что онъ ничего не желаетъ давать имъ за службу Димитрію II-му, а что выслужатъ у него, онъ то и будетъ уплачивать изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Войска были очень недовольны: послали посла въ Калугу къ своему старому Государю, Димитрію, извинялись въ измѣнѣ, затѣянной полководцемъ Рожинскимъ подъ Москвою, который получилъ за то воздаяніе отъ Бога и умеръ, а собратій его, виноватыхъ въ томъ, нѣтъ больше въ станѣ, по тому что они отправились подъ Смоленскъ къ Королю; у нихъ же никогда не было въ умѣ измѣнять ему, отъ того и не пошли къ Королю, а остались у него въ землѣ; если онъ выдастъ имъ за три только мѣсяца остающееся на немъ жалованье, то за другіе мѣсяцы они потерпятъ, будутъ продолжать служить ему, опять отвѣдаютъ счастья и пойдутъ на Москвитянъ.

Это извѣстіе было по сердцу Димитрію: онъ далъ благопріятное рѣшеніе посламъ, просилъ повременить немного, пока достанетъ денегъ и самъ явится къ нимъ. Потомъ велѣлъ наложить подать на весь преданный ему край, собралъ нѣсколько тысячъ рублей и прибылъ къ войску съ своими Русскими и Казаками. Такъ и соединились: онъ заплатилъ имъ за три мѣсяца жалованье, и взялъ съ нихъ новую присягу; сбирались итти къ Москвѣ и опять осадить ее.

Въ то время, какъ Король Сигизмундъ жестоко тѣснилъ осажденныхъ въ Смоленскѣ, Великій Князь все придумывалъ средства и способы, какъ бы выручить ихъ, чтобы эта крѣпость не досталась Королю: онъ усердно просилъ Шведскаго полководца, Графа Якова, отправиться въ походъ съ его братомъ, Дмитріемъ Ивановичемъ, на выручку его войска въ Смоленскѣ. Но Шведскій вождь имѣлъ довольно причинъ къ отказу: не былъ еще исполненъ Выборгскій договоръ относительно крѣпости Кексгольма, которую слѣдовало отдать Шведскому Королю черезъ два мѣсяца по приходѣ въ страну Шведскаго войска, хотя уже прошло два года. Король писалъ о томъ нѣсколько разъ съ нарочнымъ къ Велико-

му Князю, довольно было требованій и со стороны Шведскаго вождя; но оба ничего не получили, кромѣ пустыхъ писемъ и обѣщаній. Графъ Яковъ уже намѣренъ былъ еще изъ Александровской Слободы итти обратнымъ путемъ въ Финляндію, по тому что не получалъ ни чего, кромѣ пустыхъ словъ и посуловъ.

Великій Князь и его совѣтники замѣтили ревностное усердіе Шведскаго вождя въ этомъ дѣлѣ; Шуйскій прислалъ ему утвержденную имъ грамоту на крѣпость Кексгольмъ и принадлежащую къ ней область, за своей и Государственной печатями, и отрядилъ людей, которые по этой грамотѣ должны были все передать Королевскимъ уполномоченнымъ и коммисарамъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

Великій Князь заключилъ также другой договоръ съ полководцемъ, по которому было обѣщано, что если Шведскій Король будетъ продолжать помогать ему противъ непріятелей его и Царства, то онъ подаритъ Королю и Шведской Коронѣ еще другія крѣпости и земли, кромѣ Кексгольма. Опытъ показалъ, какъ сдержали условіе относительно этѣхъ другихъ крѣпостей; мы разскажемъ о томъ въ другомъ мѣстѣ.

Сверхъ того, Великій Князь обязанъ былъ выдать Шведскому войску за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье, за вѣрную его службу странѣ, а особливо за освобожденіе отъ долговременной Московской осады и обращеніе въ бѣгство Поляковъ, съ большимъ для нихъ урономъ и позоромъ.

Забывая все это, Полководецъ Графъ Яковъ, послѣ всѣхъ обѣщаній, склонился наконецъ на неотступныя просьбы Великаго Князя съ его Государственными совѣтниками, подать ему вѣрную помощь противъ его враговъ. Графу хорошо было извѣстно, что Король, Государь прямодушный и вѣрный союзникъ Великаго Князя Василія, съ удовольствіемъ увидитъ, что ему подана помощь, гдѣ было можно. Полководецъ, однако жь, требовалъ, чтобы сначала удовлетворили войско недоплаченнымъ жалованьемъ, представляя, что оно тѣмъ усерднѣе будетъ къ службѣ Великаго Князя, а для него, вождя, могла быть опасность отъ неплатежа жалованья наемнымъ воинамъ. Впрочемъ, это не имѣло другихъ послѣд-

ствій, кромѣ того, что Великій Князь и Русскіе надавали вождю большихъ обѣщаній: «въ три мѣсяца разочтутся съ нимъ и уплатятъ все въ точности, къ полному удовлетворенію войска.» Самъ Великій Князь далъ удостовѣреніе въ томъ на бумагѣ; братъ его, Князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, предлагалъ себя въ заложники въ томъ, что эта недоимка будетъ уплачена въ точности. Такимъ образомъ Шведскій вождь вышелъ изъ Москвы въ 1610 г., послѣ Троицына дня, съ братомъ Великаго Князя, Дмитріемъ Шуйскимъ, главнымъ Русскимъ Воеводой. Его намѣреніе было выручить тѣснимыхъ Поляками въ Смоленскѣ и, такимъ образомъ, избавить всю страну отъ нихъ, Литовцевъ и Русскихъ мятежниковъ. Когда они прибыли въ Можайскъ, по приказанію Короля, примкнулъ къ нимъ Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ, съ 3000-ми конницы и пѣхоты. На пути къ нимъ онъ взялъ приступомъ города Погрелу (Pogrella) и Осиповъ * и перебилъ находившихся тамъ Казаковъ. Это очень было досадно Димитрію Второму, который и сталъ жестоко ненавидѣть и гнать иностранцевъ, бывшихъ у него въ службѣ Но и Фельдмаршалокъ тотчасъ же повелъ рѣчь объ уплатѣ жалованья его отряду, по тому что до сихъ поръ они получили очень немного. Все это было напрасно, а потому Эвердъ Горнъ не принялъ и подарка, сдѣланнаго ему Великимъ Княземъ, а сначала настойчиво требовалъ уплаты жалованья приведенному имъ войску.

Не менѣе ихъ требовало жалованья и войско, пришедшее изъ Москвы съ Графомъ Де ла Гарди: всѣ они отказывались отъ всякаго дальнѣйшаго похода, пока имъ не уплатятъ. Имъ предложили для раздачи только что прибывшіе товары и деньги; но они не хотѣли брать того, сообразивъ, что его далеко недостаточно, да и товары большею частію состояли въ соболяхъ и сукнахъ, которые не только оцѣнены были чрезвычайно дорого, но и ни на что не годились воинамъ въ томъ мѣстѣ, особливо соболи, за неимѣніемъ купцовъ, которые могли бы дать за нихъ деньги, или другія необходимыя вещи. Хоть, можетъ быть, войско и уговорили бы ласкою и бранью взять немного денегъ и товаровъ, и оно было бы довольно, но Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, не хотѣлъ давать Шведскому полководцу и его Офицерамъ времени, нужнаго на раздачу воинамъ денегъ; онъ отрядилъ одного изъ

* Іосифовъ Волоко-Ламскій монастырь.

Русскихъ Полковниковъ, по имени Григорья Волохина (Wolochin). Этотъ, по излишней отвагѣ, заносчивости и опрометчивости, зашелъ такъ далеко съ бывшими у него подъ командой 5000 человѣкъ, что, когда Поляки стали сильно тѣснить его, онъ не могъ уже отступить къ своему мѣсту, а долженъ былъ съ своимъ отрядомъ огородить себя тыномъ, за которымъ имъ негдѣ было достать куска хлѣба, да и Поляки тѣснили ихъ жестоко.

Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, приступалъ къ Шведскому полководцу съ такою безотвязною настойчивостью, даже со слезами на глазахъ, чтобы онъ поспѣшилъ на выручку къ бѣднымъ осажденнымъ, которые были цвѣтъ Русской арміи, а теперь, за неимѣніемъ продовольствія, либо попадутъ въ руки непріятеля, либо умрутъ съ голода, что предложилъ даже себя въ заложники за недоданное жалованье, чтобы только поставить на ноги войско.

Онъ надоѣлъ Графу Якову, и наконецъ упросилъ его выступить такъ поспѣшно, какъ мы уже сказали; все войско должно было идти восемь миль въ самую жару, и въ полночь прибыло, усталое и истомленное, къ мѣсту, по имени Клушино (Klusin), гдѣ ему должно было ночевать; нѣсколько безпокойныхъ людей изъ иностранныхъ воиновъ тайкомъ перебѣжало къ непріятелю, разсказало ему про свое несогласіе изъ за неуплаченнаго жалованья, трудный переходъ, сдѣланный ими въ сильную жару въ одинъ день, и увѣряло, что, по этому случаю, непріятель встрѣтитъ у нихъ небольшое сопротивленіе и оборону. Отъ того-то и вышло, что Польскій полководецъ, Станиславъ Жолкевскій (Solkouski), оставилъ Русскихъ, огородившихся частоколомъ, разбилъ ложный станъ, вколотилъ кругомъ поля въ землю множество хмѣлевыхъ тычинъ, надѣлъ на нихъ платье, а впереди такого стана велѣлъ остаться нѣсколькимъ сотнямъ конныхъ воиновъ на легкихъ лошадяхъ, такъ что они вездѣ были видны изъ укрѣпленія Русскихъ и начали съ ними переговоры о сдачѣ Королю. Между тѣмъ онъ съ войскомъ напалъ на Шведовъ тѣмъ храбрѣе, что доброе ихъ дѣло сдѣлано только по нуждѣ. Полководецъ Графъ Яковъ и Фельдмаршалокъ, Эвердъ Горнъ, лично сдѣлали нѣсколько жестокихъ кавалерійскихъ нападеній на непріятеля и сначала принудили его къ отступленію. Тогда было бы очень кстати, если бы Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, имѣя въ виду благо отечества и свою собственную честь,

воспользовался этѣмъ случаемъ, бросился бы изъ за своихъ рогатокъ и обоза, которыми заставилъ себя, и пособилъ Шведскому войску сдѣлать храброе нападеніе на непріятеля: тогда побѣда, съ Божіею помощью, навѣрное осталась бы на сторонѣ Шведовъ.

Что же сдѣлали Русскіе? Они поступили такъ же, какъ и подъ Тверью и Торжкомъ: остались въ своемъ обозѣ и загороди и были совершенно праздными зрителями боя до тѣхъ поръ, пока непріятель не бросился на нихъ со всѣми силами; тогда они побѣжали съ позоромъ въ Москву въ сильныхъ попыхахъ, до смерти заѣздили нѣсколько сотъ лошадей и такимъ образомъ бросили Шведовъ: отъ того иноземные воины, и безъ того уже недовольные, какъ вѣроломные люди, получили случай и предлогъ перейти къ непріятелю цѣлыми ротами съ распущенными знаменами. Тогда Графъ Яковъ и Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ, съ оставшеюся еще вѣрною конницей, стремленіемъ непріятеля были отрѣзаны отъ пѣхоты; одинъ Нѣмецкій Подполковникъ въ измѣнившемъ полкѣ, по имени Конрадъ Линкъ, съ нѣсколькими Нѣмецкими, Англійскими и Шотландскими Капитанами, вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ, безъ вѣдома и согласія полководца, и заключилъ съ нимъ договоръ, пока Графъ Яковъ собиралъ конницу и не успѣлъ еще вступить въ станъ. Едва только Графъ, съ Горномъ и такимъ числомъ конницы, какое могъ собрать и привести, подъѣхалъ къ пѣхотѣ, съ намѣреніемъ опять возобновить бой и храбро напасть на неріятеля, мятежное войско, отказавшись уже отъ всякаго повиновенія начальству, заставило его силою и съ прицѣленными ружьями вступить переговоры съ Жолкевскимъ и согласиться на договоръ во всей его цѣлости. Въ договорѣ не было ни какихъ другихъ условій, кромѣ того, что Шведскій вождь можетъ отправиться изъ Россіи безъ всякихъ препятствій и опасности, куда ему угодно, съ тѣми воинами, которые захотятъ за нимъ слѣдовать.

Теперь большая часть войска перешла къ непріятелю, и Графъ Яковъ находилъ себя слишкомъ слабымъ для дальнѣйшаго вспоможенія Великому Князю Московскому: у него было не больше 300 лошадей всего, и съ этѣмъ небольшимъ остаткомъ онъ дол-

женъ былъ еще податься ближе къ Новгороду, пока не наберетъ побольше людей изъ Финляндіи и Ливоніи, чтобы продолжать освобожденіе Великаго Князя.

Когда Шведскій полководецъ ушелъ, и Русскіе съ позоромъ убѣжали въ Москву, сдались Полякамъ и тѣ 5000, что были осаждены и заперты съ Григоріемъ Волохинымъ за загородью, пошли съ Поляками, Русскими, Нѣмцами, Шотландцами и Французами, всею толпой, подъ Москву и начали жестоко осаждать ее съ одного конца.

Великій Князь Шуйскій теперь опять былъ осажденъ въ Москвѣ, а Шведскій полководецъ находился на дорогѣ въ Новгородъ съ Фельдмаршалкомъ и другими Офицерами, не перешедшими къ Полякамъ: всѣ они лишились всей своей собственности. Графъ прибылъ въ городъ Погрелу (Pogrella), куда еще впередъ Фельдмаршалокъ отрядилъ роту Французовъ и надѣялся на гарнизонъ; но тамъ его также ограбили, и онъ едва ушелъ живой изъ крѣпости пѣшкомъ, въ томъ платьѣ, что на немъ было. Такъ подошли къ Новгороду, въ полной надеждѣ, что Новгородцы поймутъ и оцѣнятъ разныя, сдѣланныя имъ, благодѣянія, заявятъ должную признательность за вѣрную помощь и защиту, недавно оказанную имъ Шведскимъ войскомъ, примутъ ласково своего благодѣтеля и заступника въ его затрудненіи и станутъ угощать его: вышло совсѣмъ другое, по тому что, какъ скоро Новогородцы узнали, что полководецъ близко, они не пустили его къ себѣ на глаза и велѣли сказать, что не дадутъ ему и бывшимъ при немъ ни чего, кромѣ пороха и пуль; предлагали не ближе 10-ти миль подходить къ Новгороду и взять дорогу прямо на Тихвинъ (Tieffin) въ Выборгъ.

Еще недовольные этой, хотя и большою, несправедливостью, они удержали нѣсколькихъ гонцевъ, отправленныхъ съ письмами отъ Короля къ полководцу, и велѣли Намѣстнику въ Нотебургѣ остановить гонцевъ Графа Якова въ Швецію, съ очень важными письмами и бумагами, между Королемъ и великимъ Княземъ, также и разныя вещи Графа и другихъ Офицеровъ, которыя они пересылали въ Финляндію. Такъ это и было сдѣлано. Они не подумали, какой ужасный и постыдный порокъ неблагодарность, которую не только Христіяне, но и язычники считали такъ нена-

вистною и презрѣнною: язычники говорили очень справедливо: «Omnia mala dixeris, si hominem ingratum dixeris.» Item: «Ingratus est veluti mus in pera, aut anguis in gremio.» Но если Русскіе уже такъ слѣпы, упрямы, ожесточены и не хотятъ учиться благодарности у людей, для убѣжденія себя ихъ примѣромъ, хотя посмотрѣли бы они на неразумныхъ животныхъ и взяли ихъ за образецъ себѣ. Животныя не только благодарны, каждое по своему, Господу Богу, ихъ Создателю, но и людямъ, отъ которыхъ получали какое ни будь добро, даже и взаимно другъ другу. Ясный примѣръ того у насъ слонъ: этотъ звѣрь, точно вѣрная собака за хозяиномъ, вездѣ ходилъ за человѣкомъ, вытащившимъ его изъ ямы, въ которую поймали его охотники; точно также аистъ, который никогда не забываетъ благодѣяній, оказанныхъ ему отцомъ его и матерью: кормитъ ихъ, ухаживаетъ за ними въ старости, носитъ ихъ на спинѣ, достаетъ все, для нихъ нужное. * Но все это Новогородцамъ было не въ прокъ: они явились въ своемъ городѣ не только неблагодарными за добро, но даже врагами, съ порохомъ и свинцомъ, противъ своего благодѣтеля. Впрочемъ, онъ не слишкомъ смотрѣлъ на эту несправедливость и угрозы, а пробирался все ближе и ближе къ Новгороду, въ надеждѣ, что они одумаются и припомнятъ лучше сдѣланное имъ добро. Графъ шелъ туда особливо по тому, что, по письменной просьбѣ къ нему Великаго Князя о продолженіи Шведской помощи на нѣкоторыхъ условіяхъ, онъ обѣщалъ дожидаться въ Новгородѣ отвѣта изъ Швеціи относительно этѣхъ условій и, въ случаѣ согласія на нихъ Великаго Князя, располагалъ выписать больше войска изъ Финляндіи и Ливоніи. Однако жь надежда обманула Полководца: Новогородцы, не смотря на неоднократныя обѣщанія, не только не выдавали ему задержанныхъ въ Нотебургѣ гонцовъ, бумагъ и вещей, да еще и оставили въ плѣну у себя нѣкоторыхъ его служителей, посланныхъ въ городъ за покупкою разныхъ необходимостей, и выслали тайкомъ Казаковъ

---

* Аистъ обыкновенно вьетъ гнѣзда на кровляхъ домовъ: въ Испаніи, въ Турціи и въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ онъ пользуется особеннымъ расположеніемъ жителей. Извѣстно, что Греки, въ прежнее время своего рабства, нарочно истребляли аиста изъ ненависти къ Туркамъ.

и стрѣльцовъ, которые напали на Шведскихъ воиновъ, не опасавшихся ни какого зла, или непріязни, въ этомъ мѣстѣ, въ то время, какъ они кормили лошадей, и мошеннически убили ихъ.

Между тѣмъ Полководецъ получилъ вѣрное извѣстіе, что Москвитяне, по особенному непостоянству, вѣроломно отложились отъ своего Государя и Великаго Князя, Василія Шуйскаго, къ которому привязывали ихъ долгъ и присяга, прогнали его въ монастырь, надѣли на него клобукъ и постригли его въ монахи. Графъ ясно замѣчалъ, что Новгородцы съ каждымъ днемъ становились непріязненнѣе, а по тому и отказался отъ всякой пріятной надежды выручить мирнымъ и честнымъ образомъ людей, задержанныхъ въ Нотебургѣ, и чрезвычайно нужныя бумаги, письма и вещи. Этого нельзя было ожидать, и Полководецъ наконецъ выужденъ былъ употребить и принять другія мѣры. По тому и велѣлъ схватить и задержать троихъ Дворянъ, одного Секретаря и двоихъ граждапъ, прибывшихъ изъ Новгорода безъ всякаго вида, только изъ одного молодечества, чтобы поболтать со Шведами. Объ этомъ онъ тотчасъ же далъ знать Новгородцамъ, также и о причинѣ, по чему это сдѣлано. «Этѣ люди до тѣхъ поръ останутся подъ стражей, пока не освобождены будутъ Шведы, задержанные въ Нотебургѣ, и не возвратятъ ему писемъ, бумагъ и вещей, задержанныхъ противъ всякаго права въ Нотебургѣ.» Онъ тотчасъ же и пошелъ въ Нотебургъ, предложивъ имъ сдѣлать обмѣнъ въ этомъ городѣ. Нотебургцы сначала притворились, что готовы на это, а ночью, очень хитро и ловко, отважились было освободить своихъ и помочь имъ укрыться оттуда, Шведовъ же оставить у себя. Какъ скоро Полководецъ узналъ о томъ, онъ отправилъ Новгородскихъ купцовъ въ Выборгъ, гдѣ содержались они гораздо лучше, нежели Шведы въ Нотебургѣ.

Между тѣмъ одинъ Французскій Капитанъ, Лавила (Lauila), съ нѣкоторымъ числомъ войска, сдѣлалъ нападеніе на крѣпость Ладогу и взялъ ее за то, что ни ему, ни воинамъ Великій Князь не выдавалъ заслуженнаго жалованья, да и Новгородцы приняли его очень плохо, хотя онъ и стоилъ всего хорошаго отъ нихъ.

Въ то же время, какъ это происходило подъ Нотебургомъ и Ладогой, Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ отдѣлился отъ Полко-

водца и направилъ путь въ Нарву: подъ городомъ Ямо (Ямы) онъ повстрѣчался съ Польскимъ вождемъ, Александромъ Лисовскимъ (Lisouski), имѣлъ съ нимъ сраженіе и истребилъ его войско, изъ котораго уцѣлѣлъ только самъ Лисовскій, съ нѣсколькими воинами, и убѣжалъ въ Псковъ (Pleschow).

Послѣ того какъ Великій Князь Василій Шуйскій сведенъ былъ съ престола и прогнанъ въ монастырь, а Москву держали въ суровой осадѣ Поляки и вѣроломные Русскіе, пронеслась вѣсть, что Лжедимитрій Второй занялъ Пафнутьевскій монастырь и жалостно избилъ бывшихъ тамъ Русскихъ. Въ Москвѣ было несогласіе и смятеніе между Русскими; нѣсколько негодяевъ убѣжали изъ города и дали знать Лжедимитрію объ этомъ раздорѣ: «въ городѣ не всѣ соглашаются присягать Владиславу, сыну Польскаго Короля, много и такихъ, которые расположены къ Самозванцу; недостаетъ только того, чтобы они увидали и услыхали, что онъ прибылъ, и тогда въ городѣ выйдетъ отъ того еще больше несогласія между жителями, а для него будетъ удобнѣе вести дѣла съ ними и испытать счастья.» Лжедимитрій послушался ихъ совѣта и затѣй и двинулся съ войскомъ подъ Москву, однако жь Москвитяне защищались храбро, каждый день дѣлали вылазки на его станъ, имѣли съ нимъ нѣсколько стычекъ: онъ могъ замѣтить, что добромъ ему ничего не сдѣлать съ ними, расположилъ другимъ образомъ свое войско, на случай вылазки и нападенія Москвитянъ, и спряталъ тайно въ кустахъ по всѣмъ дорогамъ нѣсколько сотенъ Казаковъ, для того, чтобы этѣ приняли и били Москвитянъ не только спереди, но и съ тыла и съ боковъ. Такъ это и было сдѣлано, а Москвитяне, послѣ вылазки, благодарили Бога, что воротились въ городъ; съ этого дня они не смѣли больше отваживаться на Димитрія и просили Польскаго Полководца, Станислава Жолкевскаго, чтобы онъ пособилъ имъ нѣсколькими ротами копейщиковъ. И они, вмѣстѣ съ Поляками, напали всей силой на станъ Лжедимитрія. Поляки, бывшіе на сторонѣ его, увидавъ возвращеніе Москвитянъ, ихъ храбрость и неустрашимость, опустили копья и не хотѣли больше сражаться по прежнему. Димитрій принужденъ былъ убираться въ Калугу съ своими Казаками и Татарами. Такъ Поляки и одержали побѣду, остались въ Москвѣ и дождались въ ней того, что она,

по случаю междоусобія самихъ Москвитянъ, была разорена и сожжена до основанія; и Захарій Ляпуновъ (Lippenow) принудилъ Поляковъ выйти оттуда, какъ и было сказано о томъ прежде, при описаніи города Москвы.

Замѣтивъ, что Поляки, бывшіе съ нимъ подъ Москвою, не показываютъ уже такой преданности къ нему, какъ было прежде, Димитрій не слишкомъ былъ озабоченъ этѣмъ и сказалъ, что будетъ искать утѣшенія и пособія у Турокъ и Татаръ, которые помогутъ ему завоевать отцовское наслѣдіе, а иначе онъ ничего не сдѣлаетъ. Если же онъ, законный наслѣдникъ, не получитъ ничего, тогда погибнетъ и вся Россія: ей не будетъ отъ него покоя, пока онъ останется въ живыхъ. Онъ послалъ въ Астрахань самаго вѣрнаго своего Ротмистра Корнезецкаго, который долженъ былъ возвѣстить его милость жителямъ и всему краю, что онъ желаетъ прійти къ нимъ съ Великой Княгиней и имѣть у нихъ свое мѣстопребываніе, по тому что Москва и почти вся Россія осквернена нехристами и иновѣрными Поляками. Онъ не уважалъ теперь ни одного Поляка, ни Нѣмца, а только своихъ Казаковъ, Татаръ и Русскихъ; они были его лучшіе и вѣрнѣйшіе слуги и воины; они одни должны были находиться около него днемъ и ночью, и они только стояли на караулѣ и ѣздили на охоту съ нимъ.

Но вышелъ такой случай между Татарами, что одинъ Татарскій Князь, или Мурза, и сынъ его, служившіе Самозванцу, поссорились между собою, и сынъ, изъ ненависти и зависти къ отцу, наклеветалъ на него Лжедимитрію, будто бы онъ замышляетъ тайкомъ бѣжать въ Москву. Димитрій до того разсердился, что велѣлъ схватить Мурзу и тутъ же бросить въ Оку и утопить. Это жестоко огорчило другого Татарскаго Мурзу, Рославнова (Rosslanoff), * который вѣрно зналъ, что донесеніе сына ложь и обманъ и хотѣлъ за то убить его, какъ только онъ вернется съ охоты съ Димитріемъ. Тамъ былъ еще другой молодой Татаринъ, очень похожій на сына утопленнаго, по платью и наружности. Димитрій вернулся съ охоты вечеромъ, когда уже стало темно; Мурза натолкнулся на этого Татарина, невиноватаго ни въ чемъ, и убилъ его до смерти. Самозванецъ очень обидѣлся, велѣлъ схва-

* Урусова.

тить Росланова и бросить въ темницу съ 50-ю другими Татарами, по нѣсколько разъ бить и славно отдѣлать ихъ плетьми; а потомъ опять взялъ оттуда, возвратилъ имъ прежнее положеніе и власть и часто употреблялъ ихъ для разсылокъ. При выѣздахъ на охоту и въ другихъ развлеченіяхъ, онъ полагался на нихъ больше, чѣмъ на другихъ, имѣлъ объ нихъ доброе мнѣніе и думалъ, что они уже позабыли теперь и темницу и позоръ. Но они по прежнему питали къ нему тайную ненависть, все высматривали случай привести въ исполненіе свой умыселъ и отомстить за поруганіе и позоръ, который нанесъ онъ имъ тѣмъ, что посадилъ въ темницу и отдѣлалъ плетьми.

Случилось разъ, что выѣхавши на охоту, онъ имѣлъ при себѣ изъ придворной челяди не больше троихъ слугъ и тридцати Татаръ, которые усердно прислуживали ему. Тотъ Мурза приказалъ другимъ Татарамъ, своимъ товарищамъ, чтобы они приготовили себѣ лошадей, когда Димитрій поѣдетъ на охоту, выбрались тайкомъ изъ города и стояли бы на сторожѣ; послѣ охоты онъ къ нимъ пріѣдетъ, по томъ всѣ вмѣстѣ они отправятся въ Татарію, свою родину, и останутся тамъ.

Выѣхавъ съ тѣми тремя служителями и Татарами, Димитрій хотѣлъ позабавиться охотой и отъѣхалъ почти съ полмили отъ города. Тогда-то вышла наружу потаенная злоба изъ Татарскаго сердца: Мурза, ѣхавшій позади первымъ послѣ Димитрія, взялъ ружье, и прострѣлилъ его на вылетъ, такъ что онъ свалился съ лошади, по томъ вынулъ саблю, отрубилъ ему голову и сказалъ: «Я тебя выучу, какъ топить въ рѣкѣ Татарскихъ Мурзъ, сажать ихъ въ темницу, угощать плетьми и кнутьями; самъ-то ты не что иное, какъ плутъ, воръ и обманщикъ, а они все таки были самыми вѣрными твоими слугами такое долгое время.»

Собственные служители Самозванца не долго смотрѣли на это зрѣлище, ударили лошадей, и поскакали поскорѣе въ городъ. Они разсказали тамъ, что за охота была у нихъ. Татары, не мѣшкая долго, помчались въ назначенное мѣсто, гдѣ собрались другіе ихъ товарищи, и въ числѣ 2000 человѣкъ поѣхали въ широкую степь, въ Татарію, на свою родину, силою забирая себѣ все, что могли схватить на дорогѣ. Но Русскіе и Казаки, нахо-

дившіеся въ Калугѣ, велѣли бить набатъ и палить изъ большихъ пушекъ: собралось все войско и поспѣшило было въ догонку за Татарами. Но это было по пустому, по тому что прежде чѣмъ Русскіе собрались и сѣли на лошадей, Татары были уже такъ далеко, что ни какъ нельзя было догнать ихъ. Но другіе Татары, остававшіеся въ станѣ и ничего не знавшіе объ этомъ замыслѣ, всѣ, сколько ихъ ни нашлось тамъ, должны были горько раздѣлаться за это и поплатиться своимъ горломъ.

По окончаніи этой Татарской охоты, начальники, Дворяне, Казаки и граждане пошли за городъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ затравленъ былъ заяцъ, и нашли на землѣ безголовое тѣло Лжедимитрія въ одной рубашкѣ, взяли его, положили на сани, отвезли въ городъ, пришили голову къ туловищу, вымыли его на чисто и положили на столъ, чтобы всѣ, кому хотѣлось, могли видѣть его; черезъ нѣсколько дней похоронили его въ городской церкви, съ Московскими обрядами, какъ обыкновенно хоронятъ Русскіе своихъ Великихъ Князей: это было 11 Декабря, 1610 года. Его мятежническая, неправая и предательская война тянулась почти 3 года, и въ это время тысячи невинныхъ людей нашли себѣ жалкій конецъ. Русскіе не забудутъ его, пока свѣтъ стоитъ.

Оставшаяся послѣ него жена, Марина Юрьевна, по смерти его родила сына, названнаго тоже Димитріемъ. Русскіе Бояре, Дворяне, граждане и воины въ Калугѣ присягнули ему въ томъ, что если онъ придетъ въ возрастъ, то будетъ царствующимъ Великимъ Княземъ всея Россіи. Русскіе Бояре назначили матери Великаго Князя въ Калугѣ значительное содержаніе, чтобы она съ ребенкомъ могла жить по Княжески. Тамъ и жила она до тѣхъ поръ, пока Москвитяне не выбрали себѣ въ Государи и Великіе Князья, нынѣ царствующаго, Михаила Ѳедоровича.

Послѣ того какъ Русскіе свели съ царства Великаго Князя, своего Государя, которому принимали присягу, Василія Ивановича Шуйскаго, прогнали его въ монастырь, постригли въ монахи, по томъ взяли опять оттуда и отвели плѣнникомъ, съ братомъ его и нѣсколькими другими Боярами, къ Польскому Королю подъ Смоленскъ, прогнали Лжедимитрія Втораго отъ Москвы въ Калугу и выбрали Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля,

Принца Владислава, послѣ всего того они все еще не отдавали Шведской Коронѣ область Карелію съ крѣпостью Кексгольмомъ, согласно Выборгскому договору. Эту область Великій Князь и Государственные Совѣтники уступили въ наслѣдственное владѣніе Шведской Коронѣ, что скрѣпили грамотою и печатью, но много прошло сроковъ, когда бы надо было передать эту крѣпость и область. Стало какъ нельзя очевиднѣе, что Русскіе явно хотятъ обмануть и не намѣрены сдержать и исполнить грамоту Василія Ивановича Шуйскаго, послали 3000 вооруженныхъ людей для неожиданнаго нападенія на Коммиссаровъ, которые должны были по договору принять крѣпость для Короля. Тогда, для сохраненія этой крѣпости и области и въ отвращеніе позора, который могъ выйти изъ того для Короля и Шведской Короны, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, вынужденъ былъ крайностью не позволять дольше Русскимъ надувать себя, велѣлъ осадить Кексгольмъ и сдѣлать сильное нападеніе на эту крѣпость.

Между тѣмъ пришли къ нему письма отъ Новгородскаго Намѣстника, Ивана Одоевскаго (Ivvan Adieuski), и его собратіи, также и отъ Полковника Солтыкова (Solticous). Письма были такого содержанія, что Новгородцы, со всѣми другими Княжествами Русскаго Государства, единодушно выбрали Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, Принца Владислава. Онъ и всѣ Русскія сословія совсѣмъ не намѣрены соблюдать договоры и соглашенія между могущественнѣйшимъ и высокороднымъ Королемъ Карломъ IX-мъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ, и по тому Полководецъ, ни мало не медля, долженъ сняться и оставить ихъ предѣлы, а не то, они выгонятъ его и подъ охраной Русскихъ войскъ выпроводятъ въ Финляндію. На выручку осажденнымъ они послали наконецъ много галеръ и лодокъ съ войскомъ въ Ладожское озеро, но этѣ суда были отбиты и прогнаны Шведами и Финнами. Изъ всего этого Шведскій вождь могъ видѣть, что Русскіе словомъ и дѣломъ оказались врагами Короля и его подданныхъ, вопреки всѣмъ прежнимъ славнымъ договорамъ, а особливо Тявзинскому и Выборгскому. Онъ принужденъ уйти отъ Кексгольма съ большею частію войска, однако же, для продолженія и окончанія осады, оставилъ отрядъ Намѣстнику Выборгскому, Арфваду Тоннисену, землевладѣльцу въ Дю-

стерби, который велъ это дѣло мужественно до тѣхъ поръ, пока Русскіе, принужденные голодомъ, не сдали ему крѣпости. Графъ же направилъ путь къ Новгороду, все съ тою цѣлью и мыслью, чтобы, во первыхъ, какимъ бы то ни было способомъ, выручить людей, письма, бумаги и вещи, которыя были задержаны, противъ всякаго права, въ Нотебургѣ, а во вторыхъ, въ обезпеченіе себѣ, которое его Шведское Величество во всякомъ случаѣ упустилъ изъ вида со стороны Русскихъ. Графъ Яковъ и не могъ поступить иначе, если хотѣлъ вѣрно служить своему Королю и отечеству, имѣя въ виду то, что Русскіе рѣшительно вопреки Выборгскому договору, безъ вѣдома и согласія Шведскаго Короля, заключили договоръ съ общимъ ихъ непріятелемъ, Полякомъ, и даже выбрали своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, главнаго врага Шведовъ. Изъ того всякому легко заключить, что настояла крайняя необходимость, для Его Шведскаго Величества обратить бдительный взоръ на этотъ союзъ между Русскими и Поляками, быть особенно осторожнымъ въ своихъ дѣлахъ и во время обезпечить для себя тѣ мѣста, откуда могъ произойти величайшій вредъ для него и его отдаленныхъ земель, такъ какъ этѣ мѣста заняты его врагами.

Я уже въ короткихъ словахъ сказалъ, какъ вѣроломные Москвитяне взяли подъ стражу своего Великаго Князя, Василія Шуйскаго, и выдали Королю, въ Польшу; тамъ онъ въ плѣну и умеръ и похороненъ на полѣ возлѣ самой дороги, между Торунемъ и Варшавой, гдѣ и поставлена надъ нимъ часовня. Москвитяне выбрали и провозгласили своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, Принца Владислава. На это далъ имъ Король свое согласіе съ слѣдующими условіями: чтобы Вѣра у обѣихъ сторонъ оставалась безъ перемѣны, Владиславъ держалъ при Дворѣ служителей, какіе ему будутъ угодны, изъ Русскихъ и иностранцевъ; Москвитяне пользуются своими обыкновенными льготами, постановленіями и правами во всей ихъ полнотѣ, какъ въ духовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ. По томъ они съ большимъ торжествомъ ввели въ городъ Польскаго Полководца, Станислава Жолкевскаго, дали ему помѣщеніе тамъ и присягнули, въ его лицѣ, Польскому Принцу на вѣрность и преданность. Но такъ какъ Принцъ Владиславъ не могъ явиться въ Москву

такъ поспѣшно, какъ хотѣлось бы Русскимъ, а Поляки дѣлали много своевольства, по тому Русскіе и измѣнили Польскому Принцу, сдѣлались въ другой разъ клятвопреступниками и говорили: «Достанемъ для такой невѣсты такого жениха, который станетъ защищать и оборонять ее.» Такъ и вспыхнула наконецъ явная война и перестала не прежде, пока бѣдственно не погибло нѣсколько сотъ тысячъ Москвитянъ, городъ сожженъ и разоренъ, Поляки, державшіеся тамъ два года, выморены голодомъ, и Москва опять возвращена была Русскимъ, какъ уже и было разсказано въ 1-й части.

Овладѣвъ Москвою, Русскіе выбрали своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Михаила Ѳеодоровича. Это было очень досадно женѣ Лжедимитрія, Маринѣ Юрьевнѣ, по тому что Калужане обѣщали выбрать въ Великіе Князья ея сына, когда онъ придетъ въ возрастъ и будетъ въ силахъ править Царствомъ. Отъ того она и вышла за мужъ за одного Поляка, прежде служившаго Полковникомъ у Димитрія, по имени Ивана Заруцкаго (Ivan Zaruski). Въ качествѣ опекуна молодаго Государя, онъ долженъ былъ вести войну съ Москвитянами и силою приводить области къ присягѣ ему. Такъ онъ и дѣлалъ два года, пока не вступилъ съ Москвитянами въ жестокій бой подъ Ярославлемъ: онъ проигралъ это сраженіе, былъ прогнанъ, наконецъ попалъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сыномъ Димитрія и Великой Княгиней, Мариной Юрьевной, и былъ отведенъ въ Москву; тамъ жалостнымъ образомъ посадили его на колъ, невиннаго ребенка повѣсили, а мать заключили въ темницу, гдѣ она и умерла въ большомъ горѣ и бѣдствіи.

Между тѣмъ какъ этѣ смуты и раздоры поднимались въ разныхъ мѣстахъ страны, явился другой плутъ и обманщикъ, служившій въ Москвѣ простымъ Секретаремъ, и такъ же, какъ и другіе, называлъ себя роднымъ сыномъ Ивана Васильевича, Димитріемъ, который теперь уже три раза въ разное время подвергался такой великой смертной опасности, сначала въ Угличѣ, потомъ въ Москвѣ и наконецъ въ Калугѣ, однако жь все избѣгалъ смерти и былъ настоящій сынъ Ивана Васильевича.

Это былъ краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малой, а отъ того и собралось къ нему нѣсколько сотъ негодяевъ

и мошенниковъ, которые все помогали его словамъ и бреднямъ находить сочувствіе и прикрашивали ихъ. Этотъ разбойникъ отправился сперва въ Новгородъ, а по томъ въ Ямы и Иваньгородъ; тамошнія области: Иваньгородская, Ямская, Копорская, Гдовская и другія признали его своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ и присягнули ему. Въ Иваньгородѣ онъ набралъ довольно войска и послалъ своихъ пословъ къ Шведскому Намѣстнику въ Нарвѣ и Государственному Совѣтнику, благородному и храброму Филиппу Шедингу, землевладѣльцу въ Шедви и Кундѣ, съ настоятельнѣйшею просьбой, чтобы Намѣстникъ написалъ къ могущественному и высокородному Королю Шведскому, славной памяти, Карлу IX, о великой невѣрности и измѣнчивости его подданныхъ, безпрестанно старавшихся лишать его благосостоянія и жизни, но Всемогущій Богъ всегда чудеснымъ образомъ спасалъ его отъ ихъ вредныхъ и плутовскихъ умысловъ. Шведской Король, по врожденной своей добротѣ и милосердію, не поможетъ ли ему отнять его наслѣдственныя земли? Намѣстникъ тотчасъ же исполнилъ это и послалъ къ Королю Карлу IX Христофора Вульфедорфа, съ увѣдомленіемъ, что въ Иваньгородъ прибыла какая-то личность, выдающая себя за Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, съ просьбою и мольбой, чтобы Намѣстникъ донесъ Королю объ ея положеніи и обстоятельствахъ.

Вскорѣ послѣ того Его Королевское Величество отправилъ въ Иваньгородъ меня, Петра Петрея, изъ города Оребри въ Швеціи, съ письмомъ и полномочіемъ, также и съ строгимъ приказаніемъ, чтобы доподлинно развѣдать и узнать, дѣйствительно ли это Первый Димитрій, вѣнчанный и помазанный въ Москвѣ, которому присягнулъ этотъ городъ со всѣми Русскими областями. Тогда Его Королевское Величество подумаетъ, какимъ образомъ пособить ему противъ враговъ, чтобы онъ могъ опять овладѣть своими наслѣдственными землями; на первый случай онъ долженъ будетъ прислать къ Королю пословъ и заключить съ нимъ договоръ о томъ.

Но Самозванецъ, узнавъ, что я видалъ и зналъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Москвѣ, другого, убитаго Димитрія, не хотѣлъ допустить меня къ личному свиданію съ нимъ, не смотря на мои частыя и настоятельныя просьбы о томъ; онъ отвѣчалъ, что ему не

здоровится, при томъ же онъ не такъ и одѣтъ, какъ бы слѣдовало Монарху и Великому Князю, и можно было принять Королевскаго слугу. Отъ того я и хотѣлъ явиться къ его Совѣтникамъ, чтобы передать имъ свое порученіе, а они дали бы на то основательный и дѣльный отвѣтъ, какъ бы въ присутствіи Лжедимитрія. Такъ я и поступилъ наконецъ. Совѣтники просили, чтобы Его Величество жилъ въ добромъ сосѣдствѣ и согласіи съ ихъ законнымъ и природнымъ Государемъ и Великимъ Княземъ, пособилъ ему по праву овладѣть его наслѣдственными землями; что ихъ Государь при первомъ же случаѣ пришлетъ полномочныхъ пословъ къ Его Величеству, которые изложатъ подробнѣе его просьбу и заключатъ договоръ съ Королемъ. Но такъ какъ онъ былъ не истинный Димитрій, а ложный и самодѣльный, то посланники такъ и не пріѣзжали и ни какихъ переговоровъ не состоялось. Самозванецъ вышелъ изъ Иваньгорода съ войскомъ по дорогѣ въ Псковъ, съ намѣреніемъ привести тамошнихъ жителей въ покорность себѣ, съ помощію нѣсколькихъ пушекъ, которыя съ нимъ были. Это было 24 Іюня, 1611 года. Онъ былъ уже въ полномъ наступленіи, когда узналъ, что вышелъ въ поле Графъ Яковъ Де ла Гарди, находившійся тогда на дорогѣ въ Новгородъ, и что онъ наскоро отрядилъ Фельдмаршалка Эверда Горна съ нѣкоторымъ числомъ войска для воспрепятствованія намѣреніямъ Самозванца. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій двинулся поскорѣе къ Гдову, бросивъ со страха и пушки, увезенныя по томъ Псковитянами въ свой городъ. Фельдмаршалокъ все преслѣдовалъ его, хотѣлъ поздороваться съ нимъ и въ Гдовѣ, но онъ убѣжалъ оттуда, большая часть его войска была истреблена, самъ онъ съ великою опасностью на силу уплелъ ноги и прибылъ опять въ Иваньгородъ. Тогда Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ отступилъ къ своему Полководцу и прибылъ въ его станъ. Псковичи вообразили себѣ, что если будетъ у нихъ какой ни будь Государь и Великій Князь, хоть и не настоящаго Княжескаго происхожденія, то все же никто не осмѣлится тревожить и осадить городъ Псковъ: они отправили пословъ въ Иваньгородъ и звали Самозванца въ Великіе Князья къ себѣ. Этотъ не долго думалъ, явился туда и, поживши тамъ нѣсколько времени, сталъ очень нахаленъ, при всѣхъ позорилъ женъ и дочерей, дѣлалъ много другихъ своевольствъ и злодѣйствъ. Псковитянамъ стало ясно, что подъ его правленіемъ

они скорѣе потерпятъ вредъ, обнищаютъ и погибнутъ, нежели найдутъ свое счастье, отъ того они и затѣяли мятежъ, поднялись на него всѣми силами и перебили его стражу. Онъ принужденъ тайкомъ бѣжать изъ Пскова. Казаки узнали, что и Дворяне не хотятъ дольше терпѣть его, но у каждаго изъ нихъ было свое на умѣ, по тому что всѣ они бѣжали изъ города, куда кому было угодно. Казаки хотѣли захватить Самозванца, но у него былъ добрый конь; замѣтивъ невѣрность Казаковъ, онъ хотѣлъ ускользнуть, и скоро бы уѣхалъ, если бы одинъ Казакъ не попалъ ему изъ лука въ плечо, отъ чего онъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ, связанный по рукамъ и ногамъ, приведенъ въ Псковъ и отосланъ въ Москву. Тамъ довольно долго сидѣлъ онъ у воротъ Кремля, прикованный къ большой цѣпи, на всеобщее поруганіе и позоръ, до тѣхъ, поръ пока Русскіе не выбрали себѣ Государемъ нынѣ царствующаго Михаила Θеодоровича Романова и не присягнули ему. Этотъ велѣлъ его жалостнымъ образомъ повѣсить. Такъ Самозванецъ и получилъ свое заслуженное и достойное воздаяніе; въ ряду Самозванцевъ онъ Третій Лжедимитрій, выдававшій себя законнымъ сыномъ тирана Ивана Васильевича.

Теперь вездѣ въ Россіи были великія смуты и ссоры; Шведскій Полководецъ находился въ походѣ изъ Кексгольма въ Новгородъ; Москвитяне отмѣнили избраніе молодаго Принца Владислава, возстали на Поляковъ, владѣвшихъ Москвою, и осадили ихъ; Новгородцы тоже перемѣнились въ мысляхъ, начали обходиться миролюбиво съ Шведскимъ Полководцемъ, и, чтобы сначала уладиться съ нимъ въ нанесенномъ ему убыткѣ, велѣли выдать ему остановленныхъ въ Нотебургѣ людей, съ бумагами и вещами (о которыхъ мы нѣсколько разъ говорили), хотя большая часть послѣднихъ была испорчена и украдена.

Въ это самое время въ Новгородѣ находился одинъ Московскій Воевода, по имени Василій Бутурлинъ (Bütterlin); Русскія сословія отправили его изъ стана подъ Москвою въ Новгородъ съ порученіемъ и полномочіемъ договориться отъ ихъ имени съ Шведскимъ Полководцемъ въ слѣдующемъ: «Сословія, во первыхъ, просятъ и желаютъ, чтобы Шведскій вождь забылъ всѣ случившіяся непріятности и обиды и отложилъ всѣ спорныя дѣла, возникшія во

время этого смятенія и бунта между обоими Государствами, до тѣхъ, поръ пока сословія не рѣшатъ и не согласятся относительно Великаго Князя, а тогда всякія недоразумѣнія покончатся и устранятся мирно, къ обоюдному удовольствію. Во вторыхъ, чтобы Полководецъ, въ ихъ крайнемъ положеніи и нуждѣ, поспѣшилъ съ Королевско-Шведскимъ войскомъ на помощь къ нимъ подъ Москву, для скорѣйшаго овладѣнія Кремлемъ, бывшимъ въ рукахъ Поляковъ, такъ какъ сословія опасаются, чтобы Польскій Король, располагавшій въ то время большими силами, не поспѣшилъ на выручку къ осажденнымъ. Въ третьихъ, Бутурлинъ обѣщалъ отъ имени сословій уговорить Новгородцевъ, чтобы они уплатили Шведскому войску, въ счетъ его жалованья, такую сумму, какую въ состояніи достать въ это время. Въ четвертыхъ, Бутурлинъ обѣщался отъ имени сословій уступить Шведскому Королю крѣпость Нотебургъ, въ обезпеченіе и залогъ жалованья для войска.»

Полководецъ, выслушавъ этѣ предложенія, подалъ Бутурлину Королевское письмо къ Русскимъ сословіямъ, котораго главное содержаніе было слѣдующее: «Его Королевское Величество искренно предостерегалъ ихъ отъ вредныхъ козней Поляковъ и Папистовъ, увѣщевалъ ихъ жить согласно и выбрать себѣ такого Князя изъ своего собственнаго народа, который бы стоилъ того и намѣренъ былъ соблюдать прежніе честные договоры и соглашенія между обоими Государствами Король и прежде оказалъ добрую и полезную помощь Русскому народу, не только съ значительными расходами для себя, но и съ потерею изъ за того крѣпости Пернова въ Ливоніи. Онъ предлагаетъ имъ теперь, изъ признательнаго вниманія къ нему, уступить еще крѣпость и область Кексгольмъ, и тогда станетъ продолжать помогать имъ противъ ихъ непріятелей.» Воевода Бутурлинъ сдѣлалъ тѣ же самыя предложенія и на словахъ, говорилъ и совѣтовался о томъ съ Новгородцами, по томъ опять пришелъ къ Полководцу и далъ понять ему, что всѣ Русскія сословія знаютъ по опыту, что имъ нѣтъ счастья въ ихъ туземныхъ Великихъ Князьяхъ; а такъ какъ онъ не предлагаетъ имъ ни кого другаго, то не кого лучше желать имъ въ Государи и Великіе Князья себѣ, кромѣ одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, Карла IX, или Свѣтлѣйшаго

и Высокороднаго Князя Густава Адольфа, нынѣ царствующаго Короля, или младшаго брата Его Величества, Герцога Карла Филиппа.

Полководецъ не оставилъ безъ вниманія это предложеніе, которое могло послужить къ умноженію величія, чести, могущества и выгодъ Короля и его Высокородныхъ наслѣдниковъ: онъ взялся всеподданнѣйше донести о томъ Его Королевскому Величеству, совѣтуя, черезъ Бутурлина, Русскимъ сословіямъ, что если они въ самомъ дѣлѣ надумали это, то послали бы въ Швецію знатныхъ пословъ, снабженныхъ достаточнымъ полномочіемъ, и просили о томъ какъ слѣдуетъ, съ доброю надеждою, что Король отзовется на это со всякимъ снисхожденіемъ.

Изъ всего того ясно можно видѣть честный образъ мыслей Короля въ отношеніи къ Русскому народу, по тому что, если бы тутъ было что ни будь другое, Король не сталъ бы предостерегать Русскихъ отъ коварныхъ замысловъ ихъ непріятелей, а тѣмъ менѣе совѣтовать имъ взаимное согласіе, въ которомъ, по благословенію Божію, заключается лучшая доля благосостоянія Государства, какъ сказываетъ пословица: «Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur,» напротивъ, когда Поляки руководили Лжедимитріемъ, или другимъ какимъ ни будь способомъ, онъ постарался бы еще больше раздѣлить умы сословій, и то уже бывшіе въ сильномъ взаимномъ раздорѣ и недовѣріи, чтобы Его Королевскому Величеству тѣмъ удобнѣе было удить въ мутной водѣ, имѣть возможность сдѣлаться покровителемъ Русскаго Государства и овладѣть имъ всѣмъ, или большею его частію. Довольно ясно, что этого вовсе не было въ мысляхъ, или въ намѣреніяхъ Его Величества, и ясно не только изъ приведенныхъ теперь предостереженій и увѣщеваній, но и изъ того, что Король совѣтовалъ Русскимъ сословіямъ выбрать Великаго Князя изъ ихъ народа и вызывался подать имъ полезную помощь, чтобы Русскіе могли имѣть миръ и спокойствіе, и притомъ выбрать такого Государя, который расположенъ бы былъ соблюдать прежніе славные договоры между обоими Государствами, сдѣлать слѣдующее вознагражденіе за большія издержки въ пользу Великаго Князя, и напасть на непріятеля общими съ Королемъ силами.

Послѣ вышепомянутаго предложенія, сдѣланнаго Русскимъ Генераломъ Бутурлинымъ отъ имени всѣхъ Русскихъ сословій, что они охотно бы желали въ Государи себѣ одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, Шведскій вождь счелъ необходимымъ предоставить сословіямъ дѣло, предложенное Бутурлинымъ, и ожидать ихъ дальнѣйшаго отзыва и утвержденія. Бутурлинъ обѣщался доставить это въ 14-ть дней. Такимъ образомъ Полководецъ и послалъ Королевское письмо, о которомъ мы упоминали, съ однимъ Финляндскимъ Дворяниномъ, Гансомъ Мункомъ, къ Русскимъ сословіямъ въ Москву: онъ прописалъ тутъ все, о чемъ они переговаривали и условились съ Бутурлинымъ, и требовалъ на это нужнаго ему для свѣдѣнія отзыва.

Между тѣмъ у него съ Бутурлинымъ и Новгородцами заключено перемиріе на такихъ условіяхъ, чтобы ни одна сторона не дѣлала ничего враждебнаго относительно другой, чтобы Шведскія суда и лодки, стоявшія съ Кексгольмѣ и привозившія разные припасы въ станъ, могли свободно и безпрепятственно проходить мимо города Ладоги, отнятаго недавно съ помощію огнестрѣльнаго снаряда, у Французскаго Капитана Лавилы; этѣ суда плавали бы до самаго Шведскаго стана, чтобы Шведскимъ воинамъ было чѣмъ содержаться. Новгородскіе граждане должны были также привозить за сходную цѣну припасы и все необходимое въ Шведскій станъ.

Но этѣ статьи вовсе не были исполнены Новгородцами. Они не позволили Шведскимъ судамъ и лодкамъ съ припасами пройти мимо Ладоги, а когда Шведы, согласно договору, безъ всякаго насилія и своевольства стали искать себѣ пищи, на нихъ вѣроломно напали Казаки и стрѣльцы, посланные для того изъ Новгорода: отчасти изрубили ихъ, отчасти же увели въ городъ, и тамъ жалостно сѣкли плетьми и кнутьями, мучили и другими муками.

Въ такомъ положеніи Шведскій Полководецъ простоялъ съ своимъ войскомъ подъ Новгородомъ цѣлыхъ два мѣсяца, все ожидая отвѣта отъ Московскихъ сословій (обѣщаннаго, по самой долгой мѣрѣ, черезъ 14 дней); межъ тѣмъ все проводили его разными пустыми предложеніями: на нѣкоторыя изъ нихъ Полководецъ

сегодня согласится, а завтра их опять отмѣнятъ Новгородцы и, вмѣсто того, поведутъ рѣчь о чемъ ни будь другомъ, новомъ и совершенно противномъ прежнему. Хотя Бутурлинъ сначала, можетъ быть, дѣйствовалъ и прямо въ этомъ дѣлѣ, однако Новгородцы сбили его съ пути, за что имъ наконецъ и досталось порядкомъ.

Полководецъ замѣтилъ, что всѣ ихъ старанія клонятся только къ тому, какъ бы провести его хитрыми продѣлками до тѣхъ поръ, пока войско его не ослабѣетъ отъ голода, болѣзни, также и отъ урона въ людяхъ, которыхъ Новгородцы каждый день тайно убивали на фуражировкахъ, и не уменьшится въ числѣ, чтобы имъ наконецъ тѣмъ удобнѣе было заставить его сдаться, или совершенно разбить, или же принудить къ отступленію въ Финляндію, не покончивъ дѣла, а это послѣднее принесло бы не менѣе опасности, какъ и позора для войска, если сообразить, что впереди его были двѣ непріятельскія крѣпости, Ладога и Нотебургъ, да въ тылу Новгородцы и Бутурлинъ.

По тому Шведскій вождь сильно настаивалъ объ исполненіи добровольнаго мирнаго договора, и повелъ дѣло къ тому, чтобы Новгородцы, по прежнему ихъ желанію, удовлетворили Шведскихъ воиновъ не доплаченнымъ жалованьемъ. Они находили разныя отговорки, лукавыя увертки однѣ за другими, до тѣхъ поръ, пока Полководецъ не подвинулся съ войскомъ подъ самый городъ и не потребовалъ отъ нихъ рѣшительнаго объясненія, по тому что они хоть и каждый день приходили для переговоровъ, но съ большимъ двоедушіемъ и непостоянствомъ, между тѣмъ все развѣдывали о войскѣ Шведскомъ и его силѣ, прислали не много припасовъ, которыхъ не доставляли уже нѣсколько недѣль, намѣреваясь сражаться, подожгли монастырь, въ которомъ происходили переговоры, чтобы, при благопріятномъ вѣтрѣ, дымъ пожара обратился на Шведовъ: такъ во время переговоровъ они лукаво приготовлялися уже къ нападенію. Но ихъ славно прогнали въ городъ, и при этомъ осталось у нихъ на мѣстѣ до 100 человѣкъ и три эскадрона конницы. Вскорѣ пожелали они опять договариваться о мирѣ: когда же 12-го Іюля начались переговоры, они сдѣлали нападеніе всѣми силами, положивъ истребить, или прогнать, всѣхъ Шведовъ, однако жь въ другой разъ были храбро

прогнаны въ городъ. Стало быть, всѣ этѣ переговоры были одинъ обманъ: Новгородцы распологали изнурить Шведское войско, чтобы отъ голода, болѣзни и меча оно наконецъ отступило, безъ надлежащаго договора. Это привело въ большое раздумье Графа, и онъ напослѣдокъ порѣшилъ на томъ, чтобы Новгородцы удовлетворили его войско 300 рублей. Они не соглашались, не желали заплатить и бездѣлицы, а лучше хотѣли подвергнуть опасности жизнь свою, своихъ женъ и дѣтей и все свое счастье.

Видя, что изъ этого выходитъ явная вражда, Графъ Яковъ, по совѣту Фельдмаршалка Эверда Горна и другихъ Офицеровъ, совсѣмъ рѣшился и положилъ сдѣлать приступъ къ Новгороду. Не желая дѣлать того неожиданно для жителей, онъ далъ имъ знать на письмѣ и на словахъ, что впередъ будетъ наносить имъ всякой вредъ грабежомъ, огнемъ и мечемъ въ войнѣ съ ними, какъ съ вѣроломными и обманчивыми варварами, и пойдетъ приступомъ къ Новгороду. Узнавъ о томъ, Русскіе тотчасъ же подожгли въ окрестности города древніе монастыри и дворы, которыхъ было тамъ очень много, и вырубили ближніе сады, чтобы имѣть открытое поле впереди и вокругъ себя, и чтобы можно было храбро обороняться съ городскаго вала.

Покончивъ всѣ приготовленія къ приступу, Полководецъ притворился, будто хочетъ сдѣлать нападеніе на городъ съ востока, съ другой стороны рѣки Волхова, гдѣ находился собственно купеческій городъ, въ которомъ было очень много богатства и гдѣ всего вѣроятнѣе предполагали нападеніе.

Такимъ образомъ жившіе на другомъ краю крѣпости положили, что для нихъ нѣтъ ни какой бѣды, были безпечны, точно гуляли въ розовомъ саду; они думали, что Шведы ничего не возьмутъ съ своимъ малымъ войскомъ противъ великаго ихъ множества; по человѣческому разсудку почти и не возможно было съ горстью людей взять приступомъ такой большой и населенный городъ, о которомъ по всѣмъ землямъ ходила пословица: «Кто можетъ воевать противъ Бога и Великаго Новагорода?» Это сдѣлалъ теперь Шведскій вождь, Графъ Яковъ: видимъ въ томъ чудное дѣло Божіе, когда угодно Ему наказать страну и городъ. Онъ ослѣпляетъ людей такъ, что они презираютъ непріятеля и

приходятъ въ безпечность. А когда угодно Ему даровать побѣду, тогда она не зависитъ отъ человѣческихъ силъ, отъ войска и военныхъ снарядовъ, по тому что хотя конь и всадникъ и будутъ снаряжены на бой, но побѣда приходитъ отъ Господа. То же совершили Давидъ, Маккавеи и другіе богобоязненные воины, дѣлавшіе успѣхи во имя Господа и не полагавшіеся на собственную силу, подобно Голіаѳу, Ксерксу и многимъ другимъ. Въ бою, говоритъ Соломонъ, не помогаетъ быть сильнымъ, по тому что сила, помощь и паденіе въ Богѣ.

Итакъ, 15-го Іюля, 1611 года, Полководецъ, во имя Божіе, велѣлъ на разсвѣтѣ ударить ложную тревогу внизу на рѣкѣ, у бѣлой нижней стѣны, а съ западной стороны сдѣлали нападеніе на валъ Шведскіе воины, которые, точно алчные молодые львы, или медвѣди, кололи и рубили Русскихъ, которые и должны были отступить съ валу; Шведы вырубили изнутри городскія ворота, и въ городъ все больше и больше наѣзжало ихъ конницы, на выручку пѣхотѣ, не смотря на сильную пальбу Русскихъ съ башенъ, оцѣпили воинами улицы и ворота, чтобы никто изъ нихъ не могъ выйти. Между тѣмъ Шведы сбили ихъ съ вала, гнали отъ одной стѣны до другой, такъ что они все мѣняли свои позиціи, до бѣлой стѣны на рѣкѣ, гдѣ въ самомъ началѣ поднялась тревога, и остановились тамъ для храбраго сопротивленія. Тамъ же, подъ открытымъ небомъ, былъ станъ и Бутурлина. Шведы сильно напали на него, и Русскіе выбѣжали во множествѣ и попадали въ рѣку, кто вмѣстѣ съ лодкой, кто прямо въ воду, съ намѣреніемъ переплыть, и отъ того топили другъ друга и тонули. По тому что мостъ, ведшій черезъ рѣку въ другой городъ, былъ быстро оцѣпленъ Шведами, чтобы никто не могъ переходить по немъ.

Въ крѣпости не было ни какого особеннаго войска: Шведы съ одной стороны овладѣли городомъ; Воевода Бутурлинъ съ своими Казаками и стрѣльцами еще на первыхъ порахъ, до прихода Шведовъ, отступилъ за мостъ, на другую сторону, разбилъ лавки, ограбилъ ихъ, сколько имѣлъ на то возможности второпяхъ и убѣжалъ оттуда, оправдывая себя тѣмъ, что возьмутъ же и разграбятъ все Шведы, такъ ближе и справедливѣе сдѣлать это Русскимъ. Тогда Митрополитъ Исидоръ и Намѣстникъ, Иванъ

Никитичъ Одоевскій, и всѣ другія лица свѣтскаго и духовнаго званія, которыя заперлись въ крѣпости, тотчасъ же послали своихъ пословъ къ Шведскому Полководцу и просили поступить съ ними кротко и миролюбиво. Онъ въ минуту согласился на это: провозгласили миръ, положили оружіе, враждебныя дѣйствія остановлены и запрещены, и по томъ заключенъ взаимный добровольный и невынужденный договоръ. Главнѣйшимъ основаніемъ его было то, что Новгородцы признали своимъ и всего Русскаго Государства покровителемъ Шведскаго Короля, его наслѣдниковъ и преемника, а одному изъ сыновей вышепомянутаго Короля, или нынѣ славно царствующаго Государя въ Швеціи, или его молодаго брата, Герцога Карла Филиппа, кого ни дастъ имъ отецъ изъ нихъ обоихъ, присягали, какъ своему и всего Русскаго Царства Государю и Великому Князю.

Такимъ образомъ 25 Іюля торжественно заключенъ крѣпкій союзъ между Шведскимъ вождемъ и Новгородцами: они и клялись ему въ томъ подъ открытымъ небомъ въ крѣпости и единогласно обѣщали сдержать свою клятву.

Для обезпеченія и подтвержденія всего этого, Новгородцы послали въ Швецію гонца, по имени Ивана Якушкина (Jakuski), съ смиреннымъ увѣдомленіемъ къ Его Королевскому Величеству объ этѣхъ происшествіяхъ и договорѣ, покамѣстъ не пришлютъ къ нему другихъ пословъ съ полномочіемъ для дальнѣйшихъ соглашеній объ этомъ высокой важности дѣлѣ.

Послѣ взятія приступомъ Новгорода, Шведскій вождь, съ вѣдома и согласія Новгородцевъ, велѣлъ осадить крѣпости Ладогу и Нотебургъ, и занять ихъ отъ имени ожидаемаго изъ Швеціи Великаго Князя, согласно заключенному договору. Въ продолженіи этого времени Псковитяне и нѣкоторыя другія области взяли себѣ въ Государи и Великіе Князья отчаяннаго плута, Лжедимитрія III-го, о чемъ упоминали мы выше. Услыхавъ, что Шведскій Король доподлинно узналъ, что онъ плутъ, соблазнитель и обманщикъ цѣлой страны, Самозванецъ по тому и не надѣялся отъ него ни какого вспоможенія, и позволялъ своимъ безбожнымъ Казакамъ свободно живиться грабежомъ въ землѣ Его Величества, вмѣсто жалованья, при чемъ далъ знать Королю, что намѣренъ

укрѣпить и уступить Польшѣ городъ и крѣпость Псковъ. Шведскій Король не находилъ для себя удобнымъ и безопаснымъ долѣе терпѣть такого безбожнаго и вѣроломнаго сосѣда: онъ велѣлъ своему Полководцу заблаговременно предупредить такую бѣду и занять крѣпость, такъ близко лежавшую къ предѣламъ его земель, откуда непріятель, владѣвшій ею, легко могъ причинять много большаго вреда. Полководецъ тотчасъ же и исполнилъ это съ полнымъ усердіемъ, и покорилъ города Гдовъ, Ивань-городъ, Ямы, Тихвинъ, Погрелу и нѣсколько другихъ областей, истребилъ и выгналъ Казаковъ; они ушли оттуда и привели своего плутовскаго Государя плѣнникомъ въ Москву, какъ мы уже и разсказывали. Все это было ко благу всего Русскаго Государства и новоизбраннаго Великаго Князя, одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, котораго пошлютъ имъ Богъ и Король. О томъ настоятельно просили Полководца всѣ Московскія сословія, чрезъ посланнаго къ нему Воеводу Бутурлина. Полководецъ отъ Королевскаго имени согласился и обѣщалъ это.

Московскія сословія въ Ярославлѣ узнали, что Новгородъ завоеванъ Шведами и вышесказанный договоръ заключенъ между Шведскимъ вождемъ и Новгородцами: въ слѣдствіе принятаго у нихъ рѣшенія подъ Москвою и прежняго ихъ выбора, они въ другой разъ отправили посольство, и во главѣ его Степана Лазаревича Татищева (Tatissou), ко всѣмъ Новгородскимъ сословіямъ, и между прочимъ заботились о томъ, чтобы они прислали къ нимъ въ Ярославль уполномоченныхъ извѣстить ихъ о статьяхъ договора, заключеннаго между Полководцемъ и Новгородцами, а въ особенности объ условіяхъ, на какихъ они должны будутъ имѣть Шведскаго Принца Великимъ Княземъ всего Русскаго Государства: тогда вмѣстѣ съ Новгородцами и они пошлютъ полномочныхъ пословъ ото всѣхъ областей и званій Русскаго Царства къ Его Королевскому Величеству и будутъ просить у него сына въ Государи и Великіе Князья себѣ Полководецъ и всѣ Новгородскія сословія, духовныя и свѣтскія, послали въ Ярославль къ нимъ своихъ выборныхъ, отъ Дворянства Ѳедора Тимоѳѣевича Оболенскаго, Смирнова Елизарьевича Отрепьева (Smirnou Elizarevvitz Utrepia), отъ Духовенства Игумена ѧяжицкаго (VVeschetzkoi) Никольскаго монастыря Игнатія, отъ горожанъ Истому Игнатьева (Istom Ignatiof) и Ивана Галицкаго (Galiskou). Выборнымъ дано

полномочіе договориться и обсудить съ ними избраніе Великаго Князя изъ сыновей Шведскаго Короля и всѣ другія, касающіяся общей пользы, дѣла. Воротившись оттуда, выборные принесли Полководцу и Новгородскимъ сословіямъ такой отвѣтъ, что Русскія сословія, собравшіяся въ Ярославлѣ, рѣшились неизмѣнно держаться рѣшенія, принятаго подъ Москвою, которое они еще прежде велѣли предложить Графу Якову черезъ Бутурлина.

Въ оправданіе себя, что не отправляютъ на этотъ разъ полномочныхъ пословъ въ Швецію, они приводили ту причину, что такъ какъ пріѣздъ къ нимъ его Княжеской Милости изъ Швеціи такъ долго замедлился, то они опасаются, что съ Шведской стороны не серьезно думаютъ о выборѣ, а по тому и съ послами ихъ въ Швеціи можетъ случиться то же, что случилось въ Польшѣ; однако жь это было напрасное и излишнее опасеніе. Они не послали также ни какихъ полномочныхъ пословъ и въ Новгородъ, для окончательнаго рѣшенія и назначенія съ Полководцемъ и Новгородцами условій выбора и образа правленія ожидаемаго Великаго Князя, по тому что Графъ Яковъ отозвался, что не имѣетъ полномочія соглашаться на что бы то ни было относительно перемѣны Вѣры новоизбраннаго Великаго Князя; впрочемъ, они хотѣли прислать въ Новгородъ Коммиссара, который войдетъ по этому дѣлу въ разныя сношенія съ Полководцемъ и Новгородцами и дастъ окончательное рѣшеніе, къ общему спокойствію и согласію. Они отправили потомъ своихъ выборныхъ, Порфирія Захарина (Sakarin) и Ѳедора Шишкина (Ziski) въ Новгородъ, которыхъ просьба и дѣло состояли въ томъ, что всѣ Русскія сословія отозвались еще разъ по прежнему, что желаютъ неизмѣнно остаться при принятомъ ими рѣшеніи подъ Москвою, относительно избранія Великаго Князя изъ сыновей Шведскаго Короля.

Но они остерегались посылать своихъ пословъ къ молодому Принцу, пока онъ находится еще въ Швеціи, просили Новгородцевъ послать ихъ отъ себя, отъ имени всѣхъ Русскихъ областей и сословій, и какъ можно скорѣе торопить пріѣздомъ ожидаемаго Государя. Когда же прибудетъ онъ въ Новгородъ, они тамъ сдѣлаютъ пріемъ ему съ приличными почестями, какъ своему Государю и Великому Князю. Между прочимъ желали, чтобы межъ ними и Новгородскими сословіями сохранилась добрая друж-

ба, сосѣдскія довѣріе и согласіе; выборные уполномочены были утвердить это, и потомъ заключенъ между обѣими сторонами миръ до пріѣзда новаго Великаго Князя изъ Швеціи.

Еще по первому объявленію Русскихъ сословій, собранныхъ въ Ярославлѣ, Новгородская область отправила своихъ пословъ, которыми изъ Духовнаго званія были: Никандръ, Архимандритъ Георгіевскаго монастыря, изъ Дворянства Поліотъ Колычевъ (Colizel), Михайло Боборыкинъ (Bodborikcn), и Секретарь Третякъ Malentone, а изъ гражданъ Степанъ Иголкинъ, съ значительною дружиною изъ молодыхъ Дворянъ и прислужниковъ. Имъ приказано было неотступно просить Короля Карла IX отъ имени всего Русскаго Царства, а въ особенности отъ имени сословій Новгородской области, чтобы Его Королевское Величество всемилостивѣйше пожаловалъ Русской державѣ и имъ въ особенности въ Государи и Великіе Князья одного изъ великородныхъ своихъ сыновей, или нынѣ царствующаго Короля Густава Адольфа, или юнаго Герцога Карла Филиппа.

Но Король Карлъ скончался еще до пріѣзда пословъ; правленіе и присягу отъ всѣхъ сословій принялъ старшій сынъ Его Величества, какъ ближайшій наслѣдникъ, по тому и Новгородскіе посланники должны были изложить свою просьбу Его Королевскому Величеству въ Стокгольмѣ, съ усердною просьбою отъ всѣхъ Русскихъ сословій, что если Король, по случаю того, что царствуетъ въ своемъ наслѣдственномъ Государствѣ, не можетъ быть ихъ Государемъ и Великимъ Княземъ, то милостиво бы пожаловалъ имъ въ Государи и Великіе Князья своего младшаго брата, Свѣтлѣйшаго и Высокороднаго Князя и Государя, Карла Филиппа, наслѣдственнаго Князя Шведскаго, Готскаго и Вендскаго, Герцога Зюдерманландскаго, Нерикскаго и Вермеландскаго. Равнымъ образомъ они смиренно просили Свѣтлѣйшую Высокородную Государыню, Госпожу Христину, Королеву Шведскую, Готскую, Вендскую, Финляндскую, Карельскую, Королеву Эстовъ въ Ливоніи, Лапонцевъ и Каяпъ въ Сѣверныхъ странахъ, и урожденную Герцогиню Шлезвигскую и Голштинскую, чтобы Ея высокомощное Величество изъявила свое согласіе и соизволеніе на ихъ просьбу. Это дѣло, какъ чрезвычайно значительное и важное, предложено на вольномъ сеймѣ всѣмъ Государственнымъ Совѣтникамъ и сословіямъ и, по зрѣломъ разсужденіи,

рѣшено было единодушно исполнить просьбу Русскихъ областей, для возвращенія имъ спокойствія и чтобы сдѣлать ихъ еще больше обязанными Его Королевскому Величеству. Тотчасъ же сдѣлано постановленіе о томъ, и велѣно все приготовить къ отъѣзду Принца.

Но въ это же самое время Короля занимала война съ Даніей: онъ лично самъ проводилъ большую часть времени въ полѣ; отъ того и нельзя было Его Княжеской Милости поспѣшить своимъ отъѣздомъ такъ скоро, какъ того хотѣли; его отъѣздъ затянулся до Іюня 1613 года; тогда Его Королевское Величество велѣлъ отвезти своего любезнаго Государя брата, Герцога Карла Филиппа, въ Выборгъ, на нѣсколькихъ хорошо снаряженныхъ большихъ военныхъ корабляхъ, не безъ значительныхъ расходовъ для Государства, съ довольно многочисленнымъ Княжескимъ поѣздомъ. Король надѣялся при томъ, что всѣ сословія Русскія примутъ Герцога, какъ бы и слѣдовало, черезъ своихъ полномочныхъ пословъ, и будутъ разсуждать и переговаривать съ Королевскими посланниками, приданными Герцогу въ видѣ помощниковъ, о разныхъ нужныхъ дѣлахъ обоихъ Государствъ, Швеціи и Россіи. Однако жь, никто не явился изъ Русскихъ пословъ. По тому Герцогъ отправилъ нѣсколькихъ Дворянъ, пріѣхавшихъ съ Его Княжеской Свѣтлостью, съ письмами въ Новгородъ, а по томъ и въ Москву, и велѣлъ тамъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ въ Выборгъ. Не смотря на это, не явился, однако жь, никто, кромѣ Новгородскихъ пословъ, прибывшихъ черезъ нѣсколько времени, впрочемъ безъ полномочій, чтобы только поздравить съ пріѣздомъ Его Княжескую Милость отъ Новгородской области, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сопровождать его въ Новгородъ: они всеподданнѣйше просили Герцога собрать ихъ и принять подъ свое правленіе, точно овецъ безъ пастыря. Но Королевскіе послы представляли имъ, что Король, Государь братъ Герцога, Госпожа мать его и Государственныя сословія, дали этого юнаго высокороднаго Принца въ Государи и Великіе Князья не одной Новгородской, но и Володимирской, Московской и другимъ областямъ Русскаго Государства. А теперь они видятъ, что ни одна изъ выше названныхъ областей не послала въ Выборгъ ни одного посла, или уполномоченнаго, для пріема Герцога, да и Новгород-

скіе посланники не снабжены отъ ихъ собратій приличнымъ полномочіемъ для разсужденія и рѣшенія разныхъ необходимыхъ дѣлъ, по тому и Шведскіе послы не могутъ такъ поспѣшно продолжать столь важное дѣло по однимъ только требованіямъ и просьбамъ Новгородцевъ; но прежде нежели Герцогъ отправится дальше за границу страны, необходимо подождать посланниковъ отъ другихъ сословій или, по крайней мѣрѣ, обстоятельнаго и рѣшительнаго отвѣта отъ нихъ. Новгородцы все настаивали на своей прежней просьбѣ, поставляя на видъ, что Новгородская область, до покоренія ея Московскимъ Государемъ, имѣла своихъ особенныхъ Великихъ Князей, которые и правили ею; между ними былъ одинъ, тоже Шведскаго происхожденія, по имени Рюрикъ (Rurich), и Новгородцы благоденствовали подъ его правленіемъ. И какъ встарину Новгородская область содержала прилично и по Княжески своихъ Великихъ Князей, и могла нѣсколько столѣтій быть безопасною ото всѣхъ окрестныхъ и сосѣднихъ народовъ, точно такъ же можетъ быть и теперь, хотя Володимирская, Московская и другія области и не захотѣли бы согласиться на избраніе Герцога, чего, однако жь, онѣ не сдѣлаютъ, какъ надѣются Новгородцы, лишь только услышатъ о пріѣздѣ Герцога въ Новгородъ. Новгородцамъ тотчасъ же возразили, что для Шведскаго Герцога, всего Королевскаго дома и всего Государства, не только будетъ стыдно, но и унизительно, если Герцогъ удовольствуется и ограничится только частію Государства, будучи призванъ на управленіе и обладаніе всею Русскою землею; у Герцога и дома есть наслѣдственное Герцогство, которое ни чѣмъ не уступитъ Новгородскому въ обширности, силѣ и доходахъ, да и тѣмъ еще предпочтительнѣе, что Герцогъ можетъ пользоваться имъ въ мирѣ и тишинѣ, тогда какъ Новгородское Княжество вынужденъ будетъ оборонять вооруженною рукою не только отъ Поляковъ и Литовцевъ, но еще и отъ того, кого возьмутъ себѣ въ Великіе Князья другія области Русскаго Государства, и отъ собственныхъ своихъ мятежниковъ и ослушниковъ, которые замѣчаются уже въ большомъ числѣ, чего нельзя будетъ сдѣлать ему съ одними средствами и силами Новгородской области, а по тому и встрѣтится необходимость призвать на помощь своего Государя брата, Шведскаго Короля. Король не прочь будетъ отъ того для брата, но справедливость потребуетъ сдѣлать ему приличное воз-

награжденіе и при томъ достаточное обезпеченіе за большіе расходы на это.

Новгородскіе послы должны бы вспомнить еще при томъ, что Шведскій Король имѣетъ также значительныя требованія на Русскомъ Государствѣ за военныя издержки, сдѣланныя еще прежде знаменитымъ Государемъ отцомъ его; а такъ какъ отъ того должна уменьшиться Новгородская область, то на долю Герцога останется очень немного. Сверхъ всего того, не за долго до прибытія Герцога въ Выборгъ, монастырь и мѣстечко Тихвинъ и крѣпость Гдовъ съ ихъ областью отложились отъ него, вопреки ихъ присягѣ и крестному цѣлованію, измѣннически напали на его гвардейцевъ и жалкимъ образомъ перебили ихъ, съ помощію Москвитянъ, отъ которыхъ нельзя было и ожидать ничего враждебнаго. Они все еще продолжали бунтовать, не смотря, что молва о пріѣздѣ Герцога разошлась уже по всей странѣ. По тому-то Герцогъ и Королевскіе послы сочли полезнымъ и необходимымъ подождать отзыва всѣхъ Русскихъ сословій. Межъ тѣмъ Новгородскіе посланники могли бы добиваться другаго полномочія въ Новгородѣ, чтобы имъ можно было вести переговоры съ Герцогомъ и Королевскими послами обо всѣхъ нужныхъ дѣлахъ; но они все настаивали на своей прежней просьбѣ, хотя и не умѣли опровергнуть ни какихъ доводовъ противъ нея. Что же касается до полномочія, то, по ихъ мнѣнію, оно было не нужно, по тому что Король и Герцогъ безъ труда сочтутся между собою, какъ любезные родные братья, въ военныхъ и другихъ расходахъ, сдѣланныхъ Королемъ, и въ какихъ бы то ни было его требованіяхъ.

Герцогъ уже довольно времени дожидался въ Выборгѣ отвѣта отъ Русскихъ сословій, и слышалъ, что Новгородцы, а особливо знатнѣйшіе Дворяне и граждане, забывъ свою присягу и должную вѣрность, каждый день другъ за другомъ бѣгутъ въ отложившіяся мѣста и въ Москву, вездѣ возмущаютъ крестьянъ и причиняютъ неисправимый вредъ странѣ, а Москвитяне хоть и положили сохранять миръ и добрыя сосѣдственныя сношенія съ Шведскимъ Полководцемъ и Новгородцами, какъ упоминали мы выше, однако жь не только не останавливаютъ такихъ бунтовщиковъ и возмутителей, но еще сами дѣлаютъ всякое зло покорнымъ подданнымъ и Шведскому войску; наконецъ, когда отняли

41

опять Москву у Поляковъ, они выбрали въ Великіе Князья себѣ Михаила Ѳеодоровича Романова, легкомысленно пренебрегая прежнимъ выборомъ Шведскаго Князя. Герцогъ позвалъ къ себѣ Новгородскихъ посланниковъ и далъ имъ знать, что теперь на самомъ дѣлѣ узналъ невѣрность, ложь и непостоянство Новгородскихъ и другихъ Русскихъ сословій и не намѣренъ больше заботиться о нихъ и подвергаться такимъ затрудненіямъ и смертной опасности, но всѣ свои права и справедливыя требованія на Русскомъ Царствѣ, а въ особенности на Новгородской области, полученныя имъ по свободному избранію, онъ тѣмъ самымъ вполнѣ уступаетъ и передаетъ Шведскому Королю, своему многолюбезному Государю брату, ему же поручаетъ и предоставляетъ справедливую месть за нанесенную обиду: это тѣмъ еще болѣе, что у Короля, какъ сказали мы выше, безъ того уже были большіе счеты на Русскомъ Царствѣ, котораго не малою частью онъ владѣетъ теперь по праву войны. Съ тѣмъ Герцогъ и отпустилъ Новгородскихъ пословъ, а самъ отправился въ обратный путь въ Швецію.

Теперь у Шведскаго Короля довольно было справедливыхъ причинъ преслѣдовать оружіемъ Русскія сословія и области, какъ справедливо требовала того добрая слава его Королевскаго Величества, по тому что также поступали и многіе другіе знаменитые Государи въ подобныхъ случаяхъ, въ прежнее и наше время, чему найдемъ много примѣровъ въ Исторіи. Однако жь, знаменитый Король старался сначала уладить и потушить все это лаской и кроткими средствами: чрезъ своего Полководца, Графа Якова Де ла Гарди, онъ велѣлъ уговаривать Русскія сословія, чтобы они одумались, остались при прежнемъ выборѣ и послали уполномоченныхъ въ удобное для того мѣсто для переговоровъ и миролюбиваго окончанія всякихъ недоразумѣній и несогласій, вышедшихъ у нихъ съ Королемъ. Но сословія ни сколько не посмотрѣли на это и осыпали Полководца множествомъ невѣжливыхъ словъ въ своихъ различныхъ письмахъ, въ которыхъ, между многими другими нелѣпостями, приказывали ему, точно какія власти, очистить Новгородъ со всѣми зависѣвшими отъ него землями и отступить съ Шведскимъ войскомъ въ Финляндію, прибавивъ къ тому сильную угрозу, что они его выгонятъ. Но какъ Полководца ни испугали, ни обидѣли этѣ пустыя и неприличныя угрозы, они въ самомъ

дѣлѣ напали на укрѣпленія Старой Русы, а наконецъ, послѣ многихъ другихъ враждебныхъ умысловъ, прислали въ Новгородъ двухъ Воеводъ, по имени Дмитрія Трубецкаго и Данила Мезецкаго съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Они расположились въ 4-хъ миляхъ отъ города, въ удобномъ мѣстечкѣ Бронницахъ (Branissau), съ намѣреніемъ взять Новгородъ приступомъ. Но они обманулись въ разсчетѣ: благодаря Божіей помощи, хорошему счастію Короля, благоразумію и усердію Полководца, также храбрости и мужеству другихъ Офицеровъ и простыхъ воиновъ, они доведены были до того, что не только потеряли большую часть своего войска, но и сами спаслись позорнымъ бѣгствомъ. Замѣчая съ каждымъ днемъ, что ни какая кротость или умѣренность вовсе неумѣстна съ Русскими, Король взялся за дѣло гораздо серьезнѣе: самъ вышелъ въ поле, осадилъ крѣпость Гдовъ и взялъ ее приступомъ. Послѣ этого завоеванія, Король въ другой разъ приказалъ своимъ совѣтникамъ и Офицерамъ уговаривать изъ Нарвы Русскія сословія, чтобы они, взвѣшивая опасность, въ которой находились, бросили свою непріязнь и старались бы о мирѣ и согласіи съ нимъ. На случай, если они примутъ этѣ благонамѣренныя убѣжденія, сдѣланныя съ добрымъ намѣреніемъ и полезныя для ихъ собственнаго блага, Король послалъ еще въ запасъ Фельдмаршалка Эберда Горна изъ Канкаса, Полковника Еспера Андерсена Краузе изъ Вернештадта и Секретаря Магнуса Мартенсена Пальма изъ Басто: они должны были вести переговоры съ Русскими о мирѣ. Но все это ни сколько не по могло съ невѣжественными людьми, чтобы они обратили на это вниманіе, или склонились бы къ справедливости; вмѣсто того письма, приходившія отъ нихъ къ Фельдмаршалку и его товарищамъ, были наполнены множествомъ обидъ и неправыхъ обвиненій. Они не только пренебрегли такими миролюбивыми увѣщаніями Короля, но новоизбранный Великій Князь ихъ, Михаилъ Өеодоровичъ, послалъ еще множество Казаковъ и стрѣльцовъ въ Королевскія области; своими грабежами и убійствами они причинили значительный вредъ Ладожскому, Копорскому, Ямскому и Иваньгородскому округамъ. Онъ отправилъ также и другой отрядъ Казаковъ, которые должны были дѣлать такой же вредъ Кексгольмской и Нотебургской области; въ доставь къ тѣмъ онъ отправилъ еще одного изъ своихъ Воеводъ, Никиту Волженскаго, съ

другимъ отрядомъ, для внезапнаго овладѣнія крѣпостью Ладогой. Но все это не удалось имъ: всѣ они вмѣстѣ храбро отражены, прогнаны, области очищены и приведены въ безопасное положеніе. Король необходимо принужденъ былъ итти на Псковъ съ сильнымъ, коннымъ и пѣшимъ, войскомъ, осадилъ этотъ городъ, жестоко тревожилъ его ядрами и картечью, не прекращалъ пальбы и не отступалъ отъ города; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока присвоившій себѣ права, Великій Князь, и Русскія сословія не упросили великомощнаго и высокороднаго Государя Іакова, Короля Великобританскаго, и превосходительнаго Господина Генерала Стадена, послать отъ себя знатныхъ пословъ, и дружескими увѣщаніями, чрезъ письма и гонцовъ, уладить эту вражду. Славный Шведскій Король, Государь кроткій и умѣренный, больше искалъ мира и спокойствія, нежели войны и кровопролитія, и лучше видѣлъ благо и сохраненіе людей, нежели ихъ несчастіе и погибель. Не только по убѣжденію Короля Великобританіи, но и по собственному разсудку, которымъ наградилъ его Богъ въ высокой степени, по врожденной добротѣ и великодушію, онъ согласился тотчасъ же снять осаду и ушелъ отъ города, отдавъ приказанія своимъ знатнымъ полномочнымъ посламъ. Съ послами Короля Іакова и Великаго Князя Московскаго они съѣхались въ Столбовѣ, деревнѣ между Тихвинымъ и Ладогою, и привели свое дѣло къ такому концу, что всѣ раздоры, ссоры, несогласія, неудовольствія и недоразумѣнія, нѣсколько лѣтъ происходившія между Швеціею и Россіею, были безъ всякаго лукавства улажены и покончены, а миръ, согласіе и дружба возстановлены. Этотъ мирный договоръ отъ слова до слова слѣдующаго содержанія:

«Мы, полномочные посланники могущественнаго Государя Густава Адольфа, Божіею милостію Короля Шведскаго, Готскаго и Вендскаго, Великаго Князя Финляндскаго, Государя Эстляндскаго, Карельскаго и Ингерманландскаго, Яковъ Де ла Гарди, Графъ Лекко, Баронъ Эркгольмскій, владѣлецъ Колки, Рунзы и Киды, Его Королевскаго Величества Совѣтникъ и Главнокомандующій Генералъ, Генрихъ Горнъ, владѣлецъ Канкаса, Вендена и Гесле, Его Королевскаго Величества Маршалъ и Земскій Судья на Эландѣ, Арфвидъ Тонисенъ изъ Динстерби, Намѣстникъ Выборгскій и Карельскій, также и тамошній Земскій Судья и Секретарь, Маг-

нусъ Мартенсенъ Пальмъ изъ Басто, дѣлаемъ симъ извѣстнымъ, что, по приказу выше поименованнаго Его Величества, нашего всемилостивѣйшаго Короля и Государя, мы находились вмѣстѣ съ полномочными послами Великаго Князя всея Россіи, Михаила Ѳеодоровича, Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Сушинымъ, и Секретарями, Николаемъ Никитинымъ сыномъ Новеновымъ и Добрынею Семеновымъ, въ деревнѣ, называемой Столбова, лежащей между Ладогою и Тихвинымъ, для разсмотрѣнія и замиренія всякихъ несогласій и раздоровъ, происходившихъ и наконецъ обратившихся въ открытую вражду, войну и кровопролитіе, между могущественными и высокородными Государями, достославной и блаженной памяти, Государемъ Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, Готскимъ Вендскимъ, Финляндскимъ, Карельскимъ, Лапландскимъ Сѣверныя земли, Каянскимъ, Эстскимъ въ Ливоніи, потомъ между Свѣтлѣйшимъ, могущественнѣйшимъ, высокороднымъ Государемъ, Густавомъ Адольфомъ, Королемъ Шведскимъ, Вендскимъ и Готскимъ, Великимъ Княземъ Финляндскимъ, Герцогомъ Эстляндскимъ и Карельскимъ, Государемъ Ингерманландскимъ и Короною Шведскою съ одной стороны, и между нѣкоторыми Великими Князьями Русскаго Царства, а особливо нынѣшнимъ Великимъ Княземъ и всея Россіи Самодержцемъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и Русскимъ Государствомъ съ другой стороны.

Первый поводъ къ этому мирному договору поданъ былъ Свѣтлѣйшимъ, могущественнѣйшимъ и высокороднымъ Княземъ и Государемъ Іаковомъ, Божіею милостію, Королемъ Великобританіи, Франціи и Ирландіи, защитникомъ вѣры, многолюбезнымъ братомъ, дядею и особеннымъ добрымъ пріятелемъ Его Королевско-Шведскаго Величества, по тому что Его Королевское Величество, Король Іаковъ, не только чрезъ пословъ и письма, но и чрезъ своего знатнаго посла, благороднаго, храбраго и мужественнаго Господина Рыцаря, Іоанна Мерика, Тайнаго Камергера Его Королевскаго Величества, дружески уговаривалъ выше названнаго могущественнаго, высокороднаго Государя, Густава Адольфа, Короля Шведскаго, чтобы добрыми и Христіянскими средствами покончить и прекратить эту ссору и войну, до сихъ поръ происходившую у него съ Великимъ Княземъ Русскимъ, Михаиломъ

Θеодоровичемъ. Его Величество Шведскій Король, по собственному природному расположенію къ миру, не охотно видя безполезныя войны и пролитіе Христіянской крови, также и ради вѣрной дружбы и близкаго родства между нимъ и Королемъ Великобританіи, склонился на это благонамѣренное дружеское увѣщаніе, обративъ болѣе вниманія на особенную тѣсную дружбу между предками Его Величества, Шведскаго Короля, и нѣкоторыми Русскими Великими Князьями, особливо же между Карломъ IX и Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Для прекращенія неудовольствій Свѣтлѣйшій и Высокопочтенный Король Густавъ Адольфъ изъявилъ согласіе на это свиданіе въ Столбовѣ. Мы, выше названные Королевскіе полномочные послы, съ Русскими Великокняжескими послами, взаимно согласились и договорились во всѣхъ важныхъ дѣлахъ между обоими Государями и ихъ областями и землями, во имя Св. Троицы, и при благоразумномъ и усердномъ посредничествѣ Королевско-Великобританскаго посла, и по Королевскому полномочію, возложенному на насъ выше названнымъ Королемъ, нашимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ, рѣшили и постановили слѣдующее, а именно: Во 1-хъ, симъ предаются забвенію, не вмѣняются ни во что и признаются полюбовно поконченными всѣ, происходившія со времени Тявзинскаго мира въ минувшіе годы хищенія, убійства, пожары и другія обиды, какимъ бы образомъ и кѣмъ бы онѣ ни были сдѣланы, между Королемъ Шведскимъ, Карломъ IX, высоконезабвеннымъ Его Королевскаго Величества почтеннымъ и многолюбезнымъ родителемъ, и нынѣ царствующимъ Королемъ, Густавомъ Адольфомъ, и Короною Шведскою, и бывшими Русскими Великими Князьями, а особливо нынѣ царствующимъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ Θеодоровичемъ, и Русскимъ Царствомъ, также и между областями обоихъ Государей, землями, городами, народами, служителями и подданными, такъ что симъ прекращается всякая между ними непріязнь и недоразумѣніе, и никогда въ вѣкъ не должно приходить на память и возбуждать раздраженіе на обѣихъ сторонахъ, но по этому нынѣшнему мирному договору, между обѣими державами, ихъ областями, землями и городами, какъ изстари имъ принадлежащими, такъ и уступленными и возвращенными по этому миру, и между всѣми ихъ подданными, на будущее время возстановляется, возобновляется и утверждается,

для ненарушимаго соблюденія, вѣчный миръ, и заключается дружба, такъ чтобы оба Государя другъ другу всячески доброжелательствовали, радѣли о взаимной пользѣ и благѣ и оказывали одинъ другому должное во всякихъ дѣлахъ.

Въ 2-хъ. По доброму расположенію къ Великому Князю Русскому и для сохраненія Христіянскаго спокойствія и согласія, по этому мирному договору, Шведскій Король уступаетъ и возвращаетъ Русскіе города и крѣпости, взятые имъ въ минувшихъ годахъ, а именно: Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу и Гдовъ, съ зависящими отъ нихъ деревнями и Сумерскимъ погостомъ, также и всѣ коронныя, монастырскія и духовныя помѣстья, со всѣми жалованными и наслѣдственными помѣстьями, приходами, деревнями и всякими другими мѣстами, со всѣми ихъ доходами и правами, кромѣ тѣхъ только крѣпостей и городовъ, которые уступлены Великимъ Княземъ Шведскому Королю, по этому мирному договору, о чемъ будетъ сказано послѣ въ подробности.

Въ 3-хъ. Вмѣстѣ съ выше названными крѣпостями и городами, Шведскій Король возвращаетъ и уступаетъ также Великому Князю всякія церковныя украшенія, какъ въ церковь Св. Софіи, такъ и во всѣ другія церкви и монастыри въ Новгоротѣ и другихъ крѣпостяхъ и городахъ, со всѣмъ, что ни находится на этѣхъ украшеніяхъ, и не дозволяетъ ничего вывозить изъ нихъ, также и собственности и пожитковъ Митрополита, всего духовенства, и всего Русскаго народа, какихъ бы то ни было сословій, живущаго, или проживающаго въ вышеназванныхъ городахъ и областяхъ, съ женами и дѣтьми и всякими пожитками и собственностью; возвращаются также рукописи и книги, принадлежащія Канцеляріямъ и Городскимъ Управамъ, всѣ Русскія пушки, со всѣми ихъ принадлежностями, и колокола, находившіеся въ означенныхъ крѣпостяхъ и городахъ минувшаго 20 Ноября. По условію, положенному въ дополненіе того съ Королевскимъ Британскимъ посланникомъ, Господиномъ Іоанномъ Мерикомъ, исключаются изъ того колокола, проданные послѣ означеннаго числа самими Новгородцами, для удовлетворенія войска и увезенные изъ Новгорода. Тѣ же колокола, которые взяли и увезли, не заплативъ за нихъ, Королевскіе воины и слуги, по тщательномъ розысканіи, должны быть возвращены и доставлены въ Новгородъ, равно

какъ и купленные Королевскими воинами и находящіеся еще на мѣстѣ въ Новгородѣ, Новгородцы вольны выкупить за ту же цѣну, за какую и продали, и послѣ того Королевскіе воины не должны больше покупать колоколовъ въ Новгородѣ и увозить ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

Въ 4-хъ. При выходѣ изъ упомянутыхъ крѣпостей и городовъ Королевско-Шведское войско не должно причинять ни какихъ насилій людямъ Великаго Князя въ Новгородѣ, Старой Русѣ, Порховѣ, Ладогѣ и въ ихъ округахъ, также и въ Сумерской области, ни мечемъ, ни огнемъ, ни хищеніемъ, а тѣмъ менѣе уводить съ собою Русскихъ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей на Шведскую сторону и отнимать у нихъ имущество. Но если кто ни будь изъ Шведскаго войска оставитъ какое ни есть имущество въ упомянутыхъ крѣпостяхъ и городахъ, по невозможности увезти съ собою все, это должно оставаться подъ вѣрнымъ сохраненіемъ до тѣхъ поръ, пока оставившій или самъ придетъ, или пришлетъ другого, уполномоченнаго, за этѣмъ имуществомъ; такіе люди совершенно безопасно и безпрепятственно допускаются ѣздить по своему дѣлу туда и обратно.

Въ 5-хъ. Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны уступить и возвратить Русскимъ Великокняжескимъ, отряженнымъ для того, Воеводамъ и Начальникамъ, выше упомянутые крѣпости и города: великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, съ ихъ округами и Сумерскую область, въ присутствіи Королевско-Великобританскаго посла, Господина Іоанна Мерика, или одного изъ Камеръ-Юнкеровъ этого Короля, кого изъ нихъ пошлетъ, выше названный посолъ, въ продолженіи 14-ти дней послѣ утвержденія и скрѣпленія этого мирнаго договора между ними, полномочными посланниками обѣихъ сторонъ, за нашею подписью, печатью и клятвою на Св. Евангеліи съ нашей, и крестнымъ цѣлованіемъ съ другой, стороны.

Въ 6-хъ. Въ три недѣли по заключеніи мира Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны также сдать Воеводамъ и Начальникамъ Русскаго Великаго Князя крѣпость Ладогу, съ ея округомъ, въ присутствіи посланника Англійскаго Короля, со всѣми Русскими жителями, ихъ имуществомъ и всѣми

Русскими пушками. Шведское войско не должно уводить оттуда никого изъ Русскихъ, не дѣлать имъ насилія и не грабить ихъ, также и не вывозить оттуда упомянутыхъ пушекъ. Но Гдовъ, со всѣмъ его округомъ и жителями, долженъ еще на нѣкоторое время оставаться за Шведскимъ Королемъ, до утвержденія настоящаго мирнаго договора обоими Государями, собственноручною подписью Его Королевскаго Величества и Государственною печатью, также и печатью Великаго Князя, Королевскою клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ Великаго Князя, и до тѣхъ поръ, пока не назначены и не опредѣлены будутъ границы, и посланники, присланные для того обоими Государями, побывавъ у этѣхъ послѣднихъ, не возвратятся на границу опять со всѣмъ уже поконченнымъ дѣломъ. Тогда, въ теченіе 14-ти дней послѣ того, Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны будутъ возвратить и сдать Гдовъ, присланнымъ для принятія этого города и крѣпости изъ Пскова Русскимъ Воеводамъ и Начальникамъ, со всѣми Русскими пушками и Русскими жителями, съ ихъ имуществомъ. Но во все время, пока Гдовъ будетъ оставаться за Королемъ, всѣ Гдовцы и жители области этого города должны платить Королю слѣдующія подати и оказывать пособіе для содержанія войска, также и находиться все по прежнему въ крѣпости. Въ это время Королевскіе люди не должны причинять Гдовцамъ и деревенскимъ жителямъ ни какого насилія и отягощенія и не грабить ихъ, а тѣмъ менѣе уводить оттуда Русскихъ людей, или увозить къ себѣ ихъ пушки.

Въ 7-хъ. Любезный Государь, братъ Короля, Свѣтлѣйшій и Высокородный Князь, Карлъ Филиппъ, наслѣдственный Принцъ Шведскій, Готскій и Вендскій, Герцогъ Зюдерманландскій, Нерикскій и Вермеландскій, не долженъ послѣ того объявлять свои притязанія на крѣпости Великій Новгородъ, Порховъ, Старую Русу, Ладогу, Гдовъ и Сумерскій погостъ, со всѣми ихъ деревнями и принадлежностями, не долженъ и заводить съ ними какую ни будь войну, и постарается забыть крестное цѣлованіе ему такого множества людей. Король тоже обѣщается за себя, своихъ наслѣдниковъ и послѣдующихъ Шведскихъ Королей, не помогать противъ этѣхъ городовъ и крѣпостей вышепомянутому Герцогу, Карлу Филиппу, ни войскомъ, ни деньгами.

Въ 8-хъ. За это доброе расположеніе и дружбу Короля, Великій Князь за себя, своихъ наслѣдниковъ и всѣхъ послѣдующихъ Великихъ Князей Русскихъ, также и всего Русскаго Государства, а особливо Новгородской области, уступаетъ и отдаетъ Королю Шведскому слѣдующіе города, крѣпости и земли, а именно: Ивань-городъ, Ямы, Копорье и Нотебургъ, со всѣми, зависящими отъ нихъ, городами, мѣстечками, землями, областями, приходами и принадлежащими къ нимъ деревнями, съ ихъ обыкновенными настоящими пограничными межами, съ людьми, тамъ живущими и проживающими, со всѣми другими принадлежностями, берегами, рѣками и озерами, не исключая ничего, все это уступаетъ и передаетъ онъ Свѣтлѣйшему, Могущественному, Высокородному Государю Шведскому, Густаву Адольфу, и Шведской Коронѣ, въ вѣчную собственность и въ вѣчное употребленіе и пользованіе, безпрепятственно отъ какихъ бы то ни было наслѣдниковъ и потомковъ теперешняго Великаго Князя и другихъ Великихъ Князей Русскихъ, съ согласія и отреченія Новгородской области, на вѣчныя времена, и въ такое же полное пользованіе и владѣніе, какъ владѣли и пользовались этѣми городами бывшіе Великіе Князья Русскіе, особливо прежній Великій Князь Иванъ Васильевичъ и сынъ его, Великій Князь Θедоръ Ивановичъ. Впрочемъ, монахи, со всѣми принадлежащими къ нимъ лицами и всею ихъ собственностью, также Дворяне и граждане вышеупомянутыхъ городовъ и мѣстечекъ, желающіе добровольно перейти къ Великому Князю, въ теченіе 14-ти дней по обнародованіи этого договора, могутъ свободно отправляться изъ этѣхъ городовъ въ какое хотятъ мѣсто въ землѣ Великаго Князя, съ ихъ женами и дѣтьми, со всею челядью и всѣмъ имуществомъ.

Для извѣстности Русскимъ жителямъ въ уступленныхъ городахъ и крѣпостяхъ обо всемъ, что условлено здѣсь, тотчасъ же послѣ окончательнаго утвержденія этого мира между нами, полномочными послами обѣихъ сторонъ, во всѣ упомянутые города и мѣстечки мы пошлемъ Королевскихъ пословъ, которые, въ присутствіи Камеръ-Юнкера, отправленнаго Великобританскимъ посломъ, должны будутъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ монахи и принадлежащія къ нимъ лица, также Дворяне и граждане, желающіе переѣхать изъ этѣхъ городовъ въ продолженіе 14 дней на сторону Великаго Князя, вольны сдѣлать это съ своими

женами, дѣтьми, прислугою и имуществомъ; никто изъ нихъ не долженъ оставаться тамъ противъ воли, по принужденію, или задержкѣ; для того надобно назначить имъ провожатыхъ, которые проводятъ ихъ свободно и безопасно до ближней границы Великаго Князя со всѣмъ имуществомъ, чтобы кто ни будь не прибилъ ихъ и не ограбилъ. Однако жь положительно постановлено и рѣшено между нами, Королевскими и Великокняжескими послами, что всѣ Русскіе приходскіе Священники и всѣ крестьяне въ вышеназванныхъ областяхъ и городахъ, уступленныхъ Королю Великимъ Княземъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ уходить оттуда, но должны оставаться тамъ на жительствѣ подъ властію Шведской Короны, со всѣми женами, дѣтьми и челядью, такъ же, какъ и тѣ Дворяне и граждане, которые не выѣдутъ оттуда въ теченіи двухъ недѣль.

Въ 9-хъ. Вышепомянутый Король Густавъ Адольфъ получаетъ также отъ Великаго Князя Михаила Ѳедоровича 20,000 руб. хорошою, употребляемою въ обращеніи и не фальшивою, серебряною монетою, которые долженъ выдать намъ, Королевско-Шведскимъ посламъ, Великобританскій посолъ, Іоаннъ Мерикъ, тотчасъ же по заключеніи и утвержденіи этого мирнаго договора между нами.

Въ 10-хъ. Пушки, военные снаряды, колокола и прочія вещи, доставшіяся Шведскому Королю во взятыхъ имъ Русскихъ крѣпостяхъ и вывезенные оттуда еще до мирнаго договора, заключеннаго между нами, Королевскими Шведскими послами и Королевско-Британскимъ посломъ, минувшаго 20 Ноября, остаются за Шведскимъ Королемъ и Шведскою Короною, безъ всякихъ спросовъ и требованій; тѣ же Русскія пушки, которыя находятся въ крѣпостяхъ, возвращенныхъ Русскому Великому Князю, или останутся тамъ, или должны быть возвращены ему.

Въ 11-хъ. Великій Князь, Василій Ивановичъ, предоставилъ и утвердилъ своею грамотою за Королемъ, блаженной памяти, Карломъ IX, и Шведскою Короною, крѣпость Кексгольмъ, съ ея областью, въ вѣчное пользованіе и владѣніе, за вѣрную и добродушно оказанную помощь ему противъ Поляковъ. Равнымъ образомъ и теперешній Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, подтверждаетъ и обезпечиваетъ, по настоящему мирному договору,

этотъ даръ Великаго Князя, Василія Ивановича, за себя, своихъ наслѣдниковъ и послѣдующихъ Великихъ Князей Русскихъ, такъ, чтобы вышеназванная крѣпость Кексгольмъ, со всею ея областью, жителями, правами верховной власти, доходами и льготами, въ ней существующими, на сушѣ и на водѣ, съ обыкновенными ея границами и межевыми знаками, не исключая ничего, какъ владѣли и пользовались ею прежніе Русскіе Великіе Князья, принадлежала на вѣчныя времена Шведскому Королю, Густаву Адольфу, его наслѣдникамъ и послѣдующимъ Шведскимъ Королямъ и Шведской Коронѣ, безо всякаго противорѣчія и спора.

Въ 12-хъ. Во избѣжаніе на будущее время всякихъ затрудненій и недоразумѣній, обѣ стороны согласились и договорились, чтобы на слѣдующее 1-е Іюня, 1617 года, прислать Королевско-Шведскихъ и Русскихъ Великокняжескихъ полномочныхъ Комиссаровъ, по трое съ каждой стороны, хорошихъ и честныхъ людей изъ Дворянскаго сословія, и Секретарей на взаимное ихъ свиданіе между Нотебургомъ и Ладогою при рѣкѣ Лабуѣ (Lawa), гдѣ эта рѣка изливается въ Ладожское озеро: они должны будутъ сойтись на срединѣ моста, построеннаго обѣими сторонами черезъ Лабую, показавъ другъ другу свои полномочія и, нашедши ихъ правильными и удовлетворительными, они станутъ полагать границы между Королевскими и Великокняжескими землями, такъ чтобы Нотебургскую, Копорскую, Ямовскую и Иваньгородскую области разграничить надлежащими межевыми знаками отъ Ладожской, Новгородской, Сумерской и Гдовской областей. Въ то же самое время, слѣдующаго 1-го Іюня, другіе полномочные Коммиссары обоихъ Государей, тоже по трое съ каждой стороны, сойдутся на границѣ между Кексгольмскою областью, приходомъ Сольмисъ и Новгородскою областью, въ приходѣ Агнисма, у Ладожскаго озера, и такимъ же образомъ, какъ сказано о первыхъ Коммиссарахъ, осмотрятъ обыкновенныя границы области, какъ онѣ были изстари, и подтвердятъ ихъ, а не нашедши старыхъ, должны будутъ, по надлежащемъ соглашеніи, поставить новые межевые знаки, для предупрежденія такимъ образомъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ и раздоровъ изъ за границъ. Пограничные Коммиссары должны разъѣзжаться оттуда не прежде, пока не уговорятся во всемъ относительно границъ по дружески.

Все, что ни сдѣлаютъ и ни положатъ упомянутые Коммиссары, должно быть, какъ слѣдуетъ, включено въ письменные договоры, написанные на пергаментѣ и запечатанные, за подписью и печатью Коммиссаровъ обѣихъ сторонъ; они должны будутъ утвердить своею клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ этѣ договоры и обмѣняться ими между собою. Границы, положенныя межевальными Коммиссарами, какъ между Потебургомъ, Копорьемъ, Ямами и Иваньгородомъ съ одной стороны, такъ и Ладогою, Новгородомъ, Семеновымъ и Гдовомъ съ другой, также и между Кексгольмскою и Новгородскою областями, по заключенному нынѣ договору, должны на вѣчное время твердо и ненарушимо соблюдать оба Государя, ихъ наслѣдники и потомки. Для большей крѣпости оба Государя должны будутъ выразиться о томъ въ ясныхъ словахъ въ подтвердительныхъ грамотахъ, которыя пришлются отъ нихъ для этого договора, и Король дастъ въ томъ клятву, а Великій Князь крестное цѣлованіе.

Въ 13-хъ. Великій Князь, Θедоръ Ивановичъ, дядя нынѣ царствующаго Великаго Князя, Михаила Θедоровича, по мирному договору, заключенному при Тявзинѣ въ 1595 году, отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на Ливонію. Точно такъ же и Великій Князь, Василій Ивановичъ, отказался отъ нихъ по мирному договору, заключенному въ Выборгѣ въ 1609 году, по которому положено было, чтобы нынѣшній Великій Князь, Михаилъ Θедоровичъ, его наслѣдники и послѣдующіе Великіе Князья, никогда въ вѣкъ не присвоивали бы себѣ какихъ либо правъ на Ливонію, тѣмъ менѣе Великій Князь не долженъ отнимать у нынѣ царствующаго Короля Шведскаго, Густава Адольфа, или у послѣдующихъ Шведскихъ Королей и Шведской Короны, и присвоивать себѣ на письмѣ, или на словахъ, титулъ Государя Ливоніи и крѣпостей, которыя на вѣчно уступаются и отдаются теперь Великимъ Княземъ Шведскому Королю, не долженъ также позволять, или приказывать, своимъ Воеводамъ, начальникамъ и служителямъ упоминать и употреблять упомянутый титулъ Государя Ливоніи и уступленныхъ крѣпостей ни въ грамотахъ, ни на словахъ, а напротивъ того нынѣшній Великій Князь, его наслѣдники и послѣдующіе Русскіе Князья, въ своихъ грамотахъ къ Шведскому Королю, его преемникамъ и послѣдующимъ Королямъ,

всегда должны давать принадлежащій имъ титулъ «Ливонскихъ и Карельскихъ.»

А по тому мы, полномочные послы обѣихъ сторонъ, положили, что такъ какъ на этомъ съѣздѣ не рѣшено между нами относительно полнаго титула обоихъ Государей, а именно въ титулѣ Короля не рѣшено о словахъ и «Ингерманландіи,» а въ титулѣ Великаго Князя «и многихъ другихъ областей Государь и Повелитель,» то мы, посланники обѣихъ сторонъ, все это отложили до личнаго объясненія обоихъ Государей, и въ случаѣ согласія одного изъ нихъ писать полный титулъ, а именно, если Шведскому Королю угодно будетъ писать Великому Князю полный титулъ: «Государь и Повелитель,» и Великій Князь захочетъ писать Королю полный титулъ: «и Ингерманландіи и Кареліи,» то каждый изъ нихъ долженъ прислать съ своими послами два подтвержденія этого договора, одно съ полнымъ, а другое съ сокращеннымъ титуломъ. Когда же въ обоихъ подтвержденіяхъ, а именно, къ Королю будетъ написанъ полный титулъ: «и Ингерманландіи,» и къ Великому Князю тоже полный титулъ: «и Повелитель,» то посланники обѣихъ сторонъ должны будутъ показать другъ другу этѣ подтвержденія и послѣ того отправиться къ обоимъ Государямъ; когда же кто ни будь изъ нихъ не согласится, и подтвердительныя грамоты, утверждающія этотъ договоръ, пришлются съ сокращеннымъ титуломъ, то оба посла должны будутъ также показать ихъ другъ другу и отправиться, каждый съ грамотою своего Повелителя, къ обоимъ Государямъ.

Въ 14-хъ. Дозволяется и выговаривается свободная и безпрепятственная торговля между Шведскимъ и Русскимъ Государствами и ихъ подданными, такъ что всѣ купцы, подданные Шведскаго Короля, какъ живущіе въ Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, такъ и въ Иваньгородѣ, Ямахъ, Копорьѣ, Нотебургѣ и Кексгольмѣ, къ какому бы народу они ни принадлежали, къ Русскому, или къ другому какому, заплативъ свои пошлины въ надлежащей таможнѣ, могутъ свободно и безпрепятственно торговать въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ и другихъ Русскихъ городахъ, съ подданными и купцами Великаго Князя, а также свободно и безпрепятственно ѣздить въ Русское Государство по своимъ торго-

вымъ и промышленнымъ дѣламъ, черезъ всѣ земли и области Великаго Князя.

Равнымъ образомъ дозволяется также всѣмъ подданнымъ Великаго Князя купцамъ изъ Русскаго Государства, изъ Новгородской и Псковской областей и всякихъ другихъ городовъ, съ платою пошлинъ въ надлежащей таможнѣ, свободная и безпрепятственная торговля въ Стокгольмѣ, Выборгѣ, Ревелѣ, Нарвѣ и другихъ городахъ Швеціи, Финляндіи и Ливоніи, съ подданными и купцами Шведскаго Короля, также дозволяется имъ свободно и безпрепятственно ѣздить чрезъ Государство, земли и области Короля по своимъ торговымъ и другимъ дѣламъ.

Въ 15-хъ. Такъ какъ Шведы и другіе, подданные Короля Шведскаго, купцы имѣли прежде торговый домъ въ Новгородѣ, то и теперь отводится для нихъ хорошій и просторный домъ въ этомъ городѣ, по условіямъ Тявзинскаго и Выборгскаго договоровъ. Такіе же дома позволяется имъ имѣть и въ Москвѣ и Псковѣ, въ этомъ же ихъ собственномъ домѣ они могутъ отправлять богослуженіе по своей вѣрѣ, но кромѣ того не строить ни какихъ своихъ церквей. Равнымъ образомъ, такъ какъ и Русскіе подданные и купцы прежде свободно имѣли торговый домъ въ Ревелѣ, то, согласно содержанію Тявзинскаго и Выборгскаго договоровъ, и нынѣ имъ тоже отводится хорошій и просторный домъ въ Ревелѣ, Стокгольмѣ и Выборгѣ; въ этѣхъ домахъ они могутъ свободно отправлять и богослуженіе по своей вѣрѣ, въ Стокгольмѣ и Выборгѣ, также въ Ревелѣ въ своей церкви, которую имѣли тамъ изстари, не должны только строить тамъ другихъ церквей своего исповѣданія.

Въ 16-хъ. Если какіе ни будь подданные Шведскаго Короля имѣютъ неуплаченные долговые счеты въ Русскомъ Государствѣ, еще со времени Великихъ Князей Ѳедора Ивановича и Бориса Ѳедоровича, съ казною этѣхъ Государей, или какія ни будь законныя взысканія на частныхъ лицахъ въ Россіи, такимъ надо сдѣлать удовлетвореніе и уплатить. Равнымъ образомъ слѣдуетъ удовлетворять купцовъ и подданныхъ Великаго Князя, у которыхъ есть неуплаченные еще долги на Шведской Коронѣ, со времени Короля Іоанна III и блаженной и достославной памяти, Карла IX, или законныя взысканія на частныхъ лицахъ.

Въ 17-хъ. Подданнымъ Шведскаго Короля, будутъ ли это послы, или гонцы и вѣстники, вездѣ дозволяется свободный, безопасный и безпрепятственный проѣздъ чрезъ земли и владѣнія Великаго Князя, въ Персію, Турцію, Крымъ и другія мѣста на Востокѣ, не находящіяся во враждѣ съ Великимъ Княземъ, съ тѣмъ только, чтобы ѣдущіе не брали съ собою купцовъ съ товарами. Равнымъ образомъ посламъ и гонцамъ Великаго Князя тоже разрѣшается безопасно и безпрепятственно проѣзжать землями и владѣніями Шведскаго Короля въ Римскую Имперію, Великобританію, Францію, Испанію, Голландію, Нидерланды, Данію или другія земли, не состоящія въ открытой ссорѣ съ Королемъ, но только не брать съ собою ни какихъ купцовъ съ товарами.

Въ 18-хъ. Всѣ плѣнники, изъ какого бы ни были они народа, или сословія, тотчасъ же по заключеніи мира должны быть освобождены и отпущены на границѣ, безъ всякаго выкупа; тѣхъ же изъ нихъ, которые такъ далеко уведены въ Швеціи, или въ Россіи, что не могутъ такъ скоро дойти до границы, обѣ стороны должны будутъ 1-го Іюня, 1617 года, безъ всякой остановки и обмана, отвести къ границѣ между Потебургомъ и Ладогой у рѣки Лабуи, и тѣмъ возвратить имъ свободу безъ всякаго выкупа. Что же до плѣнниковъ, которые пожелаютъ добровольно остаться и служить на той или другой сторонѣ, могутъ такіе сдѣлать то свободно.

Въ 19-хъ. Люди Великаго Князя не должны сманивать къ нему Русскихъ, или другихъ иноземцевъ, которые живутъ въ городахъ, крѣпостяхъ и деревняхъ, также и въ принадлежащихъ къ тому волостяхъ, уступленныхъ Великимъ Княземъ въ наслѣдственное владѣніе Шведскому Королю, также и во всѣхъ прочихъ городахъ, принадлежавшихъ прежде Россіи. Равнымъ образомъ и подданные Шведскаго Короля не должны переманивать къ себѣ льстивыми словами Русскихъ изъ городовъ, деревень и областей Великаго Князя.

Въ 20-хъ. Всякіе перебѣжчики съ одной стороны на другую, перебѣжавшіе по измѣнѣ, изъ за убійства, воровства, или по какой бы то ни было причинѣ, Русскіе ли они, или иностранцы, должны быть безотговорочно выданы по требованію стороны,

съ которой бѣжали, со всѣмъ покраденнымъ, награбленнымъ, или взятымъ съ ними.

Въ 21-хъ. Шведскіе Намѣстники и Начальники, также и Русскіе Воеводы и Власти въ пограничныхъ крѣпостяхъ, каждый въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земляхъ своего Государя, обязываются съ особеннымъ рвеніемъ и усердіемъ преслѣдовать и истреблять всякихъ разбойниковъ и злодѣевъ, гдѣ бы ихъ ни нашли и ни взяли. Если бы случилось, что какіе ни будь подданные Великаго Князя возмутились, собрались въ шайку и причинили вредъ Королевскимъ землямъ, тогда Великій Князь воленъ преслѣдовать ихъ и безпощадно наказать, а кромѣ того по надлежащей оцѣнкѣ вознаградить подданныхъ Короля за всѣ, причиненные имъ убытки. Если же Королевскіе подданные причинятъ какой ни будь вредъ владѣніямъ и подданнымъ Великаго Князя въ землѣ его, они точно такъ же, безъ всякой пощады, подвергаются заслуженному наказанію, а нанесенный ими убытокъ вознаграждается по надлежащей оцѣнкѣ.

Въ 22-хъ. По случаю какихъ ни будь вышедшихъ затрудненій и несогласій между обѣими сторонами, этотъ миръ нарушаться не долженъ; но если которая ни будь сторона найдетъ для себя тягостною причиненную ей несправедливость, тогда Намѣстникъ, или Воевода этой стороны, долженъ увѣдомить о томъ Намѣстника, или Воеводу, ближайшей, или пограничной, крѣпости, гдѣ случилось дѣло. Послѣ того они должны будутъ съѣхаться на границѣ вмѣстѣ, выслушать спорное дѣло и покончить его полюбовно. Если же дѣло такъ важно, что они не могутъ рѣшить его, то должны отложить его до съѣзда Посланниковъ обоихъ Государей.

Въ 23-хъ. Впрочемъ, Тявзинскій мирный договоръ, заключенный въ 1595 году, остается въ полной силѣ, возобновляется и скрѣпляется этѣмъ договоромъ во всѣхъ статьяхъ, кромѣ той, которая здѣсь положительно измѣнена и постановлена въ другомъ видѣ.

Въ 24-хъ. Симъ остается также въ дѣйствительной силѣ, заключенный на вѣчныя времена, договоръ въ Выборгѣ 1609 года, между Королемъ Карломъ IX и Великимъ Княземъ Василіемъ

Ивановичемъ, имѣющій прямое отношеніе къ вѣчному миру и уступкѣ Ливоніи и Кексгольма.

Въ 25-хъ. Этотъ договоръ о вѣчномъ мирѣ простирается и на всѣ земли, области, города и подданныхъ обоихъ Государей, такъ что никто изъ послѣднихъ ни явно, ни тайно, не долженъ затѣвать что ни будь вредное, или позволять какіе злые умыслы противъ областей, земель, крѣпостей, или подданныхъ Короля и Шведскаго Государства, или Великаго Князя и Россіи. По тому ни Король, ни его преемники и послѣдующіе Короли не должны ни сами, ни черезъ другихъ, причинять какое либо зло Русскому Государству, городамъ и крѣпостямъ Старой Русѣ, Пскову, городу и крѣпости Порхову, Гдову, Ладогѣ, Тихвину, Соловецкому (Solousski) монастырю, Сомѣ и Колѣ, мѣстечкамъ и зависимымъ отъ нихъ волостямъ, Колмогорской крѣпости и всей Двинской странѣ, также и Лапонскимъ приходамъ (Уѣздамъ), принадлежащимъ Россіи, Каргополю и всей Каргопольской странѣ, Вологдѣ и другимъ крѣпостямъ, землямъ, волостямъ и подданнымъ, не воевать съ ними и не замышлять противъ нихъ ни какого зла.

Тѣмъ менѣе и Великій Князь и его наслѣдники и потомки, ни сами, ни черезъ другихъ, не должны причинять и допускать ни какого зла Королю и его Государствамъ, землямъ и владѣніямъ, особливо не долженъ Великій Князь затѣвать ни какого злаго умысла, или дозволять это противъ Выборга, Ревеля, Нарвы, Вейсенфельса, Иваньгорода, Ямъ, Копорья, Потебурга, Кексгольма, Нейшлота, Тавастгуса, Каянбурга, Влабурга и Лапонскихъ приходовъ * (Уѣздовъ), принадлежащихъ къ Шведскому Государству и противъ другихъ Его Величества земель, городовъ и крѣпостей, съ принадлежащими къ нимъ волостями и подданными, не воевать съ ними и не причинять имъ ни какого зла, но обѣ стороны должны дѣлать другъ другу всякое добро и вѣрно соблюдать все, служащее ко взаимной дружбѣ между ними.

Въ 26-хъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановляется, чтобы полномочные послы обоихъ Государей съѣхались вмѣстѣ, 1-го будущаго Іюня, между Потебургомъ и Ладогой, на самомъ рубежномъ раздѣленіи, и тамъ каждый бы изъ нихъ показалъ и далъ прочесть

---

* Caspel у Петрея: не уже ли это испорченное Kirchspiel?

другому утвержденіе этого мирнаго договора, то есть, посланники Шведскаго Короля должны показать и дать прочесть посламъ Великаго Князя утвержденіе Шведскаго Короля, за Королевскою подписью и печатью, на всѣ этѣ статьи и совершенно слово въ слово, какъ написаны онѣ здѣсь, безо всякаго обмана.

Послѣ того послы обоихъ Государей, прочитавъ подтвердительныя грамоты, должны одинъ послѣ другаго, снять съ нихъ вѣрные противни, а подлинныя возвратить. Когда прочтутъ такимъ образомъ подтвердительныя грамоты и найдутъ ихъ правильными и наллежащаго содержанія, тогда Королевскіе послы съ подтвердительной грамотой Короля отправятся поспѣшно въ Москву.

Въ ихъ присутствіи Великій Князь, по своему Великокняжескому обычаю, утверждаетъ на вѣчныя времена миръ своею печатью и крестнымъ цѣлованіемъ, какъ по содержанію договора, заключеннаго теперь между нами, полномочными послами, такъ же и по содержанію утвердительной грамоты, которую Великій Князь отправитъ къ Шведскому Королю въ 1 число будущаго Іюня, 1617 года.

Крестное цѣлованіе Великаго Князя должно быть написано на бумагѣ. Сдѣлавъ свое крестное цѣлованіе и на этой грамотѣ, Великій Князь привѣситъ подъ нею Государственную печать, и по томъ отдастъ ее Королевскимъ посламъ. Послѣ того Великокняжескіе послы должны будутъ отправиться съ подтвердительною грамотой своего Государя къ Шведскому Королю.

Тогда Король, въ присутствіи Великокняжескихъ пословъ, по своему Королевскому обычаю, подтвердитъ вѣчный миръ клятвою на Евангеліи, по содержанію договора, заключеннаго между обоими послами, также и по содержанію утвердительной грамоты, которую Король пришлетъ къ Великому Князю будущаго 1-го Іюня, 1617 года. Эта Королевская клятва также должна быть написана на бумагѣ, и Король, скрѣпивъ клятвою подтвердительную грамоту, подпишетъ ее своею рукою, запечатаетъ Государственною печатью и вручитъ посламъ Великаго Князя.

Въ 27-хъ. Великокняжескіе Воеводы и Начальники должны принимать на границѣ съ честію и ласкою и приличнымъ при-

крытіемъ Королевскихъ пословъ, которые будутъ отправляемы за подтвержденіемъ договора и по другимъ дѣламъ, и провожать ихъ съ одинаковой охраной какъ въ Москву, такъ и обратно къ границѣ, чтобы во все продолженіе дороги, или пока они не будутъ на мѣстѣ, не было имъ нанесено какого безчестья, или позора, отъ подданныхъ Великаго Князя.

Равнымъ образомъ и Королевскіе Намѣстники и Начальники должны принимать съ почетомъ и ласкою Великокняжескихъ пословъ, которые будутъ посылаемы, какъ для подтвержденія этого мирнаго договора, такъ и по другимъ дѣламъ, и на пути ихъ въ Стокгольмъ и оттуда къ границѣ провожать ихъ и оказывать имъ всякое доброе содѣйствіе, а Королевскіе подданные ни коимъ образомъ не должны наносить посламъ безчестія, или позора.

Въ 28-хъ. Толмачи, служившіе прежде Русскому Правительству, должны такъ и остаться въ Королевской службѣ. Если Король пошлетъ ихъ къ Великому Князю, или къ другому иноземному Государю, чрезъ земли и области Великаго Князя, вмѣстѣ съ послами, или безъ нихъ, они должны проѣзжать Швецію свободно, безопасно и безпрепятственно. Равнымъ образомъ, если и тѣ толмачи, которые находятся теперь на службѣ Великаго Князя, а прежде служили въ Швеціи, будутъ посылаться Великимъ Княземъ или къ Шведскому Королю, или чрезъ Швецію къ другимъ иностраннымъ Государямъ и Властямъ, при посланникахъ, или безъ нихъ, также пропускаются въ Россію свободно и безъ всякой для себя опасности.

Въ 29-хъ. Постановляется также, что, если по изволенію и опредѣленію Божію, въ Швеціи, или Россіи, послѣдуетъ перемѣна Правителей, вновь принявшій правленіе Государь сначала долженъ посѣтить другаго Государя черезъ своихъ пословъ и просить его о дружескомъ расположеніи къ себѣ. А потомъ и другой долженъ посѣтить его также черезъ посланниковъ и обѣщать ему эту дружбу.

Въ 30-хъ. Можетъ случиться, что оба Государя пошлютъ одинъ къ другому пословъ по какимъ ни будь дѣламъ, тогда этѣ обоюдные послы должны съѣзжаться на границѣ, или между Иваньгородомъ и Гдовомъ, или между Нотебургомъ и Ладогой,

какѣ обѣ стороны сочтутъ лучше и удобнѣе, на самой срединѣ рубежнаго раздѣленія, и безо всякихъ споровъ, или разнорѣчій, и полюбовно обсудить и покончить дѣла, которыя поручатъ имъ ихъ Государи.

Въ 31-хъ. Если выйдетъ такой случай, что корабли, боты, лодки и другія суда, принадлежащія Королевскимъ подданнымъ и купцамъ, съ товарами, или съ чѣмъ другимъ, потерпятъ крушеніе у той земли, которою Великій Князь владѣетъ на Ладожскомъ озерѣ, или Пейпусѣ, такимъ людямъ предоставляется свобода безпрепятственно уѣхать оттуда, со всѣми пожитками, которые спасутъ они или сами, или черезъ другихъ, а подданные Великаго Князя должны пособлять имъ подбирать и спасать ихъ прибитые къ берегу пожитки.

Равнымъ образомъ, если бы случилось, что лодки, боты и корабли подданныхъ Великаго Князя на плаваніи черезъ Швецію въ Ревель, Нотебургъ и другіе города Швеціи, Финляндіи и Ливоніи, или корабли и барки съ Великокняжескими послами, гонцами или вѣстниками къ Императору, Римскому Папѣ, въ Великобританію, или другія Государства, или на обратномъ пути въ Россію, потерпятъ крушеніе отъ бури, или по какому другому случаю, у Шведскаго берега, на Соленомъ, или на Ладожскомъ озерѣ, всѣмъ людямъ на этѣхъ судахъ предоставляется свободный и безпрепятственный отъѣздъ оттуда со всѣмъ имѣніемъ, которое успѣютъ они спасти сами, или съ посороннею помощію, а Королевскіе подданные должны пособлять имъ подбирать и спасать ихъ имущество.

Въ 32-хъ. Также постановляется, что Король Шведскій не долженъ помогать войскомъ Польскому и Литовскому Королю, сыну его Владиславу, Польской Коронѣ и Литовскому Княжеству, также и всей Польской и Литовской Державѣ, а тѣмъ менѣе не долженъ стоять за одно съ Польскимъ Королемъ, ни самъ собою, ни чрезъ подущеніе другихъ иноземныхъ Государей и Правителей и тайные происки съ ними, не занимать земель и крѣпостей, принадлежащихъ Великому Князю и Россіи, и такимъ образомъ приводить ихъ подъ власть свою.

Также и Великій Князь не долженъ помогать противъ Короля и Государства Шведскаго ни деньгами, ни войскомъ, Ко-

ролю Польскому и Литовскому, сыну его Владиславу, Польской Коронѣ, Литовскому Княжеству и всѣмъ Польскимъ и Литовскимъ областямъ, не стоять съ ними за одно, а тѣмъ менѣе ни самъ собою, ни подущеніемъ другихъ иноземныхъ Государей и Правителей на Короля и Корону Шведскую и тайными происками съ ними не брать земель и крѣпостей, издревле принадлежащихъ Королю и Коронѣ Шведской, или чего бы то ни было изъ уступленнаго Королю Великимъ Княземъ въ силу этого договора, не присвоивать себѣ того и не владѣть тѣмъ.

Въ 33-хъ. Между нами также положено и условлено, чтобы послы, присланные Королемъ для утвержденія этого мирнаго договора, имѣли полномочіе на заключеніе союза между обоими высокими особами противъ Польскаго Короля Сигизмунда, Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго, на такихъ условіяхъ, какія оба Государя найдутъ полезными, и представили бы этотъ договоръ имъ на утвержденіе.

Для болѣе твердаго и вѣрнаго обезпеченія, что все положенное, постановленное и рѣшенное нами, Королевскими и Великокняжескими полномочными Коммиссарами между собою и при посредничествѣ Великобританскаго посла, будетъ вѣрно исполнено и соблюдено во всѣхъ статьяхъ и условіяхъ, безъ обмана и коварства, нашимъ всемилостивѣйшимъ Королемъ Шведскимъ, Его Королевскими наслѣдниками и послѣдующими Шведскими Королями, мы, Королевскіе Уполномоченные, подтвердили этотъ мирный договоръ нашею клятвою на Святомъ Евангеліи и, по данному на то полномочію, приложили къ нему наши обыкновенныя печати, дружески просили и пригласили также Королевскаго Великобританскаго посла, выше названнаго Господина Мерика, чтобы и онъ тоже, для памяти о Великобританскомъ Королѣ, какъ посредникѣ, скрѣпилъ своею подписью и печатью все, постановленное здѣсь, а по томъ мы, Королевско-Шведскіе послы, вручили этотъ, заключенный нами, договоръ полномочнымъ Великокняжескимъ посламъ, а вмѣсто его взяли у нихъ договорную ихъ грамоту.

Писана въ Столбовѣ
27 Февраля, 1611 года.

Такъ, благодаря изложеннымъ выше условіямъ, эта трудная, кровожадная и долговременная, война, стоившая жизни и принесшая горе многимъ тысячамъ невинныхъ людей, кончилась этѣмъ спасительнымъ замиреніемъ, за что благодареніе праведному и милосердому Богу, по тому что война какая-то бездонная пропасть и золотой неводъ, которымъ не много поймаешь и достанешь прибыли.

Послѣ того, какъ этотъ славный мирный договоръ былъ благополучно оконченъ полномочными Послами обоихъ Государей, и они разстались другъ съ другомъ въ искренней дружбѣ, уѣхали и повезли отвѣтъ своимъ Государямъ, этѣ послѣдніе отправили своихъ Уполномоченныхъ, согласно договору: Король послалъ своихъ въ Москву, а Великій Князь своихъ же въ Стокгольмъ; Королевскими были: Густавъ Штейнбокъ, Баронъ въ Кронебекѣ и Орестенѣ, наслѣдственный владѣлецъ въ Торнѣ и Государственный Совѣтникъ Швеціи, Яковъ Якобсенъ Баатъ, наслѣдственный владѣлецъ въ Стёфле, Членъ Королевскаго Придворнаго Суда, и Секретарь Магнусъ Мартенсенъ Пальмъ изъ Босто Когда они пріѣхали въ Москву и должны были явиться на пріемъ къ Великому Князю, для исполненія своего порученія, онъ прислалъ для нихъ, съ знатнѣйшими ихъ товарищами, 30 лошадей, на которыхъ Посланники и поѣхали въ крѣпость, другъ возлѣ друга, сопровождаемые двумя Русскими Дворянами, однимъ съ правой, а другимъ съ лѣвой, стороны. Передъ Посланниками ѣхала ихъ прислуга, а впереди 50 Русскихъ Дворянъ. Отъ Двора и помѣщенія Пословъ были поставлены по обѣ стороны стрѣльцы и воины, очень плотно другъ къ другу, съ ружьями, въ числѣ 1,500 человѣкъ до самаго Великокняжескаго Дворца. Когда Послы подъѣхали къ Великокняжескому жилищу, прислуга и Камеръ-Юнкеры сошли первые съ лошадей, а Послы ѣхали до дворцовой лѣстницы, и потомъ уже Русскіе повели ихъ по ней.

Когда вошли они въ переднюю комнату Великаго Князя, явились двое Русскихъ Бояръ, и приняли ихъ вмѣсто своего Государя: одинъ, говорившій съ ними, стоялъ съ обнаженною головою, другой имѣлъ на головѣ шапку, которую снималъ при названіи Короля и Великаго Князя. Вся передняя зала была занята людьми, которые всѣ были одѣты въ золотую парчу, а на

головахъ имѣли большія высокія шапки изъ чернаго лисьяго мѣха; всѣ они сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ, вставая только тогда, когда произносились имена Государей. По входѣ Посланниковъ въ ту комнату, гдѣ находился Великій Князь, вышелъ Русскій Канцлеръ и громкимъ голосомъ доложилъ ему, что прибыли полномочные Послы Шведскаго Короля. Великій Князь приказалъ подойти имъ. Они тотчасъ же были поставлены предъ Великаго Князя, и выше названный Канцлеръ продолжалъ далѣе, что если Королевскіе Послы имѣютъ что представить Великому Князю, то должны сдѣлать это теперь. Послы обнажили головы, Господинъ Густавъ Штейнбокъ началъ говорить, привѣтствовалъ Великаго Князя отъ лица Его Королевскаго Величества и подалъ ему Королевскую вѣрительную грамоту. Великій Князь не много наклонилъ голову, благодарилъ съ короною на головѣ, по тому что ему было неловко снимать корону и обнажать голову, спросилъ о здоровьѣ и состояніи Короля, Господинъ Густавъ далъ приличный отвѣтъ на это. Послѣ того Яковъ Якобсенъ продолжалъ рѣчь, начатую Густавомъ, и передалъ все, происходившее 27 Февраля въ Столбовѣ между Послами обоихъ Государей, и какимъ образомъ послѣдовало заключеніе мира.

Наконецъ, Секретарь Мансъ Мартенсенъ Пальмъ заключилъ эту рѣчь и упомянулъ о томъ, что рѣшено было въ Столбовѣ, и что для докончанія мира они отправлены съ Королевскимъ подтвержденіемъ къ Великому Князю видѣть его крестное цѣлованіе и получить его грамоту въ томъ.

По окончаніи рѣчи, Великій Князь велѣлъ спросить Пословъ, черезъ Канцлера, о здоровьѣ, какъ они ѣхали въ дорогѣ, весело ли и по здорову ли? Они отвѣчали на то съ приличною благодарностью, и Великій Князь подалъ имъ руку. Послѣ того Господинъ Густавъ Штейнбокъ подалъ ему Королевское подтвержденіе, которое тотъ взялъ не самъ, а Канцлеръ. Межъ тѣмъ покрыли Персидскимъ ковромъ лавку позади Пословъ, на которой они и сѣли и въ то же время накрылись.

Послѣ того Великій Князь, чрезъ Канцлера, Пристава Посланниковъ, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и звалъ къ своей рукѣ. Послѣ благодарности, они подошли къ нему и, прикоснувшись къ его рукѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и поцѣловали ее.

При этомъ онъ велѣлъ еще сказать черезъ Канцлера, что Великій Князь жалуетъ ихъ своимъ Великокняжескимъ обѣдомъ и пришлетъ его къ нимъ. Они благодарили его съ должнымъ почтеніемъ, и какъ представленіе тѣмъ и кончилось, удалились отъ него, а принимавшіе ихъ Русскіе проводили ихъ изъ залы, черезъ другую переднюю комнату, на квартиру.

Послѣ этого представленія послы въ другой разъ явились къ Великому Князю, который также сидѣлъ въ своемъ Великокняжескомъ украшеніи, но ни чего не говорилъ съ ними, и они, только поблагодаривъ его за присланныя кушанья, были отпущены къ его Совѣтникамъ, отъ которыхъ и должны получить отвѣтъ Великаго Князя. Послы ушли съ ними въ другую комнату, въ которой были потомъ вмѣстѣ еще пять разъ кромѣ этого, но увидали Великаго Князя не прежде, пока не пригласили ихъ наконецъ смотрѣть крестное цѣлованіе, при чемъ происходило слѣдующее:

Послѣ того, какъ послы отдали поклонъ и Канцлеръ Великаго Князя произнесъ свою рѣчь, прочли во всеуслышаніе крестоцѣловальную грамоту, и положили ее въ золотое блюдо на икону подъ крестъ, сдѣланный изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Послѣ краткой рѣчи, которую сказалъ самъ Великій Князь стоя, что желаетъ честно соблюдать все по заключенному договору и ожидаетъ того же и отъ Короля, онъ наклонилъ голову и велѣлъ двумъ знатнѣйшимъ Князьямъ Царства, Ѳедору Ивановичу Мстиславскому (Mstistlouski) снять съ себя корону, а Ивану Михайловичу Воротынскому взять у него посохъ или скипетръ. Канцлеръ пригласилъ пословъ, чтобы они смотрѣли со вниманіемъ, какъ приложится Великій Князь ко кресту. Государь отступилъ на одинъ шагъ отъ своего стула, приложился лицомъ къ Распятію и потомъ поцѣловалъ его, по видимому, съ большимъ благоговѣніемъ. Сдѣлавъ это, онъ самъ сказалъ посламъ: «Теперь Вы видѣли, что мы цѣловали крестъ, и сдержимъ все, что положено въ постановленномъ договорѣ между нами, Великимъ Государемъ. Царемъ и Великимъ Княземъ, Михайломъ Ѳедоровичемъ, всея Россіи Самодержцемъ и многихъ областей Государемъ и Повели-

телемъ, и нашимъ многолюбезнымъ братомъ, вашимъ Государемъ, могущественнымъ Королемъ Шведскимъ, Густавомъ Адольфомъ;» по томъ велѣлъ опять возложить на себя корону, подать скипетръ и снова сѣлъ на свое кресло. Канцлеръ взялъ кресто-цѣловальную грамоту, сталъ съ ней на право отъ Великаго Князя, просилъ подойти пословъ ближе и подъ глазами Великаго Князя подалъ имъ эту грамоту. Такимъ же образомъ происходила и передача отвѣтной грамоты Великаго Князя и, по ея полученіи, посламъ велѣно было садиться.

Они сидѣли, однако жь, не долго, по тому что Великій Князь тотчасъ же заговорилъ съ ними и отпустилъ ихъ совсѣмъ съ такими словами: «Густавъ и Максъ, поклонитесь отъ насъ многолюбезному нашему брату, Великому Королю Шведскому, Густаву Адольфу! Мы отпускаемъ Васъ къ нему безъ задержки.» Канцлеръ сказалъ по томъ, что Великій Князь жалуетъ пословъ своимъ Великокняжескимъ кушаньемъ и пришлетъ его къ нимъ. За тѣмъ, поблагодаривъ Великато Князя за доброе угощеніе и пожелавъ ему долгоденствія, счастія и мирнаго царствованія, также и побѣды надъ врагами, послы откланялись и простились съ нимъ, и были съ приличною почестью отведены на квартиру. Они пробыли у себя съ часъ, когда прислано было отъ Великаго Князя 120 кушаньевъ, всѣ рыбныя, и столько же большихъ и малыхъ сосудовъ, съ разными винами, медомъ и пивомъ. Наконецъ на прощанье онъ прислалъ имъ и сторожамъ ихъ нѣсколько сороковъ соболей, черныхъ лисицъ и куницъ, а ихъ челяди 30 рублей денегъ. Такъ они и отправились изъ Москвы, пробывъ тамъ 14-ть недѣль и не имѣя свободнаго ни выхода, ни выѣзда.

Въ то время, какъ они вели переговоры по дѣламъ мирнаго договора съ Великимъ Княземъ и настоятельно требовали крестнаго цѣлованія и утвержденія, въ Швецію явились Великокняжескіе полномочные: Ѳедоръ Борятинскій (Fedro Boletinskoi), Осипъ Прончищевъ (Osipovv Pronzusovv), и Секретарь Богданъ Кашкинъ (Kaskin), тоже за тѣмъ, чтобы просить у Короля утвержденія мирнаго договора. 5-го Іюня, 1617-го года, они имѣли пышный и торжественный въѣздъ въ Стокгольмъ: по обѣимъ сторонамъ улицы были поставлены воины, плотно другъ къ другу, въ полномъ вооруженіи; послы должны были проходить между ними до самой

квартиры; палили изъ множества большихъ пушекъ, а воины стрѣляли изъ ружей.

20-го Іюня нѣсколько сотъ Дворянъ проводили ихъ на красивыхъ лошадяхъ въ замокъ; тамъ принималъ ихъ Король, а 28-го числа, въ присутствіи всѣхъ ихъ, Король въ городской церкви публично утвердилъ и скрѣпилъ клятвою Столбовскій мирный договоръ между Его Величествомъ и Великимъ Княземъ, для полнаго соблюденія этого договора. При томъ происходило слѣдующее торжественное шествіе:

Сначала по обѣ стороны улицы были поставлены нѣсколько полковъ воиновъ, какъ это было и прежде при входѣ пословъ; между рядами ихъ, назначенные для того Дворяне, провожали во Дворецъ посланниковъ, а оттуда, послѣ привѣтствія Его Величеству, шествіе направилось къ церкви въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сначала ѣхали верхомъ два Маршалка, Господинъ Филиппъ Шедингъ, потомственный владѣлецъ въ Скви и Кундѣ и Государственный Совѣтникъ, и Господинъ Клауссъ Горнъ, потомственный владѣлецъ въ Канкасѣ и Государственный Совѣтникъ; впереди ихъ ѣхали трубачи, а позади 100 Дворянъ, по двое другъ за другомъ.

Послѣ того шли пѣшкомъ, также по двое, Господа Государственные Совѣтники, за ними Его Княжеская Милость, Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ, послѣ него Государственные Совѣтники тоже пѣшкомъ, а потомъ опять ѣхали верхомъ Его Княжеская Милость Карлъ Филиппъ, Герцогъ Зюдерманландскій, Нерикскій и Вермеландскій, братъ Его Королевскаго Величества, за нимъ тоже верхомъ три Русскіе посланника, а за ними слѣдующіе четыре Государственные Совѣтника съ Королевскими регаліями и знаками верховной власти, пѣшкомъ.

Государственный Канцлеръ съ державою, Господинъ Аксель Оксенштіерна, Баронъ Кимита, владѣлецъ Фигольма и Тидена, Дворянинъ.

Государственный Адмиралъ со скипетромъ, Господинъ Горге Гильденштернъ, Баронъ Биркезундтъ и Фегельвикъ, Дворянинъ.

Государственный Маршалъ и Главнокомандующій съ мечомъ, Господинъ Яковъ Де ла Гарди, Графъ Леккё, Баронъ Экгольмъ, владѣлецъ въ Колкѣ, Кидѣ и Рунзѣ, Дворянинъ.

Государственный Главный Стольникъ съ короною, Господинъ Магнусъ Бракъ, Графъ Визинбургъ, Баронъ Ридбогальмскій и Аксгальмскій, Дворянинъ.

Потомъ явился Его Королевское Величество съ большою знатною свитою, а за нимъ слѣдовали Секретари и Камергеры.

Шедшіе впереди Дворяне стали по обѣимъ сторомъ церковнаго входа, въ приличномъ порядкѣ другъ возлѣ друга, до внутреннихъ хоръ, такъ что это торжественное шествіе проходило между ними.

Этѣ хоры были чрезвычайно нарядно убраны коврами, вытканными съ золотомъ и серебромъ, а полъ по всему церковному переходу устланъ красивымъ кармазиннаго цвѣта сукномъ.

У самой нижней ступени алтаря поставленъ обитый серебромъ столъ, на которомъ Господа Государственные Совѣтники положили корону и другія Королевскія регаліи; на этой же сторонѣ поставлено было нѣсколько богато убранныхъ стульевъ рядомъ.

Первый сѣлъ Король, напротивъ его Русскіе посланники, возлѣ него стали ихъ Княжескія Милости: Герцогъ Карлъ Филиппъ и Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ.

Господа Государственные Совѣтники стали въ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ хоръ; сидѣли также Архіепископъ Упсальскій, Докторъ Петръ Кеницъ, и Епископъ Выборгскій Магнусь Олай Элимей.

Послѣ пріятной музыки на органахъ и разныхъ инструментахъ, исполненной гармонично, слушали прекрасную рѣчь Архіепископа Упсальскаго о мирѣ и его свойствахъ. По окончаніи ея, Государственный Стольникъ всталъ и возложилъ на Короля корону, а Государственные Совѣтники окружили Его Величество.

Потомъ Государственный Канцлеръ сказалъ Русскимъ посламъ слѣдующія слова: «Его Королевское Величество желаетъ

соблюдать все, постановленное въ мирномъ договорѣ, и скрѣпить его клятвою.»

Когда Канцлеръ во всеуслышаніе прочиталъ договоръ, Король съ посланниками всталъ и положилъ палецъ на Библію, сказавъ: «Все это мы дѣйствительно исполнимъ.» Онъ приложилъ руку къ грамотѣ и запечаталъ ее Государственною печатью; Государственный Канцлеръ вручилъ ее посламъ, и потомъ всѣ опять заняли свои мѣста. Пѣли: «Тебе Бога хвалимъ,» а за тѣмъ послѣдовала опять музыка на органѣ и на другихъ инструментахъ, послѣ чего играли на трубахъ и литаврахъ, палили изъ пушекъ, воины салютовали троекратнымъ залпомъ изъ ружей, и потомъ все шествіе въ назначенномъ порядкѣ возвратилось въ Королевскій замокъ. По приходѣ туда, послы отведены были съ прежнимъ торжествомъ на квартиру, гдѣ прекрасно и по Королевски угощали ихъ разными кушаньями и напитками.

Передъ отъѣздомъ Его Величество пожаловалъ въ даръ посламъ и товарищамъ ихъ прекрасныхъ лошадей, въ сѣдлахъ и съ уздами, съ серебряною отдѣлкою, нѣсколько драгоцѣнныхъ позолоченныхъ подносовъ и кубковъ, прекраснаго и дорогаго сукна, бархата, атласа и дамаста. Послѣ того съ нѣкоторыми Дворянами они отвезены были на Королевскихъ, хорошо снаряженныхъ, военныхъ корабляхъ въ Выборгъ, и потомъ провожаемы были дальше съ приличною почестію къ границѣ.

Такимъ образомъ коротко разсказали мы обо всѣхъ Русскихъ Великихъ Князьяхъ, властвовавшихъ въ Россіи со временъ трехъ братьевъ, Синеуса, Трувора и Рюрика, до нынѣ царствующаго Великаго Князя, Михаила Ѳедоровича, и множествѣ происходившихъ несогласій, раздоровъ, войнъ и враждебныхъ дѣйствій въ Россіи между Шведами, Поляками и Русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ и объ условіяхъ вѣчнаго мира, торжественно заключеннаго между Шведскимъ и Московскимъ Государями съ разными процессіями и церемоніями.

ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА

ИСТИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ ТОГО, КАКЪ И СЪ КАКИМИ ОБРЯДАМИ МОСКВИТЯНЕ ВѢНЧАЮТЪ СВОИХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ И ГОСУДАРЕЙ, КАКЪ ПРИНИМАЮТЪ ИМЪ ПРИСЯГУ, ТАКЖЕ И ТОГО, КАКЪ ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ПРИНИМАЮТЪ ПОСЛАННИКОВЪ И УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ ОТЪ ИНОЗЕМНЫХЪ ГОСУДАРЕЙ И КОРОЛЕЙ, И КАКЪ ОБХОДЯТСЯ СЪ НИМИ ВЪ СВОЕЙ ЗЕМЛѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ Россіи, какъ и во многихъ другихъ Царствахъ и Государствахъ, бываетъ такъ же, что когда скончается Великій Князь, правленіе наслѣдуютъ сыновья послѣ отцовъ. Если же нѣтъ родныхъ дѣтей, на Царство вступаютъ ближайшіе родственники, съ тѣмъ, однако жь, условіемъ и завѣтомъ, чтобы Великій Князь, прежде нежели разстанется съ здѣшнимъ свѣтомъ, изъявилъ свое согласіе на другаго Великаго Князя и при послѣднемъ издыханіи вручилъ ему скипетръ. Если же нѣтъ наслѣдниковъ, или кровныхъ родственниковъ, сословія выбираютъ другого Великаго Князя изъ самыхъ знатныхъ Бояръ, которые кажутся способными къ правленію, или когда кто возьметъ и завоюетъ себѣ верховную власть мечемъ и приведетъ въ покорность всѣхъ Князей и всѣ сословія страны, тогда, по единодушному согласію всѣхъ ихъ, его слѣдуетъ вѣнчать на Царство. Это происходитъ такимъ образомъ, а именно:

Какъ скоро соберутся въ Москвѣ Патріархъ, Митрополиты, Архіереи, знатнѣйшіе Игуметы, монахи и Священники со всей страны,

изъ духовенства, а изъ міряиъ знатнѣйшіе Князья, Государственные Совѣтники, Дворяне, Капитаны и военные начальники, главные купцы и граждане изо всѣхъ городовъ, и пойдутъ въ церковь Дѣвы Маріи въ Кремлѣ: тамъ строится четвероугольный деревянный помостъ, о четырехъ ступеняхъ со всѣхъ сторонъ, на немъ ставятся три кресла, обитые золотою парчой, на лѣстницахъ же, подъ ногами и на церковномъ полу, постилаются прекрасные Персидскіе ковры. На одномъ креслѣ сидитъ Великій Князь, котораго надобно вѣнчать на царство. На другой садится Патріярхъ. На третій кладется маленькая богатая шапочка, вышитая золотомъ, крупнымъ прекраснымъ и круглымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, алмазами, рубинами, бирюзами, смарагдами и сафирами, сверху крестообразно. На ней виситъ кисть съ пуговкой, сдѣланная изъ золота и прекраснаго бѣлаго жемчуга, а къ ней привѣшенъ вѣнецъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. На томъ же креслѣ лежитъ богатый кафтанъ изъ золотой парчи, сплошь и со всѣхъ сторонъ вышитый жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и подбитый прекраснѣйшими черными соболями, самыми лучшими, какіе есть въ той странѣ. По мнѣнію Русскихъ, Великій Князь, по имени Димитрій Мономахъ (??), досталъ и вывезъ эту одежду изъ Кафы, когда воевалъ съ Татарами (?), и потомъ постановилъ, чтобы она употреблялась собственно для облаченія Великаго Князя, когда бываетъ его вѣнчаніе.

Когда должно быть самому вѣнчанію съ его торжественностью и обычными обрядами, и выбранный сословіями Государь, котораго должно вѣнчать въ Великіе Князья, войдетъ въ церковь, Священники, сколько ни есть ихъ тамъ, въ ихъ облаченіи и убранствѣ, станутъ пѣть по обыкновенному у нихъ обряду, и желаютъ въ своей пѣсни Великому Князю здоровья и долгоденствія, мирнаго и спокойнаго царствованія надъ его подданными, чтобы они были благополучнѣе другихъ народовъ, а Великій Князь умножалъ бы и распространялъ свои земли и владѣнія, господствовалъ бы и торжествовалъ надъ своими недругами.

Послѣ этой пѣсни Патріярхъ громко читаетъ молитву съ своими Митрополитами и Епископами и проситъ присутствовать при этомъ священнодѣйствіи Пресвятую Дѣву Марію, Св. Петра, Св. Николая и всѣхъ другихъ, чтимыхъ и обожаемыхъ ими, Святыхъ,

чтобъ оно продолжалось и кончилось благополучно, и послѣ того всходитъ на помостъ и садится въ кресла, приготовленныя и убранныя для него. За нимъ слѣдуютъ знатнѣйшіе и старшіе Бояре страны съ Великимъ Княземъ, котораго слѣдуетъ вѣнчать, и главный изъ нихъ держитъ къ Патріарху рѣчь въ такихъ выраженіяхъ: «Достойнѣйшій отецъ Патріархъ! Такъ какъ въ нашемъ отечествѣ еще древніе наши предки, старые Государи и Великіе Князья, ввели и установили похвальный обычай, по которому, въ случаѣ смерти прежняго Великаго Князя всея Русіи, всѣ сословія должны со славою избрать другаго, принесть ему присягу, вѣнчать на Царство и вручить ему все правленіе торжественно, съ особенною почестію и величіемъ, какъ и прежнему Великому Князю, и чтобы только урожденный для такой верховной власти могъ получать ее, по недостатку же законныхъ наслѣдниковъ, тотъ, кого единодушно изберутъ свѣтскія и духовныя сословія, а не такой, который силою продирается на Царство и принимаетъ правленіе; и такъ какъ теперь всѣ сословія, духовныя и свѣтскія, высшаго и низшаго разряда, выбрали, изъявили согласіе и поставили этого присутствующаго здѣсь Господина царствующимъ Великимъ Княземъ, господствовать и повелѣвать всѣми Русскими, то и просимъ тебя, Святаго Отца, дать избранному нами свое благословленіе, вѣнчать и помазать его въ Цари и Государи!»

Послѣ того Патріархъ подзываетъ къ себѣ избраннаго Государя, сажаетъ его на богато убранный престолъ, благословляетъ его съ лица на перси крестомъ изъ лучшаго чистаго золота и приказываетъ одному изъ Митрополитовъ прочитать слѣдующую молитву, а самъ наклоняетъ голову къ избранному Государю, возсѣдающему на престолѣ, и молится очень тихо, между тѣмъ какъ Митрополитъ читаетъ молитву и говоритъ:

«Господи, Боже нашъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, избравшій, чрезъ Пророка Твоего Самуила, раба Твоего Давида, и помазавшій его Царемъ Твоего Израильскаго народа, услышь нынѣ милостиво нашу молитву, которую недостойно приносимъ и возсылаемъ къ Тебѣ, призри съ святыхъ высотъ Твоихъ на сего вѣрнаго раба Твоего, который сидитъ теперь на престолѣ и котораго возвелъ Ты въ Цари святому Твоему

народу, искупленному кровію Пресвятаго Твоего Сына; помажь его елеемъ радости, осѣни его Твоею силою, возложи на главу его вѣнецъ, укращенный драгоцѣнными каменьями, даруй ему благоденствіе и вложи въ десницу его Царскій скипетръ; посади его на престолѣ правды; укрѣпи его руку, опояшь его щитомъ правосудія и покори ему всѣ варварскіе языки; да будетъ сердце его, мысль и нравъ непрестанно въ страхѣ Твоемъ, чтобы всю жизнь свою онъ повиновался Святымъ Твоимъ заповѣдямъ; удали отъ него всякія невѣрныя заблужденія и ереси, научи его защищать и соблюдать всѣ повелѣнія и предписанія Святой Христіянской Церкви, судить Твой народъ по правдѣ и оказывать милость и состраданіе бѣднымъ и несчастнымъ, да получитъ онъ за это царство радостей и жизнь вѣчную!»

Въ заключеніе молитвы Патріярхъ громко говоритъ: «Яко Твое есть царство, и сила, и слава, и да восхваляется и прославляется съ Тобою Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый во вѣки вѣковъ. Аминь!» Послѣ этой молитвы Патріярхъ приказываетъ двумъ другимъ главнымъ Епископамъ взять съ креселъ и принести кафтанъ и шапку, на которой положена корона; кафтанъ тотчасъ же беретъ большой Бояринъ, взошедшій на помостъ съ избраннымъ Великимъ Княземъ, и надѣваетъ на него, а Патріярхъ говоритъ: «Миръ Господень да будетъ съ Тобою!» и благословляетъ Великаго Князя; одинъ изъ Епископовъ тотчасъ же говоритъ: «Помолимся!» Патріярхъ становится на колѣни, а Епископъ продолжаетъ: «Вѣчный, Небесный Царь, которому принадлежитъ и сіе земное и мірское Царство, сохрани этого раба Твоего, соблюди его въ страхѣ Твоемъ, да дѣлаетъ и совершаетъ онъ все, Тебѣ угодное; управь его, чтобы правда и правосудіе процвѣтали въ его землѣ во все время его жизни, умножались его владѣнія, возрастала его слава, чтобы мы жили подъ его властію въ мирѣ и согласіи, въ любви и дружбѣ, яко Ты сильный Царь на небѣ и на землѣ, упованіе и защита всѣхъ душъ; Тебѣ, Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому слава, честь и хвала отнынѣ и до вѣка. Аминь!»

Потомъ Патріярхъ беретъ шапку съ короной, подаетъ ее Большому Боярину, который стоитъ возлѣ избраннаго Государя, и возлагаетъ ее на голову ему. Патріярхъ благословляетъ Великаго

Князя и говоритъ: «Во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго!» Наконецъ Патріархъ приглашаетъ каждаго изъ духовенства, находящагося въ церкви, подойти и дать свое благословеніе Государю.

За тѣмъ Великій Князь и Патріархъ присядутъ немного, но вскорѣ встанутъ, и Священники начнутъ пѣть молитву: «Господи, помилуй насъ!» и при третьемъ словѣ всѣ называютъ Великаго Князя, чтобы всемогущій Богъ милостиво даровалъ ему счастіе, здравіе и долгоденствіе. Когда отпоютъ молебенъ, молится Патріархъ и говоритъ: «О, Пресвятая Дѣва, чистая и непорочная Матерь Христа, умилосердись надъ нами, бѣдными грѣшниками, и дай сему нашему Великому Князю всея Русіи счастіе и благоденствіе, чтобы онъ всегда славилъ, восхвалялъ и благодарилъ Тебя!»

Послѣ того Великій Князь и Патріархъ садятся опять, а одинъ изъ Митрополитовъ идетъ къ алтарю и говоритъ громогласно: «Да сохранитъ Богъ нашего Царя и Великаго Князя всея Русіи, котораго возлюбилъ, даровалъ и поставилъ намъ, въ добромъ здравіи и долгоденствіи!» Послѣ того всѣ монахи и священники, сколько ни есть ихъ въ церкви, воскликнутъ въ одинъ голосъ и станутъ желать Великому Князю счастливаго царствованія, побѣдъ и одолѣнія надъ всѣми его врагами и долгоденствія. Патріархъ, Митрополиты, Епископы, Игумены, главные монахи, Священники и все духовенство подходятъ къ Великому Князю, благословляютъ крестомъ лицо его и перси, наклоняютъ головы до земли и желаютъ ему долгоденствія, счастливаго и благополучнаго царствованія. Послѣ того подходятъ Бояре, Государственные Совѣтники, съ знатнѣйшими Дворянами, также Начальники и Капитаны, граждане и купцы, и тоже желаютъ ему здравія и счастья, цѣлуютъ у него руки и ноги со всѣмъ смиреніемъ, кланяются ему въ землю и восклицаютъ во весь голосъ: «Дай, Боже, нашему Царю и Великому Князю всея Русіи счастія, здравія и побѣды надъ всѣми его врагами, также счастливаго царствованія и долгоденствія!»

По окончаніи того, Патріархъ подходитъ къ Великому Князю одинъ и говоритъ: «Всемилостивѣйшій Государь и Великій

Князь всея Русіи, любезный избранный сынъ! Такъ какъ, по Божественному Промыслу, всѣ сословія Государства, духовныя и свѣтскія, единодушно избрали Тебя Великимъ Княземъ всея Русіи, принесли Тебѣ присягу, и вѣнчали тебя, признавая достойнымъ и способнымъ къ великому и трудному дѣлу правленія, то молю и убѣждаю тебя, любезный сынъ, Всемилостивѣйшій Государь, любить больше всего Небеснаго Бога, бояться Его, жить по Его заповѣдямъ и слѣдовать путямъ Его!

Во вторыхъ, всею глубиною сердца Ты долженъ любить справедливость и право судить всѣ дѣла, по строгому велѣнію закона Божія.

Въ третьихъ, Ты долженъ оказывать покровительство истинной Христіянской Вѣрѣ, любить и чтить ее отъ всей глубины души, а за то мы, могущественнѣйшій и непобѣдимѣйшій Государь-сынъ и Великій Князь, желаемъ Тебѣ Божія благословенія и даемъ его, и всегда будемъ просить Тебѣ у Бога здравія и благополучія въ своихъ молитвахъ.» Потомъ благословляетъ его Св. крестомъ и сходитъ отъ него по лѣстницѣ. Тотчасъ же послѣ того Великій Князь выходитъ изъ церкви въ своемъ Великокняжескомъ кафтанѣ, шапкѣ и въ вѣнцѣ, съ Князьями, Боярами и Дворянами, и идетъ въ церковь Св. Михаила, гдѣ Священники опять поютъ молебенъ, благословляютъ Великаго Князя и желаютъ ему по прежнему счастливаго царствованія, здравія и долгоденствія. На переходѣ изъ одной церкви въ другую кидаютъ много серебряныхъ и золотыхъ денегъ по обѣ стороны между народомъ; народъ поднимаетъ изъ за нихъ жестокую драку: царапаются, толкаются. Напослѣдокъ отправляется онъ въ церковь Св. Николая, а оттуда въ покои свои, гдѣ и снимаетъ съ себя кафтанъ и вѣнецъ и велитъ убрать ихъ.

По окончаніи этѣхъ обрядовъ, онъ зоветъ къ себѣ въ гости знатнѣйшія сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, присутствовавшія при его вѣнчаніи, и пышно угощаетъ ихъ кушаньями и напитками, при чемъ и духовныя, и свѣтскія лица напиваются до того, что едва держатся на ногахъ. Во время самаго разгара приносится поясъ изъ чистаго золота, убранный большими, круг-

лыми, бѣлыми жемчужинами и драгоцѣнными каменьями. Великій Князь подпоясывается имъ.

Приносится также и посохъ изъ единорога, по обоимъ концамъ выложенный драгоцѣнными каменьями. Великій Князь беретъ его въ руку, чтобы не было недостатка ни въ какой принадлежности Царской и Великокняжеской власти, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ почитаться державнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ и сдѣлаться вполнѣ веселымъ и довольнымъ. Тогда подается послѣднее блюдо изъ особенной рыбы, которая ловится въ озерѣ, находящемся при городѣ Переславѣ: эта рыба на ихъ языкѣ называется сельди (Seldi), съ вида походитъ на «Hering» (Нѣмецк. сельдь) и имѣетъ пріятный и сладкій вкусъ.

Причина, по чему подаютъ и ѣдятъ ее послѣ всего, должно быть, та, что всѣ города въ Россіи имѣли своихъ собственныхъ Князей и Государей, иногда отлагались отъ Москвы и были въ ссорѣ съ Москвичами. А Переславъ никогда не имѣлъ собственныхъ Князей, никогда не отлагался отъ Москвы и всегда былъ покоренъ ея Князьямъ и въ союзѣ съ нею. Отъ того-то на празднествѣ вѣнчанія и ѣдятъ они послѣднее кушанье, привезенное изъ Переслава, чтобы дать понять, что когда всѣ города отлагались отъ Великаго Князя Московскаго, Переславъ стоялъ, однако жь, твердою и незыблемой стѣной за него, никогда и не отложится отъ него, если только не принудитъ его къ тому самая крайняя нужда и опасность. Этого и довольно сказать о вѣнчаніи Русскихъ Великихъ Князей.

Теперь будемъ повѣствовать дальше и поговоримъ о томъ, какъ Великій Князь принимаетъ и отпускаетъ иноземныхъ высокихъ особъ и Королевскихъ Посланниковъ.

Сначала надобно знать, что если Князь, Король, или другое владѣтельное лицо, хочетъ послать къ Великому Князю Московскому своихъ Пословъ и Коммиссаровъ, Послы отъ него, прибывъ на границу, должны отправить гонца или вѣстника въ ближайшій городъ и дать знать его Намѣстнику, что Король его, Князь или Государь, или другой кто ни будь, послалъ его къ Московскому Великому Князю, для исправленія кое какихъ дѣлъ и надобностей, по тому Посолъ и желаетъ, чтобы Намѣстникъ въ денное

БИБЛІОТЕКА Е.К.ДЕРЯГИНОЙ

и ночное время отправилъ къ Великому Князю гонца и узналъ, что слѣдуетъ ему дѣлать, Посолъ же будетъ дожидаться, пока не придетъ отвѣтъ. Въ случаѣ желанія впустить Посла, Великій Князь даетъ о томъ знать Намѣстнику. Если онъ въ союзѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ съ этѣмъ Государемъ, то разрѣшаетъ доступъ къ себѣ его Послу, который и является на слушаніе. Если же не въ ладахъ, или въ войнѣ съ нимъ, то Посолъ не долженъ переходить границу, а за нею исправить свое дѣло. Иногда Великій Князь дозволяетъ Посламъ входить въ ближній городъ, гдѣ Намѣстникъ, или другой, присланный изъ Москвы, выслушиваетъ ихъ дѣло, или порученіе; когда же они не захотятъ говорить съ нимъ, а придерживаются приказа своихъ Государей, поступаютъ по ихъ наставленіямъ, не сказываютъ о своемъ дѣлѣ никому, кромѣ Великаго Князя, и не нарушаютъ даннаго имъ Государями ихъ полномочія, тогда обходятся съ ними и мучатъ ихъ жестокимъ и жалостнымъ образомъ; такъ случилось это съ Послами Шведскаго Короля, блаженной памяти Іоанна III, Павломъ Юстеномъ, Абовскимъ Епископомъ, и Тонніо-Ольсеномъ, потомственнымъ владѣльцемъ въ Дюстерби, не смотря на ручательство и охранную грамоту Великаго Князя, означавшую, что они свободны явиться въ Москву безо всякой опасности и препятствій, о чемъ и разсказывали мы прежде.

Имѣя приказъ о входѣ Пословъ, Намѣстникъ назначаетъ имъ проводника, который долженъ будетъ ввести ихъ, и тотчасъ же спрашиваетъ, какъ ихъ зовутъ, какую должность исправляютъ у ихъ Государя, въ большомъ ли они почетѣ у него, Дворянскаго ли, или другаго высокаго происхожденія, сколько съ ними людей и много ли лошадей надобно для нихъ, и поклажи вещей съ ними? Какъ скоро они дадутъ знать ему о томъ, онъ доставляетъ имъ, безъ всякой задержки и платы, лошадей и повозки, пищу, питье и все для нихъ нужное въ дорогѣ до самаго пріѣзда ихъ въ городъ.

Когда Посолъ такимъ образомъ пріѣдетъ въ ближайшій городъ, его принимаетъ другой провожатый, пріѣхавшій изъ Москвы отъ Великаго Князя, и извѣщаетъ его, что Великій Князь всея Русіи пожаловалъ его, дозволилъ ему прибыть въ Москву видѣть свои ясныя и пріятныя очи и какъ тамъ у нихъ говорит-

ся дальше, потомъ записываетъ имена всѣхъ, сколько ни есть ихъ, большихъ и малыхъ, чѣмъ они служатъ, Дворяне, или нѣтъ, конные ли, или пѣхотинцы, граждане, или купцы, каждаго особенно по его званію и чину, также и сколько требуется для нихъ лошадей и повозокъ для перевозки поклажи и вещей съ ними.

Еще до прихода провожатаго къ Посламъ, онъ посылаетъ къ нимъ своего служителя, съ увѣдомленіемъ, что у нихъ будетъ такой-то провожатый, присланный Великимъ Княземъ, для доставленія имъ, таварищамъ ихъ и людямъ, также и для поклажи съ ними, лошадей и повозокъ, сверхъ того кушаньевъ, напитковъ и всего, для нихъ нужнаго; онъ проситъ ихъ прійти къ нему въ избу и дожидаться ихъ прихода, по тому что по своему обычаю онъ держитъ себя очень гордо и надменно, въ томъ мнѣніи, что Государь его гораздо выше и лучше Пословъ, а не смотритъ на то, какіе превосходные высокіе и именитые люди Посланники, и думаетъ въ своемъ высокомѣріи приказывать Посламъ, чтобы они пришли къ нему, а не онъ къ нимъ, и предложили бы ему свои услуги. Но, замѣтивъ его грубое тщеславіе и дикое чванство, Послы остаются въ своихъ повозкахъ, останавливаютъ лошадей и велятъ сказать ему, что не они пріѣхали къ нему, за тѣмъ, чтобы встрѣчать и принимать его, а онъ къ нимъ посланъ для ихъ пріема. Они отправлены ихъ Государями для переговоровъ съ Великимъ Княземъ, а не съ нимъ, по тому и слѣдовало бы ему прійти къ нимъ, а не имъ къ нему. Смекнувъ, что Послы ни подъ какимъ видомъ не придутъ къ нему, онъ даетъ имъ знать, что встрѣтитъ ихъ въ передней комнатѣ, или посереди двора, а не ближе. Когда же они и на это не согласятся, онъ наконецъ приходитъ къ нимъ, подаетъ имъ руку и начинаетъ перебирать титулъ и названія Великаго Князя, отъ слова до слова, и напослѣдокъ заключаетъ, что Великій Князь пожаловалъ ихъ, позволилъ имъ свободно и безопасно войти въ его землю, со всѣми ихъ людьми, прислугою и вещами, и прибыть въ Москву къ нему; онъ назначилъ имъ провожатаго, для доставки Посламъ съ товарищами лошадей, повозокъ, саней; они и видятъ теперь, что уже все готово до слѣдующей перемѣны лошадей; провожатый будетъ также снабжать ихъ кушаньями и напитками, для ихъ содержанія, чтобы они не терпѣли, ни ма-

лѣйшей нужды въ землѣ Великаго Князя; потомъ велитъ переписать Пословъ со всею ихъ прислугою, большою и малою, по именамъ, каждаго особенно, чтобы въ дорогѣ не затерялся кто ни будь изъ этого общества, также число нужныхъ для нихъ лошадей и повозокъ; сколько брали они въ первый разъ, столько же дается имъ и во всю дорогу, туда и обратно, ни больше, ни меньше. Теперь, когда лошади приведены будутъ крестьянами, онъ оставляетъ получше изъ нихъ для себя и Пословъ, послѣ того для служителей, въ томъ порядкѣ, какъ они выбраны и записаны и наконецъ для поклажи; потомъ становится, съ находящимися при немъ спутниками, впереди всѣхъ на дорогѣ, тотчасъ же за нимъ Послы, потомъ ихъ чиновники и Пристава въ порядкѣ другъ за другомъ, а тамъ обозъ съ вещами, наконецъ нѣкоторые Русскіе и простые слуги, назначенные для присмотра за обозомъ и служителями, чтобы ни чего не пропало и не затерялось въ дорогѣ. Если же что ни будь потеряется, украдется, или изломается, что и бываетъ иногда, то оное долженъ доставить крестьянинъ, которому принадлежитъ лошадь, или заплатить за то. Когда возница упадетъ съ лошади, либо опрокинетъ повозку, или сани, его до того бьютъ и хлещутъ плетьми, что онъ едва можетъ стоять на ногахъ, или бродить.

Когда все построится въ порядокъ, провожатый ѣдетъ впереди, а прочіе за нимъ. Крестьяне покрикиваютъ, посвистываютъ и поютъ такъ громко, что слышно за четверть мили, чтобы дорожные знали, что за люди ѣдутъ, и сворачивали съ дороги; когда же этого не сдѣлаютъ такъ проворно и спѣшно, какъ хочется провожатому, ихъ колотятъ и стегаютъ такъ больно, что даже жалко станетъ; никто изъ нихъ не смѣетъ и сказать ни одного противнаго слова, а долженъ просить со слезами прощенія въ своемъ проступкѣ и оплошности. Крестьянамъ, везущимъ Посланниковъ, платитъ Великій Князь: каждый изъ нихъ получаетъ по дрейеру за одну милю и одну лошадь. Всѣ, ѣдущіе съ почтой, мчатся такъ быстро, что не могутъ дожидаться лошадей, но только что сойдутъ съ однихъ, для нихъ сейчасъ же готовы другія. Такое распоряженіе соблюдается только для Великокняжескихъ почтарей и гонцовъ, когда они посылаются за какимъ ни будь дѣломъ и получатъ изъ Великокняжеской Кан-

целяріи письменный видъ, который и читается при смѣнѣ лошадей. Отъ того-то Великій Князь можетъ узнавать въ двѣ недѣли все, чтобы ни случилось въ его землѣ и на границѣ. Путешествующій по своимъ дѣламъ, Дворянинъ ли онъ, или купецъ, крестьянинъ, или ремесленникъ, долженъ ѣхать на своихъ, или на нанятыхъ у крестьянъ и извощиковъ, какъ для него лучше.

Посланники такъ и продолжаютъ путь по странѣ, отъ однихъ городовъ и деревень къ другимъ, снабжаемые, сколько нужно, кушаньями и напитками; не доѣхавъ двухъ, или трехъ, миль до Москвы, или до другаго города, гдѣ находится Великій Князь, они должны бываютъ дожидаться въ какой ни будь деревнѣ, пока ихъ провожатый не съѣздитъ къ Великому Князю и не доложитъ ему, что Посланники всѣ на лицо и помѣщаются въ такой-то деревнѣ; желаетъ знать, что ему дальше дѣлать съ ними, вводить ли, или нѣтъ, ихъ въ городъ, и гдѣ помѣстить тамъ. Получивъ отвѣтъ на это, онъ возвращается опять къ Посламъ и провожаетъ ихъ до полумили отъ города, а тутъ являются другіе провожатые, которые знатнѣе и въ большемъ почетѣ у Великаго Князя, нежели прежніе, съ ними переводчикъ и нѣсколько сотъ Дворянъ; какъ всѣ они, такъ и лошади ихъ, въ очень пышномъ нарядѣ. Подъѣхавъ такъ близко къ Посламъ, что могутъ вести разговоръ съ ними, провожатые отправляютъ къ нимъ одного изъ своихъ съ просьбою сойти съ лошадей, ради Великаго Князя: они станутъ говорить съ ними отъ его лица. Когда Послы откажутся и приведутъ какія ни будь причины, по чему не могутъ того сдѣлать, провожатые тотчасъ же говорятъ, что и они сойдутъ съ лошадей; тогда Посланники соглашаются. Но Русскіе такъ чванятся и ломаются при этомъ поступкѣ: очень остерегаются сходить съ лошадей, пока не увидятъ, что и Послы готовы сдѣлать то же, тогда и слѣзаютъ; если же случится, что Послы, которые совсѣмъ не смотрятъ на эту чванливость, дотронутся ногами до земли, прежде чѣмъ слѣзутъ вожатые, этѣ подумаютъ, что «наша, де, взяла, добились мы больше почета,» и по томъ главный изъ нихъ станетъ говорить титулъ Великаго Князя, а потомъ скажетъ, что посланъ отъ него принять Пословъ съ такимъ числомъ людей, сколько увидитъ ихъ передъ глазами у себя въ полѣ, потомъ проводить ихъ въ городъ и отвести въ

жилье; послѣ того подаетъ руку Посламъ и всѣмъ ихъ чиновникамъ и товарищамъ, поздравляетъ ихъ, со всѣми ихъ спутниками, съ пріѣздомъ, и спрашиваетъ, какъ они ѣхали въ землѣ Великаго Князя, здоровы ли были въ дорогѣ, получали ли кушанье и напитки? Послѣ того продолжаетъ, что Великій Князь пожаловалъ, позволилъ имъ пріѣхать въ городъ на присланныхъ отъ него лошадяхъ. Послы отвѣчаютъ на это такъ: «И мы, слава Богу, здоровы и хорошо угощены въ землѣ Великаго Князя кушаньемъ и напитками; далъ бы Богъ счастія и здоровья Великому Князю, а мы ни въ чемъ не имѣемъ нужды и невредимы;» потомъ всѣ садятся опять на лошадей и ѣдутъ съ большимъ народомъ къ жилью въ городъ. Но данные имъ проводники всѣ наблюдаютъ свой почетъ и становятся справа, а всѣ названные по именамъ въ вѣрющей грамотѣ ѣдутъ между ними и посреди ихъ. Впереди всѣхъ ѣдутъ, по парно, знатнѣйшіе Дворяне, потомъ Приставы и товарищи Пословъ, а за ними сами уже Послы съ причисленными къ нимъ людьми. За тѣмъ слѣдуютъ чиновники и прислуга ихъ въ общей толпѣ, и Русскіе безъ всякаго порядка, точно стадо животныхъ, до того дома, гдѣ должны будутъ жить Послы; въ честь имъ звонятъ въ Кремлѣ въ большой колоколъ. Такое шествіе и порядокъ обыкновенно соблюдается у Русскихъ при пріемѣ, или отпускѣ, иностранныхъ Пословъ; когда же этѣ послѣдніе ѣдутъ на представленіе къ Великому Князю, или на прогулку, за ними ходитъ менѣе людей, нежели при ихъ вступленіи въ городъ. Проводивъ Пословъ въ жилье, Русскіе ѣдутъ по домамъ, кромѣ тѣхъ, которые приставлены къ Посламъ для доставки имъ кушаньевъ, напитковъ и другихъ потребностей, чтобы они ни въ чемъ не имѣли недостатка, а всего было бы у нихъ вдоволь. У воротъ разставляется и содержится стража, чтобы никто изъ иностранцевъ не могъ выходить и разговаривать съ кѣмъ ни будь такимъ, до котораго нѣтъ ему ни какого дѣла.

Захотѣвъ выйти на рынокъ, или куда въ другое мѣсто, спутники или чиновники Пословъ берутъ съ собою нѣсколькихъ Русскихъ, которые должны наблюдать, не станетъ ли кто разговаривать и бесѣдовать съ ними, изъ тамошнихъ ли жителей, или изъ иностранцевъ, которому не дано приказа на это. Сдѣлавшихъ

это, тотчасъ же берутъ подъ стражу, жестоко бьютъ и тиранятъ, точно они чрезъ это оказали пренебреженіе къ Великому Князю и уронили его державное величество: они должны сказать, что за рѣчи были у нихъ съ чужеземцами. Причисленные Дворяне доставляютъ также нужное для погреба и кухни Пословъ, дрова и всѣ необходимыя вещи, а иноземцы велятъ варить и жарить для себя своимъ собственнымъ поварамъ, по тому что Русскіе большею частію готовятъ безъ соли, и иностранцы съ трудомъ могутъ съѣсть и переварить приготовленныя ими кушанья.

Когда придетъ время представляться Посламъ Великому Князю, двое Дворянъ и переводчикъ заранѣе сказываютъ имъ день для того. Они приходятъ къ нимъ и говорятъ: «Непобѣдимѣйшій Государь и Великій Князь всея Русіи (слѣдуетъ весь титулъ) поручилъ намъ увѣдомить васъ, что ему угодно пожаловать васъ, позволить вамъ явиться завтра утромъ предъ его ясныя очи: будьте готовы къ тому,» и потомъ уходятъ. Вечеромъ приходитъ одинъ переводчикъ и говоритъ тѣ же слова, что и прежніе Дворяне, чтобы Послы готовились видѣть привѣтливыя очи Великаго Князя. Утромъ, между 6 и 7 часами, онъ приходитъ и говоритъ, что, часа черезъ два, они должны будутъ явиться къ Великому Князю и видѣть его свѣтлыя очи, такъ чтобы были готовы.

Когда часы пробьютъ девять, къ Посламъ отряжаются изъ Кремля двое, или трое, знатнѣйшихъ Бояръ съ переводчикомъ и почти съ сотнею лошадей: всѣ Бояре въ нарядныхъ платьяхъ, а всѣ лошади въ богатой сбруѣ: Бояре идутъ къ Посламъ въ комнаты, и главный изъ нихъ начнетъ говорить: «Непобѣдимѣйшій Государь и Великій Князь всея Русіи (сказываетъ весь титулъ), ради вашего Государя, пожаловалъ васъ тѣмъ, что вы должны явиться къ нему видѣть его свѣтлыя очи; онъ посылаетъ вамъ своихъ пышно убранныхъ лошадей, которыхъ и видите здѣсь: садитесь на нихъ и слѣдуйте за нами!» Послы благодарятъ Великаго Князя и садятся на коней. Впереди ѣдутъ нѣсколько сотъ Дворянъ съ спутниками Пословъ; за ними сами Послы, имѣя справа и слѣва у себя по одному Боярину; такъ и ѣдутъ въ Кремль. Отъ двора Пословъ до Великокняжескихъ покоевъ разставлено по обѣ стороны нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, въ ихъ полномъ

вооруженіи. Спутники Пословъ слѣзаютъ съ лошадей первые, а сами они, съ отряженными къ нимъ людьми, подъѣзжаютъ нѣсколько ближе, до самой лѣстницы Дворца, и потомъ входятъ на нее, въ сопровожденіи подъѣхавшихъ вмѣстѣ съ ними Русскихъ. Когда они войдутъ въ переднюю залу Великаго Князя, отъ него приходитъ знатный Бояринъ, принимаетъ ихъ съ непокрытою головою и вводитъ въ комнату Великаго Князя, гдѣ сидитъ онъ на своемъ Великокняжескомъ престолѣ, съ знатнѣйшими Боярами и Совѣтниками.

Передняя комната до того набита Дворянами, гражданами и придворными, что нигдѣ ни стать, ни сѣсть: всѣ они одѣты въ золотую и серебряную парчу, подбитую прекраснѣйшими соболями и куницами, на головахъ большія черныя лисьи шапки, а на шеѣ воротники (ожерелья), убранные жемчугомъ: весь нарядъ принадлежитъ Великокняжеской казнѣ, изъ которой и берутъ его за деньги на прокатъ небогатые Дворяне, не имѣющіе состоянія купить себѣ такія дорогія платья.

По тому что, когда настанетъ большой праздникъ, и Дворянамъ надо будетъ итти въ торжественномъ шествіи, или когда пріѣдутъ иноземные Послы, тогда все должно быть нарядно и пышно и показывать большія средства и богатства безо всякихъ примѣтъ несчастія, недостатка и нищеты.

Когда же уѣдутъ Послы, или большой праздникъ минетъ, и Дворяне пройдутъ въ шествіи передъ Великимъ Княземъ, этѣ платья и наряды они должны опять возвратить въ казну въ томъ же хорошемъ и неповрежденномъ видѣ, въ какомъ ихъ взяли оттуда, а не то—замѣнить ихъ новыми, но все же отдать деньги за прокатъ. Эта пышность по большой части бываетъ для иностранцевъ, чтобы они умѣли разсказать о могуществѣ, богатствѣ и величіи Московскаго Государя, что ни одинъ Царь въ свѣтѣ не сравнится съ нимъ въ силѣ и богатствѣ. По тому-то онъ и самъ называетъ себя сыномъ Царя Давида и вторымъ Соломономъ, и не хочетъ ни чѣмъ уступить имъ въ почетѣ, богатствѣ, могуществѣ, величіи, умѣ и мудрости.

Такъ и приведутъ Пословъ къ Великому Князю: онъ сидитъ на четвероугольномъ, довольно возвышенномъ престолѣ съ остроко-

нечною башенкой и сплошь обитомъ золотомъ. На острой верхушкѣ этого престола стоитъ, сдѣланный изъ золота, орелъ съ распущенными крыльями. Подъ сѣдалищемъ Великаго Князя, на престолѣ и въ ногахъ его постлана золотая парча. На право отъ него стоитъ четвероугольная маленькая башенька, вся обитая золотомъ, въ два аршина вышины, и на ней держава, украшенная разными дорогими каменьями, съ крестикомъ на верху; не далеко отъ нея, на золотой парчѣ, стоитъ золотой умывальникъ и лейка, съ положеннымъ на ручкѣ ея полотенцомъ, вышитытъ золотомъ и шелками. Какъ скоро Великій Князь подастъ руку иностранцу, не одной съ нимъ Вѣры, ему думается, что рука его не чиста, для того-то и обмываетъ ее по уходѣ иноземца: тогда она опять дѣлается чистою. Надъ головою Великаго Князя висятъ образа Іисуса Христа и Дѣвы Маріи, изъ чистаго золота: при входѣ въ комнату онъ, всѣ Бояре и служащіе творятъ поклоны передъ этѣми образами. Говоря о чемъ ни будь и желая подтвердить свои слова клятвою, Великій Князь смотритъ на нихъ и крестится. Въ лѣвой рукѣ у него посохъ (скипетръ), сдѣланный изъ единорога и врученный ему при вѣнчаніи.

На лавкѣ слѣва отъ Великаго Князя сидятъ Князья, Государственные Совѣтники, всѣ главные Офицеры, Камергеры и Камеръюнкеры въ платьяхъ изъ золотой парчи, съ жемчужными воротниками и отворотами около шеи и въ высокихъ шапкахъ изъ чернаго лисьяго мѣха.

Самая комната чрезвычайно велика и сведена аркой, вверху расписана, на полу и по лавкамъ вся устлана прекрасными Турецкими и Персидскими коврами.

Лавки у окна, вправо отъ Великаго Князя, устланы золотой парчой. Мѣсто, на которомъ стоитъ его престолъ, возвышено на три ступени надъ поломъ залы, а по сторонамъ, кругомъ залы, гдѣ стоятъ Бояре Царства, только на двѣ. По срединѣ ея виситъ красивый довольно большой вѣнецъ, хорошей работы и весь ярко вызолоченный.

На самомъ Великомъ Князѣ обыкновенно маленькая соболья шапочка съ золотымъ вѣнцомъ, убраннымъ множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и сведеннымъ въ верху въ видѣ креста. Каф-

танъ на немъ изъ золотой парчи по красному бархату, сплошь вышитый большими жемчужинами, расположенными въ видѣ древесныхъ листьевъ, у рукъ же на четверть аршина ширины прекрасными и крупными драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. На кафтанѣ у шеи и по плечамъ красивый воротникъ, въ родѣ воротника у брони, только гораздо больше: онъ тоже на четверть аршина убранъ прекраснымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На персяхъ у Великаго Князя виситъ прекрасный золотой крестъ, величиною съ хорошую четверть и въ два пальца ширины. Пальцы у него всѣ усажены множествомъ большихъ колецъ, а сапоги съ жемчужнымъ шитьемъ превосходной работы.

Въ лѣвой рукѣ чрезвычайно нарядный посохъ (скипетръ) изъ единорога, красиво выложенный золотомъ, дорогими каменьями и большими алмазами, такъ что можно смотрѣть сквозь него: этотъ посохъ врученъ ему при вѣнчаніи.

У ступеней передъ Великимъ Княземъ стоятъ, другъ противъ друга, четыре Дворянина, по двое на сторонѣ, одѣтые въ совершенно бѣлую серебряную парчу и въ высокихъ шапкахъ изъ бѣлыхъ лисицъ. На каждомъ двѣ золотыя цѣпи, протянутыя крестъ на крестъ по тѣлу. Въ рукахъ у нихъ большіе серебряные бердыши въ видѣ полумѣсяца.

Когда дѣло дойдетъ до того, что Посламъ надобно будетъ вступить въ залу Великаго Князя, выйдетъ Канцлеръ, бьетъ челомъ въ землю и громко доложитъ Великому Князю, что Послы могущественнѣйшаго Государя, или Князя, находятся здѣсь на лицо. Великій Князь велитъ имъ войти, и подаетъ имъ руку. Послы проходятъ между четырьмя Дворянами, стоящими передъ Великимъ Княземъ съ серебряными бердышами, и подаютъ ему руки. Московскіе Бояре смѣются надъ этѣмъ, считая это «неучтивствомъ» и грубостью, что иностранцы дотрогиваются до руки Великаго Князя и цѣлуютъ ее, тогда какъ у нихъ въ обыкновеніи не касаться его руки своею, а только поцѣловать и отступить на нѣсколько шаговъ назадъ: это считается у нихъ большою почестью и вѣжливостью. Послы должны отдавать свои шапки служителю, пока не окончится церемонія. Имъ тоже не дозволяется приходить къ Великому Князю съ своими тростями

и оружіемъ; еще до выхода въ Кремль, они должны оставить все это въ своемъ жилищѣ.

Но Королевско-Шведскій Посолъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди не хотѣлъ того сдѣлать въ бытность свою у Великаго Князя Василія Шуйскаго въ 1610 году: онъ говорилъ, что прежде чѣмъ положитъ оружіе, какъ плѣнный, онъ скорѣе лишится чести и не увидитъ ясныхъ очей Великаго Князя. Шуйскій смотрѣлъ тогда на это съ неудовольствіемъ, однако ему гораздо было нужнѣе видѣть ясныя очи Графа, нежели Графу его, по тому что этотъ выручилъ и избавилъ его отъ долговременной осады. Отъ того-то тогда и дозволили Графу и всѣмъ его старшимъ Офицерамъ, Ротмистрамъ, Капитанамъ, Поручикамъ и Прапорщикамъ явиться съ оружіемъ къ Великому Князю. Этотъ Графъ Яковъ былъ первый, явившійся съ оружіемъ въ залу Великаго Князя всея Русіи.

Послѣ привѣтствія, сдѣланнаго Великому Князю подачею руки, Послы должны отступить отъ него на нѣсколько шаговъ, отъ лица своего Короля держать рѣчь, привѣтствовать Великаго Князя и подать свои вѣрющія грамоты, которыя беретъ Канцлеръ и представляетъ своему Государю, а этотъ, взглянувъ на нихъ и распечатавъ, опять возвращаетъ ему же. Тогда начнутъ Послы говорить, за чѣмъ они присланы ихъ Государемъ къ Великому Князю. Но сначала имъ надобно сказать весь Царскій титулъ до конца, также и Королевскій; если же дѣло у нихъ большой важности и должно сохраняться въ тайнѣ, ихъ уводятъ въ другую комнату, гдѣ они и излагаютъ его Царскимъ Совѣтникамъ. Но прежде всего благодарятъ Великаго Князя за хорошее угощеніе и попеченіе о нихъ въ его землѣ, а между тѣмъ подносятъ привезенные съ собою подарки отъ своего Государя и просятъ милостиво принять ихъ. Тотчасъ же подходитъ Канцлеръ, беретъ подарки, показываетъ ихъ Великому Князю, и потомъ отдаетъ Кемеръюнкеру подержать ихъ, пока не уйдутъ Послы.

По принятіи подарковъ, Великій Князь велитъ черезъ Канцлера сказать Посламъ, что онъ пожаловалъ ихъ принялъ подарки и спрашиваетъ: все ли хорошо у Короля, или Князя ихъ, въ добромъ ли онъ здоровьи, гдѣ онъ, долго ли они были въ до-

рогѣ, и какъ угощали ихъ въ его землѣ? «Слава и благодареніе Богу,» отвѣчаютъ Послы: «нашъ Король и Государь живъ и здоровъ и находился въ замкѣ, когда мы разстались съ нимъ; въ дорогѣ провели мы столько-то времени; слуги Твои хорошо принимали и угощали насъ въ твоей землѣ; дай Богъ Тебѣ, Великому Князю всея Русіи, здравія и долгоденствія!»

Послѣ того онъ еще спрашиваетъ: нѣтъ ли у нихъ какихъ ни будь особенныхъ порученій отъ ихъ Государя, и если есть, пусть скажутъ ихъ. Но они не должны открывать теперь того, чему надобно оставаться въ тайнѣ, а представить это завтра Царскимъ Совѣтникамъ, когда будутъ ихъ слушать, потомъ онъ проситъ ихъ на обѣдъ, или, если ему не досужно, Канцлеръ говоритъ, что Великій Князь пожаловалъ ихъ, велѣлъ угостить своимъ Княжескимъ столомъ у нихъ въ жилищѣ. Послы благодарятъ за то Великаго Князя, съ должнымъ почтеніемъ откланиваются и съ тою же торжественностью и свитой прежніе провожатые ведутъ ихъ по залѣ и передней комнатѣ опять въ ихъ жилье.

Когда же останутся они обѣдать у Великаго Князя, провожатые, приставленные для обереганія ихъ, просятъ ихъ пройти въ другую комнату, убранную прекрасными и дорогими Турецкими и Арабскими коврами: въ ней накрыты столы, а на нихъ поставлены хлѣбъ и соль, уксусъ и перецъ въ нарочно для того сдѣланныхъ серебряныхъ сосудахъ. Потомъ приходитъ туда Великій Князь и садится одинъ за столомъ; возлѣ него очень близко стоитъ другой, за который и сажаютъ Пословъ съ ихъ знатнѣйшими Приставами, одного послѣ другаго по порядку. Противъ Посланниковъ сидятъ нѣсколько знатныхъ Русскихъ Бояръ съ Великокняжескими переводчиками, которые должны прислуживать Посламъ и угощать ихъ. Потомъ сажаютъ за столъ и всѣхъ иностранныхъ чиновниковъ и служителей, изъ которыхъ никому не дозволено стоять на полу и прислуживать ихъ господамъ. По другую сторону отъ Пословъ сидятъ за столомъ знатнѣйшіе Князья и Совѣтники. Другіе столы тоже всѣ заняты знатными Дворянами, гражданами и купцами, находящимися въ большой милости у Великаго Князя. Кушанья подаютъ молодые Дворяне, Придворные и Камеръюнкеры, вмѣстѣ съ разрѣщиками, кравчими, кухмистрами и другими лицами; они же и наливаютъ

и прислуживаютъ всѣмъ, сидящимъ за столами. По тому что въ залу, гдѣ обѣдаетъ Великій Князь, ни одинъ Князь, или Бояринъ, какъ бы ни былъ знатенъ, не смѣетъ приводить для услугъ себѣ холопа или служителя, но всѣ, имѣющіе входъ въ залу, должны прислуживать Великому Князю, исключая только Пословъ, у которыхъ совсѣмъ другія преимущества, чѣмъ у Русскихъ. Посреди залы стоитъ большой столбъ, съ низу широкій, а къ верху нѣсколько уже, четвероугольный и устроенный точно лѣстница съ полу до потолка: на немъ и держится сводъ этой залы. Кругомъ на ступеняхъ столба стоятъ нѣсколько сотъ подносовъ и кубковъ большихъ и малыхъ, золотыхъ и серебряныхъ, съ большими серебряными чашами, штофами, красоулями, фляшками и разной посудой, бѣлой и позолоченной, стоющія большихъ денегъ: все это подарки Великому Князю изъ чужихъ краевъ, отъ высокихъ особъ, чрезвычайно искусной работы и разнообразнаго вида. Великіе Князья, одинъ послѣ другого, велятъ, во избѣжаніе покражи, хранить ихъ у себя въ казнохранилищѣ, въ знакъ вѣчнаго воспоминанія. Но Поляки, овладѣвшіе въ прошлыхъ годахъ Москвою, избавили Великаго Князя отъ этого труда и безпокойства: чтобы ему не нужно было такъ крѣпко хранить этѣ вещи, Поляки забрали все изъ казны и отослали въ Польшу. Подарки, посылаемые Великимъ Княземъ отъ себя къ иноземнымъ Государямъ, большею частію золотыя парчи, кафтаны изъ серебряной парчи и бархата, подбитые прекраснѣйшими черными соболями и куницами, также нѣсколько сороковъ соболей, куницъ, горностаевъ и бѣлокъ, рысей, черныхъ лисицъ, и другихъ прекрасныхъ мѣховъ, которыхъ у него вдоволь.

Когда всѣ они сядутъ за столъ, Великій Князь, Послы, Князья, Думные Бояре (Совѣтники), Дворяне и всѣ прочіе, назначенные для того прислужники приносятъ на столы ложки и ножи, по тому что Русскимъ никому не дозволяется входить съ ножомъ въ залу и другіе Великокняжескіе покои, если не хотятъ подвергаться немилости и наказанію, когда это откроется. Каждые двое Русскихъ должны довольствоваться одною ложкою и ножомъ.

Послѣ того подаютъ серебряныя чаши съ водкой, такія большія и глубокія, что гуси и утки свободно могутъ въ нихъ

плавать; при нихъ также и маленькія чашки, для черпанья водки изъ нихъ; такъ гости и пьютъ другъ за другомъ. Наконецъ приносятъ другія большія, серебряныя чаши, и въ довольномъ числѣ, также кубки и стопы, съ Педро Хименесъ, * Мальвазіею и другими Испанскими винами: ихъ пьютъ, пока еще не подадутъ кушаньевъ и не начнутъ обѣдать. А когда подадутъ кушанья, Великій Князь подзоветъ къ себѣ Кравчаго и дастъ ему блюдо съ нѣсколькими кусками хлѣба, нарѣзанными его собственною рукою. Кравчій разноситъ ихъ Боярамъ и Совѣтникамъ, говоря, что «Великій Князь всея Русіи пожаловалъ васъ этѣмъ хлѣбомъ,» и потомъ возвращается къ своему Государю. Такіе же куски хлѣба Великій Князь посылаетъ съ нимъ и къ Посламъ. Кравчій говоритъ имъ: «Великій Князь всея Россіи пожаловалъ васъ» и послѣ того опять идетъ къ своему Государю. Когда разносится хлѣбъ и произносится имя Великаго Князя, всѣ Бояре, сколько ни есть ихъ въ залѣ, снимаютъ шапки, наклоняютъ головы и тотчасъ же опять накрываются. Послѣ того раскладываются и подаются кушанья по 5-ти блюдъ разомъ; ихъ подаютъ Великому Князю, потомъ Посланникамъ, Совѣтникамъ и другимъ, въ томъ порядкѣ, какъ они сидятъ и въ какомъ уваженіи у Великаго Князя. За тѣмъ приносятъ разные напитки, Рейнскія, Испанскія и Французскія вина, разные меда и пиво, и подчуютъ ими гостей. Послѣ того Стольники приносятъ нѣсколько жареныхъ лебедей для Великаго Князя; онъ самъ дотрогивается до нихъ ножомъ и пробуетъ, которые лучше изжарились, разрѣзываетъ ихъ на малые куски и посылаетъ Совѣтникамъ и Посламъ, если этѣ сидятъ за столомъ, при чемъ Стольникъ говоритъ имъ: «Великій Князь всея Россіи пожаловалъ васъ симъ и проситъ, чтобы вы кушали;» они благодарятъ, встаютъ, снимаютъ шапки, наклоняютъ головы и говорятъ: «Дай, Боже, счастья и здоровья нашему милостивому Великому Князю!»

---

* Въ подлинникѣ: «Peter Semen.» Не Великороссійскую ли нашу водку Петрей называетъ такъ, думалъ я сперва. «Петръ Семенычъ» очень почетное названіе. Но это «Peter Semen» вышло, я думаю, вотъ какъ: Петрей спросилъ кого ни будь изъ Русскихъ, что это за вино? Тотъ отвѣчалъ: «Петръ Семенъ или Петръ Семенычъ,» по привычкѣ осмысливать чужія непонятныя слова; такъ Стокгольмъ обратился въ устахъ Русскихъ въ Стекольнъ, Антверпенъ въ Антропъ и т. под.

Когда Великій Князь начнетъ ѣсть какое ни будь кушанье, Кравчій беретъ уксусъ, перецъ и немного соли, и кладетъ все это на блюдо, въ которое Великій Князь обмакиваетъ и ѣстъ. То же самое дѣлаютъ и Приставы для Посланниковъ и соблюдаютъ всѣ Русскіе за обѣдомъ, по тому что всѣ кушанья у нихъ готовятся безъ соли. Когда они поѣдятъ сколько ни будь одного кушанья, подается много другихъ, такъ что бываетъ иногда блюдъ до 200-тъ разныхъ кушаньевъ, вареныхъ и жареныхъ, пастетовъ, тортовъ и тому подобныхъ. Прикомандированные Приставы часто пьютъ здравіе Пословъ, заставляютъ ихъ ѣсть и пить и казаться веселыми и довольными, по тому что Великій Князь ихъ пожаловалъ и хочетъ, чтобы они были веселы. Великій Князь и самъ иногда пьетъ за здравіе ихъ, своими руками подаетъ имъ подносъ и проситъ повеселиться, по тому что они присланы отъ большаго господина къ большому же господину, который его искренній и добрый другъ и братъ, и поднимаетъ къ верху руки, чтобы иностранцы видѣли его большія кольца на пальцахъ, а въ кольца вставлены прекраснѣйшіе алмазы, сапфиры, бирюзы, смарагды, рубины и аметисты. Онъ часто надѣваетъ столько колецъ, что едва можетъ согнуть и разогнуть пальцы, желая тѣмъ показать свое величіе и пышность передъ Послами, и дѣлается доволенъ и веселъ.

Тиранъ Иванъ Васильевичъ пѣвалъ иногда на своихъ пирахъ Символъ Вѣры Аѳанасія и другія молитвенныя пѣсни за столомъ и находилъ въ томъ удовольствіе. Кравчій и подносчики, стоящіе и прислуживающіе за столомъ, не оказываютъ ни какихъ особенныхъ почестей и услугъ Великому Князю, входятъ и уходятъ изъ залы въ шапкахъ; когда же онъ пьетъ, они обнажаютъ голову, кланяются и желаютъ ему кушать на здравіе и долгоденствіе. У поставца съ напитками обыкновенно стоитъ Дворянинъ съ большими серебряными чашами и кубками, налитыми дорогимъ виномъ и медомъ, и когда Великій Князь потребуетъ пить, подносчикъ подходитъ и, взявъ одинъ кубокъ, ставитъ его передъ нимъ на столъ; выпитый кубокъ онъ снимаетъ и уноситъ, наливаетъ его опять дополна и отдаетъ держать тому Дворянину, пока Великій Князь опять не захочетъ пить. И на столѣ у Великаго Князя тоже стоитъ большая чаша съ медомъ, кото-

рый называется у нихъ монастырскій квасъ (Monasterii Quaas): онъ такой свѣтлый и чистый, какъ лучшее Рейнское вино и прозрачный хрусталь, очень хорошъ, безъ всякихъ затѣй, но здоровѣе для питья всѣхъ другихъ напитковъ; Великій Князь и пьетъ его во все продолженіе обѣда: этотъ напитокъ варятъ и приготовляютъ изъ самаго чистаго и сладкаго меда, какой только можно найти въ странѣ.

По окончаніи обѣда, который всегда продолжается до полуночи, Великій Князь встаетъ изъ за стола, то же дѣлаютъ Совѣтники, Послы и всѣ находящіеся въ залѣ и такъ онъ приказываетъ подать столько кубковъ и чашъ, сколько иноземцевъ, съ самымъ лучшимъ и крѣпкимъ медомъ, какой только есть въ погребѣ, подзываетъ къ себѣ главнаго изъ Пословъ, подаетъ ему своей рукой чашу и говоритъ: «Жалуемъ тебя симъ.» Потомъ подаетъ такую же большую чашу и всѣмъ другимъ, сколько бы ихъ тамъ ни было, и говоритъ тѣ же слова. Послы благодарятъ Великаго Князя, отступаютъ немного назадъ и должны выпить до дна свои чаши, чтобы онъ это видѣлъ.

Послѣ того приходятъ Пристава Пословъ съ переводчикомъ и докладываютъ имъ, что приказано отвести ихъ опять въ жилье, такъ чтобы они шли за ними; Послы и уходятъ вмѣстѣ съ ними изъ залы, садятся на лошадей и ѣдутъ домой, съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ и пріѣхали. Пока не пріѣдутъ Послы на жилье, изъ приставленныхъ къ нимъ служителей никто не смѣетъ отлучаться отъ нихъ ни въ залѣ, ни на улицѣ, подъ строгимъ наказаніемъ и опалою. Приставы остаются съ Послами у нихъ на жильѣ и просятъ ихъ повеселиться: Великій Князь сейчасъ же пришлетъ имъ меда и вина.

Въ то время, какъ они сидятъ и разговариваютъ между собою, приходитъ изъ Кремля Дьякъ съ нѣсколькими Дворянами и приноситъ съ собой порядочный запасъ меда и вина, также нѣсколько чашъ и кубковъ, изъ которыхъ они будутъ пить, и тогда Русскіе начнутъ угощать Пословъ. Они считаютъ для себя большою славою и честью, если могутъ напоить до пьяна иностранцевъ: кто не пьетъ лихо, тому нѣтъ мѣста у Русскихъ. Отъ того у нихъ въ употребленіи и поговорка, когда кто на ихъ пиру

не хочетъ ни ѣсть, ни пить; они говорятъ тогда: «Ты не ѣшь, не пьешь, не жалуешь меня,» и очень недовольны тѣми, которые пьютъ не такъ много, какъ имъ хочется. А если кто пьетъ по ихъ желанію, тому они и доброжелатели, и онъ ихъ лучшій пріятель. Они не пьютъ за здоровье другъ друга, но ставятъ передъ каждымъ двѣ, или три, чаши вдругъ, и когда одна будетъ выпита, наливаютъ ее до полна опять и ставятъ передъ тѣмъ, кто ее выпилъ. То же соблюдается и со всѣми гостями до тѣхъ поръ, пока они не опьянѣютъ. Когда Послы довольно подопьютъ и ужь желали бы отдѣлаться отъ Русскихъ, выходитъ впередъ съ Приставами Дьякъ и становится съ своей собратіей въ комнатѣ пить съ Послами здравіе Великаго Князя; имъ надобно согласиться на то и пить это здравіе. То же должны сдѣлать и всѣ ихъ служители, большіе и малые, и до тѣхъ поръ стоять съ непокрытыми головами, пока здравіе не будетъ выпито въ круговую и всѣ не отвѣтятъ на эту здравицу. Послѣ того Дьякъ прикажетъ опять налить чаши и подноситъ ихъ Посламъ и ихъ спутникамъ за здравіе ихъ Короля и Государя. Это дѣлается съ особенною торжественностью и обрядами, а именно: Русскіе первые станутъ пить это здравіе, выйдутъ на средину комнаты, съ чашами въ рукахъ, налитыми по края виномъ и медомъ, снимутъ шапки, пьютъ и желаютъ своимъ обоюднымъ Государямъ здравія и счастія, также побѣды и одолѣнія ихъ недруговъ, у которыхъ чтобы не осталось во всемъ тѣлѣ и столько крови, сколько капель остается въ этѣхъ чашахъ, и опрокидываютъ чаши на головы. То же должны дѣлать и Послы, и при томъ, повторять слова Русскихъ, со всѣми своими Приставами и служителями. Когда Русскіе попьютъ вдоволь, станутъ расходиться, Дьякъ потребуетъ подарка за свои труды и безпокойство: онъ до того безстыденъ, что не отстанетъ до тѣхъ поръ, пока не только Послы, но и знатные ихъ Приставы и Офицеры, не дадутъ ему нѣсколькихъ червонцевъ и рейхсталеровъ, а не получивъ, сколько ему хочется, наговоритъ грубостей, точно сдѣлали ему какую обиду.

На другой, или на третій, день, послѣ Великокняжескаго угощенія, ихъ опять потребуютъ въ Кремль съ нѣсколькими Дворянами, и приведутъ въ залу, гдѣ уже собраны Великокняжескіе

Совѣтники: при входѣ въ залу Пословъ, этѣ Думные Бояре идутъ къ нимъ на встрѣчу, здороваются съ ними, желаютъ здоровья и долгой жизни, и провожаютъ къ лавкамъ, покрытымъ прекрасными Персидскими коврами, гдѣ должны будутъ сидѣть Послы. Какъ скоро они усядутся, Канцлеръ начнетъ говорить, переберетъ съ начала до конца Великокняжескій титулъ, а потомъ говоритъ, что Великій Князь велѣлъ имъ сказать, что назначилъ находящихся здѣсь добрыхъ Бояръ выслушать и принять ихъ порученіе, также разсуждать и вести съ ними переговоры обо всѣхъ дѣлахъ: пусть же они теперь откроютъ ввѣренное имъ порученіе къ Великому Князю. Главный изъ Пословъ отвѣчаетъ, что «относительно этого порученія и дѣла ихъ Государя къ Великому Князю, мы должны разсуждать съ нимъ самимъ, и исполнимъ это по данному намъ наказу. Русскіе сейчасъ же хотятъ видѣть и слышать этотъ наказъ: если же Послы отказываютъ и говорятъ, что не хотятъ и не могутъ сдѣлать того, они просятъ изложить ихъ порученіе по статьямъ на бумагѣ, и потомъ отдать имъ. Послы такъ и дѣлаютъ и разстаются съ Боярами, по тому что слушаніе ихъ тѣмъ и кончается, и Русскіе провожаютъ Посланниковъ въ ихъ жилье.

Потомъ Думные Бояре приходятъ къ Великому Князю и совѣщаются, какой бы дать отвѣтъ Посламъ. Когда же, послѣ довольно долгого совѣщанія, сговорятся, Пословъ опять приведутъ къ Великому Князю и его Боярамъ; вошедши къ нему, Послы сядутъ, и Канцлеръ, со сверткомъ въ рукахъ, на которомъ написаны отвѣты на всѣ статьи, начнетъ передавать изустно отвѣтъ на каждую статью, сказавши, однако жь, сперва длинный титулъ Великаго Князя. Послѣ того явится другой Бояринъ и прочитаетъ, что написано у него въ сверткѣ, потомъ третій, четвертый, до тѣхъ поръ, пока не будетъ дано отвѣта на всѣ статьи; потомъ соберутъ этѣ свертки вмѣстѣ и свяжутъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были читаны, а потомъ отдадутъ ихъ Посламъ, съ просьбою прочитать ихъ и сличить съ тѣмъ, что написано у нихъ въ бумагѣ; когда же всѣ, и Послы, и Бояре, соберутся вмѣстѣ опять, то первые дали бы на это свой отзывъ и надлежащій отвѣтъ. Иностранцы должны быть особенно осторожными, чтобы Русскіе не провели ихъ вкрадчивыми и льсти-

выми словами, не пугаться ихъ угрозъ и не соглашаться на то, что не слѣдуетъ и не сообразно съ ихъ наказомъ. По тому что Русскіе лукавы, обманчивы, изворотливы во всякомъ дѣлѣ, хотятъ, чтобы все кончалось и дѣлалось по ихъ мысли и мнѣнію, и напослѣдокъ совершилось бы такъ, какъ скажетъ Великій Князь. Во всѣхъ переговорахъ, идущихъ не такъ, какъ бы имъ хотѣлось, они ни въ чемъ не уступятъ, да и не кончатъ ихъ ни чѣмъ, если только дѣло пойдетъ не по желанію Великаго Князя, справедливо ли оно, или нѣтъ: они часто заставляли иностранныхъ Пословъ кончать свои дѣла со всѣмъ не такъ, какъ бы имъ слѣдовало и какъ требовали данныя имъ наставленія; это особливо случалось съ очень робкими и малодушными людьми, не умѣвшими обходиться съ ними и струсившими при ихъ хвастливыхъ словахъ и угрозахъ.

По тому что, когда Послы не соглашаются въ какомъ нибудь дѣлѣ на требованія и желанія Русскихъ, этѣ начнутъ грозить убійствами, войною и пожарами ихъ Государямъ и имъ, чтобы страхомъ заставить ихъ согласиться на приказанія Великаго Князя; это случалось часто съ такими людьми, которые не знали ихъ обычая и плутовскихъ продѣлокъ. Послѣ того, какъ дѣла съ обѣихъ сторонъ приведутся къ концу, и Великій Князь захочетъ отпустить Пословъ, онъ призоветъ ихъ къ себѣ и относительно дѣла, бывшаго предметомъ переговоровъ, дастъ свою грамоту, скрѣпленную большою печатью, въ томъ, что все будетъ исполнено вѣрно и ненарушимо. Когда принесутъ къ нему эту грамоту, онъ велитъ прочитать ее Канцлеру и подать Посламъ. Кто ни будь изъ Великокняжескихъ людей войдетъ съ золотымъ блюдомъ, на которомъ лежитъ Русская икона съ крестомъ, сдѣланнымъ изъ золота и брилліантовъ: Великій Князь беретъ образъ, прикладывается къ нему лицомъ и три раза креститъ имъ себя; потомъ цѣлуетъ крестъ съ особенною набожностію, беретъ его въ руку и говоритъ: «Это во истину крестъ живаго Христа, и какъ Христосъ есть истина, такъ же правдиво и ненарушимо исполнено будетъ по всѣмъ статьямъ этой грамоты;» онъ вторично цѣлуетъ крестъ и велитъ отдать грамоту Посламъ, которые также даютъ грамоту за печатью отъ лица своего Государя, однако жь, тогда только, когда велитъ ее представить

Великій Князь; потомъ должны дать надлежащую клятву, повторить за Канцлеромъ тѣ же слова, которыя сказалъ не за долго до того Великій Князь, и вручить свою грамоту ему, либо Канцлеру, если онъ самъ не захочетъ принять ее.

Послѣ того онъ читаетъ по списку подарки, посылаемые отъ него ихъ Государю и Королю, а также и назначаемые самимъ Посламъ: это золотая и серебряная парча, бархатъ, атласъ, камка, нѣсколько сороковъ соболей, куницъ, горностаевъ, черныхъ лисицъ, бѣлокъ и другихъ дорогихъ мѣховъ, смотря по лицу, чтобы никто не уѣзжалъ отъ него изъ Москвы безъ подарка. Онъ въ другой разъ приглашаетъ къ себѣ въ гости Пословъ, либо посылаетъ къ нимъ нѣсколько сотъ кушаньевъ въ жилище ихъ, также и разныхъ вкусныхъ напитковъ, для такого же угощенія, какъ и прежнее.

Взявъ совсѣмъ отпускъ и приготовясь къ отъѣзду, они получаютъ еще въ подарокъ нѣсколько бочекъ меду, пива и водки, и берутъ все это съ собою въ дорогу, по тому что въ городахъ и деревняхъ имъ нельзя будетъ достать ни какихъ напитковъ такого качества, чтобы можно было ихъ пить. Имъ дается также нѣсколько Дворянъ, или прежде ѣздившихъ съ ними, или другихъ, для сопровожденія, чтобы не случилось съ ними чего ни будь дурнаго, и для снабженія ихъ вдоволь кушаньемъ и напитками, лошадьми, санями и повозками, и всѣми потребностями, чтобы у нихъ не было недостатка ни въ чемъ нужномъ. Такъ и выѣдутъ они изъ страны въ томъ же порядкѣ и съ тѣмъ же поѣздомъ, какъ и пріѣхали. Провожатые и указывающіе дорогу, также и всѣ, которые сдѣлали какую ни будь мелочную услугу Посламъ, докладывали о нихъ Великому Князю, или подавали имъ кушанья и напитки, исполняли ихъ порученія, ходили для нихъ на рынокъ, или на улицу, или чтобы такое ни сдѣлали, не совѣстятся просить и клянчить у Пословъ подарка: они даже до того безстыжи и съ такими мѣдными лбами (perfrictae frontis), что не бываютъ довольны малымъ, а сами назначаютъ, сколько дать имъ рейхсталеровъ, или червонцевъ. Если же Послы не понравятся Великому Князю, не хотятъ отступить отъ даннаго имъ наставленія и сдѣлать по его желанію, онъ велитъ ихъ бить, сѣчь, посадить въ темницу и дурно обходиться съ ними,

такъ что они едва могутъ исправить все, для нихъ нужное, и содержать себя на свои деньги. Такъ и было въ 1569 году, съ Послами блаженной памяти Короля Шведскаго, Іоанна, Епископомъ Абовскимъ и Тонніемъ Ольсеномъ изъ Дюстерби, присланными къ Великому Князю Ивану Васильевичу для заключенія мира и союза.

Ихъ не только плохо кормили и поили въ дорогѣ, били и колотили палками, но, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, посадили въ темницу, вопреки праву и обычаю всѣхъ народовъ, собственнымъ обѣщаніямъ и увѣреніямъ Великаго Князя: у нихъ отобрали платье, деньги и вещи, до другого года содержали ихъ въ жалкомъ заключеніи и чрезвычайно дурно кормили, такъ что нѣкоторые умерли, не дошедши до дому. А все изъ за того, что не хотѣли сдѣлать по желанію Великаго Князя и отступить отъ данныхъ имъ наставленій, какъ это было уже изложено выше.

Итакъ мы довольно говорили уже о присягѣ Великому Князю и о вѣнчаніи его въ Россіи, также и о томъ, какъ Русскіе принимаютъ въ своей землѣ иностранныхъ Пословъ, обходятся съ ними и содержатъ ихъ, когда Послы согласны во всемъ съ Великимъ Княземъ, также и въ томъ случаѣ, когда они не соглашаются съ нимъ и не хотятъ ни чего дѣлать по его мысли.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ СПОСОБА И ОБРАЗА РУССКИХЪ, КОГДА ОНИ ВЫСТУПАЮТЪ ВЪ ПОХОДЪ, ДѢЛАЮТЪ СМОТРЫ, ПЕРЕХОДЫ, УСТРАИВАЮТЪ БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ, КАКЪ ОНИ СРАЖАЮТСЯ СЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ, КАКОЕ УПОТРЕБЛЯЮТЪ ОРУЖІЕ, КАКЪ ОБОРОНЯЮТСЯ ОТЪ НЕПРІЯТЕЛЯ И СОДЕРЖАТЪ [illegible] СЕБЯ ВЪ ПОХОДѢ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда Москвитяне въ размолвкѣ и во враждѣ съ своими сосѣдями, не могутъ договориться и помириться съ ними, а хотятъ драться и воевать, они поступаютъ не такъ, какъ заведено у другихъ знаменитыхъ Государей, не велятъ извѣщать и не объявляютъ имъ чрезъ письма, или вѣстниковъ, о своемъ желаніи вести войну съ ними, послѣ чего тѣ могли бы сообразиться, но прежде нежели ихъ непріятели успѣютъ осмотрѣться и принять мѣры предосторожности, они врываются въ ихъ землю, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, разоряютъ и опустошаютъ ее мечемъ и огнемъ; прежде нежели непріятели это замѣтятъ и успѣютъ изготовиться, они уже разорили ихъ землю на нѣсколько миль и вернулись домой: этого довольно можно видѣть въ ихъ лѣтописяхъ. Точно такъ же, какъ воюютъ обманомъ и хитростью, ту же снаровку употребляютъ они и при заключеніи мира, особливо, когда говорятъ, что хотятъ заключить и соблюдать вѣчный миръ съ сосѣдями: этѣхъ людей, не подозрѣвающихъ ни какого коварства и хитрости, легко вводятъ въ обманъ такія слова; они думаютъ и вѣрятъ, что этотъ, торжественно заключен-

ный, вѣчный и неизмѣнный мирный договоръ будетъ сохраняться ненарушимо. Но Русскіе говорятъ, что этотъ вѣчный миръ съ непріятелемъ долженъ соблюдаться не дольше того, пока находятся въ живыхъ Государи, которые заключили его; когда же умрутъ они, умираетъ и миръ и вѣчность его, а, слѣдовательно, конецъ и вѣчному мирному договору. По тому-то, какъ скоро Государь умеръ, они или сызнова начинаютъ войну, или заключаютъ новый миръ. Для того гораздо лучше и полезнѣе при заключеніи мира съ Москвитянами ограничивать его нѣсколькими годами, на сколько можно склонить и уговорить ихъ; когда же этѣ годы подойдутъ къ концу, опять заключать мирный договоръ на нѣсколько новыхъ лѣтъ, если только Москвитяне согласны и расположены къ миру; тогда тотъ, кто будетъ вѣренъ своему слову, чести и обѣщанію, не останется обманутымъ, и Москвитяне не ворвутся тайкомъ въ его землю, не разорятъ и не опустошатъ ее, какъ это часто бывало и можетъ быть подтверждено сосѣдними Государствами. Когда Москвитяне намѣрены вести войну съ какимъ ни будь Государемъ, то они еще за годъ до того дѣлаютъ смотръ своимъ войскамъ по всей странѣ, Дворянамъ, коннымъ и пѣшимъ воинамъ и Казакамъ, для того, чтобы знать, сколько тысячъ выставятъ они въ поле. Если покажется имъ, что войска мало и они не довольно сильны, тогда велятъ записывать въ воины десятаго изъ гражданъ и крестьянъ по всей странѣ, пока войско не умножится до 300 тысячъ вооруженныхъ Русскихъ и Татаръ, не считая обозныхъ и простыхъ челядинцевъ; иногда записываютъ даже 7-го, 5-го и 3-го изъ гражданъ и крестьянъ, если потребуетъ надобность и идетъ война. Когда же нѣтъ слуховъ о войнѣ и по всѣмъ мѣстамъ у нихъ мирно, они записываютъ въ войско каждые три года всѣхъ Дворянъ, со всѣми ихъ молодыми и взрослыми сыновьями, чтобы знать, какъ сильны они людьми и лошадьми, когда надо будетъ итти въ походъ. Великій Князь платитъ имъ жалованье по 10, 15 и 20-ти талеровъ въ годъ, которое выдается изъ города или Кремля, гдѣ живутъ они; получаютъ его частію къ Пасхѣ, частію къ Михайлову дню. Когда у Великаго Князя мирное время и войны нѣтъ, нѣсколько сотъ тѣхъ Дворянъ должны нести свою службу внутри Государства въ городѣ или Кремлѣ, на караулахъ или при другомъ какомъ дѣлѣ, цѣлый мѣсяцъ продовольствовать

себя пищею и питьемъ на свой счетъ, пока не исправятъ своей службы въ городѣ и не придутъ другіе смѣнить ихъ: это такъ и ведется каждый мѣсяцъ, пока они остаются дома.

Въ военное время всѣ они, сколько ихъ ни занесено въ Великокняжескій списокъ, старые и молодые, должны итти въ походъ; никто не избавляется отъ того, какъ бы ни былъ онъ дряхлъ, слабъ и болѣнъ; онъ все таки долженъ итти, не смотря на то, что едва ноги таскаетъ. Ни что не спасаетъ отъ этого; не дозволяется даже ставить другого вмѣсто себя. Сыну не позволяется пріѣзжать или служить за отца; но если онъ уже въ силахъ и взрослый, долженъ служить за себя, а отецъ его такъ же самъ за себя. Тутъ не поможетъ ни какое оправданіе: ни старость, ни болѣзнь, ни слабость; даже кто лежитъ и уже борется съ смертью, и тотъ долженъ итти въ походъ, хоть едва ли проживетъ больше 3-хъ, или 4-хъ, дней, если только не хочетъ, чтобы описали помѣстья у него и наслѣдниковъ и отдали ихъ другому. По тому что когда будетъ смотръ, назовутъ его имя, а его нѣтъ, дѣлающіе смотръ Бояре спросятъ объ нёмъ; если имъ отвѣтятъ, что онъ болѣнъ, старъ, не можетъ больше исправлять ни какой службы, а прислалъ вмѣсто себя другого, это не принимается въ уваженіе, онъ подвергается немилости Великаго Князя и помѣстья у него отбираются. Русскіе говорятъ, что онъ провинился и согрѣшилъ противъ Великаго Князя: коли онъ болѣнъ, старъ и слабъ, то лѣтомъ велѣлъ бы положить себя на телѣгу, да такъ и везти, а зимою въ сани, такъ бы и ѣхалъ и умеръ бы на службѣ Великаго Князя, тогда и не былъ бы виноватъ, сохранилъ милость Великаго Князя и удержалъ за собою помѣстья для своихъ наслѣдниковъ.

Когда кто занеможетъ въ станѣ, или получитъ рану въ сраженіи, такъ что не въ силахъ будетъ больше нести ни какой службы, ему не дозволяется ѣхать домой, онъ долженъ оставаться за войскомъ, пока не умретъ, или не выздоровѣетъ. Кто безъ спроса уйдетъ домой, больной ли онъ, или здоровый, и это откроется, Полководецъ приказываетъ воротить его и безъ всякой пощады наказываетъ смертною казнью.

Смотръ бываетъ у нихъ не такъ, какъ у насъ и у другихъ народовъ: когда они дѣлаютъ смотръ, всѣ Полковники сходятся

на одинъ дворъ, садятся въ избѣ у окна, либо въ палаткѣ, и подзываютъ къ себѣ полки одинъ за другимъ; возлѣ нихъ стоитъ Писарь, вызывающій каждаго поименно по списку у него въ рукахъ, гдѣ всѣ они записаны; каждый долженъ выходить и представляться осматривающимъ Боярамъ. Если же нѣтъ кого на лицо, Писарь записываетъ тщательно его имя до дальнѣйшаго распоряженія: они не спрашиваютъ, есть ли съ нимъ служители, лошади, оружіе и вооруженіе, спрашиваютъ только его самого.

Такой смотръ обыкновенно бываетъ каждую недѣлю, когда они въ походѣ, чтобы Полковники знали, въ какихъ они силахъ, сколько у нихъ умерло, убито, или убѣжало. По тому что неохотно отваживаются вступать въ бой съ непріятелемъ, если не знаютъ, что въ 6-ть разъ сильнѣе его. Они стараются собрать о немъ вѣрныя свѣдѣнія и всегда посылаютъ за два, или за три, дня пути впередъ во всѣ стороны вокругъ себя, также и назадъ, для развѣданія, далеко ли отъ нихъ расположился непріятель и какія у него намѣренія, чтобы онъ не напалъ на войско нечаянно, безъ всякаго предупрежденія. Когда услышатъ, что непріятель близко, и намѣрены вступить въ бой съ нимъ, они не устраиваютъ ни крыльевъ, ни боеваго порядка, ни передоваго, ни задняго войска, а ѣдутъ въ кучѣ безъ всякаго устройства, имѣя въ срединѣ большое знамя. Все войско раздѣлено на десятки, полусотни, сотни и тысячи, такъ что одинъ Капитанъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ 10, 50, 100 и 1000 человѣкъ, а Воевода нѣсколько полковъ въ 10-ть, или болѣе, тысячъ. Каждый десятникъ знаетъ своего полусотеннаго начальника, полусотенный сотеннаго, сотенный тысячнаго, тысячный десяти и болѣе тысячнаго. Такимъ образомъ каждому военному человѣку или Капитану легко смотрѣть не больше, какъ за десятью человѣками. Если теперь Воевода всего войска хочетъ послать отрядъ для развѣдыванія, или для схватки съ непріятелемъ, или за какимъ ни будь другимъ дѣло́мъ, онъ приказываетъ начальнику надъ многими тысячами прислать нѣсколько тысячъ воиновъ, а этотъ начальнику надъ тысячью, тотъ сотеннику, наконецъ этотъ десятнику Тогда каждый изъ нихъ знаетъ, что ему дѣлать, и приказаніе исполняется въ одинъ часъ.

Завидѣвъ непріятеля издали, они поднимаютъ сильный крикъ и вой, точно дѣлаютъ важное для нихъ дѣло, думая такимъ образомъ обратить непріятеля въ бѣгство, запугать его и проглотить живьемъ. По тому что отъ природы они не такъ, чтобы очень храбры и неустрашимы, такъ и думаютъ сбить и одолѣть непріятеля своимъ страшнымъ крикомъ и воемъ и стремительнымъ нападеніемъ. Если же это не удастся и останется напраснымъ, непріятель идетъ имъ на встрѣчу, наступаетъ на горло, храбрость у нихъ и проходитъ, развѣ когда войска у нихъ слишкомъ много и они совершенно увѣрены въ побѣдѣ, тогда нападаютъ на врага съ бѣшенствомъ, точно полоумные. Проигравъ битву и обратившись въ бѣгство, уцѣлѣвшіе ѣдутъ въ разныя стороны, охаютъ, плачутъ, бросаютъ оружіе и все, что ни есть съ ними, хлещутъ кнутомъ лошадей такъ усердно и жестоко, что тѣ черезъ силу бѣгутъ и падаютъ околѣвшіе. Они никогда не оглядываются назадъ, чтобы отступить и занять мѣсто для вторичнаго боя съ непріятелемъ, а думаютъ только, какъ бы уплести ноги и спастись бѣгствомъ; для того употребляютъ мериновъ, крощеныхъ и холощеныхъ лошадей, съ надрѣзанными ноздрями, по тому что этѣ лошади крѣпки и надежны въ ѣздѣ. Онѣ не очень большія, средняго роста, бойкія, рѣзвыя и легкія, имѣютъ твердыя и крѣпкія копыта, такъ что для нихъ не надобно и подковъ, по тому что не спотыкаясь бѣгаютъ съ горы на гору, по утесамъ и по льду. Замѣтивъ, что имъ нельзя спастись и укрыться въ такомъ быстромъ бѣгствѣ, а надобно отдаться непріятелю, быть убитыми, или плѣнными, Русскіе бросаются прямо съ лошади, припадаютъ лицомъ къ землѣ и со слезами на глазахъ очень униженно просятъ помилованія и пощады себѣ. Другіе народы, послѣ пораженія, отступаютъ, опять занимаютъ мѣсто и дѣлаютъ въ другой разъ попытку, нельзя ли будетъ имъ отомстить непріятелю, разбить его и нажить себѣ славу.

Когда Татаринъ сбитъ съ лошади и потерялъ все оружіе, онъ не вдругъ поддается, хватаетъ и обороняется руками, кусается, бьется изо всѣхъ силъ ногами, пока его не убьютъ, или не возьмутъ силою въ плѣнъ и не свяжутъ. Турокъ, увидавъ, что ему не уйти отъ непріятеля, бросается съ лошади, падаетъ на колѣни, кидаетъ все оружіе, протягиваетъ руки, сдается въ плѣнъ и униженно проситъ пощадить ему жизнь.

Хоть Москвитяне и не особенно храбры и неустрашимы въ сраженіи, чтобы сдѣлать что ни будь чрезвычайное, однако жь, они дерзки, хитры, отважны, если осадятъ ихъ въ обозѣ, въ укрѣпленіи, или въ кремлѣ, и прежде испытаютъ всякую нужду, нежели сдадутся на милость непріятелю, по тому что защищаются и сопротивляются длинными баграми, копьями, каменьями и всѣмъ, что только придетъ имъ въ голову.

Валы, не смотря, что они довольно насыпаны землей, имѣютъ у нихъ еще стѣну изъ толстыхъ бревенъ, крѣпко вбитыхъ въ землю, а на нихъ и кругомъ лежитъ очень много большихъ деревьевъ, которыя Русскіе съ небольшимъ усиліемъ могутъ сталкивать внизъ. Когда же подойдетъ непріятель и полѣзетъ на стѣны, они скатываютъ деревья и бревна, которыя по ихъ тяжести часто причиняютъ много вреда и убиваютъ много народа. У нихъ не легко взять крѣпость ни пушками, ни огненными ядрами, ни другимъ, употребляемымъ для того, оружіемъ, если только у нихъ есть войско, пища и питье для необходимаго содержанія, что и дознано въ прошлые годы Шведами подъ Кексгольмомъ, Нотебургомъ и Иваньгородомъ, а Поляками подъ Смоленскомъ. Я такъ думаю, что если бы у Русскихъ не было недостатка ни въ водѣ, ни въ пищѣ, непріятели и теперь еще не взяли бы этѣхъ городовъ, не смотря на оказанное ими мужество и осторожность. Но такъ какъ недостало съѣстныхъ припасовъ и народъ погибалъ жалкою смертію отъ скорбута, то они и должны были покориться и сдать этѣ города.

За то и сами Русскіе вовсе не искусны и не привычны взбираться на какую ни будь крѣпость, или стѣну, по тому что они такъ малодушны, что никто изъ нихъ не хочетъ подходить къ стѣнамъ первый, а всякой старается быть послѣднимъ. Вообще всѣ свои подвиги они дѣлаютъ великимъ множествомъ войска: заграждаютъ и занимаютъ всѣ выходы у осажденныхъ и заставляютъ ихъ нуждой сдаваться. Впрочемъ, осажденные знаютъ ихъ обычай и образъ дѣйствій, что они много обѣщаютъ, а мало исполняютъ, и не даютъ никому пощады, по тому гораздо лучше вынесутъ самую крайнюю нужду и опасность, или погибнутъ въ бою, нежели отдадутся имъ въ руки.

Все войско, которымъ располагаетъ Великій Князь въ военное время, конное, какъ простые воины, стрѣльцы и другіе, которымъ ввѣренъ огнестрѣльный снарядъ, такъ и Дворяне и всадники: пѣшкомъ не ходитъ никто. Великій Князь снабжаетъ ихъ лошадьми и оружіемъ, кромѣ Дворянъ, имѣющихъ крестьянъ и помѣстья, однако жь даетъ все это только однажды, когда принимаетъ ихъ въ службу. Если все это пропадетъ у воиновъ, или взято будетъ непріятелемъ, или утратится какимъ ни будь другимъ образомъ, воины должны купить, или достать себѣ другихъ лошадей и другое оружіе, въ своихъ городахъ. Великій Князь даетъ имъ и жалованье, въ военное и мирное время, по 6-ти и по 8-ми талеровъ въ годъ, смотря по ихъ усердію, да еще 20 бочекъ муки на содержаніе. Больше они не получаютъ ни чего, но должны каждый часъ быть готовы, по его требованію, отправляться въ то мѣсто, куда онъ пошлетъ ихъ, и не смѣютъ сказать, какъ дѣлаютъ наши воины: «Не хотимъ, де, итти, пока не дадутъ намъ впередъ за столько-то мѣсяцевъ жалованья, и хотимъ жить въ такой роскоши, чтобы все у насъ было съ сахаромъ да съ перцемъ.»

Но у Русскаго Великаго Князя не принимаются такія отговорки: его военные люди должны приносить съ собою пищу себѣ, какъ Офицеры, такъ и простые воины, и обязаны дѣлать все, чтобы онъ ни велѣлъ имъ, если хотятъ избѣжать наказанія и великой опалы. А онъ не разбираетъ, кто высшаго, кто низшаго званія.

Разсердившись, такъ наказываетъ, что и не уймется ни какъ. Никто не смѣетъ въ чемъ ни будь перечить ему, ни словомъ, ни мнѣніемъ, ни дѣломъ: всѣ должны исполнять его волю и оставаться довольными, что бы онъ ни сдѣлалъ, чего бы ни захотѣлъ. По тому что здѣсь имѣетъ силу: «Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas!» Всѣ они должны говорить, что всѣ его приказанія справедливы и законны, и воля его — воля Божія.

По тому-то они обыкновенно и говорятъ, что какъ Богъ царствуетъ на небѣ, такъ Великій Князь на землѣ, что Божія воля то же, что и воля Великаго Князя; говорятъ еще, если съ ними случится что ни будь: «Знаютъ это Богъ да Великій Князь:

что Имъ угодно, и что Они прикажутъ, противъ того мы не споримъ.»

Русскіе, особливо знатные, охотно носятъ шлемы и брони: нѣкоторые подбиваютъ себѣ платья ватой, или бумагой, такъ толсто и прочно, что стрѣла изъ лука не легко можетъ вредить имъ. Другіе, также и простые воины, большею частію, безъ броней, и ихъ оружіе противъ непріятеля лукъ и колчанъ со стрѣлами, который виситъ у нихъ назади. Въ этой стрѣльбѣ изъ лука они метки и сильны, по тому что занимаются ею съ молодыхъ лѣтъ: изъ такихъ луковъ они стрѣляютъ соболей, куницъ, горностаевъ и другихъ звѣрей, однако жь тупыми стрѣлами, по тому что если онѣ будутъ нѣсколько остры, то пробьютъ мѣхъ.

У нихъ кривые мечи, которые называются тамъ сабли, и сдѣланы въ родѣ Польскихъ и Турецкихъ, впрочемъ, не такъ остры и не хорошо рѣжутъ. У нѣкоторыхъ пистолеты и длинныя ружья съ фитилями и курками, также копья и дротики. Все это узнали они только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но такъ уже ловки и привычны владѣть этѣмъ оружіемъ, что ни мало не уступятъ ни одному иностранцу. По одну сторону сѣдла у Дворянъ привѣшивается небольшой, похожій не котелъ, барабанъ и при немъ топоръ. Нѣкоторые возятъ между сѣдломъ и ногами длинную рогатину, а саблями и луками пользуются почти одинаковымъ образомъ: въ рукѣ, въ которой между пальцами навита узда, они держатъ лукъ, а во рту стрѣлу, въ правой рукѣ саблю и привѣшенный кнутъ. Когда хотятъ стрѣлять, выпускаютъ изъ руки саблю, привязанную къ ней на шнуркѣ, и такъ оставляютъ ее висѣть. При первомъ нападеніи, они стрѣляютъ всѣ вмѣстѣ, только большею частію издали, по тому что съ трудомъ подпускаютъ непріятеля такъ близко, что могутъ достать его копьемъ. Выстрѣливъ и не замѣчая, чтобы ихъ стрѣлы нанесли такой вредъ непріятелю, что онъ очень ослабѣлъ, они обращаются въ бѣгство и бѣгутъ безъ отдышки, одни за другими, какъ будто Богу угоднѣе тотъ, кто бѣгаетъ шибче всѣхъ.

Нынѣ они сами дѣлаютъ ружья и пушки, также и разные военные снаряды, и очень запасливы ими, особливо стѣнобитнями,

цѣльными и половинными картунами, малыми и большими полевыми пушками, фальконетами, мортирами, которыхъ много вывозили они изъ Польши и Ливоніи. Впрочемъ, они и сами много льютъ ихъ и держатъ на сохраненіи въ Псковѣ, Смоленскѣ, Великомъ Новгородѣ, Иваньгородѣ и Нотебургѣ.

Когда Москвитяне хотятъ выходить на войну и, собравшись. должны выступить въ походъ, они раздѣляются на пять отрядовъ. Большой отрядъ, въ которомъ ѣдетъ главный Воевода, называютъ они по своему «большой полкъ» и располагаютъ его въ срединѣ; другой называется передній полкъ (Peredanai Polck), который долженъ итти впереди большаго полка; третій — задній полкъ (Nazadinai Polck), располагающійся за большимъ полкомъ, а за нимъ слѣдуютъ обозные служители со всею ихъ поклажей; четвертый называется правый полкъ (Napranoa Polck), и ставится направо отъ Полководца; пятый — лѣвый полкъ (Naleva Polck), и располагается налѣво отъ него. Когда все войско двинется съ мѣста, передній полкъ долженъ ѣхать впереди, и ѣдетъ первый передъ главнымъ Воеводой; въ немъ 5-ть тысячъ стрѣльцовъ въ зеленыхъ кафтанахъ, съ длинными пищалями, по пяти человѣкъ въ рядъ. За тѣмъ слѣдуетъ 8, или 10, верховыхъ лошадей въ нарядномъ уборѣ; на сѣдлахъ у нихъ лежатъ большія черныя медвѣжьи и волчьи шкоры.

Потомъ ѣдетъ Воевода полка, одинъ, съ маленькимъ барабаномъ, привѣшеннымъ къ сѣдлу; за нимъ ѣдетъ, безпорядочною толпою, нѣсколько тысячъ человѣкъ. Если кто заѣдетъ впередъ Воеводы, или возлѣ, онъ тотчасъ бьетъ кнутомъ въ барабанъ, и тотъ долженъ податься назадъ, по тому что никто, если не хочетъ быть наказаннымъ, не смѣетъ ѣхать впереди Воеводы, кромѣ тѣхъ, которымъ это прикажутъ. За тѣмъ ѣдетъ большой полкъ и въ немъ Главный Воевода, съ военнымъ снарядомъ; въ его полку нѣсколько барабанщиковъ и трубачей, которые, когда онъ выѣзжаетъ, бьютъ въ барабаны и играютъ на трубахъ. Передъ нимъ тоже ѣдутъ, по 5-ти въ рядъ, нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлою горностаевою опушкою и съ длинными ружьями; за ними слѣдуютъ 24 верховыя лошади Вождя, съ чрезвычайно нарядными уздами и сѣдлами, на которыхъ положены леопардовыя и рысьи шкуры, а потомъ ѣдетъ самъ

Военачальникъ (General): къ сѣдлу его привѣшенъ маленькій мѣдный барабанъ, въ который и бьетъ онъ кнутомъ, если кто заѣдетъ впередъ его; за нимъ толпою слѣдуютъ военные Сановники, нѣсколько тысячъ Дворянъ и иностранцевъ изъ разныхъ народовъ, въ службѣ у Великаго Князя, всѣ почти въ одной грудѣ. Направо отъ Полководца ѣдетъ правый полкъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, безо всякаго порядка, а слѣва лѣвый полкъ, тоже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ и другіе, только въ этѣхъ полкахъ нѣтъ ни передовыхъ вершниковъ, ни верховыхъ лошадей. Потомъ слѣдуетъ весь обозъ съ поклажей, который, по многочисленности, будетъ съ цѣлое войско: тамъ кричатъ, шумятъ, гамятъ, точно полоумные или сумасшедшіе, ни какого порядка не соблюдаютъ, а все заѣзжаютъ впередъ другъ другу, по тому что тотъ и лучше, кто ѣдетъ первымъ, и поднимаютъ такой содомъ, что если бы по близости случился и услыхалъ это непріятель, да еще не очень храбрый и смѣлый, онъ обратился бы въ бѣгство.

Когда ѣдутъ на всѣхъ рысяхъ, они тоже должны сохранять этотъ порядокъ, въ лѣсу ли это, въ горахъ ли, или въ долинахъ, до самаго того мѣста, гдѣ хотятъ расположиться станомъ, и занимаютъ очень большое пространство въ лѣсу, или на полѣ, почти съ милю въ окружности, по тому что такъ для нихъ всего удобнѣе доставать воду для своихъ лошадей. Такое же расположеніе, какъ въ походѣ, они соблюдаютъ и на стоянкахъ. Прежде всѣхъ располагается первый полкъ, за нимъ второй, третій, четвертый и пятый, какъ соблюдалось въ походѣ: имъ отдается приказъ, чтобы никто не располагался на стоянку не на положенномъ для него мѣстѣ.

У каждаго отряда свой лозунгъ, который служители и обозные выкрикиваютъ при входѣ въ станъ; имъ отвѣчаютъ Бояре и молодые Дворяне: такимъ образомъ вмѣстѣ и сходятся Господа съ ихъ слугами, а то иначе имъ ни какъ нельзя было бы отыскать другъ друга въ такомъ многолюдствѣ, если бы у каждаго полка не было своего лозунга, который и кричатъ по пріѣздѣ обоза. Когда всѣ размѣстятся и пріѣдетъ обозъ ихъ съ съѣстными припасами и овсомъ, они возьмутъ телѣги и сани и загораживаются ими, закрываются также войлоками съ саней и

телѣгъ и своими плащами. Нѣкоторые наберутъ хворосту, сосновой коры и чего ни будь подобнаго и дѣлаютъ себѣ маленькіе шалаши; каждый помѣщается у своей лошади, которую привязываетъ веревкою къ своей ногѣ, снимаетъ сѣдло и употребляетъ его вмѣсто изголовья. Воеводы и большіе Бояре привозятъ съ собой большія палатки, въ которыхъ укрываются отъ дождя и непогоды. Но всѣ другіе, какъ Дворяне, такъ и простые всадники, воины и стрѣльцы, ложатся во всемъ платьѣ и въ полномъ вооруженіи, чтобы тотчасъ же быть готовыми и не имѣть ни въ чемъ недостатка, когда подойдетъ непріятель, развѣ только взять и надѣть на лошадей сѣдла, лежавшія подъ головами, и такимъ образомъ въ мигъ быть готовыми или сражаться съ непріятелемъ, или уходить и бѣжать отъ него.

Странное и удивительное дѣло, что Москвитяне могутъ выходить въ поле въ такомъ множествѣ сотенъ тысячъ, по тому что получаютъ такое малое жалованье отъ Великаго Князя, да и въ станъ къ нимъ не бываетъ привоза ни какихъ съѣстныхъ припасовъ, а каждый самъ долженъ заботиться о себѣ и своей прислугѣ и привозить все нужное изъ дому. Никто не смѣетъ раскрыть рта и сказать слово о деньгахъ, или пищѣ, но всѣ они, высшаго и низшаго званія, такъ преданы и послушны Великому Князю, что безъ всякихъ отговорокъ пожертвуютъ и не подорожатъ для него всѣмъ своимъ имуществомъ и самою жизнью.

Они особливо стараются брать съ собою сушеный хлѣбъ, разрѣзанный на малые четвероугольные куски и испеченный два раза: по нуждѣ еще можно нѣсколько времени кормиться этѣми сухарями. Возятъ также съ собою овсяной крупы, чечевицы, перцу, соли, чесноку, уксусу и водки. Но обыкновенно пьютъ воду, смѣшенную съ уксусомъ. Высшіе начальники, Офицеры и богатые Дворяне берутъ также съ собою много овса для лошадей, а для себя нѣсколько полтей сала, которое на стоянкѣ и велятъ варить въ большомъ котлѣ, наливаютъ въ него 5, или 6, мѣръ воды, кладутъ также нѣсколько пригоршней крупы и кусочекъ сала, величиной съ руку: такъ и варятъ все это вмѣстѣ. Когда сварится, берутъ свои деревянныя ложки изъ кожанаго кошелька, привѣшеннаго къ поясу, и съѣдаютъ съ своими служителями все, что ни есть въ котлѣ: это у нихъ самое вкус-

ное, Боярское кушанье въ походѣ на непріятеля. Когда же они находятся въ непріятельской землѣ и не имѣютъ времени варить это вкусное и пріятное блюдо, берутъ наравнѣ съ простыми воинами нѣсколько пригоршней овсяной муки и прибавляютъ къ ней немного воды и соли; знатные и зажиточные кладутъ туда еще перцу, мѣшаютъ все это вмѣстѣ, точно телячье пойло, и съѣдаютъ это лакомое кушанье все дочиста, какъ проголодавшіяся свиньи, а потомъ выпиваютъ нѣсколько чарокъ водки. Когда имъ очень хочется пить, а утолить эту жажду не могутъ, становятся на четвереньки да и пьютъ вмѣстѣ съ лошадьми, когда поятъ ихъ, и напиваются иногда до того, что чуть не лопнетъ животъ, а все же хмѣля не достаютъ себѣ.

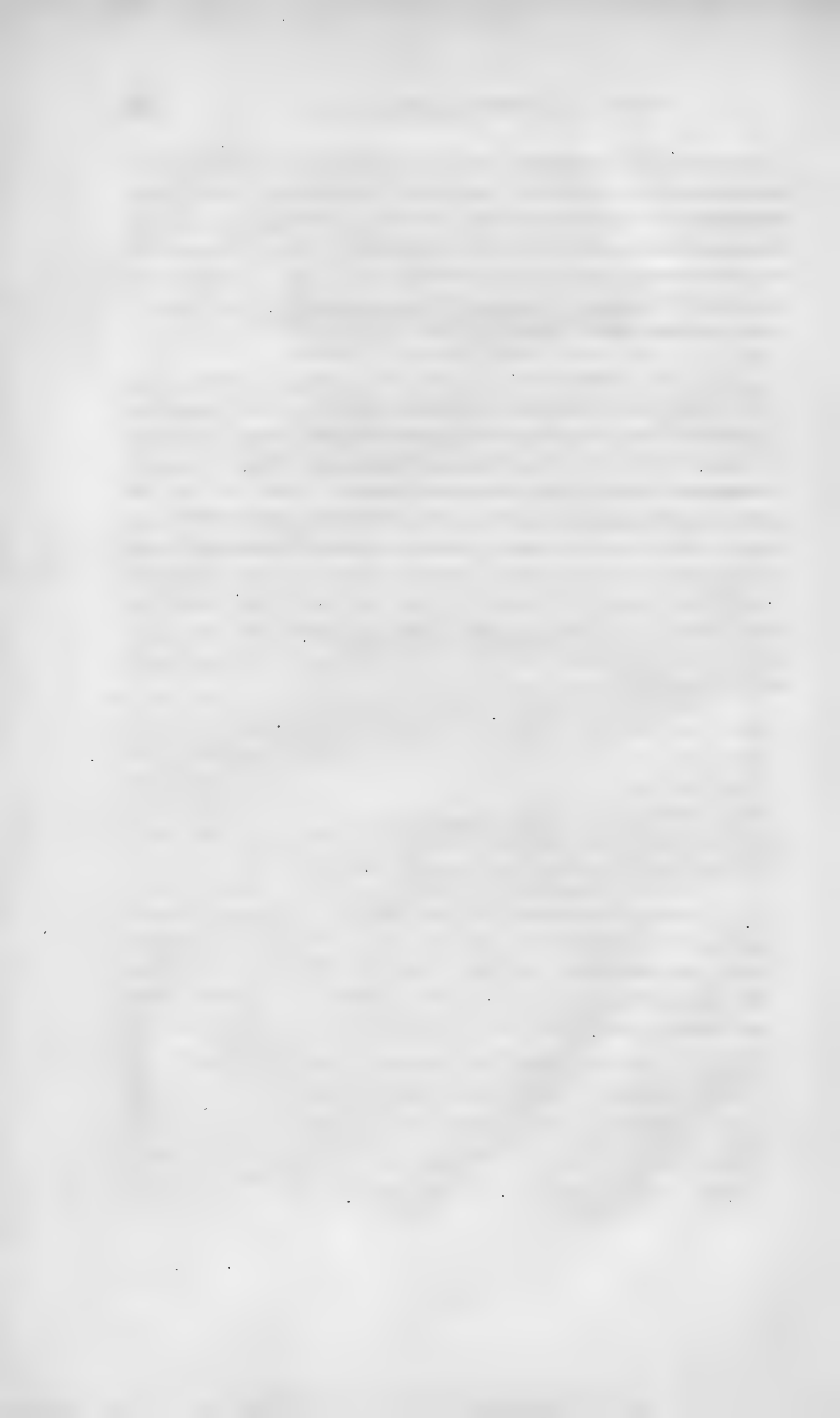
Нѣкоторые привѣшиваютъ къ сѣдлу кожаныя фляжки съ водкой и берегутъ ее до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ близко непріятель, и тогда всю ее вливаютъ въ себя, въ томъ мнѣніи, что она придастъ имъ новой храбрости. Во время недолгаго отдохновенія въ станѣ, являются изъ ближнихъ городовъ продавцы и харчевники, приносятъ съ собой бѣлаго хлѣба, перцу, чесноку, соли, крупы, овсяной муки и немного солоду; варятъ изъ этого нѣсколько бочекъ сусла и продаютъ воинамъ по грошу за чарку: они такъ скоро и жадно напиваются допьяна этого сусла, что часто передерутся между собою, вцѣпятся другъ другу въ волосы; думаютъ, что этотъ напитокъ очень вкусенъ, безъ всякихъ затѣй и здоровъ. Такъ какъ къ нимъ не привозятъ ни какихъ крѣпкихъ напитковъ, они живутъ очень трезво и умѣренно и стараются застать врасплохъ непріятеля и обманомъ овладѣть его городами, не осмѣливаясь сразиться съ нимъ въ открытомъ бою, или взять у него городъ приступомъ, да и всѣ свои подвиги они дѣлаютъ быстрымъ налетомъ, нечаянностью, измѣною, полагаются больше на свое превосходство въ числѣ, чѣмъ на свою храбрость, хорошее и правильное воинское устройство.

Во время сраженія бьютъ въ барабаны, трубятъ въ трубы, играютъ на дудкахъ и другихъ длинныхъ инструментахъ, сдѣланныхъ изъ сосновой коры: изъ этого выходитъ странная мелодія, приводящая въ трепетъ того, кто не слыхалъ ея прежде и раздирающая ему уши.

Когда одержатъ побѣду, отразятъ, прогонятъ, или истребятъ непріятеля, Великій Князь посылаетъ каждому изъ нихъ, особливо Офицерамъ, золотыя деньги, имѣющія овальную форму и вылитыя изъ хорошаго золота, а нижнимъ чинамъ серебряныя и вызолоченныя, въ знакъ и въ память того, что они храбро и богатырски держали себя съ непріятелемъ, а когда прійдутъ домой, имъ выдается причитающееся жалованье.

Когда же обратятъ ихъ въ бѣгство, и они не сдѣлаютъ ни чего, тогда не получаютъ ни золотыхъ денегъ, ни жалованья, а должны поплатиться своими собственными помѣстьями, Воеводы же подвергаются опалѣ и тѣлесному наказанію. Часто бывало, что имъ выходилъ случай разбить непріятеля, однако жь они не разбивали его, по тому что въ данномъ имъ наказѣ не было ни слова о томъ, чтобы такимъ образомъ разбить непріятеля: они все дожидаются такого случая, какого требуетъ наказъ ихъ Государя для сраженія съ непріятелемъ, котораго тогда только и могутъ побѣдить, а не сообразятъ того, выиграютъ ли еще сраженіе, или проиграютъ, по смыслу ихъ наказа и Великокняжескаго приказанія такъ сражаться.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.



ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА

СПРАВЕДЛИВОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ, ВЪ КОТОРОМЪ ЯСНО РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ О НАРУЖНОСТИ РУССКИХЪ, ХАРАКТЕРѢ, ОДЕЖДѢ, НРАВАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ТАКЖЕ И О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖЕНЯТСЯ, КАКЪ ЖИВУТЪ ВЪ СУПРУЖЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ И КАКЪ НАКАЗЫВАЮТЪ НАРУШЕНІЕ СУПРУЖЕСКОЙ ВѢРНОСТИ, ТАКЖЕ ВОРОВСТВО И ДРУГІЕ ПОРОКИ И ЗЛОДѢЙСТВА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Москвитяне по природѣ чрезвычайно грубы, распущенны и невѣжливы въ своихъ нравахъ, ухваткахъ и разговорахъ: они совсѣмъ не считаютъ грѣшнымъ и срамнымъ дѣломъ вести разговоры объ ужасныхъ вещахъ, не стыдятся также кашлять, харкать, икать и выпускать кое-что задницей за обѣдомъ въ гостяхъ, въ церквахъ, или въ другомъ мѣстѣ, на улицѣ, или на рынкѣ, да еще смѣются и очень потѣшаются тѣмъ.

Русскіе обыкновенно высокіе, крѣпкіе, дородные и статные молодцы. Это большею частію отъ того, что они не слишкомъ туго подпоясываются поясомъ, или тесемкой, но носятъ широкіе, просторные длинные платья и кафтаны, съ узкими рукавами, висящими до пятъ; вся ихъ одежда, шубы, исподнее и верхнее платье, сшиты на одинъ ладъ и застегиваются не крючками, или пуговицами, а петлями и узелками отъ самой шеи до половины тѣла, остальная же часть платья открыта и достаетъ до ногъ. Рубашки у нихъ вышиты и выстеганы разноцвѣтными шелками, у нѣкоторыхъ очень богато отдѣланы золотомъ и жемчугомъ, смотря по состоянію и богатству; всѣ носятъ у рубашекъ ма-

ленькіе воротники, въ два пальца ширины, атласные, или бархатные, шитые золотомъ, или жемчугомъ, шелкомъ, или серебромъ, смотря по желанію каждаго. Богатые и знатные оторачиваютъ воротники самымъ лучшимъ, круглымъ и крупнымъ, жемчугомъ, какого только могутъ достать. Нѣкоторые употребляютъ для того драгоцѣнные камни, другіе серебряныя, золотыя, шелковыя и нитяныя пуговки, кому какія слѣдуютъ по званію и богатству.

Женщины также носятъ длинные, широкіе сверху и снизу кафтаны и талары, съ длинными рукавами, которые Дворянки и богатыя дѣлаютъ изъ золотой парчи и убираютъ ихъ жемчугомъ, золотомъ и шелкомъ. На головахъ у нихъ шапки изъ золотой парчи, бархата, атласа, камки разныхъ цвѣтовъ, съ золотою опушкой, выложенною жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями въ два пальца ширины, а на верху крестообразно.

Взрослыя дѣвицы носятъ большія, высокія лисьи шапки, заплетаютъ волосы въ косу и опускаютъ ее внизъ, а малолѣтнія стригутъ волосы, какъ мальчики, а возлѣ ушей отращиваютъ ихъ нѣсколько длиннѣе; всѣ, какъ бѣдныя, такъ и богатыя, носятъ въ ушахъ большія кольца (серьги) изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, жемчугу, золота, серебра, змѣиныхъ головокъ, и другихъ вещей; онѣ считаютъ это лучшимъ нарядомъ, кромѣ такихъ, у которыхъ мужья умерли: тѣмъ только и можно отличить ихъ отъ прочихъ. Носятъ также большіе воротники, какъ мужчины, такъ и женщуга, сапоги у нихъ разноцвѣтные, желтаго, краснаго, бѣлаго, зеленаго и тѣлеснаго цвѣта, подбиваютъ ихъ желѣзными дощечками, а вверху вышиваютъ золотомъ и шелкомъ и убираютъ жемчугомъ. Подвязываются подъ пупокъ и по лядвеямъ, какъ можно слабѣе: думаютъ, что помогаютъ здоровью, держа такъ свободно тѣло, чтобы пища въ желудкѣ тѣмъ лучше могла разойтись и свариться, и чтобы не мѣшать пищеваренію, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, у того страждетъ тѣло, кто носитъ узкое платье и туго стягиваетъ его шнуркомъ, или поясомъ. Нѣкоторые отращиваютъ очень длинныя и густыя бороды. Другіе брѣютъ бороду и всю голову бритвой, а иные выдергиваютъ волосы на бородѣ маленькими желѣзными щипчиками, оставляя только усы и маленькія полоски къ ушамъ (бакенбарды?). Передъ большими праздниками, всѣ они, высшаго и низшаго званія, кромѣ только такихъ, кото-

рые въ опалѣ у Великаго Князя, снимаютъ волосы съ головы бритвою. Что касается женщинъ, онѣ чрезвычайно красивы и бѣлы лицомъ, очень стройны, имѣютъ небольшія груди, большіе, черные глаза, нѣжныя руки и тонкіе пальцы, и безобразятъ себя часто тѣмъ, что не только лицо, но глаза, шею и руки красятъ разными красками, бѣлою, красною, синею и темною: черныя рѣсницы дѣлаютъ бѣлыми, бѣлыя опять черными или темными, и проводятъ ихъ такъ грубо и толсто, что всякій это замѣтитъ, особливо же, когда ходятъ въ гости, или въ церковь, по тому что ихъ не часто выпускаютъ бродить по улицамъ, развѣ только въ праздники, или для посѣщенія друзей и родныхъ. Если онѣ богаты и знатны, ѣздятъ зимою въ саняхъ, а лѣтомъ въ колѧскахъ, крытыхъ хорошимъ краснымъ сукномъ, имѣя подлѣ себя бѣгущихъ служителей, которые должны наблюдать за ними, чтобы онѣ не завели какого распутства съ другими молодчиками, по тому что онѣ наглы, сладострастны и не опускаютъ ни малѣйшаго къ тому случая, только бы онъ представился, даже часто раздражаютъ мужей къ Венериной потѣхѣ съ ними, а особливо иностранцевъ, къ которымъ очень неравнодушны.

Отъ того-то господа ихъ мужья велятъ ихъ тщательно охранять и стеречь служителямъ, когда выѣзжаютъ онѣ на свадьбу, въ гости, или для посѣщенія подругъ, и не позволяютъ подходить къ нимъ никому изъ мужчинъ, кромѣ близкихъ своихъ друзей. Да и при нихъ держатъ мальчика, который не только исправляетъ ихъ надобности, подаетъ имъ кушанья и напитки, но и долженъ также доносить и сказывать мужьямъ, что дѣлали безъ нихъ жены, не принимали ли къ себѣ молодыхъ постороннихъ мужчинъ: за то этѣ мальчики пользуются въ домахъ такимъ почетомъ и значеніемъ, что женщины безъ всякихъ отговорокъ дозволяютъ имъ разныя шалости, даютъ имъ подарки, если хотятъ отъ нихъ молчанія о своихъ дѣлахъ, чтобы не быть высѣченными, или поколоченными отъ мужей. Женамъ не дозволяютъ мужья и обѣдать съ собой: сами обѣдаютъ или одни, или съ гостями, а жены ихъ особенно въ своихъ покояхъ, съ горничными, и никто изъ мущинъ не можетъ входить туда, кромѣ мальчиковъ, назначенныхъ для ихъ прислуги.

Когда мужъ отобѣдаетъ съ гостями, жена его иногда входитъ и показывается гостямъ съ своими дочерьми и служанками,

въ лучшихъ платьяхъ и уборахъ, здоровается съ ними, подноситъ имъ изъ своихъ рукъ чарку водки, меду и пива; то же дѣлаютъ и ея дочери, и комнатныя дѣвушки, а потомъ опять уходятъ въ свои покои.

Когда кто позоветъ къ себѣ гостей въ праздникъ Рождества, или Пасхи, или въ другіе праздники, мущины идутъ къ мущинамъ, а женщины къ женщинамъ, и веселятся, кромѣ только свадебъ, также заговѣнья, или когда ходятъ на исповѣдь и очищаются отъ грѣховъ: тогда мущины ходятъ вмѣстѣ съ женщинами и просятъ другъ у друга прощенія.

Въ домашнемъ хозяйствѣ лучшія и знатнѣйшія женщины имѣютъ мало значенія: мужья содержатъ ихъ, какъ невольницъ: онѣ сѣдятъ въ заперти въ своихъ комнатахъ и обыкновенно шьютъ, либо вышиваютъ на полотнѣ ширинки золотомъ, серебромъ и шелками; онѣ очень искусны въ этомъ дѣлѣ и мастерицы вышивать по всякому узору, нѣкоторыя даже до того, что перещеголяютъ иныхъ швей въ шитьѣ жемчугомъ, и рукодѣлья ихъ вывозятся въ дальніе краи.

Простаго званія женщины, мѣщанки и крестьянки исправляютъ большія и трудныя работы, какъ въ домахъ, такъ и на полѣ: онѣ, наравнѣ съ мущинами, должны прилагать руки къ труду, иногда даже и больше ихъ, по тому что обязаны исправлять въ домѣ все: варить, мыть, прясть и шить, также носить дрова и воду, изготовлять и доставать все нужное для домашняго хозяйства, да въ добавокъ къ тому на каждомъ часу быть битыми.

На своихъ пирахъ и вечеринкахъ Москвитяне употребляютъ вдоволь кушаньевъ и напитковъ, такъ что часто велятъ подавать до 30 и 40 блюдъ, какъ рыбныхъ, такъ и мясныхъ, особливо же студени и сладкихъ пироговъ, также жареныхъ лебедей, которыхъ если не бываетъ когда, хозяину тогда не много чести.

Такъ же поступаютъ и съ напитками и стараются имѣть ихъ разные роды, а именно: Рейнское, Угорское, бѣлое и красное, Французское вино, Педро Хименесъ, Мальвазію, водку, разные меда и пива. Какъ женщины, такъ и мущины, пьютъ ихъ до неумѣренности и излишества, такъ что не въ состояніи ни хо-

дить, ни стоять: отъ того многіе изъ нихъ и умираютъ скоропостижно, что и случилось въ славномъ столичномъ городѣ Стокгольмѣ, во время знаменитаго Короля Карла IX-го, къ которому посланъ былъ отъ Великаго Князя одинъ Москвитянинъ за какимъ-то дѣломъ. Вечеромъ въ жилищѣ его поставили передъ нимъ разныхъ напитковъ, Испанскихъ, Рейнскихъ и другихъ винъ; онъ пилъ ихъ по скотски за свое здоровье и неумѣренно прикладывался къ водкѣ, не смотря на напоминанія Шведовъ, что эта водка то же самое вино, которое гонятъ у Русскихъ изъ овса и воды, и по тому ее нельзя такъ много пить, какъ онъ пьетъ. Онъ не обращалъ на то вниманія и все продолжалъ пить, такъ что на утро, когда ему слѣдовало бы быть на представленіи у Короля, его нашли мертвымъ.

Отъ того-то простолюдинамъ Великій Князь строго и запретилъ держать какіе ни будь напитки, водку, пиво, или медъ, кромѣ только свадебныхъ, или праздничныхъ, случаевъ: тогда они должны имѣть свѣдѣтельства Намѣстника, какое количество напитковъ позволено имъ варить. Если кто поступитъ противъ этого свѣдѣтельства и сваритъ больше, чѣмъ ему приказано и позволено, того наказываютъ денежной пеней и розгами.

Запрещается также строго, подъ смертною казнію, чтобы никто въ странѣ не продавалъ какихъ бы то ни было напитковъ, пива, меду, или водки, кромѣ одного Великаго Князя, который во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и большихъ деревняхъ содержитъ общественные кружала и кабаки и получаетъ отъ того большой ежегодный доходъ.

Въ этѣхъ питейныхъ домахъ видно бываетъ такъ много пьянства и ликованья, что нельзя и повѣрить. По тому что тамъ дозволено имъ кутить, напиваться доньяна и играть въ кости, сколько душа желаетъ и можетъ. Пропивъ свои деньги, закладываютъ кафтаны и пьютъ на нихъ, сколько нальютъ за это винопродавцы и цѣловальники.

Нѣкоторые закладываютъ не только кафтаны, но даже шапки, сапоги, рубашки и все, что ни есть за душою, да и бѣгутъ нагишомъ домой.

Рѣдко пройдешь этѣ дома, не увидавъ множества выбѣгающей оттуда этой Балусовой братіи: одинъ въ чемъ родила его мать, другой въ рубашкѣ, нѣкоторые полуодѣтые и часто до того пьяные, что не въ состояніи идти домой, а остаются влачить жизнь въ грязи, или въ снѣгу на улицѣ, либо укладываются на телѣжки, или сани, какъ свиньи, и везутся нога за ногу своею прислугой и женами; но это ни для кого не диво. Часто и обыкновенно случается это въ заговѣнье и въ праздники, и не только водится мужду мужчинами и простолюдьемъ, но и между богатыми и знатными женщинами. Если найдутъ кого ни будь пьянаго на улицѣ въ такую пору, когда ни кому не позволено варить и пить пиво, его берутъ подъ стражу и допрашиваютъ, гдѣ онъ напился. Узнавши же, что напился въ Великокняжескомъ кружалѣ, возвращаютъ ему свободу. Когда же откроется, что онъ подпилъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ, тогда не только пьянаго, но и того, кто продалъ, или поднесъ, ему вина, сѣкутъ: въ добавокъ къ тому они должны бываютъ заплатить большую денежную пеню за то, что нарушили запрещеніе Великаго Князя.

Въ Русіи нѣтъ рудъ, ни золотой, ни серебряной, ни латуни, ни красной мѣди, ни олова, а одно желѣзо, которое достаютъ въ болотахъ и озерахъ: оно мягко и не такъ твердо и хорошо, какъ наше. Однако жь у нихъ есть серебряная монета; нѣсколько лѣтъ уже чеканятъ и золотую, какъ гульдены, такъ и тѣ золотые, которые даютъ они войску, почти не уступающіе въ добротѣ Угорскимъ червонцамъ.

Монета у нихъ обыкновенно чеканится въ слѣдующихъ четырехъ городахъ: Москвѣ, Твери, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ; тамошніе знатнѣйшіе граждане и купцы имѣютъ такое же преимущество бить монету, какъ и самъ Великій Князь, однако жь съ его штемпелемъ и именемъ, чтобы не было недостатка денегъ въ странѣ; тѣмъ болѣе всѣ обязаны стараться доставлять въ страну серебро и рейхсталеры, по тому что тамъ нѣтъ ни какихъ рудъ, но всѣ металлы надобно доставать въ чужихъ краяхъ. Вывозъ денегъ и товаровъ изъ страны тоже не запрещенъ ни кому, будетъ ли это иностранецъ, или туземецъ, по тому что за рейхсталеръ они даютъ не больше 36 денегъ, которыя не вѣсятъ и 2-хъ лотовъ, но рейхсталеръ вѣситъ у насъ больше; отъ того и по-

лучаютъ большую прибыль; а всѣ, которые вывозятъ ихъ монету, терпятъ большой убытокъ; для того Москвитяне и употребляютъ ту предосторожность, что совсѣмъ не бьютъ мѣдной монеты, а только хорошую серебряную, и даютъ ей высшую цѣну, нежели она стоитъ. Иностранцы, ведущіе торговлю съ ними, неохотно привозятъ монету изъ своей земли, а берутъ лучше товаръ за товаръ, деньги же Москвитянъ имъ же и остаются: отъ того имъ также большой барышъ и прибыль. По тому что много и такихъ иностранцевъ, которые привозятъ больше денегъ, чѣмъ товаровъ, и накупаютъ на нихъ еще Московскихъ товаровъ: отъ того-то такъ много и стало монеты въ этой странѣ. Монета у нихъ ни круглая, ни четвероугольная, какъ у другихъ, но очень мала и тонка и штемпель на ней имѣетъ видъ яйца, для различія ея отъ монеты другихъ Государей, чтобы этѣ послѣдніе имѣли о нихъ мнѣніе, какъ о разумныхъ и разсудительныхъ людяхъ, которымъ не нужно подражать чужой формѣ, но какъ они не похожи на другихъ народовъ своею вѣрою, нравами и обычаями, точно такъ же отличаются отъ нихъ и монетою. Въ старину были у нихъ и мелкія мѣдныя деньги, которыя называли они пулы: на одну серебряную деньгу приходилось 120 такихъ пулъ, однако жь они совсѣмъ не употребляли ихъ въ торговлѣ, а чеканили для бѣдняковъ, ходящихъ по міру, и рабовъ, которые работаютъ и исправляютъ какое ни будь ремесло не больше четверти часа, достаютъ тѣмъ хлѣбъ себѣ и не всегда заслуживаютъ цѣлой деньги. У нихъ не больше трехъ родовъ монеты, которыя на ихъ языкѣ называются копѣйки, Московки и полушки: двѣ полушки составляютъ Московку, а двѣ Московки копѣйку или деньгу, 100 денегъ рубль, а рубль имѣетъ 100 грошей, или два рейхсталера и 10 старыхъ денегъ, которыя чеканились нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Нѣкоторые думаютъ, что въ Россіи, какъ и въ другихъ сѣверныхъ странахъ, стоитъ большая стужа, проникающая почву и дѣлаетъ ее неплодородною, ни какой хлѣбъ и ни какіе растенія не созрѣваютъ: этѣ люди жестоко ошибаются и погрѣшаютъ въ томъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, которыя всегда оставались для нихъ не извѣстными. По тому что тамъ есть прекрасный, плодородный черноземъ; земля даетъ всѣ роды хлѣба: пшеницу, рожь, овесъ, пеньку, ленъ и тому подобное; всякой

хлѣбъ высѣвается и снимается въ девять недѣль (?) и созрѣлый отвозится въ житницы; это дѣлается въ такое короткое время отъ того, что много помогаетъ тому дѣйствіе солнца, которое такъ тепло и знойно и имѣетъ такую силу, что почти не знаешь, куда и дѣваться отъ жара. Отъ того же тамъ и великое множество мухъ и мошекъ, такъ что ни днемъ, ни ночью нѣтъ отъ нихъ покоя людямъ.

Лѣса и кустарники доставляютъ разныхъ звѣрей и дикихъ птицъ, орѣхи, желуди, пчелъ бортевыхъ и домашнихъ; послѣднія въ такомъ изобиліи, что не только вездѣ полнехоньки ими сдѣланные для того ульи, но и почти всѣ древесныя дупла и пустоты въ землѣ, такъ что нѣкоторые люди лѣтомъ только и дѣлаютъ, что отыскиваютъ ихъ, собираютъ чрезвычайное множество меду и воску, и наживаютъ съ того у иноземныхъ купцовъ славную деньгу. Изъ дикихъ птицъ водятся драхвы, глухари, тетерева, лѣсныя куропатки, дикія утки, ястребы, рябчики, сѣдоголовые и обыкновенные дрозды, кулики, жаворонки, сороки, голуби и много другихъ. Въ особенности Русская земля беретъ преимущество предъ другими странами множествомъ соколовъ, ястребовъ, орловъ, кобчиковъ и коршуновъ, и такимъ изобиліемъ въ журавляхъ, лебедяхъ и дикихъ гусяхъ, что часто встрѣчаются они сотнями. Что касается садовыхъ плодовъ, ихъ родится тамъ вдоволь всякихъ; здѣсь и не нужно перечислять ихъ всѣ, по тому что мы упоминали о нихъ въ первой части, при описаніи города Москвы.

Какъ надѣлена эта страна полезными лѣсами и кустарниками, точно такъ же и орошается множествомъ прекрасныхъ рѣкъ, озеръ и ручьевъ: ихъ такъ много, что проѣзжая страну въ ширину цѣлыя сто миль, вездѣ встрѣтишь рѣки, по которымъ удобно плавать вверхъ и внизъ. Въ нихъ ловится разная рыба: морскія миноги, щуки, ерши, язи, окуни, лещи, судаки, плотва, барвена, вьюны, налимы, форели, раки, семга, бѣлуга, угри, лини, караси, гольцы, пискари, миноги, Tobias (?), корюшка, лососи, осетры и другія, еще ни кѣмъ не замѣченныя; этой рыбы не только достаточно, для жителей, но они кормятъ ею и другія страны, а иноземные купцы торгуютъ рыбою въ большихъ размѣрахъ. Осетровая икра солится въ бочкахъ и вывозится въ боль-

шомъ количествѣ, также и въ чужіе краи, особливо въ Италію, гдѣ она въ большомъ почетѣ. А что касается рыбы, Русскіе оставляютъ ее про себя, солятъ ее въ кадкахъ, съ небольшимъ количествомъ соли и воды и даютъ ей испортиться. Когда она станетъ пахнуть, они считаютъ ее тогда самою лучшею и ѣдятъ. Проходя мимо торга, гдѣ продается эта рыба, стоящая въ бочкахъ, непривычный, пожалуй, задохнется отъ вони. Когда же прійдутъ покупать туда Русскіе, они возьмутъ сперва рыбу изъ бочки въ руку и нюхаютъ, достаточно ли она пахнетъ, и если недостаточно, бросаютъ ее опять въ бочку, съ такими словами: «Эта рыба не хороша, или не крѣпка, по тому что отъ нея нѣтъ запаха,» въ томъ мнѣніи, что запахъ—какой-то признакъ здоровья въ рыбѣ. Эта страна вообще очень красива, хороша и плодородна, но народъ въ ней грубъ, невѣжественъ, мѣшковатъ, неучтивъ и ни на что не годенъ; причиною того сами Русскіе, по тому что Правительство держитъ ихъ такъ строго и крѣпко, точно невольниковъ и кабальныхъ рабовъ; они и не хотятъ научиться ни чему приличному и честному, никуда не выѣзжаютъ изъ своей земли, а все сидятъ дома, полагая, что городъ Москва — единственный въ свѣтѣ, и Великій ихъ Князь — самый могущественный и богатѣйшій Государь изо всѣхъ Королей, не думаютъ что ему есть равные по богатству и могуществу, пышности и величію. Отъ того-то они такъ и горды и кичливы умомъ и сердцемъ, презираютъ всѣ другіе народы и оказываютъ своему Великому Князю такое уваженіе, такія почести и услуги, точно онъ не Государь ихъ и правитель, а самъ Богъ.

Лѣто у нихъ не дольше 4-хъ мѣсяцевъ и такое жаркое и знойное, что иногда отъ большихъ жаровъ сгараетъ и пропадаетъ весь хлѣбъ, какъ и было это въ 1527 году.

Зимою, напротивъ, такъ холодно, что люди едва могутъ укрыться отъ стужи, если не надѣнутъ побольше платьевъ, не подобьютъ ихъ мѣхомъ; многіе замерзаютъ, многіе также отмараживаютъ руки, ноги, носы и уши; если кто возьметъ кубокъ съ водой и броситъ его вверхъ, вода обращается въ ледъ, прежде нежели выльется. Снѣгу выпадаетъ иногда столько, что будетъ вышиною съ двоихъ мущинъ; иногда замететъ дома снѣгомъ такъ, что подумаешь, что ихъ и не было совсѣмъ, а потомъ,

чтобы выйти изъ этѣхъ домовъ, людямъ стоитъ большаго труда разгребать снѣгъ и прокладывать дорогу. Когда снѣгъ разойдется на многіе сутки, крестьяне съ ихъ лошадьми и санями должны безпрестанно прокладывать дорогу отъ одной деревни до другой, чтобы ѣдущіе по ней взадъ и впередъ, могли всегда находить ее, а то дорожнымъ людямъ нельзя тронуться съ мѣста, по случаю глубокаго снѣга; они вязнутъ, либо совсѣмъ проваливаются и съ лошадьми, такъ что безъ посторонней помощи не могутъ и выпутаться оттуда. Когда же снѣгъ начнетъ весною сходить, а ледъ таять, тогда бываетъ такое множество воды въ странѣ, что разливаются рѣки, а города, мѣстечки и деревни стоятъ всѣ въ водѣ; это, однако жь, продолжается недолго, по тому что ручьи и рѣки еще скорѣе начнутъ сбывать и посылаютъ всю свою воду и ледъ въ море, гдѣ ледъ остается дольше, нежели думаютъ, такъ что корабли, плывущіе изъ чужихъ краевъ, намѣреваясь проѣхать, подвергаются большимъ затрудненіямъ и иногда должны бываютъ ворочаться назадъ на время, пока не растаетъ ледъ.

Москвитяне ведутъ торговлю: они торгуютъ съ Персіянами, Армянами, Турками, Татарами, Поляками, Шведами, Нѣмцами, Голландцами, Англичанами, Шотландцами и Итальянцами; получаютъ отъ нихъ драгоцѣнные камни, жемчугъ, разныя краски и некрученый шелкъ, парчи, сукно, прекрасные ковры, бархатъ, атласъ, камку и разные шелковые товары, пряные коренья, хлопчатую бумагу, перецъ, соль, вино, серебро, золото, мѣдь, латунь, желѣзо, свинецъ, порохъ, дробь, брони, колокола и разные военные снаряды, а имъ даютъ въ обмѣнъ разные дорогіе мѣха: собольи, куньи, рысьи, медвѣжьи, волчьи, сѣрые и бѣлые, горностаевые, бобровые, лисьи черные, бѣлые, синіе и красные, оленьи и воловьи кожи, воскъ, сальныя свѣчи, медъ, пеньку, ленъ, мыло, ворвань, деготь, смолу, рыбій жиръ, несоленое масло, соленую рыбу и многіе другіе товары. Москвитяне употребляютъ разныя суда, которыя строятъ сами: они не очень крѣпки и прочны, по тому что сшиваются не желѣзными гвоздями, а деревянными и такими же веревками, сдѣланными изъ коры молодыхъ деревьевъ (лыкъ, мочалъ). Москвитяне выдѣлываютъ ее, какъ кожу, рѣжутъ на тесьмы, которыми и сшиваютъ доски;

такъ и дѣлаютъ себѣ судно для плаванія. На всякомъ такомъ суднѣ не больше одной мачты и одного широкаго паруса: отъ того оно и не можетъ итти, когда вѣтеръ немного противный, или дуетъ въ разрѣзъ.

Русскіе содержатся въ строгомъ и суровомъ повиновеніи и всегда должны служить, работать и возиться съ чѣмъ ни будь: они любятъ, чтобы понуждали ихъ сильными ударами, и если господинъ не часто отработываетъ своего холопа хорошею плетью, то не получаетъ отъ него ни какой и пользы: перенося немного побоевъ, холопъ въ правѣ сказать, что надъ нимъ станутъ смѣяться и презирать его другіе холопы, отъ того, что господинъ не сѣчетъ и не колотитъ его. Бѣднякъ и нищій продается самъ за небольшія деньги во владѣніе богатымъ, на все время своей жизни, а часто и съ такимъ условіемъ, что онъ, его жена, дѣти и внуки вѣчно будутъ служить имъ и ихъ потомкамъ, пока они живы. Если же господинъ его умретъ, и передъ кончиною, изъ милости и сожалѣнія, освободитъ его со всѣмъ родомъ изъ рабства, онъ продается другому, по тому что тамъ больше любятъ неволю, нежели свободу. Когда отецъ продаетъ сына, или дочь, и потомъ они освободятся изъ рабскаго состоянія, отецъ имѣетъ право взять ихъ и продать въ 3-й и 4-й разъ, если же и послѣ того они получатъ свободу, онъ уже больше не можетъ продать ихъ.

Лучшее удовольствіе и развлеченіе у Русскихъ ѣздить и скакать верхомъ и стрѣлять изъ лука: тотъ считается лучше и почетнѣе, кто туже всѣхъ натягиваетъ лукъ, дальше пускаетъ стрѣлу и попадаетъ въ цѣль. Много играютъ въ шашки и въ зерна и выигрываютъ множество денегъ. Нѣкоторые играютъ въ карты, другіе забавляются бабками, свайкой и чувилемъ, а такихъ удовольствій, какъ, на примѣръ, карусели, турниры, танцы, фехтованье и другія рыцарскія упражненія, у нихъ не водится. Великій Князь и другіе знатные господа находятъ удовольствіе въ звѣриной охотѣ и травлѣ. Когда играютъ свадьбу, то травятъ собаками большихъ медвѣдей; съ ними тогда бываетъ много музыкантовъ, которые поютъ многія безстыдныя и похабныя пѣсни, при томъ играютъ на трубахъ, тромбонахъ, дудкахъ и сопѣлкахъ, а иногда бьютъ и въ барабаны: изъ этого выходитъ удивитель-

ная и необыкновенная музыка, такая же пріятная, какъ собачій вой, а Москвитяне очень рады и довольны, думая, что лучше и пріятнѣе ея и на свѣтѣ нѣтъ, по тому что не слыхали ни какой, кромѣ этой, межъ тѣмъ какъ всякаго пронимаетъ страхъ и дрожь, когда онъ ее слышитъ.

Этѣ музыканты странствуютъ изъ мѣста въ мѣсто, бродятъ вездѣ съ большими медвѣдями и инструментальною музыкой изъ города въ городъ, и наживаютъ много денегъ медвѣжьей пляской, пѣніемъ, воемъ и игрой. Москвитяне очень дивятся тому и находятъ въ томъ большое удовольствіе.

Женщины находятъ развлеченіе и забаву въ качаньи на доскахъ, а также и на веревкѣ. Въ большіе праздники сговорятся двое, или трое, молодцовъ и срубятъ два длинные столба, около 16-ти аршинъ длиною, крѣпко вбиваютъ ихъ въ землю, кладутъ на нихъ перекладину, точно висѣлицу, къ которой и привязываютъ двѣ длинныя веревки, спускаютъ ихъ до земли и ходятъ потомъ * по всѣмъ дворамъ въ городѣ. Желающая качаться, выходитъ за ворота на улицу, и садится на ту веревку; два молодца не много отойдутъ отъ нея, возьмутся за другую веревку, около 12-ти аршинъ длиною, привязанную къ той, на которой сидитъ женщина: такъ и дергаютъ веревку до того, что сидящая взлетаетъ снизу вверхъ, и это дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока угодно качальщицѣ. Она можетъ держаться рукой за веревку, а послѣ качанья платитъ за него серебряную деньгу, и молодцы, строившіе качель, добываютъ иногда до полутора талера у каждаго дома. Ту, которая качается выше всѣхъ, хвалятъ и считаютъ мастерицей. **

Простыя Дворянки, дѣвушки и служанки, также купчихи и другія женщины простаго званія, забавляются открыто на улицахъ, богатыя и жены большихъ Бояръ съ ихъ челядью дѣлаютъ это тайкомъ на своихъ дворахъ. На свадьбахъ, также и на другихъ вечеринкахъ, онѣ пляшутъ особенную пляску: сговорятся

---

* Въ подлинникѣ: «ходятъ съ тѣмъ;» любопытно, какъ это ходятъ по дворамъ молодцы съ нашею качелью.

** Такой способъ качанья въ употребленіи въ Ливоніи.

двѣ женщины выдумаютъ сами неприличную пѣсню да и поютъ ее. Во время пѣнія онѣ схватываются вмѣстѣ, потомъ опять разойдутся, всплескиваютъ и хлопаютъ руками, прыгаютъ, то повернутся лицомъ, то задомъ другъ къ другу, остановятся и начнутъ повертывать задницей (salvo honore!), точно мелютъ горчицу, или чечевицу, на ручной мельницѣ; та, которая поетъ и повертываетъ задомъ лучше всѣхъ, беретъ преимущество передъ другими, той больше и славы. Впрочемъ, это бываетъ не явно, при всѣхъ, а тайкомъ, между однѣми женщинами.

Дворяне, разорившіеся отъ войны, пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ и не имѣющіе чѣмъ кормиться и содержать себя, считаютъ большимъ срамомъ работать на себя своими руками, или добывать что ни будь работою на другихъ. Когда это предложатъ кому ни будь изъ нихъ, онъ отвѣчаетъ: «Это не совмѣстно съ моимъ званіемъ.» Онъ Дворянинъ и не привыкъ работать; если хотятъ имѣть работника, онъ доставитъ имъ его, да и пойдетъ прочь, ходитъ по міру, прося милостыню во имя Дѣвы Маріи, Св. Николая и другихъ Святыхъ бѣдному Дворянину. Если же своимъ ханжествомъ онъ и не соберетъ себѣ, сколько нужно, на содержаніе, то все же скорѣе умретъ и вынесетъ самую крайнюю нужду, нежели станетъ работать, либо сдѣлается воромъ и отъявленнымъ разбойникомъ и убійцей: въ томъ находитъ онъ для себя больше славы и чести, нежели въ работѣ.

Всякой крестьянинъ долженъ пять дней въ недѣлю работать на барина, и получаетъ отъ него небольше необходимаго содержанія для себя съ семьею. Пища и питье у нихъ чрезвычайно скудныя, а ходятъ всѣ они въ лаптяхъ, сплетеныхъ изъ ивовыхъ и другихъ гибкихъ прутьевъ: сколько крестьянъ въ странѣ, столько же и лапотниковъ, по тому что каждый можетъ дѣлать лапти себѣ и не имѣетъ надобности покупать ихъ у другого и платить за то деньги. Въ такихъ же сапогахъ ходятъ и бѣдные Дворяне, которымъ не на что купить кожаные.

Домы и строенія у Русскихъ, большею частію, изъ сосноваго дерева; какъ и всѣ другіе Сѣверные народы, они умѣютъ такъ ловко и плотно класть бревна одно на другое, что на весь домъ не потратятъ ни одного гвоздя; а чтобы негдѣ было про-

дувать вѣтру, они покрываютъ этѣ же дома еще досками, а всего лучше корой березы (берестой), которая растетъ очень высокая и вездѣ ея много въ странѣ. Отъ того, что они прошиваютъ строеніе мохомъ въ стѣнахъ и дверяхъ, такъ же и отъ маленькихъ окошекъ, избы у нихъ такъ теплы, что хорошо можно жить и въ сильную зимнюю стужу. Въ жестокую и суровую зиму часто увидишь маленькихъ дѣтей 2-хъ лѣтъ, или еще меньше, бѣгающихъ по уличному снѣгу въ однѣхъ рубашонкахъ; пожалуй, скажутъ, что едва ли возможно, чтобы они совсѣмъ не замерзли отъ стужи; тѣмъ не менѣе, пришедши въ избу, они ни сколько невредимы и обыкновенно пробираются въ дымъ на печку, чтобы поотогрѣться, тоже дѣлаютъ и старики, и молодые, мущины и женщины.

Что жь касается до другихъ ихъ построекъ для удобства жизни, мы упоминали о нихъ въ первой части, и благосклонный читатель можетъ довольствоваться тѣмъ.

На дворахъ большихъ Бояръ и Дворянъ живутъ съ ними всѣ ихъ служители съ женами и дѣтьми: у каждаго особенный домъ или изба, и всѣ они держатъ себя очень не чистоплотно, по свински.

Въ деревняхъ въ зимнее время крестьяне держатъ вмѣстѣ съ собою разную мелкую скотину, на примѣръ, поросятъ, телятъ, ягнятъ, гусей и курицъ: отъ того у нихъ и дурной запахъ. Но для Русскихъ это благовонный бизамъ (мускусъ), что привозятъ изъ Индіи и Китая; однако жь, свое платье держатъ они очень чисто: отъ него совсѣмъ нѣтъ дурнаго запаха.

По тому что пока они сидятъ дома, одежда на нихъ самая плохая и оборваная, что ни есть хуже. Когда же выходятъ гулять, или навѣстить своихъ пріятелей, въ церковь, на торгъ, или въ кремль, одѣваются въ самое лучшее и нарядное платье, какое есть у нихъ, а пришедши домой, опять снимаютъ его и хранятъ бережно въ сундукахъ и ящикахъ, чтобы оно всегда было чисто и опрятно, если захотятъ опять надѣть его, и снова берутъ и надѣваютъ свои старыя лохмотья, которыя обыкновенно носятъ дома. Этого обычая держатся всѣ, какъ высшаго, такъ и низшаго, званія лица, мущины и женщины, старики и молодые.

У кого нѣтъ своего собственнаго хорошаго и дорогаго платья, въ такую пору, когда бы ему очень хотѣлось имѣть его, особливо въ большіе праздники, или когда надумается сходить въ гости, поважничать и пощеголять передъ своими друзьями и родственниками, тотъ занимаетъ платье у другихъ и платитъ прокатъ за столько дней, на сколько хочетъ имѣть его и повеличаться въ немъ. А на это они не смотрятъ, что должны будутъ голодать, ѣсть сухой хлѣбъ и пить одну воду, только бы показаться въ люди нарядными, гордыми и чванливыми, по тому что отъ природы они больше расположены къ тщеславію и наглости, нежели къ смиренію, кротости и другимъ добродѣтелямъ.

Они по большей части недовѣрчивы, легкомысленны, охотно дѣлаютъ несправедливость, легко божатся, не исполняютъ, что скажутъ и обѣщаютъ; никто не повѣритъ другому на тамошній талеръ, безъ залога и поруки. Отецъ не вѣритъ сыну, сынъ, на оборотъ, отцу безъ залога, росписки, или поручительства. Когда они покупаютъ что ни будь на торгу, дрова, или какія ни будь мелочи, рыбу, или мясо, или что ни есть подобное, купецъ беретъ деньги и, сосчитавъ, держитъ ихъ во рту до тѣхъ поръ, пока не отдастъ товара покупателю и не найдетъ времени спрятать ихъ. Часто бываетъ у нихъ во рту до 4, или до 5-ти, талеровъ, когда они продаютъ, или покупаютъ, однако жъ разговариваютъ между собою, безъ всякаго затрудненія для языка и не роняя изо рту денегъ до тѣхъ поръ, пока не захотятъ ихъ выронить нарочно.

Въ торговлѣ они очень обманчивы, плутоваты и лукавы, и легко могутъ надуть какого ни будь простака, или олуха, не знающаго ихъ пріемовъ, обычая и снаровки, по тому что они цѣнятъ иногда въ 12 талеровъ такую вещь, которая стоитъ не дороже полугульдена, и послѣ всякаго запроса сбавляютъ что ни будь, такъ что наконецъ за ту вещь, за которую они просили 12-ть талеровъ, получаютъ не больше полугульдена, или даже и меньше, а за то, за что просятъ 100 талеровъ, берутъ иногда 30, или 40, не смотря на то, что оно не стоитъ больше десяти: отъ того и случается часто, что не знающій цѣны товару и не умѣющій ни чего выторговать, легко бываетъ обманутъ.

Иногда сговорятся ихъ пятеро, или шестеро, и, не давая замѣтить, что знакомые между собою, отойдутъ въ сторону и поджидаютъ, не пойдетъ ли кто къ ихъ товарищу, посящему что бы то ни было для продажи. Покупатель станетъ давать ему за то такую цѣну, какой, по его мнѣнію, оно стоитъ; тогда тотчасъ же являются другъ за другомъ собратія купца, съ намѣреніемъ купить то же самое и даютъ вдвое противъ того, что давалъ первый покупатель, притворясь, что не знаютъ другъ друга, а покупатель, не понимая этой продѣлки, даетъ такую же цѣну, какую давали они, и такимъ образомъ попадается въ обманъ, а они уходятъ, смѣются надъ нимъ и дѣлятъ между собой деньги, вырученныя сверхъ настоящей цѣны товара.

Отъ того-то кто хочетъ торговать съ ними, и что ни будь купить у нихъ, не долженъ смотрѣть на ихъ первый запросъ, но давать въ половину меньше противъ того, чего они просятъ. Потому что послѣ всякаго запроса, они сколько ни будь уступаютъ, и смотрятъ, знаетъ ли онъ толкъ въ товарѣ, или нѣтъ: замѣчая, что онъ смѣтливъ и знаетъ толкъ въ товарѣ, они требуютъ тогда настоящую цѣну; такъ и сторговываются; а то, въ противномъ случаѣ, надо остерегаться ихъ лукавыхъ продѣлокъ.

На всѣхъ большихъ дорогахъ въ странѣ держатъ почтовыхъ лошадей, чтобы всякой дорожный человѣкъ могъ быстро продолжать свой путь безъ всякой остановки. Всякій, путешествующій по странѣ, туземецъ ли онъ, или иностранецъ, имѣя видъ изъ Великокняжескаго Приказа, тотчасъ же, какъ пріѣдетъ на дворъ и сойдетъ съ лошадей, предъявивъ свой видъ, получаетъ свѣжихъ, сколько ему нужно. Какъ скоро поселяне, ѣдущіе съ чужеземцемъ, засвищутъ и зашуркаютъ сквозь зубы, другіе закричатъ имъ изъ окна, днемъ ли это случится, или ночью, и спрашиваютъ, сколько надобно лошадей, а узнавъ это, приводятъ ихъ на тотъ дворъ, нарочно для того построенный, гдѣ сошелъ иностранецъ.

Они ѣздятъ очень шибко, всегда во всю прыть, какъ только можно, не смотря что между каждымъ почтовымъ домомъ 6, 8, 10, или 12 миль. Они ни одного разу не кормятъ лошадей, не даютъ имъ постоять и вздохнуть, до самаго того мѣста, гдѣ

хотятъ быть, или гдѣ возьмутъ свѣжихъ лошадей на мѣсто прежнихъ, не смотрятъ на то, что онѣ могутъ пасть и околѣть на дорогѣ; по тому что не обязаны платить за нихъ, да имъ и велѣно ѣхать поспѣшно днемъ и ночью и возвращаться назадъ, по исправленіи ихъ дѣла.

Отъ того-то Великій Князь каждые 8 дней можетъ получать извѣстіе о томъ, что случится на границѣ и въ другихъ мѣстахъ страны, лежащихъ отъ Москвы въ 150 миляхъ, а въ случаѣ промедленія и мѣшкотности, почтальіоновъ сажаютъ въ смрадныя темницы, жалостнымъ образомъ сѣкутъ розгами до того, что кожа отстаетъ отъ мяса. Благодаря такой строгости и наказанію, каждый долженъ дѣлать много миль въ одинъ день, а въ 14 дней сдѣлать невѣроятно большую дорогу для исправленія дѣлъ и порученій Великаго Князя.

Москвитяне сильный, крѣпкій и здоровый народъ, не знаютъ множества болѣзней, которыя въ ходу въ другихъ странахъ. Моровая язва совсѣмъ не извѣстна живущимъ въ Москвѣ, также и за Казанью и Татаріей; ее знаютъ только пограничные жители Новгорода, Пскова, Смоленска и многихъ другихъ мѣстъ. Однако жь, у нихъ есть другія болѣзни, въ особенности одна, не совсѣмъ не похожая на чуму. По тому что когда начнетъ свирѣпствовать, во всякомъ домѣ умираетъ 5, или 6, человѣкъ; впрочемъ, она не расходится по всей странѣ, а только по нѣкоторымъ мѣстамъ, на примѣръ, около Москвы, Рязани, Переславля, Володимира, Ярославля, Вологды и Бѣлозерска, свирѣпствуетъ не больше года до своего прекращенія, и между каждымъ разомъ дѣлаетъ промежутокъ 6, или 7, лѣтъ.

Въ домахъ у Москвитянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, есть живописные образа: они вѣшаютъ ихъ не только въ жилыхъ покояхъ, въ томъ мѣстѣ на стѣнѣ, гдѣ стоитъ столъ, но также и въ переднихъ, въ лавкахъ и во всѣхъ комнатахъ. При всякомъ входѣ и выходѣ они кланяются и крестятся передъ образами, полагая, что безъ нихъ не могутъ вспомнить Бога, если не видятъ ихъ. Особливо, когда идутъ спать, встаютъ съ постели, выходятъ изъ за стола, или изъ дому, и опять входятъ въ него, они наклоняютъ голову передъ образомъ и крестятся три

раза тремя согнутыми пальцами, большимъ, указательнымъ и самымъ длиннымъ: крестъ кладутъ сперва на переднюю часть головы, потомъ на грудь, за тѣмъ на правое плечо, послѣ чего дѣлаютъ сильный ударъ въ грудь и всегда держатъ голову внизъ (если кто дѣлаетъ это какъ ни будь иначе, того не считаютъ Христіяниномъ), и говорятъ: «Помилуй мя, Господи, помилуй мя!»

Посторонній человѣкъ, посѣщающій своего пріятеля, при входѣ въ избу, смотритъ сначала, гдѣ привѣшенъ у него образъ, или распятіе, становится плотно къ двери, беретъ въ руку шапку, наклоняетъ голову передъ образомъ, крестится три раза и потомъ всѣмъ, сколько ихъ ни есть въ избѣ, желаетъ счастія, здоровья и долгой жизни, послѣ чего тотчасъ же они идутъ къ нему на встрѣчу, цѣлуютъ его, прося садиться. Исправивъ свое дѣло, онъ встаетъ опять, оборачивается къ образу, наклоняется и крестится опять три раза, какъ и прежде, прощается и уходитъ оттуда; его провожаютъ до воротъ, гдѣ опять также раскланиваются другъ съ другомъ, смотря по ихъ взаимной любви и дружбѣ, и разстаются.

Зажиточные и богатые люди всегда ѣздятъ верхомъ, куда имъ приведется, въ Кремль ли, на торгъ, въ церковь, или въ гости, для посѣщенія другъ друга, и считаютъ большимъ стыдомъ и безчестіемъ ходить пѣшкомъ. Но когда человѣкъ низшаго званія посѣщаетъ такого, который выше и знатнѣе его, онъ привязываетъ свою лошадь къ воротамъ съ улицы и приходитъ на дворъ пѣшкомъ и исправляетъ свое дѣло. Если же посѣщаетъ равнаго съ нимъ званія и состоянія, то подъѣзжаетъ къ крыльцу на дворѣ, слѣзаетъ съ лошади, идетъ въ покои и говоритъ свое привѣтствіе, какъ сказали мы выше, а потомъ излагаетъ свое дѣло.

Когда они даютъ обѣщаніе и должны сдержать его, у нихъ въ обычаѣ цѣловать крестикъ, который носятъ на шеѣ: тогда вполнѣ можно положиться, что они сдержатъ свое слово и обѣщаніе безъ всякаго коварнаго обмана. Если кто обвиняетъ другого передъ Правительствомъ, или дѣлаетъ новое показаніе, то долженъ тоже цѣловать крестъ и засвѣдѣтельствовать, что это правда. Они привыкли часто креститься и не возьмутъ въ ротъ ни какого кушанья и напитка, не перекрестившись сперва, ду-

мая, что тогда кушанье и питье благословлены и охранены отъ всякой ворожбы.

Хотя и говорятъ они, что никогда не крестятся напрасно и не хотятъ надувать, однако жь часто оказывалось противное.

По тому что это самые лживые и обманчивые люди, какихъ только можно найти во всемъ свѣтѣ, и часто очень надуваютъ божбою какъ земляковъ, такъ и иностранцевъ: клянутся, божатся Христомъ Искупителемъ, что это въ заправду такъ было, полагая, что въ томъ не много значенія, а не подумаютъ, что Всемогущій Богъ снисходителенъ и терпѣливъ, но Ему не угодно, чтобы употреблялось во зло Его святое имя, и Онъ накажетъ дѣлающихъ это, по словамъ Валерія Максима: «Lento quidem gradu ad vindictam sui divina procedit ira, tarditatemque supplicii gravitate compensat.» Хотя нашъ Господь Богъ медлителенъ на отмщеніе, но чѣмъ Онъ долѣе медлитъ имъ за какое ни будь дѣло, тѣмъ строже накажетъ за оное.

Что касается ихъ судовъ, то когда производится судъ, при немъ всегда должны присутствовать кто ни будь изъ Государственныхъ Совѣтниковъ и Секретарь. Что они скажутъ, положатъ и присудятъ, должно быть приведено въ исполненіе, право ли оно, или нѣтъ. По тому что на нихъ никто не можетъ жаловаться: ихъ приговоръ произносится отъ имени Великаго Князя и, слѣдовательно, справедливо; его воля, чтобы все было такъ, какъ онъ сказалъ и приговорилъ. Они даютъ приговоръ не по письменнымъ и установленнымъ законамъ, а какъ скажетъ и желаетъ Великій Князь, и какъ кажется хорошимъ и правосуднымъ для совѣсти лицъ, исправляющихъ судейскую должность; они, впрочемъ, не очень стѣсняются совѣстью, да и не много имѣютъ къ ней уваженія, а судятъ большею частію по расположенію и подаркамъ, такъ что часто даютъ хорошее рѣшеніе тому, у кого неправое и темное дѣло, а напротивъ тотъ, у кого оно правое и чистое, получаетъ приговоръ суровый и несправедливый. Впрочемъ, есть у нихъ и кое-какія постановленія и указы, сдѣланные по приказанію Великихъ Князей, на примѣръ, слѣдующіе:

Кто поймаетъ отъявленнаго разбойника на большой дорогѣ и на мѣстѣ преступленія, долженъ представить его въ судъ и

уличить истинными и ясными показаніями, тогда разбойникъ кладется на колесо; но сперва его растянутъ и подвергнутъ мукамъ.

Кто обокрадетъ и ограбитъ церковь и пойманъ будетъ на мѣстѣ преступленія, того безъ всякой пощады сажаютъ на колъ, а такая смерть ужасна: нѣкоторые посаженные живутъ полдня, или цѣлый день, иногда даже два, если палачъ не угодитъ ему коломъ въ сердце. Когда они умрутъ, ихъ снимаютъ съ кольевъ, отвозятъ за городскія ворота, сожигаютъ въ пепелъ и накидываютъ на это мѣсто песку и золы.

Всѣ измѣнники, зажигатели, также и тѣ, которые безъ всякой крайности сдаютъ непріятелю города и крѣпости, наказываются смертію безъ всякой пощады.

Кто убьетъ своего господина, захочетъ тайкомъ убѣжать изъ страны и будетъ уличенъ въ томъ свѣдѣтелями, наказывается смертію, безъ всякой пощады.

Кто въ своемъ домѣ на самомъ дѣлѣ поймаетъ вора, укравшаго большія деньги и убьетъ его до смерти, долженъ отнести его къ судьѣ, который и разбираетъ дѣло: если оправитъ вора, обокраденный долженъ заплатить деньги; если же обвинитъ вора, умертвившій его свободенъ. Кто сдѣлалъ воровство въ первый разъ, не въ монастырѣ, или въ церкви, того должно наказывать не смертію, а денежною пеней, высѣчь розгами по задницѣ, положивъ ему голову между ногами того, кого онъ обокралъ. Если онъ попадется въ другой разъ и будетъ уличенъ въ воровствѣ ясными и справедливыми уликами, то долженъ возвратить обвинителю украденныя у него деньги, вдвое противъ того заплатить судьѣ, быть высѣченнымъ розгами и посидѣть въ темницѣ, смотря по важности воровства. Если ему негдѣ взять столько денегъ, его наказываютъ смертію, только не висѣлицей, а сажаютъ съ нѣсколькими камнями въ бочку и топятъ въ рѣкѣ.

Если кто подозрѣвается въ воровствѣ и не можетъ быть уличенъ ясными доказательствами, то ставитъ за себя порукъ, а не нашедши ихъ, цѣлуетъ крестъ и такимъ образомъ отклоняетъ отъ себя подозрѣніе. Не смотря на все это, они тѣмъ не менѣе расположены къ воровству, такъ что не могутъ и пропу-

стить его, и воруютъ не только простолюдины, но и значительные люди.

Свѣдѣтельство Дворянина имѣетъ больше силы въ такихъ дѣлахъ, нежели человѣка низшаго сословія.

Кто сдѣлаетъ блудъ съ замужнею, и мужъ опять возьметъ ее къ себѣ, прелюбодѣй долженъ вполнѣ удовлетворить его деньгами и быть сѣченнымъ розгами по голой спинѣ отъ Думы до дома мужа, который беретъ опять къ себѣ жену. Если же не возьметъ ее, у ней остригаютъ волосы, отдаютъ въ монастырь и дѣлаютъ ее черницей, а мужъ беретъ себѣ другую жену, прелюбодѣй же уплачиваетъ ему нѣкоторое количество денегъ.

Кто нарушитъ приказаніе Великаго Князя и въ противность его волѣ станетъ продавать пиво, или водку, и пойманъ будетъ на самомъ дѣлѣ, тотъ лишается напитковъ и платитъ 12 талеровъ пени. Если поймаютъ его въ другой разъ, онъ также лишается напитковъ и, кромѣ того, долженъ быть высѣченъ розгами и заплатить 30 талеровъ пени. Если же онъ попадется въ третій разъ, долженъ отдать 100 талеровъ, въ опалѣ ссылается въ Сибирь и лишается всѣхъ напитковъ, какіе найдутся у него въ домѣ.

Кто хочетъ обвинить кого ни будь въ грабежѣ, прелюбодѣйствѣ, воровствѣ, или въ другихъ злодѣйствахъ, долженъ велѣть написать просьбу Великому Князю и подать ее въ судѣ Боярину; прочитавъ ее, этотъ снаряжаетъ сторожа, который долженъ потребовать обвиненнаго въ Кремль и объявить день и часъ, когда ему надо будетъ отвѣчать на вопросныя статьи, и когда обвинитель долженъ поставить за себя порукъ, или самъ быть порукою, пока дѣло не рѣшится въ судѣ.

Кто обвиняется въ томъ, что, будучи должникомъ, не хочетъ платить и раздѣлаться съ своимъ обвинителемъ, тотъ отводится къ судьѣ, и если признаетъ свой долгъ, обязанъ заплатить его, да еще дать 10 грошей пригласившему его судейскому приставу и писцу талеръ. Если же долгъ еще не вѣренъ, и обвиненный отпирается отъ него, а росписокъ ни какихъ нѣтъ, такъ что судья не можетъ рѣшить дѣла, при томъ же съ обѣихъ сторонъ ока-

жутся свѣдѣтели, показывающіе другъ противъ друга, слѣдовательно судья и не можетъ знать, кто правъ или не правъ, тогда онъ приказываетъ имъ бросить о томъ жеребей, и на кого онъ падетъ, тотъ долженъ уступить и заплатить, правъ ли, не правъ ли онъ, да еще дать судьѣ полтора талера, писцу талеръ и сторожу или судейскому приставу 10 грошей. Если же долгъ свыше 100 талеровъ, а должникъ съ заимодавцемъ ни какъ не могутъ раздѣлаться, судья приказываетъ одному вызвать на поединокъ другого; судейскій приставъ долженъ указать имъ мѣсто, на которомъ имъ биться, и посмотрѣть, чѣмъ кончится бой. Кто проиграетъ сраженіе, долженъ заплатить судьѣ, сколько этотъ потребуетъ, писарю три талера, приставу полтора и уплатить противнику весь долгъ и издержки. Если же должнику негдѣ взять денегъ и расплатиться нечѣмъ, его ставятъ на мѣсто, называемое по Русски Правежъ (Prawa), и каждый день по три часа бьютъ его по икрамъ и голенямъ небольшими деревянными палками, или батогами, до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ, а на ночь сажаютъ въ темницу, если не представитъ порукъ въ томъ, что воротится на другой день и опять дастъ бить себя по ногамъ, пока не уплатитъ долга. Хотя бы онъ заявлялъ и божился, что не находитъ ни какихъ способовъ къ уплатѣ, его ни какъ не освободятъ, а до тѣхъ поръ продолжаютъ такъ подчивать, пока кто ни будь изъ его друзей, изъ сожалѣнія, не вызовется заплатить за него. Если же этого не случится, и заимодавецъ не получаетъ уплаты, должника продолжаютъ все бить, пока не расплатится. Тамъ есть много такихъ, которые зарываютъ множество денегъ въ землю, и до того привязываются къ этому сокровищу, что лучше вынесутъ жалостные побои и истязанія по икрамъ и голенямъ, нежели вынутъ свой потаенный кладъ и уплатятъ долгъ.

Нѣкоторые сражаются на жизнь и смерть, на примѣръ, за убійство, вѣроломство, воровство и другія злодѣйства. Тогда выигравшій сраженіе долженъ взять съ другого, что̀ хочетъ, а судьѣ, писарю и приставу заплатить, сколько показали мы прежде. Если же проигравшій дѣло и побѣжденный имѣетъ нѣсколько больше состоянія, чѣмъ онъ роздалъ этѣмъ лицамъ, оно продается, деньги отдаются судьѣ, а побѣжденный наказывается смертію, смотря по важности дѣла.

При этой битвѣ между двумя лицами, или сторонами, поступаютъ такимъ образомъ: если противники находятъ себя слабыми, не довольно сильными для боя и не хотятъ сражаться сами, имъ позволяется поставлять вмѣсто себя другихъ, даже самыхъ могучихъ богатырей и нанимать ихъ, если только такіе отыщутся. Если же одинъ хочетъ битвы, а другой нѣтъ, то не желающій тоже можетъ нанять другого, кого ему угодно, и взять такое оружіе, какое ему нравится и какое идетъ для этого употребленія, на примѣръ, броню, которую и надѣваетъ на другое платье, пока она не войдетъ совсѣмъ, ни сколько не мѣшая его свободнымъ движеніямъ, рогатину и ручной молотокъ, или другое желѣзное орудіе, съ лезвеемъ на обоихъ концахъ, выходящее на четверть изъ руки сверху и снизу, чтобы, когда они сойдутся, вступятъ въ состязаніе и схватятся въ рукопашную, каждому удобнѣе было заколоть другого, пробить его броню; они не щадятъ ни какого члена, ни головы, ни глазъ, и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не будетъ убитъ. Кого убьютъ такимъ образомъ, тотъ и долженъ быть виновнымъ. Если же оба останутся на мѣстѣ мертвые, другимъ изъ ихъ родни предписывается снова сражаться и биться въ такомъ же бою. Тогда убившій другого выигрываетъ дѣло, а убитый проигрываетъ. Никто не смѣетъ говорить что ни будь объ его смерти, а родные должны уплатить все, что считаетъ на немъ другой и въ чемъ вышло у нихъ неудовольствіе.

Желающій жениться и посватать за себя чью ни будь дочку, бѣденъ ли онъ, или богатъ, Дворянинъ, или нѣтъ, высшаго, или низшаго, званія, онъ не можетъ свататься самъ и лично переговорить съ дѣвушкой: это бы осрамило его. Но отецъ взрослой дѣвушки, желая выдать ее за мужъ, идетъ къ знакомому ему молодцу, о которомъ ему извѣстно, каковъ онъ, какого званія и сколько у него богатства, при томъ расторопность, обычай и пріемы этого молодца ему нравятся, такъ что онъ охотно бы выдалъ за него свою дочку. Отецъ говоритъ съ нимъ въ такихъ словахъ: «Твои родители, мой другъ, мои хорошіе пріятели; ты, твой нравъ и пріемы мнѣ очень понравились; имя у тебя честное; всѣ тебя любятъ; по тому-то мнѣ и хочется выдать за тебя свою дочку, если только она тебѣ полюбится. Приданаго (pro dote)

за нею столько-то въ разныхъ вещахъ: въ сергахъ, сшитыхъ платьяхъ, серебрѣ, деньгахъ, скотѣ, лошадяхъ, крѣпостныхъ рабахъ, служанкахъ и другомъ домашнемъ имуществѣ.

Если сойдутся они, молодецъ отвѣчаетъ: «Когда ты желаешь меня въ сыновья и въ зятья себѣ, и тебѣ это кажется хорошимъ, я объ этомъ подумаю, а ты попроси о томъ моихъ родителей и пріятелей, я жь буду согласенъ и доволенъ, что они надумаютъ и рѣшатъ.» Когда его родители узнаютъ объ этомъ сватовствѣ и дадутъ на то свое согласіе, они тотчасъ же толкуютъ о томъ, сколько отецъ долженъ дать приданаго за дочерью и, покончивъ это, назначаютъ день свадьбы. Если же отецъ, или пріятели жениха, попросятъ, чтобы женихъ еще до свадьбы посмотрѣлъ и полюбовался на невѣсту, родители ея отвѣчаютъ на то отрицательно и говорятъ, чтобы онъ спросилъ про нее другихъ, которые ее видали; имъ извѣстно, какова она: этого и будетъ съ него до вѣнчанья. Когда же родители и пріятели все таки не отстаютъ и говорятъ, что если жениху нельзя видѣть невѣсты, то они хотятъ посмотрѣть на нее: это и дозволяется имъ, если невѣста безъ порока и увѣчья, и тогда отецъ, мать и двѣ короткія ихъ пріятельницы отправляются въ жилище невѣсты. Если она изъ зажиточныхъ, или богатыхъ, и въ домѣ у нея много покоевъ, то сидитъ одна въ комнатѣ, разодѣтая и разряженная. Если она бѣдная, или недостаточнаго состоянія и въ домѣ всего одна комната, она сидитъ, принарядившись, за занавѣскою, чтобы никто не видалъ ее. Подошедши къ ней, женихова мать выводитъ ее изъ комнаты, или изъ за занавѣски, беретъ за руку, ходитъ съ ней взадъ и впередъ, оглядываетъ ее внимательно, не слѣпа ли и не хрома ли она, не колчетъ ли, не шелудива ли, или нѣтъ ли за ней какого другого недостатка и порока; если она довольна невѣстой, то говоритъ ей, что она будетъ за ея сыномъ; такъ и пойдутъ къ столу и веселятся. Потомъ невѣстина мать точно такъ же пойдетъ въ домъ жениха и тоже осматриваетъ его, не слѣпъ ли и не хромъ ли онъ и не имѣетъ ли какого другого увѣчья; а если онъ ей понравится, тотчасъ же посылаютъ за Писаремъ и съ обоюднаго согласія дѣлаютъ крѣпкую запись, а именно: кто измѣнитъ своему слову и обѣщанію въ какомъ ни будь изъ тѣхъ условій, которыя по-

ложены обѣими сторонами, и поставитъ его ни во что, долженъ будетъ заплатить въ наказаніе столько-то сотенъ талеровъ. Часто бываетъ, что такъ какъ не дозволяется заранѣе видѣть невѣсты, то женихи и берутъ за приданое колченогихъ, слѣпыхъ и отвратительныхъ женщинъ, межъ тѣмъ какъ располагаютъ взять другихъ прекрасной наружности. Такъ и сбывается пословица: «Quisquis amat ranam, ranam putat esse Dianam.» Да еще надо быть довольнымъ этѣмъ случаемъ. Отъ того-то часто и видишь большія ссоры и равнодушіе между супругами, по тому что они большею частію не знакомы между собою, никогда не видались прежде, а отданы другъ другу и обвѣнчаны вмѣстѣ. Всѣ дѣвушки, красивыя и знатныя, большею частію содержатся въ домахъ въ заперти: только и выходу у нихъ, что въ церковь въ праздникъ, да еще на свадьбы. У родителей есть довольно причинъ держать такъ своихъ дочерей, по тому что онѣ, какъ и большею частію водится за Русскими женщинами, очень склонны къ нѣжному наслажденію, особливо же расположены къ иностранцамъ.

Когда наступитъ день свадьбы, которую играютъ съ изобиліемъ въ кушаньяхъ и напиткахъ, такъ что всѣ перепьются: и священникъ, и женихъ, и невѣста, и гости, то родители, опекуны и близкіе родные отводятъ жениха съ невѣстою въ церковь. Священникъ часто до того упируется и напьется, что надобно бываетъ держать его подъ руки служителямъ, чтобы онъ не свалился, когда станетъ исправлять свою службу и вѣнчать молодыхъ.

Лице у невѣсты закрыто фатой и открывается только послѣ вѣнчанія. Священникъ требуетъ сначала своего должнаго, а именно нѣсколькихъ печеныхъ пироговъ, и какъ скоро получитъ ихъ, вѣнчаетъ и соединяетъ молодыхъ: сперва начинаетъ пѣть 127 псаломъ Давида, потомъ подходитъ къ жениху, кладетъ руку ему на голову и говоритъ: «Скажи мнѣ, господинъ женихъ, хочешь ли взять себѣ въ жену эту нѣжную, молодую дѣвицу и любить ее въ нуждѣ и довольствѣ? Не будешь ли бранить и корить ее крѣпкимъ словомъ и бить кнутомъ и палкой? Не бросишь ли ее, когда она будетъ слаба, больна, дряхла?» Женихъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ.» Точно такъ же обращается онъ и къ невѣстѣ и спрашиваетъ, что, будучи такою маленькою, молоденькою и нѣжною, намѣрена ли она взять себѣ въ мужья такого

великана и будетъ ли удовлетворять его, какъ жена? Хорошо ли будетъ вести его домашнее хозяйство? Сохранитъ ли ему вѣрность, когда онъ устарѣетъ, поостынетъ, сдѣлается слабъ и дряхлъ?» Она отвѣчаетъ на это: «Да.» Священникъ тотчасъ же беретъ вѣночекъ изъ полыни, кладетъ его на головы имъ и говоритъ: «Раститеся и множитеся,» потомъ читаетъ, благословляетъ ихъ трижды крестикомъ и говоритъ: «Что Богъ соединилъ, того никто не долженъ разлучать.» Когда Священникъ кончитъ, всѣ находящіеся въ церкви зажигаютъ маленькія восковыя свѣчки; Священнику подаютъ деревянную позолоченную чашу съ медомъ, изъ которой онъ и поитъ молодыхъ, поздравляя ихъ съ новымъ брачнымъ состояніемъ. Взявъ чашу и отвѣдавъ изъ нея немного, они бросаютъ ее на полъ и топчутъ ногами, говоря эти слова: «Такъ будемъ попирать и растопчемъ всѣхъ, кто захочетъ поселить ненависть и ссору между нами.»

Женщины, бывшія въ церкви, бросаютъ на молодыхъ ленъ и конопляное сѣмя, желаютъ имъ здоровья и долгой жизни, и изобилія во всемъ, нужномъ для ихъ хозяйства; потомъ идутъ изъ церкви къ нимъ въ домъ, веселятся, забавляются, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ и прыгаютъ цѣлую ночь, и если ихъ мужья не станутъ зорко смотрѣть за своими женами, онѣ поднимутъ сильное распутство съ другими мущинами: «Nam occasio facit furem,» по тому что очень расположены къ сладострастію. На другой день онѣ провожаютъ невѣсту въ тотъ домъ, гдѣ она будетъ жить, и ведутъ ее съ закрытымъ лицомъ, а она кричитъ, рыдаетъ и воетъ всю дорогу, что должна проститься съ отцомъ, матерью, братьями, сестрами и со всѣми подругами, что ее уводятъ отъ нихъ, а она ужь не воротится къ нимъ.

Послѣ того, какъ жениха и невѣсту такимъ образомъ обвѣнчаютъ, молодой мужъ покупаетъ славную тонкаго плетенья плетку и вѣшаетъ ее на стѣнѣ комнаты, чтобы разъ въ мѣсяцъ хлестать и наказывать жену, для заявленія своей привязанности къ ней.

Если же этого не бываетъ, жена думаетъ точно такъ же, какъ холопы и служанки, что господа не любятъ ихъ и не дорожатъ ими, по тому что не получаютъ отъ господъ побоевъ;

чѣмъ болѣе жена, рабъ и служанка получаютъ колотковъ, тѣмъ болѣе они имъ нравятся; по ихъ мнѣнію, тогда оказываютъ имъ больше чести и любви, нежели когда не бьютъ ихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ дѣйствительно случилось одно происшествіе, исторію котораго многіе еще помнятъ: я самъ часто слыхалъ ее отъ Русскихъ и иностранцевъ. Былъ одинъ Итальянецъ, по имени Іорданъ, который женился на Русской и нѣсколько лѣтъ жилъ съ нею въ большой любви и согласіи, не ссорился, не бранился, не билъ ее. Жена очень дивилась тому, и однажды съ улыбкой на лицѣ, ласкаясь къ мужу, сказала ему: «Мужъ, за чѣмъ ты не отъ всей души меня любишь?» — «Я люблю тебя всей душою,» отвѣчалъ мужъ, и съ этѣми словами обнялъ ее, поцѣловалъ. Но она говорила, что никогда еще не видала того, и никогда не замѣчала истинныхъ знаковъ любви. Тогда мужъ спросилъ у нея, какихъ же ей хочется видѣть знаковъ?—«Ты никогда не билъ меня,» отвѣчала жена, «стало быть, и не показывалъ настоящей любви ко мнѣ.»—Прежде я совсѣмъ незналъ,» отвѣчалъ мужъ, «чтобы побои были признакомъ любви; не смотря, однако жь, на то, за ними дѣло не станетъ.» Спустя немного времени, придравшись къ пустякамъ, онъ порядкомъ постегалъ ее плетью, что было для нея очень пріятно: она стала больше любить, уважать его и усерднѣе услуживать ему. Замѣтивъ это, онъ посѣкъ ее кнутомъ такъ, что она слегла больная въ постель, но не сказала на то ни полуслова. Онъ поколотилъ ее и въ третій разъ такъ усердно и такъ жестоко, что черезъ нѣсколько дней умерла: такимъ образомъ онъ и заявилъ ей свою сильную любовь къ ней, но ея друзья и родные обвинили его въ томъ предъ Правительствомъ. Узнавъ это, онъ сказалъ о томъ своей собратіи, а они то и дѣло смѣялись и говорили, что она сама причиною своей смерти. Ей не надобно бы ни чего говорить и откровенничать съ нимъ о Русской любви, а то онъ понялъ ея слова въ такомъ только смыслѣ, что докажетъ больше любви и уваженія къ своей женѣ, нежели Русскіе къ своимъ, если изъ привязанности къ ней забьетъ ее до смерти, тогда какъ Русскіе бьютъ своихъ плеткою.

Приглашенные и явившіеся на свадьбу даютъ невѣстѣ и жениху, по своему состоянію, подарки, которые женихъ тща-

тельно записываетъ и запираетъ въ ящикъ, а послѣ свадьбы вынимаетъ ихъ и разсматриваетъ: ежели что ни будь изъ нихъ ему понравится и онъ можетъ извлечь изъ того какую ни есть пользу, то оставляетъ это у себя, посылаетъ на торгъ и велитъ сказать его цѣну.

А что ему не нравится и чего оставить у себя не захочетъ, отсылаетъ назадъ и дружески благодаритъ принесшихъ ему это. Но за оставленное имъ у себя долженъ заплатить деньгами, или другимъ товаромъ въ продолженіе года.

Когда кто ни будь цѣнитъ свои подарки выше, нежели оцѣнены они на торгу и не доволенъ оцѣнкою, женихъ идетъ къ тѣмъ, которые оцѣнили ихъ, и спрашиваетъ, не стоятъ ли они дороже? Если цѣновщики скажутъ: «Нѣтъ,» то и онъ не долженъ давать за нихъ больше, хотя другой и оцѣнилъ ихъ выше.

Если женихъ не заплатитъ за нихъ въ теченіе года, или невѣжливо отошлетъ ихъ назадъ, то обязанъ заплатить за нихъ вдвое.

При заключеніи браковъ Москвитяне берутъ въ соображеніе свойство, кумовство, кровное родство и нѣкоторыя степени, а именно, что два брата не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, также на тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ принимали изъ купели младенца и были свѣдѣтелями, съ которыми въ родствѣ въ низходящей и восходящей линіи, или съ родственницами in primo, secundo et tertio gradu lineae inaequalis.

Они не поступаютъ, какъ Турки и Татары, и не берутъ многихъ женъ, но всякой доволенъ одною женою, пока она ему нравится. По тому что какъ скоро жена не станетъ нравиться мужу, между ними не будетъ согласія и онъ охотно желалъ бы отъ нея избавиться, только не имѣетъ законныхъ предлоговъ къ разводу, на примѣръ, распутство, смертоубійство, колдовство, воровство и другія преступленія. Онъ подкупаетъ нѣсколькихъ мошенниковъ, которые приходятъ къ нему, выдумываютъ большія клеветы, говорятъ, что жена его дѣлала то-то и то-то. Мужъ отправляется съ ними къ черницамъ въ монастырь, проситъ, чтобы они послушали, что мошенники говорятъ объ его женѣ, что

она сдѣлала и то, и другое, а по по тому онъ и желаетъ развестись съ нею, и даетъ черницамъ 20, или 30, талеровъ.

Чернецы тотчасъ же отправляются въ женскій монастырь и приказываютъ черницамъ итти въ тотъ домъ, гдѣ живетъ эта жена. Онѣ тотчасъ же берутъ ее, остригаютъ ей волосы, снимаютъ съ нея платье, надѣваютъ на нее черническое и поскорѣе ведутъ ее, противъ воли, въ монастырь, гдѣ и должна она оставаться черницей до самой смерти. А мужъ до истеченія шести недѣль не можетъ жениться опять, но потомъ ему разрѣшается взять другую жену.

Точно такъ же для Русскихъ слабы и ничтожны всякіе честные законы и уставы: у нихъ дѣлаются и допускаются почти всѣ грѣхи и пороки, такъ что честный и приличный человѣкъ ужаснется, услышавъ о томъ.

Таковъ, на примѣръ, этотъ, еще не самый худшій: когда бѣдные и мелкіе Дворяне, или граждане, придутъ въ крайность и у нихъ не будетъ денегъ, они бродятъ по всѣмъ закоулкамъ и смотрятъ, не попадется ли какихъ ни будь богатыхъ молодчиковъ, и предлагаютъ имъ для блуда своихъ женъ, берутъ съ нихъ по 2 и по 3 талера за разъ, смотря по красивости и миловидности жены, или какъ сойдутся въ цѣнѣ. Мужъ все время ходитъ за дверью и сторожитъ, чтобы никто не вошелъ, не помѣшалъ и не потревожилъ ихъ въ такомъ безчестномъ и распутномъ занятіи. Они, а особливо большіе Бояре и Дворяне, дѣлаютъ и больше распутства, Содомскіе грѣхи, мущины съ мущинами, да еще и не тайно, а часто на глазахъ многихъ лицъ, считая для себя честью дѣлать это, не стѣсняясь и гласно.

Часто къ ребенку, или къ молодому человѣку, они привязываются сильнѣе, нежели къ своимъ женамъ. Но это гнусное и ужасное дѣло, идущее наперекоръ Богу и Его законамъ, даже наперекоръ природѣ и всему человѣчеству. Всего ужаснѣе, однако, жь, дѣла ихъ съ разными неразумными тварями и скотами: они безъ всякаго различія имѣютъ съ ними нечестивое соитіе. Да еще и не совѣстятся хвастать, что дѣлаютъ это часто по тому, что ихъ не наказываютъ.

Когда обвинятъ кого въ томъ предъ Великимъ Княземъ, онъ отвѣчаетъ, что это дѣло до него не касается, а по тому и слѣдуетъ наказывать за это не ему, а одному только Богу, Который неизбѣжно накажетъ его въ свое время. А провинись-ка этотъ человѣкъ въ чемъ ни будь передъ нимъ самимъ: какъ свѣтскій Государь, онъ присудитъ ему вдоволь мученій и казней. *

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

---

* Каждому очевидно, что Петрей частные случаи, которые можно было подмѣтить не у однихъ Русскихъ, обращаетъ въ общіе, и по тому не заслуживаетъ опроверженія. Перев.

ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА

СПРАВЕДЛИВОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ МОСКОВСКОЙ ВѢРЫ, БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ И ДУХОВНЫХЪ УСТАВОВЪ, ПРИ ЧЕМЪ УПОМИНАЕТСЯ, ОТКУДА МОСКВИТЯНЕ ПОЛУЧИЛИ БОГОСЛУЖЕНІЕ И КТО ПЕРВЫЙ ВВЕЛЪ ЕГО, УСТАНОВИЛЪ И РАСПРОСТРАНИЛЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Въ предшествовавшимъ пяти частяхъ мы довольно подробно разсказывали о странѣ Москвитянъ, мѣстностяхъ и положеніи ихъ, крѣпостяхъ и городахъ, Государяхъ и Великихъ Князьяхъ, правахъ и обычаяхъ, внутреннемъ устройствѣ и военныхъ дѣлахъ. Теперь, въ этой шестой части, предстоитъ намъ говорить о Вѣрѣ и Богослужебныхъ обрядахъ Московскихъ, также и о томъ, какіе обряды и уставы соблюдаетъ тамошне духовенство. Но такъ какъ мы еще прежде говорили о богахъ, въ которыхъ вѣровали Москвитяне, до принятія Христіянской Вѣры во времена Владимира, называвшагося послѣ крещенія Василіемъ, то и нечего повторять того опять, а слѣдуетъ сказать только о той Вѣрѣ, которую они исповѣдаютъ нынѣ. По словамъ ихъ, они получили ее въ 980 году (!) по Р. Х. отъ Константинопольскаго Императора Константина, выдавшаго за Русскаго Великаго Князя сестру свою, Анну.

Княжна привезла съ собою въ страну и Епископа, по имени Льва (!), который первый насадилъ тамъ Греческую Вѣру и даже еще понынѣ пользуется искреннимъ уваженіемъ Русскихъ. Великій Князь сдѣлалъ его Патріярхомъ (!) съ тою же властію и

съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и Константинопольскіе Патріархи, и начальствуетъ надо всѣми Епископами, монахами и Священниками. Этотъ Левъ имѣлъ сперва свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, а когда Кіевъ вошелъ въ составъ Литвы, оно переведено было во Владимиръ и наконецъ въ Москву, гдѣ находится и по нынѣ. Однако жь Москвитяне, по ясному извѣстію своихъ Лѣтописей, держатся того мнѣнія, что получили свою Вѣру за долго прежде, еще во времена Апостольскія, и думаютъ, что Св. Апостолъ Андрей прибылъ рѣкою Днѣпромъ изъ Греціи, плылъ по этой рѣкѣ вверхъ до самаго того мѣста, гдѣ находится теперь многолюдный городъ Кіевъ, научилъ тамъ творить крестное знаменіе, проповѣдывалъ слово Божіе и добрыя дѣла и предсказалъ, что Богъ благословилъ эту страну возрастить Его истинную Вѣру, и что тамъ основано и построено будетъ довольно много монастырей и церквей. Оттуда, говорятъ, онъ доѣзжалъ до Волконскаго озера, плылъ выходящею изъ него рѣкою Ловатью и въѣхалъ въ озеро Ильмень, а оттуда текущимъ изъ Ильменя, черезъ Великій Новгородъ, Волховомъ доѣзжалъ до Кремля и города Ладоги, потомъ по Ладожскому озеру до Нотебурга, гдѣ вошелъ въ рѣку Неву, текущую въ Балтійское море, а оттуда поѣхалъ въ Римъ и наконецъ отъ Аго Антипатра (Ago Antipatre) потерпѣлъ распятіе за Іисуса Христа. Далѣе, продолжаютъ Русскіе, что вышеназванный Епископъ Левъ, прибывшій съ Княжною, изъ Греціи и потомъ выбранный въ Патріархи, во славу Божію и Святой Церкви построилъ много церквей и монастырей, посвящалъ Священниковъ, постригалъ монаховъ и монахинь, которымъ и предписалъ особенные уставы и правила, какъ имъ надобно жить, одѣваться и соблюдать себя относительно пищи и питья. Онъ также уставилъ подаяніе милостыни бѣднымъ и нищимъ и пожертвованіе 10 части всякихъ доходовъ на построеніе и содержаніе монастырей и церквей. Отъ того-то при смерти Русскіе дѣлаютъ богатыя завѣщанія, чтобы духовенство молилось о душахъ ихъ и чтобы онѣ не были отведены въ адъ.

Простой народъ такъ и думаетъ, что Богу нельзя ни чѣмъ угодить больше, какъ подаяніемъ чего ни будь изъ своего имѣнія въ пользу церкви: многіе изъ нихъ дѣлаютъ такія приношенія съ большимъ усердіемъ. Когда же этѣ подаянія попадутъ въ

руки монаховъ, они сперва сами поживятся ими, такъ что большею частію встрѣчаются изъ нихъ такіе, которые богаче самыхъ знатныхъ Бояръ въ странѣ. Къ тому же еще ведутъ гнусную жизнь въ сластолюбіи, пьянствѣ, развратѣ и подобныхъ тому порокахъ, по тому и тѣ приношенія, которыя, по мнѣнію простыхъ людей, идутъ на устроеніе церквей, монастырей и часовенъ, служатъ только для различной суетности, невоздержности и обжорства духовныхъ лицъ.

Глава всего Духовенства, Патріярхъ, имѣющій свое мѣстопребываніе въ Москвѣ: онъ пользуется такимъ же высокимъ значеніемъ и почетомъ, какъ Константинопольскій и Антіохійскій Патріярхи, и носитъ такой же большой титулъ, какъ и Великій Князь, кромѣ того только, что пишется не Царемъ и Великимъ Княземъ, а Всероссійскомъ Патріярхомъ. При его избраніи ему бываетъ не меньше почестей и услугъ, какъ и при выборѣ Великаго Князя. Тогда соберутся всѣ Митрополиты, Архіепископы, Епископы, Игумены, Строители и все главное Духовенство со всѣхъ церквей и монастырей и доложатъ Великому Князю, что желаютъ выбрать Патріярхомъ такого, который выше всѣхъ ихъ по богобоязненности, добродѣтели, благочестію, святой жизни и наукѣ; въ случаѣ согласія и соизволенія Великаго Князя, выбираютъ и посвящаютъ это лицо въ Патріярхи со всѣми духовными обрядами.

Если же избранный не угоденъ Великому Князю, онъ избираетъ другаго, который ему нравится; хотя бы этотъ санъ тому и не шелъ, превышалъ его способности и противъ него было все Духовенство, однако жь все же духовныя лица должны будутъ признать и почитать его Патріярхомъ, если такова воля Великаго Князя.

За Патріярхомъ слѣдуютъ Митрополиты страны, которыхъ три: самый главный живетъ въ Новгородѣ, другой въ Суздалѣ, третій въ Ростовѣ. Рязанскій Епископъ тоже не меньше по значенію Митрополита и выше всѣхъ другихъ Епископовъ, которыхъ столько же, сколько и Княжествъ, такъ что во всякомъ Княжествѣ свой Епископъ, а именно: въ Твери, въ Псковѣ, Смоленскѣ, Коломнѣ, Казани, Астрахани, Вологдѣ и во многихъ другихъ го-

родахъ. Епископу подчинены и подвластны монахи и священники, а все Духовенство, какъ высшее, такъ и низшее, подчинено Патріарху, имѣющему свое мѣстопребываніе въ Москвѣ.

У духовныхъ большія помѣстья: у нѣкоторыхъ до тысячи душъ и значительные доходы, такъ что они могутъ держать нѣсколько тысячъ лошадей, а въ ихъ монастыряхъ служатъ имъ многіе Дворяне, точно Князьямъ этой страны. Когда начнется война, они должны содержать нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ, соразмѣрно своимъ доходамъ. По тому что имъ принадлежитъ цѣлая треть доходовъ и помѣстьевъ страны, другая треть Дворянамъ, а остальныя двѣ части Великому Князю. Отъ того-то они съ своими лошадьми и слугами должны быть готовы на войну съ непріятелемъ, наравнѣ съ Боярами и Дворянами. Всѣ монахи и монахини, сколько бы ихъ ни было въ странѣ, носятъ длинныя черныя шелковыя платья, шелковыя, грогреневыя и толстыя холщевыя, не могутъ надѣвать рубашекъ и ни какихъ мелочей изъ полотна: они говорятъ, что основатель ихъ ордена Святой Бернардъ (1).

Они ужасно неприличны, неучены и не умѣютъ ни чего отвѣтить, когда ихъ спросишь что ни будь изъ Библіи, или изъ Св. Отцовъ, или объ ихъ Вѣрѣ, орденѣ и жизни: они говорятъ, что не могутъ отвѣчать на это, по тому что должны держать себя въ простотѣ и невѣжествѣ, и не умѣютъ ни читать, ни писать. А тоже напиваются допьяна и держатъ себя, точно какія свиньи; говорятъ, что Патріархъ, Митрополиты и Епископы — ихъ духовные защитники, передъ ними они и будутъ отвѣчать, по тому что не сдѣлали ни чего, кромѣ того, что имъ велятъ они дѣлать.

Патріархъ, Митрополиты и Епископы носятъ длинные черные кафтаны токого же вида и покроя и безъ всякой разницы съ монашескими, кромѣ того только, что у монаховъ и Священниковъ этѣ кафтаны изъ сукна и другихъ плохихъ матерій, а у другихъ духовныхъ лицъ изъ камки, камлота, каламанки, раша и другихъ подобныхъ тканей. Епископы отличаются тѣмъ, что сверхъ кафтана носятъ длинную черную мантію, на которой, по каждую сторону груди, три шелковыхъ бѣлыя и разноцвѣтныя

веревочки, или шнурочка, висящіе противъ сердца съ головы до ногъ; по плечамъ же, кругомъ и на рукахъ, эта мантія вышита крестами; они хотятъ показать тѣмъ, что изъ ихъ устъ и сердца истекаютъ чистое Христіанское вѣроученіе и всѣ добродѣтели. Для того-то они и отличаются отъ другихъ такими кафтанами и мантіями и держатъ себя очень просто, чтобъ показать, что за Христа охотно потерпятъ крестъ и перенесутъ великіе бѣды, голодъ, бѣдность. Всѣ они такж держатъ расписанную палку въ рукахъ, стоятъ ли когда, или сидятъ, вверху она не много закривлена и на ихъ языкѣ называется «посохъ» (Posock): тѣмъ хотятъ они заявить свое величіе и святость передъ своею паствой. Новгородскій Митрополитъ отличается только тѣмъ, что носитъ бѣлую мантію, также увѣшанную и вышитую разноцвѣтными снурками, и бѣлый клобукъ.

Патріархъ, Митрополиты, Епископы, Игумены, Строители и монахи носятъ круглыя, черныя шляпы или шапки, видомъ похожія на тарелку. Священники носятъ шапочки и брѣютъ волосы на головѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ эта шапочка, а кругомъ головы отпускаютъ длинные волосы. Сверхъ шапочки они носятъ еще другую шапку, которую никогда не снимаютъ, по тому что она надѣвается на нихъ Епископомъ при постриженіи; она шьется изъ хорошаго сукна, или бархата разныхъ цвѣтовъ, изнутри подбивается куницами, соболями и другими мѣхами; опушка у ней бобровая. Нѣкоторые носятъ и черныя шляпы отъ дождя и жару; иные сѣрыя и некрашеныя, изъ боброваго волоса.

Тамъ есть и такіе монахи, которые уходятъ изъ монастыря въ пустыню, строятъ тамъ хижинку себѣ, живутъ въ ней, ищутъ пищи на землѣ, или на деревьяхъ, на прим., корней, травъ и тому подобнаго. Они очень бѣдны, терпятъ великій голодъ и нищету, влачатъ жалкую жизнь, заказываютъ себѣ желѣза въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ и ходятъ въ нихъ до тѣхъ поръ, пока они не свалятся сами: все думаютъ заслужить тѣмъ вѣчную жизнь. Тогда причисляютъ ихъ къ Святымъ, а по смерти ихъ молятся имъ Священники, живущіе въ городѣ, получаютъ отъ Великаго Князя и граждапъ богатые доходы.

А другіе, живущіе въ деревняхъ, до того бѣдны и жалки, что иногда едва имѣютъ насущный хлѣбъ для утоленія голода,

по тому что получаютъ съ крестьянъ очень немного. Имъ нейдетъ ни муки, ни десятины деньгами, а только, когда крестятъ у крестьянъ дѣтей, вѣнчаютъ ихъ, хоронятъ покойниковъ, получаютъ съ нихъ не больше гроша, да еще большой бѣлый хлѣбъ, съ начинкою изъ ячменной крупы (пирогъ). Каждую недѣлю они должны служить три обѣдни, кромѣ Воскресенья и праздниковъ.

Каждый день три раза и одинъ разъ ночью служатъ и поютъ они свои Часы (Horas), какъ уставлено и приказано имъ отъ Патріарха, Митрополитовъ и Епископовъ. Кто не исполнитъ того и сдѣлаетъ упущеніе, того отрѣшаютъ отъ мѣста. Каждый Священникъ долженъ держать помощника (Дьякона), по тому что безъ него ни одинъ Священникъ не можетъ служить обѣдни. У всякаго должно быть не больше одной приходской церкви.

Почти всѣ церкви одинаковой постройки: ихъ башни (колокольни) обыкновенно съ яблокомъ, по большей части крыты мѣдью, свинцомъ, жестью, или другимъ веществомъ, со множествомъ крестовъ, число которыхъ на церкви должно быть сообразно съ числомъ алтарей внутри ея и при каждомъ алтарѣ особенный пѣвчій (Дьячекъ). Всѣ доски и чурбаны дѣлаютъ они ровно и гладко, безъ всякихъ пилъ и рубанковъ, однимъ топоромъ, которымъ владѣютъ очень проворно.

Проходя мимо церкви, или монастыря, никто не смѣетъ мочиться, по тому что это считается большимъ срамомъ и преступленіемъ: нѣкоторыхъ брали за то подъ стражу, очень наказывали и сѣкли. Точно также не дозволяется впускать въ церковь собаку и чужеземца не ихъ Вѣры, по тому что они называютъ послѣднихъ еретиками, полагая, что совершенно святая и чистая церковь осквернится чрезъ это и лишится своей святыни.

Всякая церковь имѣетъ, по крайней мѣрѣ, два, или три, колокола, впрочемъ, многія и по 6-ти, 7-ми, 10 и 12-ти. Однако жь, у нихъ звонятъ не по нашему: Пономарь дергаетъ за веревку, крѣпко привязанную къ языку, и ударяетъ имъ въ край колокола. Когда Священникъ совершитъ и подниметъ Св. Дары, начинается сильный звонъ во всѣ колокола, чтобы всѣ, находящіеся вдалекѣ оттуда, услышавъ звонъ, могли знать, что совершается въ это вре-

мя въ церкви. Обѣдню и всѣ церковныя службы они поютъ на своемъ отечественномъ языкѣ.

Церкви не очень велики и часто такъ набиты народомъ, что много людей стоитъ внѣ церкви и у церковныхъ дверей. За дверями же должны стоять и всѣ преступники, которые не могутъ входить въ церковь: они часто кланяются въ землю до того, что накланяютъ себѣ шишекъ на переднюю часть головы, много крестятся и потомъ поднимаютъ глаза къ небу.

Во всѣ большіе праздники, на прим., въ Рождество, въ Пасху и другіе праздничные дни, Священники и монахи ходятъ по городамъ и большимъ деревнямъ съ кадилами, крестами и Святою водою, кропятъ, кадятъ и крестятъ всѣхъ, попадающихся имъ на улицѣ, заходятъ въ домы, куда ихъ, однако жь, попросятъ, а то, пожалуй, найдетъ ихъ большая толпа, по тому что за исправленіе этой службы Священникамъ обыкновенно даютъ полгроша.

Въ церквахъ Священники не говорятъ ни какихъ проповѣдей, только поютъ и читаютъ на своемъ родномъ языкѣ, сколько велятъ имъ Патріархъ и Епископы, нѣкоторыя молитвы изъ Молитвенниковъ, Псалмы Давида и кое-какіе отрывки, то изъ Св. Отцовъ, то изъ Новаго Завѣта.

Чѣмъ шибче и громогласнѣе выкрикиваетъ Священникъ, тѣмъ выгоднѣе о немъ мнѣніе: полагаютъ, что онъ ученъ и можетъ хорошо исправлять свою должность. Если же онъ запинается и не можетъ продолжать скоро и бойко, слушатели до того разсердятся, что нажалуются на него Патріарху, и иногда онъ лишается мѣста. Патріархъ, Митрополиты и Епископы служатъ въ церквахъ не часто, а только смотрятъ, чтобы Священники исправляли церковную службу, какъ слѣдуетъ.

Въ большіе же праздники служатъ Епископы и Митрополиты. При церквахъ у нихъ училища, въ которыхъ юношество учится читать и писать на ихъ языкѣ. Ни какихъ другихъ книгъ у нихъ нѣтъ, кромѣ Азбукъ, нѣсколькихъ Молитвенниковъ, называемыхъ тамъ «еженедѣльнымъ молитвословіемъ,» по которымъ молятся Дѣвѣ Маріи, Св. Николаю, Михаилу и великому множеству ихъ славныхъ Святыхъ, еще нѣкоторые Антифоны, Псалтырь

Давида, Исповѣданія Вѣры: Апостольское, Никейское и Аѳанасьевское, и также Дѣла Александра Великаго. А лица, желающія поступить во Священники, читаютъ Новый Завѣтъ, проповѣди Златоуста, Василія, Григорія Назіянзина, Амвросія, Кипріяна, особливо же Златоуста и нѣкоторыя другія.

Ни одному Священнику не дозволяется исправлять какую бы то ни было службу въ церкви, на примѣръ, пѣть обѣдню, пріобщать, крестить младенцевъ, отпѣвать покойниковъ и другія подобныя службы, если не имѣетъ при себѣ капеллона (Дьячка?); ни одинъ Священникъ также не можетъ безъ образа и Распятія пѣть и читать въ церкви, по тому что какъ мірянамъ, такъ и духовнымъ лицамъ, богатымъ и бѣднымъ, запрещено молиться утромъ и вечеромъ, не имѣя у себя передъ глазами образа, или Распятія, въ избѣ ли то, или въ церкви.

У крестьянъ, у которыхъ въ иныхъ областяхъ нѣтъ церквей, есть какіе-то большіе деревянные кресты въ 3, или 4, аршина вышины, освященные и благословенные Священникомъ, съ вырѣзанными на нихъ нѣкоторыми стихами изъ Псалмовъ Давида: поселяне, живущіе въ деревнѣ и не имѣющіе церквей, совершаютъ передъ ними свое богослуженіе, также утреннія и вечернія молитвы.

Всѣ Священники и монахи, обвиненные въ упущеніяхъ по должности, наказываются Патріярхомъ и Епископами, смотря по степени ихъ вины. Въ случаѣ же какого ни будь другого ихъ преступленія и грѣха, на прим., прелюбодѣянія, блуда, воровства, убійства, или измѣны, они выдаются Гражданской Власти и терпятъ заслуженное наказаніе.

Впрочемъ, положеніе Священниковъ лучше монаховъ, по тому что имъ не такъ строго велѣно держать постъ, какъ послѣднимъ. Священникамъ дозволенъ такой же постъ, какъ и всѣмъ другимъ мірянамъ въ странѣ. Они ѣдятъ мясо и рыбу, когда ѣдятъ это и другіе; когда же міряне постятся и воздерживаются отъ мяса, тоже должны дѣлать и Священники. Патріархъ, Митрополиты, Епископы, монахи и монахини, поступивъ въ это званіе, не могутъ никогда даже и отвѣдывать мяса, а не то что ѣсть его. О

Рождествѣ, Пасхѣ и въ другіе большіе праздники имъ разрѣшается ѣсть молоко, сыръ, масло, яйца, сливы, яблоки и тому подобное. Въ этѣ праздники они до того напиваются, что валяются по улицамъ, да такъ и остаются тамъ, Священники тоже бываютъ пьяны, по тому что ихъ угощаютъ, когда они придутъ куда ни будь съ крестомъ и Св. водою, часто бѣгаютъ по улицамъ, падаютъ тамъ и валяются въ грязи, какъ скоты. За это съ нихъ не взыскивается: если же въ пьяномъ видѣ они сдѣлаютъ что ни будь неприличное, ихъ сѣкутъ за то розгами.

Если міранинъ, поссорившись съ Священникомъ, подерется съ нимъ и угодитъ ему въ голову, гдѣ находится шапочка, надѣтая на него при посвященіи, которую онъ никогда не снимаетъ ни въ церкви, ни гдѣ бы то ни было, такой наказывается розгами и тюрьмою. А когда угодитъ ему въ другое какое мѣсто на тѣлѣ, въ лицо, въ бокъ, въ глазъ, или куда бы то ни было, и отподчуетъ его на славу, тогда онъ не виноватъ и не подвергается ни какой бѣдѣ.

Священникамъ положено жениться, только они должны брать за себя не такихъ, которыя нажили себѣ дурную молву и извѣстность, или которыхъ родители сомнительной честности, а непорочныхъ дѣвицъ, не имѣвшихъ еще связи ни съ однимъ мущиной; Священники могутъ ихъ держать у себя до самой ихъ смерти. По кончинѣ жены, Священникъ не можетъ брать другую, если не хочетъ лишиться мѣста, или быть согнаннымъ съ него. Пожелавъ жениться опять, онъ долженъ сдѣлаться міряниномъ и ужь не можетъ исправлять ни какой церковной службы, а долженъ доставать себѣ хлѣбъ мірскимъ ремесломъ и жениться на той, которая ему полюбилась, дѣвушка ли она, или вдова; по тому что онъ не соблюлъ словъ Апостола Павла и пренебрегъ ими, а именно, что Епископомъ долженъ быть не находившійся подъ наказаніемъ, мужъ одной жены, а не многихъ. Онъ поступилъ также и противъ Собора въ Гангрѣ, постановившаго слѣдующее: «Священникъ, берущій себѣ больше одной жены, долженъ быть лишенъ сана.» Также: «Проклятъ всякъ, кто презираетъ Священника, имѣющаго не болѣе одной жены, и говоритъ, что не похвально принимать изъ его рукъ Св. Тайны.» Если Священникъ пожелаетъ оставить жену и быть монахомъ, онъ можетъ сдѣлать

это съ чистою совѣстью, но тогда долженъ исполнять всѣ монашескія правила до самой смерти. Если же потомъ онъ, или другой кто ни будь, пошедшій въ монахи, также монахиня, или другая женщина, надѣвшая монашеское платье, будутъ уличены въ томъ, что монахъ имѣетъ связь съ женщиной, а монахиня съ мущиной, такіе зарываются живые въ землю. Мірское лицо наказывается деньгами, смотря по тому, какъ расположенъ къ нему судья и какое захочетъ назначить ему наказаніе.

Какъ много у Русскихъ церквей, монастырей, Священниковъ и монаховъ, точно такъ же и много Святыхъ, которыхъ они чтутъ и молятся имъ въ церквахъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Св. Андрей, Св. Николай, Михаилъ Архангелъ, Дѣва Марія, Іоаннъ, Илія и великое число другихъ. Они такъ же признаютъ и вѣруютъ, что Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый Единый и Вѣчный Богъ въ трехъ Лицахъ, чтутъ три Лица въ Единомъ Божествѣ, не смѣшиваютъ Лицъ между собою и не раздѣляютъ Божественной Сущности, какъ написано и постановлено о томъ въ трехъ Символахъ, и говорятъ, что кто не вѣруетъ всему тому, тотъ не можетъ быть блаженнымъ и долженъ погибнуть на вѣки вѣчные. Говорятъ также о себѣ, что, будучи великими грѣшниками и преступниками, они недостойны получить что ни будь отъ Всемогущаго Бога по своимъ собственнымъ молитвамъ, недостойны молиться и призывать Св. Троицу въ крайней нуждѣ, но должны просить себѣ ходатайства у другихъ, чтобы они вступились въ ихъ дѣло и отнесли его къ величеству Божію. По тому-то они и молятся всѣмъ, о которыхъ знаютъ, что они причтены къ Святымъ, особливо же Пречистой Матери Божіей, Пресвятой Дѣвѣ Маріи, которая всегда милосердуетъ о родѣ человѣческомъ, приноситъ его молитвы, со всею сердечною преданностью молится за него и Сама, чтобы ему прощены были его грѣхи, по тому что безъ Ея заступничества и ходатайства грѣшникамъ никогда не получить прощенія. И они тоже говорятъ, что Богъ Отецъ послалъ Своего Сына для искупленія міра: Онъ вполнѣ и совершилъ это своими великими страданіями и муками, жестокою смертью, радостнымъ Воскресеніемъ и Вознесеніемъ на небо, и что должно прославлять и Духа Святаго, молиться Ему во единомъ существѣ со Отцемъ и троично въ Лицахъ.

Они очень сожалѣютъ о наслѣдственномъ грѣхѣ, оплакиваютъ его и признаютъ, со Св Пророкомъ Давидомъ, что въ нихъ ни чего нѣтъ добраго: человѣческая природа очень испорчена; теперь въ человѣкѣ очень укоренилась неправда, порочность, нечестивая жизнь и презрѣніе къ Богу. Отъ того-то и вся человѣческая природа очень извращена и расположена ко всякому злу, погружена въ великій мракъ и невѣжество, всегда преступаетъ десять Божіихъ заповѣдей; сердце человѣка — источникъ всякаго зла, точно и испортившійся ключъ или ручей.

По тому и считаютъ чрезвычайно необходимымъ тотчасъ же относить новорожденнаго младенца къ Господу Іисусу и крестить, для омытія всѣхъ грѣховъ его, Таинствомъ Крещенія.

Съ новорожденнымъ младенцемъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: только что онъ родится, приводятъ Священника, который читаетъ сперва какія-то молитвы передъ домомъ, гдѣ находится родильница, нѣсколько разъ опускаетъ внизъ голову, велитъ родителямъ отнести въ церковь и крестить младенца, и потомъ идетъ своей дорогой, пожелавъ родильницѣ здоровья, съ обыкновенными у нихъ обрядами. Родители сейчасъ же посылаютъ за тремя мущинами и тремя женщинами, которые должны быть кумовьями и свѣдѣтелями, что дѣтя крещено. Если оно здорово, кумовья относятъ его въ церковь, при чемъ Священникъ долженъ встрѣтить ихъ у церковныхъ дверей, благословить и перекрестить ихъ пальцами съ головы, произнося слѣдующія слова: «Да сохранитъ Богъ входъ и исходъ вашъ отнынѣ и до вѣка. Аминь!»

Такъ и войдутъ кумовья въ церковь съ младенцемъ, а тамъ стоитъ посрединѣ пола налитая водою купель; возлѣ нея дожидается Священникъ и беретъ отъ кумовьевъ 9-ть восковыхъ свѣчъ (которыя они должны держать въ рукахъ); этѣ свѣчи онъ прилѣпляетъ крестообразно къ купѣли, зажигаетъ и говоритъ кумовьямъ, чтобы они три раза обошли за нимъ кругомъ купѣли по солнцу. Онъ кадитъ крестообразно купѣль миррою и ладаномъ, также и кумовьевъ. Послѣ того подходитъ къ алтарю, беретъ образъ Св. Іоанна, Распятіе, сдѣланное изъ золота, серебра, мѣди, или олова, также муро, соль и маленькія ножницы, и, возвратившись опять къ купѣли, отдаетъ образъ Пономарю: такъ и идетъ этотъ съ образомъ впереди, а Священникъ и кумовья

съ ребенкомъ за нимъ и обходятъ три раза купѣль съ горящими свѣчами въ рукахъ; послѣ того Священникъ начнетъ читать и освящать воду, беретъ 6 восковыхъ свѣчъ, прилѣпленныхъ крестообразно кругомъ купѣли и кадитъ ее миррою и ладономъ. Кадитъ также и образъ, крестъ, муро, все по три раза и крестообразно.

По окончаніи того Священникъ спрашиваетъ: «Желаетъ ли дѣтя быть крещеннымъ?» Кумовья отвѣчаютъ: «Да!» — «Назовите младенца!» говоритъ Священникъ; кумовья подаютъ ему записку на которой написано, какое имя желаютъ дать младенцу. Священникъ даетъ ему имя и кладетъ записку на образъ, а образъ на грудь младенца и опять спрашиваетъ: «Какъ назвать младенца?» Кумовья отвѣчаютъ, какъ назвалъ его прежде Священникъ и какъ написано въ запискѣ. Тогда Священникъ съ кумовьями кладетъ руки на голову младенца, читаетъ «Отче нашъ,» нѣкоторыя молитвы и опять спрашиваетъ: «Какое дать имя младенцу?» Кумовья отвѣчаютъ по прежнему. Священникъ дѣлаетъ вопросъ: «Вѣруетъ ли младенецъ въ Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго?» «Да,» отвѣчаютъ кумовья. Тогда Священникъ и кумовья съ младенцемъ поворачиваются спиною къ купѣли; Священникъ спрашиваетъ: «Отрекается ли дѣтя отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его, всѣхъ его аггеловъ, всякихъ другихъ языческихъ и еретическихъ вѣръ, и останется ли въ Православной Христіянской Вѣрѣ въ продолженіе всей своей жизни?»—«Да,» говорятъ кумовья и плюютъ съ большимъ отвращеніемъ на полъ при всякомъ словѣ Священника; послѣ того опять оборачиваются лицомъ къ купѣли, Священникъ кладетъ руку на младенца и говоритъ: «Выйди, нечистый духъ, изъ этого младенца и уступи мѣсто Духу Святому!» и съ этѣми словами дуетъ три раза на младенца крестообразно, креститъ его рукою, беретъ маленькія ножницы, которыя принесъ съ собою, остригаетъ у него волосы на головѣ тоже крестообразно, кладетъ ихъ въ книгу, сминаетъ въ кусочкѣ воску и прячетъ въ особенномъ мѣстѣ въ церкви; потомъ беретъ образъ съ младенца, отдаетъ его держать Пономарю и опять спрашиваетъ: «Хочетъ ли быть крещеннымъ младенецъ?» Да», отвѣчаютъ ему. «Если желаешь ты быть крещеннымъ, говоритъ Священникъ, такъ снимите съ него одежду и подайте его мнѣ; кумовья раздѣваютъ его и подаютъ нага-

го Священнику, который три раза погружаетъ его всѣмъ тѣломъ въ купѣль и говоритъ: «Крещу тебя во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго.»

Впрочемъ, Священникъ наблюдаетъ, чтобы не много рта и носа у младенца оставалось надъ водою, чтобы ему свободно было дышать и не попало воды. Если младенецъ окрещенъ будетъ какъ ни будь иначе, Русскіе думаютъ, что онъ крещенъ неправильно и, слѣдовательно, первобытный грѣхъ не такъ чисто омытъ съ него, чтобы, какъ новый человѣкъ, онъ могъ посѣщать церковь Божію.

Когда такимъ образомъ окрестятъ младенца, Священникъ беретъ и кладетъ ему въ ротъ немного соли, креститъ и три раза крестообразно помазываетъ ему освященнымъ въ недѣлю предъ Пасхою елеемъ грудь, лицо, спину, руки съ наружной и внутренней стороны, потомъ беретъ чистую бѣлую одежду, надѣваетъ ее на младенца и говоритъ: «Какъ чиста эта одежда, которую я надѣваю на тебя теперь, такъ же чистъ и свободенъ ты сталъ отъ всѣхъ твоихъ грѣховъ;» послѣ того читаетъ какія-то молитвы, даетъ благословеніе кумамъ и кумовьямъ, креститъ и кадитъ ихъ, ласкаетъ и цѣлуетъ дѣтя, также кумовьевъ и кумъ, а въ знакъ того, что ребенокъ крещенъ, навѣшиваетъ ему на голую шею крестикъ, золотой, серебряный, мѣдный, или изъ другого металла, кромѣ того даетъ ему образъ, который долженъ быть защитникомъ и покровителемъ младенца, велитъ кумовьямъ и кумамъ поцѣловаться и запрещаетъ имъ вступать между собою въ бракъ: такъ они и расходятся, и кумовья съ кумами относятъ младенца домой къ матери.

Когда надобно крестить двоихъ, или троихъ, дѣтей вдругъ, для каждаго особенно наливается въ купѣль или котелъ чистая вода, которую крестятъ и освящаютъ, какъ описали мы прежде; окрестивши одно дитя, воду выливаютъ въ особенное мѣсто на церковномъ дворѣ и наливаютъ опять свѣжей въ купѣль, въ которой и крестятъ другого младенца; для того они никогда не употребляютъ теплую воду, какъ бы ни было холодно, если только дѣтя не очень слабо и болѣзненно. Крещеніе совершается въ церкви; но если бы случилось такъ, что дѣтя, по его слабости, нельзя нести въ церковь, или, по случаю отдаленности ея, стужа

можетъ повредить ему въ дорогѣ, или за неимѣніемъ церкви въ томъ мѣстѣ, тогда крещеніе совершается и въ домахъ съ описанными выше обрядами, только не въ томъ покоѣ, гдѣ лежитъ родильница.

Такимъ же образомъ крестятъ и всякаго отщепенца, отступившаго отъ Христіанской Вѣры и изъ жадности къ деньгамъ принимающаго идолопоклонническую * Русскую; но сначала монахи учатъ его 6-ть недѣль въ монастырѣ, какъ надо молиться, креститься и кланяться передъ иконами за дневнымъ и ночнымъ богослуженіемъ. Когда ему надобно будетъ говѣть и принимать Св. Тайны, онъ долженъ проклинать и поносить прежнюю свою Вѣру и положить на себя заклятіе не принимать ее опять во всѣхъ ея статьяхъ, да и жестоко гнать всѣхъ, ее исповѣдающихъ. Послѣ такого наученія, ведутъ его на воду и погружаютъ въ нее трижды всѣмъ тѣломъ, будетъ ли это зимой, или лѣтомъ. Русскіе говорятъ, что какъ Іоаннъ крестилъ въ рѣкѣ Іорданѣ, такъ же должны креститься и этѣ язычники, или еретики, омыть свои грѣхи и беззаконія и сдѣлаться Христіянами. Потомъ надѣваютъ на новокрещеннаго чистую и тонкую одежду, даютъ ему другое имя и называютъ вмѣсто Георгія Иваномъ, или Васильемъ. Если это будетъ зимою, прорубаютъ на льду четвероугольное отверстіе, раздѣваютъ обращеннаго до нага и опускаютъ его три раза въ воду такъ, чтобы онъ ушелъ въ нее съ головой и ушами. Но сначала монахи кадятъ и крестятъ это отверстіе со всѣми обрядами, употребительными при крещеніи младенцевъ. Изъ воды вынимаютъ новокрещеннаго монахи, священники и кумовья и отъ имени Великаго Князя даютъ ему дорогія и новыя платья, ведутъ его съ собой въ монастырь, угощаютъ тамъ и радуются, что окрестили его, по тому что спасли душу отъ ада. Послѣ того ему дозволяется ходить въ церкви и монастыри, если желаетъ, ѣсть и пить вмѣстѣ съ Русскими, и взять у нихъ жену себѣ, а прежде онъ не могъ дѣлать того. Сверхъ того, Великій Князь даетъ ему 30, 50, или 100 талеровъ, смотря по лицу и качеству его покровителей.

Русскіе тоже думаютъ, что могутъ быть блаженны Вѣрою, впрочемъ, такою, съ которою соединяются и добрыя дѣла, на

---

* Это говоритъ Протестантъ.

примѣръ, постъ, подаяніе, почитаніе Святыхъ, бичеваніе и умерщвленіе плоти, насильственное пріученіе ея къ монастырской жизня, съ молитвенникомъ, съ знаменованіемъ себя крестомъ, съ обожаніемъ иконъ, земными поклонами, различіемъ въ пищѣ и питьѣ, и другими подобными дѣлами, и крѣпко вѣрятъ, что такими дѣлами могутъ удовлетворить Закону Божію и быть блаженными.

Говорятъ также, что между разными милостями, оказанными Всемогущимъ Богомъ человѣческому роду, по Его великому милосердію, не самое меньшее и то, что Онъ вездѣ на землѣ поставилъ гражданскихъ Правителей, что есть Цари, Короли и Государи, которые правятъ и имѣютъ верховную власть, какъ надъ Христіянами, такъ и надъ язычниками, чтобы всѣ могли дѣлать не что имъ угодно, а дѣлали бы что законно, справедливо и честно. Отъ того-то они и учатъ, что Правительство надобно уважать, бояться его, быть у него въ повиновеніи, нужды нѣтъ, хорошо ли оно, или худо. Это, однако жь, очень мало соблюдали они въ прошлыхъ годахъ, по тому что не только тайно, но и явно, возставали на Государей, убивали ихъ и выгоняли.

Чистилища они совсѣмъ не держатся, отрицаютъ его всѣми силами, однако жь признаютъ, что для всякой души, разстающейся на здѣшнемъ свѣтѣ съ тѣломъ, есть особенное вѣрное мѣсто на небѣ, назначаемое ей Богомъ, смотря по тому, какое заслужитъ своими добрыми дѣлами, а именно: благочестивые и богобоязненные будутъ тамъ, гдѣ живутъ свѣтлые Ангелы въ невыразимой радости и удовольствіи, по тому что видятъ лицо Божіе, всегда и непрестанно воспѣваютъ Его величіе, хвалятъ и прославляютъ Его. А безбожные и злые будутъ удалены отъ нихъ въ юдоль мрака и тамъ, вмѣстѣ съ злыми духами, почувствуютъ на себѣ всеправедный и великій гнѣвъ Божій и немилость, въ сильной скорби, страхѣ и трепетѣ станутъ ожидать пришествія Господа Іисуса. За то богобоязненные ожидаютъ Страшнаго Суда съ большимъ желаніемъ, отрадою и всегдашнею радостью.

По тому они и считаютъ справедливымъ служить о душахъ усопшихъ заупокойныя обѣдни, молиться, чтобы Богъ призрѣлъ на жертву и обѣденную службу живыхъ, молящихся за нихъ, до

пришествія Страшнаго Суда милостиво отвратилъ Свой гнѣвъ отъ нихъ и возвратилъ имъ Свою милость, чтобы, послѣ строгаго Его Суда, они могли получить жизнь вѣчную. Вѣруютъ, что усопшіе все же получаютъ облегченіе и отраду въ своихъ великихъ страданіяхъ и страхѣ въ темномъ мѣстѣ, хотя и будутъ осуждены и погибнутъ навсегда послѣ Страшнаго Суда.

По тому-то монахи уговариваютъ Русскихъ дѣлать это по нѣскольку разъ въ годъ и всегда говорятъ имъ, что не можетъ и не должно быть иначе; этого, впрочемъ, они и сами не знаютъ, по тому что неспособные и неученые люди, они ни чего не смыслятъ въ Библіи и Словѣ Божіемъ, но дѣло въ томъ, что тутъ ихъ выгода и случай поѣсть и попить. По тому что когда монахи и Священники сойдутся въ какомъ ни будь мѣстѣ, туда же отправляются и всѣ, у кого есть умершіе друзья; всѣ они, каждый по своему состоянію, съ большимъ усердіемъ приносятъ съ собою, кто пива, кто меду, кто водки и разнаго вкуснаго кушанья, и ставятъ все это передъ духовенствомъ: оно и развеселится, и такія пирушки идутъ дней 10-ть, или 12-ть. Однако жь послѣ каждаго дня дѣлаютъ они въ нѣсколько недѣль промежутокъ, по тому что во все это время никогда не бываютъ трезвы. Они справляютъ это пѣніемъ, кажденіемъ, цѣлованіемъ другъ друга въ губы: послѣднее водится тогда и между мущинами и женщинами, въ доказательство ихъ искренней, сердечной и душевной, радости, и при томъ вполнѣ вѣрятъ, что души ихъ умершихъ друзей получаютъ отъ того большое облегченіе, даже чувствуютъ радость и удовольствіе, въ какомъ бы мѣстѣ они ни находились.

У нихъ въ употребленіи также кажденіе ладономъ и миррой и св. вода, которою, впрочемъ, они никогда не крестятъ самихъ себя, а только другихъ, которые пріидутъ въ церковь. Въ праздники монахи и Священники обхаживаютъ улицы и кропятъ всѣхъ встрѣчныхъ, мущинъ и женщинъ. Иногда ходятъ также и въ дома богатыхъ людей и кропятъ у нихъ женъ, дѣтей и всѣхъ живущихъ, чтобы не случилось съ ними какого ни будь зла и всѣ были бы благополучны. За трудъ и безпокойства они получаютъ по одному, или по два, гроша.

Къ Лютеранской Вѣрѣ они расположены нѣсколько больше, чѣмъ къ Католической, и говорятъ, что Лютеранская больше всѣхъ сходствуетъ съ ихъ Вѣрой и еще могла бы быть терпима, если бы только Лютеране прогнали сначала Папистскихъ учителей, не дѣлали ни какихъ перемѣнъ въ церковныхъ обрядахъ, не порочили монастырскую жизнь, всегда святую и чистую. Паписты хоть и держатся ее, но все же отпали отъ прежней Вѣры и отступаютъ во многихъ правилахъ отъ древнѣйшихъ Соборовъ, а этѣ правила признаны во всемъ мірѣ за истинныя и православныя и были постановлены на многихъ Соборахъ и Синодахъ многими тысячами Епископовъ.

Католики, во 1-хъ: постятся по Субботамъ, чего Русская и Греческая Церковь не держатъ; такъ и погрѣшаютъ Католики противъ того, что пишетъ въ своемъ 24-мъ правилѣ Папа Климентъ, преемникъ Святаго Петра: «Если окажется духовный, постящійся въ Субботу, или Воскресенье, кромѣ вечера Пасхи, такого должно лишать Священническаго сана; если то же дѣлаетъ мірянинъ, того надобно на нѣкоторое время отлучить отъ Церкви, по тому что ни Христосъ, ни Его ученики въ этотъ день не постились.

Во 2-хъ: Русскіе постятся въ недѣлю передъ заговѣньемъ, не ѣдятъ совсѣмъ мяса, а только масло, сыръ, яйца, молоко: Паписты не соблюдаютъ того, а ѣдятъ мясо, которое разрѣшается также и простымъ людямъ. Этою льготой они приводятъ многихъ къ отпаденію отъ древней Греческой Вѣры, межъ тѣмъ какъ этотъ постъ единодушно положенъ всѣми Святыми Отцами на 7-мъ Соборѣ.

Въ 3-хъ: Католики запрещаютъ Священникамъ жениться, говоря, что это проклятое дѣло и что живущіе во святомъ брачномъ состояніи не могутъ служить Богу и Христіянской Церкви и исправлять свою должность, какъ слѣдуетъ, по волѣ и велѣнію Божію: это, однако жь, противно природѣ, также словамъ и ученію Св. Павла, что Священникомъ долженъ быть не находившійся подъ наказаніемъ и мужъ одной жены. Въ другомъ мѣстѣ сказано также, что лучше жениться, чѣмъ подвергаться вожделѣнію. Самъ Господь Іисусъ утвердилъ и постановилъ это и не запрещалъ вступать въ бракъ ни какому сословію, ни духовному, ни свѣтскому, по тому что Самъ лично (in praesentia) явился на свадьбу въ Галилейской Канѣ и оказалъ такую милость и благо-

дѣяніе находившимся тамъ гостямъ, что, когда недостало для нихъ вина, Онъ обратилъ воду въ вино. Это противно также и бывшему въ Гангрѣ Св. Собору, на которомъ объявлено, что проклятъ тотъ, кто презираетъ женатаго Священника. Они говорятъ еще, что на этомъ же Соборѣ приказано навсегда лишать сана Священника, бросившаго жену изъ за своей должности, такъ какъ чрезвычайно похвально и справедливо, чтобы Священники имѣли женъ и жили съ ними въ законномъ бракѣ, чтобы не осквернять себя общеніемъ съ разными распутными женщинами; слѣдовательно, они лучше и угоднѣе служатъ Богу и Святой Церкви, нежели Католическіе, которые не только имѣютъ на содержаніи по 1000 развратницъ, но еще распутничаютъ съ женами честныхъ гражданъ.

Въ 4-хъ: Католики учатъ, что Священниковъ должно только постригать, а не помазывать, какъ Епископовъ, но это несправедливо, по тому что во всѣхъ Соборныхъ постановленіяхъ можно найти, что они исправляютъ одну и ту же доджность, имѣютъ одну Вѣру, крестились единымъ крещеніемъ, слѣдовательно, Священники такъ же должны быть помазываемы, какъ и Епископы.

Въ 5-хъ: Русскіе укоряютъ Папистовъ, что они о Пасхѣ употребляютъ не кислый хлѣбъ, и говорятъ, что это явно Жидовскій обрядъ и Жидовское богослуженіе, недостойное дѣло, корень и начало ереси, по тому что они осмѣливаются измѣнять единодушное постановленіе Соборовъ о кисломъ хлѣбѣ, и въ этомъ случаѣ сходятся съ Жидами, которые установили прѣсный хлѣбъ въ память того, что Богъ освободилъ ихъ отъ Египетскаго рабства и ввелъ въ обѣтованную Ханаанскую землю. Но, вѣдь, они стали теперь Христіяне, вѣруютъ во Христа и больше не подвергаются рабству, по тому что Христосъ искупилъ ихъ отъ него Своею лютою и мучительною смертію. Однако, и самъ Христосъ употреблялъ не кислый хлѣбъ, когда кушалъ съ Своими учениками Пасхальнаго агнца. По тому что, по свѣдѣтельству Евангелистовъ и Св. Павла, въ ночь своего преданія, Онъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ, далъ Своимъ ученикамъ и сказалъ: «Пріимите и ядите въ Мое воспоминаніе!» Слѣдовательно, думаютъ очень неправильно и ложно, что Пасху надобно справлять кислымъ хлѣбомъ и соблюдать другіе Жидовскіе обряды, по тому что Хри-

стосъ не велѣлъ того дѣлать, да это и запрещено на всѣхъ Святыхъ Соборахъ.

Въ 6-хъ: Они говорятъ, что, по ученію Папистовъ, Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, а сами держатся противнаго, явно пренебрегаютъ тѣмъ и называютъ проклятою ересью и гнуснымъ заблужденіемъ.

Но это совершенно противно Вселенской Христіянской Церкви, которая воспѣваетъ такъ: «Вѣрую въ Святаго Духа, который есть живое лицо, исходитъ отъ Отца и вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ славится и поклоняется въ одинаковомъ величіи, чести и славѣ.» Впрочемъ, Русскіе очень грубо заблуждаются въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ членахъ Вѣры, и ставятъ ни во что слова Никейскаго Символа слѣдующаго значенія: «Credo in Spiritum Sanctum, Dominum et vivificantem, qui ex Patre Filioque procedit, qui cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur, qui locutus est per Prophetas.» *

Въ Причастіи или въ Тайной Вечери Господа они принимаютъ оба вида, хлѣбъ и вино; исповѣдаютъ, что это Святое Таинство установлено и введено Самимъ Іисусомъ Христомъ въ ночь Его преданія; полагаютъ, что тѣ, которые каются въ своихъ грѣхахъ, говѣютъ, ходятъ на исповѣдь, получатъ вѣчное блаженство. Признавая это, они, однако жь, освящаютъ Дары и пріобщаются совсѣмъ не такъ, какъ повелѣлъ Христосъ и какъ принято въ другихъ Христіянскихъ преобразованныхъ Церквахъ.

По тому что Священникъ, собираясь пріобщать, идетъ съ Дьякономъ въ алтарь, беретъ нѣсколько маленькихъ жесткихъ хлѣбцовъ, испеченныхъ для того въ Великій Четверкъ и освященныхъ по ихъ обряду, кладетъ ихъ на блюдо (patena), беретъ также и чашу съ виномъ и выноситъ все это изъ алтаря, передъ нимъ идутъ Дьяконы, съ образами въ рукахъ, Пономари звонятъ изо всей мочи, народъ, стоящій кругомъ и смотрящій на это, крестится, кланяется въ землю и въ одинъ голосъ произноситъ: «Господи, помилуй насъ.» Послѣ того Священникъ беретъ хлѣбъ,

* Въ томъ-то и дѣло, что «Filioque» («и отъ Сына») нѣтъ въ Никейскомъ Символѣ.

ломаетъ его на кусочки, смѣшиваетъ ихъ съ виномъ, медомъ, или водою въ чашѣ и благословляетъ это; тогда подходятъ причастники, берутъ изъ чаши сами (?) ложечками и ѣдятъ, а Священникъ говоритъ имъ: «Се есть истинное тѣло и кровь Іисуса Христа, преданные за васъ и за многихъ во отпущеніе грѣховъ, совершаемыхъ вами такъ часто; чините это въ воспоминаніе о Христѣ. Благослови васъ Богъ!» Если у Священника нѣтъ краснаго вина, онъ бередъ медъ (!), или воду, которыя должны быть нѣсколько теплы въ то время, какъ онъ наливаетъ ихъ въ чашу: по ихъ мнѣнію, это великое Таинство, по тому что и изъ ребра Іисуса Христа истекла кровь и вода, когда одинъ Еврей прокололъ его на крестѣ; по той же причинѣ, должно быть тепловато и вино, чтобы имѣть въ себѣ больше силы и крѣпости, когда начнется пріобщеніе, такъ какъ тепла была и кровь Христова, истекшая изъ Его святаго ребра. Къ причастію допускается каждый единовѣрный имъ, нужды нѣтъ, что ведетъ худую, нечестивую жизнь, допускаются и маленькія дѣти 5-ти и 7-милѣтняго возраста, по тому что Русскіе говорятъ, что въ этѣ лѣта они начинаютъ уже грѣшить; когда же ребенокъ боленъ и не можетъ принимать Св. Дары, тогда вливаютъ ему каплю изъ святой чаши. Если онъ умретъ послѣ того, думаютъ, что иначе не могло и быть: смертію онъ получилъ блаженство.

Военные люди, идущіе на войну, также и долго путешествующіе за границей, не имѣя при себѣ Священника, должны брать съ собой хлѣбъ, освященный въ Великій Четверкъ, и ѣсть его, когда угодно, даже и послѣ исповѣди. Всякой можетъ приступать къ причастію, когда ему угодно, если только сначала будетъ у исповѣди.

Объ исповѣди и разрѣшеніи Русскіе такого мнѣнія, что бѣдные и несчастные не имѣютъ въ ней надобности, а одни только богатые, знатные и сильные; исповѣдаются обыкновенно на большіе праздники: желающій долженъ стоять съ Духовнымъ Отцомъ посреди церкви съ непокрытою головою и обращеннымъ къ образу лицомъ: этотъ образъ нарочно для того и поставленъ, и исповѣдникъ долженъ кланяться передъ нимъ, креститься, опускать голову какъ можно ниже и говорить: «Умилосердись надо мною, Іисусе Христе, Сыне Божій!» Онъ шепчетъ тихонько на

ухо Священнику, признаваясь въ сдѣланныхъ имъ прегрѣшеніяхъ и беззаконіяхъ, обѣщаясь раскаяться въ нихъ и исправить свою жизнь; когда же исповѣдь кончится и онъ получитъ разрѣшеніе, Священникъ налагаетъ на него епитимью за множество грѣховъ, въ которыхъ онъ признался: онъ долженъ будетъ или нѣсколько времени поститься, или читать каждый день по нѣскольку молитвъ, или столько-то разъ перекреститься, опускать и поднимать голову передъ образомъ (поклоны) и ни подъ какимъ видомъ не имѣть сообщенія съ женщиной. На другихъ, виноватыхъ въ грубыхъ грѣхахъ, налагаетъ онъ такую епитимью, что грѣхи ихъ могутъ быть разрѣшены только омовеніемъ освященною въ день Богоявленія водою. Священники хранятъ ее круглый годъ въ церквахъ, употребляютъ для омовенія отъ грѣховъ и продаютъ за большія деньги. На другихъ налагается такая епитимья, чтобы они не смѣли ходить въ церковь, стояли бы внѣ ея передъ дверями и окнами во время обѣдни, пока не получатъ прощенія въ грѣхахъ. Исповѣдавшись и получивъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, они думаютъ, что беззаконія, въ которыхъ покаялись, уже не поставятся имъ во грѣхъ, а по тому опять принимаются дѣлать самые ужасные грѣхи, въ той увѣренности, что и этѣ простятся имъ такъ же, какъ и прежніе. Они не обращаютъ вниманія, какіе дѣлаютъ грѣхи и безпутства, даже выходятъ такъ далеко изъ предѣловъ человѣчества, что и въ Содомѣ и Гоморрѣ не дѣлалось такихъ беззаконій, по тому что свѣтская власть не наказываетъ ихъ за то.

Всѣ Духовныя лица, какъ Епископы, такъ Священники и монахи, по ихъ обыкновенію и уставу, очень усердны молиться, читать и пѣть свои часы въ церквахъ днемъ и ночью, думая, что исправляютъ тѣмъ особенно угодную службу Богу и Св. Церкви, и хотятъ у Него снискать оправданіе, освященіе и вѣчное блаженство такою по наружности святою жизнію и добрыми дѣлами.

Русскіе думаютъ, что одни только они Христіяне на землѣ, и хвастаются, что одни чтутъ, исповѣдаютъ и обожаютъ Бога и Его милосердаго Сына, а всѣхъ другихъ на свѣтѣ ославляютъ нехристями, язычниками и еретиками, которые не истинно исповѣдаютъ Бога, а презираютъ Его, не имѣютъ надлежащей и правой Вѣры, отметаютъ Ветхій и Новый Завѣтъ, а по тому и отступники. Отъ того-то, когда вынщется кто ни будь такой, кото-

рый возьметъ на себя проповѣдывать имъ другую Вѣру, учить и назидать ихъ, они не захотятъ его и слушать, а только смѣются и забавляются надъ нимъ, считаютъ это заблужденіемъ и еретическимъ суевѣріемъ, полнымъ лжи и обмана. У нихъ ни сколько не поможетъ дѣлу возможность доказать его надлежащими доводами и свѣдѣтельствами изъ Св. Писанія и Библіи: такъ упрямы и несговорчивы они въ своихъ мнѣніяхъ.

Русскіе начинаютъ свой годъ съ 1-го Сентября, Эгидіева дня, и ведутъ свое лѣтосчисленіе не такъ, какъ принято у насъ и другихъ Христіянъ, съ священнаго и благодатнаго Рождества Іисуса Христа, а съ сотворенія міра, въ чемъ они очень ошибаются: ихъ счисленіе не сходно ни съ какимъ сочинителемъ, ни съ Бедою, ни съ Функціемъ, ни съ Лютеромъ и Меланхтономъ, ни съ другими, вычислявшими годы отъ начала и сотворенія міра до настоящаго времени. По тому что Русскіе говорятъ, что отъ сотворенія міра до настоящаго времени прошло 7130 лѣтъ, такъ и ставятъ этотъ годъ въ своихъ письмахъ и книгахъ. Дальше они говорятъ, что слѣдуютъ въ своемъ счисленіи Златоусту, Евсевію и Кипріяну и считаютъ слѣдующимъ образомъ: отъ Адама и сотворенія міра прошло 2242 года, въ чемъ тоже ошибаются и присчитываютъ 586 лѣтъ лишнихъ противъ надлежащаго: это можно доказать Библіей. Отъ потопа до Вавилонскаго плѣненія и смѣшенія языковъ 503 года, а отъ Вавилонскаго плѣненія до 1-го года Авраама 552 года, въ чемъ они тоже не согласны съ Библіей и присчитываютъ 391 годъ лишній противъ надлежащаго, что также можно доказать Библіей. Съ 1-го года Авраама до исхода изъ Египта они считаютъ 505 лѣтъ, согласно съ нами и Священнымъ Писаніемъ, но отъ исхода изъ Египта до послѣдняго года Царя Давида считаютъ 630 лѣтъ, а это опять не согласно съ нами, по тому что присчитываютъ противъ нашего 150 лишнихъ лѣтъ. Потомъ считаютъ отъ 1-го года царствованія Соломона до Вавилонскаго плѣненія 448 лѣтъ, слѣдовательно, 18-ю годами больше нашего. Наконецъ, отъ плѣненія Вавилонскаго до смерти Александра Великаго считаютъ 261 годъ, а отъ Александра Великаго до царствованія Октавіяна Августа 209 лѣтъ, отъ Императора Августа до благодатнаго Рождества Христова 42 года. Изъ этого очевидно можно видѣть, что, по ихъ счисленію, отъ сотворенія міра до Рождества Христова долж-

но было пройти 5500 лѣтъ, а отъ сотворенія міра до настоящаго 1620 года 7179 лѣтъ, что рѣшительно не возможно, не имѣетъ ни какого основанія и согласія съ Священ. Писаніемъ. Они даже утверждаютъ безъ всякаго основанія и доказательства, что міръ существуетъ 8000 лѣтъ, но наши писатели доказываютъ это совсѣмъ иначе и говорятъ, что міръ существуетъ не болѣе 6000 лѣтъ. По тому что 2000 лѣтъ считается безплодныхъ и беззаконныхъ, когда человѣкъ жилъ безъ законовъ, 2000 лѣтъ продолжалось законное время, и 2000 принадлежатъ царствованію Іисуса Христа; однако жь, изъ этой послѣдней суммы надобно нѣсколько вычесть, если только человѣкъ долженъ быть блаженнымъ. Русскіе совсѣмъ не хотятъ допустить того, но упорно стоятъ въ своемъ нелѣпомъ мнѣніи и слѣдуютъ въ этомъ лѣтосчисленіи множеству басенъ и вздоровъ.

Надобно также замѣтить, что Русскіе считаютъ часы и ставятъ стрѣлку не такъ, какъ водится у насъ, а начинаютъ считать съ утра, когда станетъ всходить солнушко, и считаютъ часы до самаго его заката. Какъ только пройдетъ съ часъ времени послѣ солнечнаго восхода, колоколъ бьетъ одинъ разъ. Потомъ, когда солнушко поднимется на два часа надъ землей, колоколъ бьетъ два раза, да такъ и продолжаетъ до солнечнаго заката и наступленія ночи. Съ этого захожденія солнца они опять считаютъ часы до его восхожденія и разсвѣта.

У Русскихъ много постовъ въ году, особливо одинъ большой и главный, кромѣ постныхъ дней, соблюдаемыхъ ими строго, воздерживаясь отъ кушаньевъ, но не отъ напитковъ. Первый постъ продолжается 8 недѣль передъ Пасхою, и въ это время, особливо въ продолженіи семи недѣль, они не могутъ ѣсть ни мяса, ни молока, ни яицъ. Недѣлю передъ этѣми 7-ю недѣлями они называютъ Масляницей, и ѣдятъ въ это время масло, яйца, сыръ, молоко, только не мясо и не рыбу, а пьютъ до того неумѣренно, что не могутъ и справиться съ собой. На другой недѣлѣ, слѣдующей за этою, въ обыкновенное наше заговѣнье, они не ѣдятъ рыбы, а только рѣдьку, чеснокъ, яблоки, сливы и хлѣбъ, ходятъ въ баню, потѣютъ и смываютъ все, что напили и нагуляли въ прежнія недѣли, не пьютъ ни чего другого, кромѣ воды и квасу, и ходятъ днемъ и ночью въ церковь. Въ слѣдующія 6-ть

недѣль ѣдятъ одну рыбу, сваренную съ уксусомъ, масломъ и приправами, и пьютъ иногда пиво, медъ и водку. Этѣ посты держатъ они очень строго, такъ что если окажется такой, который ведетъ нечестивую жизнь, пьетъ, гуляетъ, играетъ въ зерна, развратничаетъ, или мошенничаетъ, либо оскверняетъ себя какими ни будь непристойными дѣлами, того монахи и Священники наказываютъ очень строго, подвергаютъ большой епитимьѣ, смотря по его грѣхамъ. Другой постъ начинается съ понедѣльника послѣ Троицы и продолжается до дня Св. Петра и Павла и называется у нихъ Петровымъ постомъ, отъ того что они очень почитаютъ этого Апостола, который, по словамъ ихъ, привратникъ и имѣетъ у себя ключъ отъ неба.

Третій постъ бываетъ въ честь Дѣвы Маріи, начинается 1-го Августа и оканчивается 14 числа того же мѣсяца. Когда день Св. Петра, или Дѣвы Маріи, придется въ Середу, или Пятницу, они постятся, въ противномъ же случаѣ поста не держатъ.

Четвертый называется постомъ Св. Филиппа, бываетъ по ихъ мѣсяцеслову 12-го. (?) Ноября и продолжается 6 недѣль до Рождества Христова. Они не постятся ни одного дня передъ праздниками, по примѣру Папистовъ, кромѣ дня, или вечера, передъ Усѣкновеніемъ главы Іоанна, что бываетъ 28 Августа. Когда прійдется въ ихъ постъ большой праздникъ, на примѣръ, день Матѳея, Благовѣщенія Маріи, Николая, Андрея, или другихъ Святыхъ, они дѣлаютъ рыбную пирушку и напиваются до пьяна разныхъ напитковъ, духовные и міряне, мущины, и женщины, часто до того, что падаютъ и валяются на улицѣ, но это не считается у нихъ грѣхомъ, только бы не осквернять себя мясомъ, которое запрещено имъ. Ни одинъ постъ не соблюдаютъ они такъ строго, какъ Великій, что передъ Пасхой. По тому что какъ ни долго онъ тянется, ихъ ни угрозой, ни обѣщаніемъ не заставишь ѣсть мясо. У нихъ даже омерзѣніе къ тому, такъ что они не дотронутся и къ ножику, которымъ было рѣзано мясо, и считаютъ это самымъ большимъ грѣхомъ, какой только можно сдѣлать. Митрополиты, Епископы, Игумены и монахи должны поститься строже Священниковъ и мірянъ. Въ посты они должны довольствоваться хлѣбомъ съ солью и плохимъ напиткомъ, который дѣлается изъ муки и небольшаго количества воды и стоитъ до

тѣхъ поръ, пока не окиснетъ. Другого напитка они не пьютъ постомъ, ни пива, ни меду, ни водки, если не хотятъ себѣ наказанія. Въ Субботу постомъ они могутъ ѣсть рыбу, какъ духовные, такъ и міряне. Не въ постное время міряне и Священники ѣдятъ мясо, кромѣ только монаховъ и монахинь, которымъ дозволяется въ монастыряхъ ѣсть молоко, масло, сыръ и яйца, пить пиво, медъ и водку сколько угодно; впрочемъ, они до того жадны къ вину, что не въ силахъ бываютъ ни стоять, ни ходить. При наступленіи поста, встанутъ они ночью раза два, либо три, и наѣдаются мяса до боли въ животѣ; то же дѣлаютъ и по окончаніи поста, когда имъ разрѣшатъ на мясо; двѣ недѣли къ ряду они то и дѣло ѣдятъ его, и въ Пятницу и въ другіе дни.

Когда навѣщаютъ они больнаго, который не надѣется уже встать, а думаетъ уже распроститься съ свѣтомъ, онъ велитъ своему лучшему другу, или родственнику, сходить за Священникомъ, и этотъ по приходѣ уговариваетъ больнаго исповѣдать ему всѣ свои грѣхи, напутствуетъ его, даетъ ему разрѣшеніе и очищаетъ его во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа отъ всѣхъ грѣховъ, сдѣланныхъ въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, словомъ, дѣломъ и мыслію; а чтобы онъ твердо и непоколебимо вѣрилъ тому, пріобщаетъ его Св. Дарами. Послѣ того Священникъ утѣшаетъ больнаго нѣкоторыми молитвами и Псалмами Пророка Давида.

Если больной не выздоровѣетъ, а умретъ, берутъ его съ постели, кладутъ на лавку, омываютъ какъ можно тщательнѣе, надѣваютъ на него чистую сорочку, полотняные штаны, новые красные сапоги и обвиваютъ въ бѣлое полотно, покрывающее все тѣло и сдѣланное въ родѣ рубашки съ рукавами, складываютъ ему крестообразно руки на груди, сшиваютъ полотно у изголовья, также на рукахъ и ногахъ, и кладутъ его въ гробъ, который и ставятъ на похоронныя носилки до другого дня. Если это былъ богатый человѣкъ, или Дворянинъ, носилки покрываются бархатомъ, или дорогимъ сукномъ. Если же это человѣкъ не зажиточный, или бѣднякъ, то покрываютъ носилки его собственнымъ кафтаномъ изъ холста, или другой плохой матеріи, такъ и несутъ его на кладбище. Впереди его идутъ четыре дѣвушки, близкія подруги покойника, подъ бѣлыми покрывалами на головахъ и лицахъ, чтобы ихъ не видали: онѣ безпрестанно и гром-

ко кличутъ, кричатъ и воютъ, точно какіе волки, или собаки, и спрашиваютъ покойника, за чѣмъ онъ умеръ? Развѣ не было у него нѣжной жены и благочестивыхъ дѣтей? Развѣ не вдоволь было у него кушаньевъ и напитковъ? Развѣ чего не доставало ему, что не хотѣлъ пожить подольше, а такъ скоро разстался съ ними? и тому подобныя бредни, которыя нечего и писать: все это исполняютъ онѣ плаксивымъ и завывающимъ голосомъ. Думаю, что всему этому они научились у Грековъ, которые исполняли такой же обрядъ надъ покойниками, именно: на другой день по смерти кого ни будь, собирались на самомъ разсвѣтѣ къ умершему женщины, начинали плакать и вопить, бить себя въ грудь, царапать себѣ лицо, рвать у себя волосы, такъ что жалко было смотрѣть. Исполнивъ это, какъ слѣдуетъ, добросовѣстнымъ образомъ, тѣ, у кого здоровое горло и грубый голосъ, первыя начинали вопить, стонать, плакать, рыдать: то заведутъ на самый высокій ладъ, то что-то залепечутъ ртомъ, то остановятся и замолкнутъ, а потомъ начнутъ пересказывать добрыя дѣла покойника отъ самаго его рожденія до смерти. Возлѣ дѣвушекъ, по обѣ стороны гроба, идутъ Священники и монахи съ своимъ ѳиміямомъ, откуриваютъ всѣхъ злыхъ духовъ, чтобы они не утащили трупа и при томъ поютъ: «Святый Боже, Святый крѣпкій!» За ними безпорядочною толпою плетутся отецъ съ матерью, братья, сестры, жена, дѣти, друзья и родные покойнаго: плачутъ, рыдаютъ, вопятъ и жалѣютъ о покойникѣ, что онъ скоро умеръ. У каждаго зажженая свѣча въ рукѣ. Пришедши съ покойникомъ въ церковь, ставятъ гробъ предъ алтаремъ и оставляютъ тамъ стоять его 8 дней. Если покойникъ человѣкъ знатный, гробъ его сторожатъ днемъ и ночью, зажигаютъ свѣчи, Священники и монахи поютъ, окуриваютъ гробъ ладономъ и миррой и окропляютъ разъ въ день Св. водою, пока не исполнится 8-мь дней. Передъ тѣмъ, какъ опускать въ землю покойника, они поютъ: «Святый Боже, Святый крѣпкій,» а потомъ длинную пѣснь о Троицѣ, Отче нашъ, нѣкоторые Псалмы изъ Псалтыря Давида, также и другія пѣсни и антифоны (responsoria?), которые принято у нихъ пѣть объ умершихъ, нѣкоторые гимны и аллилуія. Послѣ того Священникъ читаетъ нѣсколько изреченій изъ Св. Павла, на примѣръ: «Не хощу васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, яко же и прочіи, не имущіи упованія.» Читаетъ также и Евангеліе, въ которомъ

Христосъ воскрешаетъ сына Наинской вдовицы, послѣ того поютъ Никейскій Символъ, и въ это время подходятъ къ гробу родители покойнаго, братья, сестры, жена, дѣти, друзья, родные и всѣ присутствующіе, цѣлуютъ его на разставаньи, прощаются съ нимъ, по тому что дольше ждать ему нечего, а пора и въ дорогу. Когда окончится это и Символъ Вѣры будетъ пропѣтъ, несутъ гробъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ быть погребенъ покойникъ, въ церкви ли, или на кладбищѣ, а Священники и монахи поютъ другую заупокойную пѣснь. Когда споютъ и ее, къ покойнику подходитъ Священникъ, читаетъ молитву, потомъ проситъ у него прощенія, въ чемъ согрѣшилъ передъ нимъ, и кладетъ ему въ правую руку бумагу такого содержанія, что усопшій, котораго надобно теперь опускать въ могилу, жилъ хорошо, честно и по Христіянски въ здѣшнемъ мірѣ, во всемъ, какъ слѣдуетъ, примирился съ Священникомъ, простившимъ ему всѣ грѣхи, проступки и беззаконія въ словѣ, въ дѣлѣ и помышленіи, а потомъ получилъ благословеніе и пріобщился. Въ знакъ того Священникъ даетъ ему эту разрѣшительную грамоту, которую онъ предъявитъ Св. Петру, чтобы этотъ безъ всякой остановки отворилъ ему райскія двери и впустилъ его. Послѣ того закрываютъ гробъ, опускаютъ его въ могилу и поютъ другія пѣсни. Священникъ беретъ лопату и три раза бросаетъ земли на покойника, то же дѣлаютъ и всѣ присутствующіе, плачутъ, вопятъ, рыдаютъ, причитая: «Ты не хотѣлъ дольше оставаться съ нами, такъ возьми себѣ этой земли и прощай!»

Когда трупъ такимъ образомъ похоронятъ, всѣ поѣдутъ вмѣстѣ, крестятся, опускаютъ головы внизъ, смотрятъ на образа, сначала на образъ Христа, потомъ Дѣвы Маріи, Петра, Николая и другіе, какіе есть въ церквахъ, потомъ идутъ домой, веселятся и радуются въ память усопшаго, тоже дѣлаютъ и на третій день послѣ похоронъ, также на 9-й и 20-й день. Когда же исполнится 40 дней, всѣ друзья и родные покойнаго сойдутся вмѣстѣ, созовутъ монаховъ, Священниковъ и всѣхъ, бывшихъ на похоронахъ, и приготовляютъ о душѣ умершаго особенное блюдо изъ святаго благословеннаго хлѣба, которое называется у нихъ кутья (Kuthia) и Proschura; * наконецъ каждый годъ служатъ по немъ

* Просфора?

обѣдню въ самый день его смерти. Бѣдныхъ и простыхъ хоронятъ точно такимъ же образомъ, только не такъ долго стоятъ въ церквахъ, какъ богатые, а зарываются въ землю, какъ можно скорѣе.

Печаль продолжается не долѣе 6 недѣль: по прошествіи ихъ, вдова можетъ выйти за другого мужа, а вдовецъ жениться на другой, какая ему понравится, только не прежде окончанія 6 недѣль печали, а то ихъ засмѣютъ друзья и родные покойной, или покойнаго.

Хотя у Русскихъ и Москвитянъ безчисленное множество обрядовъ не только при похоронахъ, крещеніи дѣтей, освященіи воды, церквей и монастырей, но и въ большіе праздники, когда все духовенство, всѣ монахи и Священники бываютъ въ ходу въ своихъ пышныхъ ризахъ, показываются съ святынею народу и ходятъ изъ одной церкви въ другую, однако объ этомъ долго было бы писать; впрочемъ, я опишу здѣсь въ короткихъ словахъ праздникъ входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ или Вербнаго Воскресенья; по тому что онъ изъ самыхъ большихъ. Всѣ другіе празднуются почти также, и кому извѣстно, какъ бываетъ у нихъ въ Вербное Выскресенье, тому легко заключить, какъ дѣлается и въ прочіе праздники. Надобно знать, что въ Вербное Воскресенье Великій Князь со всѣми своими Боярами, Князьями и всѣми придворными отправляется изъ своихъ покоевъ въ церковь Дѣвы Маріи и слушаетъ тамъ обѣдню. Послѣ обѣдни Великій Князь идетъ изъ этой церкви въ другую, находящуюся внѣ Кремля и называемую Іерусалимомъ. На переходѣ туда онъ долженъ вести осла, на которомъ сидитъ Патріархъ, а передъ нимъ и Великимъ Княземъ идутъ Епископы, монахи и Священники въ ихъ богатыхъ ризахъ изъ парчи, бархата и шелковыхъ тканей съ ѳиміямомъ, св. водою, красивыми хоругвями, образами, крестами и всякой святыней, и поютъ: «Осанна въ вышнихъ!» съ разными употребительными у нихъ обрядами. За ними слѣдуютъ сани, запряженныя двумя сильными жеребцами, а на саняхъ поставлено довольно большое дерево, со всѣми его вѣтками, къ которымъ привѣшены яблоки, груши, изюмъ и вишни; на деревѣ сидятъ четыре маленькихъ мальчика въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубашкахъ, съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ и поютъ: «Осанна въ вышнихъ!» съ раз-

ными принятыми у нихъ обрядами. За деревомъ передъ Великимъ Княземъ и Патріярхомъ бѣгутъ двадцать, или тридцать, Дворянскихъ дѣтей въ розовыхъ кафтанахъ и въ другомъ платьѣ; они снимаютъ ихъ съ себя и бросаютъ по дорогѣ, гдѣ проходитъ по ней Великій Князь, ведя за собою Патріяршаго осла: это бросанье платьевъ продолжается до Іерусалимской церкви, а тамъ Патріярхъ сходитъ съ осла и идетъ съ Великимъ Княземъ въ церковь. Патріярхъ не дѣлаетъ во время дороги ни чего, только благословляетъ и креститъ народъ крестомъ, который у него въ рукахъ, а великое множество народа кланяется въ землю. На Патріярхѣ дорогія ризы, вышитыя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и богатая митра, выложенная большимъ круглымъ бѣлымъ жемчугомъ. За трудъ и безпокойство онъ даритъ 200 рублей Великому Князю. За Патріярхомъ слѣдуютъ всѣ Князья, Бояре, всѣ придворные воины, стрѣльцы, граждане, купцы и безчисленная толпа народа съ вербами въ рукахъ; у кого нѣтъ въ рукѣ вербы, или кто не бываетъ въ этомъ ходу, тотъ думаетъ, что сдѣлалъ смертный грѣхъ и никогда не будетъ въ раю.

По окончаніи хода, всѣ расходятся по домамъ, приглашаютъ другъ друга въ гости, наѣдаются и напиваются до того, что не въ состояніи ни стоять, ни ходить. Это шествіе и обрядъ Вербнаго Воскресенья исправляется не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ страны: Епископъ, монахъ, или Священникъ, замѣняетъ Патріярха, а Намѣстникъ — Великаго Князя.

Когда наступитъ праздникъ Пасхи, въ подтвержденіе Воскресенія Христова изъ мертвыхъ, они соблюдаютъ такой обрядъ, что по всѣмъ городамъ и деревнямъ страны, на всѣхъ большихъ и малыхъ улицахъ, ставятъ нѣсколько тысячъ бочекъ и котловъ съ вареными въ густую яицами, окрашенными въ красный, синій, желтый, зеленый и разные другіе цвѣта, а нѣкоторые изъ нихъ позолоченныя и посеребренныя. Прохожіе покупаютъ ихъ, сколько нужно кому, а ни одного яйца не берегутъ для себя, по тому что во всю Пасху всѣ люди, богатые и бѣдные, Дворяне и простолюдины, мущины и женщины, парни и дѣвушки, слуги и служанки, носятъ при себѣ крашеныя яйца, гдѣ бы они ни были, куда бы ни шли, а при встрѣчѣ съ кѣмъ ни будь, знакомымъ, или незнакомымъ, здороваются, говорятъ: «Христосъ

распятъ (?),» а тотъ отвѣчаетъ: «Во истину Онъ и воскресъ,» и даютъ другъ другу яица, цѣлуются и ласкаются между собою, а потомъ каждый идетъ своей дорогой, пока не повстрѣчается опять съ кѣмъ ни будь и не исправитъ такого же обряда, такъ что иногда тратитъ до 200 яицъ въ день.

Они такъ свято и крѣпко держатся этого обычая, что считаютъ величайшею невѣжливостью и обидой, если кто, повстрѣчавши другого, скажетъ ему вышеупомянутыя слова и дастъ ему яичко, а этотъ не возьметъ и не захочетъ поцѣловаться съ нимъ, кто бы онъ ни былъ, Княгиня ли, или другая знатная женщина, или дѣвица. Они дѣлаютъ это 14 дней къ ряду. Самъ Великій Князь встаетъ въ этотъ праздникъ около 12 часовъ ночи и ходитъ по всѣмъ темницамъ и заключеніямъ, гдѣ сидятъ преступники, которыхъ всегда большое число, велитъ носить за собой нѣсколько сотенъ яицъ, даетъ каждому заключенному по яйцу и по овчинному тулупу и, не цѣлуясь съ ними, говоритъ, чтобы они радовались и вѣровали несомнѣнно, что Христосъ за грѣхи всего міра распятъ, умеръ и воскресъ, потомъ идетъ въ церковь и приказываетъ опять запереть и стеречь темницы, думая, что такимъ смиреніемъ и уничиженіемъ много сослужилъ Богу и заслужилъ рай.

Замѣчательно также и почти совсѣмъ невѣроятно для не видавшихъ, что Русскіе, духовные и міряне, мущины и женщины, напиваются о Пасхѣ водки, пива и другихъ напитковъ, до того, что нѣкоторые, задохнувшись отъ питья, валяются на улицахъ мертвые. Пожалуй, кто ни будь подумаетъ, что, захворавъ и обезсилѣвъ отъ этѣхъ крѣпкихъ напитковъ, они на другой день воздерживаются отъ нихъ. Но это будетъ большая ошибка, потому что, сошедшись вмѣстѣ на другой день рано утромъ, они говорятъ, что, ихъ все еще мучитъ жажда, и, чтобы утолить ее, начинаютъ пить сызнова и не перестаютъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи еще наливать и подносить ко рту рюмку, или стаканъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И ПРАВИЛА,

НАПИСАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ ДЛЯ РУССКИХЪ МОСКОВСКИМЪ ПАТРІЯРХОМЪ,

СОБЛЮДАЕМЫЯ ИМИ ТАКЖЕ ВЪ СВОЕМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ. *

Когда новорожденное дѣтя очень слабо и хворо, его могутъ крестить сами родители, или другія лица, если Священнику не подоспѣть такъ скоро для его крещенія.

Никто не долженъ ѣсть животныхъ и птицъ, умерщвленныхъ и растерзанныхъ другими животными и птицами. Кто преступаетъ это, а также ѣстъ неквашеный хлѣбъ, да еще мясо въ постъ и пьетъ птичью кровь, тотъ подвергается наказанію, положенному въ Церковномъ Уставѣ.

Русскіе могутъ ѣсть вмѣстѣ съ другими иновѣрцами, находясь въ такомъ мѣстѣ, котораго перемѣнить на другое нельзя. Только ни подъ какимъ видомъ не должны ходить въ церкви къ нимъ и слушать ихъ обѣдню и проповѣдь, если не хотятъ подвергнуться наказанію.

Русскіе говорятъ, что Католики и всѣ другіе Христіяне въ свѣтѣ крещены не такъ, какъ слѣдуетъ, по тому что не всѣмъ тѣломъ погружаются въ воду, а только окропляются нѣсколько-

---

* Не Патріярхомъ, но «Митрополитомъ Іоанномъ по прозванію Пророкомъ Христа.» См. его «Правило церковное отъ святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову Черноризцу,» въ «Русскихъ Достопамятностяхъ,» ч. I (Москва, 1815), стр. 86—103. Какъ ни сходна эта статья и слѣдующая за ней («Нѣсколько вопросовъ» и пр.) по изложенію съ такими же статьями у Герберштейна (ed. MDC, p. 24 — 27), не онѣ не простой переводъ послѣднихъ. *О. Б.*

ми каплями. По тому-то, когда они захотятъ обратиться, принести искреннее раскаяніе и принять Православную Христіянскую Вѣру, ихъ сперва надобно окрестить, на примѣръ, Татаръ и другихъ язычниковъ, а до того не дозволяется пріобщать ихъ.

Никто не долженъ строить дома на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла церковь. Если же избѣжать того нельзя и домъ долженъ быть выстроенъ тамъ непремѣнно, то все же не на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ алтарь, если не хотятъ подвергнуться наказанію и лишиться дома.

Не слѣдуетъ сожигать ни какихъ ветхихъ и попорченныхъ образовъ: ихъ надобно съ большимъ благоговѣніемъ зарывать въ землю на кладбищѣ, или въ саду, чтобы не попалъ на нихъ снѣгъ, или дождикъ и не вырыли бы ихъ собаки, или свиньи.

Когда женатый захочетъ ити въ монастырь, быть монахомъ, служить Богу и оставитъ для слова Божія свою жену, ей дозволяется выйти за другого мужа, который можетъ быть посвященъ и въ Священники, въ случаѣ его желанія на то.

Зимою Священники должны носить подъ шапками такіе мѣха, которые сняты со звѣрей, идущихъ въ пищу.

Ни одинъ Священникъ, или монахъ, не долженъ ходить въ гости: они обязаны вести трезвую жизнь и усердно исправлять свою службу.

Зимою всѣ Священники должны носить штаны, подбитые мѣхомъ звѣрей, которыхъ ѣдятъ они мясо.

Всякой человѣкъ, утаившій чужую собственность, не допускается къ Святому Причастію, пока не возвратитъ присвоеннаго.

Если женщина желаетъ крестить младенца, то какъ младенецъ не можетъ еще поститься, за него должна держать постъ сама мать.

Если Священникъ обвѣнчаетъ такую чету, о которой ему было извѣстно, что она уже три раза вѣнчалась прежде, такой лишается Священническаго сана.

Кто броситъ свою жену и возьметъ другую, или жена броситъ мужа и возьметъ другого, такихъ должно лишать Св. Причастія и не допускать къ нему, пока они не сойдутся вмѣстѣ, или не уйдутъ въ монастырь. Ни одному Москвитянину не дозволяется служить, или продавать себя, иновѣрцу.

Кто ѣстъ и пьетъ съ иновѣрцемъ, долженъ очищать себя постомъ и молитвой.

Всѣ Священническія жены, взятыя въ плѣнъ на войнѣ Татарами, или другими язычниками, и выкупившіяся изъ плѣна, должны опять поступить къ ихъ мужьямъ, не смотря на то, что жили съ непріятелемъ, потому что сдѣлали это не по склонности и не по доброй волѣ.

Купцы, бывшіе въ чужихъ краяхъ и торговавшіе съ язычниками, или еретиками, не должны пріобщаться, но, по возвращеніи домой, обязаны поститься, прочитать нѣкоторыя молитвы и потомъ уже приступить къ Причастію.

Всѣмъ женщинамъ запрещается ходить въ гости по монастырямъ и пировать.

Всѣ, желающіе вступить въ бракъ, должны вѣнчаться въ церкви, а не дома.

НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ,

ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ОДНИМЪ ЗНАТНЫМЪ МОНАХОМЪ

НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ.

Вопросъ. Что заслуживаетъ и какому наказанію подвергается тотъ, кто, принявъ Святое Причастіе, не могъ удержать его въ себѣ, но, неумѣренно наѣвшись и напившись, извергнетъ его вонъ?

Отвѣтъ. Онъ долженъ принести раскаяніе и 40 дней поститься, если это случилось отъ неумѣренной ѣды, или питья; если же по слабости, или какой ни будь другой нечаянности, ему должно поститься 20 дней; а если это произошло отъ причины еще маловажнѣе, постъ, назначаемый ему Священникомъ, сокращается. Если случится это съ самимъ Священникомъ, онъ лишается сана на 40 дней и столько же времени долженъ поститься. Если это послѣдуетъ съ нимъ по ничтожной причинѣ, онъ долженъ 8 дней бичевать свое тѣло и воздерживаться отъ мяса, пива, водки, меда, яицъ, масла и сыру. Если это будетъ съ нимъ спустя 3, или 4, дня послѣ Пріобщенія, онъ подвергается епитимьѣ, какую наложитъ на него Епископъ. Если же Священникъ промолчитъ о такомъ случаѣ съ нимъ, и это, противъ его желанія послѣ откроется, онъ долженъ подвергнуться 40 дневному бичеванью. Если это произойдетъ отъ слабости и болѣзни, ему должно поститься и выдержать трехдневную епитимью, а выплюнутое сжечь и пропѣть надъ нимъ нѣсколько псалмовъ и responsoria. Если сожретъ это свинья, или собака, онъ долженъ выдержать 100 дневный постъ.

Вопросъ. Что тогда дѣлать, когда потиръ нельзя считать чистымъ, по тому что попало въ него песку, земли, паутины, либо упала моль, жукъ, или другое насѣкомое?

Отвѣтъ. Надъ нимъ надобно прочитать нѣсколько молитвъ, и онъ опять сдѣлается чистымъ.

Вопросъ. Что должно дѣлать о душѣ усопшаго?

Отвѣтъ. Надобно дать 50 грошей за 5-ть обѣденъ, которыя будутъ за нее отслужены, также ладону, хлѣба и вареной кутьи, т. е., кушанья изъ меду, молока и пшеничной муки, которое подается въ церкви Священникамъ.

Вопросъ. Что должно дѣлать съ тѣмъ, кто 8-мь дней не кормитъ больнаго монаха, носящаго одежду Серафима?

Отвѣтъ. Это хорошее и справедливое дѣло, что ему не даютъ ни пить, ни ѣсть, по тому что онъ въ обществѣ Святыхъ Ангеловъ и принялъ ихъ образъ и чинъ.

Вопросъ. Что должно дѣлать съ язычникомъ, или еретикомъ, который желаетъ бросить свою ложную Вѣру, креститься и принять истинную?

Отвѣтъ. Его надобно отвести въ монастырь и учить, какъ должно креститься, почитать Святыхъ, дать ему другое крещеное имя, творить за него нѣкоторыя молитвы днемъ и ночью, сводить его въ баню и чисто вымыть, велѣть ему воздерживаться 6-ть недѣль отъ мяса, яицъ, масла, сыру и молока, ходить въ церковь, читать надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, погрузить его въ Іордани и крестить во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа. Аминь. Послѣ того повѣсить ему крестъ на шею, одѣть въ новое платье, положить ему на голову вѣнокъ, помазать его мνромъ и дать ему въ руки восковую свѣчку. По окончаніи же обѣдни пріобщить его, а по тому и считать новорожденнымъ Христіаниномъ во все продолженіе всей его жизни.

Вопросъ. Можетъ ли кто въ Воскресенье охотиться, удить рыбу, стрѣлять птицъ и другихъ животныхъ, бить воловъ и ягнятъ и рѣзать курицъ?

58

Отвѣтъ. Въ Воскресенье и въ другіе большіе праздники надобно сперва сходить въ церковь, слушать обѣдню, молиться, а послѣ, въ случаѣ надобности, позволяется дѣлать и тѣ дѣла.

Вопросъ. Можно ли въ Вербную Недѣлю освящать Причастіе и пріобщать?

Отвѣтъ. Можно, если только причастникъ отговѣлъ свое время, также и въ случаѣ его болѣзни; впрочемъ, вино надобно мѣшать съ водою.

Вопросъ. Можно ли пріобщать бѣсноватаго, или безумнаго?

Отвѣтъ. Нѣтъ, этого разрѣшить нельзя: онъ долженъ только прикоснуться устами къ Св. Причастію.

Вопросъ. Что надо ѣсть въ день Воздвиженія Креста?

Отвѣтъ. Духовныя лица не должны ѣсть мяса. Всѣ прочіе, высшаго и низшаго званія, могутъ ѣсть мясо, рыбу и все, что угодно, если этотъ праздникъ не придется ни въ Среду, ни въ Пятницу, съ тѣмъ, однако жь, условіемъ, чтобы сперва приложились къ Честному Кресту.

Вопросъ. Можетъ ли ходить утромъ въ церковь Священникъ, имѣвшій ночью сообщеніе съ женою?

Отвѣтъ. Можетъ, если Священникъ обмоетъ у себя подъ пупкомъ и выше пупка и прочтетъ Св. Евангеліе, только не долженъ входить въ алтарь и служить обѣдню.

Вопросъ. Если Священникъ служилъ въ Воскресенье обѣдню, то можетъ ли въ слѣдующую ночь имѣть сообщеніе съ женою?

Отвѣтъ. Можетъ, если только онъ самъ имѣетъ на это желаніе.

Вопросъ. Прилично ли и похвально ли допускать къ Св. Причастію неженатыхъ?

Отвѣтъ. Это можно, если только они бичевали себя, не сообщались ни съ одной женщиной и не сдѣлали какой либо другой скверности.

Вопросъ. Какую пищу надо употреблять въ большіе посты?

Отвѣтъ. По Субботамъ и Воскресеньямъ можно ѣсть рыбу, въ другіе дни икру или intestina piscium, а монахи должны ѣсть хлѣбъ съ солью, пить воду и квасъ.

Вопросъ. Какъ должно поступать съ женщиной, родившей младенца?

Отвѣтъ. 40 дней и 40 ночей она не должна ходить въ церковь. Въ случаѣ болѣзни послѣ родовъ, надобно пріобщить ее; во всякомъ другомъ случаѣ этого не должно быть: сначала она должна чисто вымыться, а послѣ того прочитать надъ ней нѣкоторыя благочестивыя молитвы.

Вопросъ. Похвально ли входить въ ту комнату, въ которой только что родила женщина?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Въ ту комнату, гдѣ она разрѣшилась, три дня не должно входить никому: комнату надобно чисто вымыть и прочитать надъ ней нѣкоторыя благочестивыя молитвы.

Вопросъ. Къ Востоку, или къ Западу, къ Сѣверу, или къ Югу отъ церкви надобно хоронить покойника?

Отвѣтъ. Къ Сѣверу, или къ Западу отъ церкви не должно хоронить ни какого покойника. Лучшая слава для покойника обратиться къ Востоку, или видѣть солнушко, пока еще не зарыли его въ землю, по тому что съ Востока восходитъ солнце правды и настаетъ спасеніе людямъ, а не съ Сѣвера.

Вопросъ. Можетъ ли женатый человѣкъ пріобщаться о Пасхѣ?

Отвѣтъ. Да, если онъ весь постъ не имѣлъ сообщенія съ женою и съ другими женщинами.

Вопросъ. Можно ли пріобщать того, кто только зубами коснулся яйца, или у кого шла кровь изъ десны?

Отвѣтъ. Въ тотъ же самый день онъ не можетъ пріобщаться, а только въ слѣдующій.

Вопросъ. Причастникъ можетъ ли въ слѣдующую за тѣмъ ночь спать вмѣстѣ съ женою?

Отвѣтъ. Въ слѣдующую за тѣмъ непохвально, а спустя нѣсколько дней: если захочется того Дворянину, онъ долженъ дать Священнику три гривны (Marck) денегъ, чтобы этотъ за него помолился.

Вопросъ. Можно ли ѣсть молоко отъ коровы въ тотъ самый день, когда она отелится?

Отвѣтъ. Нѣтъ, этого дѣлать нельзя, по тому что молоко у ней смѣшано съ кровью, а спустя два, или три, дня можно ѣсть его безъ грѣха.

Вопросъ. Можетъ ли Священникъ спать съ женою постомъ, цѣловать ее, нѣжничать съ нею, по тому только, что женился на ней по собственному желанію?

Отвѣтъ. Нѣтъ, на весь годъ его надобно лишить сана. Если это случится съ такимъ, который не посвященъ еще въ Священники, онъ никогда не долженъ носить этотъ санъ. Если сдѣлаетъ это простой мірянинъ, весь годъ ему не дожно давать Причастія.

Вопросъ. Можно ли посвящать въ Священники того, кто до этого еще времени имѣлъ общеніе съ женщиной и она отъ него затяжелѣла?

Отвѣтъ. Отъ однократнаго общенія рѣдко можетъ понести женщина; если же онъ нѣсколько разъ въ разное время имѣлъ общеніе съ нею, его никогда не должно посвящать въ Священники, а также и того, который опозоритъ дѣвицу, или, проведя съ нею первую ночь, не замѣтитъ ея невинности.

Вопросъ. Можетъ ли пріобщаться Священникъ, оставившій свой санъ добровольно?

Отвѣтъ. Нѣтъ, ему никогда во всю жизнь не должно давать Причастія, развѣ только при кончинѣ, на смертномъ одрѣ.

Вопросъ. Можетъ ли Священникъ служить обѣдню въ тотъ день, когда хоронилъ покойника?

Отвѣтъ. Нѣтъ, онъ не долженъ ни подъ какимъ видомъ дѣлать того, если не хочетъ на 14 дней лишиться сана.

Вопросъ. Можетъ ли принимать Святые Дары родильница, по своей слабости и хворости?

Отвѣтъ. Да, это ей разрѣшается, съ тѣмъ, однако жь, условіемъ, чтобы она пріобщалась не на томъ мѣстѣ, гдѣ родила, а на другомъ, обмылась бы и прочитала нѣсколько благочестивыхъ молитвъ.

Вопросъ. Можно ли спать съ женою, имѣя честный крестъ на шеѣ?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Никто не долженъ дѣлать того, даже и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ виситъ образъ, если онъ не спрятанъ и не закрытъ тщательно. Всѣ Священники послѣ ужина и обѣда должны ходить въ церковь и молиться, прежде нежели лягутъ спать. Имъ позволяется также пріобщать больнаго въ ихъ Священническомъ облаченіи.

Вопросъ. Какъ долженъ держать себя желающій жениться?

Отвѣтъ. Вступающій въ брачное состояніе долженъ 40 дней или, по крайней мѣрѣ, 8 дней до того воздерживаться отъ сообшенія съ другими женщинами.

Вопросъ. Какъ поступать съ тѣми женщинами, которыя убьютъ, или задушатъ, своихъ дѣтей?

Отвѣтъ. Всѣ женщины, удушившія своихъ дѣтей безъ намѣренія, или родившія мертвыхъ, должны выдержать церковную епитимью, какую наложитъ на нихъ Священникъ. Точно также, если жена дастъ мужу чего ни будь съѣсть, или выпить, она должна 6 недѣль поститься и просить у мужа прощенія.

Вопросъ. Если женщина употребитъ какія ни будь непристойныя средства, чтобы сдѣлаться беременною?

Отвѣтъ. Женщины, дѣлающія это зѣльемъ, кореньями, или другими непохвальными средствами, или спрашивающія совѣта у старухъ ворожеекъ, должны 6-ть недѣль поститься и д ть три

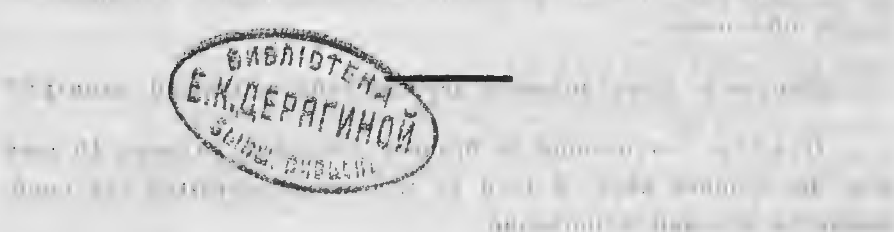
гроша Священнику, чтобы онъ помолился за нихъ съ особеннымъ усердіемъ объ ихъ плодородіи отъ сѣмени ихъ мужей, а не отъ другого средства.

Вопросъ. Какъ поступать съ тѣми, которые въ пьяномъ видѣ сообщаются съ женщиной, отъ чего плодъ погибаетъ въ тѣлѣ?

Отвѣтъ. Такой долженъ поститься и воздерживаться отъ мясной и молочной пищи восемь дней, не ходить въ церковь и не видать ея, пока Священникъ не прочтетъ за него нѣкоторыхъ благочестивыхъ молитвъ и не попроситъ Бога о помилованіи его.

Вопросъ. Можно ли ѣсть мясо такого животнаго, съ которымъ человѣкъ имѣлъ сообщеніе

Отвѣтъ. Имѣвшій сообщеніе не можетъ, а другіе могутъ.



УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И МѢСТНЫХЪ НАЗВАНІЙ ВЪ ОПИСАНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА РУССКАГО.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

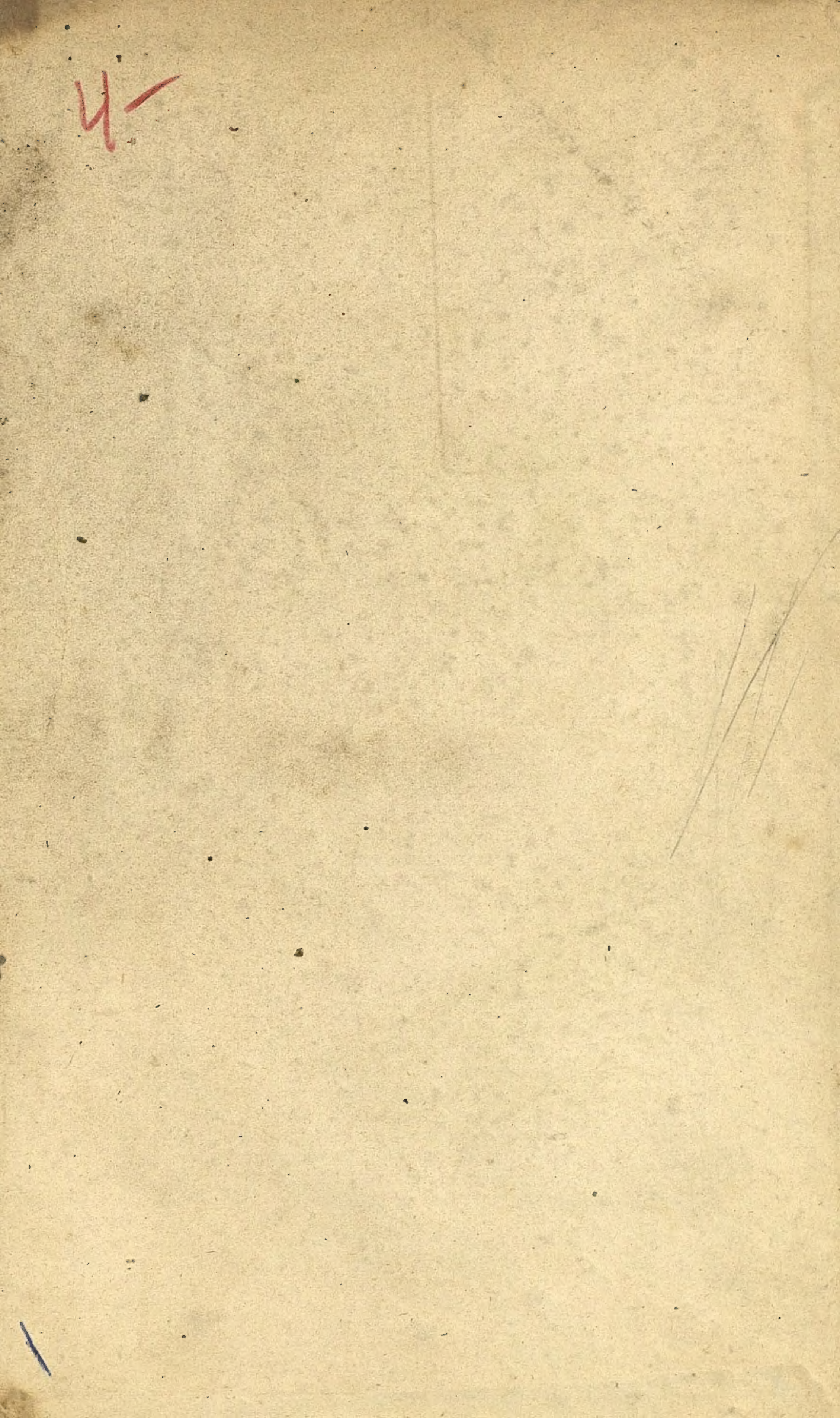
Ѳ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				Должно читать:
Стран.		Стрк.		
98	сверху	23	выгонитъ	выгонитъ его
103	—	4	когда было	бывало, когда
140	—	18	отъ слезъ и рыданій.	уняться отъ слезъ.
149	—	5	точно также:	точно такъ же и
151	—	11	вездѣ	всегда
—	—	34	захотѣлъ	захотѣлось
154	—	31	удвоимъ	усвоимъ
161	—	20	поворачивалъ	поводилъ
163	—	19	страны.	стороны.
—	—	32	такъ же	тѣхъ же
164	—	16	всѣ	все
189	—	36	юнаго законнаго	законнаго
190	—	18	прочиталъ ихъ тотъ	Прочитавши ихъ, Димитрій
205	—	20	кончаютъ и	кончаютъ ее и
207	—	24	выступулъ	выступилъ
212	—	16	прибѣжавши	а прибѣжавши,
223	—	5	въ голосъ	въ одинъ голосъ
225	—	25	заперли двери, въ которой	заперли въ ней двери, стали
227	—	14	говоря	говорили
228	—	6	За жизни	При жизни
232	—	36	не спрятано ли	не спрятали ли
238	—	29	чтобы	что бы
247	—	16	никогда	ни кого
273	—	20	что Великій Князь	Великій Князь
275	—	31	что разнеслось	что и разнеслось
281	—	11	Государствомъ	Государемъ
302	—	20	когда Поляки	такъ же, какъ Поляки
352	—	15	чтобы ни чего	чтобы чего
409	—	20	то родители	Тогда родители

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страница.


4-